

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
ВЫПУСК 4

МОНОПОЛИИ
И ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ
В
РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1 9 6 2

РЕДАКЦИЯ:

М. П. Вяткин (отв. редактор),
Р. Ш. Ганелин, А. А. Фурсенко

МОНОПОЛИИ И ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ
В РОССИИ

Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института истории
Академии наук СССР

Редактор Издательства *К. И. Кочергин*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *Р. А. Замараева*
Корректоры *Л. Б. Данилова, Н. И. Кизим*
и *Ф. Я. Петрова*

Сдано в набор 3/IV 1962 г. Подписано к печати 27/VI 1962 г. РИСО АН СССР № 21-80В.
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бум. л. 13³/₈. Печ. л. 27¹/₄=27¹/₄. усл. печ. л. Уч.-изд. л.
29,63. Изд. № 1593. Тип. зак. № 638. М-42154. Тираж 1800.

Цена 1 р. 98 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОТ РЕДАКЦИИ

Принятая XXII съездом КПСС Программа партии с исчерпывающей полнотой формулирует главные черты кризиса современного капиталистического общества, основываясь на ленинской теории империализма. Выработанная в начале империалистической эпохи, ленинская теория империализма блестяще подтверждена всем ходом исторического развития в течение минувших десятилетий.

Она служит методологической базой для научного исследования всех социально-экономических явлений периода империализма. Специальные исследования советских авторов в области истории империализма в России, основанные на строго секретном в дореволюционное время документальном материале монополий, показывают непреходящую ценность этой ленинской теории, способствуют отстаиванию ее от превратных толкований со стороны ревизионистов и догматиков разного толка.

Исследования в области экономической истории России этого периода важны для нас тем, что они вскрывают объективные предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции.

Настоящий четвертый выпуск «Трудов ЛОИИ» включает в себя статьи по экономической истории России в период империализма. Продолжая исследование той проблемы, которой был посвящен первый выпуск «Трудов ЛОИИ», авторы статей, вошедших в настоящий сборник, посвящают их появлению и развитию капиталистических монополий в разных отраслях промышленности, новой роли банков, образованию и росту финансового капитала, финансово-экономической, в частности бюджетной, политике царизма, а также вопросу о зависимости России от иностранного капитала и ее внешних экономических связях в период империализма.

Статьи сборника, посвященные монополиям в промышленности и финансовому капиталу, относятся преимущественно к рождению и первым этапам развития монополистических объединений в России с участием русского и иностранного капитала.

Редакция сборника благодарит за ценные советы и указания У. А. Шустера.

В подготовке сборника к печати принимала участие Л. И. Деревнина.

СТАТЬИ

А. А. ФУРСЕНКО

ПЕРВЫЙ НЕФТЯНОЙ ЭКСПОРТНЫЙ СИНДИКАТ В РОССИИ (1893—1897 гг.)

История возникновения и деятельности «Союза бакинских керосинозаводчиков» — первого нефтяного синдиката в России интересна для понимания условий, в которых российский капитализм совершал переход в монополистическую стадию своего развития. В конце XIX в., подобно передовым странам Запада, и в царской России, задавленной пережитками крепостничества и гнетом средневековой монархии, появились черты новейшего капитализма, одним из признаков которых было создание монополистических объединений — синдикатов. Особенность исторического развития России в этот период была отмечена В. И. Лениным, указывавшим, что в России новейше-капиталистический империализм оплетен густой сетью докапиталистических отношений.¹ Это тормозило развитие капитализма, накладывая сильный отпечаток на характер и формы этого развития.

В соответствии с традициями царской бюрократии в России была введена целая система надзора за учредительской деятельностью, дававшая правительству возможность контролировать и до некоторой степени направлять эту деятельность. Однако в среде царской администрации начинали все более и более понимать неизбежность для России капиталистического развития. Наиболее видным выразителем этих настроений являлся С. Ю. Витте, занявший в августе 1892 г. пост министра финансов. С его именем связано проведение целой программы буржуазных преобразований, которые Витте поставил на службу самодержавному строю.

Противники капиталистического развития опирались на царское законодательство по надзору за предпринимательской деятельностью. Но одновременно Витте широко использовал правительственный надзор в интересах проводимой им программы.

Вскоре после прихода в Министерство финансов Витте вплотную занялся делами нефтяной промышленности, которая явля-

¹ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Сочинения, т. 22, 4-е изд., стр. 246.

лась одним из важнейших источников казенного дохода, и создание «Союза бакинских керосинозаводчиков» было непосредственно связано с его вмешательством в этот вопрос.

Монополистические союзы — синдикаты и тресты, уже активно выступившие на арену капиталистического предпринимательства в Западной Европе и Америке, стали предметом оживленных споров в русских общественных кругах и прессе и привлекли к себе внимание правительственных инстанций. В начале 1893 г., командуя на Всемирную выставку в Чикаго своих представителей, Министерство финансов предписало им внимательно изучить положение дел в Америке. По инициативе Витте одним из таких лиц был выбран его единомышленник известный экономист, профессор Московского университета И. И. Янжул.² В программе поездки Янжула, утвержденной Витте, указывалось: «К первой категории принадлежит вопрос о синдикатах, или союзах, или стачках предпринимателей, который давно уже созрел в Америке, а в последнее время — сахарная нормировка и недавний союз нефтяных заводчиков — обратил на них и в России должное внимание правительства». Из инструкции следовало, что Витте исходил из мысли о возможности заимствования американского опыта и интересовался подробностями законодательного оформления монополистических союзов в США.³ Естественно при этом, что объектом первостепенного внимания должен был стать американский нефтяной трест «Стандард ойл» («Standard oil Co») — одна из первых крупных монополий США, главный конку-

² К сожалению, круг источников, которыми мы располагаем по этому важному для оценки политики царского правительства вопросу, крайне ограничен и по существу исчерпывается сведениями, содержащимися в «Воспоминаниях» Янжула, а также в представленном в результате поездки Янжула в США исследовании, опубликованном в 1894 г. Департаментом торговли и мануфактур Министерства финансов (Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг., вып. II. СПб., 1911, стр. 120—129; И. И. Янжул. Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущественно в Соединенных Штатах Северной Америки. СПб., 1895; судя по штампу поступления книги в Библиотеку императорской Академии наук, она вышла из печати уже в декабре 1894 г.). О неудовлетворительной сохранности документов говорится в «Воспоминаниях» Янжула, который писал, что по возвращении из США не смог получить посланных оттуда трех докладов, так как они оказались утерянными в Департаменте торговли и мануфактур (Воспоминания И. И. Янжула, стр. 139—140).

³ И. И. Янжул. Промысловые синдикаты, стр. III—IV. — В личном архиве Янжула этот документ не сохранился. Имеющееся в нем дело по переписке с Витте содержит лишь письмо Витте Янжулу от 21 октября 1892 г. с приглашением приехать в Петербург для переговоров «по одному вопросу», в результате чего и последовало приглашение Янжулу поехать в США (Воспоминания И. И. Янжула, вып. II, стр. 121; Архив АН СССР, ф. 45, оп. 2, д. 189, л. 7).

рент русских нефтепромышленников, занимавший доминирующее положение на мировом рынке.⁴

Кризис 1892 г. и последующая депрессия явились важнейшей предпосылкой возникновения первых монополистических объединений в Баку, упоминание о которых содержалось в программе поездки Янжула в США. В начале декабря 1892 г. был создан «Союз семи крупных фирм» во главе с товариществом «Бр. Нобель», включивший в свой состав действовавшие прежде независимо от Нобеля четыре фирмы созданного в 1891 г. «Бакинского стандарта», возглавляемого одним из крупнейших бакинских нефтепромышленников А. И. Манташевым. Еще раньше значительная группа мелких и средних керосинозаводчиков объединилась вокруг Каспийско-Черноморского общества Ротшильда.⁵ Возникшие таким образом объединения заключили между собой соглашение и приступили к переговорам с американской «Стандард ойл».

Эти переговоры были начаты по инициативе последней, представители которой еще в конце 80-х годов, перед лицом быстрого развития экспорта русского керосина в Европе, впервые предложили заключить соглашение о разделе мирового рынка. Как следует из письма Ротшильда, его фирма тогда же запрашивала царское правительство по поводу возможного соглашения со «Стандард ойл» и обнаружила, что «мнение это не оказалось принципиально неблагоприятным».⁶ Переговоры, однако, тогда не увенчались успехом, и в 1891 г. «Стандард ойл» возобновила свои предложения, а весной 1892 г. с целью ускорить соглашение по-

⁴ И действительно, в книге Янжула «Промысловые синдикаты» вопрос об организации «Стандард ойл» получил обстоятельное освещение. Помимо того, в ней публиковалось обширное документальное приложение — «Соглашение об учреждении „Главного синдиката керосинозаводчиков Standard oil Co“, правила организации и другие документы». Наряду с Янжулом в США на Чикагскую выставку был командирован чиновник особых поручений Министерства финансов и его ведущий эксперт по нефтяным вопросам С. И. Гулишамбаров, которому было дано задание только применительно к нефтяной промышленности. В соответствии с этим представленный Гулишамбаровым отчет, также опубликованный Департаментом торговли и мануфактур (Нефтяная промышленность Соединенных Штатов Северной Америки в связи с общим промышленным развитием страны. СПб., 1894), сводился к описанию дел в американской нефтяной промышленности и обстоятельному разбору опыта деятельности «Стандард ойл».

⁵ По данным Совета съезда бакинских нефтепромышленников экспорт керосина в 1893 г. распределялся следующим образом: Каспийско-Черноморское общество и союзные с ними фирмы — 35,7%, Нобель — 25,5%, Манташев с «Бакинским стандартом» — 12,9%; остальные 25,9% приходилось на 19 средних и мелких фирм (Вестник финансов промышленности и торговли, 20 марта/1 апреля 1894 г.).

⁶ А. Ротшильд — Министерству финансов 24 апреля/6 мая 1891 г.: МКНПР, стр. 147—148.

слала в Париж одного из руководителей треста — Джона Арчболда с готовым проектом договора.⁷

Настойчивость, с которой представители американского треста добивались соглашения с русскими нефтепромышленниками объяснялась целым рядом факторов. Производство нефти в Баку неуклонно возрастало, в то время как в Америке появились признаки истощения нефтеносных площадей и возникла угроза падения добычи нефти. С каждым годом разрыв в производстве нефтепродуктов между США и Россией сокращался, и русский керосин, занимая все новые рубежи на мировом рынке, вслед за Европой вступил на Дальний Восток. В 1891 г. Ротшильд заключил соглашение с английской паровой компанией «Самуэль, Самуэль энд компани» («Samuel, Samuel and Co»), обладавшей крупным флотом нефтеналивных судов, согласно которому компания взяла на себя перевозку керосина Ротшильда и его «союзников» на Дальний Восток. Вследствие этого объем торговли русским керосином в этом районе заметно возрос, а положение американской компании ухудшилось. Еще более благоприятная перспектива открывалась для русской стороны в связи с начатым в 1891 г. строительством железнодорожной магистрали через Сибирь, которая должна была соединить европейскую часть страны с побережьем Тихого океана и, таким образом, окончательно решить проблему транспортировки нефти на Дальний Восток, и в первую очередь в Китай, которому придавалось исключительное значение в силу его неисчерпаемых возможностей как рынка сбыта.

Форсируя переговоры с экспортерами русской нефти, руководители американского треста рассчитывали, видимо, что чем раньше им удастся договориться, тем лучшие условия они смогут закрепить за собой в этих переговорах. Но в США понимали, что соглашение имело бы смысл только при соответствующих гарантиях. Рокфеллер считал необходимым, чтобы, во-первых, была создана единая организация всех экспортеров русской нефти и, во-вторых, учитывая условия царской России, — чтобы после подписания соглашения оно получило санкцию Министерства финансов. Эти соображения были изложены русской стороне и послужили непосредственным поводом для переговоров о создании экспортного синдиката в России.

⁷ Выдержка из этого проекта, приведенная в двухтомной биографии Д. Д. Рокфеллера, принадлежащей перу американского историка А. Невинса, содержит, однако, в соответствии с распространенным в США приемом публикации материалов и фактических данных по истории монополий, существенные пропуски: опущены условия о границах проектируемых «сфер влияния» и квотах на экспорт керосина (Арчболд — Рокфеллеру 13 июля (н. ст.) 1892 г.: A. Nevins. John D. Rockefeller, vol. II. New. York—London, 1953, стр. 123).

По сведениям осведомленного в нефтяных делах корреспондента тифлисской газеты «Новое обозрение» Н. Николадзе, в марте 1893 г. в Париж по приглашению Ротшильда выехал один из руководителей операций «Стандард ойл» за границей У. Либби, с которым представители фирм Нобеля и Ротшильда заключили предварительное соглашение о квотах торговли керосином на мировом рынке ($\frac{2}{3}$ — США, $\frac{1}{3}$ — России). Окончательный текст договора должен был быть подписан через несколько месяцев в США, куда руководители американского треста пригласили прибыть представителей русской нефтяной промышленности. Как сообщает Н. Николадзе, русские представители уже готовились вместе со своими семьями к путешествию за океан, но в тот самый день, когда они должны были приобретать билеты на трансатлантический пароход, группа «Бакинского стандарта» заявила о своем выходе из «Союза семи крупных фирм», тем самым подорвав всякую возможность соглашения со «Стандард ойл».⁸

Таким образом, созданные объединения оказались непрочными и начали разваливаться, еще не приступив к действиям. Кроме того, по сведениям Л. Л. Першке — видного чиновника Министерства финансов, заведовавшего в те годы акцизными сборами Закавказского края и Закаспийской области, правительство было недовольно тем, что в сферу соглашения Нобеля и Ротшильда был включен внутренний рынок, и со своей стороны отказалось санкционировать такого рода соглашение.⁹

После неудачи указанных объединений Министерство финансов решило вмешаться в дело создания синдиката керосинозаводчиков, используя в качестве повода для этого обращения к нему Совета съездов бакинских нефтепромышленников и Бакинского биржевого комитета.¹⁰ В конце августа 1893 г. С. Ю. Витте разослал представителям заинтересованных министерств приглашение принять участие в специально созываемом Министерством финансов совместном с нефтепромышленниками Особом совещании, чтобы обсудить принципы организации проектируемого синдиката в целях «более успешного противодействия Стандард ойл на иностранных рынках».¹¹ Руководство Особым совещанием

⁸ Новое обозрение, 1893, 14 сентября.

⁹ Л. Л. Першке — С. В. Маркову 25 февраля 1893 г.: Материалы по истории СССР, т. VI, М. 1959, стр. 71; С. и Л. Першке. Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных. Тифлис, 1913, стр. 51.

¹⁰ П. О. Гукасов — С. Ю. Витте 25 мая 1893 г., Бакинский биржевой комитет — Витте 4 июня 1893 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 2, д. 1128, лл. 53—57.

¹¹ Витте — Д. С. Сипягину 31 августа 1893 г.: Материалы по истории СССР, т. VI, стр. 72.

Витте возлагал на директора Департамента торговли и мануфактур В. И. Ковалевского, привлеченного им на этот пост вскоре после своего назначения министром финансов и ставшего на долгие годы его правой рукой во всем, что касалось вопросов торговли и промышленности.¹²

Вскоре после того как стало известно о созыве Особого совещания и решении правительства вмешаться в вопрос о создании нефтяного синдиката, в Баку был выработан проект устава «Союза русских керосинозаводчиков».¹³ Его составителем являлся Шон — поверенный нефтепромышленной фирмы Г. З. А. Тагиева, входившей в состав «Бакинского стандарта». Согласно этому проекту, «Союз» должен был представлять собою акционерное общество с капиталом в 2 млн руб., акции которого распределялись в соответствии с производительностью керосиновых заводов, участников «Союза». В интересах противодействия возможным попыткам захватить контроль над «Союзом» путем спекулятивных операций, проект предусматривал, что акции не могут отчуждаться без продажи завода. Решение всех основных вопросов деятельности «Союза» возлагалось на общее собрание акционеров. Представленный Шоном проект тем самым создавал известные препятствия монополистическим притязаниям крупнейших нефтепромышленных фирм Нобеля и Ротшильда.

9 сентября 1893 г. в Баку было создано совещание керосинозаводчиков, вниманию которого и был предложен проект устава, который затем предстояло послать на рассмотрение Особого совещания в Петербурге. Возражений не последовало, и проект устава был направлен П. О. Гукасовым в сопровождении составленной им объяснительной записки Министерству финансов.¹⁴ В записке указывалось, что идея объединения «уже давно созрела» «в среде наиболее крупных представителей нефтяной промышленности». Вместе с тем Гукасов отмечал, что проект акционерного общества будет «гарантировать» керосинозаводчиков «от злоупотреблений со стороны его более богатых и сильных конкурентов». Создание «Союза» Гукасов считал назревшей необходимостью, ибо, как писал он, «такое объединение ослабит конкуренцию между бакинскими производителями и откроет возможность прийти к какому-нибудь соглашению и полюбовному размежеванию рынков между промышленностями русской и американской». Исходя из опыта предшествующих переговоров со «Стандард ойл», окончившихся неудачей «вследствие распада» «Союза семи фирм», Гукасов подчеркивал необходимость максимально полного объединения,

¹² См.: С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I. М., 1960, стр. 244.

¹³ Каспий, 1893, 2, 3, 4, 5, 7, 8 сентября.

¹⁴ Материалы по истории СССР, т. VI, стр. 73—81.

а также важность правительственного одобрения и поддержки вновь создаваемой организации. «Цель задуманного объединения может считаться достигнутой только в том случае, — указывал он, — если „Союз“, т. е. данное акционерное общество, будет торговым представителем на заграничных рынках всех бакинских керосинозаводчиков или по крайней мере 80% их». В качестве средства достижения этой цели Гукасов предлагал правительству гарантировать участникам «Союза» льготные перевозки предназначенного для экспорта керосина по железной дороге Баку—Батум. Это был прием, при помощи которого «Стандард ойл» завоевала себе монополию в США, заключив соглашение о скидке на провозные тарифы с соответствующими железнодорожными компаниями. В условиях царской России и, в частности, при казенной собственности на Закавказскую ж. д., о которой шла речь, вопрос о правительственных льготах на транспортировку керосина приобретал особое значение.

30 сентября 1893 г. бакинская газета «Каспий» выразила недоумение по поводу того, что, хотя проект устава «Союза русских керосинозаводчиков» опубликован давно, никаких отзыхов на него не поступало. Это замечание можно было бы оставить без внимания, если бы в ходе дальнейших событий не оказалось, что бакинский устав имеет серьезных противников и что эти противники составили своего рода заговор против выработанного в Баку устава.

В делах Горного департамента, наряду с текстом устава и приложенной к нему объяснительной записки П. О. Гукасова, хранится документ, озаглавленный «Проект организации „Союза“ для торговли керосином, предназначенным к вывозу на иностранные рынки».¹⁵ Хотя в преамбуле, излагавшей цели создания «Союза», этот проект по существу повторял основные положения бакинского устава, в части, касающейся организационных принципов, это было не так. В отличие от бакинского устава, «Проект» не имел в виду создавать акционерное предприятие, а лишь оговаривал в случае необходимости возможность «преобразования „Союза“ в акционерное общество». «Проект» планировал объединение синдикатского типа, контролирующее уровень цен и размеры поставок и определявшее участие каждого керосинозаводчика в операциях «Союза» пропорционально производительности его вызова за год. Вся полнота власти передавалась Комитету «Союза» и его торговым агентам. Причем содержавшаяся в «Проекте» оговорка, что торговыми агентами могут быть избраны только лица, «имеющие уже готовую организацию для продажи своего керосина на иностранных рынках», означала, что все упра-

¹⁵ МКНПР, стр. 157—160.

вление делами «Союза» должно перейти в руки Нобеля и Ротшильда, фирмы которых только и имели филиальные организации за границей. Уже одно это условие дает основание предположить, что именно этим двум фирмам принадлежало и авторство данного проекта. А то обстоятельство, что текст «Проекта» был отпечатан в типографии Министерства финансов в виде и формате, обычном для материалов, готовившихся к правительственным совещаниям, указывает на вероятное согласование действий авторов проекта с Министерством финансов. Видимо, по тактическим соображениям представители фирм Нобеля и Ротшильда до поры до времени не были заинтересованы в том, чтобы поднимать дискуссию по поводу бакинского устава, и недоумение «Каспия» в связи с отсутствием отзывов на устав, вероятно, имело под собой вполне определенные опасения.¹⁶

Что все это и было именно так, показало со всей очевидностью Особое совещание. За несколько дней до его открытия петербургская газета «Биржевые ведомости» выступила с большой редакционной статьей, в которой с позиций откровенной апологии крупных нефтепромышленников ставила под сомнение целесообразность существования мелких фирм. Газета с одобрением отзывалась о решении Министерства финансов взять на себя руководство по созданию экспортного объединения керосинозаводчиков, но рекомендовала министерству не ограничиваться присланным из Баку проектом устава, а выработать свою собственную линию.¹⁷ Возможно, что выступление «Биржевых ведомостей» являлось отражением уже состоявшегося демарша, заявленного противниками бакинского устава Министерству финансов, или, может быть, это была подготовка к такому заявлению, либо, наконец, что, впрочем, менее всего вероятно, это было простое совпадение. Как бы то ни было, остается фактом, что первоначально намеченный срок открытия совещания — 29 сентября — был перенесен на несколько дней, и причиной этому было нежелание крупных фирм вести переговоры на базе бакинского устава. По сообщениям газет, 29 сентября состоялось предварительное неофициальное совещание у Ковалевского, на котором Нобель

¹⁶ Во всем, что касалось нефтяных дел, «Каспий» всегда был хорошо осведомлен. Эта осведомленность объяснялась тем, что редактировал газету Н. А. Соколинский, тесно связанный с председателем Совета съездов бакинских нефтепромышленников П. О. Гукасовым, официально осуществлявшим сношения с правительством по всем вопросам подготовки совещания. В свое время Соколинский служил заведующим нефтяными промыслами Каспийского товарищества — фирмы, возглавляемой П. О. Гукасовым, но и став редактором газеты, как это можно заключить из анализа помещавшихся в ней материалов, сохранил тесный контакт с Гукасовым.

¹⁷ Биржевые ведомости, 1893, 23 сентября.

выступил с резкой критикой бакинского устава и представил собственные предложения, полностью совпадающие, как это легко установить по их изложению в газетах, с «Проектом». Показательно при этом, что, как сообщала пресса, «большая часть приехавших заводчиков сочувствует этому проекту».¹⁸ Таким образом, противники бакинского устава, видимо, сумели провести необходимую подготовку и переориентировать большинство фирм в свою пользу.

В газетных отчетах о совещании прямо указывалось, что новый проект «выработан крупными керосинозаводчиками с Нобелем и Каспийско-Черноморским обществом во главе».¹⁹ Нобель выступал единым фронтом с Ротшильдом, и при таких условиях, опираясь на поддержку фирм, входивших в сферу влияния каждого из них, были все основания рассчитывать, что и участники «Бакинского стандарта» — вдохновители проекта акционерного общества — вынуждены будут силой обстоятельств примкнуть к новому проекту. Тем более, что с самого начала стало очевидно, что проекту обеспечена поддержка правительства.

Для Министерства финансов «Проект» заключал в себе определенные преимущества. В частности, то обстоятельство, что авторы его уклонились от организации «Союза» в форме акционерного общества, представляло особую выгоду. Это означало, что из процедуры оформления синдиката Витте мог исключить рассмотрение вопроса в Комитете министров, который утверждал уставы всех акционерных обществ и со стороны которого Витте не мог рассчитывать на абсолютную поддержку из-за голосов дворянско-помещичьей оппозиции, враждебно настроенной к программе капиталистических преобразований России. Для утверждения же того, что предложили Нобель и Ротшильд, достаточно было собственной власти министра финансов.

Открывая 2 октября совещание, В. И. Ковалевский заявил, что первоначально представленный из Баку устав признан министерством «слишком сложным», «не отвечающим потребности» и что взамен него «наиболее крупными заводчиками» выработаны предложения о создании объединения «переходной договорной формы». «Сущность переходной договорной формы, — говорил Ковалевский, — состоит главным образом в следующем: продажа керосина за границей поручается исключительно тем фирмам, которые имеют там правильно организованное дело».²⁰ Отсюда видно, что Министерство финансов полностью отдавало себе отчет в монополистических притязаниях Нобеля и Ротшильда. Бо-

¹⁸ Каспий, 1893, 5 октября.

¹⁹ Новости, 1893, 5 октября.

²⁰ Там же, 3 октября.

лее того, оно всячески содействовало достижению соглашения на базе «Проекта». И если при открытии совещания Ковалевский говорил о правительственных льготах участникам «Союза» как об отдаленной перспективе только после заключения соглашения со «Стандард ойл», заявив, что пока считает обсуждение этого вопроса «преждевременным», то уже через день, поддерживая определившийся благоприятный ход обсуждения, подчеркнул в решительной форме реальность предоставления правительственных льгот. Он сообщил, что Витте, ознакомившись с результатами работы первого дня совещания, заявил, что сочувствуя образованию «Союза керосинозаводчиков», допускает возможность льгот и помощи со стороны правительства участникам «Союза».

Хотя Нобелю и Ротшильду и удалось склонить на свою сторону большинство приехавших на совещание керосинозаводчиков, им не удалось полностью преодолеть оппозицию. Об этом, несмотря на всю неполноту газетных сообщений, можно судить по отчетам о работе совещания, в которых указывалось, что прения «были весьма оживленны». Показательны в этом отношении также и факты, относящиеся к деятельности созданной совещанием комиссии для выработки окончательного текста договора. В ее состав, например, пришлось ввести представителя мелких керосинозаводчиков Унанова, который в ходе работы совещания, выступая от лица мелких фирм, резко критиковал «Проект».²¹ К тому же противоречия существовали и среди самих крупных фирм. В составе комиссии были представлены не только Нобель и Ротшильд, но также и другие крупные фирмы, участвовавшие в совещании, а именно — компании Шибаева, Гукасова и Тагиева. Только наличием серьезных разногласий между членами комиссии можно объяснить тот факт, что вместо предполагаемых 4—5 дней, в течение которых, как это было объявлено в печати, должен был быть выработан текст договора, процедура его подготовки затянулась на две недели. И это, несмотря на то, что во главе комиссии был поставлен представитель Министерства финансов (В. Я. Голубев) и в ее состав были включены еще три правительственных чиновника, призванных ускорить и облегчить соглашение.²²

21 октября состоялось прошедшее в бурных дебатах заключительное заседание совещания, в результате которого были внесены еще некоторые изменения в текст договора, а 23 октября одобренный Министерством финансов договор был подписан керосинозаводчиками, представлявшими 63% предполагаемого уча-

²¹ Там же, 5 октября.

²² Там же, 6 октября; Биржевые ведомости, 1893, 6 октября.

ствия в «Союзе» (из 75% представленных на совещании). Остальные могли присоединиться к нему в течение месячного срока.²³

Договор делал небольшие уступки оппонентам «Проекта», в частности в вопросе об увеличении количества паев (и соответственно голосов) мелких нефтепромышленников, согласно которому устанавливался размер участия каждого керосинозаводчика в торговых операциях синдиката и соответственно в голосовании на общих собраниях «Союза».²⁴ Но в целом договор основывался на положениях «Проекта» и давал ничем не ограниченную власть в руки торговых агентов «Союза» — фирм Нобеля и Ротшильда. И даже там, где пришлось пойти на уступки, как в вопросе о распределении паев, крупные фирмы сумели обеспечить себе необходимое преобладание.²⁵

Вне сферы договора оставалась группировка «Бакинского стандарта». Даже присутствовавший на совещании и входивший в состав комиссии по выработке договора представитель фирмы Тагиева покинул Петербург, не подписав договора. Хотя соотно-

²³ Подлинный экземпляр договора не сохранился, и в нашем распоряжении имеются лишь две типографские копии выработанного комиссией проекта, одна из которых находится в фонде Горного департамента, а другая — в архиве товарищества «Бр. Нобель». Благодаря газете «Каспий», опубликовавшей сводку всех изменений, внесенных в проект договора, мы имеем полное представление и об окончательном варианте, под которым были поставлены подписи бакинских керосинозаводчиков (ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 66, д. 2207, лл. 33—38; ф. 1458, оп. 1, д. 188, лл. 45—49; Каспий 1893, 5 ноября).

²⁴ Количество паев (голосов) назначалось условно в соответствии с объемом экспорта керосина каждой фирмы в предыдущем году. Уступка заключалась, во-первых, в том, что, согласно договору, количество паев исчислялось не в соответствии с производительностью заводов, как это предусматривалось «Проектом» и было более выгодно крупным фирмам, а в соответствии с объемом экспортированного каждой из фирм керосина, перевезенного по Закавказской ж. д.; во-вторых, в том, что крупные фирмы выделили из своей доли небольшое количество паев для распределения его между мелкими фирмами.

²⁵ В состав «Союза» должны были войти 84 фирмы, обладавшие 56 572 паями (голосами), из которых фирме Нобеля принадлежало 9610 паев и фирме Ротшильда — 5870, т. е. в сумме 15 480 паев. По условиям же договора всякое изменение его условий требовало согласия $\frac{3}{4}$ голосов участников «Союза» — иными словами, никакое изменение не могло быть внесено без согласия Нобеля и Ротшильда, в руках которых было сосредоточено более $\frac{1}{4}$ голосов. Правда, вопрос об устранении торговых агентов мог быть решен $\frac{2}{3}$ голосов. Но, если учесть, что в состав «Союза» входили многие фирмы, находившиеся в сфере влияния Нобеля и Ротшильда и что последним для того, чтобы провалить всякую попытку такого рода, нужно было набрать дополнительно к своим голосам всего 3377 голосов, можно считать, что и в данном вопросе Нобель и Ротшильд были практически гарантированы от нежелательного им пересмотра договора. Тем более, что пока в руках тех 63%, которые подписали соглашение, находилось всего лишь 35 658 паев.

шение голосов в «Союзе» без участников «Бакинского стандарта» было более благоприятным для фирм Нобеля и Ротшильда, тем не менее, поскольку и при условии ее вхождения они сохраняли за собой практический контроль над «Союзом», фирмы Нобеля и Ротшильда были заинтересованы во включении группировки «Бакинского стандарта», которая вынуждена была бы в таком случае подчиниться их верховному контролю. Заправила синдиката были уверены, что на этот раз «Бакинский стандарт» не сможет так легко отказаться от объединения, как это было с «Союзом семи крупных фирм», ибо в случае отказа войти в «Союз бакинских керосинозаводчиков» участники «Бакинского стандарта» не смогут рассчитывать на проектируемые правительственные льготы. Газета «Каспий» уже торжествовала победу, заявляя, что обещанные правительством льготы участникам «Союза» «его укрепят и поставят, вероятно, так, что вне „Союза“ вести внешнюю торговлю будет почти невозможно».²⁶

Однако торжествовать было рано. В этот тяжелый для «Бакинского стандарта» момент Манташев решил обратиться за помощью к директору Горного департамента Министерства государственных имуществ К. А. Скальковскому, которому была подведомственна нефтяная промышленность и с которым у Манташева были близкие личные отношения. «Составив договор по своему вкусу и назначив себя единственными агентами, — жаловался Манташев на Нобеля и Ротшильда, — они для привлечения к „Союзу“ прочих заводчиков и понуждения их к подписи договора проводят мысль, что правительство обещало уменьшить тариф железной дороги от Баку до Батума только для этого „Союза“, а для остальных, не вошедших в „Союз“ заводчиков, будет оставлен ныне существующий тариф». Манташев указывал, что при создавшемся положении его вынуждают либо сдаться «на произвол» заправил синдиката, либо вообще ликвидировать свое дело. «Эти проклятые керосиновые дела с Нобелем и Ротшильдом, — писал он, — отравили мою жизнь. Неужели можно заставить меня вступить с ними в брачный союз, когда я не желаю этого».²⁷

Нам неизвестно, что предпринял Скальковский, получив письмо Манташева, и сыграло ли это вообще какую-нибудь роль, но 8 ноября в «Каспии» появилось сообщение, что «Союз» получит правительственные льготы только в том случае, если он объединит не менее 85% керосинозаводчиков, принимающих участие в вывозе керосина за границу. А 14 ноября газета опубликовала

²⁶ Каспий, 1893, 27 октября.

²⁷ Манташев — Скальковскому 29 октября 1893 г.: Архив ЛОИИ, ф. 202, д. 21, карт. 5, лл. 62—63.

телеграмму А. И. Манташева Министерству финансов, в которой он решительно заявлял от имени группировки «Бакинского стандарта» об отказе войти в «Союз бакинских керосинозаводчиков».

Манташев объяснил факт отсутствия на совещании в Петербурге большинства участников «Бакинского стандарта» тем, что «все были уверены», что совещание созывается «исключительно для всестороннего обсуждения проекта устава акционерного общества», уже одобренного большинством в Баку. Манташев выражал возмущение тем, что хотя обсуждение в Баку проходило при постоянном участии представителя фирмы Нобеля и при отсутствии возражений с его стороны, «выработанный в Баку проект устава был отвергнут на первом же заседании в Петербурге по настоянию фирмы „Бр. Нобель“».

Появление цитируемой телеграммы совпало с рядом антинобелевских выступлений «Каспия». На всем протяжении переговоров о создании синдиката бакинских керосинозаводчиков, начиная с попытки образования «Союза семи крупных фирм», «Каспий» последовательно проводил мысль о том, что именно Нобель является той фигурой, вокруг которой должны объединиться керосинозаводчики, включая Ротшильда и участников «Бакинского стандарта». После петербургского совещания и образования «Союза бакинских керосинозаводчиков» газета изменила свою ориентацию, опубликовав несколько корреспонденций и статей с критикой в адрес Нобеля. Эта перемена безусловно отражала начало перестройки в позициях патрона «Каспия» — Гукасова, в результате чего возглавляемое им Каспийское товарищество в ближайшие годы стало союзником оппозиционной Нобелю и Ротшильду группировки Манташева.

Хотя Гукасов и поддерживал на совещании в Петербурге «Проект» и поставил свою подпись под договором 23 октября, условия договора, лишавшие Каспийское товарищество какой бы то ни было возможности влияния на дела синдиката, едва ли могли удовлетворить его. Об этом недвусмысленно говорилось в редакционной статье «Каспия», опубликованной за три дня до появления телеграммы Манташева и содержащей резкую критику договора о «Союзе бакинских керосинозаводчиков». В статье говорилось, что для Нобеля и Ротшильда «создано особое какое-то совершенно исключительное положение между другими фирмами, входящими в „Союз“» и на анализе важнейших условий договора показывалось их монопольное положение в синдикате.²⁸ При этом основной огонь критики сосредоточивался на действиях Нобеля, инициативе и нажиму которого пресса приписывала заключение договора 23 октября. В связи с этим всплыл и такой

²⁸ Каспий, 1893, 11 ноября.

вопрос, как вопрос о представительстве бакинских нефтепромышленников в Петербурге, которое было возложено одним из предыдущих съездов бакинских нефтепромышленников, несомненно при содействии Гукáсова, на Нобеля. Теперь, выступая с редакционной статьей по этому поводу, «Каспий» спрашивал: «Не похоже ли такое представительство на того волка в известной басне, которого приставили сторожить овчарню?» На примере переговоров о создании экспортного синдиката газета указывала, что именно так и получилось. «С самого начала переговоров о союзе, — писал «Каспий», — бакинцы, что называется нарезались на подводный камень, выступивший на пути их соглашения в виде интересов фирмы „Бр. Нобель“. В то время, когда в Баку местные деятели вкупе с местным представителем фирмы „Бр. Нобель“ усердствовали над выработкою „акционерного общества“, Нобель (он же и представитель бакинцев) подготовил почву в Петербурге, при вступлении на которую проект „акционерного общества“ был моментально признан несостоятельным. Его пришлось отложить на 5 лет и вместо него принять то, что хотел Нобель, которому совместно с Ротшильдом и был вверен весь бакинский керосин для продажи за границей».²⁹

После отказа группировки «Бакинского стандарта» присоединиться к договору «Союза бакинских керосинозаводчиков» решающее значение приобретал вопрос о том, какую позицию займет правительство. Благодаря «Каспию» нам известно, что в ответ на отказ «Бакинского стандарта» присоединиться к «Союзу» правительство заявило, что не считает возможным пересматривать уже заключенный договор, а готово согласиться лишь на организацию второй автономной группы «Союза». В ответной телеграмме Манташеву Ковалевский поставил и срок заключения такого соглашения, указав, что в случае, если договор будет подписан до 1 декабря 1893 г., на его участников будут распространены те же льготы, которые были обещаны «Союзу бакинских керосинозаводчиков».³⁰

Это условие было выполнено, и 27 ноября договор был заключен. Его участники стали именоваться 2-й группой «Союза бакинских керосинозаводчиков»,³¹ и это было тем более основательно, что договор 27 ноября в значительной мере заимствовал условия договора 26 октября с той лишь разницей, что власть в 1-й группе находилась в руках Нобеля и Ротшильда, во 2-й — в руках Манташева.

Согласно договору 2-й группы ее представителям было дано право войти в соглашение с представителями 1-й группы «отно-

²⁹ Там же, 1894, 15 января.

³⁰ Там же, 1893, 17 ноября.

³¹ Там же, 5 декабря.

сительно основных вопросов торговли за границей». ³² Это условие полностью совпадало с установкой Министерства финансов, заявившего теперь, что оно введет льготный железнодорожный тариф только после того, как между 1-й и 2-й группами будет заключено соглашение. ³³ И действительно, вскоре начались соответствующие переговоры. Но уже в самом их начале обнаружилось, что не только между 1-й и 2-й группами, но и внутри самих групп существуют глубокие противоречия, серьезно осложнявшие возможность прийти к соглашению. 14 декабря директор правления товарищества «Бр. Нобель» Белямин телеграфировал в Баку, что Министерство финансов решило отказаться от понижения тарифа. Он заявлял, что при создавшихся условиях считает бессмысленным существование «Союза бакинских керосинозаводчиков». ³⁴ Сообщение Белямина вызвало смятение среди участников переговоров, и буквально на следующий же день после получения телеграммы Гукасовым было созвано специальное заседание, в результате которого единогласно было принято решение «о сохранении „Союза“, а Министерству финансов отправлена телеграмма о том, что «в настоящее время в „Союз“ вошли почти все заводчики, и промышленность в размере 98% представляется объединенной, а экспорт организованным». ³⁵ Телеграмма, однако, была подписана только участниками 2-й группы, а также П. О. Гукасовым и С. М. Шибаевым — от 1-й. Ни представители Нобеля, ни представитель Ротшильда ее не подписали. Эти факты заслуживают тем большего внимания, что спустя несколько дней участвовавший до сих пор в переговорах заведующий Бакинским отделом товарищества «Бр. Нобель» К. О. Хагелин получил телеграмму от правления «с воспреещением принимать участие в заседаниях» и был «вытребован в Санкт-Петербург». ³⁶ Спустя еще неделю в телеграмме Департаменту железнодорожных дел, где по указанию Витте уже начата была подготовка к пересмотру тарифов, Гукасов оценивал перспективы соглашения уже в более осторожной форме, сообщая лишь, что «договор между обеими группами близится к концу» и будет послан в Петербург «на рассмотрение товарищества „Бр. Нобель“ и одобрение министерства». ³⁷ А еще недель позже он вынужден был отказаться и от этой своей оценки, телеграфи-

³² Там же.

³³ Там же, 29 декабря.

³⁴ Там же, 16 декабря.

³⁵ Гукасов — Витте 16/28 декабря 1893 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 2, д. 1128, лл. 69—73; Каспий, 1893, 17 декабря.

³⁶ Там же, 24 декабря.

³⁷ Гукасов — Максимову 31 декабря 1893 г./12 января 1894 г.: МКНПР, стр. 163.

ровав директору департамента Максиму, что «договор между обеими группами не может быть, к сожалению, здесь выработан по незнакомству с взглядами т-ва „Бр. Нобель“ и Каспийско-Черноморского общества».³⁸

Действия Нобеля явно выдавали его недовольство тем оборотом, который приняла организация «Союза бакинских керосинозаводчиков». Значительно упал интерес к синдикату и у Ротшильда, представители которого сетовали на то, что «вопреки сделанным формальным обещаниям отказывают до сих пор во всех привилегиях».³⁹ Но мало того, что провалилась попытка принудить участников «Бакинского стандарта» войти в состав контролируемого ими объединения, по позициям Нобеля и Ротшильда был нанесен удар в их собственном объединении. В результате пересмотра первоначально принятых условий договора изменилось квалифицированное большинство при голосовании с двух третей до половины. И главное — что это произошло вследствие роста оппозиционных настроений участников 1-й группы и под непосредственным влиянием независимых действий 2-й группы.⁴⁰ Поэтому действия Нобеля и Ротшильда нельзя иначе понять, как проявление самого определенного недовольства и желание досадить участникам соглашения, многие из которых видели в синдикате средство преодоления трудностей, вызванных кризисом и последовавшей депрессией.

Тем не менее остается фактом, что тучи разногласий, нависшие над еще не вступившим в действие «Союзом», настолько заволкли горизонт, что перспектива окончательного соглашения о единой экспортной организации с каждым днем казалась все труднее достижимой. Оценив создавшееся критическое положение, Витте распорядился созвать при Департаменте торговли и мануфактур новое совещание. Он повторил свое согласие на понижение тарифа, но подтвердил прежнюю установку: «Первое понижение состоится только после слияния обеих групп». Телеграфируя об этом Гукасову, Ковалевский сообщал, что представители 1-й и 2-й групп «будут вызваны для участия в особом совещании по этому предмету».⁴¹ И действительно, 27 января 1894 г. это совещание начало свою работу и завершилось подписанием соглашения между участниками 1-й и 2-й групп.

Основной итог совещания был подведен в телеграмме Манташева и Лианозова, посланной 1 февраля 1894 г. в Баку участ-

³⁸ Гукасов — Максиму 8/20 января 1894 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 2, д. 1128, лл. 78—79.

³⁹ См.: Бэр — Скальковскому 27 декабря 1893 г./8 января 1894 г.: ЛОИИ, ф. 202, д. 21, карт. 3, лл. 234—235.

⁴⁰ Каспий, 1893, 21 ноября.

⁴¹ Ковалевский — Гукасову 4/16 января 1894 г.: Каспий, 1894, 6 января.

никам представляемой ими 2-й группы. «Обе группы могут существовать...», — сообщалось в телеграмме. — Вторая группа назначает своим торговым агентом Манташева с теми же правами, какие имеют торговые агенты первой группы. Все недоразумения должны разрешаться соединенным присутствием пяти распорядителей первой группы и остальных четырех распорядителей второй группы по большинству голосов. Во всех продажах, производимых прямо агентами, обе группы участвуют пропорционально количеству, принадлежащих им паев... Агенты каждой группы отчитываются перед распорядителями своей группы».⁴²

По сведениям печати, текст окончательного соглашения, подписанного сторонами 19 февраля 1894 г., был выработан представителем Нобеля Беляминым.⁴³ Это соглашение состояло из двух договоров. Один — о совместной торговле керосином обеими группами за границей на основе принципов, изложенных в цитированной телеграмме Манташева и Лианозова. И другой — о разделе заграничных рынков сбыта. Последний предоставлял группировке Манташева две трети торговли на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке и на Балканах и 25% — на Дальнем Востоке, закрепив, таким образом, по существу монопольное положение группировки Нобеля—Ротшильда на европейских рынках.⁴⁴

Таким образом, поставленные Витте условия были выполнены. 21 февраля было назначено заседание Тарифного комитета, а через 5 дней правительство приняло решение о понижении тарифа на 5 коп. с каждого пуда керосина, перевозимого на экспорт по Закавказской ж. д. Новый тариф вводился временно на 6 месяцев, и его дальнейшая судьба связывалась с исходом предстоящих переговоров со «Стандард ойл». Телеграфируя в Баку о решении Министерства финансов произвести временное понижение тарифов, Гукасов сообщал, что правительство решило не связывать себе рук и «по мере того как пойдет дело и укажут обстоятельства, применять ту или другую меру в зависимости от соглашения с американцами».⁴⁵

⁴² Там же, 6 февраля.

⁴³ Там же, 22 февраля.

⁴⁴ Копии проектов обоих соглашений так же, как и первый проект «Союза бакинских керосинозаводчиков» были напечатаны в типографии Министерства финансов в формате материалов, готовящихся к правительственным совещаниям. Сохранившийся их экземпляр имеется в фонде товарищества «Бр. Нобель». Сопоставление материалов, опубликованных впоследствии в «Каспии», показывает, что именно этот текст и стал текстом договора 19 января 1894 г. (ЦГИАЛ, ф. 1428, оп. 1. д. 188, лл. 23—24, 27—28).

⁴⁵ Каспий, 1894, 1 марта.

Как уже указывалось, урегулирование отношений со «Стандард ойл» являлось одной из важнейших целей «Союза бакинских керосинозаводчиков». Об этом говорилось в соглашениях обеих групп. «Торговым агентам, — гласил, в частности, пункт 20-й договора 1-й группы, — предоставляется войти в переговоры с американским „Стандард ойл“ для выработки условий соглашения относительно распределения сбыта на всемирном рынке керосина, как русского, так и американского. Принятые общим собранием участников условия соглашения представляются распорядителями Министерству финансов, и с его ведома уполномоченные заводчиков подписывают договор со „Стандард ойл“, обязательный для всех лиц, вступивших в настоящее соглашение».⁴⁶

Как видно, условия договора точно определяли процедуру заключения соглашения. Наряду с распорядительным комитетом и Министерством финансов, обязательными инстанциями, через которые должен был пройти договор, являлись «торговые агенты» — представители «Союза», которым поручалось вести переговоры с американской стороной, иными словами — Нобель и Ротшильд.

Согласно сообщениям печати, во второй половине апреля 1894 г. представитель Нобеля Белямин выехал в Париж, чтобы присоединиться там к представителям Ротшильда и начать переговоры с американцами. Некоторое время спустя в американских газетах появилось сообщение, что между русскими и американскими представителями достигнута договоренность о разделе «сфер влияния» на мировом рынке. Газеты приводили и основные условия предварительного соглашения.⁴⁷ Достоверность этого факта была подтверждена публикацией донесения американского генерального консула в Петербурге Джона Карела, который, однако, с самого начала выразил опасения по поводу перспектив ратификации этого соглашения. «Были сделаны попытки достигнуть договоренности о разделе мирового рынка, — писал Карел, — и за последние несколько дней, как мне известно, такое соглашение было достигнуто и представлено министру финансов Российской империи на утверждение. Но говорят, со ссылкой на авторитетные источники, что министр не утвердит контракта».⁴⁸ Это донесение Карела Государственный департамент снабдил примечанием, что уже получена телеграмма, подтверждающая прогноз консула: Витте отказался утвердить соглашение.⁴⁹

⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, д. 188, л. 49.

⁴⁷ New York Herald, 1894, 7 мая; World, 1894, 24 мая; R. and M. Hidy. History of Standard oil Co (New Jersey) 1882—1911. New York, 1955, стр. 237.

⁴⁸ Донесение Карела 30 апреля (н. ст.) 1895 г.: Consular reports, vol. 48, стр. 322.

⁴⁹ Там же.

Касаясь мотивов отрицательного отношения Министерства финансов к соглашению со «Стандард ойл», Карел сообщал, что выражаются опасения, что, хотя русские керосиновозоводчики и «сумеют на некоторое время получить известную выгоду от этой сделки», они «отдадут себя в руки американцев» и что «независимость русской нефтяной промышленности, которая имеет великое будущее, от этого пострадает».⁵⁰

Хотя фонд Министерства финансов не сохранил никаких следов рассмотрения этого вопроса, сообщения русской и иностранной печати, а также литература подтверждают достоверность сообщения Карела. Что же касается причин отказа Министерства финансов утвердить соглашение, то в действительности дело, видимо, обстояло сложнее, чем это рисует Карел. Не подлежит сомнению, что в основе отрицательной позиции Витте было недовольство тем, что соглашение лишь закрепляло статус-кво сторон на мировом рынке. Наряду с этим имеются сведения, что Витте считал, что американская сторона не дала достаточных гарантий соблюдения условий соглашения, в частности нефтепромышленными компаниями США, не входившими в сферу влияния рокфеллеровского треста.⁵¹ Отсутствие таких гарантий практически сводило на нет значение подписанного соглашения, так как в любой момент независимые от «Стандард ойл» (в том числе и формально независимые) компании могли вторгнуться в русскую «сферу влияния» и превратить ее в поле самой жестокой конкуренции. Кроме того, могли быть и причины другие, о чем позволяет судить, в частности, одно из сообщений «Каспия».

В июне 1894 г. эта газета вообще опровергла сообщения о договоре с американцами на том основании, что «Каспию» было «доподлинно известно, что представитель фирмы „Бр. Нобель“ прекратил всякие переговоры со „Стандард ойл“ и выехал из Парижа».⁵² Опровержение «Каспия» едва ли обосновано в том смысле, что текст предварительного соглашения мог быть подписан и без представителя Нобеля, одним Ротшильдом, как это, кстати сказать, имелось в виду при переговорах Арчболда с Ротшильдом в 1892 г. Кроме того, Нобель мог дать свое согласие на предварительное соглашение и даже подписать его, а затем изменить свою позицию и повести интригу против соглашения, если это было тактически выгодно ему. Все это несколько не колеблет сведений о заключении предварительного соглашения со «Стандард ойл», а лишь указывает на возможность двойной

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См.: С. А. Ка дер. Короли нефтяной промышленности и государственная монополия на нефть. Пгр., 1916, стр. 30—32.

⁵² Каспий, 1894, 26 июня.

игры со стороны Нобеля, которая вполне соответствовала всей его линии поведения в «Союзе бакинских керосинозаводчиков». И не исключено, что именно Нобель, тесно связанный с Министерством финансов, оказал свое влияние на решение Витте отклонить договор со «Стандард ойл».

Неудача этого договора подрывала вообще идею соглашения с Рокфеллером. Тем не менее вскоре переговоры были возобновлены, и представители обеих сторон снова встретились в Париже. Витте, хотя и отклонил договор, но не распространил своего «вето» на переговоры с американцами вообще. Наоборот, чтобы облегчить положение русской стороны в этих переговорах, с 1 июля 1894 г. по его санкции было произведено новое значительное снижение тарифа на Закавказской ж. д. (с 14 до 9 коп. за пуд). Американский консул в Батуме Чэмберс утверждал даже, что желая получить максимальные выгоды от своего правительства, русские представители в Париже умышленно затягивали переговоры, настойчиво телеграфируя в Петербург о благоприятных перспективах соглашения с американцами в случае «дальнейшего снижения тарифа», которое «безусловно быстро разрешило бы вопрос».⁵³

В апреле 1895 г. в печати появилось сообщение о подписании нового договора со «Стандард ойл», условия которого, однако, и на этот раз не были признаны удовлетворительными. По сведениям прессы, Витте заявил, что он «не сочувствует этому соглашению и не видит надобности в соединенном действии наших нефтепромышленников с американскими на базе выработанных условий».⁵⁴ Почти одновременно с этим сообщением газеты стали писать о слухах по поводу сепаратного соглашения товарищества «Бр. Нобель» с Рокфеллером. Как можно судить по сообщению «Каспия», Нобель сам поддерживал эти слухи. Распространяемая версия гласила, что «Стандард ойл» уступила ему Скандинавские страны и бассейн Средиземного моря в качестве монопольной «сферы влияния» и что в остальных частях Европы установлена квота 35 % — для Нобеля и 65 % — для Рокфеллера.⁵⁵ Это были исключительно выгодные условия. Даже опуская вопрос о монопольных сферах влияния, уже одно то, что указанное распределение квот превышало условия соглашения 1894 г. (тогда соответственно — 30 % и 70 %), одно это производило нужное впечатление, и петербургская биржа реагировала на слухи о соглашении немедленным повышением курса нефтяных акций.⁵⁶ В поддержа-

⁵³ Донесение Чэмберса 1 марта (н. ст.) 1895 г.: Commercial relations of the United States in 1894—1895, vol. II, Washington, 1896, стр. 320.

⁵⁴ Каспий, 1895, 23 апреля.

⁵⁵ Там же, 25 июля.

⁵⁶ Там же.

нии слухов о соглашении с американцами для Нобеля, однако, мог заключаться не только коммерческий, но и известный политический расчет — оказать давление на своих партнеров по «Союзу бакинских керосинозаводчиков». Поэтому Нобель не то-ропился опровергать распространяемые слухи и сделал это лишь спустя три месяца после их появления.

Вместе с тем следует отметить, что слухи эти имели под собой и определенные реальные основания. 14 марта 1895 г. в Париже Э. Л. Нобелем, с одной стороны, и представителем «Стандард ойл» У. Либби — с другой, был заключен договор, предусматривавший распределение квот нефтяной торговли, но в несравненно более скромных размерах, чем об этом сообщалось в печати, и на худших условиях, чем по соглашению 1894 г., а именно: для русской нефти — 25 % и для американской — 75%.⁵⁷ Это соглашение было предварительным, так как еще подлежало одобрению общего собрания «Союза бакинских керосинозаводчиков», от имени которого Нобель подписал договор с американцами, а также — утверждению Министерства финансов. Предварительным ему и суждено было остаться. Цитированное сообщение «Каспия» об отрицательном отношении Витте к новому договору с американцами, по всей вероятности, и имело в виду данное соглашение. В этом случае не было никакого смысла ставить его на обсуждение участников «Союза бакинских керосинозаводчиков». Но еще более вероятно, что реакция правительства уже учитывала отрицательное отношение к условиям нобелевского соглашения со стороны самих участников «Союза». При всем предпочтении, которое отдавали в Министерстве финансов Нобелю, Витте не мог игнорировать и интересов других его участников, в частности Ротшильда, от которого к этому времени в значительной мере зависела судьба русских государственных займов во Франции. Между тем квоты по новому договору были ниже, чем по предыдущему, и, если для Нобеля, доля которого в торговле керосином в Европе не превышала 5—10 %, они были удовлетворительны, то едва ли это было так для Ротшильда, для которого основным рынком сбыта являлся Дальний Восток, где торговля русским керосином быстро прогрессировала, превысив в 1895 г. объем американской торговли.⁵⁸

К этому следует добавить, что условия подписанного Нобелем соглашения в меньшей мере противоречили установкам самого Министерства финансов, выступившего как раз в это время с обширной экономической программой на Дальнем Востоке.

⁵⁷ Текст договора: Материалы по истории СССР, т. VI, стр. 99—102.

⁵⁸ См.: Mineral resources of the United States. Washington, 1899, стр. 281.

Спустя некоторое время после подписания соглашения со «Стандард ойл», официальный орган министерства «Вестник финансов, промышленности и торговли» отмечал в редакционной статье, что соглашение это «едва не закрепило совершенно не отвечающие ни настоящему положению, ни постоянному и правильному росту нашей промышленности условия снабжения рынков». В статье указывалось, что «текущий год особенно наглядно выказал возможность правильной экономической борьбы нашей промышленности с американской за обладание рынками сбыта, обещающей нам к тому же много шансов на успех при условии разумного пользования нашими естественными преимуществами».⁵⁹

Наряду с выгодами, связанными с условиями добычи нефти в России, перспективы развития железнодорожных путей, и в первую очередь Сибирской железнодорожной магистрали, открывали перед русской нефтяной промышленностью, равно как и перед другими отраслями российского производства, существенные преимущества.⁶⁰ У Витте были вполне определенные расчеты, связанные с вопросом о строительстве ответвления Сибирской дороги по территории Китая. В 1892 г., говоря о международных последствиях сооружения Сибирского пути, Витте отмечал его значение для подрыва колониального могущества Англии, а в отношении США высказался в том смысле, что прокладка железной дороги через Сибирь сблизит Россию с США. В последнем, однако, как справедливо указывал в своем исследовании Б. А. Романов, он «просто — грубо ошибся».⁶¹

Американская печать, а также официальные публикации конгресса с донесениями консулов США буквально пестрели высказываниями о том, что строительство Сибирской дороги противоречит экономическим интересам США в Азии. Что это были не только слова, убедительно показала попытка синдиката американских капиталистов, возглавляемая представителями Рокфеллера, осуществить проект Транскитайской ж. д., который конкурировал с планами железнодорожного строительства России на Дальнем Востоке.⁶²

К этому времени Витте, видимо, уже отказался от своего прогноза 1892 г., решительно отклоняя притязания американского капитала, противоречившие выработанной самим Витте программе экономического проникновения России на Дальнем

⁵⁹ Вестник финансов, промышленности и торговли, 1895, 9/21 июля.

⁶⁰ См.: Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 2-е изд., М.—Л., 1955, стр. 197.

⁶¹ Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии. Л., 1928, стр. 56—61.

⁶² См. нашу работу: Борьба за раздел Китая и американская доктрина «открытых дверей». М.—Л., 1956, стр. 42—52.

Востоке. Новые условия, сложившиеся к 1895 г. в результате «успехов» русской дипломатии в Китае, открывали перед царизмом новые возможности. И в то время как «Вестник финансов, промышленности и торговли» писал о нецелесообразности соглашения со «Стандард ойл», призывая к борьбе с американцами, Витте уже выступил с проектом создания Русско-Китайского банка — финансового института, перед которым ставилась задача «упрочения русского экономического влияния в Китае». ⁶³ В первую очередь это касалось реализации планов железнодорожного строительства, и по-прежнему главным оставалось противодействие Англии, но перед банком поставлена была и задача содействовать развитию экспорта русского керосина в целях вытеснения с дальневосточных рынков американской «Стандард ойл». ⁶⁴

Эти новые шаги в дальневосточной политике царизма совпали с пересмотром условий договора «Союза бакинских керосинозаводчиков». Имелась ли между тем и другим какая-либо связь или это было случайно, но остается фактом, что в новом договоре «Союза», заключенном в мае 1895 г., пункт о переговорах со «Стандард ойл» отсутствовал.

В арсенале средств, которые Витте готовил для осуществления экономической программы на Дальнем Востоке, должен был занять какое-то место и «Союз бакинских керосинозаводчиков», и, проявляя заинтересованность в сохранении «Союза», Министерство финансов предприняло весной 1895 г. новые шаги для его организационного укрепления.

В фонде товарищества «Бр. Нобель» сохранился проект договора, датированный мартом 1895 г., согласно которому обе группы должны были составить единый синдикат на условиях распределения паев, предусмотренных октябрьским проектом 1893 г. ⁶⁵ Само по себе объединение 1-й и 2-й групп, или вернее согласие группировки Манташева присоединиться к группировке Нобеля—Ротшильда, означало существенный сдвиг и знаменовало перестановку сил внутри синдиката. Этот вывод подтверждается документами Бакинского отделения товарищества «Бр. Нобель», среди которых имеется папка с протоколами распорядительного комитета 2-й группы в период после заключения соглашения 19 февраля 1894 г. и до весны 1895 г. ⁶⁶ И хотя трудно определить, насколько полна эта документация, легко убедиться в том, что она является важной и интересной, объясняя, в частности,

⁶³ Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии, стр. 92.

⁶⁴ Объяснительная записка к уставу Русско-Китайского банка: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 600, л. 42.

⁶⁵ ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, д. 188, лл. 41—44.

⁶⁶ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 798, оп. 2, д. 4738.

тот факт, почему экземпляр протоколов распорядительного комитета группировки Манташева оказался в делах товарищества «Бр. Нобель». Об этом можно судить по протоколу от 5 мая 1894 г., в котором говорилось, что представители 2-й группы приняли решение в случае возникновения разногласий при определении цен на керосин голосовать за цену, предложенную товариществом «Бр. Нобель».⁶⁷ Из этого следовало, что Манташев и Нобель практически объединялись против «союзника» Нобеля — Ротшильда. Нобелю это позволяло укрепить свое ведущее положение в «Союзе бакинских керосинозаводчиков», а Манташеву — привлечь на свою сторону Нобеля и рассчитывать на его поддержку против Ротшильда, который являлся главным конкурентом Манташева на рынках Дальнего Востока.

Возвращаясь к анализу мартовского проекта 1895 г., следует подчеркнуть, что его условия отличались даже от измененных условий октябрьского соглашения 1893 г. как более «демократичные». Полномочия торговых агентов ограничивались, а самое их назначение решалось распорядительным комитетом, состав которого увеличивался теперь до 14 человек. Кроме того, деятельность торговых агентов подлежала контролю распорядительного комитета. Хотя условия нового проекта и сохраняли господствующее положение в «Союзе» за крупными фирмами, они несколько урезали права, присвоенные заправилами синдиката по соглашению 1893 г. Это была уступка, сделанная под влиянием усиления оппозиции действиям крупного капитала со стороны мелких и средних нефтепромышленников — участников «Союза».

В конце января 1895 г. управляющий Бакинским отделением Волжско-Камского банка — одного из наиболее заинтересованных и хорошо осведомленных в нефтяных делах русских банков, сообщал правлению в Петербурге, что «в последнее время недоразумения между участниками „Союза керосинозаводчиков“ и их торговыми агентами, — особенно по 1-ой группе — очень обострились, и вполне возможно, что „Союз“ распадется».⁶⁸ Это свидетельство о положении дел в «Союзе» находит себе полное подтверждение в материалах прессы. Еще в самом начале 1894 г. при обсуждении вопроса о правительственных льготах на перевозку керосина обнаружилось, что Нобель выступает против существенного понижения тарифа. Будучи приглашен на заседание тарифного комитета, представитель товарищества «Бр. Нобель», пользуясь положением представителя бакинских нефтепромышленников, высказался за минимальный вариант сни-

⁶⁷ Там же, л. 2.

⁶⁸ Докладная записка управляющего Бакинским отделением Волжско-Камского банка С. Тиханова правлению Банка 31 января/12 февраля 1895 г. (приложение к отчету за 1894 г.): ЦГИАЛ, ф. 595, оп. 6, д. 87, л. 58.

жения тарифа (на 5 коп. вместо 8.5 коп.), каковой и был принят впоследствии правительством. В связи с этим «Каспий» писал, что Нобель и при минимальном снижении тарифа «может прекрасно существовать и вести свое дело на прибыль, тогда как все остальные будут обречены на гибель».⁶⁹ Поместив затем по этому поводу специальную статью о «положении фирмы „Бр. Нобель“ в нефтяном союзе», «Каспий» подверг резкой критике действия Нобеля. «Владея собственным наливным флотом, кстати сказать уже окупившим свою стоимость, — писала газета, — имея громадное количество нефтяных станций и резервуаров, занявших все торговые центры России, перевозка керосина на внутренние рынки фирме обходится почти задаром, в то время как другие фирмы приплачивают на фрахте и хранении товара». Газета указывала, что ни одна фирма, кроме «Бр. Нобель», «не может отыгрываться ни на продаже остатков, ни на выгоды других положений на рынке». В тактике Нобеля заключался классический пример политики монополий, когда за счет выгод, получаемых от торговли на одном рынке, монополия может торговать по ценам, сниженным до уровня убыточных на другом и, таким образом, душить своих конкурентов. Выступая против более сильного понижения тарифа Нобель тем самым хотел помешать укреплению конкурентоспособности других нефтепромышленных фирм, а также сохранить на более низком уровне цены на нефтяное сырье в Баку, ибо, как справедливо отмечал «Каспий», «работая главным образом за недостатком своей на покупной нефти, фирма все свои расчеты само собой должна строить на дешевизне сырья».⁷⁰

Со временем «Каспий» еще более радикально меняет свое отношение к Нобелю. На страницах газеты все чаще раздается требование установить большую гласность в операциях синдиката, поставив под строгий контроль деятельность торговых агентов. Как видно из сообщений «Каспия», в конце 1894 г. «Союз» переживал серьезный кризис. В октябре и декабре были опубликованы отчеты о собраниях найщиков 1-й группы, на которых мелкие и средние нефтепромышленники обвиняли торговых агентов в «хищнических поползновениях» и в разорительной для них торговой политике.⁷¹ Эти сведения дополняются донесением американского консула в Батуме Чэмберса, подробно описавшего картину недовольства, вызванного тем, что торговые агенты постоянно нарушали установленные октябрьским соглашением 1893 г. сроки представления отчетности, а если и пред-

⁶⁹ Каспий, 1894, 29 января.

⁷⁰ Там же, 30 января.

⁷¹ Там же, 16, 20, 22 декабря.

ставляли ее, то стремились свести к минимуму круг лиц, который мог ознакомиться с этой отчетностью, ссылаясь на необходимость держать ее в секрете от «Стандард ойл». Сам Чэмберс опровергал этот аргумент, заявляя, что американцы и так получают все необходимые сведения.⁷² И если учесть, что дипломатическую службу консула он в течение многих лет совмещал с должностью постоянного платного агента «Стандард ойл» в России,⁷³ следует полагать, что Чэмберс имел основания для подобного рода суждений.

Американский консул считал, что при сложившихся условиях «Союз» в ближайшее время распадется, что, по существу, совпадало с приведенным мнением управляющего Бакинским отделением Волжско-Камского банка. Аналогичным образом оценивала перспективы синдиката и пресса.

В новогоднем номере 1895 г. «Каспий» поместил большую статью под заголовком «Быть или не быть „Союзу керосинозаводчиков?“» Эта статья снова резко критиковала действия заправил синдиката. «Торгуя чужим керосином даже с убытком, — писал «Каспий», — они хорошо зарабатывают: Ротшильд на ящиках и комиссионных за ссуды, а Нобель на фрахтах своих судов и вагонов». Газета выступала с предостережением, что эти фирмы, являясь единственными представителями «Союза», «приучат заграничного покупателя иметь дело именно с ними, только с ними и таким образом к концу договорного срока сделаются единственными эксплуататорами этих рынков, завоевание которых с убытками производится теперь за общий счет». Отвергая обвинения в «непрощенной гласности», «Каспий» заявлял: «Мы помогали созданию „Союза“, но из этого не следует полагать, что мы будем потворствовать его воротилам и в деле достижения их личных интересов». Практический вывод газеты заключался в том, что при создавшихся условиях существование синдиката теряет смысл.⁷⁴

Поставленный «Каспием» вопрос «быть или не быть „Союзу керосинозаводчиков?“» стал уже объектом внимания и правительственных кругов. Из опубликованной в «Каспии» телеграммы Ковалевского следует, что перед лицом кризиса, переживаемого «Союзом бакинских керосинозаводчиков», Витте распорядился созвать в Петербурге 22 февраля 1895 г. новое Особое совещание.⁷⁵

⁷² Донесение Чэмберса 1 марта (н. с.) 1895 г.: Commercial relations of the United States in 1894—1895, vol. II. Washington, 1896, стр. 320—321.

⁷³ R. and M. Hidy, ук. соч., стр. 236.

⁷⁴ Каспий, 1895, 1 января.

⁷⁵ Там же, 22 января.

Как видно из этой телеграммы, в Министерство финансов поступили ходатайства от керосинозаводчиков, недовольных действиями заправил синдиката, с просьбой к правительству нормализовать положение. А несколько позднее представители мелких фирм выступили даже с проектом организации казенной торговли керосином, предлагая вместо частнопредпринимательского «Союза» создать государственную организацию для экспорта керосина. Этот проект не встретил поддержки в правительственных сферах и вызвал критику со стороны нефтепромышленных кругов. Высказываясь по этому поводу, «Каспий» заявлял о своем отрицательном отношении к представленному проекту и оценивал его как нереальный и фантастический.⁷⁶

Это был действительно нереальный проект, тем более, что, как следует из телеграммы Ковалевского, представители крупных фирм, со своей стороны, тоже обратились в Министерство финансов, проявив заинтересованность в сохранении синдиката. Это же подтверждается более поздним сообщением «Каспия» о том, что товарищество «Бр. Нобель» «готово со своей стороны на всякие уступки».⁷⁷ Весьма показательно в этой связи, что правительство не пожелало вмешиваться в конфликт между участниками «Союза» и даже отложило начало совещания, посоветовав «крупным фирмам как-нибудь самим поладить с мелкими».⁷⁸ Были предприняты соответствующие шаги, и в ближайшие дни контора 1-й группы «Союза» в Баку получила телеграмму из Петербурга о том, что «организационный договор дополнен в желательном для всех смысле» и что «обе группы сливаются в одну».⁷⁹ Реализация этой договоренности задержалась лишь из-за конфликта между товариществом «Бр. Нобель» и Каспийско-Черноморским обществом по вопросу о распределении квот керосина, экспортируемого наливом и в ящиках, который был урегулирован к концу апреля,⁸⁰ и вслед затем, 2 мая 1895 г., договор, основанный на уже упоминавшемся хранящемся в фонде товарищества «Бр. Нобель» проекте, был подписан. Следует отметить, что первоначально соглашение, проектировавшееся сро-

⁷⁶ Там же, 7 марта.

⁷⁷ Там же, 16 февраля.

⁷⁸ Там же, 3 марта.

⁷⁹ Там же, 18 марта.

⁸⁰ Там же, 28 марта, 13, 22, 23 апреля. — Одним из результатов деятельности синдиката было сокращение торговли яичным керосином на Дальнем Востоке, осуществлявшейся фирмами Ротшильда и Манташева (см.: Отчет надзирателя 8-го округа акцизными сборами Закавказского края и Закаспийской области Д. Т. Елмченко за 1897 г.: ЦГА Адж. АССР, ф. 12, д. 5, л. 34).

ком на 5 лет, в результате возражений со стороны товарищества «Бр. Нобель» было заключено лишь на два с половиной года.⁸¹

Выступая в принципе за сохранение синдиката, Нобель, видимо, еще не имел твердого представления о том, насколько в рамках нового соглашения окажутся осуществимыми цели, которые он ставил перед собой, и не стеснит ли синдикат его действий в дальнейшем. Подтверждением этого может служить попытка Нобеля заменить распорядительный комитет «Союза» с резиденцией в Баку (в соответствии с новым договором значительно расширенный по своему составу и полномочиям) его сокращенным вариантом — Коммерческим советом в Петербурге, что при отсутствии у прочих нефтепромышленных фирм представительства в Петербурге было выгодно Нобелю и Ротшильду, которые имели в Петербурге правления своих фирм.⁸²

Таким образом, Министерство финансов и на этот раз сделало свое дело: созванное по распоряжению Витте совещание ликвидировало кризис, переживаемый «Союзом бакинских керосинозаводчиков». Акция Министерства финансов, по официозной версии лишь обычное посредническое вмешательство, предпринятое якобы в заботах о благе всей нефтяной промышленности, на самом деле не только отвечала интересам крупных фирм, но и была проведена именно так, как того желали крупные фирмы.

Об этом со всей определенностью говорят факты, относящиеся к новому пересмотру тарифов в апреле—июне 1895 г. Материалы заседаний Тарифного комитета, одно из которых состоялось 13/25 апреля 1895 г., т. е. за три недели до подписания нового договора, но уже после того как закончило работу Особое совещание, а два других — непосредственно после подписания договора (4/16 мая и 9/21 июня), свидетельствуют, что правительство решило отменить введенные им в 1894 г. льготы на перевозку керосина. Это решение было объявлено в отношении тарифов Закавказской ж. д., не встретив существенных возражений со стороны крупных фирм. Представитель Ротшильда А. М. Фейгль, Э. Л. Нобель, а также П. О. Гукасов в своих выступлениях отметили обоснованность решения правительства и высказались лишь за некоторую отсрочку проектируемой

⁸¹ Каспий, 1895, 29, 30 апреля.

⁸² Проект такой реорганизации был предложен Нобелем распорядительному комитету на заседании последнего 20 ноября 1895 г. (см. протокол распорядительного комитета, № 77: ЦГИА Азерб. ССР, ф. 798, оп. 2, д. 4742, лл. 210—213). Комитет перенес обсуждение этого вопроса на общее собрание «Союза», которое состоялось 10 декабря 1895 г. Собрание большинством голосов отклонило проект Нобеля (Каспий, 1895, 5, 13 декабря).

меры.⁸³ В связи с этим Тарифный комитет вынес резолюцию о постепенном переходе к прежнему тарифу: временно, до 1 июля 1895 г., ввести 14-копеечный тариф и только с 1 июля восстановить тариф в 19 коп. Одновременно Нобель при поддержке других крупных фирм выступил с предложением повысить тарифы на Владикавказской ж. д., чтобы, таким образом, ударить по несоюзным перевозкам, осуществлявшимся главным образом по этому пути, так как представители «Союза» захватили фактический контроль над Закавказской ж. д. Аргументируя свое предложение заправили синдиката керосинозаводчиков прямо указывали, что «далеко не весь производимый в Баку керосин выпускается из заводов как союзный керосин, значительная его часть (до 36% общего батумского экспорта 1894 г.) является несоюзным и конкуренционным керосином», и что «равным образом ожидаемый излишек нового товара также может начать соперничать с союзным керосином, направляясь частью через Петровск в ущерб как промышленности, так и Закавказской ж. д., provozоспособность которой далеко еще не исчерпана».⁸⁴ Эта точка зрения была в дальнейшем поддержана Витте, который накануне нового заседания Тарифного комитета по вопросу о повышении тарифа на Владикавказской ж. д. в письме министру земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолову полностью солидаризировался с предложением крупных нефтепромышленных фирм.⁸⁵ Но решение повысить тариф на Владикавказской ж. д. вызвало протест со стороны представителя Государственного контроля В. И. Троицкого, выступившего сначала со специальным заявлением перед Тарифным комитетом, а затем с рапортом государственному контролеру Т. И. Филиппову. Троицкий указывал, что в то время как отмена льготных тарифов не нанесет существенного ущерба крупным керосинозаводчикам, мелким она грозит разорением.⁸⁶ В свою очередь Филиппов не замедлил обратиться к Витте со специальным письмом, в котором протестовал против принятого решения, настаивая на созыве нового заседания Тарифного комитета.⁸⁷

Таким образом, поддержанное Витте предложение крупных фирм встретило возражения в царском аппарате — со стороны представителей Государственного контроля. Являясь типичным

⁸³ Журнал заседания Тарифного комитета 13/25 апреля 1895 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 2, д. 1151, лл. 27, 30, 32.

⁸⁴ Там же, лл. 33—34.

⁸⁵ Витте — Ермолову 26 мая/7 июня 1895 г.: МКНПР, стр. 171—173.

⁸⁶ Журнал заседания Тарифного комитета 9/21 июня 1895 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 2, д. 1151, л. 114; заявление В. И. Троицкого государственному контролеру: там же, лл. 117—119.

⁸⁷ Филиппов — Витте 13/25 июня 1895 г.: там же, л. 116.

представителем дворянско-помещичьей оппозиции, враждебно настроенной к виттевской политике буржуазных преобразований, и, питая, кстати сказать, чувство глубокой личной антипатии к Витте,⁸⁸ Филиппов попытался заставить министра финансов отступить от уже принятого решения. Не ограничиваясь посланным письмом, он стал раздувать «интригу», воспользовавшись для этой цели заявлением конкурировавшего с Нобелем и Ротшильдом комиссионера по продаже керосина за границей Г. К. Изенбека, в свое время сотрудничавшего с «Бакинским стандартом»,⁸⁹ а теперь, в результате договора 2 мая 1895 г., лишённого важнейшего источника получения товара.

Буквально на следующий день после посылки первого отношения Филиппов направил Витте письмо, в котором сообщал, что его посетил Изенбек, который «представил... новые соображения, подкрепляющие мнение контрольного члена». Но, опасаясь возможной реакции министра финансов, государственный контролер решил снять с себя подозрения в том, что он инспирировал Изенбека, специально подчеркнув, что «ранее знаком с ним не был и видел его в первый раз». «Я потребовал от него, — писал государственный контролер, — чтобы он непременно пошел к вам и доложил все, что у него есть за пазухой».⁹⁰ Видимо, в представлении Филиппова «за пазухой» у Изенбека лежал увесистый камень, которым он рассчитывал поразить Витте. Он прямо заявлял, что дал свою рекомендацию Изенбеку «как по важности вопроса, так и для самого себя: я не могу рассуждать об этом один с такой подробностью и силой, с какой может судить он».⁹¹

Следствием этого явилось письмо Изенбека министру финансов с приложением копии записки, поданной на имя государственного контролера. Изенбек писал, что считает свои права «нарушенными привилегированною конкуренциею фирм Ротшильд и Нобель, которые стоят во главе керосинового синдиката»,⁹² и разоблачал их действия, как направленные на подчинение всей нефтяной промышленности России по примеру того, как это делала «Стандард ойл» в Америке.

⁸⁸ См.: Дневник Т. И. Филиппова (ЦГИАЛ, ф. 728, оп. 1, д. 1, л. 48); С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, стр. 307—309.

⁸⁹ Изенбек имел в различных пунктах Европы склады и цистерны для хранения керосина, сбывая в год около 2,5—3 млн пудов керосина «Бакинского стандарта», что составляло около 10% всего экспорта русского керосина в Европу.

⁹⁰ Филиппов — Витте 14/26 июня 1895 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 2, д. 1151, л. 121.

⁹¹ Там же.

⁹² Изенбек — Витте 21 июня/3 июля 1895 г.: там же, л. 133.

Создание «Союза бакинских керосинозаводчиков» Изенбек рассматривал, как составную часть плана установления всемирной нефтяной монополии путем соглашения с американским нефтяным трестом. «По мере истощения американских запасов нефти, — писал он, — явилось сознание, что только Россия, как по количеству, так и по цене добычи, может дать запасы сырой нефти, которые могут заменить собою во всех отношениях бывшие американские запасы сырой нефти и сохранить за Стандартом такой спекулятивный фонд из карманов потребителей, который выражается десятками миллионов рублей в год. Чтобы воспользоваться русской нефтью, нужно было соглашение с Россией, а для соглашения нужна была юридическая единица, вроде русского синдиката».⁹³ Обвинения Изенбека в адрес Нобеля и Ротшильда в не меньшей мере были направлены и против Министерства финансов, с одобрения и при содействии которого создавался «Союз» и вырабатывалась программа его действий. В этом отношении расчет Филиппова вполне оправдывался. Но Филиппов не сумел рассчитать силы ответного удара Витте, которым была прикончена вся «интрига» государственного контролера.

В ответном письме Филиппову Витте недвусмысленно давал понять, что государственному контролеру не следует соваться в дела, которых он не понимает. Министр финансов объяснял повышение тарифа интересами казны. «Еще большую уверенность в правильности принятого решения, — писал он, — дает и то, что оно отвечает вполне желаниям самих керосинозаводчиков». Говоря о противниках этого решения, Витте называл в их числе «небольшую группу комиссионеров и спекулянтов», к числу которых причислял и Изенбека. «Полагаю, — заявлял Витте, — что г. Изенбеку, если он может сообщить существенные для дела данные, со своими объяснениями всего прямее было бы обратиться в Департамент железнодорожных дел».⁹⁴

Записка Изенбека поступила в Министерство финансов уже после того, как был послан ответ Филиппову. Поэтому Витте, видимо, считал вопрос исчерпанным, и на записку никакого нового ответа не последовало. Однако пометы, сохранившиеся на полях этой записки, сделанные рукой вице-директора Департамента железнодорожных дел Ягубова (который, кстати сказать, являлся участником всех совещаний по делам «Союза бакинских керосинозаводчиков» и которому было поручено составление цитированного выше письма Витте Филиппову), дают достаточно

⁹³ Записка Изенбека государственному контролеру 18/30 июня 1895 г.: МКНПР, стр. 181—187.

⁹⁴ Витте — Филиппову 21 июня/3 июля 1895 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 2, д. 1151, л. 131.

полное представление о той реакции, которой встречена была эта записка в Министерстве финансов.

Изенбек критиковал создание «Союза бакинских керосино-заводчиков», обвиняя Нобеля и Ротшильда в попытках подчинить себе всю нефтяную промышленность России. А в Министерстве финансов сожалели лишь о том, что «Союз» не был полной монополией. «Если бы синдикат вмещал бы 100%, а не 92, это было бы еще лучше», — отмечалось на полях записки Изенбека, которого автор помет презрительно именовал «русским обывателем, к нефтяному делу непригодным».⁹⁵ Министерство финансов солидаризировалось с действиями Нобеля и Ротшильда в отношении «Стандард ойл». Одна из помет гласила: «Нобель и Ротшильд вели свои переговоры с ведома Министерства финансов». В другой, поставленной против того места записки Изенбека, где он обвинял Нобеля и Ротшильда в стремлении установить путем соглашения с Рокфеллером мировую монополию, с раздражением отмечалось: «Соглашение со Стандардом не состоялось, о чем же говорить?».⁹⁶ Особенно же выразительной была реакция на общий вывод записки. «Из всего сказанного очевидно, — писал Изенбек, — что если не оставить нефте- и керосинопромышленность России и ее экспорт в условиях полной свободы, которая бы устраняла всякое опасение в затрате капитала, то может оказаться, что потребители в России будут платить многие миллионы рублей налога в год за право пользоваться русским керосином и нефтяным топливом и что Россия будет в пропорции своего экспорта, т. е. опять в размере многих миллионов рублей, участвовать в отягощении иностранного потребителя, и все это на пользу отдельных лиц, имеющих власть в синдикате, рискуя при этом содействовать развитию нефтяных производств, конкурентных России». Против этого вывода записки Ягубов цинично отметил: «Это замечательная забота».⁹⁷ Пометы на записке Изенбека едва ли дают что-либо принципиально новое для оценки позиции правительства в рассматриваемом вопросе, однако по своей выразительности документ этот не имеет себе равных.

Каковы бы ни были выступления оппозиции, оставалось фактом, что организационный договор 2 мая 1895 г. был подписан и «Союз» вступал в новый период своего существования. В дела синдиката внесена была несколько большая гласность: если раньше вся власть принадлежала торговым агентам Нобелю и Ротшильду, то теперь, вследствие расширения состава и полномочий распорядительного комитета, последний стал играть значительно большую роль. Об этом со всей очевидностью свидетель-

⁹⁵ МКНПР, стр. 183.

⁹⁶ Там же, стр. 182, 185.

⁹⁷ Там же, стр. 186.

ствуют дошедшие до нас протоколы распорядительного комитета.⁹⁸

Протоколы дают, по существу, исчерпывающее представление о характере деятельности синдиката после соглашения 2 мая 1895 г. о круге вопросов, который входил в компетенцию «Союза» и его распорядительного комитета. Естественно, главное место, в соответствии с синдикатским характером объединения, занимали вопросы нормировки цен и поставок. Разрешение кому-либо из контрагентов «Союза» в одном случае продать партию керосина в той или иной стране сверх установленной нормы, в другом — невыполнить план поставок, в третьем — санкция на отклонение от установленных цен продажи, в четвертом — решение о том, что контрагент, продавший керосин по цене ниже установленной нормы (без предварительного согласия распорядительного комитета), должен подвергнуться штрафу на невырученную сумму — все эти вопросы занимали важное место в деятельности комитета и нашли достаточно полное отражение в его протоколах.⁹⁹ Одновременно распорядительный комитет внимательно следил за деятельностью внесоюзных заводчиков и решительно преследовал всякие сделки с ними со стороны участников «Союза» за исключением тех случаев, когда он их сам санкционировал. Протоколы комитета показывают, что главным в политике «Союза» по отношению к аутсайдерам было стремление поставить их в изоляцию, разорить их таким образом и упрочить монополию.¹⁰⁰

⁹⁸ Экземпляр протоколов комитета сохранился в делах Черногородской конторы товарищества «Бр. Нобель», ведавшей нефтеперегонными и керосиновыми заводами товарищества. По-видимому, наряду с подлинным экземпляром протоколов изготовлялось несколько копий, которые направлялись затем членам комитета. Насколько нам известно, обнаруженный экземпляр является единственным дошедшим до нас. Он охватывает период со времени заключения договора 2 мая 1895 г. и до конца 1896 г. Протоколы расположены в хронологической последовательности и, судя по номерам, не имеют пропусков (см.: ЦГИА Азерб. ССР, ф. 798, оп. 2, дела 4740, 4742, 4746, 4747). В документах Бакинского отдела товарищества «Бр. Нобель» имеется упоминание о «трех сундуках» материалов «Союза бакинских керосинозаводчиков». Эти материалы представляли, по всей вероятности, архивный фонд синдиката, который попал в руки Нобеля после ликвидации «Союза» в 1897 г. Однако никаких следов этого фонда обнаружить не удалось.

⁹⁹ Протоколы распорядительного комитета — № 4 от 27 мая/8 июня 1895 г.; № 17 от 22 июня/4 июля 1895 г.; № 22 от 5/17 июня 1895 г.; № 25 от 10/22 июля 1895 г.; № 95 от 30 декабря 1895 г./11 января 1896 г.; № 33 от 13/25 апреля 1896 г.; № 41 от 4/16 мая 1896 г.; № 61 от 30 июля/11 августа 1896 г.; № 97 от 24 декабря 1896 г./5 января 1897 г. и т. д.: ЦГИА Азерб. ССР, ф. 798, оп. 2, д. 4742, лл. 65—67, 76—80, 268—269; д. 4740, лл. 11—13, 51; д. 4746, лл. 15, 37; д. 4747, лл. 17—18, 84.

¹⁰⁰ Протоколы распорядительного комитета — № 4 от 27 мая/8 июня 1895 г.; № 19 от 28 июня/10 июля 1895 г.; № 67 от 20 ноября/2 декабря

Другим важным моментом в деятельности «Союза бакинских керосинозаводчиков» оставались общие вопросы политики «Союза» на мировом рынке и его взаимоотношений с крупнейшими иностранными нефтеторговыми и нефтепромышленными объединениями. В первую очередь это относится к взаимоотношениям «Союза» с английской паровой компанией «Самуэль, Самуэль энд компани», с которой, как уже указывалось, еще в 1891 г. Каспийско-Черноморское общество Ротшильда заключило договор. Согласно этому договору, компания Самуэля обеспечила себе по существу монопольное право торговли русским керосином, перевозимым на Восток от Суэцкого канала.

Ко времени создания «Союза бакинских керосинозаводчиков» фирма Самуэля держала в своих руках около одной четверти всего керосина, вывозимого из Баку за границу. После образования «Союза» Каспийско-Черноморское общество утратило право самостоятельных сношений с «Самуэль, Самуэль энд компани» и передало свой договор с этой компанией «Союзу бакинских керосинозаводчиков». Этим, вероятно, объясняется тот факт, что копию договора, являвшегося в свое время безусловно секретным, мы находим в фонде товарищества «Бр. Нобель». ¹⁰¹

Создание синдиката русских керосинозаводчиков больно ударило по интересам английской компании. Если раньше Самуэль имел широкие возможности маневрировать, договариваясь с одной группировкой и оказывая давление на другую, добиваясь таким образом снижения цен на приобретаемый им керосин, то теперь положение существенно изменилось. В результате — длительные споры по вопросу о ценах на керосин между Самуэлем и «Союзом бакинских керосинозаводчиков», свидетельства которым — многочисленные записи в протоколах распорядительного комитета. ¹⁰²

Желая оказать давление на «Союз» и сделать его сговорчивей Самуэль начал скупать керосин у внесоюзных заводчиков. Тогда выступил Нобель. Он дал такую подножку английскому пароходо-владельцу, что даже «союзники» Нобеля по синдикату испугались и стали призывать к умеренности.

Представители Нобеля стали мешать доставке нефти на суда Самуэля. Приобретенный у внесоюзных заводчиков керосин Са-

1896 г.; № 88 от 23 ноября/5 декабря 1896 г.; № 97 от 24 декабря 1896 г./5 января 1897 г.: ЦГИА Азерб. ССР, ф. 798, оп. 2, д. 4740, лл. 11—13, 56, 58; д. 4747, лл. 69—71, 84.

¹⁰¹ ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, д. 1335, лл. 1—5.

¹⁰² Протоколы распорядительного комитета — № 13 от 14/26 июня 1895 г.; № 24 от 8/20 июня 1895 г.; № 25 от 10/22 июля 1895 г.; № 76 от 18/30 ноября 1895 г.; № 81 от 25 ноября/7 декабря 1895 г.: ЦГИА Азерб. ССР, ф. 798, оп. 2, д. 4740, лл. 38—42; д. 4742, лл. 73—75, 76—80, 229; МКНПР, стр. 177—179.

муэль сначала доставлял по железной дороге в Батум, а затем перекачивал в суда прямо из вагонов через трубы железнодорожных резервуаров. Тут-то и выступил Нобель. Поскольку резервуары эти находились у него в аренде, агенты товарищества стали препятствовать перекачке нефти, приобретенной англичанами.¹⁰³ Тогда Самуэль обратился за содействием к британскому правительству, и последнее дало указание своему послу в Петербурге «потребовать объяснения и покровительства».¹⁰⁴ Информация об этом была получена распорядительным комитетом по телеграфу от английской фирмы «Лэйн энд Макэндрю» («Lane and Macandrew»), еще с 80-х годов состоявшей в тесном контакте с Каспийско-Черноморским обществом Ротшильда и выступившей теперь в качестве контрагента «Союза».

Но следует отметить, что одновременно фирма «Лэйн энд Макэндрю» состояла в достаточно тесных отношениях с «Самуэль, Самуэль энд компани», и, видимо, прав был П. О. Гукасов, заявив что «между строк телеграммы можно прочесть — как будто она писана не без ведома Самуэля».¹⁰⁵

Действительно, сообщение об английской правительственной поддержке было очень похоже на шантаж, в особенности, если учесть, что указанный инцидент произошел буквально за неделю до третейского разбирательства конфликта между Самуэлем и «Союзом бакинских керосинозаводчиков», которое должно было быть произведено по условиям контракта 1891 г. английским судом. Об этом достаточно красноречиво говорит самый текст телеграммы, полученной распорядительным комитетом. «Ввиду имеющего на будущей неделе начаться арбитража между Самуэлем и синдикатом, — писала «Лэйн энд Макэндрю», — эти действия могут погубить ваше дело. Ничего не могло случиться хуже этого, так как теперь Самуэль может доказать, что „Союз“ при помощи своих агентов делает все возможное, чтобы воспрепятствовать Самуэлю пользоваться своими правами, присвоенными ему по контракту. Очень советуем вам настоять, чтобы Нобель немедленно прекратил этот образ действия, так как в противном случае результат будет для вас плохой».¹⁰⁶ Эти аргументы и напугали некоторых из членов комитета, по мнению которых следовало отказаться от противодействия Самуэлю и для урегулирования инцидента направить в Батум специального представителя комитета. Предложение это, однако, не получило поддержки большинства и было отвергнуто.

¹⁰³ Протокол распорядительного комитета № 25 10/22 июля 1895 г.; там же, стр. 177—179.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

Нобель и те, кто выступал заодно с ним в этом вопросе, отнюдь не склонны были поддаваться панике и идти на уступки английской компании. Тем более, что Нобель был безусловно осведомлен о позиции Министерства финансов и хорошо знал, что в случае обострения конфликта нефтепромышленники могут рассчитывать на поддержку правительства.

Взаимоотношения бакинских керосинозаводчиков с фирмой Самуэля, как часть общего вопроса о торговле русским керосином на Дальнем Востоке, являлись предметом самого тщательного изучения в правительственных инстанциях. Этим вопросом, в частности, с первых своих шагов занялся и Русско-Китайский банк, деятельность которого протекала в тесном контакте и под контролем Министерства финансов. Осенью 1895 г. на пути в Китай, во время остановки в Париже, назначенный директором Пекинского отделения Русско-Китайского банка и одновременно агентом Министерства финансов в Пекине Д. Д. Покотилов имел обстоятельную беседу с директором Каспийско-Черноморского общества Ротшильда М. Бэром, в ходе которой был затронут вопрос о монопольных действиях «Самуэль, Самуэль энд компани» и подвергнуты обсуждению возможности устранить эту монополию путем развития торговли ящичным керосином на Дальнем Востоке. Следствием этой беседы было обстоятельное донесение Покотилова в Петербург,¹⁰⁷ которое, как, впрочем, и вся его дальнейшая переписка, раскрывает не только позицию Министерства финансов в отношении Самуэля, но и является чрезвычайно важным для понимания правительственной политики и той роли, которую играл в этой политике Русско-Китайский банк.

Как правило, большинство своих донесений в Петербург Покотилов направлял в двух идентичных экземплярах. Одно — в Министерство финансов, Витте или его заместителям, а другое — директору банка А. Ю. Ротштейну. При этом следует отметить, что, поскольку Ротштейн одновременно с постом директора Русско-Китайского банка занимал пост директора Петербургского международного коммерческого банка, которым он руководил еще с 80-х годов и который являлся его главной резиденцией, основная часть переписки Ротштейна по Русско-Каспийскому банку отложилась в фонде Международного банка. Этот факт не заслуживал бы упоминания, если бы не то обстоятельство, что по крайней мере до конца 90-х годов Русско-Китайский банк был теснейшим образом связан с Международным банком, через который царское правительство проводило все свои основные займовые операции на европейском и американском денежных рын-

¹⁰⁷ Д. Д. Покотилов — П. М. Романову 28 сентября/10 октября 1895 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 29, д. 105, лл. 10—12.

ках. В известном смысле можно даже сказать, что в этот период времени Русско-Китайский банк являлся ответвлением Международного банка. Что же касается лично Ротштейна, то он был настолько доверенным, посвященным в дела Министерства финансов и связанным с ним лицом, что порою трудно было различить, где Ротштейн действовал как предприниматель, а где — как уполномоченный Министерства финансов. Интересы частного капитала и политика царского правительства в этих вопросах переплетались самым тесным образом. Поэтому нет ничего удивительного, что Покотилов сплошь и рядом отчитывался за поручения, которые он получал от Ротштейна, перед Министерством финансов. Примером этому может служить одно из его писем помощнику Витте П. М. Романову, которое начиналось следующей фразой: «Согласно полученным нами от г. Ротштейна указаниям, мы не приминули заняться в Шанхае выяснением вопроса о возможности завязать дела по сбыту нашего ящичного керосина».¹⁰⁸

Возвращаясь к вопросу об отношениях с компанией Самуэля, следует отметить, что немедленно после получения письма Покотилова о его беседе с представителем Ротшильда в Париже, эксперту Министерства финансов по нефтяным вопросам Гулишамбарову было поручено составить справку о деятельности «Самуэль, Самуэль энд компани».¹⁰⁹ В этой справке обстоятельно излагался ход конфликта между «Союзом бакинских керосинозаводчиков» и компанией Самуэля. Гулишамбаров указывал, что уже состоялся третейский суд, но что он «решил дело не в пользу Самуэля» и что, по имеющимся у него «частным сведениям», Самуэль «в сознании нетвердости юридической почвы возбужденного им спора начал переговоры с синдикатом о дополнительном договоре об условиях определения цен на поставленный ему в Батум керосин». Автор записки выражал уверенность, что начатые переговоры «приведут к соглашению, не обидному для синдиката, который прежде всего желает не допустить Самуэля к закупке большого количества керосина вне синдиката и к подорванию выдерживаемых сим последним цен». Но Гулишамбаров выражал опасение, что в рядах самих бакинских керосинозаводчиков нет полного единства, поскольку существует предположение, что БНИТО, как сокращенно называлась компания Ротшильдов, состоит в тайном сговоре с Самуэлем. «Среди экспортеров русского керосина, — писал Гулишамбаров, — существует предположение,

¹⁰⁸ Покотилов — Романову 27 декабря 1895 г./8 января 1896 г.: там же, л. 2.

¹⁰⁹ Впоследствии составленную Гулишамбаровым справку вместе с полученным от «Союза бакинских керосинозаводчиков» текстом договора 1891 г. Министерство финансов переслало Покотилу (см.: там же, л. 66).

что между БНИТО и Самуэлем, кроме упомянутого договора (1891 г., — А. Ф.), есть еще особое тайное соглашение, в силу которого БНИТО имеет долю участия в выгодах торговли наливным керосином на Дальнем Востоке». ¹¹⁰

Замечание Гулишамбарово об отсутствии единства между участниками «Союза бакинских керосинозаводчиков» было верным и не только из-за разногласий по поводу конфликта с Самуэлем, но также и потому, что синдикат оказался расколотым по вопросу об отношениях со «Стандард ойл». По существу это были две стороны одного и того же вопроса, связанные с различной ориентацией фирм Нобеля и Ротшильда на мировом рынке и той тактикой, которую использовали «партнеры» по «Союзу» в расчете на установление каждым из них своей монополии. Есть определенная закономерность в том, что, усиленно разжигая конфликт с Самуэлем, Нобель одновременно шел на значительное сближение со «Стандард ойл».

Осенью 1898 г. в разгар происходивших в то время русско-германских переговоров о предоставлении льгот на торговлю русским керосином в Германии, представители «Стандард ойл», против которой было направлено проектировавшееся соглашение, заявили германскому правительству о том, что американский трест имеет соглашение с Нобелем о разделе германского рынка. ¹¹¹ И хотя товарищество «Бр. Нобель», а вслед за ним и Министерство финансов выступили с официальными опровержениями, документы говорят за то, что соглашение такого рода действительно имело место.

По настоянию Нобеля распорядительный комитет в июле 1895 г. предоставил его товариществу право по существу бесконтрольной торговли керосином в Германии, исключив из паевых отношений товарищества по организационному договору все количество керосина, вывозимое им через Каспийское море и Волгу до Царицына, а затем по железной дороге до одного из балтийских портов и морем — в Германию. ¹¹² К тому же времени, когда были начаты переговоры о заключении русско-германского соглашения, Нобель уже заключил договор с фирмой «Х. Рит энд К» («H. Rieth and C^o»), торговавшей керосином в левобережной части Германии, а также в Бельгии и Голландии. В письме, направленном Департаменту торговли и мануфактур, Нобель, в опровержение появившихся в германской печати сообщений о его сговоре со «Стандард ойл», указывал, что его

¹¹⁰ МКНПР, стр. 189.

¹¹¹ Тимирязев (агент Министерства финансов в Берлине) — Ковалевскому 9/21 января 1899 г.: Материалы по истории СССР, т. VI, стр. 143.

¹¹² Протокол распорядительного комитета № 23 от 7/19 июля 1895 г.: МКНПР, стр. 176—177.

фирма начиная с 80-х годов продавала свой керосин через «Х. Рит энд К°» и приводил текст договора, заключенного им с этой компанией в начале 1897 г., согласно которому участники договора распределили «сферы влияния» в керосиновой торговле в Германии, Бельгии и Голландии. Из сообщения Нобеля следовало, что заключенное им соглашение является обычным торговым соглашением и ничего общего не имеет с теми обвинениями в союзных действиях с американской «Стандард ойл», которые предъявляла товариществу германская пресса.¹¹³ Все это так и было бы, если бы не то обстоятельство, что с июня 1896 г. контрольный пакет акций «Х. Рит энд К°», принадлежавший до этого времени товариществу «Бр. Нобель», перешел в руки «Стандард ойл», о чем сообщала 24 ноября (н. с.) 1898 г. «Франкфуртер цейтунг». Впоследствии этот факт был подтвержден авторитетным экспертом по нефтяным вопросам — германским экономистом Цепфлем в специально составленной им по заданию русского правительства и впоследствии опубликованной записке о торговле русским и американским керосином в Германии.¹¹⁴ Кроме того, для характеристики соглашения Нобеля с «Рит энд К°» по существу важно отметить, что намеченные этим соглашением границы «сфер влияния» полностью совпадали с теми границами, которые были намечены уже упоминавшимся предварительным соглашением, заключенным весной 1894 г. между «Стандард ойл» и «Союзом бакинских керосинозаводчиков». Видимо, не получив санкции Министерства финансов на свое соглашение с «Союзом бакинских керосинозаводчиков», «Стандард ойл» решила добиться его реализации путем договоров с крупнейшей нефтепромышленной и нефтеторговой компанией России, какой являлось товарищество «Бр. Нобель».

Что это было именно так, можно убедиться на примере еще одного договора, заключенного товариществом «Бр. Нобель» с «Сосьета Итало-Американо пель петролио» («Societa Italo-Americana pel petrolio») — филиалом «Стандард ойл» по торговле керосином в Италии, Швейцарии и Северной Африке. Согласно условиям этого договора, Нобель отказывался от самостоятельной торговли керосином на указанных территориях, обязуясь это делать не иначе, как через посредство «Сосьета Итало-Американо печь петролио».¹¹⁵

Распорядительный комитет «Союза бакинских керосинозаводчиков» в специально созванном экстренном заседании рассматривал указанные договоры, которые товарищество предложило

¹¹³ Нобель — Департаменту торговли и мануфактур 18/30 января 1898 г.: Материалы по истории СССР, т. VI, стр. 144—147.

¹¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, д. 1350, лл. 37—97.

¹¹⁵ Там же, д. 1337, лл. 1—10.

комитету на утверждение. Представитель компании Ротшильдов А. М. Фейгль решительно возразил против принятия предложенных представителем товарищества «Бр. Нобель» договоров, заявив, что «с американцами нужно вступить в одно общее соглашение на всех рынках или не вступать ни в какое». Он находил также «крайне неудобным», что по условиям рассматриваемых соглашений «русский керосин должен быть отдан для продажи американцам». «Во всех случаях, когда говорилось о соглашении с американцами, — указывал он, — предполагалось, что мы выступим такими же продавцами, как и американцы, а не станем поручать им свой керосин для комиссионной торговли». Кроме того, Фейгль указывал, что намеченное соглашением со «Стандард ойл» распределение квот на торговлю керосином неприемлемо для русской стороны. «Предлагаемый нами % участия (25%), — заявил он, — незначителен и может послужить в будущем при общем соглашении дурным и невыгодным для нас прецедентом». Это заявление представляет тем больший интерес, что данная квота лишь повторяла условия распределения экспорта русского и американского керосина, проектированная соглашением Нобель-Либби от 14 марта 1895 г.

Предусмотренная договорами квота (25%) была оптимальной для торговли русским керосином в Западной Европе, но не так обстояло дело на Дальнем Востоке, и Фейгль прямо заявил, что, в случае заключения подобного рода договоров, «мы можем потерять все выгоды занимаемого нами положения на Дальнем Востоке».¹¹⁶ На этот раз к оппозиции Нобелю присоединился и представитель Манташева. И для него торговля на Востоке имела первостепенное значение по сравнению с Европой, тем более, что по условиям соглашения о «Союзе» Манташев, как и другие участники «Бакинского стандарта» утратил прежние позиции на европейском рынке, уступив их Нобелю. В результате Нобель не смог получить санкции на заключенные договоры. Однако он оставил их в силе, бросив тем самым открытый вызов синдикату бакинских керосинозаводчиков и подрывая таким образом самые основы его существования.

Соглашения со «Стандард ойл» закрепили за фирмой Нобеля позиции, завоеванные ею при помощи «Союза бакинских керосинозаводчиков» на важнейших европейских рынках. После этого синдикат совершенно утратил для Нобеля свое значение. Союзнические отношения со «Стандард ойл» давали Нобелю новое средство для достижения монополии, и он не остановился перед тем, чтобы использовать его прямо против своих «союзников» по синдикату.

¹¹⁶ Протокол распорядительного комитета № 37 от 22 апреля/5 мая 1896 г.: ЦГИА Азерб. ССР, ф. 798, оп. 2, д. 4746, лл. 24—26.

Вполне естественно, что действия Нобеля вызвали недовольство со стороны участников синдиката и в первую очередь со стороны Ротшильда. В одном из донесений агента Министерства финансов в Лондоне Каменского указывалось, что соглашения Нобеля с американцами наносят огромный вред керосиновой торговле Ротшильдов в Англии. «Мне неоднократно приходилось слышать, — писал Каменский, — очень худые отзывы о неблагоприятных действиях Нобеля и его стачке со „Стандард ойл“, в которой он жертвовал интересами отечественной нефтепромышленности».¹¹⁷ Высказывались даже предположения, что американский трест держит крупный пакет акций товарищества «Бр. Нобель». Об этом сообщал Министерству финансов один из руководителей конкурировавшей с Рокфеллером известной американской фирмы «Дом Астора». Он утверждал, что «Стандард ойл» «имеет прямые и косвенные интересы в русском керосиновом деле, и притом интересы, быстро возрастающие».¹¹⁸ Что касается косвенных интересов, то для такого утверждения были вполне достаточные основания, но в отношении прямых — дело едва ли обстояло так.

Выступления против Нобеля усилились осенью 1897 г. в связи с истечением срока действия «Союза» и предстоявшими переговорами о его возобновлении. В сентябре 1897 г. «Каспий» перепечатал из лондонской «Стар» («Star») статью «В когтях у Рокфеллера», отмечавшую, что, «потеряв надежду забрать в свои руки русскую керосиновую торговлю и промышленность, „Стандард“ решил погубить ее и нашел себе умелого помощника для выполнения этого плана в лице товарищества „Бр. Нобель“, которое выступило «заодно» с американской компанией и «задалось мыслью стать русским Рокфеллером». Факт же создания нефтяного экспортного синдиката в России газета объясняла сговором между Нобелем и Рокфеллером. Она утверждала, что фирма Нобеля «начала деятельно хлопотать о составлении „Союза“, „поощряемая“ к этому „Стандард ойл“, и отмечала, что Нобель сумел реализовать план создания «Союза», «пользуясь своим влиянием в высших сферах». «Стар» подвергала критике систему торговли русским керосином в Европе, отмечая, что «русский заводчик не может доставить английскому и вообще европейскому покупателю ни одного фунта своего керосина, не пропустив его сперва через руки Нобеля, а потом и Стандарда», и что «бакинский керосин, отправляемый „Союзом“ в разные страны

¹¹⁷ Каменский — Ковалевскому 27 января/9 февраля 1898 г.: МКНПР, стр. 215.

¹¹⁸ Мак Райс — Ковалевскому 26 января/8 февраля 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 179, л. 5.

Европы через Нобеля — на самом деле попадал в руки Стандарда». ¹¹⁹

Статья в «Стар» отражала настроения оппозиционных Нобелю группировок и, скорей всего, была непосредственно инспирирована Самуэлем и Ротшильдом, значительно сблизившимися к этому времени на почве их совместной борьбы против Нобеля. Не желая, видимо, быть заподозренным в солидаризации с авторами статьи из «Стар», «Каспий» выступил в защиту Нобеля. ¹²⁰ Однако выступление это было настолько формальным, что в свою очередь вызвало протест со стороны представителя товарищества «Бр. Нобель», заявившего, что защитительная статья «Каспия» ничем существенно не отличается от статьи в лондонской «Стар». «Вы и пришли, как это ни странно, — писал редактору «Каспия» заведующий Бакинской конторой товарищества П. В. Хагелин, — почти к тождественному выводу с автором английской статьи». ¹²¹

Характеризуя сложившееся к этому времени положение в «Союзе», американский консул в Батуме Чэмберс сообщал в Вашингтон, что «общее мнение» сводится к тому, что «Союз бакинских керосинозаводчиков» с истечением срока действия соглашения в октябре 1897 г. прекратит свое существование. Чэмберс отмечал, однако, что от роспуска «Союза» русские нефтепромышленники, «так мало выигрывают и так много потеряют», что он считает это мало вероятным. «Я не могу поверить, — писал он, — что этому последуют». ¹²²

В своих предположениях, однако, Чэмберс недооценил всей глубины противоречий между участниками «Союза бакинских керосинозаводчиков», буквально раздиравших его на части. Для судеб синдиката едва ли не решающей была позиция Нобеля. А Нобель, взяв от «Союза» все, что мог, теперь всемерно содействовал его развалу. В апреле 1897 г. директор правления нобелевской фирмы Белямин обратился со специальным письмом к распорядительному комитету с предложением пересмотреть условия прежнего договора. «Правление товарищества, — говорилось в письме, — имеет честь заявить комитету „Союза“, что оно признает безусловно необходимым радикально изменить все те положения договора, которые касаются распоряжения делами и направления торговли». Далее следовали конкретные замечания: «слишком многочисленный состав комитета», «непонимание комитетом духа договора в назначении минимальных цен», «нахождение комитета ... в Баку», «отсутствие коммерческой тайны» и

¹¹⁹ Каспий, 1897, 26 сентября.

¹²⁰ Там же, 27 сентября.

¹²¹ Там же, 3 октября.

¹²² Донесение Чэмберса 15 февраля 1897 г.: Consular reports, vol. 56, стр. 190.

т. п.¹²³ Этот документ со всей определенностью показывает недовольство Нобеля условиями договора 2 мая 1895 г., а его практические предложения, по существу, сводились к попытке такой ревизии договора, которая позволила бы восстановить в «Союзе» порядок, существовавший до его заключения. Такой вывод тем более обоснован, что параллельно с письмом к распорядительному комитету Нобель обратился с обстоятельной запиской к правлению Каспийско-Черноморского общества Ротшильда с предложением заключить новое соглашение о торговле керосином за границей.¹²⁴

В первых пунктах представленных Нобелем основных положений соглашения повторялись некоторые из условий договора 2 мая 1895 г., но в целом проектируемые условия нового соглашения существенно отличались от условий прежней организации «Союза». В представленном им проекте Нобель исходил не из соглашения о «Союзе», а из тех договорных отношений, которые сложились к этому времени у него со «Стандард ойл». В частности, он предлагал Ротшильду присоединиться к тем соглашениям с филиалами «Стандард ойл» в Европе, которые вызвали в свое время такие решительные возражения со стороны его представителя при рассмотрении этих соглашений в распорядительном комитете. В новом объединении Нобель и Ротшильд должны были стать безраздельными хозяевами. В условиях проектируемого договора указывалось, что «другие возможные участники этого соглашения допускаются с тем же количеством паев, которое им назначено по ныне действующему договору о „Союзе“, но в то же время оговаривалось, что все непосредственное завладение и все распоряжения, относящиеся к заграничной торговле, распределяются исключительно между [Каспийско-Черноморским] обществом и товариществом [„Бр. Нобель“]. В соответствии с этим и деление мировых рынков производилось между Нобелем и Ротшильдом.¹²⁵ Таким образом, Нобель предлагал Ротшильду заключить двустороннее соглашение, не закрывавшее дверей и для других участников «Союза бакинских керосиноза-

¹²³ Белямин — распорядительному комитету 10/22 апреля 1897 г., ЦГИА Азерб. ССР, ф. 798, оп. 2, д. 4757, лл. 30—32.

¹²⁴ Копия этого обращения на французском языке (без даты) сохранилась в фонде товарищества «Бр. Нобель» (ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, д. 1193, лл. 1—30). Кроме того, его русский перевод (датированный маем 1897 г.) имеется в фонде Департамента железнодорожных дел (см.: МКНПР, стр. 196—200). Этот последний, по всей вероятности, передан был Нобелем Министерству финансов осенью 1897 г. при очередном рассмотрении вопроса о тарифах на Закавказской ж. д. Перед лицом обвинений в «стачке» со «Стандард ойл» в ущерб русской нефтяной промышленности, Нобель хотел показать правительству, что он стремится сплотить русских керосинозаводчиков в новый экспортный союз.

¹²⁵ ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, д. 1193, лл. 1—2.

водчиков», но без всяких прав и возможностей для них влиять на политику нового объединения.

Не располагая данными относительно реакции Ротшильда на предложенный Нобелем план реорганизации синдиката, мы знаем лишь из корреспонденций «Торгово-промышленной газеты», что в конце мая 1897 г. была образована комиссия из представителей крупных фирм для составления проекта нового договора.¹²⁶ «Наиболее вероятной формой соглашения, — сообщалось затем в газете, — следует считать „Союз“ крупных фирм... Средние и мелкие фирмы вступят с этим „Союзом“ или с отдельными участниками его в долгосрочные соглашения и будут перерабатывать для них нефть за известную попудную плату».¹²⁷ Достоверность этого сообщения не подлежит сомнению, так как «Торгово-промышленная газета» являлась официозом Министерства финансов, а под статьей стояла подпись «Л—ъ», за которой, по всей вероятности, скрывался товарищ управляющего конторой «Союза бакинских керосинозаводчиков» Э. С. Левенсон. Как достоверное это сообщение было перепечатано в «Каспии», на страницах которого затем был опубликован и ответ на статью за подписью «Л—ъ» с протестом со стороны представителей средних и мелких фирм.¹²⁸ Желая, видимо, выбить почву из-под ног этой оппозиции, представитель товарищества «Бр. Нобель» на общем собрании «Союза» 24 июня заявил, что имеется проект объединения 12 крупных фирм для ведения совместной торговли за границей и что 34 фирмы, «из которых большинство теперешних внесоюзников желают сдавать керосин этим 12 фирмам».¹²⁹ Однако обсуждение этого вопроса не состоялось: его отложили на начало июля, а затем 13 июля на общем собрании участников «Союза» было принято решение о роспуске синдиката с 1 октября 1897 г., когда истекал срок союзного договора. Тем не менее возможность нового объединения этим еще не была устранена, как полагали в заинтересованных кругах: выжидали как поведет себя Министерство финансов, от позиции которого во многом зависело решение вопроса.

Правительство не оставляло своими заботами синдикат керосинозаводчиков, по-прежнему проявляя живой интерес к вопросу об усилении сбыта русского керосина за границей. По свидетельству управляющего конторой «Союза» Х. С. Антонова русским консулам на Востоке было дано специальное указание «наблюдать за ходом керосиновой торговли в своих районах и периодически сообщал нужные сведения в Департамент торговли

¹²⁶ Торгово-промышленная газета, 1897, 4 мая.

¹²⁷ Там же, 22 мая.

¹²⁸ Каспий, 1897, 5 июня.

¹²⁹ Там же, 27 июня.

[и мануфактур]». ¹³⁰ Эти сведения из донесений консулов регулярно публиковались Министерством финансов на страницах его официального органа — «Вестника финансов, торговли и промышленности», свидетельствуя о большой работе, проделанной в этой области аппаратом иностранного и финансового ведомства царизма. Но дело не ограничивалось публикацией указанных сведений. Некоторые донесения консулов Департамент торговли и мануфактур передавал, по свидетельству Антонова, непосредственно «Союзу бакинских керосинозаводчиков» «к сведению», «из чего, — как он справедливо отмечал, — нельзя не вывести заключения, что департамент в „Союзе“ видит то именно учреждение, которое должно быть озабочено изысканием мер к распространению русского керосина на многочисленных рынках Дальнего Востока». ¹³¹

К этому следует добавить, что департаменты Министерства финансов поддерживали постоянный контакт с руководством крупнейших нефтепромышленных фирм и не было ни одного сколько-нибудь важного вопроса, решение по которому было бы вынесено без учета мнения последних. Об этом можно судить по приглашениям на созывавшиеся Министерством финансов заседания, из которых видно, что представители Нобеля и Ротшильда являлись обязательными участниками всех правительственных совещаний, имеющих отношение к нефтяной промышленности. Еще более показательно, что заменивший Нобеля с 1 января 1895 г. в роли официального представителя Совета съезда бакинских нефтепромышленников М. И. Лазарев, которому «Союз бакинских керосинозаводчиков» доверяет защиту своих интересов, пересылая ему даже обязательный экземпляр протоколов распорядительного комитета, ¹³² в то же самое время являлся чинovníком особых поручений Министерства финансов. Когда же синдикату потребовалась информация о состоянии нефтяной промышленности США, распорядительный комитет решил обратиться с запросом к «Лэйн энд Макэндрю», а также к агенту Министерства финансов в США М. В. Рутковскому, которому за сообщение необходимых сведений постановили платить регулярное вознаграждение. ¹³³ Таким образом, в действиях правительства и нефтепромышленного капитала налицо была определенная согласованность.

В США нефтяной трест Рокфеллера также пользовался покровительством правительства. Американский историк Невинс, один

¹³⁰ Там же, 1 апреля.

¹³¹ Там же.

¹³² Протокол распорядительного комитета, № 76 от 18/30 ноября 1895 г.: ЦГИА Азерб. ССР, ф. 798, оп. 2, д. 4742, лл. 208—209.

¹³³ Протокол распорядительного комитета, № 13 от 14/26 июня 1895 г.: там же, д. 4740, лл. 41—42.

из немногих, получивших доступ к архиву рокфеллеровской компании, писал, что «во всех странах мира» представители Рокфеллера «активно сотрудничали с американскими посланниками и консулами» и что «правительство, угрожая „Стандард ойл“ преследованием у себя дома, за границей помогало ей продавать ее продукцию».¹³⁴ Однако действия американского правительства в этой области и в целом характер взаимоотношений государственного аппарата с монополиями в Соединенных Штатах Америки в той же мере отличались от того, что имело место в России, в какой отличались характер и условия развития капитализма, а вместе с тем и особенности политического строя в каждой из двух стран. В то время как в США ничем не стесняемое развитие капитализма привело в 90-х годах к невиданному росту монополий и усилению их влияния на государственный аппарат, в результате чего США постепенно превращались в «империю трестов», в России, как отмечал В. И. Ленин, новейший капитализм был оплетен густой сетью отношений докапиталистических, а самодержавие представляло собой прежде всего власть дворян-крепостников, которая лишь отчасти была заинтересована в развитии капитализма и, более того, пыталась сдерживать его. Даже те, кто подобно Витте, являлись сторонниками капиталистических преобразований, исходили из того, что преобразования эти необходимы для укрепления власти самодержавия, которому они служили верой и правдой. А это определяло половинчатость и непоследовательность проводимой ими линии.

Интересы самодержавия требовали активного участия России в мировой политике, и царизм готовился выступить во всеоружии новейших методов империалистической экспансии. Но собственных, в особенности экономических, сил для этого не хватало. Поэтому Витте выступил сторонником привлечения в Россию иностранных капиталов, а с другой стороны, разработал и привел в действие целую систему правительственного покровительства, которая должна была по его замыслу компенсировать слабость российского капитализма. Эти методы политики самодержавия, нашедшие свое наиболее яркое воплощение в дальневосточной политике царизма и, в частности, в деятельности Русско-Китайского банка, капитал которого был составлен французскими банками при участии Государственного казначейства и деятельность которого направлялась подведомственным Витте министерством, нашли свое отражение и в политике правительства в нефтяном вопросе.

Продолжая поддерживать «Союз бакинских керосинозаводчиков» в его борьбе с могущественным американским трестом, пра-

¹³⁴ А. Nevins, ук. соч., стр. 34—35.

вительство выступило весной 1896 г. с новой идеей о необходимости принятия мер по усилению сбыта русского керосина на Дальнем Востоке. Русско-Китайский банк уже открыл свои действия и с конца 1895 г. взялся за проведение операций по торговле русским керосином в Китае.¹³⁵ Выступая на X съезде бакинских нефтепромышленников, представитель ротшильдовской компании А. М. Фейгль подчеркивал, что «за последнее время делаются кое-какие шаги Русско-Китайским банком, который предполагает в числе других своих операций заняться также и распространением нашего керосина на Дальнем Востоке».¹³⁶ Весной 1896 г., накануне окончательного решения вопроса о строительстве КВЖД и целой серии дипломатических переговоров, в результате которых «в Петербурге спешили закрепить все возможные исходные пункты программы-максимум относительно Дальнего Востока»,¹³⁷ Витте считал уместным поставить и вопрос о торговле керосином. В апреле 1896 г. в направленном в адрес Совета съезда нефтепромышленников отношении Министерства земледелия и государственных имуществ, ведавшего съездами нефтепромышленников, указывалось, что, «вследствие нового заявления Департамента торговли и мануфактур, предлагается включить в программу предстоящего X съезда вопрос о развитии сбыта нашего керосина вообще и наливного в особенности на рынках Дальнего Востока». Конкретно предлагалось рассмотреть вопросы: 1) «о приобретении в главнейших пунктах сбыта керосина в Китае, Японии и Индии цистерн для наливного и складов для ящичного керосина; 2) «о возможном сформировании русского предприятия для снабжения этих цистерн нашим наливным керосином»; 3) о распространении ламп и горелок, пригодных исключительно для русского керосина.¹³⁸ Предложенные рассмотрению съезда вопросы учитывали уроки конфликта с фирмой Самуэля и, исходя из общей установки дальневосточной политики царизма, заключавшейся в борьбе с английским влиянием, ставили своей целью такую реорганизацию торговли русским керосином на Дальнем Востоке, которая позволила бы устранить английское посредничество. Не случайно и заведующий конторой «Союза бакинских керосинозаводчиков» Антонов, поместивший цитированную выдержку из отношения Министерства государственных имуществ в своей статье, связывал этот вопрос с прибылями, кото-

¹³⁵ До создания Русско-Китайского банка эти операции уже начал осуществлять Международный банк. ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 349.

¹³⁶ Труды X очередного съезда нефтепромышленников в г. Баку. Баку, 1896, стр. 177.

¹³⁷ Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны, стр. 37.

¹³⁸ Каспий, 1897, 1 апреля.

рые достаются Самуэлю. Антонов отмечал, в частности, что Самуэль вывозит ежегодно из Батума около 12 млн пуд. керосина, зарабатывая на этом около 1 млн руб.¹³⁹

Не менее симптоматично также, что опубликование статьи Антонова вызвало письмо с протестом «экспортной фирмы из Лондона», анонимно опубликованное на страницах «Каспия». Письмо это брало под защиту фирму Самуэля и обвиняло автора статьи в несправедливых нападках.¹⁴⁰

Однако предложенный вниманию X съезда бакинских нефтепромышленников вопрос об усилении сбыта русского керосина на Дальнем Востоке не рассматривался. Участники съезда заявили о своей неподготовленности к его обсуждению и рекомендовали Совету съезда обратиться за необходимым материалом к Министерству финансов. Совет съезда последовал этой рекомендации, но был переадресован к «Союзу бакинских керосинозаводчиков», представителю которого, а именно заместителю управляющего конторой «Союза» Левенсону, было поручено выступить с соответствующим докладом на следующем XI съезде нефтепромышленников.

Съезд заслушал доклад Левенсона и принял резолюцию,¹⁴¹ в соответствии с которой Совет съезда обратился затем к Вите с просьбой создать при Министерстве финансов Особую комиссию с участием нефтепромышленников, которая обсудила бы «современное положение русской нефтяной промышленности», условия «нашей экспортной торговли вообще и организация сбыта нашего керосина на рынках Дальнего Востока, в частности». Одновременно контора «Союза бакинских керосинозаводчиков» запросила Русско-Китайский банк о возможности организации русского предприятия по торговле керосином в Китае. «Ввиду предстоящего преобразования нашей экспортной организации в октябре с. г. за истечением срока союзного договора, — говорилось в письме конторы «Союза», — практическое осуществление упомянутого выше русского предприятия может состояться в недалеком будущем».¹⁴² К письму был приложен перечень вопросов об условиях торговли керосином на Дальнем Востоке, который затем был переправлен с соответствующими инструкциями Д. Д. Покотилову и директору Шанхайского отделения Русско-Китайского банка А. Верту.¹⁴³

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же, 9 апреля.

¹⁴¹ Труды XI очередного съезда нефтепромышленников в городе Баку. Баку, 1897, стр. 113—132; «Приложения», стр. 79—93.

¹⁴² Контора «Союза бакинских керосинозаводчиков» — правлению Русско-Китайского банка 8/20 мая 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 29, д. 28, л. 1.

¹⁴³ Там же, лл. 2—3.

В свою очередь Покотилов разослал подробные инструкции русским торговым агентам в различных пунктах Китая с поручением подготовить интересовавшие «Союз бакинских керосинозаводчиков» сведения. А затем, собрав полученный материал, составил обстоятельный доклад о торговле керосином в Китае, направив его одновременно правлению Русско-Китайского банка и Министерству финансов.¹⁴⁴ То же самое сделал и Верт.¹⁴⁵ В обоих докладах были изложены условия торговли керосином в Китае и дана характеристика соотношения сил на дальневосточном рынке. В докладах, в частности, отмечался рост конкуренции со стороны голландских нефтепромышленных компаний, занимавшихся добычей нефти на островах Нидерландской Индии. Эти компании, и в первую очередь выделявшаяся уже в то время своими бурными успехами «Ройял Датч К⁰» («Royal Dutch C⁰»), управление которой с конца 1896 г. перешло в руки молодого голландского коммерсанта Г. Детердинга — в будущем крупнейшего нефтяного магната, уже тогда заключали в себе, по мнению русских представителей в Китае, не менее опасную угрозу, чем американская «Стандард ойл». Мнение это полностью разделялось и представителями «Союза», в выступлениях которых неоднократно подчеркивалась опасность конкуренции со стороны нефтяной промышленности Нидерландской Индии.¹⁴⁶ А опасения такого рода были тем более основательны, что компания Самуэля стала искать контактов с голландскими нефтепромышленниками и в конце 1896 г. приобрела на острове Борнео три нефтеносных участка, организовав там в следующем 1897 г. свое собственное нефтяное производство.¹⁴⁷ По замыслу Самуэля эта акция должна была обеспечить надлежащие гарантии в условиях предпринятых против его компании действий с целью устранить ее от перевозок русской нефти. При этом важно подчеркнуть, что сами представители Самуэля считали застрельщиками этих действий Нобеля и Витте и одно из подтверждений тому видели в принятом по инициативе Министерства финансов в мае 1897 г. законе о том, что перевозка товаров между русскими портами является привилегией русского флага.¹⁴⁸ Правда, представляя на рассмотрение Государственного совета этот закон, Витте решительно отверг попытку дворянско-помещичьих кругов воспользоваться случаем и провести решение, направленное против иностранного капитала вообще. Он заявил,

¹⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 632, оп. 1, д. 10, лл. 6—28.

¹⁴⁵ Верт — правлению Русско-Китайского банка 10/22 сентября 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 538, лл. 107—109.

¹⁴⁶ Каспий, 1897, 25 марта.

¹⁴⁷ K. Beaton. *Enterprise in Oil*. New York, 1957, стр. 42.

¹⁴⁸ F. C. Gerretson. *History of the Royal Dutch*, vol. II. Leiden, 1958, стр. 150—151.

что вопрос этот пуждается в специальном обсуждении и что он, как министр финансов, «по существу не может разделить взгляда о необходимости ограждения нашего мореходного промысла от всякого участия иностранного капитала», ибо «косвенное участие иностранного капитала в пароходном предприятии представляется вполне возможным».¹⁴⁹ Однако представителям Самуэля эти нюансы были неизвестны, а принятое постановление внушало им серьезное беспокойство и было расценено как симптом стремления в конечном итоге полностью устранить иностранный капитал от торговли товарами русского производства.¹⁵⁰ Предложение Вите было принято Государственным советом и утверждено царем.¹⁵¹ А это означало для английской компании, что осуществлявшиеся ею прежде значительные перевозки нефтепродуктов на русский Дальний Восток¹⁵² теперь должны были перейти в руки русских пароходных компаний. Вследствие этого представители Самуэля вскоре объявили о продаже своих резервуаров для хранения керосина во Владивостоке, а представитель Нобеля начал переговоры об их покупке.¹⁵³ По той же причине английская компания активизировала и свою деятельность в отношении нефтяной промышленности Нидерландской Индии.

Но если у представителей Самуэля были основания проявлять беспокойство по поводу действий «Союза бакинских керосинозаводчиков» и поддерживавшего его Министерства финансов, то у последних в свою очередь были основания интересоваться действиями английской компании. Поэтому, отвечая Русско-Китайскому банку письмом благодарности за проделанную Покотиловым и Вертом работу, контора «Союза» просила не оставлять ее информаций и в дальнейшем, подчеркнув особую заинтересованность в материалах о деятельности Самуэля. «Для нас в высшей степени было бы интересно, — говорилось в этом письме, — получить от вашего представителя самые последние сведения об истинном положении нефтяной промышленности на о. Борнео... Самуэль стоит в очень близких отношениях к нашей экспортной

¹⁴⁹ Записка Министерства финансов 11/23 марта 1897 г. «О признании плавания между русскими портами, на разных морях лежащими, привилегией русского флага»: ЦГИАЛ, ф. 1152, оп. XII, д. 144, л. 41.

¹⁵⁰ F. C. Gerretson, ук. соч., стр. 150.

¹⁵¹ Высочайше утвержденное 29 мая 1897 г. мнение Государственного совета «О признании плавания между русскими портами, на разных морях лежащими, привилегией русского флага»: ЦГИАЛ, ф. 1152, оп. XII, д. 144, л. 65.

¹⁵² По сведениям М. И. Лазарева в 1896 г. на русский Дальний Восток было доставлено 268 624 пуда керосина, из них наливом, т. е. судами Самуэля, — 152 тыс. пудов (Лазарев — правлению КВЖД 5/17 июня 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 323, оп. 1, д. 1135, л. 22).

¹⁵³ Бэр — Ротштейну 10/22 июня 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 349, лл. 55—59.

торговле керосином, а потому деятельность Самуэля по эксплуатации нефтяных источников на Дальнем Востоке имеет для нас особый интерес».¹⁵⁴

Однако, несмотря на затраченные усилия, идея создания русского предприятия по торговле керосином на Дальнем Востоке, одновременно ставившая своей целью возрождение синдиката керосинозаводчиков, оказалась неосуществимой. И Покотилов, и Верт отмечали серьезные трудности, которые встретились бы на пути организаторов такого рода предприятия в Китае. Но главное заключалось в том, что в самой России заинтересованные стороны оказались не в силах преодолеть существующие противоречия.

К тому времени, когда Покотилов и Верт представили свое заключение, судьба выдвинутого Министерством финансов проекта практически уже была решена. Помимо разногласий между крупными и мелкими фирмами серьезно обострились отношения между двумя ведущими участниками «Союза» — Нобелем и Ротшильдом. Это было не только расхождение во взглядах по поводу политики на мировом рынке, но и усиление противоречий в борьбе за внутренний рынок, в связи с тем, что Ротшильд приступил в это время к организации новой фирмы, которая должна была заняться торговлей нефтепродуктами исключительно внутри России.

И естественно было ожидать, что в то время как Ротшильд, заинтересованный в дальневосточной торговле, не останется безразличным к поднятому Министерством финансов вопросу, Нобель, если и не выступит открыто против, едва ли будет поддерживать это начинание.

В июле и сентябре 1897 г. Совет съезда снова обратился к Витте относительно созыва Особой комиссии, отметив на этот раз, наряду с трудностями дальневосточной торговли, падение цен на керосин в Германии.¹⁵⁵ А в середине октября в канцелярию министра финансов поступила докладная записка Э. Л. Нобеля, в которой делался еще более решительный поворот от дальневосточных вопросов к европейским. Поддерживая основной тезис Совета съезда об усилении конкуренции со «Стандард ойл» и упоминая о трудностях торговли русским керосином на Дальнем Востоке, Нобель делал упор на состояние европейского рынка. Он указывал, что конкуренция с американцами услож-

¹⁵⁴ Контора «Союза бакинских керосинозаводчиков» — правлению Русско-Китайского банка 19 ноября/1 декабря 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 29, д. 28, лл. 47—48.

¹⁵⁵ Совет съезда нефтепромышленников — министру финансов 25 июля/6 августа, 27 сентября/9 октября 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 2, д. 1156, лл. 12—15, 37—38.

няется возросшей активностью нефтепромышленных компаний Галиции. На примере деятельности своих дочерних предприятий и союзных нефтеторговых фирм в Англии, Германии, Австро-Венгрии и Скандинавских странах Нобель стремился доказать, что его фирма находится в бедственном положении в каждой из указанных стран и обращался к правительству с предложением и просьбой снизить тариф на Закавказской ж. д.¹⁵⁶ В конечном итоге в задачу Нобеля, видимо, и входило свести все к пересмотру железнодорожных тарифов. Теперь после роспуска «Союза», в условиях отсутствия единой экспортной организации, снижение тарифной платы создало бы определенные преимущества крупным фирмам. Поэтому не могло быть сомнений, что этому предложению обеспечена соответствующая поддержка, в том числе и со стороны Ротшильда. А чтобы снижение тарифа, которое должно было повлечь за собой увеличение вывоза нефтепродуктов на внешний рынок, не нарушило проводимой крупными фирмами политики цен, одновременно были приняты меры, чтобы сократить пропускную способность Закавказской ж. д., изъяв из обращения значительную часть вагонов-цистерн. И, забегая вперед, следует сказать, что в результате количество вагонов-цистерн, предоставляемых дорогой, после введения сниженного тарифа резко сократилось. Если в марте 1897 г. при повышенном тарифе Закавказская ж. д. перевезла 11 163 вагонов-цистерн, то в декабре того же года после снижения она пропустила всего 8678 вагонов-цистерн, т. е. на 2475 вагонов-цистерн меньше. «По странной случайности с этим (усилением спроса на вагоны, ввиду понижения тарифа, — А. Ф.), — писал батумский акцизный надзиратель Елмченко, — чрезмерно большое число вагонов-цистерн оказались поступившими в мастерские частично для ремонта, а частично для переделки».¹⁵⁷

Тарифный вопрос стал одним из важнейших рычагов в политике монополистического капитала, и Нобель торопился привести этот рычаг в действие в соответствии с условиями момента. Пометы Витте на полях его докладной записки свидетельствуют о том, что министр внимательно ознакомился с этим документом, а резолюция, адресованная Департаменту железнодорожных дел, — «Прошу подробно разобрать это дело в Тарифном комитете...» — полностью отвечала той цели, которая была поставлена автором записки. Но такое решение устраивало далеко не всех. Совет съезда, действуя через Министерство земледелия и государственных имуществ, которому он был непосредственно подведом-

¹⁵⁶ Докладная записка Э. Л. Нобеля 13/25 октября 1897 г.: там же, лл. 39—41.

¹⁵⁷ Отчет акцизного надзирателя 8-го округа Закавказского края и Закаспийской области за 1897 г.: ЦГА Адж. АССР, ф. 5, д. 12, лл. 15—16.

ствен, еще в начале августа 1897 г. пытался убедить Витте не ограничиваться одним только пересмотром тарифов, а созвать Особую комиссию «с целью выяснения целого ряда других вопросов организации экспортной торговли, которая, ввиду изменившихся к худшему условий торговли керосином на европейских и азиатских рынках, требует неотложного обсуждения». В письме, направленном по этому поводу Департаменту торговли и мануфактур, отмечалось, что за последнее время «многие устройства, созданные в Англии, Италии и других рынках для продажи русского керосина, принадлежавшие иностранным комиссионерам, перешли к американскому Стандарду».¹⁵⁸ Это был прямой намек на соглашения Нобеля со «Стандард ойл», в результате которого торговля русским керосином утратила свои позиции в названных странах, намек — тем более недвусмысленный, что почти одновременно с этим появились выступления в газетах с обвинениями в адрес Нобеля. По этому поводу директор Международного и Русско-Китайского банков Ротштейн специально писал в Париж, сообщая Ротшильдам о «возбуждении, возникшем вокруг фирмы Нобеля, в связи с ее действиями в нефтяных делах». И не удивительно, что это сообщение вызвало живой отклик представителя Ротшильда — Арона. «Я полагаю, — писал он уже после того, как было объявлено о созыве совещания для пересмотра тарифа, — что кампания прессы, несколько отголосков которой дошло до нас, не скоро кончится и что во время совещания бакинских промышленников, о созыве которого объявлено пока без указания его даты, будут много говорить о договоренности Нобеля со „Стандард ойл“, договоренности, до некоторой степени парализующей развитие экспорта русской нефти».¹⁵⁹

Нам неизвестно, какие изменения произошли в дальнейшем, но прогноз Арона не оправдался. На созванном 19 ноября 1897 г. совещании, обсуждавшем вопрос о снижении тарифа, никаких выступлений с критикой Нобеля не последовало. Единственное критическое выступление, которое прозвучало на этом совещании, было выступление бакинского нефтепромышленника Варшавского, заявившего, что в создавшихся условиях снижение тарифа равнозначно предоставлению льгот крупным фирмам.¹⁶⁰ Однако вопреки этому тариф был снижен, и этим дело и ограничилось.

В заключение необходимо подчеркнуть, что одним из основных итогов деятельности синдиката керосинозаводчиков, в пол-

¹⁵⁸ Горный департамент — Департаменту торговли и мануфактур 5/17 августа 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 66, д. 2470, л. 11.

¹⁵⁹ Арон — Ротштейну 18/30 октября 1897 г.: МКНПР, стр. 209.

¹⁶⁰ Журнал совещания 19 ноября/1 декабря 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 2, д. 1156, л. 101.

ном соответствии с монополистическим характером организации, но вопреки расчетам, которые возлагались при его создании Министерством финансов, было сокращение экспортной торговли керосином. Если в 1893 г., еще до начала действия «Союза бакинских керосиновозоводчиков», экспорт керосина составлял 55.26 млн пуд., то в 1894 г. он снизился до 47.15 млн пуд., в 1895 г. равнялся 51.49 млн пуд., в 1896 г. — 46.38 млн пуд., а в 1897 г., когда синдикат прекратил свое существование, он снова показал тенденцию роста, составив 56.31 млн пуд.¹⁶¹ «Союз бакинских керосиновозоводчиков распался...», — писал в своем отчете за 1897 г. батумский акцизный чиновник Елмченко, — и потому должно надеяться, что вывоз за границу снова начнет расти, как рос до начала действия „Союза“». ¹⁶² При этом важно отметить, что сокращение экспорта керосина происходило в результате наступления на позиции мелких и средних фирм, которое вело к неуклонному снижению их доли в общем экспорте. Вместе с тем и в составе «большой тройки» (Нобель, Ротшильд, Манташев) лишь фирма Нобеля сохранила и упрочила свои позиции. В то время как ее доля увеличилась в 1896 г. по сравнению с 1893 г. на 4.8% (с 25.5 до 30.3%) и возросла в абсолютном значении, доля Ротшильда сократилась на 3.3% (с 35.7 до 32.4%) и Манташева на 2.4% (с 12.9 до 9.5%).¹⁶³

Интересы фиска, а также валютные соображения требовали увеличения экспорта, но синдикат не оправдал возложенных на него в этом отношении надежд, и правительство, настойчиво поддерживавшее в свое время «Союз керосиновозоводчиков», теперь практически отказалось содействовать попыткам его возрождения. Неудачный опыт создания экспортного синдиката охладил к нему интерес, и знаменательно, что вскоре последовали принятые царским правительством по настоянию Витте решения, которыми открывался более широкий доступ в нефтяную промышленность иностранному капиталу. Весной 1897 г. в интересах государственного кредита Витте сделал попытку утвердиться на английском денежном рынке.¹⁶⁴ В этих условиях выдвигавшиеся до сих пор мотивы борьбы с англичанами утратили прежнее значение. Начался массовый наплыв английских капиталов в Россию, и в результате те самые силы, которые в свое время, захватив

¹⁶¹ С. и Л. Першке, ук. соч., стр. 60.

¹⁶² Отчет акцизного надзирателя 8-го округа Закавказского края и Закаспийской области за 1897 г.: ЦГА Адж. АССР, ф. 5, д. 12, л. 35.

¹⁶³ Вестник финансов, промышленности и торговли, 1894, 20 марта/1 апреля; 1897, 1/13 июня.

¹⁶⁴ Б. В. Ананьич. Русское самодержавие и внешние займы в 1898—1902 гг. Из истории империализма в России, Труды ЛОИИ, вып. 1, М.—Л., 1959, стр. 188—189.

транспортировку русского керосина на Дальний Восток, подчинили своему контролю этот важный участок, теперь получили возможность утвердиться и в бакинском нефтяном производстве.

Таким образом, судьба «Союза бакинских керосинозаводчиков» была решена. С истечением срока договора 1895 г. он прекратил свое существование. Начинался новый этап борьбы за русскую нефть, который оказался связанным с активизацией экспансии иностранного капитала и усилением господства монополий.¹⁶⁵

¹⁶⁵ М. Я. Гефтер, Л. Е. Шепелев. О проникновении английского капитала в нефтяную промышленность России (1898—1902 гг.). Исторический архив, 1960, № 6, стр. 76—104; Л. Эвентов. Иностранный капитал в нефтяной промышленности России. 1874—1917. М.—Л., 1925, стр. 32—35.

В. А. НАРДОВА

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 80-х ГОДАХ XIX в. И ПРОБЛЕМА ТРАНСПОРТИРОВКИ НЕФТЯНЫХ ГРУЗОВ

Отмена крепостного права и системы откупа (1872 г.) устранили препятствия на пути развития нефтяной промышленности России, которая, совершив переход от мануфактуры к машинной индустрии, к началу XX в. вышла на первое место в мире. «Добыча нефти, в 60-х годах не достигавшая и миллиона пудов (557 тыс. в 1865 г.), — писал В. И. Ленин, — в 1870 г. составила 1.7 млн пуд., в 1875 г. — 5.2 млн пуд., в 1880 г. — 21.5 млн пуд., в 1885 г. — 116 млн пуд., в 1890 г. — 242.9 млн пуд., в 1895 г. — 384.0 млн пуд., в 1902 г. — 637.7 млн пуд.»¹ Показателем успехов бакинской нефтяной промышленности является окончательное вытеснение с русского рынка в 80-е годы американского керосина. В 1877 г. американский керосин составлял 26.5% всего количества керосина, потребленного в России, в 1800 г. — 12%, а в 1885 г. его привоз почти прекратился.² «Громадное развитие производств по добыче и обработке нефти, — отмечал В. И. Ленин, — вызвало усиленное потребление в России керосина, вытеснившего вполне американский продукт».³ Бурный рост бакинской нефтяной промышленности сопровождался процессом концентрации производства, устранением из нефтяного дела мелких предпринимателей, сосредоточением его в руках крупных капиталистов и, по преимуществу, акционерных компаний. Если в 1883 г. в Бакинском районе существовала одна фирма с добычей нефти свыше 10 млн пуд., то в 1891 г. таких фирм было 10 и на их долю приходилось 63% всей нефтедобычи.⁴ В 80-е годы склады-

¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, изд. 5-е, стр. 491.

² Представление министра государственных имуществ в Комитет министров 28 февраля 1887 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 33, д. 31, л. 194.

³ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, изд. 5-е, стр. 491.

⁴ Таблица добычи нефти в 1891 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 73, д. 292, лл. 13—14.

ваются первые монополии. Особое место среди них занимает товарищество нефтяного производства «Бр. Нобель».⁵

Темпы роста бакинской нефтяной промышленности в 80-е годы неразрывно связаны с успехами в транспортировке нефтяных грузов (сооружение Закавказской ж. д., организация прямой перевозки по Каспийскому морю, Волге и Грязе-Царицынской ж. д. без участия продавца, переход от тарной к наливной перевозке и пр.). Вследствие удаленности Баку от основных экономических центров страны вопрос перевозки нефтепродуктов стоял очень остро. Потребление в Бакинском районе керосина — основного для того времени продукта нефтяной промышленности — за десятилетие почти не изменилось и составило в 1891 г. менее 5% его производства.⁶ Начиная со второй половины 80-х годов развитие нефтяной промышленности в значительной мере стимулировалось все возрастающим спросом на жидкое топливо. В 1891 г. во внутренние губернии России было доставлено свыше 103 млн нефтяных остатков.⁷ Проблема вывоза нефтяных продуктов из Баку приобретала поэтому первостепенное экономическое значение как необходимое условие самого существования и дальнейшего развития нефтяной промышленности и не случайно на протяжении всех 80-х годов находилась в центре внимания бакинских нефтепромышленников. В течение целого десятилетия с повестки дня не сходил вопрос о сооружении Каспийско-Черноморского нефтепровода, борьба вокруг проекта которого привела к расколу нефтепромышленников на два лагеря: противников и сторонников нефтепровода. Тесно связанный с усовершенствованием нефтеперегонки, с созданием второго центра нефтеперерабатывающей промышленности на Черноморском побережье, вопрос о нефтепроводе вместе с тем был частью общей проблемы, проблемы транспортировки нефтяных грузов. Ожесточенная борьба, которая разворачивается в 80-е годы за овладение транс-

⁵ Если общая добыча нефти с 1879 по 1889 г. увеличилась в 4 раза то добыча Нобеля за тот же период возросла в 32 раза, достигнув 32 млн пуд. (Л. Эвентов. Иностранный капитал в нефтяной промышленности России. М., 1925, стр. 20). Уже в 1885 г. из 76 нефтепромышленных фирм 9 крупнейших производили 23 979 686 пуд. керосина, что составляло $\frac{3}{4}$ всего бакинского производства. Причем почти половина этого количества приходилась на одну фирму «Бр. Нобель» — 10 700 тыс. пуд. (отношение заведующего горными заводами и промыслами управляющему горной частью на Кавказе 7 апреля 1886 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 31, д. 350, лл. 71—72). Особенно сильные позиции завоевывает Нобель в области сбыта нефтепродуктов, поставляя на внутренний рынок до половины всего количества керосина.

⁶ В 1891 г. из 78 830 000 пуд. керосина из Бакинского района было вывезено 74 251 518 пуд. (Отчет бакинского губернатора о состоянии губернии за 1891 г.: ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 223, д. 171, лл. 21, 23).

⁷ Там же, л. 23.

портными средствами, играла решающую роль в попытках крупного капитала монополизировать в своих руках нефтяное дело. Подобно тому, как американский нефтяной трест «Стандард ойл», который к началу XX в. контролировал 90% добычи нефти и производства нефтепродуктов в США, установил монополию, сосредоточив в своих руках транспортировку нефтяных продуктов, в России крупнейшая нефтепромышленная фирма «Бр. Нобель» с самого начала своей деятельности также взяла курс на монополизацию нефтяной промышленности путем сосредоточения в своих руках средств перевозки.

Придя к выводу, «что только устройство дешевых и быстрых способов перевозки дало американскому керосину возможность встать в то преобладающее на всемирном рынке положение, которое он занимает...»,⁸ братья Нобель уже с конца 70-х годов уделяют особое внимание вопросам транспортировки нефтепродуктов. Фирма Нобеля впервые вводит в широком масштабе танкерную перевозку нефти, вагоны-цистерны, сооружает первый в России нефтепровод. Как видно из отчета товарищества «Бр. Нобель» за 1883 г., именно организация перевозки нефтяных продуктов поглотила большую часть средств товарищества. Из 21 млн руб. основного капитала в собственно нефтяное дело — в добычу и переработку нефти — было вложено лишь около 5 млн руб.⁹

Введение наливного флота на Каспии и Волге, так же как и железнодорожные наливные перевозки, давали Нобелю колоссальную экономию, а вместе с тем и преимущества по сравнению с прочими нефтепромышленниками.¹⁰ Поэтому, пытаясь затормозить создание наливного флота другими предпринимателями, Нобель в начале 80-х годов опубликовал в местной печати ряд широковещательных объявлений об ожидаемом прибытии его новых наливных судов и предстоящем принятии чужих грузов. На практике эти обещания свелись к случайным и одиночным перевозкам, но многие нефтепромышленники, приняв заверения Нобеля за чистую монету, отказались от своих первоначальных намерений и лишь два года спустя приступили к строительству собственного наливного флота. За это время товарищество «Бр. Нобель» сумело образцово поставить дело транспортировки нефти-

⁸ Ходатайство Л. Э. Нобеля и П. А. Бильдерлинга министру финансов об учреждении товарищества «Бр. Нобель» 31 августа 1878 г.: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 4, д. 3287.

⁹ Товарищество нефтяного производства «Бр. Нобель». Отчет за 1883 г. СПб., 1884.

¹⁰ В середине 70-х годов упаковка керосина при тарной перевозке обходилась дороже самого товара (см.: В. Е. Пархоменко. Д. И. Менделеев и русское нефтяное дело. М., 1957, стр. 29).

ных грузов. Наливной флот Нобеля на Каспии и Волге¹¹ за навигацию был способен перевезти 6 млн пуд. керосина, почти в 2 раза больше, чем все остальные нефтепромышленники.¹² Добившись привилегированного положения на Грязе-Царицынской ж. д.,¹³ по которой шло преобладающее количество нефтяных грузов на внутренний рынок, Нобель держал в своих руках монополию и в сухопутных перевозках. Вся Россия была покрыта сетью нобелевских резервуаров и складов для хранения керосина: в Астрахани, Царицыне, Саратове, Бобруйске, Нижнем Новгороде, Перми, Москве, Орле, С.-Петербурге и в других местах. В докладе правления товарищества в начале 1883 г. отмечалось: «Пароходы, транспортные суда, вагоны и все прочие сооружения товарищества по развозке, разливу и хранению нефтяных продуктов... представляют собой типы, удовлетворяющие самым строгим техническим и экономическим требованиям и не дающие повода опасаться конкуренции».¹⁴ Прогнозы товарищества оказались, однако, излишне оптимистическими. В ближайшие годы положение с транспортировкой нефтяных грузов меняется: открывается Закавказская ж. д., устанавливается прямое сообщение по Каспийскому морю, Волге и Грязе-Царицынской ж. д., растет наливной флот на Каспии и Волге, выдвигается проект сооружения Каспийско-Черноморского нефтепровода, первая попытка сооружения которого, кстати сказать, принадлежала американцу Г. Тведлу.

Стремясь утвердиться в нефтяной промышленности Кавказа, Тведл в 70—80-х годах неоднократно пытался получить концессию на строительство Каспийско-Черноморского нефтепровода. В 1877—1878 гг. Тведлом совместно с чиновником Министерства финансов К. Бодиско было представлено в Министерство финансов последовательно четыре варианта проекта учреждения товарищества Каспийско-Черноморских нефтепроводов.¹⁵ Целью

¹¹ В распоряжении Нобеля была целая флотилия из 69 судов: 12 больших морских пароходов, 10 меньших для Волги, 8 железных барж, 7 палубных судов с керосиновыми резервуарами, 32 деревянных баржи для остатков.

¹² В навигацию 1883 г. все нефтепромышленники, кроме Нобеля, вывезли 3,5 млн пуд. керосина (Каспий, 1883, 16 ноября).

¹³ Товарищество «Бр. Нобель» было единственной фирмой, получившей разрешение поставить на дорогу собственный наливной состав. В 1883 г. Нобель имел на дороге 1500 собственных вагонов-цистерн, в распоряжении всех остальных нефтепромышленников было 450 вагонов, принадлежащих дороге.

¹⁴ Доклад правления товарищества «Бр. Нобель» общему собранию пайщиков, не позднее апреля 1883 г.: МКНПР, стр. 48.

¹⁵ Объяснительная записка Г. Тведла и К. Бодиско к плану сооружения Бакинско-Тифлиско-Потийского нефтепровода, 17 декабря 1877 г.; проект концессии товарищества Каспийско-Черноморских нефте-

этого товарищества провозглашалось устройство нефтепроводов от месторождений нефти до побережий морей Каспийского, Черного, Азовского и впадающих в них рек, а также добыча и переработка нефти. Для этого в соответствии с проектом товарищество просило предоставить ему право 1) арендовать или приобретать в собственность по всей Российской империи нефтяные источники, земли, леса, 2) строить нефтеперегонные, механические и другие заводы, 3) производить торговлю нефтью и нефтяными продуктами как в России, так и за границей.

Проект Тведла встретил единодушное противодействие бакинских нефтепромышленников¹⁶ и был отвергнут правительством на том основании, что предоставление концессии Тведлу «равнялось бы отдаче в монополию одного товарищества всех важнейших нефтяных месторождений».¹⁷ Проекту Тведла бакинские нефтепромышленники противопоставили ходатайство о скорейшем сооружении Закавказской ж. д., которая должна была связать Баку с Черным морем и открыть нефтяным продуктам путь за границу.

До 1883 г., когда началась эксплуатация Закавказской ж. д., вывоз керосина за границу осуществлялся через балтийские порты и был крайне незначителен. Возможности же внутреннего рынка были весьма ограничены, и во весь рост вставал вопрос о широком выходе на заграничные рынки. Важнейшая роль в их завоевании отводилась Закавказской ж. д. Однако Закавказская дорога не оправдала возлагавшихся на нее надежд. В многочисленных жалобах нефтепромышленников¹⁸ отмечалась недостаточность подвижного состава, плохое оборудование разгрузочной и погрузочной станций, отсутствие складов для хранения нефтяных продуктов и прочее. До 1885 г. дорога имела всего 400 вагонов-цистерн. Однако и это количество вовсе не поступало в распоряжение всех нефтепромышленников. Главные акционеры дороги Бунге и Палашковский, организовав Батумское нефтепромышлен-

проводов, февраль 1878 г.; проект концессии, май 1878 г.; пояснительная записка Г. Тведла и К. Бодиско к окончательному варианту проекта: ЦГИА Азерб. ССР, ф. 92, оп. 4, д. 17, лл. 33—34, 37, 49—51, 53.

¹⁶ Заключение бакинских нефтепромышленников на проект Тведла и Бодиско, 1878 г.: там же, лл. 65—67.

¹⁷ Отношение министра финансов министру государственных имуществ 23 февраля 1878 г.: там же, лл. 26—27.

¹⁸ Телеграмма главноначальствующего гражданской частью на Кавказе министру финансов 22 мая 1884 г.; прошение бакинского городского головы и представителя от бакинских нефтепромышленников великому князю Михаилу Николаевичу 29 июля 1884 г.; докладная записка уполномоченных общего собрания бакинских нефтепромышленников министру финансов, август 1884 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 1, д. 1220, лл. 22, 29—31, 36—38.

ное и торговое общество для вывоза нефтяных продуктов за границу, широко использовали возможности дороги в ущерб остальным нефтепромышленникам. «Господин Палашковский и тайно и явно старался, и не безуспешно, монополизировать экспорт нефтяных продуктов по этой дороге за собой», — писали нефтепромышленники в ходатайстве на имя министра путей сообщения, перечисляя многочисленные ухищрения Палашковского для обеспечения привилегированного положения Батумского нефтепромышленного и торгового общества.¹⁹

Для урегулирования столкновений нефтепромышленников с дорогой в 1884 г. была создана специальная комиссия из представителей нефтяной промышленности и дороги. Однако комиссия оказалась не в состоянии преодолеть разногласия, которые возникали между мелкими и крупными нефтепромышленниками, и прекратила свое существование.

Наряду с необеспеченностью Закавказской ж. д. подвижным составом, определившей на многие годы борьбу нефтепромышленников за вагоны, другим недостатком была малая пропускная способность дороги. Даже в перспективе речь могла идти лишь о весьма незначительном расширении провозоспособности дороги. На Особом совещании по вопросу о размере кредита на приспособление Закавказской ж. д. к потребностям бакинской нефтепромышленности было решено довести ее провозоспособность до 11 млн пуд. в год, причем вывоз керосина за границу определялся в размере 5 млн пуд.²⁰ Таким образом, расчеты нефтепромышленников на Закавказскую ж. д. не оправдывались.

Не случайно, что именно в 1883 г., когда уже стала ясной бесперспективность Закавказской ж. д. в плане массовых нефтяных перевозок, возник ряд проектов соединения районов нефтедобычи с портами Черного моря посредством трубопровода. В ноябре 1883 г. газета «Каспий» сообщала, что о концессии на сооружение нефтепровода хлопочут одновременно шесть предпринимателей.²¹ В марте 1883 г. главноначальствующий гражданской частью на Кавказе А. М. Дондуков-Корсаков удовлетворил ходатайство С. И. Саломона, поверенного московского фабриканта Листа, о проведении изысканий между Баку и Батумом для сооружения нефтепровода.²²

В ноябре 1883 г. в министерства финансов, государственных имуществ и путей сообщения поступило ходатайство отставного капитан-лейтенанта А. П. Ханыкова о предоставлении ему кон-

¹⁹ Каспий, 1885, 25 февраля.

²⁰ Журнал особого совещания, 6 октября 1884 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 1, д. 1221, лл. 2—5.

²¹ Каспий, 1883, 25 ноября.

²² Кавказ, 20 марта.

цессии на сооружение нефтепровода от Баку до одного из портов Черного моря.²³ Для этой цели Ханыков предполагал образовать товарищество на паях в России или анонимную компанию за границей.²⁴ 15 сентября 1883 г. Ханыков выступил со своим проектом на общем собрании нефтепромышленников Баку и заявил о готовности группы капиталистов вложить в дело необходимые средства при условии гарантирования русским правительством беспощинного вывоза сырья за границу. Однако собрание, категорически высказавшись против свободного вывоза нефти за границу, отклонило предложение Ханыкова.²⁵ Проект Ханыкова не встретил поддержки и в правительственных сферах. Министр государственных имуществ М. Н. Островский, отметив, что представленный проект отличается полной неопределенностью как в техническом, так и в экономическом отношениях и ограничивается лишь указанием прав и льгот, какими должен пользоваться концессионер, считал, что «эта неопределенность может создать монополию и повести к вредным последствиям», и высказался за отклонение ходатайства Ханыкова.²⁶

В конце 1883 г. на имя министра финансов поступило новое ходатайство Тведла о концессии на проведение нефтепровода от Петровска до Сухуми.²⁷ На этот раз, как отмечал «Каспий», Тведл попытался изобразить себя образцом «бескорыстия и равнодушия к казенному сундуку».²⁸ Он не только не ставил вопроса о каких-либо гарантиях или привилегиях, но и выражал готовность заплатить даже за казенные земли, по которым пройдет нефтепровод. Вместе с тем в проекте Тведла было много недоговоренного и неопределенного. Прежде всего оставался неясным вопрос о характере самого предприятия: предназначался ли нефтепровод

²³ Ханыков предлагал «соорудить магистральный нефтепровод на свой собственный риск и страх, не требуя со стороны правительства никакой гарантии», на следующих условиях: пропускная способность нефтепровода — 50 млн пуд., максимальная цена за прогон нефти — 15 коп. за пуд, с каждого пуда пропущенной нефти — 3 коп. в пользу казны, срок завершения постройки 3 года, устройство параллельных нефтепроводов запрещается на 15 лет и др.

²⁴ Промшение Ханыкова на имя министра финансов 24 ноября 1883 г.; проект главных оснований предприятия; записка о нефтепроводе: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 31, д. 483, лл. 3—11; докладная записка Ханыкова министру путей сообщения 17 декабря 1883 г.: ЦГИАЛ, ф. 174, оп. 1/1, д. 1618, лл. 1—7.

²⁵ Бакинские известия, 1883, 18 сентября; Каспий, 1883, 18 сентября.

²⁶ Отношение министра государственных имуществ министру финансов 21 января 1884 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 31, д. 483, лл. 16—17.

²⁷ Проект Тведла и пояснительная записка к нему напечатаны в газете: Бакинские известия, 1884, 25 марта; отношение министра финансов министру государственных имуществ 18 сентября 1883 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 31, д. 483, л. 1.

²⁸ Каспий, 1884, 25 марта.

для нужд всех бакинских нефтепромышленников или для перекачки нефти, добываемой самим Тведлом. Сопоставление § 1 и § 9 проекта заставляет склоняться к последнему. Параграф 9, которым устанавливалась тарифная плата за перекачку нефти по нефтепроводу, вызывал серьезные недоумения. Назначив тариф в размере 12 коп. с пуда, Тведл не мог не отдавать себе отчета в том, что, вследствие перевозки нефти морем от Баку до Петровска и обусловленной этим двойной перекачки нефти, общая стоимость ее доставки к Черному морю возрастала вдвое и становилась для бакинских нефтепромышленников неприемлемой. На кого же в таком случае нефтепровод был рассчитан?

Ответом на этот вопрос может служить § 1 проекта, которым предусматривалось не только устройство нефтепровода и его эксплуатация, но также добыча нефти и производство различных нефтепродуктов для торговли ими в России или за границей. Таким образом, Тведл по-прежнему пытался соединить в своих руках добычу, переработку нефти и ее транспортировку.

Проект Тведла обсуждался в Особой комиссии в Тифлисе, созданной главноначальствующим гражданской частью на Кавказе, которая, учитывая решение общего собрания нефтепромышленников в Баку от 25 апреля 1884 г., отклонила проект Тведла и поддержала ходатайство нефтепромышленников об увеличении провозоспособности Закавказской ж. д.²⁹

В 1883—1884 гг. после перехода кавказских нефтяных промыслов в ведение Министерства государственных имуществ³⁰ в министерстве была разработана программа мероприятий для упрочения русского нефтяного дела, опубликованная затем в записке члена Совета министра И. П. Архипова — «Меры, предполагаемые Министерством государственных имуществ для развития нефтяной промышленности».³¹ Объясняя причины кризиса «обилием сырого материала и фабrikатов, из него получаемых», с одной стороны, и «недостатком рынков сбыта для готовых продуктов» — с другой, записка ставила вопрос о завоевании кавказской нефтью заграничных рынков. Главное препятствие в осуществлении этой задачи в записке усматривалось в недостаточном развитии перевозочных средств («Трудно ожидать, чтобы торговля керосином могла приобрести какое-либо значение на заграничных рынках до тех пор, пока способ передвижения нефти

²⁹ Там же, 1 мая.

³⁰ Закон от 26 апреля 1883 г. о передаче управления государственными имуществами, делами сельского хозяйства и горной частью на Кавказе в ведение Министерства государственных имуществ.

³¹ Записка И. П. Архипова «Меры, предполагаемые Министерством государственных имуществ для развития нефтяной промышленности». 1884 г.: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 5, д. 587, лл. 122—138.

к Черному морю ограничивается перевозкой по Закавказской ж. д.)³². «Остается одно наиболее радикальное средство, именно сооружение нефтепровода от Баку до Батума и устройство в Батуме заводов для переработки нефти», — указывалось в записке.³³ Записка Архипова рассматривалась в правительственных комиссиях при Министерстве государственных имуществ и Министерстве путей сообщений,³⁴ а также подверглась всестороннему обсуждению как в прессе, так и в научных учреждениях страны: в Русском техническом обществе³⁵ и Обществе для содействия русской промышленности и торговле.³⁶ Наибольший интерес вызвал проект строительства транскавказского нефтепровода.

Предварительная стадия обсуждения вопроса о постройке нефтепровода затянулась вплоть до весны 1887 г. Причем в ходе обсуждения само предложение Архипова подверглось радикальному изменению. В 1884 г. ставился вопрос исключительно о постройке нефтепровода средствами казны: «Сооружение это принесет действительную пользу лишь в том случае, — писал Архипов, — если оно будет исполнено и эксплуатируемо самим правительством, не преследующим никаких коммерческих выгод».³⁷ Однако, так как по финансовым соображениям правительство не могло приступить к строительству казенного нефтепровода, Министерство государственных имуществ высказалось за предоставление концессии на нефтепровод частным лицам. В 1885 г. Архиповым был разработан проект основных положений о концессии на строительство нефтепровода частной компанией,³⁸ который и явился, по существу, предметом рассмотрения в Комитете министров в марте 1887 г.

Однако следует отметить, что проект Каспийско-Черноморского нефтепровода не только не получил поддержки самих неф-

³² Там же, л. 131.

³³ Там же, л. 137.

³⁴ Журнал комиссии при Министерстве государственных имуществ о сооружении Каспийско-Черноморского нефтепровода, июнь—июль 1884 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 66, д. 1908, лл. 185—193; Материалы, собранные комиссией, учрежденной при Горном департаменте для рассмотрения записки инженеров Еракова и Демина о Закавказском нефтепроводе. СПб., 1886.

³⁵ Труды комиссии при Русском техническом обществе по вопросу о нефтепроводе и мерах к развитию нефтяного дела в России. СПб., 1885.

³⁶ Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле, т. XVI, СПб., 1886, лл. 7—11.

³⁷ Записка Архипова «Меры, предполагаемые Министерством государственных имуществ для развития нефтяной промышленности», 1884 г.: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 5, д. 587, л. 137.

³⁸ Записка Архипова об устройстве нефтепровода на средства акционерного общества: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 33, д. 31, лл. 49—72.

тепромышленников, но со стороны значительной их части вызвал отчаянное сопротивление. В лагере противников нефтепровода оказались в первую очередь представители нефтеперерабатывающей промышленности, отрицательное отношение которых вызывалось боязнью утратить свое монопольное положение с возникновением нефтеперегонных заводов на Черноморском побережье. К ним примкнули владельцы перевозочных средств, представители железнодорожных и паровозных обществ, опасавшиеся конкуренции нефтепровода. Надеясь найти на Черноморском побережье новых покупателей нефти и тем самым ослабить свою зависимость от бакинских керосинозаводчиков, представители добывающей промышленности решительно поддерживали проект нефтепровода. Размежевание нефтепромышленников в вопросе о нефтепроводе произошло уже летом 1884 г. в комиссии при Министерстве государственных имуществ, образованной для обсуждения записки Архипова: представители добывающей промышленности высказались за нефтепровод, представители обрабатывающей промышленности и перевозчики нефти — против.³⁹

Та же картина обнаружилась и на I съезде бакинских нефтепромышленников (октябрь, 1884 г.), на рассмотрение которого правительство передало проект казенного нефтепровода. Обсудив выдвинутые в записке Архипова доводы в пользу сооружения нефтепровода, съезд пришел к выводу о его преждевременности и принял соответствующую резолюцию 49 голосами против 12.⁴⁰ Численный перевес был на стороне бакинских керосинозаводчиков и представителей железнодорожных и паровозных обществ. Заинтересованные в нефтепроводе представители добывающей промышленности остались в меньшинстве.⁴¹ Об этом прямо писал в своем представлении в Комитет министров министр государственных имуществ М. Н. Островский. «Если принять во внимание, что большинство членов этого съезда, — указывал Островский, — принадлежало к бакинской обрабатывающей промышленности, а также представителям железнодорожных и паровозных обществ, то действительный смысл такого постановления становится понятным. Отсрочивая прокладку трубопровода на неопределенный срок, бакинские заводчики хотели оставить добывающую промышленность в прежнем выгодном только для них и

³⁹ Журнал комиссии при Министерстве государственных имуществ: там же, оп. 66, д. 1908, лл. 185—193.

⁴⁰ Труды I съезда нефтепромышленников в г. Баку. Баку, 1885, стр. 204—229.

⁴¹ Из 109 участников съезда с правом голоса 27 нефтепромышленников имели только нефтяные промыслы, 42 владели керосиновыми заводами, 28 имели промыслы и заводы, 11 являлись представителями паровозных обществ и железных дорог (там же, стр. VI—X).

подчиненном им положении, а владельцы перевозочных средств старались таким решением избежать опасного для них, по дешевизне доставки, конкурента».⁴²

С самого начала враждебную позицию по отношению к нефтепроводу занял Нобель. Однако в активную борьбу против нефтепровода Нобель включился позднее. На этом этапе Нобель направил всю свою энергию на закрепление своего монопольного положения на существовавших путях перевозки **нефтяных** продуктов. При этом фирма Нобеля решительно выступала против любых попыток нефтепромышленников нарушить сложившийся статус-кво, против каждого шага, направленного к усовершенствованию транспортировки нефтяных грузов.

В августе—сентябре 1883 г. в ходатайствах на имя министра путей сообщения Посыета и председателя Высшей железнодорожной комиссии графа Баранова нефтепромышленники подняли ряд вопросов, в том числе об организации прямого сообщения между Баку и внутренней Россией по Закавказской ж. д., через Черное море, по Юго-Западным ж. д., а также об увеличении наливного подвижного состава на железных дорогах.⁴³ Одновременно правление Грязе-Царицынской ж. д., стремясь сохранить за собой значительную часть нефтяных перевозок, выступило с инициативой организации прямого сообщения по Каспийскому морю, Волге и Царицынской ж. д.⁴⁴ Это предложение отвечало интересам преобладающего числа бакинских нефтепромышленников и было одобрено общим собранием нефтепромышленников в сентябре 1883 г.⁴⁵ Однако прямое сообщение подрывало преимущественное положение Нобеля. Пытаясь во что бы то ни стало сохранить свою монополию в транспортировке нефтепродуктов, но не имея возможности выступить против проекта прямого сообщения открыто, товарищество «Бр. Нобель» попыталось сделать

⁴² Представление министра государственных имуществ в Комитет министров 23 февраля 1887 г.: МКНПР, стр. 665, прим. № 45.

⁴³ Бакинские известия, 1883, 7 августа, 29 сентября.

⁴⁴ Прямое сообщение для перевозки нефтяных грузов было установлено с начала навигации 1884 г., в соответствии с конвенцией, заключенной между обществом Грязе-Царицынской ж. д., товариществом «Нефть» и обществом «Кавказ и Меркурий». По условиям этой конвенции каждый владелец керосина мог сдать свой груз в общий сливной резервуар в Баку и получить соответствующее количество керосина на месте назначения непосредственно из вагона или из складов товарищества «Нефть», уплатив стоимость провоза и хранения или переведа эти расходы на получателя. Прямая перевозка грузов осуществлялась по 25 дорогам (Грязе-Царицынской, Орловско-Витебской, Рижско-Вяземской, Петербургско-Варшавской и др.) при единственном условии — гарантировании нефтепромышленниками выделки односортного керосина (Бакинские известия, 1884, 26 февраля, 15 апреля, 7 июня).

⁴⁵ Бакинские известия, 1883, 6 октября.

это обходным путем. Рассчитывая провалить это предложение или в крайнем случае отсрочить его осуществление, Нобель выдвинул проект организации особой компании для перевозки и хранения нефтяных продуктов по всей России. Этот проект являлся составной частью широко задуманной им программы монополизации производства и сбыта нефтепродуктов посредством создания крупного монополистического объединения бакинских нефтепромышленников. В сентябре 1883 г. из Петербурга в Баку прибыл поверенный товарищества «Бр. Нобель» В. А. Полетика с проектом создания синдиката — во главе с 6 крупными фирмами — для урегулирования цен на керосин, ввозимый во внутренние губернии России. С целью стабилизации цен на нефтяные продукты (имелась в виду возможность их повышения до 20%) Полетика предложил ограничить поступление керосина на внутренний рынок размерами спроса и в соответствии с этой цифрой установить нормы производства керосина для каждого завода. Потребность внутреннего рынка в керосине была определена в 12 млн пуд. Исходя из этой цифры, Полетика на заседании комиссии нефтепромышленников по обсуждению его проекта в качестве основы соглашения потребовал предоставления Нобелю производства 6 млн пуд. «Товарищество с будущего года, — заявил он, — будет в состоянии выработать, вывезти и хранить в своих резервуарах до 15 млн пуд. керосина. И, несмотря на это, оно согласно ограничить вывоз своего керосина на русские рынки 6 млн пуд., но с тем, чтобы и все остальные заводчики вместе вывезли тоже не более этого количества».⁴⁶ Предполагаемые ограничения касались исключительно внутреннего рынка и не распространялись на производство керосина, предназначенного на экспорт. «Соглашение коснется, — говорил Полетика, — только продажи керосина на внутреннем рынке. Что же касается вывоза керосина за границу, то стеснять чью бы то ни было деятельность в этом направлении не представляется никакой надобности».⁴⁷

Вопросы внешней торговли керосином с 1883 г. занимали в планах товарищества особое место. На чрезвычайном общем собрании пайщиков товарищества «Бр. Нобель» 29 января 1883 г. было решено довести в этом году экспорт керосина до 1 млн пуд.⁴⁸ Конфиденциальный доклад правления, относящийся к первой четверти 1883 г., ставил перед товариществом задачу освоения внешних рынков и положительно оценивал возможности в пред-

⁴⁶ Там же, 16 октября.

⁴⁷ Там же, 18 сентября.

⁴⁸ Протокол чрезвычайного общего собрания пайщиков товарищества «Бр. Нобель» 29 января 1883 г.: ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, д. 1726, лл. 32—37.

стоящей борьбе за мировой керосиновый рынок с американским нефтяным трестом «Стандард ойл».⁴⁹

Широкий масштаб намеченных Нобелем мероприятий требовал значительных свободных денежных средств, которыми товарищество не располагало. Разрешение этих затруднений в известной мере связывалось с осуществлением предложенного Полетикой проекта. Компания для перевозки и хранения продуктов в России должна была сыграть не только роль противовеса проекту прямой перевозки. Предполагалось, что, поскольку эта компания составит путем объединения имущества крупнейших бакинских фирм, будет возможным под залог образовавшегося значительного акционерного капитала произвести выпуск гарантированных правительством облигаций. Назначение облигационного капитала, по мнению Нобеля, должно было состоять исключительно в приобретении и устройстве перевозочных средств. Для облегчения этой задачи Нобель предлагал уступить компании все свои перевозочные средства: морские и речные суда, вагоны-цистерны, резервуары, разгрузочные станции за 10 млн руб. гарантированными облигациями. Высвободившиеся в результате этой операции средства и могли быть переброшены для реализации планов развития экспортной торговли. Но, ориентируясь на заграничные рынки, Нобель не собирался сдавать позиций, завоеванных на внутренних рынках. В результате осуществления своего плана Нобель не только закреплял за собой половину сбыта всего керосина внутри России, но в качестве обладателя значительной части облигационного капитала фактически становился хозяином и на внутреннем рынке.

Действительный смысл нобелевских предложений не остался неразгаданным. На последнем заседании комиссии, давая оценку проекту Полетики, нефтепромышленник Де Бур говорил: «„Бр. Нобель“, получив облигационный капитал в свои руки, останутся фактически хозяевами этого предприятия, так как, владея всеми облигациями, им не трудно будет влиять как на выбор членов правления, так и на дальнейшее направление дела. Полученные же ими под залог нашего имущества миллионы только дадут товариществу „Бр. Нобель“ еще новые силы, с которыми оно, вероятно, и будет действовать по прежней своей программе, хотя может и перенесет свою деятельность с востока на запад, чтобы таким образом с нашей помощью стать на более прямой и более дешевый путь для доставки нефтяных продуктов на внешние рынки. При существовании компании, имеющей право на исключительную перевозку нефтяных грузов, все наше

⁴⁹ Доклад правления товарищества «Бр. Нобель», не позднее апреля 1883 г.: МКНПР, стр. 47—53.

нефтяное дело и его дальнейший рост станут в прямую зависимость от этой компании».⁵⁰

Преследующая далеко идущие цели программа урегулирования цен на внутреннем рынке, так же как и предложения Нобеля о создании перевозочной компании, кончились провалом. Нефтепромышленники, в первую очередь крупные, боясь поглощения товариществом «Бр. Нобель», не поддерживали его проекта.

Однако, потерпев неудачу, Нобель не только не сложил оружия, но объявил нефтепромышленникам открытую войну. К началу 1884 г. он вошел в соглашение с целым рядом фирм о покупке нефти. По условиям заключенных договоров Нобель обязывался по определенной цене принимать половину нефти, добытой на промысле в истекшем году, а нефтепромышленники в свою очередь обязывались не продавать нефть никому, кроме товарищества «Бр. Нобель».⁵¹ Эта комбинация, которой искусственно достигалось значительное сокращение добычи нефти, привела не только к быстрому повышению цен на нефть, но сделала вскоре ее приобретение для керосинозаводчиков невозможным. «Цель договоров, заключенных Нобелем, — писала газета «Каспий», — сделаться хозяином керосинового рынка и поднять цену на керосин». Газета рассматривала сделки 1884 г. как следствие прошлогоднего предложения Нобеля об урегулировании цен на керосин.⁵²

Именно такого рода соглашения о скупке нефти и керосина, позволявшие Нобелю сосредоточить в своих руках значительную часть поступающих на рынок продуктов, легли в основу его дальнейшей политики. Отказавшись от первоначальных планов синдицирования нефтяной промышленности, Нобель менее откровенными приемами и средствами осуществлял монополизацию нефтяного рынка. Вместе с тем залог своего успеха товарищество по-прежнему видело в преимущественном положении в области транспортировки нефтяных грузов. Поэтому все последующие годы сфера нефтяных перевозок оставалась важнейшей ареной борьбы товарищества с нефтепромышленниками.

С начала 80-х годов, как уже отмечалось, товариществом «Бр. Нобель» был разработан и осуществлен план перевозки нефтяных продуктов во внутренние губернии России по Каспийскому морю и Волге до Царицына и далее по железным дорогам. Этим же путем производился и вывоз нефтяных продуктов товарищества Балтийским морем за границу. С открытием Закавказской ж. д. экспорт нефтяных продуктов Черным морем стал

⁵⁰ Бакинские известия, 1883, 20 октября.

⁵¹ Каспий, 1884, 10 и 12 января.

⁵² Там же, 24 мая.

гораздо выгоднее. Однако, вложив колоссальные средства в организацию нефтяной торговли через Каспий, товарищество не было заинтересовано в расширении возможностей экспорта по Закавказской ж. д., в чем были заинтересованы остальные керосинозаводчики,⁵³ товарищество упорно отстаивало преимущества вывоза нефтяных продуктов за границу через внутренние губернии России и даже доказывало, что по сравнению с экспортом Черным морем последнее выгоднее для государства, поскольку от удлинения пути прохождения продуктов по железным дорогам увеличивается якобы железнодорожный сбор. Летом 1884 г. в комиссии при Министерстве путей сообщения представители товарищества «Бр. Нобель» не только не поддержали ходатайство нефтепромышленников об увеличении количества вагонов-цистерн на дороге, но противопоставили ему свое прошение о разрешении проложить керосинопровод для перекачки собственной нефти через Сурам с правом продолжить его до Батума.⁵⁴ Отнюдь не отражая действительных намерений товарищества, это ходатайство являлось лишь попыткой сорвать предполагаемое расширение подвижного состава дороги. Характеризуя политику товарищества «Бр. Нобель» в этом вопросе, Совет съезда бакинских керосинозаводчиков писал: «Сначала товарищество выдвигает вопрос об устройстве для себя керосинопровода через перевал Поти-Тифлиской ж. д., и в представленной по этому поводу записке оно уверяет, что этим самым правительство избавится от затрат на усиление провозоспособности дороги, о чем хлопотали нефтепромышленники», а затем представители товарищества Грачев и Белямин «настойчиво добиваются ограничения числа наливных вагонов на Закавказской ж. д. для общего пользования и в то же время просят о разрешении товариществу поставить свой подвижной состав для себя».⁵⁵

В стремлении парализовать конкуренцию товарищество шло на любую крайность. В апреле 1885 г. дело дошло до судебного разбирательства. Речь шла о действиях Нобеля против строительства береговой железнодорожной ветви, связывающей Баку с заводами Черного города.

Ходатайство нефтепромышленников о сооружении береговой ветви обсуждалось в специальной правительственной комиссии по вопросу о приспособлении Закавказской ж. д. к нуждам нефтя-

⁵³ Товарищество «Бр. Нобель» приступило к отпавке продуктов по Закавказской ж. д. лишь с конца 1885 г.

⁵⁴ Протокол комиссии 21 июня—23 июля 1884 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 1, д. 1220, лл. 45—89.

⁵⁵ Заключение Совета съезда нефтепромышленников по вопросу перевозки керосина наливом 17 мая 1885 г.: МКНПР, стр. 55.

ной промышленности еще летом 1884 г.⁵⁶ Тогда по тактическим соображениям Нобель присоединился к принятому решению о бесплатном отводе частных земель под железнодорожную ветвь. Однако в начале 1885 г. товарищество опротестовало составленный проект и не дало согласия на продолжение железнодорожной линии по своей земле. Когда был составлен новый проект, предусматривающий проведение железной дороги по городской земле, Нобель скупил ряд участков, примыкающих к территории, предназначенной для строительства. А в ночь на 14 марта, по распоряжению Нобеля, его рабочие, захватив общественную дорогу, воздвигли поперек пути каменную стену и разбросали уже уложенные рельсы и шпалы. На помощь строителям, с которыми нобелевские рабочие завязали настоящее сражение, были вызваны отряды казаков.⁵⁷

В том же году Нобель начал кампанию против использования деревянных судов для перевозки нефтяных грузов. Транспортировка керосина в деревянных баржах без металлических цистерн началась с навигации 1884 г. и за первый год таким путем было вывезено до 1 млн пуд. керосина. Если приобретение дорогостоящих металлических судов мелким и средним нефтепромышленникам было не под силу, то деревянный флот на Каспии и Волге увеличивался с каждым днем и ставил под угрозу монопольное положение Нобеля на Каспии и Волге. Вместе с тем нефтепромышленники, не имевшие ранее собственных наливных судов, оказались теперь в более выгодных условиях, чем товарищество, затратившее на обзаведение наливным флотом колоссальные средства. Поскольку, согласно произведенным Нобелем расчетам, стоимость деревянной баржи была в 7 раз меньше, чем железной той же вместимости,⁵⁸ то соответственно и доставка керосина Нобелю обходилась много дороже, чем его конкурентам. Под предлогом борьбы с опасностью взрывов на деревянных судах товарищество вступило в бой со своими конкурентами.

22 января 1885 г. правление товарищества «Бр. Нобель» обратилось к нижегородскому губернатору с ходатайством о безусловном запрещении употребления для перевозки керосина наливом в деревянных судах.⁵⁹ Аналогичные ходатайства были отправлены

⁵⁶ Протоколы комиссии по вопросу об увеличении перевозочных средств Закавказской ж. д. 21 июня—23 июля 1884 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 1, д. 1220, лл. 70, 87.

⁵⁷ Заключение Совета съезда нефтепромышленников по вопросу о перевозке керосина наливом в деревянных баржах 17 мая 1885 г.: МКНПР, стр. 55; Биржевые ведомости, 1885, 6 апреля; Каспий, 1885, 20 апреля.

⁵⁸ Записка товарищества «Бр. Нобель» нижегородскому губернатору о необходимости запрещения перевозки керосина наливом в деревянных баржах 22 января 1885 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 66, д. 1918, лл. 21—22.

⁵⁹ Там же, лл. 17—23.

астраханскому, ярославскому, казанскому, самарскому и саратовскому губернаторам. Разоблачая мотивы этих действий Нобеля, «Каспий» писал: «Товарищество „Бр. Нобель“ непроизводительно убухало громадный капитал на железные баржи, выпустило из своих рук столь желанную перевозочную монополию и теперь старается поправить свои дела, нарядившись в обветшалую тогу бескорыстного служителя общественных интересов». ⁶⁰ Замена имеющихся деревянных судов железными обошлась бы нефтепромышленникам в 28 млн руб. ⁶¹ Поэтому требование Нобеля о замене деревянного флота железным было равносильно уничтожению перевозочных средств мелких собственников.

Бакинское отделение Русского технического общества признало требование Нобеля с технической стороны безосновательным. ⁶² 27 апреля и 6 мая протест фирмы «Бр. Нобель» обсуждался Советом съезда бакинских нефтепромышленников, который вскрыл подоплеку выступления Нобеля. «Истинная цель, преследуемая этой фирмой в рассматриваемой записке, — говорилось в заключении Совета съезда, — представляет домогательство с ее стороны запрещения деревянных наливных барж, чтобы, опираясь на свой железный наливной флот, монополизировать исключительно в своих руках керосиновые рынки... и тогда-то устанавливать по своему произволу цены на керосин, чтобы получить с того самого общества, о безопасности и пользах которого товарищество, по его словам, постоянно радеет, премию за сделанные им ранее ошибки». ⁶³ Для обсуждения вопроса о способе перевозки наливом нефтяных продуктов по внутренним водным путям при Министерстве путей сообщения была образована специальная комиссия с участием нефтепромышленников и представителей пароходных обществ. Учитывая многочисленные протесты, комиссия не нашла возможным безотлагательно удовлетворить ходатайство Нобеля, но перевозка керосина в деревянных баржах наливом была разрешена лишь временно, до конца навигации 1886 г. ⁶⁴

⁶⁰ Каспий, 1885, 2 апреля.

⁶¹ Биржевые ведомости, 1885, 12 мая.

⁶² Заключение комиссии членов Бакинского отделения Русского технического общества 31 марта и 17 апреля 1885 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 66, д. 1918, л. 15.

⁶³ Заключение Совета съезда нефтепромышленников по вопросу о перевозке керосина наливом в деревянных баржах 17 мая 1885 г.: МКНПР, стр. 56.

⁶⁴ Протокол заседаний комиссии при Министерстве путей сообщения для обсуждения способов перевозки наливом нефтяных продуктов по внутренним водным путям 9—25 апреля 1885 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 66, д. 1918, лл. 27—42.

Между тем к весне 1886 г. нефтяная промышленность снова вступила в полосу затруднений. Налицо были признаки нового кризиса перепроизводства.⁶⁵ Его причины «Каспий» приписывал перепроизводству вследствие конкурентной борьбы, которая возникла между Нобелем и остальными нефтепромышленниками.⁶⁶

Вывоз керосина на внутренний рынок (в пудах)

	1883 г.	1884 г.	1885 г.
«Бр. Нобель»	6400000	9500000	10246839
Остальные фирмы	5310319	8230442	8915733

На самом же деле возможности сбыта далеко не были исчерпаны, поскольку район потребления керосина в России был крайне ограничен. Несмотря на организацию в 1884 г. прямой наливной перевозки, проблема транспортировки нефтяных продуктов на внутренний рынок по-прежнему оставалась не разрешенной, являясь одним из препятствий для расширения сбыта. Уже в 1885 г., ссылаясь на недостаток наливного состава и «безобразное распределение вагонов», многие нефтепромышленники отказались заключать контракты на отправку грузов прямым сообщением по Грязе-Царицынской ж. д.⁶⁷ Неудовлетворительная организация перевозок на этой трассе послужила причиной переброски части нефтяных грузов на другие железные дороги, в том числе на Тамбовско-Саратовскую и Московско-Нижегородскую. Стремясь увеличить нефтяные перевозки, эти дороги значительно снизили железнодорожный тариф и выразили согласие допустить поставку на дорогу частных железнодорожных цистерн. На эти мероприятия Грязе-Царицынская ж. д. в свою очередь ответила понижением тарифа, которое сделало перевозку керосина по конкурирующим дорогам невыгодной.⁶⁸ Однако никаких шагов к удовлетворению претензий, предъявленных дороге со стороны нефтепромышленников, недовольство которых не разделялось только товариществом «Бр. Нобель», ею предпринято не было. В сентябре 1886 г. в телеграмме на имя министра путей сообщения нефтепромышленники жаловались

⁶⁵ Производство керосина в 1886 г. достигло 34 млн пуд., 9 млн пуд. из этого количества было вывезено за границу и 23 млн пуд. — на внутренние рынки, где вместе с остатком от прошлого года оказалось более 30 млн пуд. Это в два раза превышало норму потребления керосина в России, которая составляла приблизительно 14—16 млн пуд. (Каспий, 1887, 25 февраля, 20 августа).

⁶⁶ Каспий, 1886, 9 октября.

⁶⁷ Там же, 1885, 22 октября; 1886, 12 января.

⁶⁸ В соображениях правления об изменении тарифа указывалось, что понижение производится «ввиду урегулирования провозной платы за перевозку нефтяных продуктов из Царицына с другими конкурирующими путями» (ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 3, д. 1984, лл. 5—6).

на явно недостаточную провозоспособность дороги и вместе с тем указывали на роль фирмы «Нобель» в усугублении трудностей в перевозке нефтяных грузов по Грязе-Царицынской ж. д. «Фирма „Бр. Нобель“, — писали они, имеющая собственный наливной подвижной состав, значительно больший, чем подвижной состав, находящийся в распоряжении Царицынской дороги, предъявляет требования на вагоны-цистерны железной дороги, уменьшая таким образом средства, которые дорога могла бы предоставить нам. Требования фирмы „Бр. Нобель“ и удовлетворение их железной дорогой приносят нам громадный ущерб, и мы в них видим лишь желание со стороны Нобеля затормозить наш вывоз, так как при существующей ныне у Нобеля организации перевозки средств, которыми он владеет, совершенно достаточно для перевозки всего его керосина».⁶⁹

Действительно, имея на Грязе-Царицынской ж. д. 1500 вагонов-цистерн, фирма получила по разверстке, которую дорога производила в соответствии с наличным количеством предъявляемого керосина, почти половину всех вагонов дороги. Большая же часть собственных вагонов Нобеля, разбросанная по разным железнодорожным станциям, не была в употреблении.⁷⁰ А поскольку вывоз товарищества во внутренние губернии России составлял более половины всего вывоза керосина, то и это обстоятельство не могло не отразиться на положении керосинового рынка. Располагая собственными вагонами-цистернами, складами и резервуарами по всей России, товарищество имело огромные преимущества перед остальными нефтепромышленниками, большая часть которых была вынуждена сбывать свой керосин на одном царицынском рынке, где вследствие скопления товара цены упали настолько, что не покрывали даже издержек производства. Естественно, что Нобель рассчитывал извлечь из этого существенные выгоды. Характеризуя положение нефтяной промышленности в 1886 г., Нобель с уверенностью в своей победе писал: «Излишнее производство, которое без сомнения существовало в 1885 г., теперь должно будет довести цены до крайнего предела; понятно, что никто не остановит своего производства, пока оно дает еще какую-либо выгоду, но и не будет долго продолжать работать с убытком. Вопрос поэтому состоит в том, кто может при низких ныне существующих ценах продолжать свое производство и кто должен прекратить?»⁷¹

Кризис 1886 г. привел к закрытию значительного количества мелких и средних предприятий. Из 136 заводов к концу 1886 г.

⁶⁹ Каспий, 1886, 26 сентября.

⁷⁰ Там же, 4 сентября.

⁷¹ Записка Нобеля о положении керосинового дела в России 24 марта 1886 г.: ЦГИАЛ, ф. 587, оп. 56, д. 1035, л. 8.

в действии были только 89. В то же время, согласно официальному отчету, товарищество «Бр. Нобель» увеличило сбыт керосина в 1886 г., по сравнению с предшествующим годом, на 35%. «Такого результата, — указывалось в отчете, — возможно было достигнуть, конечно, при условии некоторого понижения продажных цен».⁷²

Определенные коррективы в состояние нефтяных дел вносила экспортная торговля керосином. В 1883 г. за границу было вывезено 1,5 млн пуд. керосина (1 494 000 пуд.). В 1884 г. вывоз возрос более чем вдвое и равнялся 3 851 000 пуд. В 1885 г. он составлял уже 7 млн пуд. и в 1886 г. достиг 9 млн пуд. В то время как внутренняя торговля с 1883 г. по 1886 г. увеличилась на 77%, внешняя торговля возросла на 522%.⁷³ Большая часть экспортного керосина шла по Закавказской ж. д. Так, по Закавказской ж. д. было вывезено за границу: в 1884 г. — 2 753 157 пуд., в 1885 г. — 5 373 065 пуд., в 1886 г. — 6 936 000 пуд.⁷⁴ Весь вывоз керосина по Закавказской ж. д. в 1886 г. достиг 14 млн пуд. Это стало возможным благодаря увеличению подвижного наливного состава (с 400 вагонов в 1883 г. до 1212 в 1886 г.) и устройству полустанка Ципа, что позволило вдвое увеличить провозоспособность горного участка железной дороги. Однако, несмотря на эти меры, Закавказская ж. д. и теперь могла удовлетворить запросы нефтепромышленников на вагоны в крайне незначительной степени (от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{5}$ требуемого количества вагонов).

При распределении вагонов в заседании железнодорожной комиссии они брались чуть ли не с боя. Правила распределения наливных вагонов все время эволюционировали в сторону лучшего обеспечения интересов крупных фирм. Если первоначально на долю крупных фирм была отведена $\frac{1}{3}$ вагонов, то к началу 1886 г. им предоставлялась уже $\frac{1}{2}$. В соответствии с правилами, выработанными временным комитетом по распределению вагонов в марте 1886 г., крупным фирмам отводилось $\frac{2}{3}$ вагонов.⁷⁵ Ввиду острого недостатка в наливных вагонах, правление дороги в 1886 г. стало заключать конвенции на поставку нефтепромышленниками собственных наливных вагонов, чем опять-таки в первую очередь воспользовались крупные фирмы.

Таким образом, расширение внешней торговли, участие в которой мелких и средних нефтепромышленников было незначи-

⁷² Товарищество нефтяного производства «Бр. Нобель». Отчет за 1886 г. СПб., 1887, стр. 1.

⁷³ Каспий, 1888, 9 февраля.

⁷⁴ Представление министра государственных имуществ в Комитет министров 28 февраля 1887 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 33, д. 31, л. 196.

⁷⁵ Там же, оп. 31, д. 350, лл. 42—43.

тельным, не могло оказать существенного влияния на состояние их дел. В обстановке кризиса противоречия между различными группировками в нефтяной промышленности проявились с особой силой. Наиболее острый характер приняла борьба по вопросу о налоге на нефть. С инициативой введения налога выступили крупнейшие бакинские нефтепромышленники, которые стремились усугубить трудности, переживаемые нефтяной промышленностью, для дальнейшего наступления на своих конкурентов.⁷⁶ Новый толчок в этих условиях получила борьба по вопросу о нефтепроводе. «Никогда еще, кажется, не обострялась так борьба сторонников и противников нефтепровода, как в настоящее время», — писала газета «Каспий» в ноябре 1886 г.⁷⁷ Многочисленные ходатайства о немедленном сооружении нефтепровода, поданные главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, министру государственных имуществ, министру финансов, выражали прежде всего заинтересованность в нефтепроводе представителей добывающей промышленности. Последняя целиком зависела от горстки бакинских керосинозаводчиков, которые являлись единственными покупателями их нефти и диктовали свои условия. С 5 коп. за пуд в 1880 г. цена на сырую нефть снизилась до 1½ коп. и не покрывала даже издержек производства. При появлении фонтанов нефть продавалась за полкопейки и ниже. С нефтепроводом, который предполагал появление на Черноморском побережье новых нефтеперегонных заводов, представители добывающей промышленности связывали надежду на улучшение своих дел.

Под ударами кризиса 1886 г. в лагерь сторонников нефтепровода перешла и часть представителей обрабатывающей промышленности.⁷⁸ Однако большинство бакинских керосинозаводчиков занимало диаметрально противоположную позицию и решительно выступало против проекта.⁷⁹

Одним из средств, направленных на срыв Каспийско-Черноморского нефтепровода, было муссирование слухов об истощении бакинских нефтяных месторождений. Сознательно подогревае-

⁷⁶ Вопрос обложения нефтяной промышленности налогом не рассматривается, поскольку он выходит за рамки темы настоящей статьи.

⁷⁷ Каспий, 1886, 6 ноября.

⁷⁸ Идею сооружения нефтепровода поддерживали, в частности, бакинские керосинозаводчики Г. З. А. Тагиев и С. Багиров (прошение нефтепромышленников министру государственных имуществ 3 октября 1886 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 33, д. 31, лл. 98—99).

⁷⁹ Проект строительства нефтепровода вызвал также возражения со стороны угледобытчиков Юга России, которые опасались появления на Черноморском побережье дешевого нефтяного топлива (Труды XI съезда горнопромышленников Юга России. Харьков, 1886; Труды XII съезда горнопромышленников Юга России. Харьков, 1887).

мые крупными бакинскими нефтепромышленниками слухи о нефтяном истощении превратились в 1886 г. в настоящую панику. Наибольшую активность в распространении заведомо ложных утверждений проявлял Нобель. В начале 1886 г. он потребовал создания специальной правительственной комиссии для тщательного изучения вопроса об истощении нефтяных промыслов,⁸⁰ выступил с предложением налога на нефть и ряда других мероприятий, которые могли якобы отдалить крах нефтяного дела. Пропаганда сторонников «теории» наступающего истощения перешла даже за пределы Российской империи. В работе В. Пархоменко «Д. И. Менделеев и русское нефтяное дело» приводятся факты о появлении в зарубежных газетах статей об истощении русских нефтяных месторождений. «Целью этой пропаганды, — пишет Пархоменко, — было отвлечь иностранных капиталистов от вложения средств в сооружение Баку-Батумского нефтепровода и вообще в русское нефтяное дело».⁸¹ Панические слухи о начавшемся истощении были решительно опровергнуты Д. И. Менделеевым, который по заданию Министерства государственных имуществ посетил Баку в мае и августе 1886 г. В работе «Бакинское нефтяное дело в 1886 г.», представлявшей собой отчет о его поездке, Менделеев доказал, что «ныне в Баку еще не может быть речи об истощении».⁸²

Менделеев отмечал то обстоятельство, что русская нефтяная промышленность «сосредоточилась исключительно в Баку, откуда готовый товар вывозить нет других средств и путей, кроме Закавказской ж. д. и Волги. 40 млн пуд. готового товара может производить Баку; больше не в состоянии, потому что нет средств для отправки этого товара, если он и будет произведен».⁸³ Вот почему Менделеев считал, что в условиях «вывоза нефти в том или другом виде из Баку лежит весь вопрос будущности бакинской нефтяной промышленности»⁸⁴ и с самого начала горячо поддерживал идею сооружения Каспийско-Черноморского нефтепровода.⁸⁵ «Без

⁸⁰ Ходатайство Нобеля министру государственных имуществ, январь 1886 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 31, д. 368, л. 1.

⁸¹ В. Е. Пархоменко. Д. И. Менделеев и русское нефтяное дело. М., 1957, лл. 228—229.

⁸² Д. И. Менделеев. Бакинское нефтяное дело в 1886 г. Сочинения, т. X, Л.—М., 1949, стр. 623.

⁸³ Там же, стр. 643.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ В серии статей под заголовком «По нефтяным делам» (1885 г.), в статьях «К вопросу о нефтепроводе» (1886 г.), «Бакинское нефтяное дело в 1886 году», «К вопросу о нефтепроводе и керосинопроводе» (1887 г.), «По поводу слухов о бакинском нефтяном истощении» (1887 г.) и других Д. И. Менделеев доказывал необходимость сооружения нефтепровода.

нефтепровода, — писал Менделеев, — нефтяное дело Баку должно прекратить свое развитие».⁸⁶

В своем отчете Министерству государственных имуществ Д. И. Менделеев противопоставлял нефтепровод керосинопроводу. Сооружение последнего, как писал Менделеев, приведет лишь «к укреплению той косности заводчиков... которая состоит в упорном стремлении производить из нашей нефти керосин, подобный американскому».⁸⁷ Нефтепровод же, по мнению Менделеева, «должен послужить к устранению этой косности, так как возбудит на берегах Черного моря устройство новых заводов»,⁸⁸ которые в силу целого ряда обстоятельств вынуждены будут перейти к иным способам переработки сырья, что явится стимулом и для перестройки и развития бакинского нефтяного производства.

Со строительством нефтепровода Д. И. Менделеев связывал в первую очередь возникновение на Черном море второго центра нефтеперерабатывающей промышленности, соперничающего с Баку. «Недостатки современного положения нефтяных наших дел определяются монополизмом нефтяных дел, перешедших в руки одних бакинских заводчиков», — писал Менделеев и ждал успеха «только от отсутствия всякого вида монополизма и прежде всего от единовременного существования бакинских и черноморских заводов». «Еще высший результат рисуется мне тогда, — продолжал Менделеев, — когда вместе с бакинскими и черноморскими заводами будут существовать и действовать волжские нефтяные заводы».⁸⁹

По мнению Менделеева, черноморские заводы будут иметь для экспортной торговли такое же значение, как волжские заводы для внутреннего потребления.⁹⁰ Отстаивая свою программу, Менделеев утверждал, что «только бакинским заводчикам, подобным Л. Э. Нобелю, есть свой интерес защищать монополизм бакинских заводов».⁹¹

До тех пор пока Нобель не верил в реальность нефтепровода, он занимал выжидательное положение. Но к началу 1887 г. неф-

⁸⁶ Д. И. Менделеев. По вопросу о нефтепроводе и керосинопроводе. Там же, стр. 741.

⁸⁷ Д. И. Менделеев. Бакинское нефтяное дело в 1886 г. Там же, стр. 646. Д. И. Менделеев показал, что переработка нефти в Баку приняла совершенно ложное направление, не обусловленное свойствами кавказской нефти: бакинские заводчики, приняв за образец американский петролеум, получают из кавказской нефти сходный с американским осветительным маслом продукт, которого в ней содержится не более 20—30%, в то время как выход тяжелых осветительных масел из бакинской нефти может быть доведен до 80%.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же, стр. 655.

⁹⁰ Д. И. Менделеев. По нефтяным делам. Там же, стр. 494.

⁹¹ Там же, стр. 499.

тепловодный вопрос, казалось, сдвинулся с мертвой точки. 12 января 1887 г. Соединенное присутствие Совета министра государственных имуществ и Горного совета вынесло положительное решение о предоставлении частной компании права устройства Каспийско-Черноморского нефтепровода.⁹² А 16 января Нобель отправил министру государственных имуществ письмо с просьбой сообщить ему условия предполагаемой концессии. «До сих пор, — писал Нобель, — я не позволял себе утруждать вас каким-либо заявлением по вопросу о проведении Баку-Батумского нефтепровода, уже три года вызывающему ожесточенную полемику о пользе и вреде предполагаемого сооружения». Он подчеркивал, что и теперь не видит повода к беспокойству, так как не допускает, «чтобы правительство захотело преднамеренно разорить русскую нефтеобрабатывающую промышленность» и в данном случае выполняет лишь поручение Бакинской городской думы.⁹³ Однако Нобель получил неожиданный отпор. Ему ответили, что министр государственных имуществ не видит оснований сообщать какие-либо сведения, поскольку вопрос о нефтепроводе окончательно рассмотрен.⁹⁴ Тогда Нобель рассылает по всем инстанциям (главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, председателю Комитета министров, царю) протест против «монополии» на сооружение нефтепровода и ходатайствует о предоставлении всем желающим права прокладывать собственные нефтепроводы или керосинопроводы. В местной и столичной печати появляется большое количество антинептепроводных статей, некоторые из которых за подписью самого Нобеля.⁹⁵ Наконец, Нобель вторично обращается к министру государственных имуществ.⁹⁶ В поданной им записке доказывалось, что нефтепровод не вызывается насущной потребностью нефтяной промышленности, указывалось на отрицательные последствия сооружения нефтепровода и выдвигалась идея Баку-Батумского керосинопровода, уже развенчанная Д. И. Менделеевым.

Одновременно был поднят вопрос о строительстве общедоступных керосинопроводов через Сурамский перевал.⁹⁷ 22 февраля

⁹² Журнал Совета министра государственных имуществ и Горного совета, 24 января 1887 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 33, д. 31, лл. 155—173.

⁹³ Письмо Нобеля министру государственных имуществ 16 января 1887 г.: МКНПР, стр. 80—81.

⁹⁴ Ответ директора Горного департамента Нобелю 23 января 1887 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 33, д. 31, лл. 152—153.

⁹⁵ Новое время, 1887, 18 февраля; Новости и биржевая газета, 1887, 28 февраля; 1 марта.

⁹⁶ Записка Нобеля министру государственных имуществ 13 марта 1887 г.: МКНПР, стр. 81—85.

⁹⁷ Сурамский перевал, по которому проходила Закавказская ж. д., вследствие крутизны подъемов мог пропустить весьма незначительное ко-

Бакинская городская дума обратилась к главноначальствующему гражданской частью на Кавказе А. М. Дондукову-Корсакову с ходатайством о разрешении на строительство керосинопроводов через Сурам.⁹⁸ В данном случае дума выступала выразителем интересов Нобеля, предложение которого о строительстве керосинопроводов наряду с задачей расширения возможностей экспорта своего керосина имело целью отвлечь внимание правительства от вопроса о нефтепроводе, подменить проект нефтепровода проектом малоэффективных керосинопроводов и, в конечном счете, сорвать осуществление нефтепровода. Поддерживая прошение думы, А. М. Дондуков-Корсаков писал в Петербург, что «единственный выход из тяготеющего над нашей нефтяной промышленностью кризиса, созданного как избытком производства, так и отсутствием перевозочных средств, заключается в немедленном дозволении устройства частных керосинопроводов через Сурамский перевал», и ходатайствовал о рассмотрении Комитетом министров этого вопроса параллельно с проектом Каспийско-Черноморского нефтепровода.⁹⁹

Обсуждение проекта Каспийско-Черноморского нефтепровода в Комитете министров по представлению министра государственных имуществ¹⁰⁰ состоялось 24 и 31 марта 1887 г.¹⁰¹ Основываясь на отчете Д. И. Менделеева,¹⁰² министр Островский дал подробную характеристику бакинской нефтяной промышленности и высказался за сооружение транскавказского нефтепровода. Комитет министров большинством голосов одобрил выдвинутый проект и рекомендовал «для достижения наиболее выгодных как для нефтяной промышленности, так и для правительства условий постройки и эксплуатации нефтепровода» провести конкурс между лицами, претендующими на получение концессии. Наряду с этим Комитет министров высказался за удовлетворение ходатайства

личество поездов и являлся основным препятствием для расширения провозоспособности дороги.

⁹⁸ Телеграмма Бакинской городской думы главноначальствующему гражданской частью на Кавказе 22 февраля 1887 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 33, д. 31, лл. 178—179.

⁹⁹ Отношение главноначальствующего гражданской частью на Кавказе председателю Комитета министров 24 февраля 1887 г.: там же, лл. 181—182.

¹⁰⁰ Представление М. Н. Островского в Комитет министров 28 февраля 1887 г.: там же, лл. 184—209.

¹⁰¹ Журнал Комитета министров, 24 и 31 марта 1887 г.: ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 1, д. 4584, лл. 394—472; выписка из «Журнала Комитета министров»: МКНПР, стр. 85—95.

¹⁰² Д. И. Менделеев. Бакинское нефтяное дело в 1886 г. Сочинения, т. X, Л.—М., 1949, стр. 595—713.

керосинозаводчиков об устройстве керосинопроводов через Сурам.¹⁰³

После рассмотрения полученных предложений о сооружении нефтепровода¹⁰⁴ специальное совещание при Министерстве государственных имуществ остановилось на двух проектах — А. С. Лаврова и И. П. Илимова.¹⁰⁵ Последний начал ходатайство-

¹⁰³ Поднятая Нобелем шумиха по поводу строительства керосинопроводов через Сурам свелась, однако, к постройке единственного керосинопровода товарищества «Бр. Нобель». Керосинопровод длиной в 62 версты шел от ст. Михайлово до ст. Квириллы и был рассчитан на перекачку собственного керосина товарищества. Пущенный в ход весной 1889 г. керосинопровод создал для остальных нефтепромышленников дополнительные осложнения, вследствие загромождения равнинных участков дороги новым количеством вагонов для подвоза керосина товарищества к керосинопроводу. В 1890 г. VI съезд бакинских нефтепромышленников потребовал передачи керосинопровода Нобеля в общее пользование «без всяких привилегий в чью бы то ни было пользу». В конце 1891 г. была образована комиссия для выработки новых условий пользования устроенным товариществом «Бр. Нобель» керосинопроводом. В связи с несогласием товарищества на изменение условий договора от 20 мая 1887 г., Министерство путей сообщения отдало распоряжение о прекращении с 1 января 1893 г. действия керосинопровода товарищества «Бр. Нобель» на Сурамском перевале (договор товарищества «Бр. Нобель» с правлением Закавказской ж. д. 20 мая 1887 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 3, д. 81, лл. 325—327; отношение управляющего Министерством путей сообщения управляющему Министерством финансов 19 декабря 1892 г.: там же, д. 82, лл. 87—88; Труды VI экстренного съезда нефтепромышленников в г. Баку. Баку, 1890).

¹⁰⁴ Летом 1887 г. американец Тведл предпринял еще одну попытку получить концессию на сооружение нефтепровода. В июле 1887 г. он обратился с ходатайством о предославлении ему права проложить трубопровод через Сурамский перевал от ст. Михайлово до г. Батума. В удовлетворении ходатайства Тведлу было отказано на том основании, что его предложение запоздало и не соответствует утвержденному проекту (телеграмма Тведла министру финансов, не позднее 16 июля 1887 г.; письмо Тведла министру финансов, не позднее 24 июля 1887 г.; телеграмма Министерства государственных имуществ Тведлу 31 июля 1887 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 31, д. 403, лл. 2, 5, 10).

¹⁰⁵ В начале 80-х годов Илимов приобрел нефтяной участок в Бинагадах и в 1881 г. совместно с Новосельским учредил «Кавказское нефтяное товарищество», которое на основании правил 1 февраля 1872 г. получило в арендное пользование до 240 дес. земли в Сальянах, у Божьего промысла и мыса Алят. В том же году Илимовым при содействии французского Банк де Лион е де ла Луар (Banque de Lyon et de la Loire) была организована франко-русская «Компани жeneral д'эксплуатасен де нафт е де петроль де Коказ» («Compagnie générale d'exploitation de naphthes et de pétroles du Caucase»), которая за 7 млн фр. приобрела как земли, принадлежавшие Илимову лично, так и «Кавказскому нефтяному товариществу». Однако при бурении серьезных признаков нефти обнаружено не было, и компания потерпела крах. В 1882 г. имущество франко-русской компании было приобретено учрежденным Илимовым и С. И. Щастливцевым «Бакинским горным товариществом» (Вестник промышленности, 1884, сентябрь, стр. 101—105; Новое обозрение, 1887, 7 сентября; Каспий, 1883, 29 июня).

вать о предоставлении ему концессии на сооружение нефтепровода с лета 1884 г.¹⁰⁶ Тогда же он вступил в переговоры с известным бельгийским акционерным обществом «Сосьете Кокериль» («Société Cockerill»), которое в результате достигнутого между ними соглашения брало на себя работы по сооружению нефтепровода между Черным и Каспийским морями.¹⁰⁷ Весной 1885 г. Илимов получил предложение фирмы «Шодуар», связанной с «Сосьете Кокериль», изготовить большую часть требуемых для нефтепровода труб на трубопрокатном заводе «Ш. и Г. Шодуар» в Петербурге.¹⁰⁸ Соглашение с «Сосьете Кокериль» обеспечило Илимову также участие в предприятии бельгийских банков — Банк генераль де Льеж сосьете аноним (Banque général de Liege société anonyme)¹⁰⁹ и Креди генераль Льежуа сосьете аноним (Crédit général Liegeois société anonyme).¹¹⁰ В мае 1887 г. Илимов представил в Министерство государственных имуществ проект устава общества Каспийско-Черноморского нефтепровода.¹¹¹

В конкурсе принял участие также отставной генерал-майор А. С. Лавров, владелец небольшого завода по изготовлению медных и бронзовых изделий в Гатчине. В начале 1886 г. он обратился к министру государственных имуществ с ходатайством о предоставлении ему концессии на сооружение нефтепровода, обязуясь изготовить нефтепроводные трубы и другие принадлежности только на русских заводах.¹¹² В следующем году Лавров выразил готовность принять участие «в состязании на получение концессии» и представил в Министерство государственных имуществ проект устава и пояснительную записку к нему.¹¹³ Лавров рассчитывал на помощь парижского банкирского дома «Эмил Эрланже К^о» («Emile Erlanger C^o»), который обещал ему свою поддержку, делая, однако, существенную оговорку: «Само собой

¹⁰⁶ Ходатайство Илимова в Министерство государственных имуществ от 10 июля 1884 г.; ходатайство от 3 августа 1884 г.; ходатайство от 30 апреля 1885 г.; представленный Илимовым предварительный расчет стоимости нефтепровода: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 31, д. 270, лл. 1—6, 8—13, 25—28, 41—45.

¹⁰⁷ Письмо директора «Сосьете Кокериль» Илимову 26 декабря 1885 г.: там же, л. 56.

¹⁰⁸ Письмо фирмы «Шодуар» Илимову 26 декабря 1885 г.: там же, л. 35.

¹⁰⁹ Письмо Банк генераль де Льеж сосьете аноним Илимову 30 марта 1885 г.: там же, л. 23.

¹¹⁰ Письмо Креди генераль Льежуа сосьете аноним Илимову 31 марта 1885 г.: там же, л. 24.

¹¹¹ Проект устава общества Каспийско-Черноморского нефтепровода: там же, лл. 89—124.

¹¹² Ходатайство Лаврова министру государственных имуществ 28 января 1886 г.: там же, лл. 57—60.

¹¹³ Ходатайство Лаврова министру государственных имуществ 14 апреля 1887 г.; объяснительная записка к проекту 15 мая 1887 г.; проект устава 6 июня 1887 г.: там же, лл. 71, 125—132, 146—173.

разумеется, что детали концессии должны быть нами одобрены, и тогда мы внесем залог, который будет назначен в согласии с нами».¹¹⁴ Аналогичные условия ставил и директор французского общества «Денен и Айзен Мартеле».¹¹⁵

В результате сравнения представленных на совещание проектов Лаврова и Илимова вопрос о концессии был решен в пользу последнего. По главным пунктам состязания — в отношении попудной платы за прогон нефти, срока исключительного пользования нефтепроводом, времени перехода предприятия в собственность казны, денежных обязательств компании в отношении казны — Илимовым были предложены наиболее выгодные условия. При обсуждении проекта Лаврова неблагоприятное впечатление произвели условия, которые поставили перед ним иностранные капиталисты. Совещание отметило, что барон Эрлангер выговаривает «себе право после выдачи концессии обсуждать устав общества и детали дела», из чего следует, что если Эрлангер «не найдет возможным согласиться на устав общества, одобренный гг. министром государственных имуществ и управляющим Министерством финансов, то к осуществлению нефтепровода не будет приступлено вовсе».¹¹⁶ Вопрос о передаче Илимову концессии на сооружение нефтепровода и об образовании Общества Каспийско-Черноморского нефтепровода был окончательно решен Комитетом министров в декабре 1887 г.¹¹⁷

Согласно уставу Общества Каспийско-Черноморского нефтепровода¹¹⁸ Илимову был предоставлен 4-месячный срок со дня опубликования устава, истекающий 12 июля 1888 г., в течение которого он должен был внести 40% стоимости всех акций и представить залог в 1 млн руб.

Однако в июне Илимов подал в Министерство государственных имуществ ходатайство о продлении данного ему срока еще на 6 месяцев, объясняя, что ему не удалось собрать необходимого капитала, вследствие некоторых неблагоприятных обстоя-

¹¹⁴ Письмо «Эмиль Эрланже К^о» Лаврову 30 января 1886 г.: там же, л. 65. Это условие «оставить за собой полную свободу обсуждать детали» было повторено в письме «Эмиль Эрланже К^о» от 26 января 1887 г., в котором компания вновь подтвердила свое желание «оказать проекту содействие и принять в нем (предприятии, — В. Н.) свое участие» (там же, л. 75).

¹¹⁵ Мартеле — Лаврову 1 мая 1887 г.: там же, л. 72.

¹¹⁶ Журнал совещания для предварительного рассмотрения предложений об устройстве Каспийско-Черноморского нефтепровода: там же, оп. 31, д. 410, л. 50.

¹¹⁷ Журнал Комитета министров от 24 ноября, 11 и 15 декабря 1887 г.: ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 1, д. 4609, лл. 233—280.

¹¹⁸ Устав Общества Каспийско-Черноморского нефтепровода: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 66, д. 2047.

тельств.¹¹⁹ В их числе следует указать в первую очередь на враждебную позицию, занятую в отношении предложений Илимova парижским банкирским домом Ротшильдов.

Парижские Ротшильды вошли в нефтяную промышленность России, скупив в мае 1886 г. акции Батумского нефтепромышленного общества, переименованного затем в Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество. Поставив своей целью монополизацию сбыта русского керосина за границей, общество, воспользовавшись денежными затруднениями бакинских керосинозаводчиков, заключило с большинством из них договоры о комиссионной продаже всего керосина, производимого ими на экспорт.¹²⁰ Причем в силу этих контрактов в распоряжении Ротшильда оказалась и значительная часть перевозочных средств Закавказской ж. д., так как керосинозаводчики передавали обществу все собственные вагоны, а также вагоны дороги, причитающиеся им по разверстке. По данным нефтепромышленника М. И. Лазарева, Ротшильд заключил контракты с 52 заводчиками, которые по количеству отправок в вагонах Закавказской ж. д. составляли 50%, а по количеству собственных вагонов — 68%. Из 3832 вагонов, отправляемых из Баку в декабре 1888 г., Ротшильдом было принято в Батуме 1800 вагонов.¹²¹ В 1888 г. 42% заграничного вывоза нефтяных продуктов принадлежало Ротшильду (из 29 888 114 пуд. — 12 389 638).¹²²

Судя по газетным сведениям, Илимov, добиваясь концессии на нефтепровод, первоначально намеревался войти в соглашение с парижскими Ротшильдами.¹²³ Последние, однако, рассчитывали получить концессию независимо от Илимova. О концессии на нефтепровод ходатайствовал зять Ротшильда М. Эфрусси.¹²⁴ Когда же

¹¹⁹ Представление министра государственных имуществ в Комитет министров 13 февраля 1890 г.: там же, оп. 31, д. 410, л. 68.

¹²⁰ Записка о деятельности фирмы Ротшильда, не позднее 5 декабря 1888 г.: ЦГИАЛ, ф. 575, оп. 11, д. 293, лл. 323—325; письмо заведующего акцизными сборами Закавказского края в Департамент неокладных сборов 12 января 1889 г.: МКНПР, стр. 118—121; докладная записка директора Каспийско-Черноморского общества министру финансов 6 февраля 1889 г.: ЦГИАЛ, ф. 575, оп. 11, д. 293, лл. 408—411; письмо председателя Каспийско-Черноморского общества министру финансов 9 мая 1889 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 2, д. 1108, л. 9; Каспий, 1886, № 136, 22 июня; 1887, № 80, 22 апреля; 1888, № 184, 28 августа; № 195, 14 сентября.

¹²¹ М. И. Лазарев. Современное положение русской нефтяной промышленности и нефтяного экспорта. СПб., 1889, стр. 75—76.

¹²² Представление Департамента железнодорожных дел в Совет по железнодорожным делам о мерах к упорядочению перевозок нефтяных продуктов по Закавказской ж. д.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 1, д. 282, л. 24.

¹²³ Каспий, 1886, 26 ноября; 1887, 30 декабря; 1889, 10 марта; Новое время, 1887, 18 декабря; Новое обозрение, 1889, 23 февраля.

¹²⁴ Каспий, 1888, 22 июля; Новое обозрение, 1888, 29 января.

ходатайство было отклонено, Ротшильды заняли в вопросе о нефтепроводе отрицательную позицию, опасаясь, что нефтепровод подорвет их монополию в транспортировке нефтяных продуктов к Черному морю. Характеризуя роль Ротшильдов в неудачах Илимova, министр государственных имуществ М. Н. Островский писал: «В Париже подыскание капиталов оказалось безуспешным, вследствие внезапного противодействия, встреченного им (Илимовым, — В. Н.) со стороны фирмы Ротшильда. Эта фирма, оперирующая в Баку в лице Каспийско-Черноморского общества и поставившая себе задачей скупать лишь на месте по возможно дешевой цене весь керосин, отправляемый из Баку за границу, — каковая задача выполняется ею весьма успешно и чем, по ее мнению, исчерпывается весь вопрос нефтяного экспорта и все задачи в нефтяном деле, — нашла для себя неудобной конкуренцию новых капиталов, которые явились бы с нефтепроводом. Влияние Ротшильда на парижском рынке оказалось столь сильным, что многие учреждения и лица, уверенные в будущем нефтепроводного предприятия, не решились, однако, взяться за его осуществление только в силу этой оппозиции Ротшильда».¹²⁵

Таким образом, усилия Илимova обеспечить финансовую поддержку парижского денежного рынка оказались тщетными.¹²⁶ Тем не менее необходимые капиталы были найдены. К услугам Илимova оказался денежный рынок Лондона. Усиленный поток

¹²⁵ Представление министра государственных имуществ в Комитет министров 23 июня 1888 г.: МКНПР, стр. 676, прим. № 30³. Аналогичную оценку давали «Московские ведомости», отмечая, что в нефтепроводном предприятии «должны были принять участие первоклассные банки Франции, когда обнаружилось, что Ротшильд, действующий в нефтяном деле на Кавказе под именем Кавказско-Черноморского общества и заинтересованный в том, чтобы запереть бакинских заводчиков с их керосином в Баку, дабы легче скупать там его по дешевым ценам, не только не отнесся нейтрально к делу нефтепровода, но усмотрел в нем опасность для своих монопольных намерений быть единственным продавцом русского керосина в Европе. Новые капиталы, которые должны были явиться с нефтепроводом на Кавказ, представлялись ему ненужной помехой к сосредоточению этого дела целиком в его руках... К сожалению, зависимость парижских домов, даже чисто французских, от Ротшильдов оказалась настолько сильной, что они не нашли возможности взять на себя реализацию дела, встретив недоброжелательство Ротшильдов» (Московские ведомости, 1888, 21 июня).

¹²⁶ В дальнейшем Ротшильды также выступили против проекта керосинопровода, выдвинутого рядом бакинских нефтепромышленников. Переписка одного из директоров фирмы Ротшильдов А. Бэра с директором Горного департамента Министерства государственных имуществ К. А. Скальковским свидетельствует о том, что парижские банкиры всемерно стремились сохранить за собой монополию в доставке нефтепродуктов к Черному морю (см.: Бэр — Скальковскому 31 января 1890 г., 10 января 1891 г., 22 января 1891 г.: Архив ЛОИИ, ф. 202, д. 21, лл. 165—166, 178, 180).

английских капиталов в русскую нефтяную промышленность относится к самому концу XIX в.

Однако интерес к бакинским нефтяным делам пробудился гораздо раньше. В 1883 г. Баку посетил известный путешественник англичанин Чарльз Марвин. Вернувшись на родину он выпустил брошюру «Баку — нефтяница Европы». В этой брошюре он предлагал соотечественникам, опередив конкурентов, принять участие в развитии этой новой отрасли промышленности, которую ожидает великое будущее. В конце 1886 г. в Лондоне была издана его новая брошюра — «Грядущий поток русской нефти».¹²⁷ Сделав вывод, что Россия может залить своим керосином весь мир и Америка рано или поздно должна уступить ей первенство, Марвин упрекал англичан за их равнодушие к русским нефтяным богатствам. Он предупреждал, что если и впредь они останутся столь же индифферентны, то всеми выгодами воспользуются другие. Марвин считал, что «русское нефтяное дело слишком заманчиво, чтобы Англия пропустила его между пальцами», и для проникновения в бакинскую нефтяную промышленность призывал воспользоваться сооружением нефтепровода. Каспийско-Черноморскому нефтепроводу в брошюре был посвящен отдельный параграф, озаглавленный «Англия и предполагаемый нефтепровод». По мнению Марвина, «это предприятие — очень прочное заложение капитала и, без сомнения, даст предпринимателям немалые выгоды». Поэтому Марвин выражал надежду, что «русский нефтепровод вместе со всеми потребными для него приспособлениями, машинами, насосами, резервуарами и прочим не попадет в немецкие или бельгийские руки». Призыв Марвина нашел отклик в Англии, тем более что запах бакинского керосина уже потревожил кое-кого из английских капиталистов. В течение 1886 г. английская фирма «Джон Рассел энд К^о» («John Russel and Co») дважды посылала на Кавказ своих представителей. Не была безучастной к идее нефтепровода и фирма «Сэр Чарльз Прис энд К^о» («Sir Charles Price and Co»), занимавшаяся переработкой бакинских нефтяных остатков. Весьма показателен факт присутствия на III съезде бакинских нефтепромышленников представителя лондонской торговой палаты Стюарта и английского вице-консула в Батуме Пикока.

Финансовая сделка между Илимовым и группой английских капиталистов была заключена 2 июня 1888 г.¹²⁸ Однако письмом

¹²⁷ Брошюра Ч. Марвина напечатана в «Горном журнале» (1887, № 1).

¹²⁸ К сожалению, нам не удалось установить имен английских капиталистов, изъявивших готовность дать средства для сооружения нефтепровода. М. Н. Островский, которому был передан как подлинный проект контракта, подписанный 2 июня, так и письма от 4 июня, отмечает, что

от 4 июня этого же года английские капиталисты известили Илимova об аннулировании договора,¹²⁹ выразив, правда, надежду, что если русское правительство не откажется продлить срок образования общества еще на 6 месяцев, то в течение этого времени нужный капитал непременно будет ими собран. Когда же отсрочка была получена (до 12 января 1889 г.),¹³⁰ английские капиталисты обусловили свое участие в деле требованием некоторых отступлений от устава, в частности потребовали обеспечения правительством доходности облигаций общества в размере 3% в течение 15 лет со времени открытия действия нефтепровода.¹³¹ При этом синдикат английских капиталистов во главе с лордом Кильмореем представил Илимову залог в 1 млн руб., который был внесен им в С.-Петербургское агентство Лионского кредита.

Предложения англичан в мае 1889 г. подверглись обсуждению в особом совещании представителей Министерства государственных имуществ и Министерства финансов под председательством А. А. Абазы. Совещание пришло к убеждению в невыгодности для интересов как Государственного казначейства, так и отечественной промышленности тех льгот, которых домогался синдикат английских капиталистов.¹³²

Получив отказ в удовлетворении своих требований, англичане заявили, однако, о своей готовности участвовать в сооружении нефтепровода на прежних условиях. Их предложения были вновь рассмотрены в совещании под председательством Абазы, которое на этот раз высказалось за принятие английских предложений. В связи с этим М. Н. Островский вошел в Комитет министров с представлением о повторном разрешении Илимову образовать Общество Каспийско-Черноморского нефтепровода, указав, что ввиду выявившейся невозможности получить в близком будущем средства для осуществления нефтепровода на казенный счет, «но-

эти капиталисты «не раз принимали участие в русских предприятиях» (представление министра государственных имуществ в Комитет министров 23 июня 1888 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 31, д. 410, л. 64). Указанные документы нами не обнаружены. В материалах ЦГИАЛ, в фонде Международного коммерческого банка, упоминается о намерении английского капиталиста М. Леопольда Гирша получить концессию на нефтепровод (ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 351, л. 4).

¹²⁹ Причиной аннулирования соглашения послужила временная заминка дел на мировом денежном рынке.

¹³⁰ Журнал Комитета министров, 28 июня, 2 июля 1888 г.: ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 1, д. 4658, лл. 541—544.

¹³¹ Кроме того, английские капиталисты добивались разрешения выписать часть труб для нефтепровода из-за границы и разрешения перекачивать на отдельных участках нефтепровода до открытия всей его линии не только сырую нефть, но и вообще нефтяные продукты.

¹³² Журнал этого совещания, датированный маем 1889 г. см.: ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 2, д. 105, лл. 97—100.

вые предложения английских капиталистов являются вполне своевременными и уместными», и поставил вопрос о предоставлении Илимову новой отсрочки.¹³³ Однако Комитет министров в заседаниях 20 и 27 февраля 1890 г. отклонил ходатайство Илимова и принял решение о сооружении трубопровода на средства казны.¹³⁴ Вопрос о предпочтительности керосинопровода или нефтепровода предполагалось рассмотреть заново особо.

Отстаивая идею нефтепровода на заседании межведомственной комиссии, Министерство государственных имуществ выдвинуло новые обоснования необходимости его сооружения. «Если в 1884 г. на нефтепровод приходилось смотреть главным образом как бы на второй путь Закавказской ж. д., — говорилось в выступлении представителя этого министерства И. П. Архипова, а значение его для находящихся вне Апшеронского полуострова нефтеносных площадей было лишь второстепенным, если затем в 1887 г. эти стороны деятельности нефтепровода представлялись равнозначными, то ныне первенствующее значение назначенного для прогона нефти трубопровода обнаруживается всего яснее в том влиянии, которое оно окажет на разработку нефтеносных площадей, расположенных в Закавказском крае вне пределов Апшеронского полуострова».¹³⁵ (Поиски новых нефтяных месторождений, как утверждал Архипов, тормозятся отсутствием средств доставки нефти к центру ее переработки. В случае проведения нефтепровода эта проблема оказалась бы снятой, поскольку подведение небольших трубопроводов к центральному трубопроводу не представляло бы больших трудностей.)

Такой постановкой вопроса Министерство государственных имуществ попыталось повернуть против противников нефтепровода их собственное оружие — теорию истощения нефтяных площадей. Архипов отметил, что, хотя министерство не усматривает пока признаков близкого истощения бакинских промыслов, оно не имеет, однако, данных о запасах нефти и потому считает необходимым заранее подготовить разработку таких площадей, нефть которых могла бы обеспечить нефтяную промышленность в будущем, и доказывал, что в условиях недостатка сырья керосинопровод в отличие от нефтепровода, может способствовать только усугублению кризиса нефтяной промышленности. Однако комиссия пришла к заключению, что при современном положении бакинской

¹³³ Доклад министра государственных имуществ 14 января 1890 г.: там же, д. 106, лл. 6—15.

¹³⁴ Журнал Комитета министров, 20 и 27 февраля 1890 г.: ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 1, д. 4776, лл. 147—198.

¹³⁵ Журнал комиссии по вопросу об устройстве Каспийско-Черноморского нефтепровода, 18 мая, 17 июня и 1 ноября 1890 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 31, д. 468, л. 38.

нефтяной промышленности не представляется необходимости в сооружении средствами казны ни нефтепровода, ни керосинопровода.¹³⁶ На этом основании Комитет министров вынес новое решение, утвержденное царем 31 мая 1891 г.: осуществление Каспийско-Черноморского нефтепровода, как преждевременное, отложить.¹³⁷

Битва противников нефтепровода была выиграна. Отклонив предложение Илимова, царское правительство окончательно похоронило идею сооружения нефтепровода. И хотя еще в течение нескольких лет вопрос о трубопроводе дискутировался в различных правительственных комиссиях, ему не суждено было выйти за рамки чисто теоретических споров, в которых отныне отдавалось предпочтение строительству керосинопровода. Однако и вопрос о керосинопроводе был поставлен на практическую почву только в 1896 г., когда разрушение полотна железной дороги наводнением потребовало безотлагательного принятия мер.¹³⁸ Около 10 лет ушло на строительство керосинопровода, эксплуатация которого началась лишь в марте 1907 г. Однако к этому времени коммерческая необходимость в трубопроводе, по существу, отпала. Общее состояние нефтяной промышленности России и падение экспорта нефтяных продуктов фактически свели на нет значение постройки дорогого стоявшего керосинопровода.¹³⁹ Сорвав строительство нефтепровода, бакинские нефтяные тузы закрепили как монополию бакинской обрабатывающей промышленности, так и свою монополию в транспортировке нефтяных продуктов.

Итак, история становления и роста нефтяной промышленности, первые шаги в ее монополизации неразрывно связаны с вопросами транспортировки нефтяных грузов. Упразднение откупной системы, отмена акциза, усовершенствование техники добычи и переработки нефти создали условия быстрого роста бакинской нефтяной промышленности в пореформенный период. Однако, вследствие зависимости бакинского дела от общероссийского рынка, эти условия не могли быть реализованы без решения проблемы вывоза нефтяных продуктов из Баку. Коренные изменения

¹³⁶ Там же, лл. 84—88.

¹³⁷ Журнал Комитета министров, 21 мая 1891 г.: ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 1, д. 4852, лл. 277—282.

¹³⁸ Журнал комитета министров о сооружении керосинопровода 29 апреля 1896 г.: МКНПР, стр. 190—192.

¹³⁹ В то время как пропускная способность Закавказской ж. д. и керосинопровода вместе составляла более 120 млн пуд. в год, экспорт нефтяных продуктов в 1906 г. упал до 36,5 млн пуд. Рассчитанный на перегонку 60 млн пуд. керосина в год, керосинопровод пропускал примерно $\frac{1}{3}$ возможного количества: в 1907—1908 гг. — в среднем 25—27 млн пуд., в 1909 г. — в среднем 19,8 млн пуд., в 1910 г. — в среднем 26,3 млн пуд., в 1911—1913 гг. — в среднем 22 млн пуд., причем по Закавказской ж. д. отправлялось в Батум не более 10% всего керосина.

в транспортировке нефтяных грузов в конце 70—начале 80-х годов открыли широкие возможности перед бакинской нефтью, обеспечили бурное развитие нефтяной промышленности в последней четверти XIX в. С другой стороны, роль транспортных вопросов в судьбах нефтяного Баку определялась их местом в монополистических устремлениях бакинских нефтепромышленников. Как и в последующие годы, на ранней стадии монополизации нефтяного дела одним из основных средств подавления конкурентов и захвата всех ключевых позиций крупнейшими нефтепромышленными фирмами являлась борьба за господство в сфере нефтяных перевозок. Эта борьба за обеспечение (сохранение) монопольного положения в перевозке нефтепродуктов, как правило, шла вразрез с потребностями нефтяной промышленности в целом, искусственно тормозила ее поступательное движение.

Учитывая возрастающее место нефти в топливном балансе страны, роль нефтяного экспорта, а также фискальное значение нефтяной промышленности, царское правительство предпринимало известные шаги, направленные к развитию нефтяной промышленности, и в частности, к разрешению проблемы транспортировки нефти.

Крушение планов сооружения Каспийско-Черноморского нефтепровода доказало, однако, неспособность правящих кругов обеспечить действительный, всесторонний подъем русского нефтяного дела. Идя на поводу у сильнейших нефтепромышленных фирм, царское правительство отказалось претворить в жизнь мероприятие большого экономического значения, осуществление которого могло бы дать иное направление всему развитию отечественной нефтяной промышленности.

С. И. ПОТОЛОВ

НАЧАЛО МОНОПОЛИЗАЦИИ ГРОЗНЕНСКОЙ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (1893—1903 гг.)

Нефтяная промышленность дореволюционной России — это прежде всего бакинская промышленность, и русские нефтяные монополии выросли на бакинской почве. Это в общем бесспорное положение наложило определенный отпечаток на существующую литературу (вообще весьма небольшую), которая рассматривает историю монополизации нефтяной промышленности России, особенно ее начальный период на рубеже XIX—XX вв., почти исключительно на бакинском материале и не раскрывает специфики этих процессов в других нефтяных районах, в частности — во втором по величине после Баку Грозненском районе.¹ Дореволюционная литература, включая издания съездов терских нефтепромышленников, Терского отделения Русского технического общества и прессу, содержит в основном данные технико-экономического характера о деятельности грозненских промыслов.² Некоторый материал по интересующей нас теме имеется в изданной в 1954 г. книге С. М. Лисичкина по истории русской нефтяной промышленности.³ Наконец, в последнее время опубликованы интересные статьи Л. Н. Колосова, анализирующие деятельность съездов терских нефтепромышленников, вопросы участия иностранных капиталов в грозненской промышленности.⁴

¹ См., например: Б. Ю. Ахундов. Монополистический капитал в бакинской нефтяной промышленности. М., 1959; К. А. Пажи т н о в. Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности. М.—Л., 1940.

² Особо следует в этом отношении отметить многочисленные книги, статьи и заметки горного инженера Е. М. Юшкина, работавшего в 90-е годы управляющим ряда крупнейших грозненских фирм, впоследствии активного деятеля съездовской организации терских нефтепромышленников и Терского отделения Русского технического общества. См., например: Начало грозненской нефтепромышленности в очерках. Екатеринодар, 1909; Материалы по грозненской нефтяной промышленности, т. I. Владикавказ, 1906; т. II. Грозный, 1906. См. также: Обзор грозненской нефтеобрабатывающей промышленности за 1900—1906 гг. Сост. Н. С. Жидков. Новочеркасск, 1907.

³ С. М. Лисичкин. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. Дореволюционный период. М., 1954.

⁴ Л. Н. Колосов. 1) Возникновение организации крупного капитала — съезда терских нефтепромышленников. Ученые записки Грознен-

К сожалению, и Л. Н. Колосов и С. М. Лисичкин оперируют по преимуществу известными, опубликованными ранее материалами, данными прессы, не использовав в достаточной мере имеющейся (как в Грозном, так и в Ленинграде) архивной документации,⁵ в результате чего анализ затрагиваемых ими вопросов не лишен схематизма, а в истории главных грозненских нефтепромышленных фирм, в оценке вопроса о роли иностранного капитала допущены существенные пробелы и неточности. Между тем невозможно воссоздать истинную картину монополизации грозненской нефтяной промышленности, понять особенности этого сложного процесса в начальный период ее капиталистического развития, не охарактеризовав достаточно подробно историю нескольких крупнейших фирм, сосредоточивших в начале XX в. практически всю добычу нефти в Грозном, на базе которых в 1902 г. и возникло синдикатское объединение.

Настоящая статья ставит своей целью восполнить этот пробел.

Начало интенсивной эксплуатации нефтеносного месторождения в Грозненском районе, известного еще с XVIII в., относится к самому концу XIX в. Вплоть до начала 90-х годов XIX столетия добыча грозненской нефти велась примитивным колодезным способом и была совсем незначительна. За 60 лет, 1833—1893 гг., согласно сохранившимся отрывочным сведениям, из колодцев вблизи Грозного было вычерпано всего лишь 3479 тыс. пуд. сырой нефти, причем около $\frac{2}{3}$ (61,2%) этого количества приходится на последние 8 лет (1886—1893 гг.).⁶

Основной причиной такого застоя в промысловом деле была общеэкономическая отсталость России, особенно в дореформенный период, а отсюда и отсутствие вплоть до последней четверти XIX в. значительного спроса на минеральное топливо. Развитие нефтяной промышленности в Баку, занимавшем более удобное географическое положение (непосредственный выход к Каспий-

ского государственного педагогического института, № 8, серия историческая, вып. 1, Грозный, 1953, стр. 102—122; 2) Соотношение русских и иностранных капиталов в грозненской нефтяной промышленности к 1903 г. Там же, № 9, серия историческая, вып. 2, Грозный, 1956, стр. 39—60.

⁵ Часть этих документов опубликована в сборнике «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883—1914. Документы и материалы» (М.—Л., 1961).

⁶ См.: Е. М. Юшкин (сост.). Материалы по грозненской нефтяной промышленности, т. I, стр. 7. Подробнее о начальном периоде развития грозненской нефтяной промышленности см.: Л. А. Сельский. Начало грозненской нефтяной промышленности. Известия научного общества Чеченской автономной области, 1930, № 2, стр. 15—26; Л. Н. Колосов. Добыча и переработка нефти на Тереке в дореформенный период. Известия Грозненского областного краеведческого музея, вып. 7—8, Грозный, 1956, стр. 57—80.

скому морю открывал широкие возможности в организации дешевых перевозок нефтепродуктов водным путем на внутренний рынок) и располагавшем богатейшими и достаточно к тому времени разведанными запасами нефти, также отодвигало на второй план освоение грозненского месторождения, отрезанного в те годы от основных районов страны, вследствие отсутствия железных дорог и выхода к морю, геологически почти не исследованного.

Наконец, существовала и еще одна немаловажная причина, отрицательно сказывавшаяся в развитии грозненской нефтяной промышленности на протяжении всего дореволюционного периода. Все основные месторождения нефти в Грозненском районе находились на территории Терского казачьего войска, которое не преминуло превратить их в источник серьезного для себя дохода. С момента открытия в 1833 г. богатых нефтяных источников вблизи самого Грозного (тогда это была небольшая казачья крепость) они сдавались на откуп различным предпринимателям, вносившим за их эксплуатацию деньги непосредственно в войсковую казну. Последний откупной договор был заключен в конце 1885 г. сроком на 10 лет (до 1 января 1896 г.) с владикавказским купцом С. В. Нитабухом, в то время как в Баку откупная система была ликвидирована уже в 1872 г.

Утвержденные 24 мая 1894 г. новые «Правила о нефтяных промыслах на землях Кубанского и Терского казачьих войск», хотя и отменяли изжившую себя откупную систему, в то же время предусматривали ряд ограничений в праве пользования войсковыми нефтеносными участками и значительные льготы в пользу войска. В частности, ограничивался 24 годами срок аренды земельных участков, а обычные арендные платежи дополнялись обременительной попудной платой в войсковую казну и т. п. Наконец, войсковые власти получали полный контроль над различными сборами с нефтепромышленников на промысловые нужды, что впоследствии вылилось в контроль над всеми финансовыми операциями организованного в 1898 г. Совета съезда терских нефтепромышленников.⁷ Всего этого не было в Баку, где нефтеносные участки в первые годы после отмены откупной системы достались нефтепромышленникам за сравнительно невысокую арендную плату или были скуплены также по недорогой цене, что явилось одним из важных источников получения монопольно высоких прибылей, благодарной почвой, на которой выросли крупнейшие бакинские фирмы.

Все это ставило Грозненский район в более невыгодное положение, замедляло приток туда значительных капиталов и в конеч-

⁷ См.: В. М. Чугай. Справочная книга о нефтяной промышленности в Терской и Кубанской областях. Владикавказ, 1897, стр. 9—15.

ном итоге предопределило менее интенсивное, чем в Баку, его развитие на рубеже XIX—XX вв.⁸

Однако, хотя все вышеперечисленные факторы и накладывали определенный отпечаток на ход нефтепромыслового дела в Грозном, все же они способны были лишь замедлить, несколько задерживать, но не прекратить процессы капиталистического развития, разрывавшие в конце концов сковывавшие их путы полуфеодальных пережитков.

Решающее значение для подъема грозненской нефтяной промышленности в конце XIX в. имел промышленный и общеэкономический подъем 90-х годов и связанное с ним большое железнодорожное строительство. Спрос на нефтепродукты в этих условиях опережал предложение, и нефтяное дело становилось одним из самых прибыльных, выгодных для приложения капиталов, в частности — иностранных, устремившихся в эти годы мощным потоком в Баку и в меньшей степени — в Грозненский район.

Особо важную роль сыграла прокладка в 1893 г. железнодорожной линии Беслан—Петровск (ныне Махач-Кала) Владикавказской ж. д., прошедшей через Грозный и соединившей его, с одной стороны, с основными районами страны (Северным Кавказом, Украиной и центром России через Ростов-на-Дону), а с другой — давшей выход к Каспийскому морю и, следовательно, к волжскому речному пути. Вместе с тем дорога, как раз в эти годы переходившая на жидкое топливо, должна была стать серьезным потребителем продуктов поднимающейся грозненской промышленности.⁹

Все это, вместе взятое, создавало решающие условия для интенсивного капиталистического развития в 90-е годы Грозненского нефтепромыслового района.

Переломными в истории грозненской нефтяной промышленности были 1892—1893 годы, когда на Тереке появляются предприниматели, арендующие нефтеносные участки и закладывающие первые в этом районе буровые скважины. Тем самым было положено начало интенсивной разработке грозненского нефтяного месторождения, на базе же промыслов, основанных в эти годы, вы-

⁸ Подобное явление мы можем наблюдать и в других казачьих землях. Достаточно привести пример Донбасса, восточная часть которого была расположена на территории Области войска Донского и в промышленном развитии значительно уступала своей западной части.

⁹ Как отмечалось в докладе правления Общества Владикавказской ж. д. 20-му очередному общему собранию акционеров 14 июня 1893 г., «правление рассчитывает, что к концу текущего года (1893, — С. М.) большая часть паровозов будет приспособлена к нефтяному отоплению, причем к тому же времени будет окончена постройкой часть резервуаров на станциях дороги для хранения и подачи нефти» (Общество Владикавказской железной дороги. 20-е очередное общее собрание акционеров 14 июня 1893 г. СПб., 1893, стр. 21).

росли впоследствии наиболее крупные и известные грозненские фирмы.

Первым таким предпринимателем в Грозном был отставной подполковник А. Р. Русановский, прибывший сюда по доверенности председателя правления московского Нижегородско-Самарского земельного банка И. П. Дарагана и заарендовавший в июне 1892 г. для своего доверителя у грозненского станичного правления (Грозненская станица располагалась вблизи Грозного) 30 дес. нефтеносной земли на достаточно льготных условиях.¹⁰ Сам Русановский не ограничился только выполнением данного ему поручения. Убедившись на месте в перспективности и большой выгодности грозненских нефтепромыслов, он в сентябре того же 1892 г. арендует уже для себя у Алхан-Юртовской станицы нефтеносный участок в 10 дес. и вместе с одним из руководителей Нижегородско-Самарского банка — А. Н. Загряжским (выступая как его доверенное лицо) — 30 дес. у Грозненской станицы на тех же условиях, что и участок Дарагана,¹¹ и без промедления приступает к их разработке.

Русановский заложил первые в Грозненском районе буровые скважины как на своем участке, так и на участке Дарагана. Не обладая каким-либо опытом, техническими знаниями, подгоняемый лишь страстью к быстрейшему обогащению, Русановский вел дело крайне примитивно, мало в чем уступая последним грозненским откупщикам. Бурение производилось им вручную на небольшой глубине и в результате первые признаки нефти были обнаружены только через 1½—2 года.

Более успешными были действия другого предпринимателя — адвоката из Владикавказа, И. А. Ахвердова, который в конце 1892—начале 1893 г., воспользовавшись серьезными финансовыми затруднениями последнего грозненского откупщика Нитабуха,¹² перекупил за 30 тыс. руб. у него и его сыновей арендные права на четырех войсковых нефтеносных участках общей площадью в 45 дес., расположенных в окрестностях самого Грозного и вблизи

¹⁰ Нефтеносный участок был сдан в аренду Дарагану на 25 лет (включая 1 год на разведочные работы) при арендной плате 100 руб. за десятину в год и небольшой попутной плате (по ½ коп. с пуда добытой и вывезенной нефти в первые 13 лет и ⅔ коп. в оставшийся до конца контракта срок). Договор от 30 июня 1892 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 253, лл. 37—40.

¹¹ Договоры от 16 и 23 сентября 1892 г.: там же, д. 151, лл. 17—19, 104—106.

¹² У Нитабуха как раз в 1892 г. засорились его колодцы (производительность их упала с 1200—1300 пуд. в сутки до 400—600), и их расчистка потребовала больших затрат (см.: К. И. Тумский. Нефтяная промышленность в Терской области и грозненская нефть. Технический сборник и вестник промышленности, 1895, № 10, стр. 330).

от станиц Алхан-Юртовской и Карабулакской.¹³ Все свои контракты по аренде нефтеносных участков и другие сделки Ахвердов заключал совместно с владикавказским купцом Е. Х. Киреевым, иногда даже выступая как его доверенное лицо (как например в договоре с Нитабухом). Формально Киреев числился как компаньон Ахвердова и соучредитель его дела, однако, по-видимому, это была не более, чем подставная фигура, служащая только для фирмы, тем более, что сам Ахвердов не пользовался надежной репутацией у местных властей.¹⁴

Ахвердов, по-видимому, учел опыт своих предшественников Нитабуха и Русановского и к разработке своих участков подготовился гораздо более тщательно. Закладка первых скважин (в конце июня 1893 г.) происходила под руководством опытного горного инженера Л. И. Баскакова и других инженеров, причем было применено прогрессивное паровое бурение (с помощью паровых двигателей). Справедливости ради следует заметить, что Ахвердову сопутствовало и просто коммерческое счастье, поскольку ему достались, как очень скоро выяснилось, участки с богатейшим содержанием нефти на небольшой глубине. Все это не замедлило принести первые плоды. 6 октября 1893 г. в 6 часов утра скважина № 1 на Алхан-Юртовском участке дала первый мощный фонтан, а еще через 1½ месяца начала фонтанировать другая скважина на грозненском участке, давшие в общей сложности менее чем за год (в основном второй фонтан) до 15 млн пуд. нефти.¹⁵ Такое блестящее начало, казалось, должно было только радовать хозяев предприятия, однако с фонтанами пришли и многочисленные заботы. Очень скоро выяснилось, что к интенсивной промысловой эксплуатации ни Ахвердов, ни другие грозненские промышленники не были подготовлены. Не было приспособленных нефтехранилищ, отсутствовали надежные средства транспортировки нефти в Грозный на железнодорожную станцию (как и прежде, она совершалась в бочках гужем), нефтеперегонные заводы, наконец, грозненской нефти только еще предстояло отвое-

¹³ Позднее Нитабух вспоминал, что «все приемы Ахвердова ко мне были далеко не лояльны. Он стремился без риска для себя завладеть всем, устраняя меня даже от участия в деле; мое безвыходное положение дало ему возможность скоро достигнуть этой цели» (ГТПБ, 1903, 28 июня).

¹⁴ В представленных в Департамент торговли и мануфактур начальником Терской области и наказным атаманом Терского казачьего войска С. В. Кахановым сведениях (от 23 февраля 1895 г.) сообщалось, в частности, что Ахвердов «замечался в неблагоприятных поступках вообще, в том числе и по делу бывшего Владикавказского городского общественного банка, оказавшегося несостоятельным» (ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 4, д. 3893, л. 40).

¹⁵ См.: Е. М. Юшкин. Начало грозненской нефтепромышленности в очерках, стр. 3—9.

вызвать у Баку рынки сбыта. Но самое главное — первые грозненские предприниматели не обладали сколько-нибудь значительными капиталами для расширения, а то и просто поддержания в относительном порядке своих промыслов и с самого начала должны были заниматься поисками необходимых денежных средств. В таких условиях зачастую было не до бурения с закладкой новых скважин. Так, в частности, Ахвердов после своих двух фонтанов следующую скважину закладывает почти через год, а до этого «борется» с фонтанами: с помощью вызванных солдат удалось через две недели в буквальном смысле забить первую фонтанирующую скважину (спустя некоторое время она вообще была заброшена).¹⁶

Ахвердовские фонтаны вызвали сенсацию, вокруг грозненских промыслов на короткое время разворачивается настоящий ажиотаж. Со всех сторон слетаются любители наживы, происходит оживленная скупка частновладельческих участков на Терском хребте, закладка многочисленных буровых скважин. Под шумок казачьи власти объявляют заведомо нефтеносной громадную территорию, однако со сдачей участков с торгов в эксплуатацию не торопятся. Между тем первый угар проходит и выясняется, что все купленные участки удалены от основного нефтеносного месторождения, и вполне понятно, что предпринятые буровые работы оказываются безрезультатными, а сами пробуренные скважины забрасываются. Лопаются надежды, а вместе с ними и многие дутые предприятия. Мы даже не знаем большинства имен этих неудавшихся нефтепромышленников. Впрочем, одно следует отметить: в 1893 г. вместе с другими участок земли в 50 дес. на Терском хребте покупает и около года безрезультатно бурит ростовский купец-миллионер П. Р. Максимов. Это первое, хотя и не совсем удачное, появление Максимовых в Грозном, в будущем владельцев одной из крупнейших грозненских нефтепромышленных фирм.

Так же быстро, как и возникло, возбуждение вокруг грозненской нефти угасает, и энтузиазм сменяется всеобщим разочарованием и недоверием к Грозному, подкрепляемым действительно неприглядной картиной промыслового дела на Тереке в 1894 г., когда по-прежнему не имели каких-либо ощутимых результатов Русановский и Дараган, а ахвердовские промыслы пребывали в запущенном положении, будучи не в состоянии вывезти или переработать скопившуюся фонтанную нефть. Мнение о бесперспективности Грозного всячески подогревалось бакинскими нефтепромышленниками, начавшими на страницах «Каспия» настоящий поход против освоения грозненского месторождения, как невыгодного в эксплуатации, против местных предпринимателей, оказав-

¹⁶ Там же, стр. 3—6.

шихся не в состоянии справиться с фонтанами. Бакинцам с меньшей горячностью отвечал в «Терских ведомостях» управляющий промыслами Ахвердова Я. И. Ганкин, объединивший затем свои статьи в специальную книжку «Грозненское нефтяное дело за 1894 г.», изданную большим тиражом в Москве в 1895 г. В этих статьях, а затем и в книге Ганкин всячески рекламировал, зачастую также впадая в преувеличения, грозненскую нефть, рисовал в самых радужных красках перспективы ее выхода на широкий рынок и т. п.¹⁷ В данном случае Ганкин выполнял определенный заказ своих хозяев — грозненских нефтепромышленников, прежде всего и главным образом Ахвердова, — занятых в эти годы лихорадочными поисками на стороне финансовой помощи, привлечением солидных партнеров в свое разваливающееся дело, которое они стремились всячески приукрасить, сделать как можно более привлекательным. Жалкие, несостоятельные грюндеры, они напоминали сказочного персонажа, освободившего силы, с которыми он уже не может справиться. В надежде побороть эти силы с помощью могущественных партнеров они в конечном итоге оказывались легкой добычей этих последних, поступавших по обычным законам капиталистических джунглей.

История грозненской нефтяной промышленности в 90-е годы, возникновения и развития крупнейших нефтепромышленных фирм дает редкие по силе и наглядности примеры этого перманентного поглощения мелких предпринимателей более крупными, а затем и этих еще более могущественными хищниками, по преимуществу — иностранными капиталистами, когда в итоге напоминанием о первых предпринимателях в лучшем случае служили кое-где сохранившиеся старые названия фирм. В то же время именно в этом процессе и следует искать корни, истоки той концентрации производства и капиталов и монополизации, которые происходят в Грозном на рубеже XIX и XX вв.

Особенно наглядной в этом плане была история возникновения и развития ахвердовской фирмы, занявшей к концу 90-х годов доминирующее монопольное положение в Грозненском районе.¹⁸

¹⁷ См.: Я. Ганкин. Грозненское нефтяное дело за 1894 г. М., 1895. О полемике бакинских и грозненских нефтепромышленников см. также: Е. М. Юшкин, ук. соч., стр. 12—15.

¹⁸ Восстановить общую картину постепенного перехода предприятия Ахвердова в руки иностранных капиталистов помогают нам уникальные документальные материалы, отложившиеся в фондах правительственных учреждений в результате последовавшей серьезной финансовой реконструкции, в частности значительного увеличения основного капитала общества «И. А. Ахвердов и К^о» в 1899 г. В обоснование всех предпринятых мер, а главное — своего права владения акциями общества, его новые бельгийские хозяева представили министру финансов С. Ю. Витте и директору Департамента торговли и мануфактур В. И. Ковалевскому осо-

Как мы уже отмечали выше, с момента основания своего предприятия Ахвердов в силу отсутствия собственных значительных средств вынужден был заниматься поисками надежных источников его финансирования. Будучи типичным капиталистическим грюндером, Ахвердов меньше всего думал при основании своего дела о рациональной его организации. Но вот утихли первые восторги по поводу фонтанов и наступили серые будни. Озера разлившейся нефти, озаряемые по ночам светом пожаров на промыслах, и пустая касса — таковы были неутешительные итоги первого двухлетия ахвердовского предприятия. А ведь нужно еще учесть, что фонтаны били на участках, аренда которых, унаследованная от Нитабуха, началась 1 января 1896 г., и ахвердовскому делу в прямом и переносном смысле грозило оказаться беспочвенным. Все требовало больших затрат, серьезных капиталов, а их у Ахвердова не было. В этих условиях, как отмечалось в позднейшей записке правления общества «И. А. Ахвердов и К^о», «Ахвердов вынужден был за истощением собственных средств искать для этой цели с достаточными капиталами компаньонов».¹⁹

Как утверждают авторы записки, в течение всего 1893 г. Ахвердов вел переговоры «с разными капиталистами в Москве и Петербурге, но нигде не мог достигнуть благоприятных результатов вследствие недоверия к Грозненским нефтяным месторождениям и обычной у нас косности».²⁰ Среди других русских предпринимателей, к которым обращался в это время Ахвердов — также без видимого успеха, — был ростовский миллионер В. Р. Максимов, родной брат П. Р. Максимова, занимавшегося изыскательскими работами на Терском хребте.

Потерпев неудачу в переговорах с отечественными капиталистами, находясь на грани полного краха, Ахвердов в начале 1894 г.

бую объяснительную записку и разного рода другие материалы, включая некоторые, конечно, специально подобранные документы из главной Антверпенской конторы общества, где, в силу необычных обстоятельств, сопровождавших само учреждение общества — об этом подробнее ниже, — оказались вынужденными приоткрыть завесу над такими сторонами деятельности капиталистических хищников, которые сами же должны были охарактеризовать по меньшей мере странными и даже маловероятными в деловом мире практических людей (Конфиденциальная записка члена ревизионной комиссии общества «И. А. Ахвердов и К^о» В. Д. Белова директору Департамента торговли и мануфактур В. И. Ковалевскому по вопросу об увеличении капитала общества, октябрь 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 665, л. 124. — В дальнейшем: Записка Белова).

¹⁹ Объяснительная записка правления общества «И. А. Ахвердов и К^о» министру финансов о положении дел общества в связи с предстоящим увеличением его основного капитала, март 1899 г.: там же, л. 6. (В дальнейшем: Объяснительная записка).

²⁰ Там же.

выезжает в Париж,²¹ но и там не достигает желаемых результатов из-за отрицательной позиции, занятой Ротшильдами.²²

Из Парижа Ахвердов направляется в Лондон, где ему после двухмесячного пребывания, наконец, удается договориться с главой пароходной компании «Лондон эйдженси» (The London Agency limited), занимавшейся среди прочих операций также морскими перевозками нефтепродуктов, — А. Сьюартом о финансировании своего грозненского предприятия. 13/25 октября 1894 г. был заключен предварительный договор, по которому Ахвердов и Киреев (как соучредитель дела) обязались образовать акционерное общество «согласно требованиям русского закона с местопребыванием в С.-Петербурге»,²³ с капиталом в 1.5 млн руб. (кред.), обеспечение которого брала на себя английская сторона. По этому же договору «Лондон эйдженси» купила у Ахвердова 2 млн пуд. нефти по 3 коп. за пуд, выдав ему задаток в 1000 ф. ст. Все организационные дела, связанные с учреждением общества, и прежде всего исполнение финансовых обязательств английская сторона обещала решить в течение трех месяцев.²⁴

В соответствии с этой договоренностью И. А. Ахвердов и Е. Х. Киреев уже 29 октября 1894 г. вносят в Департамент торговли и мануфактур на утверждение проект устава общества грозненского нефтяного производства под фирмой «И. А. Ахвердов и Ко».²⁵ Полученные деньги Ахвердов употребляет на закладку новых буровых скважин и одновременно ведет переговоры с Владикавказской ж. д. и другими подрядчиками о строительстве нефтепровода от промыслов в Грозный и резервуаров для хранения нефти.

Между тем «Лондон эйдженси», не располагая, по-видимому, достаточными собственными средствами и не составив к началу 1895 г., т. е. в договорный срок, в Англии необходимый акционерный капитал, задерживала выполнение своих обязательств. Ахвердов в свою очередь возобновляет зондаж русских промышленно-финансовых кругов, «но с таким же неуспехом благодаря проискам бакинских нефтепромышленников».²⁶ Несомненно антигроз-

²¹ Как отмечалось в одной из корреспонденций издававшихся во Владикавказе «Терских ведомостей», много внимания уделявших в эти годы положению грозненской нефтяной промышленности, Ахвердов вел переговоры в Париже «для образования компании с капиталом свыше 2½ млн франков, имеющей правильно эксплуатировать промыслы, но главным образом — посредством вывоза за границу через Новороссийск „озерной нефти“» (Терские ведомости, 1894, 13 мая).

²² Записка Белова, л. 124.

²³ Там же, л. 123.

²⁴ Объяснительная записка, л. 7.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 4, д. 3893, лл. 4—16.

²⁶ Объяснительная записка, л. 7.

пенская агитация бакинцев, о которой мы уже упоминали, имела свои определенные результаты, но главную трудность для мобилизации грозненскими предпринимателями необходимых им капиталов представляло вступление в действие в мае 1894 г. новых «Правил о нефтяных промыслах на землях Кубанского и Терского казачьих войск», существенно подрывавших конкурентоспособность только возникающей грозненской нефтяной промышленности.

В то время как Ахвердов безуспешно отыскивал средства в России, англичане предприняли новый маневр. Не теряя надежды найти со временем требуемые капиталы и не желая бросать дело, в которое были вложены известные средства, «Лондон эйдженси» заключает 24 января/5 февраля 1895 г. новый договор с Ахвердовым. Мотивируя затруднениями, с которыми встречаются иностранные участники русских предприятий по существующему законодательству, «Лондон эйдженси» добивается от Ахвердова согласия на учреждение вместо русского английского общества, причем Ахвердов должен был быть компенсирован акциями этого проектируемого общества. Английская сторона обязывалась также построить керосиновый завод для выработки не менее 2 млн пуд. керосина в год, заложить 10 буровых скважин и уплачивать Ахвердову попудную плату за добытую нефть (по 1 коп. за пуд), не считая 50 тыс. руб., которые были выданы ему одновременно, под залог его векселей.²⁷

Через два месяца, 29 марта/10 апреля 1895 г., было заключено третье по счету соглашение с англичанами, зафиксировавшее переход всего нефтепромыслового хозяйства Ахвердова в арендное содержание «Лондон эйдженси». При этом, пользуясь катастрофическим положением Ахвердова, у которого скопились большие запасы затоваренной нефти (как раз незадолго до заключения нового соглашения с англичанами у Ахвердова сорвалась крупная сделка по продаже нефти с Владикавказской ж. д.), англичане добиваются значительного уменьшения попудной платы за добытую нефть (до $\frac{1}{4}$ коп. за пуд).²⁸

Согласно последнему договору в Грозный из Лондона для управления ахвердовскими промыслами прибывает специальный представитель «Лондон эйдженси» Ф. Гарбут, которому Ахвердов официально выдал доверенность на ведение всех дел своего предприятия.²⁹

Летом и осенью 1895 г. англичане перестроили в Грозном нефтеперегонный завод и заложили несколько новых скважин, од-

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ ГАЧИ АССР, ф. 14, оп. 1, д. 64, лл. 11—12.

нако на этом дело опять застопорилось и снова из-за отсутствия у английской стороны необходимых средств. В связи с прекращением «Лондон эйдженси» попутных и других обусловленных последним договором платежей, Ахвердов предпринимает в июле 1895 г. новую поездку в Лондон, где добывается лишь согласия английской стороны на третейское разбирательство в Петербурге в сентябре—ноябре 1895 г. «для определения причитающихся в пользу Ахвердова платежей и неисполненных со стороны англичан обязательств договора».³⁰

Зачем понадобилось англичанам так настойчиво добиваться отсрочки в разрешении конфликта с Ахвердовым на каких-то 2—3 месяца? Выяснилось это довольно скоро. Дело в том, что, потеряв, по-видимому, всякую надежду на привлечение серьезных участников в ахвердовское дело у себя в Англии, «Лондон эйдженси» летом 1895 г. проводит за спиной Ахвердова переговоры с бельгийскими финансовыми кругами, в частности с антверпенским банком «Креди насьональ эндустриэль» (Credit National Industriel). Банк этот возник в том же 1895 г. и имел своей целью финансирование всякого рода торгово-промышленных операций. Ахвердовское дело для банка и было одной из первых и наиболее серьезных операций.³¹

В переговорах, которые велись в Брюсселе, английская сторона, представленная директором правления «Лондон эйдженси» А. Сьюртом, для облегчения быстрейшего достижения соглашения пошла на своеобразное мошенничество: она выставила себя в качестве полного владельца всего нефтепромыслового хозяйства Ахвердова, включая арендные права на нефтеносные участки, утаив таким образом истинное положение вещей и, в частности, сам конфликт с Ахвердовым. Мало того, для большей внушительности Сьюрт включает в список уже заарендованных участков 500 десятин, принадлежавших Баскакову и об аренде которых Ахвердовым еще велись переговоры (арендный договор был подписан только 20 мая 1897 г.).³² Все это нашло свое отражение в официальном

³⁰ Объяснительная записка, л. 8.

³¹ Согласно справке, представленной в феврале 1904 г. управляющим Министерства финансов В. Н. Коковцовым в Комитет министров, «Креди насьональ эндустриэль» был образован в 1895 г. в Антверпене с капиталом в 3 млн фр., увеличенным в 1897 г. до 10 млн фр. Банк «брал на себя инициативу образования различных предприятий как за границей, так и в России, и даже выдавал некоторым из них большие авансы, между прочим — русскому акционерному обществу грозненского нефтяного производства под фирмой „И. А. Ахвердов и К^о“» (ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 2, д. 5719, л. 19).

³² Сведения о нефтяном промысле общества «И. А. Ахвердов и К^о», представленные правлением общества в Горный департамент (декабрь 1901 г.): ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 66, д. 2289, лл. 50—50-а.

уставе учрежденного 30 сентября/12 октября 1895 г. в Брюсселе специально для эксплуатации ахвердовского дела бельгийского акционерного общества «Петроль де Грозни» (*Petroles de Grosnyi*),³³ который сам по себе является в этой связи любопытным документом, хорошей иллюстрацией нравов капиталистического мира, тех несообразностей, которые были неизбежным продуктом грюндерской горячки. Собственно аргументом, оказавшимся сильнее, чем все красноречие и маневры руководителей «Лондон эйдженси», ускорившим успешный исход брюссельских переговоров, явились сообщения о грандиозном фонтане, забившем на одном из ахвердовских участков в ночь на 27 августа 1895 г. и выбрасывавшем в первые дни до 1 млн пуд. нефти ежедневно. Естественно, в таких условиях воображение рисовало сказочные прибыли, все остальное казалось несущественным и отступало на второй план.

Итак, переговоры в Брюсселе завершились образованием общества, имевшего своей основной целью, согласно уставу, торговлю нефтью, сырой и очищенной, керосином, бензином, остатками и другими нефтепродуктами, эксплуатацию нефтеносных земель в Терской области, а также переработку сырой нефти на нефтеперегонных заводах и торговлю их продукцией.³⁴

Формально учредителем вновь образованного общества явилась английская группа из «Лондон эйдженси», представленная в Брюсселе своим директором А. Сьюартом, которой и принадлежали все выпущенные 24 тыс. акций (12 тыс. привилегированных и 12 тыс. обыкновенных) на общую сумму 6 млн фр.;³⁵ фактически же бельгийцы купили все дело, поскольку банк брал на себя размещение и реализацию всего акционерного капитала, выдав для начала англичанам задаток в 500 тыс. фр.³⁶

Главным администратором «Петроль де Грозни» становится один из руководителей «Креди насьональ эндустриэль» И. Ватеркейн,³⁷ который сразу же после учреждения общества выезжает в Россию, чтобы на месте ознакомиться с купленным предприятием. И тут его ожидал не совсем приятный сюрприз. Встретив в Петербурге («случайно», как утверждали впоследствии авторы записки 1899 г.) прибывшего туда для третейского разбирательства своих конфликтных дел с «Лондон эйдженси» Ахвердова, Ва-

³³ Annexe au Moniteur Belge du 28—29 octobre 1895, acte № 3094 (ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 665, лл. 87—89).

³⁴ Там же, л. 87.

³⁵ Там же, л. 88.

³⁶ Объяснительная записка, л. 8.

³⁷ Протокол экстренного общего собрания акционеров общества «Петроль де Грозни» 30 сентября/12 октября 1895 г.: Annexe au Moniteur Belge du 30 Octobre 1895, acte № 3104 (ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 665, л. 93).

теркейн мог лично убедиться, что он и его компаньоны в Брюсселе купили kota в мешке. Предприятие в силу невыполненных англичанами договорных условий с Ахвердовым по-прежнему оставалось собственностью последнего.³⁸ Сделка с «Лондон эйдженси», таким образом, на поверку оказывалась чистейшей воды спекуляцией и аферой. В воздухе запахло скандалом, от которого в первую очередь должна была пострадать репутация только что организованного «Креди насьональ эндустриэль», ибо подобные грубые просчеты не прощались в коммерческом мире.³⁹ В этой обстановке бельгийские участники сочли за благо проглотить эту английскую пиллюлю и попытаться уладить все дело миром, не предавая его огласке.

Ахвердов, возмущенный, по-видимому, тем, что не был привлечен, как одна из сторон,⁴⁰ к переговорам с бельгийцами, также стремился к скорейшему разрешению еще более осложнившегося конфликта. Тот самый грандиозный фонтан, о котором уже упоминалось выше, не принес Ахвердову ничего, кроме больших затруднений. Прорвавшейся нефтью были буквально затоплены все окрестности. «Нефть фонтана, проломив бока вышки, разносится дующими переменными ветрами во всех направлениях, до одной версты в окружности, и поливает в изобилии соседние промыслы. Воздух настолько насыщен газами, особенно в ущельях, что трудно им дышать... Обстановка грозит пожаром при малейшей неосторожности с огнем. У Русановского и Московского товариществ работы остановлены и нельзя разводить огня и для варки пищи. Нефть обливает их кругом, как и нефтепроводную станцию Владикавказской железной дороги», — сообщали «Терские ведомости». ⁴¹ Попытки заглушить скважину к успеху не привели: слишком сильным был напор нефти. Каждый день фонтан выбрасывал сотни тысяч пудов нефти, с которыми Ахвердов не знал, что делать. Единственная крупная сделка на поставку Владикавказской ж. д. 3 млн пуд. нефти по бросовой цене в 3½ коп. за

³⁸ «Ватеркейн узнал, что бельгийцам предложено дело от общества, которому оно не принадлежало, а Ахвердов узнал, что принадлежащее ему дело продано без его ведома и с сокрытием от покупателей прежних обязательств продавца по отношению к собственнику промыслов» (Объяснительная записка, л. 8).

³⁹ Как могли бельгийские финансисты признаться публично в том, что «договор мог состояться с действительным владельцем, и при том, без всякого сомнения на более легких условиях» (Записка Белова, л. 125).

⁴⁰ В своем письме к Ахвердову от 13/25 ноября 1895 г. Сюарт, хотя и выразил формы ради свое сожаление по поводу того, что Ахвердов не был информирован о состоявшейся сделке, в то же время оказал на него известный нажим, требуя обеспечения передачи его предприятия новым хозяевам (А. Сюарт — И. А. Ахвердову 13/25 ноября 1895 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 665, л. 82).

⁴¹ Цит. по кн.: Е. М. Юшкнн, ук. соч., стр. 18.

пуд⁴² также не могла улучшить положение, поскольку это количество нефти было выброшено уже в первые дни действия фонтана. Усилились требования отнять промыслы у Ахвердова, как не обеспечившего их правильной эксплуатации, благо до торгов на эти участки, назначенных на 23 ноября 1895 г., оставались считанные дни. Вот почему Ахвердов, чье дело напоминало в эти дни тонущий корабль, как за спасательный круг ухватился за предложение Ватеркейна приехать в Брюссель для окончательного решения всех спорных вопросов. В Петербурге Ахвердову, по-видимому, удалось получить от своих партнеров деньги, необходимые для участия в торгах, в результате чего он выходит из них победителем, переарендовав на 24 года два (из трех) самых нефтеносных своих участка,⁴³ причем участок (№ 977), где продолжалось с прежней силой фонтанирование, достался ему по фантастически высокой оценке: арендной плате в 150 руб. за десятину в год + 5 $\frac{1}{5}$ коп. попудных. И это при средних рыночных ценах в 5 коп. за пуд.⁴⁴ Один из ахвердовских участков был выторгован киевскими предпринимателями — директором правления Киевской ж. д. И. И. Мацневым и председателем правления Грозно-Днепровского нефтепромышленного общества С. С. Могилевцевым, организовавшими несколько позднее (в 1898 г.) Петербургское нефтепромышленное общество.⁴⁵

Переговоры, в которых принимали участие все заинтересованные стороны, открылись в Брюсселе и после продолжительного торга завершились заключением 4/16 января 1896 г. двух соглашений, которыми была окончательно зафиксирована передача ахвердовского дела бельгийскому обществу «Петроль де Грозни». В качестве компенсации Ахвердов получил 4000 привилегированных акций указанного общества на общую сумму в 2 млн фр. (750 тыс. руб. кред.), равномерно оплачиваемых бельгийской и английской сторонами, и, кроме того, 140 тыс. руб. наличными от «Лондон эйдженси».⁴⁶ В связи с этим капитал «Петроль де Гро-

⁴² Там же, стр. 22.

⁴³ Контракты от 1 февраля 1896 г.: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 4, д. 3893, лл. 50—53.

⁴⁴ Е. М. Юшкин, ук. соч., стр. 23.

⁴⁵ Там же, стр. 36; ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 413, лл. 88—95.

⁴⁶ За передачу своей доли в ахвердовском деле Сюарт и «Лондон эйдженси» при окончательном расчете получили около 5 млн фр.: бельгийцы выкупили принадлежавшие англичанам 12 тыс. акций по средней цене 416 фр. 66 сант., на 83 фр. 34 сант. ниже номинала (Записка Белова, л. 127). Сорвав на ахвердовском деле солидный куш, Сюарт обращает свои взоры к Баку. В числе других он участвует в организации первой английской фирмы для добычи бакинской нефти — «Европейской нефтяной компании» (The European Petroleum Company limited). В свете всего вышеизложенного трудно согласиться с Джерретсоном, официальным историографом «Ройял Датч», пытающимся представить Сюарта

зни» был 13/25 января 1896 г. увеличен до 8 млн фр. путем дополнительного выпуска акций (привилегированных и обычных). Со своей стороны Ахвердов, «отказавшись от всех своих прав по договору, обязался передать свои права учреждаемому им в России обществу грозненского нефтяного производства под фирмой „И. А. Ахвердов и К^о“, устав которого им был представлен в Министерство финансов еще по прежнему договору с англичанами». ⁴⁷

Организация русского общества с русскими (подставными, как мы увидим ниже) учредителями для новых владельцев ахвердовского дела была в какой-то степени вынужденным шагом. Приходилось считаться с русским законодательством, существенно ограничивавшим участие иностранцев в нефтяной промышленности России вообще и в пользовании земельными участками в частности, требовавшим в каждом отдельном случае специального правительственного разрешения, что в конечном счете приводило к определенной потере времени.

Между тем все ахвердовское дело нуждалось в немедленной и капитальной реорганизации и перестройке; предстояло его расширение, приобретение новых земельных участков, и все это не терпело отлагательства. Бельгийские владельцы учитывали, кроме того, что ходатайство об учреждении общества «И. А. Ахвердов и К^о» уже возбуждено и находится в правительственных канцеляриях; забрать его оттуда и ставить вопрос о допуске «Петроль де Грозни» к операциям в России было рискованно и могло иметь нежелательные последствия, в частности — разглашение всех темных подробностей, связанных с этим делом. Организация русского общества «И. А. Ахвердов и К^о», таким образом, представляла известный обходной маневр, с успехом практиковавшийся впоследствии многими другими иностранными фирмами.

В соответствии с брюссельскими соглашениями Ахвердов и Киреев 1 февраля 1896 г. вновь обращаются в Департамент торговли и мануфактур с просьбой ускорить решение вопроса об учреждении общества «И. А. Ахвердов и К^о», принимая при этом все поправки департамента. Наконец, через два месяца, 12 апреля 1896 г., последовало высочайшее утверждение устава общества, ⁴⁸ и оно таким образом приобрело законную силу.

Трудно, однако, вообразить другую фирму, чья легальная организация имела бы в первые годы своего существования такой фиктивный, чисто номинальный характер. В самом деле, было ли какое-то противоречие в том, что капитал русского общества был

пионером в Грозном, родоначальником грозненской промышленности (см.: F. C. Gerretson. History of the Royal Dutch, t. III. Leiden, 1958, стр. 272).

⁴⁷ Объяснительная записка, л. 9.

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 4, д. 3893, лл. 54—55, 76.

определен при учреждении в 1 млн руб. зол. (4 млн фр.), разделенный на 4 тыс. акций по 250 руб. каждая, или вполнину меньше капитала «Петроль де Грозни»? Не было, как не было фактически и самого указанного капитала, фигурировавшего только в официальных документах да в газетных отчетах. Правда, согласно русскому уставу общества (§ 9) от него требовалось внести в Госбанк в шестимесячный срок (со дня утверждения устава) всю сумму акционерного капитала, в противном случае общество считалось несостоявшимся (обычное для русских обществ условие). Однако бельгийцы с легкостью выходят и из этого затруднения. 7 октября 1896 г., за пять дней (!) до истечения крайнего срока, требуемая сумма действительно вносится на счета Петербургской конторы Государственного банка, но с тем, чтобы после получения необходимой расписки⁴⁹ немедленно быть взятой обратно.⁵⁰ Что же касается акций общества «И. А. Ахвердов и К^о», то, по красноречивому признанию самих его руководителей, сделанному несколько позднее, они «находятся без движения в кассе правления, взамен их акции бельгийского общества обращаются на биржах и распределены... в разных руках».⁵¹ Что после этого оставалось от так называемых русских акционеров общества и его русского правления?⁵²

Характерно, что уже на первом общем собрании так называемых акционеров общества «И. А. Ахвердов и К^о» 2 октября 1896 г., в котором еще не могли принимать участия его настоящие владельцы, не располагавшие формально акциями, в дополнение к чисто номинальному правлению, избранному из русских участников, было принято постановление «признать необходимым воспользоваться правом, указанным в параграфах 29 и 35 устава и предложить правлению пригласить на означенную должность г. Иосифа Генриховича Ватеркейна с правами, указанными в па-

⁴⁹ Там же, л. 88.

⁵⁰ Как отмечается в особой памятной записке, составленной, судя по всему, человеком, хорошо осведомленным в действительном положении вещей в ахвердовском деле (записка поступила в канцелярию министра финансов в августе 1897 г.), деньги, «предоставленные согласно уставу Государственному банку за акции, внесены Ватеркейном, но взяты им же немедленно обратно» (МКНПР, стр. 208).

⁵¹ Записка Белова, л. 130.

⁵² В представленном первому общему собранию общества «И. А. Ахвердов и К^о» 2 октября 1896 г. списке его акционеров 1830 акций на сумму в 457 000 руб. зол. принадлежали Петербургскому частному коммерческому банку, который в данном случае выполнял посреднические по отношению к бельгийцам функции, 1770 учредительских акций на 442 500 руб. поровну делились Ахвердовым и Киреевым и остальные 400 на 100 000 руб. — между десятью другими подставными лицами (в том числе опять-таки между Ахвердовым и Киреевым) (ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 66, д. 2289, л. 8).

параграфе 35 устава». ⁵³ «Означенная должность» — это должность директора-распорядителя — «для ближайшего заведывания делами общества» (§29 устава), ⁵⁴ иными словами — фактического вершителя всех дел общества; и им, как мы видим, с самого начала становится один из главных руководителей «Петроль де Грозни». С учетом всего этого нельзя не признать справедливость слов владельцев ахвердовского предприятия: «...два правления: одно в Антверпене действительное, состоящее из самих владельцев акций, но с акциями, не имеющими для России никакого значения, и в то же время обращающимися на всех биржах вне России, — другое в С.-Петербурге, — не более, как только формальное с действительными акциями, запертыми безвыходно в кассе ввиду того, что место их занято на бирже бельгийскими акциями». ⁵⁵

Действительно, истинные хозяева ахвердовского дела находились в Бельгии. Это прежде всего антверпенский банк «Креди насьональ эндустриэль» во главе с И. Ватеркейном, Л. и К. Сомзее и П. Сюи, которым в 1897 г. принадлежало 11 303 акции (привилегированных и обычных) из общего числа 16 293 (около 70%). Остальные акции распределились между другими мелкими участниками, также группировавшимися вокруг банка (в числе их был и сам Ахвердов). ⁵⁶ Некоторые неудобства, связанные с параллельным существованием двух ахвердовских обществ были в конечном итоге также преодолены. В 1897—1898 гг. при активном содействии бельгийского правительства, ⁵⁷ главные бельгийские участники ахвердовского предприятия И. Ватеркейн, Л. и К. Сомзее, А. Вандевиль и другие получили разрешение на приобретение акций русского общества, ⁵⁸ что дало им возможность официально его

⁵³ Протокол общего собрания акционеров общества грозненского нефтяного производства под фирмой «И. А. Ахвердов и К^о» 2 октября 1896 г.: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 4, л. 3893, лл. 79—80.

⁵⁴ Устав общества грозненского нефтяного производства под фирмой «И. А. Ахвердов и К^о». Таганрог, 1896, стр. 17.

⁵⁵ Записка Белова, л. 123.

⁵⁶ Протокол чрезвычайного общего собрания акционеров «Петроль де Грозни» 25 сентября 1897 г.: *Annexe au Moniteur Belge du 6 Octobre 1897, acte № 3448* (ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 665, л. 27).

⁵⁷ Сообщая в письме товарищу министра иностранных дел В. Н. Ламздорфу о возбужденном перед русским Министерством финансов и лично перед Витте бельгийскими участниками ахвердовской фирмы ходатайстве о разрешении им владеть акциями русского общества «И. А. Ахвердов и К^о», бельгийский посол в России А. Лежэ, в частности, писал: «Мне поручено моим правительством поддержать это прошение и заверить ваше превосходительство в абсолютной почтенности его авторов» (А. Лежэ — В. Н. Ламздорфу 7/19 февраля 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 4, д. 3893, л. 93).

⁵⁸ Там же, лл. 110—177.

возглавить. К чрезвычайному общему собранию общества «И. А. Ахвердов и К^о» 26 декабря 1898 г. бельгийская группа владела в общей сложности 3766 акциями (из 4000) на сумму 940 000 руб. зол. (94%), в то время как русские участники имели 240 акций на 60 000 руб. (6%).⁵⁹

Наконец, в 1899 г., когда после ряда правительственных совещаний происходит известный поворот в сторону более широкого привлечения иностранных капиталов в нефтяную промышленность России и, в частности, допускается к промысловой деятельности в Баку ряд английских фирм,⁶⁰ руководители общества «И. А. Ахвердов и К^о» ходатайствуют перед правительством и добиваются уравнивания капиталов обоих ахвердовских обществ путем увеличения основного капитала русского общества до 4 312 500 руб. кред. при замене старых акций новыми (привилегированными и обыкновенными), приспособленными к обращению на бельгийской и французской биржах (новые акции выпускались достоинством в 187 руб. 50 коп. кред., равным 250 фр.).⁶¹ С этого времени бельгийские владельцы ахвердовского предприятия получают возможность более свободно осуществлять свои операции в России непосредственно через общество «И. А. Ахвердов и К^о»; «Петроль де Грозни» сохраняется ими как чисто финансовое общество.

После перехода общества «И. А. Ахвердов и К^о» в бельгийские руки новыми его владельцами в конце 90-х годов были употреблены значительные средства в целях расширения, реорганизации и переоборудования всего его промыслового хозяйства. В частности, были построены нефтепровод от промыслов к железнодорожной станции в Грозном, до 40 резервуаров для хранения нефтепродуктов, расширен и перестроен нефтеперегонный завод, число эксплуатационных скважин доведено до 40 в 1900 г.⁶² Значительно увеличился земельный фонд общества — с 73 дес. в 1896 г. до 645 дес. в 1900 г.⁶³ К началу XX в. общество «И. А. Ахвердов и К^о» занимает доминирующее, монопольное положение в Грозненском районе; его удельный вес в общей добыче нефти по Грозненскому району составил: 1896 г. — 61.2%, 1897 г. — 71.3%, 1898 г. — 70%, 1899 г. — 80%, 1900 г. — 50%, 1901 г. — 40.4%,

⁵⁹ Список акционеров: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 665, л. 4.

⁶⁰ Подробнее об этом см. публикацию М. Я. Гефтера и Л. Е. Шепелева: О проникновении английского капитала в нефтяную промышленность России (1892—1902). Исторический архив, 1960, № 6, стр. 76—104.

⁶¹ Протокол чрезвычайного общего собрания акционеров общества «И. А. Ахвердов и К^о» от 26 декабря 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 4, д. 3893, л. 189.

⁶² Объяснительная записка, л. 9.

⁶³ ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 4, д. 3893, лл. 54—55, 190.

1902 г. — 47.8%, 1903 г. — 43.6%.⁶⁴ Некоторое снижение уровня добычи общества в начале 1900-х годов объясняется появлением на рубеже XIX—XX вв. других крупнейших грозненских фирм, а также началом кризиса, однако на местном рынке ахвердовская продукция по-прежнему сохраняет ведущее место. Показателем этого являются устойчивые прибыли общества, составлявшие в 1900—1901 гг. около 14% основного капитала.⁶⁵

Не менее характерной была судьба предприятия Русановского. Отсутствие средств усугублялось здесь, в отличие от Ахвердова, и отсутствием каких-либо результатов на протяжении первых двух лет бурения, что создавало впечатление бесперспективности нефтеносных участков, заарендованных Русановским и Загряжским. Все же именно Русановскому удалось первому в Грозном акционировать свое дело, учредив (совместно с Загряжским) в январе 1894 г. грозненское нефтепромышленное товарищество «А. Р. Русановский» с капиталом в 1 200 000 руб., разделенным на 2400 паев по 500 руб. каждый. Основными пайщиками, кроме Русановского и Загряжского, которым как учредителям принадлежало около $\frac{2}{3}$ всех паев (727 у Русановского и 726 у Загряжского), были московские предприниматели — и прежде всего С. И. Чижов, у которого оказался большой пакет паев (640 на сумму 320 тыс. руб.), — постепенно захватывающие ключевые позиции в товариществе.⁶⁶ Очень скоро основатель дела Русановский все больше и больше оттесняется на задний план,⁶⁷ вступает в конфликт с правлением⁶⁸ и в результате в самом начале 1896 г. рас-

⁶⁴ Подсчитано по книге «Материалы по грозненской нефтяной промышленности» (т. II, ч. 1. Грозный 1906, стр. 7—18).

⁶⁵ Отчеты и балансы общества «И. А. Ахвердов и К^о» в 1900 и 1901 операционных годах: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 66, д. 2289, лл. 46—47, 52—53.

⁶⁶ В связи с этим московская группа даже подняла вопрос о его переименовании в товарищество «А. Р. Русановский, С. И. Чижов и К^о» (Протокол общего собрания пайщиков товарищества «А. Р. Русановский» от 29 сентября 1894 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 151, л. 73).

⁶⁷ Ходатайствуя от имени правления товарищества о его переименовании, директор правления С. И. Чижов в специальной объяснительной записке в Департамент торговли и мануфактур (от 29 апреля 1896 г.), в частности, отмечал: «Высочайше утвержденное товарищество, учрежденное А. Р. Русановским, первоначально было фактически в его руках, причем трудно было определить, в каких размерах дело получит развитие и много ли войдет новых лиц в число пайщиков. Ныне при развитии дел товарищества в число пайщиков вошли лица, более известные в торговом мире, чем А. Р. Русановский, уступивший уже большую часть своих паев разным лицам» (там же, лл. 123—124).

⁶⁸ Возражая против решения правления товарищества о переносе местопребывания правления из Петербурга в Москву, Русановский писал министру финансов (29 апреля 1896 г.): «Правление слишком злоупотребляет своей властью и превышает данные ему законные права, о чем мною будет подробно сделано вашему высокопревосходительству донесение» (там же, л. 122).

продает свои пай,⁶⁹ выбыв, таким образом, из организованного им товарищества.⁷⁰

Воспользовавшись серьезными финансовыми затруднениями товарищества, добывшего в 1895 г. (впервые, причем) ничтожное количество нефти (281 083 пуда)⁷¹ и закончившего год с дефицитом более чем в 300 тыс. руб.,⁷² крупный пакет паев (530 на 265 тыс. руб.)⁷³ приобретает В. Р. Максимов из Ростова, передавший одновременно для эксплуатации товариществу уже упоминавшийся выше участок в 50 дес., купленный в 1893 г. его братом П. Р. Максимовым и заброшенный после первых безрезультатных буровых работ.

Семья ростовских купцов Максимовых обладала многомиллионным состоянием, нажитым на крупной торговле лесом и лесоматериалами. Свои капиталы Максимовы вкладывали и в промышленность: им принадлежали лесопильные заводы в Царицыне и Ростове, фабрика сельскохозяйственных орудий в Ростове, антрацитовый рудник в Донбассе, а также речная флотилия на Дону.⁷⁴ Потерпев первую неудачу в Грозном, они не оставляют мысли пустить здесь свои корни. С этой целью в 1895 г. В. Р. Максимов организует в Грозном отделение фирмы специально для торговли нефтью⁷⁵ и, наконец, внедряется в товарищество «А. Р. Русановский», заменив в мае 1896 г. самого Русановского на посту директора правления.⁷⁶

С приходом Максимова финансовое положение товарищества «А. Р. Русановский» несколько улучшилось, и оно закладывает

⁶⁹ Протокол годичного общего собрания пайщиков товарищества «А. Р. Русановский» 30 мая 1896 г.: там же, л. 127.

⁷⁰ В ноябре 1895 г. Русановский заарендовал другой нефтеносный участок — Карабулакский, но каких-либо успехов в бурении не имел и в конце концов окончательно разорился: «Я употребил на эти работы почти все свое достояние, и теперь мои средства близки к истощению», — писал он в январе 1899 г. в областное правление Терской области, ходатайствуя об очередной отсрочке арендных платежей (ЦГВИА, ф. 4 (л), оп. 66, 1899, Отд. 9, ст. 1, д. 17, л. 2).

⁷¹ Материалы по грозненской нефтяной промышленности, т. II, ч. 1. Грозный, 1906, стр. 7.

⁷² Отчет товарищества «А. Р. Русановский» за 1894—1895 гг.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 151, л. 137.

⁷³ Протокол годичного общего собрания пайщиков товарищества «А. Р. Русановский» 30 мая 1896 г.: там же, л. 138.

⁷⁴ См.: Отчет Ростовского-на-Дону комитета торговли и мануфактур за 1899 год. Ростов-на-Дону, 1902, стр. 10—12.

⁷⁵ Л. Н. Колосов. Соотношение русских и иностранных капиталов в грозненской нефтяной промышленности к 1903 г. Ученые записки Грозненского педагогического института, № 9, серия историческая, вып. 2, Грозный, 1956, стр. 50.

⁷⁶ Протокол годичного общего собрания пайщиков товарищества «А. Р. Русановский» 30 мая 1896 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 151, лл. 137—138.

начиная с лета 1896 г. ряд капитальных скважин, одна из которых дает в начале ноября мощный фонтан чистой нефти.⁷⁷ И опять повторяется старая история: стремясь быстрее добраться до нефти, добиться скорейших результатов в промысловой деятельности, хозяева товарищества «А. Р. Русановский» все средства употребляют на буровые работы, мало думая о строительстве хранилищ и других вспомогательных помещений. В результате — нефть из фонтанирующей скважины растекается на промыслах и гибнет.

Чтобы как-то выйти из создавшегося положения, товарищество вынуждено было заключить 24 ноября 1896 г. договор с обществом Владикавказской ж. д. на крайне невыгодных для себя условиях. Согласно договору товарищество «А. Р. Русановский» должно было поставить дороге 30 млн пуд. нефти ежемесячными партиями от $1\frac{1}{2}$ до 1 млн пуд. по цене в $37\frac{1}{8}$ коп. с пуда, которая, как признало впоследствии правление Владикавказской ж. д., «была значительно ниже цен, существовавших в то время на грозненском рынке»,⁷⁸ причем в случае недопоставок или плохого качества нефтепродуктов дорога имела право докупать на стороне всю недопоставленную нефть по любым ценам с уплатой товариществом разницы против договорной цены.⁷⁹ Разрушительная сила этого пункта не замедлила сказаться. В начале марта 1897 г. внезапно, так же как и возник, прекратился ноябрьский фонтан; другие же скважины к этому времени, несмотря на все прогнозы, еще не обнаруживали признаков нефти,⁸⁰ и товарищество сразу же оказалось в исключительно трудном положении. Уже в апреле 1897 г. оно вынуждено было прибегнуть к краткосрочному (на 9 месяцев) кредиту в 50 тыс. руб. у Петербургского международного коммерческого банка под залог платежей Владикавказской ж. д. по договору 24 ноября 1896 г.,⁸¹ но и эта мера не спасает главных владельцев предприятия от фактического банкротства.

Воспользовавшись создавшимся положением, Максимов в июле 1897 г. добивается сдачи ему в аренду всего нефтепромыслового

⁷⁷ Записка инженера-консультанта товарищества «А. Р. Русановский» А. М. Коншина о состоянии буровых работ на участках товарищества: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 359, лл. 6—7. (В дальнейшем: Записка Коншина).

⁷⁸ Общество Владикавказской ж. д. 34-е очередное и чрезвычайное общее собрание акционеров 31 мая 1900 г. Доклады правления о положении дел общества. СПб., 1900, стр. 4.

⁷⁹ Договор товарищества «А. Р. Русановский» с обществом Владикавказской ж. д. от 24 ноября 1896 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 359, л. 5.

⁸⁰ Записка Коншина, л. 6.

⁸¹ Письмо правления товарищества «А. Р. Русановский» в правление Петербургского международного коммерческого банка, 25 апреля 1897 г.: там же, л. 1.

хозяйства товарищества, переименованного незадолго перед этим в Первое Грозненское нефтепромышленное товарищество, включая войсковые нефтеносные участки.⁸²

Став, таким образом, полным хозяином предприятия и поставив себе целью превратить его в крупную нефтепромышленную фирму, Максимов решает привлечь к своему делу солидных компаньонов. С этой целью он начинает переговоры как в России, так и за границей.

На первой фазе переговоров летом 1897 г. Максиму поступило несколько предложений, в том числе от бельгийцев и главы правления общества Владикавказской ж. д. С. В. Кербедза.⁸³ Последний рассчитывал, по-видимому, в случае благоприятного исхода превратить максимовское предприятие в придаток построенного дорогой в 1896 г. нефтеперегонного завода — для равномерного и бесперебойного снабжения его сырьем (выполнение договора с дорогой от 24 ноября 1896 г., унаследованного Максимовым от Первого Грозненского товарищества, еще не начиналось).

Основные, однако, переговоры в этот период происходят с парижскими Ротшильдами, которые проявили к максимовским промыслам живейший интерес. Обосновавшись еще в 80-е годы в Баку, где им принадлежало Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество (БНИТО), Ротшильды со временем проникают и в другие мало освоенные районы. В конце 80-х годов они (совместно с Дейчем) овладевают обществом «Русский стандарт», основанным в 1881 г. во Франции для разведок и эксплуатации заарендованных нефтеносных участков на Кубани (вблизи Анапы) и развертывают там в широком масштабе буровые работы. Одновременно ими строятся крупный нефтеперегонный завод в Новороссийске и склады в Одессе, которые, однако, почти не функционируют из-за отсутствия сколько-нибудь значительных результатов промысловой деятельности общества на Кубани.

В этих условиях Ротшильды обращают свои взоры на Грозненский район, расположенный на сравнительно небольшом удалении от Новороссийска, и предложения Максимова оказываются очень кстати. Весною и летом 1897 г. между представите-

⁸² За арендуемое нефтепромысловое имущество и земельные участки Максимов должен был уплачивать прежним хозяевам товарищества $1\frac{1}{2}$ —2 коп. с каждого пуда добытой нефти, причем арендная плата войску и другие обязательства по первоначальным контрактам возлагались на Первое Грозненское нефтепромышленное товарищество (договоры В. Р. Максимова с Первым Грозненским нефтепромышленным товариществом 22 июля 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 758, лл. 103—108, 117—123).

⁸³ Ж. Спицер — А. Ротштейну 27 октября/8 ноября 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 878, л. 132.

лями Максимова и Ротшильдов ведутся интенсивные переговоры, однако найти почву для соглашения оказалось нелегко. Максимов требовал в разных вариантах за передачу своего дела до 1.5 млн руб.,⁸⁴ и «обе фирмы — Р[отшильдов] и Дейч, — заморозившие значительные капиталы в „Русском стандарте“, не пожелали вложить средства в эту новую операцию».⁸⁵ Была предпринята еще одна попытка приобрести максимовское дело посредством организованного в 1896 г. во Франции специального общества для финансирования русской промышленности «Сосьетэ женераль пур л'эндустри ан Руси» (*Société Générale pour l'industrie en Russie*). Предполагалось, в частности, чтобы указанное общество финансировало покупку максимовских промыслов («предприятия Русановского», как они фигурировали в переписке) для «Русского стандарта», «придав каждому из предприятий его настоящую ценность».⁸⁶ Предложение это, исходившее от представителя Ротшильдов — Ж. Арона, через директора «Сосьетэ женераль» Ж. Спицера, было направлено в самом конце октября 1897 г. одному из главных деятелей этого общества — директору Петербургского международного банка А. Ю. Ротштейну, причем Ж. Спицер характеризовал эти предложения как дело «с исключительными видами на успех».⁸⁷

Ротштейн, однако, вопреки всем ожиданиям, очень холодно отнесся к радужным планам своих парижских коллег, рассматривавших предложенную комбинацию как одно из средств привлечения Ротшильдов к активному участию в «Сосьетэ женераль» и упрекавших впоследствии Ротштейна в том, что «упустили такую редкую возможность, вместо того чтобы ухватиться за нее обеими руками».⁸⁸ Заняв резко негативную позицию, что в конечном итоге привело к провалу всего проекта, Ротштейн сам объяснял ее опасением больших убытков, поскольку с покупкой максимовского предприятия к новым хозяевам должны были перейти и все его прежние обязательства по аренде нефтеносных участков и договору с Владикавказской ж. д. С этим мнением, основанным на холодном расчете, должен был согласиться и Ж. Арон, который в письме к Ротштейну замечал, что «следует предоставить этой публике (имеются в виду Максимовы, — С. П.) искать про-

⁸⁴ Ж. Спицер — Ротштейну 25 октября/6 ноября 1897 г.: там же, л. 129.

⁸⁵ Ж. Арон — Ротштейну 1/13 декабря 1897 г.: МКНПР, стр. 213. Необходимо иметь также в виду, что Ротшильды как раз в 1897 г. были заняты организацией в Баку нефтепромышленного и торгового общества «Мазут», призванного стать главным орудием их экспансии на внутрирусских рынках. Об этом см.: МКНПР, стр. 192—195, 204—218.

⁸⁶ Там же, стр. 213.

⁸⁷ Ж. Спицер — Ротштейну 25 октября/6 ноября 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 878, л. 127.

⁸⁸ Ж. Спицер — Г. Спицеру 15/27 ноября 1897 г.: там же, д. 286, л. 116.

стачков в Бельгии и в Англии, где свирепствует настоящее безумие во всем, что касается нефтяных дел в России».⁸⁹

Это замечание, оброненное вскользь, между прочим, оказалось в какой-то степени пророческим. Потерпев неудачу в 1897 г. с Ротшильдами, Максимов проводит серию переговоров в Англии, в результате которых в июне 1899 г. в Лондоне было учреждено Англо-Русское максимовское общество (The Anglo-Russian Maximoff Company limited) с капиталом 400 тыс. ф. ст., разделенным на 400 тыс. акций по 1 ф. ст. Согласно контракту, заключенному со специально организованным консорциумом «Англо-Рашн контракт компании» (The Anglo-Russian Contract Company limited), возглавляемым М. Ландау, Максимов получил за передачу своего нефтепромышленного хозяйства вновь организованному Англо-Русскому максимовскому обществу (АРМО) 110 тыс. ф. ст. наличными и на 69 тыс. ф. ст. акций АРМО; кроме того, новое общество принимало на себя выполнение всех обязательств контролируемого Максимовым Первого Грозненского нефтепромышленного товарищества по аренде нефтеносных участков и контракту с Владикавказской ж. д.⁹⁰

Полученные от английских участников деньги Максимовы (после смерти в конце 1899 г. В. Р. Максимова его предприятие перешло по наследству к членам его семьи во главе с сыном М. В. Максимовым) употребили на коренную реорганизацию своего дела: в 1900 г. был расторгнут невыгодный договор с Владикавказской ж. д. с уплатой неустойки в 387 500 руб.,⁹¹ в 1901 г. взято под полный контроль Первое Грозненское нефтепромышленное товарищество (в нем максимовская группа обладала более чем $\frac{2}{3}$ акций),⁹² которое самостоятельной добычи нефти уже не ведет и существует лишь как филиал максимовской фирмы, необходимый только для сохранения ранее заключенных договоров об аренде войсковых нефтеносных участков. Еще раньше, в конце 1900 г., Максимовым удается полностью прибрать к своим рукам Петербургское нефтепромышленное общество,⁹³ занимавшее в

⁸⁹ Ж. Арон — Ротштейну 1/13 декабря 1897 г.: МКНПР, стр. 214.

⁹⁰ Договор В. Р. Максимова с «Англо-Рашн контракт компании» от 9/21 июля 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 758, лл. 93—97.

⁹¹ Общество Владикавказской железной дороги. 36-е очередное собрание акционеров 22 мая 1901 г. Доклад правления о положении дел общества. СПб., 1901, стр. 2.

⁹² Список акционеров к чрезвычайному общему собранию 29 ноября 1901 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 151.

⁹³ Протокол чрезвычайного общего собрания акционеров Петербургского нефтепромышленного общества 16 ноября 1900 г.: там же, д. 413, л. 97. К общему собранию акционеров Петербургского нефтепромышленного общества 31 декабря 1903 г. семьей Максимовых было представлено 4180 акций (из 4800) на сумму 1 045 000 руб. (при капитале общества

1899 г. по добыче нефти в Грозном четвертое место (после общества «И. А. Ахвердов и К^о», АРМО и Московского нефтепромышленного общества). В головном Англо-Русском максимовском обществе Максимовы также сумели с самого начала занять господствующее положение (на долю их группировки в начале 1904 г. приходилось 83% всех акций),⁹⁴ сохранив подобное совершенно необычное для России положение иностранной по названию, русской по капиталу фирмы вплоть до ее перехода в 1913 г. под контроль нефтяного концерна «Рашн дженерал ойл корпорэйшн» (The Russian General Oil Corporation). Хотя правление АРМО, согласно уставу, находилось в Лондоне, основные распоряжения исходили из Ростова, где проживали Максимовы и где в начале 1901 г. было открыто Особое ответственное агентство общества (в 1904 г. переведено в Грозный), возглавляемое директорами правления АРМО М. В. и П. В. Максимовыми, Н. Н. Алафузовым и Н. И. Рафаиловичем (последний выполнял также обязанности особоуполномоченного и ответственного агента общества в Грозном).⁹⁵ В Лондоне находился представитель Максимовых И. К. Ландер, который осуществлял связь между ними и единственным английским директором правления АРМО Ф. Ричардсоном.⁹⁶

В конце 90-х годов Максимовские промыслы по добыче заняли в Грозном второе место (13% в 1898 г. и 7.4% в 1899 г.),⁹⁷ уступая

1 200 000 руб.); остальными владели также члены максимовской группы (там же, л. 124).

⁹⁴ Список акционеров к общему собранию АРМО 21 апреля/4 мая 1904 г.: ГАЧИ АССР, ф. 12, оп. 1, л. 14, лл. 51—53.

⁹⁵ Представление правления АРМО министру финансов 10 апреля 1901 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 758, л. 174. В плохо сохранившемся Грозненском архиве правления АРМО имеются многочисленные телеграммы и письма — директивы Максимовых в Лондон, касающиеся самых различных вопросов деятельности общества. В 1904 г. Максимовы, например, настояли на снятии Макса Ландау, первого директора-распорядителя АРМО, одного из организаторов и руководителей «Англо-Рашн контракт компани» с занимаемого им поста; для этого оказалось достаточно одной телеграммы в Лондон: «Не избирайте Ландау» (М. В. Максимов — И. К. Ландеру, 13 апреля 1904 г.: ГАЧИ АССР, ф. 12, оп. 1, д. 14, л. 46).

⁹⁶ Любопытный пример АРМО — лишнее свидетельство того, как нужно внимательно и осторожно подходить к определению национальной принадлежности капиталов обществ, действовавших в России, этому, пожалуй, одному из самых сложных вопросов социально-экономической истории России эпохи империализма, и как можно впасть в ошибку, если решать этот вопрос только по названию фирмы. См., например: В. С. З и в. Иностранные капиталы в русской нефтяной промышленности. Пгр., 1916, стр. 21—22; Л. Эвентов. Иностранный капитал в нефтяной промышленности России. М.—Л., 1925, стр. 33.

⁹⁷ Материалы по грозненской нефтяной промышленности, т. II, ч. 1, стр. 9—10.

только (хотя и в значительных размерах) обществу «И. А. Ахвердов и К^о», однако уже в 1900 г. АРМО переходит на третье место, — прочно, впрочем, занимаемое им на протяжении ряда последующих лет, — пропустив вперед новое английское общество «Шпис» (*The Spies petroleum company limited*).

Нефтепромышленное общество «Шпис» было учреждено в мае 1900 г. в Англии (с первоначальным капиталом 700 000 ф. ст., уменьшенным в конце 1903 г. до 312 500 ф. ст.) для эксплуатации 3 нефтеносных участков по 10 дес. каждый, заарендованных в конце 1899 г. у Ермоловской станицы торговым домом «Шпис, Стукен и К^о».⁹⁸

Возглавивший этот торговый дом Г. Р. Шпис представлял колоритную фигуру крупного дельца-комиссионера. Выходец из Саксонии, нашедший в России вторую родину, он с молодых лет был в той или иной степени связан с нефтяными операциями. Шпис торговал нобелевским керосином за границей, а с конца 80-х годов сотрудничает с Ротшильдами. Как их агент он принимал участие в соглашениях с мелкими бакинскими керосинозаводчиками, поставивших на рубеже 80—90-х годов бакинский нефтяной экспорт под контроль Ротшильдов. Затем он был агентом Каспийско-Черноморского общества в Москве, где им и была основана собственная торговая фирма. В Грозном Шпис появился впервые в 1897 г. и занялся здесь тем, что арендовал нефтяные участки, закладывал буровые скважины, а затем передавал эти промыслы за солидный куртаж специально учрежденным для их эксплуатации иностранным, английским по преимуществу, фирмам.

Так возникли в 1900 г. последовательно Англо-Терское нефтяное общество (*The Angle-Terek petroleum company limited*), общество «Шпис» и «Казбекский синдикат» (*The Kasbek Syndicate limited*).⁹⁹

Первое из них, допущенное к деятельности в России в 1903 г., фактически не действовало вплоть до мировой войны, а из двух других наиболее успешным было общество «Шпис», которое сразу же после своего основания развернуло большие буровые работы, увеличив число скважин на всех участках с 15 (из них только одна была действующая) в 1899 г. до 43 (13 действующих) в 1900 г., в результате чего общая добыча нефти резко возросла: с 32 000 пуд. в 1899 г. до 8 145 250 пуд. в 1900 г. и 11 433 179 пуд.

⁹⁸ Журнал присутствия областного правления Терской области. 14 июля 1900 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 25, д. 204.

⁹⁹ См.: F. C. Gerretson. *History of the Royal Dutch*, t. III. Leiden, 1958, стр. 273; Указатель действующих в империи акционерных предприятий. СПб., 1907.

в 1901 г., составив около трети всей нефтедобычи в Грозном,¹⁰⁰ а само общество прочно заняло место второй грозненской фирмы (после Ахвердова).

Ротшильды, потерпев неудачу с покупкой максимовских промыслов, не отказались, однако, от своей мысли обосноваться в Грозном. Еще в октябре 1897 г. контролируемое Ротшильдами Каспийско-Черноморское общество начинает интенсивные буровые работы на купленном им частновладельческом участке (135 дес.) в долине р. Нефтянки, однако, добурив безрезультатно до глубины 288 саж., вынуждено было через два года (в конце 1899 г.) их забросить.¹⁰¹ В 1898 г. и в последующие годы Каспийско-Черноморским обществом и «Русским стандартом» были заарендованы несколько войсковых участков, однако сколько-нибудь существенные результаты, начиная с 1900 г., были получены «Русским стандартом» только на одном участке («мамакаевском»).¹⁰² Не имея успеха в разведочных работах, Ротшильды вновь обращаются за содействием к Петербургскому международному банку и с его помощью после интенсивных переговоров¹⁰³ весной 1899 г. приобретают по дешевой цене (за 40% против номинала) весь акционерный капитал Московского нефтепромышленного общества.¹⁰⁴

Это общество было организовано летом 1895 г. группой московских предпринимателей во главе с владельцем крупной строительной конторы в Москве А. В. Бари для эксплуатации участка Дарагана, заарендованного еще в 1892 г. Русановским (устав общества с капиталом 2 млн руб. зол. был утвержден 31 января 1897 г.).¹⁰⁵ Первый фонтан на участке общества в июне 1896 г. вызвал большие затраты по расширению всего предприятия: были заложены многочисленные буровые скважины, построены нефтепровод от промыслов к Грозному и крупные нефтехранилища и т. п. Ход дальнейшей промысловой эксплуатации и вообще всего нефтяного дела в Грозном не оправдал радужных надежд руководителей Московского общества «быть вполне готовыми к началу будущего 1897 года снабжать Каспийское и Черное море грознен-

¹⁰⁰ Совет съезда терских нефтепромышленников. Статистические сведения о грозненских нефтяных промыслах за 10 лет (с 1898 по 1907 г.): ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 66, д. 1908, лл. 194—195.

¹⁰¹ Материалы по грозненской нефтяной промышленности, т. II, ч. 1, стр. 7.

¹⁰² Там же, стр. 8—19.

¹⁰³ Г. Спирер — А. Ротштейну 22 марта/3 апреля 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 87, л. 28.

¹⁰⁴ См.: М. А. Кох и П. В. Оль. Нефтяная промышленность. М., 1925, стр. 33; Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1899 г., ч. II, Баку, 1900, стр. 36.

¹⁰⁵ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 253, л. 63.

ским нефтяным топливом в размере 20 млн пудов в год».¹⁰⁶ Добыча нефти на промыслах общества даже сократилась с 2 831 000 пуд. в 1897 г. до 2 251 470 пуд. в 1898 г. и 1 864 345 пуд. в 1899 г.,¹⁰⁷ и в конце концов, потерпев большие убытки, руководители общества вынуждены были его продать Ротшильдам.¹⁰⁸

В целом добыча на промыслах ротшильдовских обществ составляла в начале XX в. незначительную величину — 8—9% от общей нефтедобычи в Грозном,¹⁰⁹ причем все это количество направлялось в Новороссийск для переработки на заводе «Русского стандарта», работавшем, однако, из-за недостаточных поступлений грозненских нефтепродуктов с большой недогрузкой. Вместе с тем позиции ротшильдовской группы в Грозном были неизмеримо более прочными, чем это казалось бы вытекало из их небольшого удельного веса в добыче нефти, и основывались на монопольном положении Ротшильдов (в союзе с Нобелем) как на внутри-русском рынке, так и в русском нефтяном экспорте.

Таковы были основные четыре группы крупных фирм, почти полностью сосредоточившие на рубеже XIX—XX вв. всю добычу нефти в Грозненском районе. Были, конечно, в эти годы в Грозном и другие предприниматели и фирмы, однако сколько-нибудь серьезных результатов в промысловой деятельности они не добились. Часть из них, как например Бакинское нефтяное общество, Ростовское товарищество, Чемберс и другие, после первых безрезультатных попыток выйти к нефтеносным пластам вообще прекратили свои работы, продав свои участки; другая часть (Грозненско-Мамакаевское товарищество, Челекено-Дагестанское общество, Каягентское товарищество, Баскаков, Кузьмин, Райкин и др.), хотя и вела собственную добычу, но в таких незначительных размерах, что не играла в начале 1900-х годов какой-либо существенной роли.¹¹⁰

¹⁰⁶ Письмо А. В. Бари в Департамент торговли и мануфактур, 18 августа 1896: там же, л. 27.

¹⁰⁷ Материалы по грозненской нефтяной промышленности, т. II, ч. 1, стр. 9—10.

¹⁰⁸ Характерно, что Ротшильды еще с конца 1897 г. внимательно наблюдали за развитием событий, касавшихся Московского общества. Услышав, что «Петербургский международный банк скупает все акции Московского о-ва Бари, эксплуатирующего нефтяные концессии в Грозном, которые он находит на рынке», Ж. Арон в своем письме к А. Ротштейну запрашивал о возможности, в случае достоверности этих сведений, «объединить дело с „Русским стандартом“» (Ж. Арон — А. Ротштейну 1/13 декабря 1897 г.: МКНПР, стр. 214).

¹⁰⁹ См.: Материалы по грозненской нефтяной промышленности, т. II, ч. 1, стр. 12—15.

¹¹⁰ См.: там же, стр. 8—20.

Не располагая солидными средствами, большинство этих предпринимателей принадлежало к категории искателей счастья, мелких хищников, варварски разрабатывавших свои участки, гонявшихся только за фонтанами. Между тем особенностью геологического строения Грозненского района было то, что нефтеносные пласты выходили на поверхность здесь сравнительно небольшой узкой полосой, в остальных же местах они были круто падающими, требующими для вскрытия серьезных разведочных работ и прежде всего глубокого бурения. Но о каком геологическом изучении грозненского нефтяного месторождения могла идти речь, если, как отмечалось в «Обзоре бакинской нефтяной промышленности за 1899 г.», «каждая фирма тщательно скрывала от других глубины своих скважин, падение пластов, характер пройденных пород, отказывая в них даже и непричастным к грозненскому нефтяному делу лицам, и стремилась, каждая особо, к поискам нефти, не оглядываясь даже назад».¹¹¹ Капитальное геологическое исследование Грозненского района было проведено уже только в советское время. Следует заметить, что в хищнических методах эксплуатации крупные грозненские фирмы мало в чем уступали мелким предпринимателям, результатом чего было неоднократное затопление водой нефтеносных площадей.

Первое десятилетие относительно интенсивной эксплуатации нефтяного месторождения на Тереке не оправдало прогнозов о превращении Грозного в серьезного конкурента Баку. Планы грозненских нефтепромышленников довести полезную производительность буровых скважин до 120—130 млн пуд. уже в 1897 г.¹¹² на деле оказались блефом и типичным прожектерством; напротив, 1897—1898 годы, в связи с указанным обводнением нефтеносных пластов, даже дали снижение нефтедобычи в Грозненском районе (против 1896 г.) на 15% (с 21 807.4 тыс. пуд. в 1896 г. до 18 496.9 в 1897 г. и 18 502.4 в 1898 г.).¹¹³ В начале XX в. добыча нефти в Грозном составляла всего лишь 5% бакинской добычи (30.7 млн пуд. в 1900 г. и 34.9 млн пуд. в 1901 г. против 600.8 млн пуд. в 1900 г. и 671.7 млн пуд. в 1901 г. в Баку).¹¹⁴

Царское правительство поначалу проявило известную заинтересованность в судьбах грозненской нефти. Оно, в частности, рас-

¹¹¹ Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1899 г., стр. 31.

¹¹² См.: Е. М. Юшкин, *указ. соч.*, стр. 44.

¹¹³ Материалы по грозненской нефтяной промышленности, т. II, ч. 1, стр. 7—9.

¹¹⁴ Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1901 г., ч. I, Баку, 1902, стр. 18; ч. III, 1902, стр. 254.

считывало, что конкуренция Грозного с Баку разрядит сложившееся к концу 90-х годов напряженное положение с жидким топливом, когда далеко не удовлетворялась резко возросшая потребность на бакинскую нефть и нефтепродукты Центрального промышленного района и Волжско-Каспийского бассейна, основных их потребителей, а цены на мазут и другие нефтяные остатки только в 1894—начале 1897 г. выросли в три раза и обнаруживали тенденцию к дальнейшему росту,¹¹⁵ и в этой связи благоприятно отнеслось к постановке вопросов о прокладке нефтепроводов от грозненских промыслов к Черному и Каспийскому морям, о снижении вывозных железнодорожных тарифов и т. п.,¹¹⁶ но очень быстро охладело к новому району, убедившись на деле в иллюзорности своих планов.

Министр государственных имуществ М. Н. Ермолов имел возможность лично удостовериться в крайне хаотической и нерациональной организации промыслового дела в Грозненском районе, посетив его в 1897 г. и устроив местным промышленникам форменный разнос.¹¹⁷ Военное ведомство также занимало крайне сдержанную позицию в отношении промышленности на подвластных ему казачьих землях вообще, в вопросах развития Грозненского района, в частности. Характерна в этом отношении резолюция (от 10 ноября 1898 г.) военного министра генерала А. Н. Куропаткина по поводу проекта устава Терско-Черноморского общества, создаваемого Е. В. Глушковым для реализации его плана прокладки нефтепровода от Грозного к Черному морю. Возражая в категорической форме против разрешения иностранным подданным принимать участие во вновь основываемых предприятиях, Куропаткин, в частности, писал: «Я не сторонник слишком спешного развития

¹¹⁵ Журнал комиссии для рассмотрения предположений об устройстве нефтепровода от грозненских промыслов, февраль—май 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 2, д. 1158, лл. 105—106.

¹¹⁶ Указанные проекты были выдвинуты в середине 90-х годов Е. В. Глушковым и Р. Исаевым и поддержаны специально командированным в Грозный для исследования вопроса на месте ревизором Главного управления неокладных сборов и казенной продажи штей Е. К. Истоминым (см. его записку «Проведение нефтепровода от грозненских промыслов к Каспийскому морю»: там же, лл. 44—53), а также большинством участников особой междуправительственной комиссии под председательством члена Совета министра финансов Д. Ф. Кобеко, работавшей, с перерывами, в феврале—мае 1897 г. (Журнал комиссии: там же, лл. 100—124). Реализация всех этих проектов в то время помешало отсутствие необходимых капиталов. Замедленное развитие грозненской промышленности вплоть до начала 1910-х годов также не благоприятствовало строительству грозненского нефтепровода, который был проложен к Каспийскому морю только в самый канун первой мировой войны. Подробнее об этом см.: МКНПР, стр. 203, 204, 639, 683, 684, 743, 744.

¹¹⁷ См.: Е. М. Юшкин, ук. соч., стр. 27.

промышленности в казачьих владениях за счет, особенно, иностранных капиталов и при помощи иностранцев и евреев. Лучше позже, но чтобы разработка естественных богатств в казачьих областях осталась в русских руках. Так лучше и для государства, и для казачьих интересов».¹¹⁸

И хотя эта точка зрения Куропаткина не получила поддержки ни в высших сферах, где к началу 1899 г. победили сторонники широкого привлечения иностранного капитала в русскую нефтяную промышленность,¹¹⁹ ни даже на местах у казачьей старшины, получавшей значительный доход от эксплуатации грозненского нефтяного месторождения крупнейшими иностранными фирмами,¹²⁰ в целом царское правительство не уделяло на рубеже XIX—XX вв. сколько-нибудь серьезного внимания вопросам развития, нуждам и запросам этого находившегося еще в процессе становления нового промышленного района.

Многочисленные ходатайства и представления Совета съезда терских нефтепромышленников, начавшего функционировать в 1898 г., не удовлетворялись правительственными учреждениями, в то время как Терское областное правление осуществляло самый придирчивый контроль над всеми финансовыми операциями съездовской организации, неоднократно вступая с ней в конфликты.

¹¹⁸ ЦГВИА, ф. 4 (л), оп. 65, д. 99, л. 1.

¹¹⁹ См.: Исторический архив, 1960, № 6, стр. 76—104.

¹²⁰ Резолюция Куропаткина была сообщена войсковым и наказным атаманам казачьих войск, от которых потребовали представления соображений о желательности или нежелательности допуска в предстоящем пятилетии иностранных капиталов в промышленность на казачьих землях. В результате были получены ответы от начальников Терской и Кубанской областей, где всячески подчеркивалась желательность и необходимость привлечения иностранных капиталистов для развития местной нефтяной промышленности. Обосновывая это положение, начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска С. В. Каханов, в частности, писал своему непосредственному начальнику наместнику Кавказа Г. С. Голицыну: «...опыт последнего времени указал, что только при их (иностраннных капиталов, — С. П.) участии тот или другой промысел ставится наиболее рациональным способом и увеличивается его производство» (С. В. Каханов — Г. С. Голицыну 24 апреля 1899 г.: ЦГВИА, ф. 4 (л), оп. 65, д. 99, л. 22). После Особого совещания 1 мая 1899 г. под председательством Д. М. Сольского, высказавшегося в пользу широкого допуска английских капиталов в бакинскую нефтяную промышленность, вынужден был дать отбой и сам Куропаткин, предложивший 27 мая 1899 г. Главному управлению казачьих войск «во всех случаях по допуску иностранных капиталов в казачьих областях действовать строго на основании существующих законоположений, руководствуясь высочайшею волею, последовавшею после обсуждений вопроса об иностранных капиталах в Особом совещании. Иных тормозов, кроме указанных в законе, проникновению иностранных капиталов в казачьи земли не ставить» (там же, л. 6).

Занимая весьма скромное место к началу XX в. в общероссийской нефтедобыче и производстве нефтепродуктов различной номенклатуры, грозненская промышленность испытывала серьезные трудности со сбытом своей продукции.

Грозненская нефть по своему химическому составу отличалась от бакинской более высоким процентным содержанием (до 15—20% против 5% в Баку) бензина и газаolina и, наоборот, более низким выходом керосина (также 15—20% против 30—35% в Баку), незначительным содержанием соляровых и других смазочных масел и, наконец, чрезвычайно большим удельным весом и вязкостью нефтяных остатков, которые с трудом перекачивались по трубам и плохо горели. Последнее обстоятельство вынуждало в целях получения доброкачественного топливного мазута ограничиваться неполной перегонкой нефти, искусственно сокращать отгон керосина и бензина.¹²¹

Поскольку на рубеже XIX—XX вв. такое ценное моторное топливо, как бензин, еще не получил широкого повсеместного распространения (общероссийская потребность в нем не превышала в конце 90-х годов 300—350 тыс. пуд.),¹²² а производство керосина в Грозном обходилось дороже, чем в Баку, нефтеперерабатывающая промышленность в Грозненском районе не получила в этот начальный период сколько-нибудь значительного развития. В то время как в Баку нефтеперерабатывающие заводы исчислялись десятками, в Грозном в начале XX в. их было только четыре, причем основная продукция приходилась на наиболее крупные заводы общества «И. А. Ахвердов и К^о» (построен в 1895 г.) и общества Владикавказской ж. д. (построен в 1896 г.) — в 1902 г. их доля в переработке грозненской нефти составляла 84,5%.¹²³

Главным продуктом заводской переработки в Грозненском районе был мазут, составлявший в начале XX в. $\frac{3}{4}$ всей перерабатывавшейся грозненской нефти. Вместе с сырой нефтью он составлял $\frac{9}{10}$ всех вывозимых из Грозного в эти годы нефтепродуктов¹²⁴ и определял лицо района, стремление грозненских нефтепромышленников приспособиться к рыночной конъюнктуре, растущей с каждым годом потребности в жидком топливе.

Вывоз грозненских нефтепродуктов, прежде всего мазута и сырой нефти, ограничивался близлежащими районами Северного Кавказа, часть жидкого топлива поступала и в Южный горнопромышленный район. Напротив, бензин и керосин, вырабатывав-

¹²¹ Журнал комиссии Д. Ф. Кобеко, лл. 103—104.

¹²² Там же, л. 104.

¹²³ Н. С. Жидков. Обзор грозненской нефтеперерабатывающей промышленности за 1900—1906 гг. Новочеркасск, 1907, стр. 29.

¹²⁴ Там же, стр. 39, 63.

шиеся в незначительном количестве, по преимуществу вывозились через Новороссийск за границу, особенно в период действия синдикатского соглашения грозненских нефтепромышленников (о нем ниже).¹²⁵

Основным потребителем грозненского жидкого топлива в начале XX в. была Владикавказская ж. д., на долю которой приходилось $\frac{4}{5}$ всего выработанного в 1901—1903 гг. в Грозном мазута. Не имея в эти годы собственного промыслового хозяйства, владельцы дороги скупали у грозненских нефтепромышленников добываемую ими нефть, которую затем перерабатывали на собственном нефтеперегонном заводе, используя получаемый мазут и частично сырую нефть как сравнительно дешевое и экономичное топливо.¹²⁶ Учитывая, что в руках Владикавказской дороги находились, кроме всего прочего, еще основные транспортные средства, что она выпускала на рынок как отходы производства своего завода — бензин и керосин, легко понять особое место этой богатейшей в России, сильной своими связями при царском дворе дороги в Грозном, в постоянно меняющейся конъюнктуре местного нефтяного рынка.

Для Грозненского района конца XIX—начала XX в. были характерны обособленность и замкнутость, слабые позиции на внутреннем рынке, что в свою очередь являлось одной из причин недостаточного уровня развития местной нефтяной промышленности. Эта особенность накладывала свой отпечаток и на самый характер монополизации грозненской промышленности: она также была узколокальной, местной, не выходящей за рамки Грозного, уступавшей в целом значительно более высокому уровню монополизации бакинской нефтяной промышленности, оказавшейся в начале XX в. в руках Нобеля и ротшильдовской группы и некоторых других крупнейших фирм, поделивших между собой внутрирусский рынок, а также активно выступавших на иностранных рынках. Главным грозненским фирмам в этих условиях оставалось лишь довольствоваться своим командным положением только в самом Грозном, на съездах терских нефтепромышленников, возникших в 1898 г.¹²⁷

¹²⁵ Там же, стр. 63—75.

¹²⁶ Как отмечалось в позднейшей записке правления Владикавказской ж. д., одним из мотивов, побудивших в те годы ее владельцев отказаться от мысли завести собственные нефтепромыслы в Грозном, был тот, что «в то время сплоченность между нефтедобывающими фирмами отсутствовала и правлению некоторое время удавалось добиваться выгодных для дороги условий покупки нефти». Правление общества Владикавказской ж. д. — Управлению железных дорог 11 февраля 1913 г.: ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 12, д. 116, л. 45.

¹²⁷ Подробнее о них см.: Л. Н. Колосов. 1) Возникновение организации крупного капитала — съезда терских нефтепромышленников. Уче-

Узость рынков сбыта, известная зависимость от Владикавказской ж. д. со всей силой сказались с началом кризиса 1900-х годов и привели к значительному застою в делах, быстрому падению рыночных цен на основные нефтепродукты, ликвидации некоторых мелких фирм.¹²⁸ Наиболее сильным было понижение цен в Грозном на мазут (с 18.7 коп. в 1900 г. до 11.1 коп. в 1902 г.) и керосин (с 35.5 коп. в 1900 г. до 12.25 коп. в 1902 г.).¹²⁹ Общее сокращение добычи нефти в районе (с 34 888.9 тыс. пуд. в 1901 г. до 32 772.5 тыс. пуд. в 1903 г.)¹³⁰ сопровождалось резким снижением буровой деятельности на промыслах — только за один 1902 г. протяженность вновь пробуренных скважин сократилась почти наполовину (с 7634 саж. до 4395 саж.)¹³¹ и вообще всех разведочных работ. Отмечая значительное уменьшение поступлений в войсковую казну от аренды и эксплуатации нефтеносных участков (с 708.3 тыс. руб. в 1901 г. до 528.8 тыс. руб. в 1902 г.), казачьи власти Терской области особо подчеркивали при этом «то обстоятельство, что вследствие кризиса на нефтяных рынках все внимание грозненских нефтепромышленников обращено на эксплуатацию заявочных участков и участков в заведомо нефтеносной площади с дешевою попудною платою, с приостановкою добычи нефти на участках с сравнительно значительной платою».¹³²

Особенно трудное положение сложилось к началу 1902 г., когда в результате сильного фонтана на промысле АРМО цены на сырую нефть дошли до критической точки — 6—6¹/₂ коп. за пуд.¹³³

ные записки Грозненского государственного педагогического института, № 8, серия историческая, вып. 1, Грозный, 1953, стр. 102—122; 2) Съезд терских нефтепромышленников — организация нефтяных монополий (1898—1919). Тезисы сообщения на сессии Научного совета при Отделении исторических наук АН СССР по проблеме «Основные закономерности и особенности развития России в эпоху империализма (исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции)» в Ленинграде 12—16 сентября 1961 г.

¹²⁸ Уже в январе 1900 г. корреспондент «Каспия» сообщал из Грозного: «Дела находятся в большом застое. Две фирмы уже ликвидируются, а остальные сокращают штаты служащих. Работы на промыслах движутся очень вяло, и даже те нефтедобывающие фирмы, которые славились успехом в достижении хороших результатов бурения, боятся увеличивать число буровых и действуют весьма осторожно. Зато рост цен на жизненные припасы и предметы первой необходимости идет несоответственно успеху нефтедобывающей промышленности, а цены на земельные участки достигают безумной высоты» (Каспий, 1900, 14 января).

¹²⁹ Н. С. Жидков, ук. соч., стр. 109.

¹³⁰ Там же, стр. 30.

¹³¹ Совет съезда терских нефтепромышленников. Статистические сведения о грозненских нефтяных промыслах за 10 лет (с 1898 по 1907 г.): ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 66, д. 1908, лл. 194—195.

¹³² Терский календарь на 1904 г. Владикавказ, 1904, стр. 104.

¹³³ Терские ведомости, 1902, 20 января.

В условиях кризиса в большом выигрыше оказалась Владикавказская ж. д., приобретающая необходимое ей жидкое топливо по дешевой цене.

Создавшееся положение ускорило оформление синдикатского объединения главных грозненских нефтепромышленных фирм, возникшего в самом начале 1902 г. и имевшего своей целью решающим образом воздействовать на конъюнктуру местного нефтяного рынка, выступление общим фронтом в поставках нефтепродуктов Владикавказской ж. д.

Мы располагаем, к сожалению, лишь отрывочными, далеко не полными сведениями о возникновении и деятельности этого своеобразного монополистического объединения, представленными главным образом в архивном фонде одного из его участников — АРМО¹³⁴ и в очень малой степени — на страницах грозненских торгово-промышленных изданий. Указанное обстоятельство затрудняет выяснение целого ряда существенных вопросов, препятствует всестороннему и равномерному освещению истории этого, в сущности, единственного в дореволюционной нефтяной промышленности России оформленного синдиката.¹³⁵

Трудно сейчас, в частности, восстановить, кто был инициатором объединения. В январе 1903 г., в самый разгар деятельности синдиката, «Грозненский торгово-промышленный бюллетень» поместил письмо за подписью И. Ч., исходившее, по-видимому, из кругов местных мелких промышленников и содержавшее утверждение, что сама идея синдикатского объединения принадлежит не его непосредственным организаторам; еще до его возникновения существовал проект объединения всех местных фирм «с исключительной целью развить рынок, избегая губительной

¹³⁴ Сведения эти частично использованы Л. Н. Колосовым в его статье о возникновении съезда терских нефтепромышленников (см.: Ученые записки Грозненского государственного педагогического института, № 8, серия историческая, вып. 1, стр. 116—120).

¹³⁵ Нефтяная промышленность принадлежала к числу наиболее капиталистически развитых, монополизированных отраслей дореволюционной промышленности России. Уже с конца XIX в. производство и сбыт нефтепродуктов как на внутреннем, так и на иностранных рынках оказались сосредоточенными в руках нескольких крупнейших бакинских фирм, главным образом товарищества «Бр. Нобель», ротшильдовской группы, которые действовали на основе временных картельных соглашений, выступая как могущественные тресты. Возникновение накануне первой мировой войны новых нефтепромышленных трестов явилось выражением дальнейшего развития монополизации нефтяной промышленности России. Попытки мелких и средних нефтепромышленников воспрепятствовать этой линии развития путем создания более широких по числу участников синдикатских объединений — последняя такая попытка организации «Прода-нефти» относится к 1908—1910 гг. — с самого начала были обречены на провал из-за враждебной позиции монополистических кругов русской нефтяной промышленности. Подробнее об этом см.: МКНПР.

конкуренции».¹³⁶ Реализация этого плана, однако, меньше всего зависела от мелких предпринимателей, в конечном счете все решала позиция крупнейших нефтепромышленных фирм, истинных хозяев грозненской нефти.

В январе 1902 г. в Грозном происходят переговоры с участием представителей трех крупнейших местных фирм: грозненского представителя общества «И. А. Ахвердов и К^о» А. А. Пурбе, директора правления общества «Шпис» Э. Гирша, специально приехавшего из Лондона, и управляющего конторой этого общества М. А. Мареша, а также директоров правления АРМО М. В. Максимова и Н. И. Рафаиловича. Отсутствие на переговорах представителей ротшильдовских фирм в Грозном объясняется, по-видимому, тем, что в силу уже упоминавшихся выше обстоятельств, проблема сбыта нефтепродуктов для них не была такой острой, как для других грозненских нефтепромышленников, и ротшильдовская группировка предпочитала не связывать себе на первых порах руки, наблюдая со стороны за дальнейшим развитием событий.

Переговоры в Грозном завершились выработкой проекта соглашения, предусматривавшего организацию специальной негласной комиссии из представителей трех фирм, которые «обязуются между собой и каждая перед другой в отдельности продавать только через посредство означенной комиссии».¹³⁷ До окончательного утверждения проекта, на что требовалась санкция правлений обществ в Лондоне и Антверпене, было решено «не продавать [нефть] ниже 12 коп. в продолжение 2 месяцев».¹³⁸

Перед своим возвращением в Лондон Гирш имел в Москве встречу с известным юрисконсультom по торгово-промышленным делам А. Ф. Дерюжинским, который рекомендовал несколько видоизменить соглашение, согласовав его, формы ради, с русским законодательством. Как сообщал Гирш Марешу, он «был разочарован мнением г. Дерюжинского и привел ему несколько примеров других комбинаций, уже существующих и действующих в России, а также несколько таких, какие имеют быть сформированными. Г. Дерюжинский согласился со мной, но настаивал на том, что все эти комбинации незаконны, они могут быть сформированными и действовать, если договаривающиеся стороны согласились между собой, но писанный контракт, имеющий основанием комбинацию, подобную нашей, подвергает ответственных лиц, как-то нашего ответственного агента и всех лиц, подписывающих контракты и действующих по доверенности, заключению в тюрьму от 4 до

¹³⁶ ГТПБ, 1903, 12 января, № 24.

¹³⁷ Проект соглашения: ГАЧИ АССР, ф. 12, оп. 1, д. 6, л. 1.

¹³⁸ М. А. Мареш — Э. Гиршу 22 января 1902 г.: МКНПР, стр. 247.

8 месяцев; кроме того, в случае могущих быть недоразумений, мы не можем с этим контрактом явиться ни в какой суд в России для взыскания неустойки от нарушившего условия контракта».¹³⁹

Речь шла о пресловутой ст. 1180 «Уложения о наказаниях», предусматривавшей уголовную ответственность — от денежного штрафа до тюремного заключения — «за стачку торговцев или промышленников для возвышения цены не только предметов продовольствия, но и других необходимой потребности товаров».¹⁴⁰ Формально эта и другие архаические (издания 1845 г.) статьи запрещали всякого рода монополистические объединения в России, фактически же царское правительство не только не мешало их возникновению, но в ряде случаев оказывало им всяческое содействие; в то же время, организаторы монополий обычно умели приспособляться к русским условиям, оформляя свои соглашения и объединения в виде акционерных обществ, группируясь вокруг торговых домов, и т. п.¹⁴¹ Деятельность грозненского синдиката — лишний пример этой своего рода монополистической микрии.

Выход из положения был предложен самим Дерюжинским. Он, в частности, посоветовал Гиршу организовать на месте в Грозном посредническую контору, выделив для ее заведывания особого агента, которому и поручить официально, по доверенности от каждой из трех фирм, производить все операции по торговле нефтепродуктами. Вся соль предложения Дерюжинского была в том, что и агент и сама контора должны были иметь чисто номинальный характер, поскольку агент передоверял свои права полномочным представителям каждой фирмы, которые, продолжая свою деятельность как члены синдиката, официально в сделках выступали как доверенные лица законно существующей, официально зарегистрированной торговой конторы.¹⁴²

Гирш с радостью ухватился за предложенную Дерюжинским идею и тут же выдвинул свою кандидатуру на пост торгового агента. «Я устроился бы в Грозном как комиссионный агент, платил бы торговые налоги около 700 руб. в год, заключил бы с каждой фирмой такого рода контракты, что ни одна не могла бы обойти другую, затем передоверил бы полученные мною полномочия представителям трех фирм и посредством их или непосредственно — Ганкину, который получал бы комиссию, какая

¹³⁹ Гирш — Марешу 21 января 1902 г.: МКНПР, стр. 245.

¹⁴⁰ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, ст. 1180. Свод законов Российской империи, т. XV, СПб., 1885.

¹⁴¹ Подробнее об этом см.: Т. Д. Крупина. К вопросу о взаимоотношениях царского правительства с монополиями. Исторические записки, т. 57, М., 1956, стр. 144—176.

¹⁴² Гирш — Марешу 21 января 1902 г.: МКНПР, стр. 245, 246.

ему будет назначена в тех случаях, когда нам придется воспользоваться его услугами», — писал он Марешу, предлагая ему высказать на месте мнение по этому проекту Максимовых.¹⁴³

В ответных телеграммах от 22 и 26 января Мареш сообщал Гиршу, что Максимов принимает предложенный им проект в качестве временной меры и «сильно настаивает, дабы не терять времени, чтобы Ватеркейн приехал с вами в Грозный или уполномочил Пурбе или другое лицо окончательно заключить контракт и сейчас же принять меры к учреждению компании по совместной продаже».¹⁴⁴ Последнее слово, однако, было за бельгийскими владельцами общества «И. А. Ахвердов и К^о» — главными фигурами в Грозном. 28 января 1902 г. в Лондоне состоялось заседание правления общества «Шпис», в котором принял участие и глава ахвердовской фирмы И. Ватеркейн, настоявший на принятии его кандидатуры на пост торгового агента в Грозном.¹⁴⁵ После нового обмена телеграммами с Максимовыми,¹⁴⁶ стремившимися к быстрейшему заключению соглашения, кандидатуры Ватеркейна и И. Я. Ганкина (последний должен был вести на комиссионных началах торговлю нефтепродуктами синдиката) были окончательно согласованы, и в начале февраля соглашение вступило в силу.

Для окончательного оформления всех документов, «заключения законных формальностей с Дерюжинским»¹⁴⁷ в феврале в Москву приехали руководители договаривающихся обществ Ватеркейн, Гирш, Максимов и их представители. Тогда же, по-видимому, были согласованы тексты доверенностей Ватеркейну, которого общества — каждое в отдельности — уполномачивали «быть своим единственным и исключительным представителем по продаже в России нефти, добываемой на промыслах сказанного общества и всякого рода нефтяных продуктов»,¹⁴⁸ и передоверий уже Ватеркейном всех своих прав по вышеприведенным доверенностям представителям каждой из фирм.¹⁴⁹ Характерно, что и

¹⁴³ Там же, стр. 246.

¹⁴⁴ Мареш — Гиршу 26 января 1902 г.: там же, стр. 247.

¹⁴⁵ Телеграмма правления общества «Шпис» М. В. Максимова 31 января 1902 г.: там же.

¹⁴⁶ Телеграмма М. В. Максимова правлению общества «Шпис» 1 февраля 1902 г.: там же, стр. 250; телеграмма правления общества «Шпис» М. В. Максимова 2 февраля 1902 г.: там же, стр. 251.

¹⁴⁷ Телеграмма правления общества «Шпис» правлению АРМО (начало февраля): ГАЧИ АССР, ф. 12, оп. 1, д. 6, л. 25.

¹⁴⁸ Доверенность АРМО И. Г. Ватеркейну от 26 февраля 1902 г.: там же, лл. 30—31.

¹⁴⁹ Передоверие И. Г. Ватеркейном Н. И. Рафаиловичу ведения всех дел по продаже нефти и нефтепродуктов АРМО от 26 февраля 1902 г.: там же, лл. 54—55. В идентичных письмах, направленных в правления трех союзных грозненских фирм и являвшихся дополнением к нотариально оформленным доверенностям и передовериям, Ватеркейн спе-

доверенности и передоверия зарегистрированы одним числом (26 февраля 1902 г.), что также лишний раз свидетельствует об их чисто условном, номинальном характере.

Основным документом, определявшим действительные взаимоотношения, права и обязанности участников синдиката, была специальная строго засекреченная памятная записка, в основном воспроизводящая первоначальный проект соглашения и введенная в действие с 1 февраля 1902 г.¹⁵⁰

Согласно этой записке, руководящим органом объединения являлся негласный комитет из представителей трех фирм, по одному от каждой. В развитие приведенной выше формальной процедуры особо оговаривалось, что «продажи и договоры заключаются от имени каждой фирмы непосредственно с покупателями за подписью поверенного каждой фирмы в отдельности по передоверию, совершенному г. В[атеркейном], а не по доверенности, выданной обществом своему представителю» (§ 2 записки).¹⁵¹ Комитет занимался определением объема продажи нефтепродуктов каждой фирмой, сроков их сдачи, цен, а также фактически нормировал само производство, поскольку заранее составлялись разверстки всех поставок фирмами. Памятной запиской, в частности, все союзные фирмы были обязаны представлять комитету в первых числах каждого месяца письменные сведения о количестве нефти и нефтепродуктов, выделяемых для продажи, и сроках их сдачи. Кроме того, фирмы должны были еженедельно препровождать в комитет подробные сведения о своей добыче и переработке нефти, а в конце месяца сообщать об имеющихся у них нефтяных запасах. На основании этих данных составлялись особые ведомости очередных совместных продаж, причем комитет обладал правом поручать ведение отдельных торговых сделок той или другой союзной фирме, которая и отвечала за выполнение заключенных контрактов. Все вопросы, в особенности касательно установления продажных цен, решались большинством голосов членов комитета, а при значительных разногласиях, касающихся сбыта крупных партий нефтепродуктов, — большинством правлений обществ, участников соглашения. Срок действия памятной записки и самого синдикатского соглашения был определен двухлетний (с 1 февраля 1902 г. по 1 февраля 1904 г.).

В апреле 1902 г. в Грозном открылась так называемая контора Ватеркейна, что завершило формирование синдиката. Сам Ватер-

циально обязывался «не пользоваться непосредственно доверенностью, а только когда вы мне изъясните в этом ваше письменное желание» (там же, л. 29).

¹⁵⁰ Памятная записка о порядке деятельности Комитета грозненских нефтепромышленников, февраль 1902 г.: МКНПР, стр. 248—250.

¹⁵¹ Там же, стр. 248.

кейн в Грозный приезжал очень редко, постоянно проживая в Антверпене, и все операции конторы производились представителями самих фирм, участников соглашения.

Грозненский синдикат полностью контролировал местную нефтяную промышленность: на долю фирм, его участников, в 1901 г. приходилось $\frac{9}{10}$ всей добываемой в Грозном нефти (31.3 млн пуд. из 34.9 млн пуд.); ¹⁵² в его ведении находился второй по величине в районе ахвердовский нефтеперегонный завод (после завода Владикавказской ж. д.).

Свою деятельность грозненский синдикат начал с немедленного прекращения продажи нефтепродуктов мелкими партиями и повышения цен: с 9 коп. в апреле до $10\frac{1}{2}$ за пуд сырой нефти.¹⁵³ Первый урон от этого понесли разного рода скупщики и мелкие нефтеторговцы, а также владельцы двух грозненских керосиновых заводов «Успех» и «Надежда» — Д. И. Исакович и И. М. Левит, оставшиеся без сырья. Однако и сами участники синдиката испытывают большие затруднения со сбытом скопляющихся нефтяных запасов. Характеризуя сложившуюся к лету 1902 г. обстановку на грозненском нефтяном рынке, «Грозненский торгово-промышленный бюллетень» писал: «Образовались две враждующие стороны: 3 нефтедобывающие фирмы, с одной стороны, и скупщики нефти, с другой стороны. Обе стороны не делали уступок, сделки по продаже нефти почти прекратились, и дело теперь находится в выжидательном положении. Скупщики нефти очень нуждаются в нефти, а нефтедобывающие фирмы нуждаются в ее сбыте. Неизвестно, долго ли продлится это положение и которая сторона пойдет на уступки».¹⁵⁴

Разумеется, руководителей синдиката меньше всего интересовали перекупщики и прочая околонефтяная публика, мало надежд было и на крупные сделки вне Грозного. Основной прицел, весь смысл соглашения были направлены на заключение долгосрочного выгодного контракта с Владикавказской ж. д., которая, как уже выше подчеркивалось, оставалась в эти годы основным потребителем грозненских нефтепродуктов.

Особенно настойчиво добивалось соглашения с дорогой АРМО, руководители которого, чтобы подтолкнуть своих партнеров, даже отозвали в начале мая 1902 г. своего представителя в комитете Н. И. Рафаиловича, требуя «продажи железной дороге немедленно, без посредников».¹⁵⁵ Решительный демарш Максимовых в какой-то

¹⁵² См.: Материалы по грозненской нефтяной промышленности, т. II, ч. 1, стр. 13—14.

¹⁵³ ГТПБ, 1902, 25 августа, № 4.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Телеграмма М. В. Максимова правлению общества «Шпис» 3 мая 1902 г.: ГАЧИ АССР, ф. 12, оп. 1, д. 10, л. 36.

степени явился неожиданностью для других участников синдиката, которые принимают меры, чтобы замаять этот инцидент и не передать его широкой огласке («...если публике станет об этом известно, это может принести существенный вред интересам наших обществ»)¹⁵⁶ и одновременно спасти сам синдикат. Как писал уполномоченный общества «И. А. Ахвердов и К^о» А. А. Пурбе управляющему Грозненской конторой общества «Шпис» М. А. Марешу, «само собой разумеется, что если вследствие происшедшего произойдет распадение нашего коммерческого соглашения, только что возникнувшего, мы увидим, как низко падут цены. Вот почему, вполне сознавая, что я не имею права судить о принятом Вами решении, прошу Вас, в интересах наших обществ, предотвратить, по крайней мере временно, последствия этого».¹⁵⁷

Чтобы в какой-то мере удовлетворить Максимовых и предотвратить тем самым окончательный распад объединения, его партнеры пошли на выработку предварительных условий будущего контракта синдиката с Владикавказской ж. д., определяющих доли участия в поставках нефтепродуктов дороге («И. А. Ахвердов и К^о» — $\frac{16}{40}$ всего количества, «Шпис» — $\frac{15}{40}$ и АРМО — $\frac{9}{40}$).¹⁵⁸ Позднее условия соглашения с железной дорогой были разработаны более полно и подписаны представителями трех фирм.¹⁵⁹ Это позволило синдикату выступать единым фронтом на переговорах с Владикавказской ж. д., завершившихся заключением 2 октября 1902 г. договора о совместной поставке в течение трех лет (с 1 января 1903 г. по 1 января 1906 г.) союзными фирмами обществу Владикавказской ж. д. от 12 до 18 млн пуд. нефти в год по средним бакинским ценам, в $1\frac{1}{2}$ —2 раза превышавшим грозненские.¹⁶⁰

Соглашение с Владикавказской ж. д. было серьезным успехом синдиката, «самым крупным фактом в деле сбыта нефти за последнее время».¹⁶¹ Теперь главные грозненские фирмы обеспечили на несколько лет размещение значительной доли своей продукции по сравнительно устойчивым ценам. В особом выигрыше оказалось АРМО, чья доля в выполнении общих поставок ($\frac{9}{40}$) гарантировала ей сбыт, в сущности, основной части добываемой обществом

¹⁵⁶ А. А. Пурбе — Марешу 4 мая 1902 г.: МКНПР, стр. 260.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Эти условия зафиксированы путем обмена идентичных писем между представителями трех обществ (Мареш — М. В. Максимова 16 мая 1902 г.: там же, стр. 260—261).

¹⁵⁹ ГАЧИ АССР, ф. 12, оп. I, д. 10, лл. 13—16.

¹⁶⁰ Договор с Владикавказской ж. д. от 2 октября 1902 г.: там же, лл. 52—54.

¹⁶¹ ГТПБ, 1902, 27 октября, № 13.

нефти.¹⁶² Добившись своей цели, Максимовы, как мы убедимся ниже, постепенно теряют интерес к синдикату, что в конце концов привело к его распаду.

В связи с заключением договора с Владикавказской ж. д. между союзными фирмами было достигнуто соглашение о некотором изменении синдикатского соглашения, которое, по сути, приспособляется к контракту с дорогой, в частности увеличивается срок деятельности посреднической конторы Ватеркейна до 1 августа 1905 г.¹⁶³ Более детально было разработано соглашение союзных фирм о взаимных обязательствах по выполнению контракта с дорогой (доли участия в общих поставках оставались прежними).¹⁶⁴

Ободренные достигнутым успехом, руководители синдиката М. В. Максимов, Э. Гирш, И. Ватеркейн, М. А. Мареш, А. Вандевиль и А. А. Пурбе предпринимают в декабре 1902 г. новую серию переговоров с правлением общества Владикавказской ж. д., добиваясь передачи синдикатской конторе продажи всех побочных продуктов, получаемых заводом дороги при выработке мазута (керосин, бензин и др.). Цель этой просьбы была «мотивирована интересом, который представляет для грозненских нефтепромышленников не видеть обесценивание своих продуктов продаж по ничтожным ценам продуктов грозненского перегонного завода общества Владикавказской ж. д.»¹⁶⁵ Указанное предложение было не безвыгодным и для дороги, поскольку синдикат поддерживал достаточно высокие цены на местном нефтяном рынке. 21 декабря 1902 г. дорога приняла предложение синдиката, обменявшись с Ватеркейном соответствующими письмами об условиях соглашения.¹⁶⁶

Декабрьское соглашение с Владикавказской ж. д. еще больше расширило сферу действия синдиката, поскольку завод дороги производил в эти годы до $\frac{1}{4}$ всего грозненского керосина и $\frac{1}{2}$ бен-

¹⁶² В 1903 г. общая добыча АРМО и принадлежащего Максимовым Петербургского общества составила 5,8 млн пуд. нефти, из которых даже при минимальной цифре поставок Владикавказской ж. д. (12 млн пуд.) АРМО был гарантирован прием дорогой не менее 50% его годовой добычи.

¹⁶³ Памятная записка о порядке деятельности посреднической конторы И. Г. Ватеркейна по продаже нефти и ее продуктов в России, сентябрь 1902 г.: МКНПР, стр. 277—282.

¹⁶⁴ Проект соглашения АРМО, общества «Шпис» и «И. А. Ахвердов и К^о» о долях участия и порядке выполнения договорных поставок нефти Владикавказской ж. д., октябрь 1905 г.: ГАЧИ АССР, ф. 12, оп. 1, д. 10, лл. 59—63.

¹⁶⁵ И. Ватеркейн — правлению АРМО 24 декабря 1902 г./6 января 1903 г.: МКНПР, стр. 289.

¹⁶⁶ Письмо правления общества Владикавказской ж. д. посреднической конторе И. Ватеркейна 21 декабря 1902 г.: там же, стр. 288.

зина. По существу под контролем синдиката оказывается около 80% всего вырабатываемого в Грозном керосина и более 90% бензина.¹⁶⁷ В результате этого приехавший в конце 1902 г. в Грозный для покушки большой партии керосина представитель товарищества «Бр. Нобель» потерпел неудачу, поскольку не сошелся в цене с синдикатом, а «кроме г. Ватеркейна, никто предложить Нобелю ничего не мог. Совсем другое наблюдалось в прошлые годы, когда керосин имелся здесь у всех и временами выручались за него большие денежки».¹⁶⁸

Деятельность синдиката, объединившего крупнейших производителей нефтепродуктов в Грозненском районе, парализовала местный нефтяной рынок: цены держались в основном на одном уровне — 9—10 коп. за пуд сырой нефти, крупных сделок не происходило, а два уже упоминавшихся выше мелких керосиновых завода Д. И. Исаковича и И. М. Левита работали с большими перебоями, испытывая настоящий нефтяной голод. В конце концов Левит вынужден был продать свой завод «Газбекскому синдикату».¹⁶⁹

Мелкие нефтепромышленники и керосинозаводчики пытались протестовать против деятельности синдиката на очередном V и экстренном VI съездах терских нефтепромышленников в сентябре 1902 г. и в январе 1903 г. при обсуждении вопроса о рынках сбыта грозненских нефтепродуктов. Исакович, в частности, сетуя на крайне ненормальные условия сбыта грозненской нефти, говорил на VI съезде: «Некоторые нефтепромышленные фирмы, как известно, не отпускают на местные заводы нефть, что тормозит их производство. Я имею, например, предложение: предоставить керосин на Волгу на 10—25% дороже против цен в Баку, а принять его не могу — по неимению нефти. Нефтепромышленные фирмы находят почему-то для себя более удобным связываться с железной дорогой, хотя и по значительно низшей цене. Общество «Шпис» даже приостановило работу на промыслах в прошлом году, лишь бы только не продавать заводам в Грозном нефти».¹⁷⁰ Крупным фирмам, участникам синдиката, однако, удалось не допускать широкого обсуждения на съездах этого щепетильного для них вопроса, передав его в особую комиссию, где он также почти не дебатировался.¹⁷¹

¹⁶⁷ См.: Н. С. Жидков, ук. соч., стр. 32—47.

¹⁶⁸ ГТПБ, 1903, 12 января, № 24.

¹⁶⁹ ГТПБ, 1902, 15 декабря, № 20.

¹⁷⁰ Труды VI экстренного съезда терских нефтепромышленников. Грозный, 1903, стр. 37.

¹⁷¹ См.: Труды Комиссии по изучению рынков сбыта грозненской нефти и ее продуктов и изысканию мер к увеличению их. Грозный, 1903, стр. 19—22.

На V съезде терских нефтепромышленников представители мелких и средних предпринимателей попытались дать бой крупнейшим фирмам и по вопросу об избирательном цензе. Согласно существовавшему положению о съездах три главные грозненские фирмы, участники синдиката, имели на выборах руководящих съездовских органов по 8 голосов каждая. В результате — крупные фирмы командовали всеми делами съездовской организации, формируя из своих представителей ее органы. Возражая против такого положения, когда, как заявил один из мелких промышленников В. П. Кузьмин, «в Грозном существует сообщество трех крупных фирм, т. е. синдикат», группа из 8 предпринимателей и фирм (в том числе и трех ротшильдовских обществ) выступает за сокращение максимума голосов у одной фирмы до 2 (с 8). В свою очередь представители крупных фирм обращаются в Петербург и в конце концов добиваются отклонения жалобы и предложения 8 фирм об изменении цензов.¹⁷²

Успешные результаты 1902 г., казалось, предвещали грозненскому синдикату в наступающем году новые успехи. Однако этот прогноз не оправдался, напротив, 1903 год оказался последним в истории объединения. Если соглашение с Владикавказской ж. д. больше всего удовлетворило Максимовых, разместивших основную часть своей добычи нефти, то этого нельзя было сказать о главных участниках синдиката — обществах «И. А. Ахвердов и К^о» и «Шпис», у которых скопились большие запасы непроданных нефтепродуктов. Стремясь расширить вывоз грозненских нефтепродуктов в причерноморские порты и за границу, эти участники с конца 1902 г. заметно меняют свою ориентацию, стараются заручиться поддержкой ротшильдовской группировки (в лице ее главного грозненского общества «Русский стандарт») с ее мощной транспортно-сбытовой организацией. Ротшильды, в свою очередь, также проявили значительный интерес к этой инициативе, рассчитывая путем соглашения с синдикатом не только укрепить свои позиции в Грозном, но и постепенно подготовить условия для завоевания там своего доминирующего положения.

¹⁷² Поддержав крупных нефтепромышленников, областное правление Терской области в специальном постановлении признало, что «фирмы, вносящие большие суммы на общие нужды Грозненской промышленности, безусловно должны иметь и большее влияние при решении тех или иных вопросов на съездах, сопряженных с расходом таковых сумм. Точно так же желателен перевес влияния крупных фирм и на выборы должностных лиц съездов, так как солидность этих фирм, тратящих на развитие грозненской нефтепромышленности значительные суммы, служит ручательством, что означенные лица будут выбраны из числа достойнейших членов съезда, наиболее проявивших свою деятельность в интересах названной промышленности» (Журнал заседания областного правления Терской области, 12 апреля 1903 г.: ЦГВИА, ф. 4 (л), оп. 70, д. 32, л. 8).

Это обстоятельство прекрасно понимали Максимовы, с самого начала обнаружившие крайне отрицательное отношение к сближению с ротшильдовской группировкой. Они отказались послать своих представителей в Париж на начавшиеся там в октябре 1902 г. переговоры с Ротшильдами и в дальнейшем всячески тормозили достижение соглашения. Как отмечали впоследствии Ватеркейн и Гирш в письме к грозненскому представителю общества «И. А. Ахвердов и К^о» — Пурбе, «сколько телеграмм и писем было послано нами из Антверпена и Лондона этим господам (Максимовым, — С. П.) сперва с просьбой в начале ноября прошлого года, чтобы эти господа согласились присутствовать на предварительной встрече в Париже, относящейся к этому соглашению с „Русским стандартом“, потом с просьбой прибыть в Петербург».¹⁷³ В конце концов после долгих усилий встреча с представителями Максимовых состоялась в Петербурге, и тут окончательно выяснилось, что Максимовы категорически отказываются участвовать в подготовленном уже соглашении с «Русским стандартом» (проект договора был представлен Максимовым при встрече). Поскольку переговоры с Ротшильдами подходили к завершению, и открытая оппозиция максимовской группы могла их сорвать, представители общества «И. А. Ахвердов и К^о» и «Шпис» добились от Максимовых согласия на то, что они будут «в числе заключающих договор при условии, что нефтепромышленное общество „Шпис“ и „Ахвердов и К^о“ возьмут на себя долю Англо-Русского максимовского общества»,¹⁷⁴ не теряя при этом надежды в дальнейшем как-то повлиять на своих партнеров по синдикату, изменить их непреклонную позицию.

Подгоняемые Ротшильдами, всячески форсировавшими заключение выгодного для себя соглашения («... господа с улицы Лафит желали покончить... либо соглашением, либо разрывом»¹⁷⁵), Ватеркейн и Гирш 30 января/12 февраля 1903 г. подписали в качестве полномочных представителей синдиката в Париже ряд договоров, которые фактически означали присоединение ротшильдовской группы к синдикату. В частности, было достигнуто соглашение о передаче синдикату права торговли нефтью ротшильдовских компаний в Грозном (с 1 апреля 1903 г. по 1 апреля 1906 г.).¹⁷⁶

Основным был договор с контролируемым Ротшильдами обществом «Русский стандарт»,¹⁷⁷ которому участники синдиката,

¹⁷³ И. Г. Ватеркейн и Э. Гирш — А. А. Пурбе 3/16 мая 1903 г.: МКНПР, стр. 292.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ М. В. Максимов — И. Г. Ватеркейну 19 февраля 1903 г.: ГАЧИ АССР, ф. 12, оп. 1, д. 12, л. 22.

¹⁷⁷ Договор от 30 января/12 февраля 1903 г.: там же, лл. 11—20.

включая теперь и все ротшильдовские фирмы (Московское общество, Каспийско-Черноморское общество и сам «Русский стандарт»), должны были ежегодно поставлять в течение 5 лет (с 1 апреля 1903 г. по 1 апреля 1908 г.) 5 млн пуд. нефти для последующей ее переработки на заводе общества в Новороссийске, морской транспортировки и экспортной торговли. Во всех экспортных операциях «Русский стандарт» выступал в качестве торгового агента синдиката, за что получал половину чистой прибыли. Частично нефть и продукты ее переработки из Новороссийска вывозились «Русским стандартом» в Одессу и другие причерноморские порты, где хранились в резервуарах общества, а затем продавались синдикатом в пределах европейской части России. И в этом случае «Русский стандарт» участвовал в распределении прибылей, получая одну четвертую их часть. Участники синдиката обязывались не строить новых нефтеперегонных станций, нефтепроводов, резервуаров, могущих создать угрозу конкуренции для завода в Новороссийске. Особым пунктом было оговорено, что «ни в коем случае „Русский стандарт“ не будет участвовать в потерях», и участники соглашения «примут участие в доходах лишь после того, как „Русскому стандарту“ будет выделена его вышеустановленная часть доходов» (§ 12).¹⁷⁸

Одновременно с указанным договором был подготовлен проект соглашения также на 5 лет с другим ротшильдовским обществом «Мазут» о передаче ему исключительного права торговли керосином, вырабатываемым из грозненской нефти и вывозимым на внутренний рынок.¹⁷⁹ Примыкая к уже заключенному договору с «Русским стандартом», это соглашение фактически являлось составной частью общего плана Ротшильдов получить контроль над грозненской нефтяной промышленностью, захватить ключевые позиции в грозненском синдикате. Наметившееся сближение крупнейших грозненских фирм, и прежде всего общества «И. А. Ахвердов и К^о» с Ротшильдами, заключение указанных выше соглашений на деле открывали этой крупной монополистической группировке столбовую дорогу в достижении поставленной цели.

Понимая, что дело зашло достаточно далеко, Максимовы не только в дальнейшем окончательно отказались от участия в соглашении с «Русским стандартом», не прислали в июне 1903 г. своих представителей в Москву для обсуждения соглашения с «Мазутом», но и поставили вопрос об изменении синдикатского соглашения, требуя для себя далеко идущих гарантий и, в частности,

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Проект договора с обществом «Мазут» (март 1903 г.): там же, лл. 29—31.

своего полноправного участия в торговле нефтепродуктами, вывозимыми через черноморские порты, не взирая на свое неучастие в соглашениях с Ротшильдами.¹⁸⁰ В конечном итоге эта непримиримая позиция привела к выходу в конце 1903 г. Максимовых из синдиката, взорвала его изнутри.

Синдикат грозненских нефтепромышленников прекратил свое существование по взаимному «согласию» всех его основных участников в начале октября 1903 г.,¹⁸¹ далеко не исчерпав поставленных перед собой задач.¹⁸² Это было типичное раннемонополистическое объединение, неустойчивое, раздираемое внутренними противоречиями, порожденное быстро меняющейся конъюнктурой местного рынка. Его возникновение, деятельность и ликвидация составили определенный рубеж в истории грозненской нефтяной промышленности, утрачивающей постепенно местные узколокальные черты и ореол «блестящего одиночества»,¹⁸³ вступающей на путь, логическим завершением которого явился раздел грозненской нефти накануне первой мировой войны между могущественными русскими нефтяными трестами.

¹⁸⁰ Максимов — Ватеркейну 15 июня 1903 г.: МКНПР, стр. 295, 296.

¹⁸¹ Письмо А. А. Пурбе правлению общества Владикавказской ж. д. о ликвидации конторы И. Г. Ватеркейна: там же, стр. 302—303.

¹⁸² В целом, однако, синдикату удалось в самые трудные кризисные годы удержать от сползания вниз цены на нефть и нефтепродукты на местном рынке. Как справедливо отмечал «Грозненский торгово-промышленный бюллетень» в одном из своих номеров, «хотя многие в Грозном и склонны думать, что причиной прекращения существования конторы И. Г. Ватеркейна является убеждение ее учредителей, что первоначальный их взгляд был ошибочен, тем не менее мы не можем не признать, что только существование этой конторы удержало в прошлом году цены грозненской нефти от сильного падения» (ГТПБ, 1903, 21 декабря, № 73).

¹⁸³ Ватеркейн — директору правления товарищества «Бр. Нобель» Э. К. Грубе 1/14 июня 1908 г.: МКНПР, стр. 424.

М. П. ВЯТКИН

ПЛАТИНО-ПРОМЫШЛЕННАЯ АНОНИМНАЯ КОМПАНИЯ

К концу XIX в. Россия занимала первое место по добыче платины в мире и сохраняла это место в течение последующих лет. В 1911 г. Россия дала 93.1% мировой добычи платины, Колумбия — 6.1%, США — 0.5% и Австралия — 0.3%.¹ Добыча платины по годам испытывала значительные колебания. Существенную, но не единственную роль в таких колебаниях играли изменения в мировых ценах на платину. Значительная часть добываемой платины отвозилась за границу, причем в отдельные годы вывоз превышал добычу платины за счет запасов, накопленных за предшествующие годы.

За 1887—1913 гг. по данным Горного департамента было вывезено 82% добытой платины по преимуществу во Францию. Рынок предъявлял спрос на очищенную платину, но аффинажных (по очистке платины) заводов в России в начале XX в. совсем не было. До первой мировой войны было построено три небольших завода, которые очищали платину исключительно для внутреннего потребления. За границу вывозилась сырая платина, содержащая 83% чистого металла. В таких условиях попытка запретить вывоз сырой платины по закону 20 декабря 1913 г. не могла дать никаких практических результатов.

Добыча платины в России велась исключительно на Урале. Наиболее богатые месторождения платины находились по восточному склону Урала в районе р. Ис, в Лысьвенском округе, принадлежавшем гр. П. П. Шувалову, и по западному склону в Нижне-Тагильском округе — насл. Демидова. Кроме того, платиновые прииски были в Верхотурском уезде, принадлежавшие виконту де Пронс-Виейру. В том же Верхотурском уезде находились платиновые прииски акционерного общества «Платина». Месторождения платины были также известны на северном Урале в Николае-Павдинской и Ростесской дачах и в Сысертском горном округе. В значительной мере платиновые прииски разрабатывались

¹ Общий обзор главных отраслей горной и горнодобывающей промышленности. Особое приложение к смете Горного департамента на 1916 г. Пгр., 1915, стр. 74 и сл.

мелкими старателями. По официальным данным платины добывалось в начале XX в. 300—390 пуд.² в год. Кроме того, около 100 пуд. добывалось старателями. Из этих 100 пуд. около 25% приходилось на местность по р. Ис и 75% — на Нижне-Тагильский округ.³ В более широких размерах мелкими старателями платина стала добываться после 1902 г., когда вступил в силу закон о свободном обращении благородных металлов. Вся эта платина через скупщиков попадала в руки заграничных, главным образом английских аффинеров, производивших очистку платины. Скупая через мелких и средних промышленников добычу старателей, аффинеры имели возможность оказывать весьма заметное влияние на мировые цены на платину, и это крайне мешало монополизации добычи и реализации платины. А попытки такой монополизации наметились в конце XIX в., когда в Париже в 1898 г. была образована «Анонимная платиновая компания» с капиталом в 21220 тыс. фр. Эта компания образовала свое ответственное агентство в России, которое находилось в Петербурге.

В марте 1899 г. были утверждены условия деятельности «Анонимной компании» в России.⁴ Согласно § 1 условий французское акционерное общество под наименованием «Compagnie industrielle de Platine. Société Anonyme» открывало «свои действия в империи по добыче платины, золота и других сопровождавших их металлов на приобретенных от виконта де Проэнса-Виейра платиновых и золотых приисках, находящихся в Верхотурском уезде, Пермской губ., а также по устройству и эксплуатации в г. Екатеринбурге платино-очистительного завода». Особый параграф условий (12) оговаривал, что «деятельность общества в России ограничивается исключительно указанными в п. 1 сих условий целями, причем на слияние или соединение с другими подобными обществами или предприятиями... общество предварительно испрашивает разрешение министерств финансов и земледелия и государственных имуществ в России». Таким образом, задача общества должна была заключаться в разработке собственных приисков в Верхотурском уезде и устройстве в Екатеринбурге аффинажного завода. Последнее условие было весьма существенно. Между ценами на сырую и очищенную платину был значительный разрыв, и вся выгода от этого доставалась фирме английских аффинеров — «Джонсон Маттей и К^о». Параграф 12 условий ставил под контроль правительства всякие попытки объединения «Анонимной компании» с другими платинодобывающими фирмами. Нельзя

² Там же, стр. 77.

³ ГАСО, ф. 24, оп. 16, д. 1152, лл. 1—10.

⁴ Текст «Условий» см.: Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1899, № 49, стр. 2715—2718.

не видеть в этом условии стремления предотвратить образование монополистического объединения в области платинодобывающей промышленности. Возможность такого образования при ограниченном числе крупных предприятий, занятых добычей платины, была весьма реальной. Однако другие статьи условий открывали для «Анонимной компании» легкие пути к обходу требований §§ 1 и 12. Так, в § 2 условий, помимо разрешения «Анонимному обществу» делать поиски и заявки золотых и платиновых приисков, дозволялось «приобретать право собственности или аренды на золотые или платиновые прииски, отведенные другим лицам, товариществам и обществам, добывать золото и платину, а также устраивать различные предприятия для их добычи и очистки как из собственных, так и чужих материалов по соглашению с их владельцами». Это условие добычи платины на чужих приисках распространялось и на продажу платины. Золото «Анонимная компания» обязана была сдавать в казну, а платина поступала в ее полное распоряжение. Другие статьи условий обязывали «Анонимную компанию» публичной отчетностью, отчетностью перед правительственными учреждениями и т. д.

«Анонимная компания» после утверждения правительством условий ее деятельности начала эксплуатацию приобретенных у де Прозанс-Виейра приисков, но к устройству аффинажного завода в Екатеринбурге не приступила. Основной целью общества с самого начала являлась монополизация продажи платины, добываемой на Урале. «Анонимная компания» обратила прежде всего внимание на платину, добывавшуюся на приисках гр. П. П. Шувалова. Гр. Шувалов еще в конце 1898 г. запродавал бар. Оппенгейму всю платину, которая будет добыта на его, Шувалова, приисках в течение 10 лет. Бар. Оппенгейм передал свои права на шуваловскую платину «Анонимной компании».

В 1901 г. после смерти гр. П. П. Шувалова его наследники образовали для управления разработками платины Главное управление, положение о котором было «высочайше» утверждено 27 декабря 1901 г. Главное управление и являлось в дальнейшем контрагентом во взаимоотношениях с «Анонимной компанией».⁵ Эти отношения регулировались договором 1898 г., заключенным П. П. Шуваловым с Оппенгеймом. Срок договора истек в 1904 г., тогда между обеими сторонами был заключен новый договор. Однако выполнение нового договора «представило некоторые затруднения», в силу чего в июле 1907 г. между Главным управлением и представителями правления «Анонимной компании» в Петербурге в лице ее членов И. П. Бартенева и Л. И. Крона, являвшегося в то же время представителем крупного торгового дома «Крон и

⁵ ЦГИАЛ, ф. 65, оп. 1, д. 127, л. 1.

К^о», тесно связанного с кн. Абамелек-Лазаревым, был заключен новый договор сроком до 1920 г. По этому договору Главное управление запродавало «Анонимной компании» на 14 лет все количество сырой платины, которое будет добыто в Лысьвенском горном округе и в других местах на Урале, принадлежавших Шуваловым. При этом Главное управление обязывалось не продавать платину другому лицу или обществу, а также и драгоценные металлы, которые добывались вместе с платиной, кроме золота. «Анонимная компания» ежегодно определяла, какое количество платины она примет от управления, и если платины будет добыто больше заявленного количества, то Главное управление имело право продать излишки целиком или частично помимо «Анонимной компании», однако не более 6 пуд. в 1910 г. Для последующих лет этот лимит договором повышался и для 1920 г. был определен в размере 84 пуд. Если излишек превышал установленный лимит, то платина сверх лимита зачислялась в добычу следующего года, продать же ее Главное управление права не имело. Смысл такого ограничения понятен: «Анонимная компания» опасалась переполнения рынка платиной, что неизбежно повело бы к падению цен. Сдача сырой платины производилась ежемесячно в Екатеринбурге, содержание чистой платины в сдаваемых партиях определялось в 83% с возможностью отклонения в ту и другую сторону в 1%. Цена за принимаемую «Анонимной компанией» платину определялась следующим образом. Компания должна была сообщать каждый месяц Главному управлению среднюю цену, вырученную ею за пуд всей платины (для проверки этих данных договор 1907 г. предоставлял Главному управлению право посылать своих уполномоченных, которые могли просматривать все книги и записки «Анонимной компании»). Но из этой цены делался ряд вычетов. Например, определение цены за платину, уплачиваемой Главному управлению. Если средняя продажная цена за аффинированную платину с 1 по 31 декабря была определена в 30 тыс. руб. за пуд, то цена 83% ее составляет 24 900 руб. Из этой суммы вычиталось до 1 октября 15%, и далее до конца года 13% в пользу компании, затем вычиталось 5 тыс. руб. в погашение аванса, который компания уплачивала Главному управлению за будущую платину, 400 руб. с пуда на покрытие расходов по продаже, пересылке, аффинированию, страховке и «вообще других расходов, вызываемых реализацией платины». Таким образом, цена платины, уплачиваемая Главному управлению, составляла 20 760 руб., а фактически, с учетом 5 тыс. погашения аванса, 15 760 руб. за пуд. Эту сумму Главное управление и получало от «Анонимной компании». Следовательно, та дань, которая уплачивалась компании, в данном примере составляла бы 4240 руб. (9240 руб. — 5000 руб., в погашение ранее полученного аванса),

или 17% — процент, который следует признать явно ростовщическим. За эту очень высокую плату «Анонимная компания» при подписании договора должна была внести Главному управлению 700 тыс. руб., из которых 300 тыс. составляли залог, обеспечивающий исполнение компанией ее обязательств (залог возвращался в течение последних четырех лет действия договора, т. е. с 1917 по 1920 г., ежегодно равными долями), а 400 тыс. составляли аванс за 80 пуд. платины, который и удерживался компанией по 5 тыс. руб. с пуда при расчетах с Главным управлением. В случае передачи разработки платины Лысьвенского округа Главным управлением третьим лицам все обязательства, лежавшие на Главном управлении по отношению к «Анонимной компании», должны были перейти к лицу или обществу, которые приобретали право на разработку, причем ответственность за выполнение этих обязательств оставалась лежать и на Главном управлении. После окончания срока договора, т. е. после 1920 г., Главное управление могло заключить с третьими лицами договор на исключительную продажу всей платины только после того, как «Анонимная компания» откажется возобновлять договор на условиях, предложенных этим третьим лицом. Таким образом, путем специальной оговорки относительно преимущественного права на возобновление договора «Анонимная компания» стремилась закрепить за собой монополию на продажу шуваловской платины, не принимая на себя никаких дополнительных обязательств. Впрочем, на практике появление предусмотренного договором «третьего лица» было, в сущности, невероятно. В случае нарушения какого-либо условия договора Главным управлением ему грозила уплата огромной неустойки в сумме 500 тыс. руб., причем и при уплате неустойки договор сохранял силу, если обиженная сторона не заявит о своем желании расторгнуть его. Впрочем, обязательство уплаты неустойки было обоюдным — такую уплату могло потребовать и Главное управление от «Анонимной компании», если бы последовало с ее стороны нарушение договора. Остальные статьи уточняли условия денежных расчетов между обеими сторонами.⁶ Таким образом, договор обеспечивал твердые правовые устои для сохранения монополии на платину Лысьвенского округа для «Анонимной компании», причем на чрезвычайно выгодных для нее условиях.

Относительно же платины Нижне-Тагильского округа действия «Анонимной платиновой компании» развивались следующим образом.

В 1902 г. компанией был поднят вопрос о заключении договора с наследниками П. П. Демидова и с кн. С. С. Абамелек-Лазаревым.

⁶ Текст договора см.: там же, лл. 1—16.

По проекту этого договора наследники П. П. Демидова уступали «Анонимной компании» «исключительное арендное право приискивать и эксплуатировать в этом имении (т. е. Нижне-Тагильском округе, — М. В.) все месторождения платины и драгоценных металлов платиновой группы на 50 лет». Как только Главное управление насл. Демидовых получит у правительства разрешение на передачу платиновых месторождений «Анонимной компании» (не следует забывать, что наследники П. П. Демидова владели Нижне-Тагильским округом на посессионном праве), компания должна была передать Главному управлению свои акции на 7.5 млн фр. и, кроме того, уплатить 8 млн фр. деньгами, из них 800 тыс. фр. немедленно, а остальную сумму по частям до 1 июля 1910 г. По распоряжению Главным управлением акциями компании ограничивалось в том смысле, что правление наследников П. П. Демидова могло продать акции компании лишь в определенные сроки. Помимо денежной компенсации, наследники П. П. Демидова имели право иметь в совете компании два голоса и один из них — вице-президента. Поскольку Главным управлением платина сдавалась для очистки и реализации английской фирме «Джонсон Маттей и К^о», по проекту договора с «Анонимной компанией» все сношения с фирмой переходили от Главного управления к «Анонимной компании». При этом «Анонимная компания» могла потребовать расторжения договора с английской фирмой, но тогда она брала на себя уплату неустойки.⁷ Этот договор не был заключен. Его проект интересен как попытка французского капитала прибрать к рукам наряду с платиновыми приисками гр. Шувалова и Нижне-Тагильские месторождения.

Если месторождения платины в районе р. Ис «Анонимная компания» эксплуатировала через Главное управление наследников гр. Шувалова, то прииски в Верхотурском уезде эксплуатировались непосредственно управляющим компании и платина сдавалась через Сибирский или Волжско-Камский банки синдикату аффинеров «Джонсон Маттей К^о» в Лондоне. Но эти прииски кредитовались кн. С. С. Абамелек-Лазаревым и петербургским торговым домом «Крон и К^о», которые в 1901 г. открыли кредит «Анонимной компании» в сумме 800 тыс. руб., а в 1902 г. — в сумме 1 млн руб. В погашение этого кредита суммы, выручаемые от продажи платины аффинерами, вносились на общий текущий счет кн. Абамелек-Лазарева и «Крон и К^о» в Волжско-Камском банке в Петербурге. Существенно отметить, что здесь дело не обошлось без государственных средств, так как кредит 1901 и 1902 гг. предоставлялся «Анонимной компании» путем учета ее векселей в Государственном банке. Этот вексельный кредит погашался по мере

⁷ ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 1, д. 783, лл. 14—18.

поступления от синдиката аффинеров в Лондоне денег за продаваемую платину.⁸ Необходимость кредита обуславливалась тем, что с первых лет своего существования «Анонимная компания» оказалась в трудном финансовом положении — большие капиталы были поглощены покупкой приисков и дорогого приискового инвентаря (компанией была установлена первая на Урале драга). Так, в 1902 г. компания оказалась не в состоянии уплатить конторе Шуваловых аванс 100 тыс. руб. за поставленную платину и только срочное перечисление с общего текущего счета Абамелек-Лазарева и Кропа в Сибирском торговом банке на счет Лысьвенского и Койвенского заводов гр. Шувалова в Волжско-Камском банке этой суммы избавило компанию от неизбежной уплаты штрафа в 500 тыс. руб.⁹

Но не столько затраты на покупку и оборудование приисков, сколько зависимость от владельцев аффинажных заводов создавала финансовые трудности для «Анонимной компании». Аффинажных заводов ни в России, ни во Франции в начале XX в. не было, а рынок требовал очищенной платины. Естественно, что платиновые разработки «Анонимной компании» гр. Шувалова и Нижнего Тагила оказались в самой прямой зависимости от синдиката аффинеров в Лондоне. «Анонимная компания» была вынуждена заключить с синдикатом аффинеров долгосрочный договор, по которому вся добываемая платина передавалась синдикату по 13 тыс. руб. за пуд.¹⁰ Но этот договор, который сохранял силу до 1903 г., был крайне невыгоден «Анонимной компании» и между ней и синдикатом не прекращалась глухая борьба. Лишь после того как компании удалось заинтересовать широкие капиталистические круги платиновым делом, она получила возможность собрать необходимые средства для постройки в Париже аффинажного завода и тем самым ликвидировать свою зависимость от лондонского синдиката. Таким образом, борьба между лондонским синдикатом и «Анонимной компанией» обещала закончиться в пользу компании: в ее руках вместе с арендованными приисками гр. Шувалова оказалась значительная часть мировой добычи платины, в ее руках появились аффинажные заводы, что позволяло компании регулировать мировые цены на платину. Решающее влияние на платиновом рынке «Анонимной компании» должны были признать и лондонские аффинеры, которые заключили с «Анонимной компанией» соглашение, обеспечивавшее за компанией право решающего голоса при установлении цен и возможность контроля платинового рынка. Все, таким образом, обещало

⁸ Текст договора кн. Абамелек-Лазарева с «Анонимной компанией» см.: там же, лл. 1—6.

⁹ Там же, д. 784, л. 71 об.

¹⁰ ГАСО, ф. 24, оп. 16, д. 1152, лл. 1—16.

установление на платиновом рынке прочного господства монополии «Анонимной компании». Однако этого не произошло. Мемориал, составленный в Екатеринбургском отделении Государственного банка, объяснял срыв монополии «Анонимной компании» тем, что «действительная добыча платины на Урале была и есть значительно выше, чем то показывают официальные цифры, с которыми считалась „Платино-промышленная анонимная компания“; большое количество добытой нелегальным путем и тем ускользнувшей от контроля платины попало в руки аффинеров и на рынок и тем самым дало последним возможность снова освободиться временно от влияния и контроля, которые „Платино-промышленная компания“ начала оказывать для пользы всех платинопромышленников».¹¹ Дело было, конечно, не в интересах «всех платинопромышленников», но интересы «Анонимной компании» нелегальной добычей платины были затронуты действительно серьезно. 25% фактической добычи добывалось «дикими» старателями.¹² Эта платина скупалась многочисленными мелкими и средними скупщиками. Мемориал отмечал, что при постоянном возрастании спроса на сырую платину и связанного с этим поднятия цен, скупкой и продажей платины «стали интересоваться широкие круги местного населения и в скором времени всякий хоть сколько-нибудь зажиточный обыватель городов и деревень в округе платиновых приисков делался самым ярым скупщиком».¹³ Монополия «Анонимной компании» оказалась перед серьезной угрозой. Вся эта борьба между конкурирующими фирмами, спекуляция платиной оказали самое отрицательное влияние на состояние платиновой промышленности: начали разрабатываться в целях понижения издержек только наиболее богатые прииски, и при этом разрабатываться торопливо, хищнически, причем большое количество драгоценного металла шло в отход, т. е. пропадало безвозвратно.

Для оздоровления платинового рынка мемориал Екатеринбургского отделения Государственного банка предлагал издать инструкцию о применении закона 1902 г. «О свободном обращении драгоценных металлов» — в целях борьбы с нелегальной добычей и скупкой платины, а также оказать правительственную поддержку той фирме, «которая, взяв на себя постройку в России аффинажного завода, могла бы аффинировать всю добычу Урала», другими словами — создать новую монополию в области очистки и продажи платины при непосредственном участии государства. Но это было мнением чиновников Государственного банка. Крупнейший агент в области платиновой промышленности — «Анонимная

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

компания» пошла по другому пути; ею была снова предпринята попытка захватить в свои руки платиновые месторождения Нижне-Тагильского округа. Этому теперь способствовало крайне бедственное финансовое положение Нижнего Тагила. На 1 мая 1909 г. на правлении Нижне-Тагильского округа лежали долги в общей сумме в 5220 тыс. руб.¹⁴ Если бы даже удалось отсрочить уплату части долга, то все же долгов, подлежащих уплате в 1909 г., набралось бы на сумму 3480 тыс. руб.¹⁵ Этим-то исключительно тяжелым положением Нижне-Тагильского округа и решила воспользоваться «Анонимная компания», предложившая за право эксплуатации платиновых месторождений аванс в сумме 1,5 млн руб., что хотя не спасало положение округа, тем более, что и 1910 год ожидался убыточным, но все же позволяло рассчитаться с неотложными долгами. Вопрос о передаче платиновых приисков «Анонимной компании» вызвал разногласия среди владельцев округа. Особенно резкий протест против передачи месторождений платины «Анонимной компании» высказал бывший председатель правления Павлов. Он с большим основанием указал, что компания преследует цель ограничить общую добычу платины в целях получения высоких цен, что, получив право на нижне-тагильские месторождения, компания получит возможность свободно скупать платину старателей, которой из округа ушло в 1908 г. около 80 пуд. на сумму 1 млн руб. Все это укрепило бы монопольное положение компании на платиновом рынке. Павлов далее указывал, что действия компании по добыче и продаже платины оставались бы бесконтрольными, так как проект договора не предусматривал никакой неустойки за неправильное техническое или коммерческое руководство приисками со стороны компании. Но особенно вредным для интересов владельцев округа Павлов считал то обстоятельство, что передача платиновых разработок компании обесценила бы все дело округа на 3 млн руб., т. е. примерно наполовину его стоимости, что закрывало бы возможность создания в Тагиле сильного предприятия, оттолкнув «всяких предпринимателей и всякие капиталы». Павлов делал из всех этих соображений вывод, что в случае подписания договора с «Анонимной компанией» «полное разорение владельцев наступит через полгода или год неминуемо. Состояние их уже в момент подписания договора уменьшается вдвое, так как ни казна, если пожелает осуществить свое намерение справедливо ликвидировать дело, не будет в состоянии этого сделать, ни притока даже извне дожидаться будет уже нельзя».¹⁶ Поэтому Павлов просил правительство не утверждать

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 2027, л. 122.

¹⁵ Там же, л. 122 об.

¹⁶ Там же, л. 121.

договора, если бы он был принят правлением округа: «Спасение состояния, — писал Павлов, — заключается в ликвидации дела казною, и сохранение наследниками Демидова остатка состояния, которое им завещал отец, зависит всецело от справедливого решения данного вопроса правительством».¹⁷ Очень резко против передачи платиновых приисков Нижне-Тагильского округа высказался комитет Екатеринбургской товарной и горнопромышленной биржи. 5 сентября комитет биржи обратился со специальным письмом к министру торговли и промышленности. Копии письма были направлены председателю Совета министров, министру финансов и государственному контролеру.

В письме говорилось: «Биржевой комитет взывает к правительству о помощи. Передача единственно богатой отрасли создает распад всего округа. Стесняемая до сих пор иностранными синдикатами мелкая и средняя платинопромышленность Урала окончательно погибнет. Кажущаяся временная помощь заводам со стороны Анонимного общества есть паллиатив, ибо без платиновых месторождений, этой жемчужины заводов, остальная производительность их не выдержит существенных затруднений и через два, три года остановится».¹⁸ Биржевой комитет призывал правительство «не допускать осуществления сделки по сессиионных тагильских заводов с иностранными синдикатами» и просил правительство «взять в свои руки если не всю деятельность заводов, то хотя бы платиновое дело» до установления правительственной администрации включительно, «чем будет спасен округ и вся платинопромышленность Урала».¹⁹ Таким образом, и биржевой комитет видел выход из финансовых трудностей округа в поддержке Нижне-Тагильского округа, в частности его платиновых месторождений правительством. Это единственно, что мог противопоставить биржевой комитет мощному натиску на платиновую промышленность Урала иностранного синдиката. Не верил в оздоровление округа путем получения значительных заграничных капиталов и один из крупнейших промышленников Урала, кредитовавший платиновые предприятия «Анонимной компании», кн. Абамелек-Лазарев. Для оздоровления округа он предлагал сократить непомерно высокие накладные расходы, а также провести «сокращение рабочих плат, без пужды повышенных и повышаемых», и уменьшить выдачи владельцам.²⁰ При этих условиях Абамелек-Лазарев считал возможным получить от правительства ссуду на необходимые переустройства, иначе, писал он, «при внезапной остановке заводов

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 18, л. 213.

¹⁹ Там же.

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 800, оп. 1, д. 784, л. 126.

правительству предстоят огромные расходы».²¹ Таким образом, существовала значительная группа предпринимателей Урала, видевшая путь к оздоровлению Нижне-Тагильского округа в правительственной поддержке, а не в передаче богатейших платиновых месторождений в руки французского синдиката. Но победила в этом споре другая группа владельцев округа во главе с Ратьковым-Рожновым. Она настояла на заключении договора с «Анонимной компанией».

Договор 1909 г. с «Платино-промышленной анонимной компанией» был заключен с целью «содействовать установлению цен на платину на высоте, соответствующей естественным условиям рынка».²² В этих целях «Анонимной компании» передавались «разработка за счет Главного управления всех месторождений платины... в Н.-Тагильском горном округе» и исключительное право продажи на весь срок договора как всей сырой платины, которая будет добыта из месторождений в Н.-Тагильском горном округе, так и всей сырой платины, которая будет приобретена «от кого-либо в том же округе Главным управлением совместно с компанией или отдельно от нее». Компания принимала на себя затраты, связанные с переоборудованием приисков, а также образование оборотных средств, в счет чего она вносила Главному управлению 250 тыс. руб., которые должны быть погашены Главным управлением путем ежемесячных отчислений на амортизацию сооружений в размере 10% стоимости их. Все сооружения, в том числе и запроектированные драги, переходили в собственность Главного управления лишь после полного погашения компании их стоимости, но и после этого, равно как и сооружения, построенные Главным управлением, они должны были оставаться в распоряжении и использовании компании в течение всего времени разработки приисков.

Компания должна была к 1913—1914 гг. довести добычу платины до 100 пуд. в год. Этот лимит мог быть превышен лишь с обоюдного согласия Главного управления и «Анонимной компании». В лимит включалась и платина, добываемая старателями. Скупка платины у старателей могла производиться или совместно Главным управлением и компанией или Главным управлением. Цена, уплачиваемая старателям, устанавливалась обязательно совместно компанией и Главным управлением, причем Главное управление при содействии местных властей должно было принять меры, чтобы количество платины, добываемой старателями, не превышало 25 пуд. ежегодно, а с 1913/14 г. не должно было быть более 14% общей добычи платины на приисках. План добычи пла-

²¹ Там же, ф. 37, оп. 5, д. 2027, л. 5.

²² Текст договора см.: ЦГИАЛ, ф. 74, оп. 1, д. 254, лл. 59—77

тины составлялся компанией и утверждался Главным управлением, но в случае несогласия управления осуществление плана не приостанавливалось — в этом случае Главное управление могло лишь обратиться за разрешением конфликта к третейскому суду. Если в руках компании оказалось бы для продажи не менее $\frac{2}{3}$ всей платины, добываемой на Урале, то компания имела право потребовать уменьшения добычи платины в Нижне-Тагильском округе. Но в этом случае компания обязывалась сократить пропорционально добычу и на своих приисках в Верхотурском уезде. Вся платина, добываемая в Нижнем Тагиле, поступала в полное и исключительное распоряжение компании. Право продажи добытой платины принадлежало исключительно компании на все время договора, т. е. на 20 лет, при этом компания получала в вознаграждение 500 руб. на каждый пуд и 8.5% со всей суммы, вырученной от продажи платины. Компания обязывалась в течение трех дней по подписании договора выдать Главному управлению аванс в размере 500 тыс. руб. (помимо 250 тыс. руб., выданных на переоборудование приисков) из 6% годовых, который погашался путем удержания по 250 руб. из стоимости каждого пуда проданной платины. В обеспечение как аванса, так и затрат на оборудование приисков Главное управление выдавало «Анонимной компании» закладные на Нижне-Тагильский и Луньевский округа в размере 1.5 млн руб. Договор заключали на 20 лет, причем Главное управление имело право в любое время принять разработку приисков на себя. В случае перехода разработки платины в руки Главного управления все условия договора, касающиеся размеров добычи платины, а также монопольное право компании на продажу платины сохраняли свою силу. Очень важным являлся § 27 договора, который предоставлял обеим сторонам в любое время право расторгнуть договор, но с предварительным уведомлением за 6 месяцев и уплатой другой стороне неустойки в размере 1 млн руб. Как ни казально было это условие, но все же оно предоставляло Главному управлению единственную возможность расторгнуть договор до окончания его срока. Не менее тяжелым было и еще одно условие: если какая-либо сторона нарушит любой пункт договора, виновная сторона должна была уплатить 600 тыс. руб. неустойки, причем, если потерпевшая сторона не заявила о своем желании при данном нарушении расторгнуть договор, договор оставался в силе.

Из других статей договора существенно отметить прекращение обязательств Главного управления сдавать платину для продажи торговому дому «Джонсон и Маттей и К^о» (до 1909 г. вся платина Нижнего Тагила реализовалась через посредство этого торгового дома). Договор 1909 г. с «Анонимной компанией» предусматривал сохранение этого обязательства еще в течение года, после чего всякие связи Главного управления с торговым домом прекращались.

Нетрудно видеть, что договор 1909 г. явился важным этапом на пути монополизации добычи и продажи русской платины иностранной фирмой. Очень тщательно разработаны условия, касающиеся размеров добычи платины в целях недопущения переполнения рынка этим металлом, без чего невозможно было установление монопольных цен. Тщательно сохраняет договор монопольное право «Анонимной компании» на продажу платины, это право могло быть отнято у компании лишь ценой уплаты огромной неустойки в 1 млн руб. Главное управление ставилось в тяжелую финансовую зависимость от «Анонимной компании» и свои обязательства гарантировало полуторамиллионной закладной на Нижне-Тагильский и Луневский округа.

В октябре 1909 г. был заключен дополнительный договор. Так как ввиду крупной задолженности округа правительству вопрос о переходе Нижнего Тагила в казну снят не был, в новом договоре 1909 г. особо оговаривалось, что и после перехода округа в казну права компании на продажу платины и эксплуатацию приисков сохранялись. Остальные статьи дополнительного договора ограничивали право Главного управления на заклад платины (в частности, Главное управление могло закладывать платину только через посредство «Анонимной компании»), определялось количество платины, которое могло закладывать Главное управление, и т. д. Заключение двух договоров 1909 г. означало прочное закрепление на платиновом рынке положения «Анонимной компании». В ее руках уже находились собственные прииски в Верхотурском уезде, дававшие около 120 пуд. платины в год, платина наследников гр. Шувалова — ее добывалось около 80 пуд. в год. При переходе в руки компании платины Нижне-Тагильского округа в руках синдиката фактически оказалась бы почти вся мировая добыча платины, и Ратьков-Рожнов в своем письме на имя товарища министра торговли и промышленности В. Н. Тимирязева имел все основания писать, что «если продажа платины Тагильских приисков будет так же находиться в руках компании, то почти вся платина будет в ее руках, а так как сама компания является самым крупным ее производителем и, следовательно, заинтересована в высоких ценах, то можно рассчитывать на сохранение на рынке таких высоких цен».²³ Опровергая возможный аргумент относительно того, что монополизация добычи и продажи платины в одних руках разорит мелких предпринимателей, Ратьков-Рожнов прибавлял, что высокая цена «оживит мелкую платиновую промышленность, которая, конечно, также воспользуется высокими ценами, и интересы ее будут обеспечены без

²³ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 2027, л. 5 об.

каких-либо усилий и средств со стороны правительства».²⁴ Министерство торговли и промышленности «способствовало Главному управлению тагильских заводов в достижении им, на приемлемых условиях, соглашения с французской «Анонимной платино-промышленной компанией» относительно предоставления последней права разработки в течение 20 лет, за счет Главного управления, всех месторождений платины в Нижне-Тагильском округе, а также исключительного, в течение того же срока, права продажи всего количества этого металла, добытого или приобретенного в пределах округа».²⁵ И правительство этот договор утвердило. Что заставило правительство пойти на эту явную легализацию платиновой монополии в руках французской компании? Помимо общей уверенности правящих кругов со времени министерства Витте в спасительности для русской экономики притока иностранного капитала, здесь сыграли свою роль и иные, более частные соображения. Финансовое положение округа, как отмечалось, было исключительно тяжелым. Правительству для расплаты с рабочими и служащими, а также для иных текущих нужд пришлось предоставить Главному управлению две ссуды в 250 тыс. и 500 тыс. руб. При сохранении округа в руках Главного управления или взятии его в казну предстояли новые правительственные расходы. Предложение же «Анонимной компании» обещало освободить правительство от новых издержек по округу. Не останавливало правительство и то обстоятельство, что компания требовала передачи ей закладной на Луньевский горный округ в обеспечение заключаемого с нею договора на разработку и продажу платины. Хотя этот округ уже был заложен в Нижегородско-Самарском банке и под залог округа в том же 1909 г. была из банка получена ссуда в размере 670 тыс. руб., согласие на вторую закладную на 500 тыс. руб. Горный департамент дал.²⁶

Заключение договора с «Платиновой компанией» по времени совпало с изменением рыночной конъюнктуры. Во второй половине 1909 г. явно обнаружились признаки перехода к новому промышленному подъему. Это не могло не способствовать повышению доходности предприятия, повышение прибыли на Нижне-Тагильских приисках превзошло всякие ожидания. По этому округу предполагалось получить за 1909 г. прибыль в размере 80 тыс. руб. Фактически прибыль составила 400 тыс. руб.²⁷ Горный департамент отнес это увеличение прибыли исключительно за счет увеличения добычи платины. Всего было намыто в 1909 г. 48 пуд. 17 ф.

²⁴ Там же, л. 6.

²⁵ Журналы Совета министров от 16 июня и 8 июля 1909 г.: ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 6, д. 223, л. 23.

²⁶ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 65, д. 1503, л. 5.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 6, д. 223, л. 26.

$\frac{1}{8}$ долей платины. Но дело было не только и не столько в увеличении добычи. Огромную роль в небывалом повышении прибыли сыграла монополизация продажи платины в руках «Анонимной компании».

Начиная с 1910 г. финансовое положение Нижне-Тагильского округа стало быстро изменяться к лучшему. Неотложные долги (заработная плата рабочим, служащим, поставщикам, пенсии, долги обществам потребителей и торговцам за отпущенный товар) в марте 1909 г. составляли 1 036 500 руб., на 1 января 1910 г. они уменьшились до 425 тыс. руб., а к 15 августа 1910 г. составляли только 235 тыс. руб.²⁸ Рост задолженности не только приостановился, но предприятие могло получать уже ежегодную прибыль. По данным Главного управления, эта прибыль к 1913 г. должна была составить до 2 млн руб. в год. В этих изменившихся условиях Главное управление пошло на частичное изменение договора с «Анонимной промышленно-платиновой компанией». На основании § 12 договора 1909 г. Главное управление взяло разработку приисков Нижне-Тагильского округа обратно в свое заведование и распоряжение. В связи с этим были изменены некоторые статьи договора 1909 г., но право на монопольную продажу платины, добываемой на приисках Нижнего Тагила, полностью сохранялось за «Анонимной компанией». Как и в договоре 1909 г., особо оговаривались размеры добычи платины, которые каждая из сторон обязывалась не превышать. За норму максимума общей добычи принималось среднее годовое количество чистой платины, проданное компанией за предыдущие два года. Это количество делилось на три равные доли, одна из которых определяла размеры добытой платины в Нижнем Тагиле, другая — на собственных приисках «Анонимной компании» в Верхотурском уезде и третья — на прииске гр. Шувалова. Если бы договор с Шуваловым не был возобновлен по его истечении, то максимум добычи делился пополам между Главным управлением и «Анонимной компанией». Однако размер добычи не должен был превышать 100 пуд. Это делалось в предупреждение переполнения рынка платиной, а следовательно, невозможности установления высоких монопольных цен. Очень существенным новым условием договора 1912 г. являлся отказ обеих сторон от права досрочного расторжения договора при условии уплаты неустойки в размере 1 млн руб. Как уже отмечалось, это условие договора 1909 г. предоставляло единственную возможность Главному управлению порвать связи с «Анонимной компанией» и понятно, что именно такое изменение вызвало наиболее резкие возражения со стороны группы пайщиков Нижне-Тагильского округа. Теперь договор становился нерушимым до конца его

²⁸ Там же, л. 24.

действия, т. е. до 30 октября 1929 г. Впрочем, соглашение 1912 г. все же признавало единственный случай, когда сторонам предоставлялось право досрочно расторгнуть договор с уплатой неустойки в 1 млн руб. — если представитель Главного управления или «Анонимной компании» не будет избран соответственно в состав совета или в правление платинового общества в случае выделения платинового дела из Нижне-Тагильского округа. Но если бы Главное управление передало разработку платины в Нижнем Тагиле третьему лицу, то это не избавляло его от принятых на себя обязательств по отношению к «Анонимной компании»: в этом случае компания могла предъявить свои претензии как третьему лицу, так и Главному управлению или же требовать их совместной ответственности. «Анонимная компания» сохраняла закладную на Луньевский и Нижне-Тагильский округ в сумме 1.5 млн руб. Эта закладная являлась обеспечением долга Главного управления «Анонимной компании». Новый договор был подписан 12 декабря 1912 г. со стороны Главного управления его председателем А. Н. Ратьковым-Рожновым и членом правления И. И. Владыкиным, со стороны «Анонимной компании» — бароном В. К. Фирksom.²⁹ Таким образом, соглашение 1912 г., передавая разработку приисков Главному управлению, не нарушало монопольного положения «Анонимной компании» на платиновом рынке: Главное управление обязывалось не продавать и не сдавать на комиссию платину, помимо «Анонимной компании». По-прежнему лимитируя размеры добычи платины, «Анонимная компания» могла проводить политику установления монопольных цен. Главное управление фактически лишалось права досрочного расторжения договора, другими словами — «Анонимная компания» обеспечивала за собой все выгоды от реализации платины еще на 17 лет. Не имея права самостоятельно регулировать количество добываемой платины, будучи устранено от рынка, Главное управление превращалось в исполнительный орган «Анонимной компании» по добыче платины. За это оно получало аванс в счет имевшихся запасов платины 1530 тыс. руб. (фактически было получено 1600 тыс. руб., и едва ли не это новое финансирование округа со стороны «Анонимной компании» и послужило главной причиной изменения договора 1909 г.).

Одновременно с частичным изменением договора с «Анонимной компанией» Главное управление выступило перед Министерством торговли и промышленности с проектом общей реорганизации платинового дела. Суть проекта сводилась к тому, чтобы исключительное право эксплуатации и добычи платины, золота и других драгоценных металлов, добывавшихся в Висимо-Шайтанской и

²⁹ Текст договора 1912 г. см.: ЦГИАЛ, ф. 74, оп. 1, д. 254, лл. 91—96.

Висимо-Уткинской дачах Нижне-Тагильского округа передать в аренду особому акционерному обществу сроком на 25 лет. Вместе с приисками передавалось и имущество — жилые дома, служебные постройки, оборудование и т. д. Имеющиеся в Париже запасы платины, принадлежавшие Главному управлению, а также долг по авансу под эти запасы в размере 1530 тыс. руб., полученные от «Анонимной компании», переходили на новое платиновое общество. На него же переходили все права и обязанности Главного управления по отношению к «Анонимной компании», предусмотренные договором 1909 г. и дополнительными соглашениями. Капитал Платинового общества определялся в 10 млн руб.; этот капитал должен был полностью остаться в портфеле Главного управления путем передачи ему Платиновым обществом на 9 млн руб. ее акций и 1 млн руб. наличными деньгами. Кроме того, платиновое общество должно было ежегодно платить Главному управлению арендную плату, равную ежегодным платежам Нижегородско-Самарскому земельному банку по залогу Нижне-Тагильского округа и по рассроченному на 15 лет долгу Главного управления «Анонимной компании», образовавшемуся на 1 января 1913 г. Кроме того, на Платиновое общество ложилась уплата всех без исключения долгов, сборов и повинностей по передаваемым ему платиновым приискам.

На Платиновое общество переходило и обязательство уплаты неустойки в размере 600 тыс. руб. в пользу «Анонимной компании», если бы Платиновое общество допустило нарушение условий договора 1909 г. между Главным управлением и «Анонимной компанией».³⁰ Условия договора показывают, что новое Платиновое общество носило спекулятивный характер. Те 9 млн руб., которые передавались Главному управлению в виде акций, не скрывали за собой никаких новых материальных ценностей, это был фиктивный капитал. Вопрос может возникнуть лишь относительно того 1 млн руб., который Платиновое общество обязывалось уплатить Главному управлению наличными деньгами. Однако источником этого миллиона также являлись не новые ценности, а фиктивная сделка. Новое общество уплачивало Демидовым 1 млн руб. наличными, а Демидовы должны были в тот же срок уплатить Платиновому обществу 1 млн руб. за дополнительные акции. Один платеж таким образом погашал другой, в руках же Демидовых оставался дополнительный пакет акций на 1 млн, обеспеченных имуществом того же Нижне-Тагильского округа.³¹ Абаменск-Лазарев имел все основания писать министру торговли и промышленности, что «едва ли есть случаи создания подобных фиктивных акционерных

³⁰ Текст договора (копия) см.: там же, лл. 86—90.

³¹ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 65, д. 1523, л. 218 об.

обществ и не часто читаешь о преследовании судом оплаты акций подобными нереальными способами».³²

Цель всей этой операции заключалась в том, чтобы обеспечить Главному управлению собственность на акции проектируемого Платинового общества, путем реализации или залога которых Главное управление могло бы в любой момент получить необходимые оборотные средства. Свои расчеты Главное управление строило на следующих соображениях. После заключения договора с «Анонимной компанией» на продажу платины более $\frac{2}{3}$ всей мировой добычи платины оказалось в одних руках. В то же время мировое потребление платины — около 300 пуд. в год можно было считать стабильным, так как платина шла на такие потребности, которые без этих 300 пуд. удовлетворены быть не могли. При таких условиях цены на платину могли бы оставаться стабильными, и резкое их падение, которое имело место в 1908 г.³³ и было вызвано отчасти спекуляцией, а отчасти «неорганизованностью торговли этим металлом», стало бы невозможным. Поэтому акции нового Платинового общества были бы легко реализуемы на рынке, и тем самым наличие их в портфеле Главного управления обеспечило бы получение необходимых оборотных средств в нужный момент. Тяжелые финансовые потрясения, которые округ пережил в годы депрессии, когда он стоял накануне полного краха, стали бы невозможными. «Принадлежащие Главному управлению акции этого общества, — писало управление министру торговли и промышленности, — будут всегда иметь значительную ценность и, в случае временной потребности в увеличении оборотных средств, Главное управление будет иметь возможность путем залога этих акций получать необходимые суммы».³⁴ Учредителем нового акционерного общества Главное управление Нижне-Тагильского округа выдвинуло своего председателя Ратькова-Рожнова. Капиталы «Анонимной промышленно-платиновой компании» и нового акционерного Платинового общества гарантировались одними и теми же месторождениями платины Нижнего Тагила. Большинство общего собрания было на стороне Ратькова-Рожнова, но группа владельцев округа, возглавлявшаяся бывшим председателем правления Н. А. Павловым, выступила решительно против проекта правления. Н. А. Павлов потребовал назначить правительственное расследование постановления общего собрания владельцев и правления общества о выделении платинового дела в особое общество, находя, что правление «вовлекает владельцев

³² Там же.

³³ Цена за пуд 83% платины в 1908 г. колебалась в пределах от 14.2 до 19.5 тыс. руб., в то время как в 1906 г. платина стоила от 17.4 до 34 тыс. руб. за пуд.

³⁴ ГАСО, ф. 24, оп. 22, д. 38, л. 8 об.

в невыгодную сделку, бесцельную, спекулятивного характера, разорительную для владельцев и нарушающую интересы казны». ³⁵

Не менее резкий протест против выделения платинового дела в особое акционерное общество высказал кн. С. С. Абамелек-Лазарев. Он отметил в своем письме на имя министра торговли и промышленности от 5 января 1913 г. не только спекулятивный характер проектируемого акционерного Платинового общества, но и крайнюю невыгодность такой комбинации для владельцев округа, так как выделение наиболее выгодного дела — платинового в особое общество повело бы к обесценению округа в целом. Что же касается платиновой промышленности России, то осуществление проекта правления закрепило бы закабаление платиновой промышленности иностранной компанией. ³⁶ Это было справедливо, и естественно, что «Анонимная компания» не имела оснований протестовать против проекта Главного управления о выделении платинового дела в особое общество.

Создание акционерного Платинового общества выводило платиновое дело из рамок посессионного владения, превращая его в чисто капиталистическое предприятие. Это задевало интересы владельцев, вытекавшие из посессионного права владения, которое делало это владение неделимым. Что же побудило владельцев паев Нижне-Тагильской посессии пойти за Ратьковым-Рожновым и в декабре 1912 г. принять решение об учреждении фиктивного акционерного Платинового общества? Абамелек-Лазарев считал, что «этим путем достигается весьма реальная цель преимущественного обеспечения платиною долгов Нижегородско-Самарскому банку и Платино-промышленной компании», ³⁷ но главное заключалось не в этом. В 1912—1914 гг. правление Нижне-Тагильского округа начало крупные мероприятия по реконструкции всего округа с целью довести выплавку чугуна с 4½ млн пуд. до 9 млн пуд. с последующим увеличением выплавки до 12 млн пуд. Такая реконструкция требовала затраты крупных средств. Надежды покрыть эти расходы из прибылей общества не оправдывались. Уже в первые месяцы реконструкции правление общества рассчитывало путем залога акций нового акционерного общества получить необходимые кредиты. Правда, о таком залоге правление писало как о далекой и только возможной перспективе, но на самом деле изыскание новых кредитов лежало на правлении как неотложная задача. Правление шло на выделение платинового дела в особую хозяйственную единицу

³⁵ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 65, д. 1523, л. 259 об.

³⁶ Там же, л. 218.

³⁷ Там же.

в надежде в недалеком будущем умножить доходность округа, и в этом оно сумело убедить и большинство пайщиков.

На этот раз наступление частного капитала на посессионное владение встретило упорное сопротивление правительства. О проекте выделения платинового дела в особое акционерное общество был запрошен главный начальник уральских горных заводов Боклевский. В своем донесении в Министерство торговли и промышленности от 8 марта 1913 г. Боклевский воздержался от принципиальной оценки такого проекта, но указал, что хотя по «Горному уставу» (ст. 525) владельцам посессионных округов и предоставлено беспорочное право сдачи в аренду приисков, но, как писал он далее, «образование нового платинового общества на акционерных началах с правом закладывать (не оплаченные) акции под новые ссуды будет иметь последствием уменьшение материальной гарантии прежних залогов Тагильских заводов».³⁸ Между тем Тагильский округ, в том числе и платиновые прииски, уже были приняты к обеспечению казенных ссуд, поэтому возможный залог акций Платинового общества фактически означал бы вторичный залог одного и того же имущества. Кроме того, выделение платиновых приисков на 25 лет в особое предприятие может, писал Боклевский, «нарушить интересы казны и обесценением посессионного округа в случае продажи его. . . или же в случае выкупа или отобрания посессии, так как платиновые прииски, представляющие собою в настоящее время значительное богатство округа, через 25 лет при интенсивной разработке их могут потерять всякую ценность».³⁹ Во избежание таких «нежелательных результатов» Боклевский предлагал включить в договор аренды условие, что залог акций Платинового общества допускается лишь с согласия горного ведомства, а чтобы обеспечить выполнение такого условия, предлагал хранить акции Платинового общества на 9 млн руб. не в портфеле Главного управления Тагильских заводов, а в одном из отделений Государственного банка в депозите горного ведомства. В случае же отобрания, добровольной сдачи или выкупа посессии казной ранее 25-летнего срока контракта арендный договор с «Платиновой компанией» с момента отобрания или выкупа посессии автоматически прекращался. Таким образом, Боклевский правильно подметил, что выделение платинового дела в особое акционерное общество нарушило бы интересы государства как верховного собственника посессии, однако он не возражал против образования нового общества и лишь стремился построить договор аренды так, чтобы гарантировать при этом интересы казны.

³⁸ Там же, л. 262 об.

³⁹ Там же.

20 июля 1913 г. Горный департамент докладывал министру торговли и промышленности о просьбе Главного управления выделить платиновое дело в особое акционерное общество, однако министр «не признал возможным изъять согласия на заключение означенного выше договора, о чем и изволил приказать объявить названному (т. е. Нижне-Тагильского округа) Горному правлению».⁴⁰ Таким образом, попытка Главного управления превратить посессионное владение платиновыми приисками в частное акционерное общество окончилась безрезультатно.⁴¹

В годы первой мировой войны монопольное положение «Анонимной компании» в платиновой промышленности России мало изменилось. По данным Екатеринбургского отделения Государственного банка в Екатеринбургском районе с 1 августа 1914 г. по 1 августа 1915 г. было добыто 187 пуд. 10 фунт. 87 золотников и 46 долей платины, в Соликамском и Пермском уездах — около 80 пуд.⁴² Из этого количества 53 пуд. 37 фунт. 24 зол. было добыто на приисках «Анонимной компании» в Верхотурском уезде, 71 пуд. 30 фунт. — на Нижне-Тагильских приисках, контролируемых той же компанией, и 60 пуд. 13 фунт. 05 золотников и 41 доля в Лысьвенском округе гр. Шувалова, также подконтрольном «Анонимной компании», т. е. «Анонимная компания» контролировала добычу 186 пуд. 23 золотников платины. На долю остальных приисков приходилось 81 пуд. Концентрация добычи платины на Урале возросла. В первые месяцы войны в связи с трудностью реализации цены на платину несколько упали. Если в июле 1914 г. золотник платины стоил 10 руб. 15 коп., то через год, в июле 1915 г., его цена снизилась до 8 руб. 25 коп., т. е. 31.6 тыс. руб. за пуд. Если для богатых приисков

⁴⁰ Там же, л. 296.

⁴¹ Н. А. Павлов в письме министру финансов от 5 марта 1913 г. писал, что устав Платинового акционерного общества был «высочайше» утвержден 1 декабря 1912 г. и что учредитель общества Ратьков-Рожнов внося на утверждение общего собрания проект устава Платинового общества, «скрыл, что устав уже утвержден 1 декабря» (там же, л. 258). Но прошение Главного управления об утверждении Платинового общества было подано в Горный департамент 31 декабря 1912 г. И, конечно, «высочайше» утвержденный устав не мог быть предметом рассмотрения Горного департамента и затем отмененным Министерством торговли и промышленности. И едва ли Ратьков-Рожнов имел какую-либо возможность скрыть от общего собрания пайщиков факт утверждения устава Платинового общества верховной властью. После 1913 г. никаких следов существования Платинового общества в архивных материалах не сохранилось. Поэтому утверждение Н. А. Павлова о «высочайшем» утверждении устава Платинового общества едва ли заслуживает доверия.

⁴² Записка Екатеринбургского отделения Государственного банка в отдел местных учреждений его центрального правления от 15 апреля 1915 г.: ГАСО, ф. 94, оп. 1, д. 103, л. 128.

такая цена совсем не была убыточной — себестоимость платины на приисках Шувалова составляла 17 тыс. руб. за пуд, — то для средних и мелких промышленников падение цен оказалось непосильным, тем более, что издержки производства росли, а ссуда, которая выдавалась Государственным банком платинопромышленникам, установленная еще в 1914 г. — 5 руб. 98 коп. за золотник, — оставалась прежней. Поэтому, как писал в июне 1915 г. Совет платинопромышленников управляющему Екатеринбургским отделением Государственного банка, «громадное число предприятий или значительно сократили свои производства, или, как например мелкие и средние предприятия, совершенно прекратили свое существование».⁴³ Совет съездов золото- и платинопромышленников просил управляющего Екатеринбургским отделением Государственного банка поддерживать их ходатайство о повышении ссуды под платину до 8 руб. за золотник. Но ходатайство удовлетворено не было.

Эти данные говорят, что разработка платины мелкими и средними предприятиями велась в основном на средства государства. Интересно, что просимое повышение ссуды до 8 руб. за золотник равнялось той цене, которую промышленники уплачивали старателям. Но если государство отклонило просьбу о повышении ссуд для средних и мелких промыслов, то оно щедро финансировало крупные платиновые предприятия.

В этом отношении интересные данные сообщает записка Екатеринбургского отделения Государственного банка в отдел местных учреждений его центрального правления от 28 июня 1916 г. С осени 1914 г. по июнь 1916 г. Екатеринбургское отделение банка выдало ссуд под залог платины мелким платинопромышленникам на сумму 117 941 руб., из них было погашено к середине июня 62 536 руб., следовательно, оставалось за мелкими промышленниками 52 405 руб., которые распались на 15 ссуд и были выданы под залог 2 пуд. 20 фунт. платины. Средний размер залога платины по всем выданным ссудам составил 7 фунтов, а средний размер ссуды — около 3800 руб. За то же время управлением платиновыми приисками Нижнего Тагила было заложено в Государственном банке 39 пуд. 4 фунта платины на сумму 824 255 руб. и акционерным обществом Лысьвенского округа было предоставлено в обеспечение ссуды 47 пуд. на сумму 987 тыс. руб.⁴⁴ Но если по последнему залогу ссуда не была выдана, и платина только хранилась в кладовых Екатеринбургского отделения Государственного банка, то Нижне-Тагильский округ ссуду получил. «Анонимная компания» с начала войны прекратила выдачу аван-

⁴³ Там же, л. 18.

⁴⁴ Там же, лл. 23—24.

сов под платину Нижне-Тагильского округа, однако на основании договоров 1909 и 1912 гг. — и в этом в большой степени сказался их кабальный характер — эта платина продолжала принадлежать компании и должна была быть передана ей по возобновлении выдачи авансов Нижне-Тагильскому округу. Эта платина считалась проданной за границу. Следовательно, добыча платины в Нижне-Тагильском округе происходила за счет государственных средств, или, другими словами, государственные средства шли на поддержку производства платины, принадлежавшей французской «Анонимной компании». Конечно, это был коммерческий кредит, ссуды обеспечивались хранившейся в кладовых банка платиной, но это не уничтожало факта тесной связи государства не только с русскими промышленными компаниями, но и с иностранным синдикатом. Связь эта, в частности, проявлялась в том, что обогащение синдиката шло не только путем крупных комиссионных, получаемых от русских промышленных компаний, но и за счет государственных средств, причем в годы крайнего напряжения государственных финансов, вызванного войной.

АКЦИОНЕРНАЯ СТАТИСТИКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Исследование акционерного учредительства в России, необходимой основой которого являются материалы акционерной статистики, имеет большое значение как для изучения структуры капиталистического хозяйства в России, так и особенностей экономического развития страны в период империализма в целом. К анализу социально-экономической природы акционерных компаний и их роли в капиталистическом хозяйстве неоднократно обращались классики марксизма-ленинизма. Характеризуя значение акционерных компаний, К. Маркс в качестве одного из выводов указывал, что с их возникновением были созданы условия для «высшего развития капиталистического производства».¹

Мобилизуя громадную массу свободных мелких капиталов, нередко в отдельности не имеющих производственного значения, акционерные общества вызывают к жизни предприятия, «которые были невозможны для отдельного капитала», создавая «колоссальное расширение размеров производства».² Особо важное значение это имело для стран с хронической нехваткой свободных капиталов, подобных России. Уже в начале 90-х годов XIX в. в своих замечаниях к рукописи «Капитала» Ф. Энгельс отмечает победу акционерной формы организации капиталистических предприятий над всеми другими, «постепенное превращение промышленности в акционерные предприятия. Одну отрасль за другой постигает эта судьба».³ При этом расширение сферы акционерного предпринимательства происходит не только за счет единоличных предприятий, но и за счет предприятий, которые вследствие своих размеров (таких, например, как железные дороги) «раньше были правительственными».⁴

Победное расширение сферы влияния акционерных компаний объяснялось не только тем, что это наиболее крупные и уже по

¹ К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 450.

² Там же, стр. 449.

³ Там же, стр. 922.

⁴ Там же, стр. 449.

одному этому более конкурентоспособные предприятия, но так же и тем, что «подобные предприятия оказываются возможными даже тогда, когда они приносят только процент» (т. е. когда их прибыль не превышает ссудного процента). Последнее обстоятельство К. Маркс специально отмечает как «экономически важный факт».⁵

Еще более возрастает значение акционерных компаний в период монополистического капитализма, поскольку именно акционерные предприятия являлись создателями и основными участниками монополистических союзов, а в большинстве случаев и формой их организации, главным образом в целях маскировки деятельности монополий и для обхода антимонопольного законодательства. В связи с этим Ф. Энгельс очень тонко определил монополистические объединения, начавшие возникать в 80—90-х годах, как «новые формы промышленного предприятия, представляющие вторую и третью степень акционерного общества».⁶ Роль акционерных предприятий в процессе складывания финансово-монополистического капитала была затем подробно показана В. И. Лениным в его работе «Империализм, как высшая стадия капитализма».⁷

Принципиально важным для понимания значения акционерных предприятий является указание К. Маркса на то, что «капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочих сил, получает здесь непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу».⁸ «В акционерных обществах функция отделена от собственности на капитал, — продолжает далее К. Маркс, — следовательно и труд совершенно отделен от собственности на средства производства и на прибавочный труд. Это... — необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разъединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность. С другой стороны, акционерные общества — переходный пункт к превращению всех функций в процессе воспроизводства, до сих пор еще связанных с собственностью на капитал, просто в функции ассоциированных производителей, в общественные функции».⁹ Свое наивысшее проявление «отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение

⁵ Там же, стр. 450.

⁶ Там же.

⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, 4-е изд., стр. 216—218.

⁸ К. Маркс. Капитал, стр. 449.

⁹ Там же, стр. 450.

денежного капитала от промышленного или производительного» получает в новый период развития капитализма — период империализма. Отмечая это явление, В. И. Ленин в 1916 г. указывал: «Империализм или господство финансового капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров».¹⁰

К концу XIX в. число русских и иностранных акционерных обществ, действовавших в России (без кредитных и железнодорожных), достигло 1400 с суммой основных капиталов, превышающей 2 млрд руб. О темпах акционерного учредительства можно судить по следующим данным о возрастании числа и суммы капиталов этих обществ (в процентах к 1900 г.):¹¹

Год (на 1 января)	1861	1875	1881	1893	1900	1908	1914	1917	К концу 1917 г.
Число обществ . . .	8.6	27.3	38.9	40.5	100	98.1	151.7	181.0	205.0
Сумма капиталов . .	5.2	18.8	29.4	34.5	100	110.3	193.1	240.2	281.5

Таким образом, наиболее интенсивное развитие акционерных предприятий приходится на годы промышленного подъема конца XIX в., кануна и периода первой мировой войны. Накануне Октябрьской революции число обществ составило 2871, а сумма их капиталов 5630.0 млн руб. По характеру деятельности акционерные предприятия подразделялись следующим образом (на 1 января 1914 г.):

	Число обществ	Сумма капиталов (в млн руб.)
Русские предприятия	1895	3273.9
В том числе:		
торгово-промышленные	1659	2928.2
предприятия благоустройства	149	203.7
пароходные	46	72.0
страховые	19	48.5
разные и смешанные	22	21.5
Иностранные предприятия	230	588.7
В том числе:		
Торгово-промышленные	176	498.4
Предприятия благоустройства	44	77.5
Итого русские и иностранные . . .	2125	3862.6

¹⁰ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Сочинения, т. 22, 4-е изд., стр. 226.

¹¹ Из истории империализма в России. Труды ЛОИИ, вып. 1, М.—Л., 1959, стр. 166—167.

Как указывалось, любое изучение акционерных компаний — этой важнейшей ячейки капиталистического хозяйства, не может не основываться в первую очередь на данных акционерной статистики. К таким данным относятся, во-первых, число акционерных предприятий и сумма их капиталов, данные о динамике учреждения, открытия действий и ликвидации компаний, концентрации капиталов, направлении их в те или другие отрасли народного хозяйства, национальный состав предприятий и размер акций и, во-вторых, данные о финансовых результатах деятельности акционерных компаний (балансовые итоги). Между тем русская акционерная статистика до сих пор не подвергалась специальному изучению. В ряде дореволюционных работ или вообще отрицалось существование в России сколько-нибудь достоверной статистики акционерных предприятий или односторонне подчеркивался целый ряд присущих ей серьезных недостатков.¹² Из последнего, в целом совершенно верного, положения делался неправомерный вывод вообще о невозможности сколько-нибудь широкого научного использования ее данных. Подобные утверждения были в интересах акционерных заправил, не заинтересованных в объективном исследовании акционерного дела в России, и нередко инспирировались ими. Советские историки и экономисты неоднократно обращаются в своих работах к материалам акционерной статистики. Однако вследствие ее неизученности использование имеющих статистических данных остается крайне неполным, в значительной мере случайным и вместе с тем не всегда правильным.

Задача настоящей работы заключается в выяснении организации акционерной статистики в России, состава и методики сбора сведений и сравнительной ценности полученного статистического материала.¹³

¹² Так, известный статистик П. В. Оль в 1913 г. в одной из своих работ утверждал, что в России фактически «не имелось статистики акционерных предприятий» (Вестник финансов, промышленности и торговли, 1913, № 18, стр. 222). По существу того же взгляда в ряде своих статей придерживался заведующий Статистическим отделом Совета съездов представителей промышленности и торговли В. И. Шарый (Вестник финансов, промышленности и торговли, 1910, № 5, стр. 198; ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 394, л. 68).

¹³ В статье не рассматривается статистика двух специфических групп акционерных предприятий — банков и железнодорожных обществ, — характеризующаяся рядом особенностей. Перечни этих предприятий и относящиеся к ним основные статистические источники указаны в других работах автора — «Акционерное учредительство в России» (Из истории империализма в России, стр. 159—167) и «Архивные фонды акционерных коммерческих банков» (Проблемы источниковедения, т. VII, 1959, стр. 82—83, 104). Все остальные группы акционерных компаний русское законодательство и акционерная практика обычно объединяли в понятие «торгово-промышленные» предприятия.

I

Акционерная статистика включает две обособленные части — статистику учредительства акционерных компаний (число и состав акционерных предприятий, получивших разрешение на учреждение и действительно открывших действия, их основные капиталы, купюра акций, местонахождение правлений) и статистику финансовых результатов их деятельности (доходность и сальдо отдельных счетов баланса). Первая часть акционерной статистики основывается главным образом на данных уставов акционерных предприятий, так называемых обязательных объявлениях компаний и их балансах; вторая — исключительно на данных балансов.

Устав является основным документом, определяющим направление и условия деятельности каждой акционерной компании. Порядок составления акционерных уставов был определен «Правилами о товариществах по участкам или компаниях на акциях» 1836 г.¹⁴ — первым законодательным актом, регламентировавшим учреждение и деятельность акционерных предприятий в России, сохранившим свое значение вплоть до Октябрьской революции. Согласно «Правилам», в уставе должны были указываться: 1) «существо и цель предприятия»; 2) наименование компании и местонахождение ее правления; 3) размер капитала, количество и цена акций; 4) порядок оплаты акций; 5) порядок распределения акций между учредителями и акционерами; 6) испрашиваемые особые привилегии и преимущества и срок их действия; 7) срок существования компании; 8) срок приведения предприятия «в полное действие» в случае исходатайствования особых привилегий и преимуществ; 9) обязанности, права и ответственность компании и ее акционеров; 10) система отчетности; 11) порядок распределения дивиденда и составления запасного капитала; 12) организация управления делами компании; компетенция правления и общего собрания акционеров; порядок выплаты вознаграждения директорам; 13) порядок разбора споров; 14) порядок закрытия или ликвидации дел компании.

Закон не устанавливал определенного обязательного формуляра устава. Поскольку, однако, при составлении уставов вновь образуемых акционерных предприятий за образец принимались уставы ранее возникших компаний, очень скоро акционерная практика выработала несколько образцов, несущественные различия между которыми определялись спецификой деятельности предприятий данной группы. Анализируя уставы вновь возникающих акционерных обществ, министр торговли и промышленности

¹⁴ ПСЗ, ст. 9761, п. 51; Свод законов, т. X, ч. 1, изд. 1914 г., ст. 2191.

имел основание заключить, что они «содержат в себе совершенно тождественные правила, отличаясь лишь в частных подробностях нескольких уставных постановлений». Основываясь на этом, Министерство торговли и промышленности разработало в 1915 г. «нормальный устав» торгово-промышленных акционерных предприятий, включавший следующие разделы:¹⁵ 1) цель учреждения общества, права и обязанности его; 2) основной капитал общества, акции, облигации, права и обязанности учредителей и владельцев акций; 3) правление общества, права и обязанности его; 4) отчетность по делам общества, распределение прибыли и выдача дивиденда; 5) общие собрания акционеров; 6) разбор споров по делам общества, ответственность общества, прекращение действий общества и ликвидация его дел.

Россия была одной из немногих стран, в которой вплоть до октября 1917 г. сохранялась разрешительная система учреждения акционерных компаний, предусматривавшая законодательное оформление уставов при учреждении компаний и изменения уставов в период их деятельности.¹⁶

Утверждение уставов акционерно-паевых предприятий проходило через несколько инстанций. Прошение учредителей с приложением проекта устава в зависимости от отрасли деятельности предприятия поступало «на рассмотрение в то министерство или главное управление, до которого преимущественно предмет компании относится».¹⁷ Такими ведомствами практически были главным образом министерства финансов, государственных имуществ, торговли и промышленности или внутренних дел. В Министерстве финансов эта функция до 1864 г. возлагалась на Департамент мануфактур и внутренней торговли, а затем — на Департамент торговли и мануфактур. В 1900 г. она была передана Отделу торговли того же министерства. Рассмотрение уставов горнопромышленных предприятий до 1905 г. производилось Горным департаментом, находившимся в ведомстве Министерства финансов, а с 1874 г. по 1905 г. — в ведомстве Министерства государственных имуществ. Уставы страховых компаний, а также акционерных

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 13, д. 497, лл. 13, 19—53; ф. 32, оп. 1, д. 1735, лл. 94—108; ф. 1276, оп. 11, д. 428, лл. 4—17.

¹⁶ Сохранение в России отсталой разрешительной (концессионной) системы учреждения акционерных предприятий было связано с тем, что она открывала возможность в практической деятельности правительственных учреждений по утверждению уставов акционерных предприятий обходить целый ряд положений русского законодательства, формально ограничивающих права акционерных обществ на приобретение земельной собственности, права иностранцев и евреев на участие в некоторых горных, паровых и других предприятиях и т. п. (ЦГИАЛ, ф. 22, оп. 4, д. 125, лл. 76, 77; ф. 23, оп. 11, д. 797, л. 397).

¹⁷ Свод законов, т. X, ч. 1, изд. 1914 г., ст. 2189.

предприятий, связанных с благоустройством населенных мест, до 1905 г. рассматривались в Министерстве внутренних дел. С созданием Министерства торговли и промышленности все эти дела были сосредоточены в VI акционерном отделении Отдела торговли, существовавшем до революции. Согласованные проекты уставов с заключением министра направлялись на утверждение Комитета, а с 1905 г. — Совета министров, а если ими предусматривались «особые преимущества или исключительные привилегии», — на утверждение Государственного совета.¹⁸ После утверждения их царем и повторного подписания учредителями уставы приобретали силу закона. Аналогичный порядок соблюдался и в тех случаях, когда требовалось изменение или дополнение устава.

Проведение эмиссионных операций акционерных предприятий контролировалось Особенной канцелярией Министерства финансов по кредитной части.

Постепенно права министров в области акционерного учредительства были расширены. Им было разрешено «продление сроков для собрания основных капиталов акционерных компаний, но не более трех для каждого отдельного предприятия раз» (в 1897 г.),¹⁹ предоставлено право разрешать собственной властью увеличение основных капиталов акционерных обществ в пределах первоначальной суммы (в 1899 г.), «назначать и изменять местопребывание правлений и численный состав их», сроки представления годовых отчетов (в 1905 г.) и т. п.²⁰ В конце 1915—начале 1916 г. Министерство торговли и промышленности, ссылаясь на то, что рассмотрение каждого из уставов акционерных предприятий в Совете министров и Государственном совете «сводится, в сущности, к формальной проверке его содержания в отношении соответствия» сложившимся на практике «образцам», возбудило перед Советом министров вопрос о предоставлении ему (в порядке ст. 87 «Основных законов») права утверждать уставы новых акционерных обществ и изменять уставы действующих предприятий применительно к этим образцам.²¹ Однако указанное предложение не было принято Советом министров и получило осуществление лишь после Февральской революции. Указом Временного правительства от 10 марта 1917 г. министру торговли и промышленности представлялось право «а) утверждать своею властью уставы вновь

¹⁸ ПСЗ, ст. 9761, п. 55. Архивные фонды всех названных учреждений хранятся в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде.

¹⁹ Свод законов, т. X, ч. 1, изд. 1914 г., ст. ст. 2139, 2154; Исторический очерк деятельности Комитета министров, т. V. СПб., 1902, стр. 120.

²⁰ Свод законов, т. X, ч. 1, изд. 1914, ст. ст. 2153, 2161; Собр. узак. и расп. правит., 14 декабря 1899 г., № 152, ст. 2327.

²¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 13, д. 497, л. 13; ф. 1276, оп. 11, д. 428, лл. 1—3, 23, 29; оп. 20, д. 110, л. 105.

возникающих торгово-промышленных акционерных обществ и товариществ на паях и изменять действующие уставы существующих уже товариществ и обществ и б) разрешать упомянутым обществам и товариществам отсрочки по собранию основных капиталов как первоначальных, так и дополнительных выпусков, с тем чтобы отсрочки эти не превышали каждый раз шести месяцев».²² Указом от 22 марта 1917 г. министру торговли и промышленности разрешалось увеличение и уменьшение капиталов акционерных предприятий; вопросы об увеличении капиталов сверх удвоенной первоначальной суммы подлежали предварительному рассмотрению совещания представителей Министерства финансов, Министерства торговли и промышленности, Совета съездов представителей промышленности и торговли и Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства.²³

Проекты уставов и все их изменения по существовавшему порядку отпечатывались типографским способом в нескольких экземплярах. Поэтому все перечисленные учреждения имели возможность отлагать в своем делопроизводстве соответствующие экземпляры этих документов. Как минимум каждый устав (рассматривавшийся до марта 1917 г.) отлагался дважды: в архивах Комитета или Совета министров и ведомства, представившего его на утверждение. Все утвержденные уставы, а также вносимые в них изменения, разрешенные Комитетом или Советом министров, опубликовывались в «Собрании узаконений и распоряжений правительства».²⁴ Относительно опубликования изменений в уставах, разрешенных отдельными ведомствами, в законе определенных указаний не имеется. Необходимость опубликования таких изменений специально оговаривается лишь для продления сроков сбора капитала акционерных предприятий.²⁵

Аналогичный порядок существовал и для иностранных акционерных компаний, учреждаемых в России, за исключением того, что место уставов занимали так называемые «условия деятельности».

Установленный законом обязательный состав сведений уставов делает их весьма ценным статистическим источником, содержащим однородные и вполне сопоставимые данные о времени выдачи разрешения на учреждение и характере деятельности акционер-

²² Собр. узак. и расп. правит., 28 марта 1917 г., № 69, ст. 388; Сб. указов и пост. Врем. правит., Отдел II, № 7.

²³ Собр. узак. и расп. правит., 4 мая 1917 г., № 99, ст. 546; Сб. указов и пост. Врем. правит., Отдел II, № 36.

²⁴ До 1865 г. уставы и материалы об их изменении публиковались в «Сенатских ведомостях» (Свод законов, т. X, ч. 1, изд. 1914 г., ст. 2197) и «Полном собрании законов»; с 1902 г. в составе «Собрания узаконений и распоряжений правительства» они были сконцентрированы во II отделе.

²⁵ Свод законов, т. X, ч. 1, изд. 1914 г., ст. 2154.

ных предприятий, месте нахождения их правлений, капиталах, числе и купюре акций и др. Порядок представления и утверждения уставов обеспечивал необходимую проверку полноты и правильности включаемых в уставы данных, позволяя считать их вполне заслуживающими доверия исследователя. Исключение представляют лишь сведения о характере деятельности акционерных предприятий, который в уставах нередко обозначался недостаточно конкретно; иногда характер деятельности компании со временем менялся и переставал соответствовать указанному в уставе. Наконец, следует отметить безусловную полноту опубликования уставов и «условий деятельности» в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» (за исключением 1917 г.). В целом уставы являются одним из основных источников для изучения спроса на капитал: его размерах, направлении в те или другие отрасли промышленности и величине слагаемых капиталов (купюра акций).

Однако в связи с тем, что лишь около 60% учрежденных акционерных предприятий действительно реализовали свои капиталы и открывали действия, данные уставов не могут служить единственным источником для статистики действующих компаний. Между тем именно учет действующих акционерных компаний являлся основной задачей акционерной статистики.²⁶ Материалом для необходимой в этих целях корректировки данных уставов может служить вторая группа источников акционерной статистики — так называемые обязательные объявления, которые в установленных законом случаях должны были публиковать в соответствующих периодических изданиях все предприятия, обязанные публичной отчетностью. Упомянутыми уже «Правилами о товариществах по участкам или компаниям на акциях» 1836 г. предписывалась обязательная публикация компаниями в периодической печати сведений «1) об открытии действий предприятий; 2) о разрешении отсрочек для собрания капиталов; 3) о времени открытия и окончания подписки на акции; 4) о сро-

²⁶ Выступая на VII международном статистическом конгрессе в 1869 г. о необходимости организации акционерной статистики известный статистик Ассер предлагал начать именно с учета числа действующих компаний и их капиталов (Вестник финансов, промышленности и торговли, 1910, № 5, стр. 198). В качестве «главной» эта задача рассматривалась и одним из официальных учреждений русской акционерной статистики — Редакцией «Вестника финансов, промышленности и торговли» и «Торгово-промышленной газеты», которая «на собственном многолетнем опыте ведения текущей регистрации убедилась, что едва ли половина акционерных компаний, уставы коих утверждены в данном году, откроют действия в течение ближайших 2—3 лет; большая же часть их обречена судьбою на долговременное, а может быть, и вечное небытие» (Обзоры главнейших отраслей промышленности и торговли за 1910 год. СПб., 1911, стр. 46).

ках и размерах взносов по ним; 5) о ценах акций, общем количестве их и количестве, представляемом каждому отдельному лицу; 6) о переменах в составе директоров или членов правлений; 7) о времени собрания акционеров и о предметах, подлежащих обсуждению в таких собраниях; 8) о добровольном закрытии предприятий; 9) о времени приступа к ликвидации в сем случае и 10) об окончании самой ликвидации». Еще большее число случаев обязательного опубликования различных сведений предусматривалось уставами отдельных компаний.²⁷ Однако «Правила» не определяли органов печати, в которых должны были публиковаться эти сведения. На практике при утверждении уставов отдельных компаний органы печати для помещения обязательных объявлений или также не назывались вовсе («публикуется во всеобщее сведение», «извещается через ведомости»), или назывались по произвольному выбору. Наибольшее распространение получил «порядок двойной публикации» объявлений одновременно в столичных и местных изданиях. При этом, как правило, назывались наиболее распространенные из существовавших на время утверждения уставов издания. В ряде уставов указывалось до 6 периодических органов. Со временем одни издания прекратили существование, другие стали малораспространенными и сократили тираж. В результате «отсутствия определенной системы в выборе органов печати»²⁸ публикация объявлений предпринималась в таком разнообразном круге изданий (нередко малораспространенных), что ознакомление с ними и контроль со стороны правительственных органов за их полнотой оказывались чрезвычайно затруднительными. Все это создавало условия для постепенно усиливавшегося «стремления предприятий уклоняться» от требуемой публикации объявлений. Последнее вызывалось также тем обстоятельством, что никаких утвержденных правительством общих предельных таксовых норм по оплате печатания этих публикаций не было установлено. В результате расходы на печатание объявлений каждой компании достигали весьма внушительной суммы 2—3 тыс. руб. в год. Не случайно поэтому то, что правительство очень скоро стало рассматривать публикацию «обязательных объявлений» как одно из важных средств финансовой поддержки тех или других органов печати.²⁹

В связи с этим нередко имели место случаи обращения в Министерство торговли и промышленности акционерных компаний и отдельных промышленников с заявлениями, в которых указыва-

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 14, д. 102, л. 17; ф. 1278, оп. 6, д. 423, л. 4.

²⁸ Там же, л. 10.

²⁹ Там же, лл. 6, 7, 14, 15; Труды IV очередного съезда представителей промышленности и торговли. СПб., 1910, доклад 5, стр. 1.

лось, «что действующий порядок помещения публикаций на практике не достигает поставленной цели осведомления заинтересованных лиц с различными фактами и распорядительными действиями акционерных обществ». Проведенное министерством специальное расследование «вполне подтвердило справедливость жалоб промышленников».³⁰

В 1907 г. в Министерство финансов и Министерство торговли и промышленности была представлена записка Совета съездов представителей промышленности и торговли, в которой предлагалось дополнить уставы всех акционерных компаний требованием публиковать «обязательные объявления» исключительно в периодических изданиях Министерства финансов — «Вестнике финансов, промышленности и торговли» и «Торгово-промышленной газете», а также в «Правительственном вестнике». В связи с тем, что разработанный Министерством торговли и промышленности соответствующий законопроект вызвал возражения Министерства внутренних дел, которое настаивало на обязательной публикации объявлений исключительно в «Правительственном вестнике», вопрос остался неразрешенным.³¹ В октябре 1909 г. Совет съездов представителей промышленности и торговли, поддержанный Советом съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, вновь возбудил свое ходатайство.³²

В 1911 г. вопрос «о порядке публикации отчетными предприятиями обязательных объявлений» стал предметом рассмотрения Особого междудементовенного совещания, которое оказалось вынужденным констатировать, что действующий «порядок оглашения во всеобщее сведение различных юридических фактов и распорядительных действий отчетных предприятий представляется крайне неудовлетворительным и не достигающим целей осведомления».³³ Совещание пришло к заключению «о необходимости установления более точного и определенного порядка опубликования сведений о деятельности отчетных предприятий» путем «объединения и сосредоточения названных объявлений в немногих, но наиболее распространенных официальных как столичных, так и провинциальных, по месту нахождения предприятий, изданиях».³⁴ Руководствуясь решениями совещания, Министерство торговли и промышленности в конце 1912 г. выступило с про-

³⁰ ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 6, д. 423, л. 3.

³¹ Труды IV очередного съезда представителей промышленности и торговли, доклад 5, стр. 1.

³² ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 6, д. 423, л. 3.

³³ Там же, л. 6; ф. 23, оп. 11, д. 797, лл. 384—385; см. также: Государственный совет. Стенографические отчеты. 1913—1914 гг., сессия девятая. Пгр., 1914, стр. 17—178, 91, 1667.

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 6, д. 423, л. 7.

ектом закона «О порядке публикации отчетными предприятиями обязательных объявлений». В законопроекте под угрозой штрафа устанавливалась обязательная публикация объявлений «одновременно в одном официальном, по месту нахождения правления предприятия, издании — в губернских или заменяющих их ведомостях,³⁵ и в двух столичных официальных изданиях — в „Правительственном вестнике“ и в периодических изданиях Министерства финансов» («Вестник финансов, промышленности и торговли» или «Торгово-промышленная газета»). При рассмотрении законопроекта в Государственной думе и Государственном совете особый порядок публикации объявлений в Петербургской и Московской губерниях был отвергнут, а публикация в «Правительственном вестнике» и периодических изданиях Министерства финансов признавалась обязательной лишь для «объявлений, имеющих общее значение», перечень которых устанавливался министром торговли и промышленности.³⁶

12 апреля 1917 г. постановлением Временного правительства порядок публикации обязательных объявлений был снова изменен. Устанавливалось, что «все обязательные, вытекающие из уставов либо законов, объявления торгово-промышленных акционерных обществ и товариществ на паях, в том числе и заключительные балансы их и извлечения из годовых отчетов, помещаются в „Торгово-промышленной газете“». Нарушение установленного порядка каралось денежным штрафом. Публикация объявлений, кроме того, и в других органах печати ставилась в зависимость от решений общих собраний акционеров.³⁷

Поскольку в своей практической деятельности ни одно акционерное предприятие не могло, конечно, обойтись без тех или иных объявлений в печати, «обязательные объявления» в целом являются достаточно полным статистическим источником для установления числа и состава действующих на каждый год компаний, а также времени открытия и прекращения действий отдельных фирм. Кроме того, объявления являются ценным источником для выяснения целого ряда частных сведений об этих предприятиях. Правда, многообразие органов печати (до 1917 г.), в которых публиковались «обязательные объявления», значительно осложняет работу исследователя по их выявлению.

³⁵ Предприятия, правления которых находились в Петербургской и Московской губерниях, обязаны были публиковать объявления не в губернских ведомостях, а в «Петербургских ведомостях» и «Московских ведомостях».

³⁶ ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 6, д. 423, лл. 15, 93.

³⁷ Собр. узак. и расп. правит., 1 июля 1917 г., № 152, ст. 846; Сб. указов и пост. Врем. правит., Отдел II, № 114.

Третью группу источников акционерной статистики составляли ежегодные отчеты (балансы) акционерных предприятий. Обязательное составление отчетов акционерных компаний предписывалось упоминавшимся ранее «Правилами» 1836 г. Согласно «Правилам», отчеты должны были включать следующие данные: 1) о состоянии акционерного капитала компании; 2) общий приход и расход за отчетный период; 3) подробный счет издержек по управлению делами компании; 4) счет чистой прибыли и 5) счет запасного капитала. Отдельно должны были составляться отчеты по «искусственным и другим заведениям», если они имелись «при компании».³⁸ Первоначально представление отчетов в правительственные учреждения практиковалось только в тех случаях, когда это специально предусматривалось уставом компании или в связи с возбуждением акционерными предприятиями ходатайств об изменении тех или иных положений уставов. С 1885 г. в связи с введением дополнительного 3%-го сбора с чистой прибыли акционерных предприятий, вошло в силу новое постановление, согласно которому правления компаний были обязаны представлять в местные казенные палаты «полный годовой отчет и баланс в четырех экземплярах» вместе с протоколом общего собрания акционеров об их утверждении. Для русских фирм устанавливался месячный срок представления, для иностранных — двухмесячный. Казенным палатам представлялось право требовать от акционерных компаний все «дополнительные сведения и разъяснения, необходимые для проверки отчетов».³⁹ В мае 1899 г. в инструкции о применении «Положения о государственном промысловом налоге» требование о представлении отчетов и, в случае необходимости, дополнительных сведений казенным палатам было подтверждено вновь.⁴⁰ Несмотря на категорическое требование закона, акционерные компании пользовались любым поводом для того, чтобы задержать представление отчетов, а тем самым оттянуть уплату налога. С подобными случаями сталкивалась даже казенная палата Петербургской губ. В конце 1905 г. управляющий палатой жаловался на то, что «палате приходится... бороться с неаккуратностью и даже упорством некоторых правлений», прибегая в целях получения отчетов «к помощи полиции».⁴¹

В связи с возложенной на казенные палаты функцией в составе их архивных фондов отложилась отчетная документация

³⁸ Свод законов, т. X, ч. 1, изд. 1914 г., ст. 2186.

³⁹ Там же, т. V, ст. 520.

⁴⁰ А. К. Рощаховский. Балансы акционерных предприятий. СПб., 1910, стр. 4, 19; Торгово-промышленный сборник. Сост. С. А. Просьбин, СПб., 1910, стр. 496.

⁴¹ ГИАЛО, ф. 479, оп. 22, д. 2300, лл. 481, 483.

акционерных предприятий, правления которых находились в районе действия палат, и материалы по ее рассмотрению в казенных палатах.

С введением обязательного представления отчетов компаний в казенные палаты совпадает по времени начало систематической публикации балансов и извлечений из отчетов акционерных предприятий. Впервые вопрос об этом возник в конце 1884 г. при рассмотрении в Государственном совете дела о расходах на издание «Ежегодника Министерства финансов» и «Вестника финансов, промышленности и торговли», содержащих, по мнению Департамента экономии Государственного совета «весьма важный материал при разрешении в высших учреждениях многих законодательных вопросов, касающихся финансов и промышленности». В целях пополнения этого материала, а также для «материального обеспечения» изданий было высказано пожелание, «чтобы балансы и извлечения из отчетов всех акционерных обществ были печатаемы в „Вестнике финансов“ без пробелов». Вместе с тем отмечалось, что «цель эта может быть достигнута лишь в том случае, если печатание этих материалов будет сделано обязательным для упомянутых обществ».⁴² В связи с введением дополнительного 3%-го сбора с акционерных предприятий печатание балансов в «Вестнике финансов, промышленности и торговли» (как он стал называться с 1885 г.) было законодательно оформлено, а сами акционерные предприятия были отнесены к числу обязанных публичной отчетностью.⁴³ Уставом о прямых налогах руководящим органам действующих в России русских и иностранных акционерных компаний предписывалась обязательная публикация в «Вестнике» (а с 1 января 1886 г. в специальном приложении к этому изданию) ежегодных заключительных балансов и извлечений из годовых отчетов предприятий в месячный срок (для иностранных компаний — двухмесячный) после их утверждения собраниями акционеров. В извлечениях из отчетов должны были указываться: 1) сумма основного, запасного, резервного и других капиталов, 2) счет прибылей и убытков за отчетный год и 3) распределение чистой прибыли и размер дивиденда на каждую акцию. В случае неисполнения требования закона о публикации указанных материалов, казенные палаты были обязаны направлять в Редакцию «Вестника финансов, промышленности и торговли» заключительный баланс и полный годовой отчет предприятия для опубликова-

⁴² ЦГИАЛ, ф. 1152, оп. X, 1884 г., д. 598, лл. 10, 15; Периодические издания Министерства финансов, 1865—1915. Пгр., 1915, стр. 32.

⁴³ Вестник финансов, промышленности и торговли, т. I, 1910, стр. 1; ЦГИАЛ, ф. 1152, оп. X, 1887 г., д. 566; Департамент окладных сборов. 1863—1913. СПб., 1913, стр. 194—197

ния их за счет компании.⁴⁴ 28 мая 1885 г. министром финансов по согласованию с другими ведомствами была утверждена инструкция, которая в целях организации контроля за публикацией объявлений обязывала казенные палаты сообщать Редакции «Вестника финансов, промышленности и торговли» списки всех обществ и товариществ, правления которых находятся в черте губернии, а также некоторые другие сведения: о вновь образовавшихся и о прекративших свои действия обществах, о сроках созыва общих собраний, о времени утверждения общими собраниями отчетов.⁴⁵

Несмотря на категоричность требования закона и систематические усилия Редакции «Вестника» по истребованию недостающих отчетов как от самих компаний, так и через казенные палаты, «прошло немало времени и потребовалось немало напоминаний, прежде чем можно было сказать, — отмечала в 1897 г. Редакция, — что новое общее требование в должной мере, хотя все еще не полно, вошло в жизнь».⁴⁶ В 1908 г. министр финансов И. П. Шипов должен был снова констатировать, что «довольно значительное число предприятий, главнейше иностранных, оперирующих в России, уклоняется от соблюдения ст. 104 Положения о государственном промысловом налоге,⁴⁷ и все усилия Редакции заставить их исполнить закон очень часто остаются без результата».⁴⁸ В одном из представлений министра торговли и промышленности в Совет министров в конце 1912 г. снова указывалось, что министерству «известны случаи, когда отчеты и балансы предприятий не публикуются в течение целого ряда лет, а иногда даже и совсем, как это имело место, например, в отношении некоторых иностранных компаний, действующих в империи».⁴⁹ Особое беспокойство за полноту публикации отчетных материалов акционерных предприятий на страницах «Вестника финансов, промышленности и торговли» вызывалось тем обстоятельством, что они имели важное практическое значение как для предпринимателей, так и в деятельности правительственных учреждений. Редактор «Вестника финансов» указывал, что содержащиеся в публикуемых отчетах сведения о деятельности акционерных предприятий

⁴⁴ Свод законов, т. V, изд. 1914 г., ст. 522. Последнее положение было введено законом 8 июня 1898 г., заменив взыскание штрафа в размере тройной стоимости напечатания отчетных материалов (ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 6, д. 423, л. 13).

⁴⁵ Акционерное дело в России, т. 2, Статистика акционерных предприятий, вып. I, СПб., 1897, стр. I.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Статьей предписывалась обязательная публикация балансов и извлечений из отчетов в «Вестнике финансов, промышленности и торговли».

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 14, д. 102, л. 1.

⁴⁹ ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 6, д. 423, л. 12.

«представляют настолько важное значение для деловых сфер, что неполнота их обыкновенно вызывает нежелательные нарекания со стороны заинтересованных лиц, а в иных случаях даже жалобы в Министерство финансов на неопубликование Редакцией отсутствующих отчетов».⁵⁰

В связи с этим начиная с 1907 г. в уставы вновь возникающих акционерных предприятий стали вводиться более полные и строгие, чем раньше, положения об их обязанности представлять балансы (отчеты) в соответствующие правительственные учреждения, в том числе для опубликования. В октябре 1908 г. Редакция периодических изданий Министерства финансов организовала совещание «из представителей заинтересованных ведомств для детального обсуждения вопроса об уклонении от исполнения ст. 104 Положения о государственном промысловом налоге и выработке каких-либо мер к уничтожению означенного крайне нежелательного явления». Совещанием был разработан проект изменения и дополнения этой статьи в целях усиления ответственности акционерных предприятий за неопубликование балансов и извлечений из отчетов. В 1913 г. Министерство внутренних дел обратилось в Совет министров с предложением о включении в уставы акционерных компаний постановления об обязательной публикации отчетных материалов не только в «Вестнике финансов, промышленности и торговли», но и в «Правительственном вестнике». Однако и проект совещания 1908 г., и предложение Министерства внутренних дел 1913 г. не были осуществлены.⁵¹

Неполнота публикации отчетных материалов акционерных предприятий, отмечаемая и правительственными учреждениями, и статистиками, не должна, однако, преувеличиваться. Сравнение за разные периоды числа действовавших в России компаний (установленного на основании всей массы источников) с количеством опубликованных отчетов и сопоставление опубликованных отчетов за ряд лет убеждает, что в среднем неполнота публикации колеблется от 1 до 2,5% от общего числа акционерных предприятий (в основном за счет менее крупных, главным образом иностранных, фирм), причем ее возрастание приходится на периоды оживления акционерного учредительства (конец 90-х годов, канун и годы первой мировой войны). Конечно, такой небольшой процент неопубликованных отчетов не может сколько-нибудь существенно повлиять на общие статистические итоги. Значительно больший процент отчетов, естественно, не опубликован в «Вестнике финансов» за 1917 г. Кроме того, должна быть принята во внимание воз-

⁵⁰ ГИАЛО, ф. 479, оп. 22, д. 2300, л. 481.

⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 14, д. 102, лл. 2, 8—10, 15—16.

возможность при необходимости восполнять данные отсутствующих отчетов за счет отчетов за предшествующие и последующие годы.

Согласно «Уставу о прямых налогах», отчеты и балансы, подлежащие опубликованию в «Вестнике финансов, промышленности и торговли», должны были составляться «по формам, утвержденным для отдельных родов предприятий министром финансов по соглашению с государственным контролером и с подлежащими ведомствами».⁵² Необходимость установления определенной обязательной формы отчетов и балансов акционерных предприятий диктовалась главным образом целями правительственного контроля за деятельностью компаний и их налогообложения и лишь во вторую очередь интересами акционерной статистики. Созданное в конце 1909 г. Редакцией «Вестника финансов, промышленности и торговли» «частное совещание» видных статистиков (А. Э. Берг, В. Г. Варзар, А. А. Вольский, Я. И. Горецкий, Н. Ф. фон Дитмар, П. И. Лященко, В. И. Шарый) и заправил крупнейших предпринимательских организаций, целью которого был «критический пересмотр самых основ акционерной статистики», в своем решении отметило, что «правильная постановка статистики акционерных предприятий возможна лишь при установлении обязательных для всех акционерных предприятий форм отчетов и балансов (или хотя бы одних балансов)».⁵³ «Если ставить серьезно вопрос о статистике акционерных предприятий, то прежде всего должен быть поставлен и разрешен вопрос о способах получения заслуживающего разработки материала, — справедливо отмечал годом позже заведующий Статистическим бюро Совета съездов представителей промышленности и торговли В. И. Шарый. — А это сводится к установлению обязательной формы для публикуемых во всеобщее сведение балансов и отчетов».⁵⁴

Министерство финансов с 1902 г. неоднократно предпринимало попытки установления обязательной формы балансов, однако каждая такая попытка «всякий раз признавалась неосуществимой».⁵⁵ Наиболее существенная работа в этом направлении была проведена Особой комиссией, созданной упоминавшимся выше частным совещанием при Редакции «Вестника финансов, промышленности и торговли». Была сделана попытка «ввести в жизнь однообразный тип статистических карточек для акцио-

⁵² Свод законов, т. V, изд. 1914 г., ст. 521.

⁵³ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 394, лл. 67, 75.

⁵⁴ Вестник финансов, промышленности и торговли, 1910, № 5, стр. 200, 202; ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 394, лл. 71, 73.

⁵⁵ Там же, л. 75; ф. 32, оп. 1, д. 1735, л. 62. Обязательная форма была введена лишь для балансов кредитных и страховых предприятий (Вестник финансов, промышленности и торговли, 1910, № 5, стр. 201).

нерных предприятий, заключавших в себе установленные формы баланса предприятия, распределения прибыли и исчисления прибыли и убытка». Карточка преследовала «главным образом статистические цели».⁵⁶ Форма баланса была разработана на основе анализа «нескольких сот отчетов акционерных предприятий» и сведена до 17 статей актива и 20 статей пассива.⁵⁷ Однако эта попытка потерпела неудачу, так как была воспринята Петроградским обществом заводчиков и фабрикантов и другими организациями буржуазии как противоречащая «сохранению коммерческой тайны во что бы то ни стало», как это отмечалось Советом съездов представителей промышленности и торговли в 1918 г.⁵⁸

В 1915 г., в связи с разработкой Министерством торговли и промышленности «нормального устава» торгово-промышленных акционерных обществ, вопрос о создании единой формы отчета и баланса возник снова. В «нормальный устав» были включены подробные указания по составлению баланса. В качестве общего требования указывалось, что «баланс должен быть составлен с такою полнотою и подробностью, чтобы акционеры могли получить ясное представление об имущественном положении предприятия на день заключения отчетного года». Как обязательные для отчета назывались следующие «главные статьи»: ⁵⁹ 1) состояние основного, запасного, амортизационного и других капиталов; 2) общий приход и расход за отчетный период; 3) расходы по управлению делами общества; 4) счет наличного имущества общества; 5) долги общества; 6) доходы и убытки; 7) счет чистой прибыли и ее примерное распределение.

В 1917 г. Департаментом окладных сборов были разработаны новые «Правила об отчетности акционерных, паевых и прочих предприятий, обязанных публичной отчетностью», включавшие и проект единой обязательной формы баланса. Форма была рассчитана на все подотчетные предприятия (в том числе и не акционерные), за исключением страховых и кредитных.⁶⁰

Ни правила, содержащиеся в «нормальном уставе», ни правила 1917 г. практического осуществления не получили.

В связи с провалом всех попыток установить единую форму заключительных балансов и извлечений из отчетов акционерных предприятий, составление их определялось исключительно краткими указаниями «Устава о прямых налогах» и инструкции 1899 г. о применении «Положения о государственном промысловом налоге». Это открывало широкие возможности для различного

⁵⁶ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 1735, л. 62.

⁵⁷ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 394, л. 40.

⁵⁸ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 1735, л. 62.

⁵⁹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 13, д. 497, лл. 35—37.

⁶⁰ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 20, д. 4329.

рода фальсификаций балансов с целью уменьшить размер налогообложения и представить в удобном свете деятельность предприятия. Акционерами, биржей и правительственными органами баланс рассматривался как показатель экономического состояния предприятия и его прибыльности. Поэтому в целом со стороны правлений акционерных компаний имела место тенденция к его нивелированию: к приукрашиванию положения фирмы в кризисный период ее деятельности и наоборот. Чаще всего перед балансом ставилась задача скрыть те или иные финансовые махинации. Нередко та или иная редакция баланса зависела от личных интересов заправил предприятия, играющих на бирже. Анализируя опубликованные балансы, поступившие к 1897 г. в «Вестник финансов, промышленности и торговли», Редакция его отмечала «разнообразие приемов счетоводства и отчетности» акционерных компаний, которое «заметно при самом беглом взгляде и становится совершенно удручающим при попытке ближе вникнуть в смысл тех явлений, о которых должен говорить язык цифр». «Совершенно откровенно мы думаем, что пестрота приемов отчетности во многих случаях однообразно отвечает определению дипломатии, как искусства скрывать мысли».⁶¹

Четырнадцатью годами позже В. И. Шарый писал: «Приходится удивляться изобретательности бухгалтеров по части терминологии, по части соединения воедино самых разнообразных статей балансов и отчетов не только для целей публикации, но и в представляемых общим собраниям отчетах».⁶² Это же отмечает А. К. Рощаховский, посвятивший изучению балансов акционерных предприятий специальное исследование.⁶³ Наконец, к такому же выводу приходит и другой исследователь акционерных балансов — П. В. Оль. Отмечая «чрезмерное разнообразие в составлении балансов и счетов прибылей и убытков отдельных предприятий, обязанных публичной отчетностью, но не связанных формой этой отчетности», он констатировал, что балансы «содержат настолько разнохарактерные и несуммируемые данные, что делают подбивку итогов совершенно недопустимой».⁶⁴

То обстоятельство, что задача установления единой обязательной формы балансов акционерных компаний в условиях царской России не была разрешена, в значительной степени подрывает возможность их статистической разработки, казалось бы со-

⁶¹ Акционерное дело в России, т. 2, Статистика акционерных предприятий, вып. I, стр. III.

⁶² Вестник финансов, промышленности и торговли, 1910, № 5, стр. 200; ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 394, лл. 70—71.

⁶³ А. К. Рощаховский. Балансы акционерных предприятий, стр. 121.

⁶⁴ П. В. Оль. Статистика акционерных обществ и лаевых товариществ, обязанных публичной отчетностью за 1911/12 год. Пгр., 1915, стр. I.

зданную установленной системой их публикации. Важно отметить, однако, что положительное решение вопроса о введении единой формы балансов акционерных предприятий, значительно облегчая возможность их статистической обработки, отнюдь не сделало бы балансы — и не могло их сделать в условиях капиталистического хозяйства — полноценным историческим источником. Фальсификация балансов, подлежащих обнародованию, неотделима от различного рода финансовых махинаций, осуществлявшихся акционерными компаниями во все более широких масштабах. Предотвращение этих махинаций, при сохранении частной собственности на средства производства, было невозможно. «Нельзя уследить за теми сложнейшими, запутаннейшими и хитроумнейшими приемами, которые употребляются при составлении балансов»,⁶⁵ — указывал В. И. Ленин. «Всякие правила контроля, публикации балансов, выработки определенной схемы для них, учреждения надзора и т. п., чем занимают внимание публики благонамеренные — т. е. имеющие благое намерение защищать и прикрашивать капитализм — профессора и чиновники, — писал он в другой работе, — не могут тут иметь никакого значения».⁶⁶ В результате балансы, являющиеся в принципе основным источником сведений для изучения финансовых результатов деятельности акционерных компаний, в значительной мере лишены этого своего значения. Даже при условии проведения громадной работы по приведению опубликованных балансов акционерных компаний к единой форме, подбивка итогов по всем или даже отдельным однородным группам предприятий может дать лишь крайне примерные, так сказать формально верные, данные. В русской акционерной статистике известен, строго говоря, лишь один опыт подобной работы, предпринятый в 1912—1915 гг. под руководством П. В. Оля (см. стр. 195). Наоборот, балансы отдельных акционерных компаний, в большинстве случаев имевших сравнительно стабильную форму, как правило, не вызывают трудностей при их сопоставлении за ряд лет. Однако правильная оценка финансового положения как совокупности акционерных предприятий, так и отдельных компаний возможна лишь при условии проверки и необходимой корректировки их балансов с помощью других источников, в первую очередь материалов их архивных фондов. Без такой проверки из опубликованных отчетных материалов компаний могут быть взяты лишь цифры основного капитала и дивиденда. Данные о капиталах, — принимая во внимание, что сам

⁶⁵ В. И. Ленин. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 306.

⁶⁶ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Сочинения, т. 22, 4-е изд., стр. 218.

факт публикации баланса может, конечно, рассматриваться как свидетельство действительного существования данной компании, — позволяют не только с достаточной полнотой определить общее число действующих на каждый год компаний и сумму их капиталов, но и проследить их динамику (важным дополнением балансов в этом отношении могут служить «обязательные объявления»). Кроме того, представляется возможным установить их распределение по отраслям деятельности и размерам капиталов. Наконец, при сопоставлении этих данных о действующих компаниях с аналогичными сведениями о всех предприятиях, получивших разрешение на открытие действий, удастся установить количественные отношения, существующие между ними. Данные о размерах дивиденда могут дать исследователю важные указания о положении денежного рынка в целом.

II

В статье «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике» В. И. Ленин указывал, что «первым недостатком ее является раздробление фабрично-заводской статистики между различными „ведомствами“ и отсутствие специального, чисто статистического учреждения, централизирующего соби́рание, проверку и обработку всех сведений о всех фабриках и заводах».⁶⁷ Это в полной мере относится и к организации акционерной статистики в России, характеризуя ее основную особенность. На упоминавшемся совещании акционерных статистиков при Редакции периодических изданий Министерства финансов в конце 1909 г. отмечалось: «Зачатки акционерной статистики есть во многих учреждениях, но контингент лиц, занятых ею, очень невелик, да и тот занимается ею попутно, наряду с массой других статистических, регистрационных и иных дел. Поэтому специализация в акционерной статистике ни одному учреждению не под силу».⁶⁸

Первым по времени возникновения и значению органом акционерной статистики являлась созданная в 1865 г. Редакция периодических изданий Министерства финансов. Статистическая деятельность Редакции до 1882 г. основывалась на материалах, отлагавшихся в акционерном делопроизводстве Департамента торговли и мануфактур, а с 1898 г. — на балансах, представлявшихся по закону 1885 г. к опубликованию в «Вестнике финансов, промышленности и торговли». В первом выпуске «Ежегодника Министерства финансов», вышедшем в августе 1869 г. под редакцией чиновника особых поручений Министерства финансов А. Б. Бу-

⁶⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, 5-е изд., стр. 29.

⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 394, л. 73.

шена, ею был впервые опубликован «Список акционерным обществам и товариществам на паях по порядку учреждения» с указанием их основных капиталов. Список включал 279 предприятий, учрежденных в 1799—1868 гг. Кроме того, была опубликована статистическая таблица, содержащая сведения о числе и сумме капиталов учрежденных, несостоявшихся и ликвидированных предприятий на каждый год по роду деятельности. В V выпуске «Ежегодника» список (554 предприятия) и таблица, содержащие сведения на 1 января 1874 г., были повторены. В последующих VI—XII выпусках, вышедших в 1875—1882 гг., были опубликованы списки вновь учрежденных в эти годы акционерных компаний и статистические таблицы о числе и сумме капиталов учрежденных, несостоявшихся и ликвидированных предприятий на каждый год (по 1881 г. включительно). Затем публикация сведений об акционерных компаниях была прекращена, по-видимому, в связи с неудовлетворительным характером принятой программы. С 1889 г. издание «Ежегодника» было прекращено до 1898 г.⁶⁹

В 1871 г., 1875—1879 гг., 1881 г. и 1883 г. списки русских учрежденных акционерных компаний, аналогичные печатавшимся в «Ежегоднике Министерства финансов» (но без итогов), публиковались также в другом ежегодном издании министерства — «*Annuaire des finances russes*», издававшемся под редакцией секретаря Ученого комитета Министерства финансов А. К. Веселовского. «*Annuaire*», рассчитанный на иностранных читателей, по своему содержанию почти не отличался от «Ежегодника».⁷⁰ Сличение списков «Ежегодника» со списками «*Annuaire*» убеждает в неполноте последних и значительном количестве ошибок в них. Между тем именно списки «*Annuaire*» были использованы Юрашеком (*Juraschek*) для расчета хронологической таблицы числа и суммы капиталов акционерных обществ, учрежденных в России в 1799—1881 гг., которая была опубликована в «Словаре государственных знаний» Лексиса и Конрада, вышедшем в Иене в 1898 г.⁷¹ При этом Юрашеком был допущен ряд грубых ошибок.⁷² В частности, он механически суммировал данные о капиталах акционерных предприятий в металлических и ассигнацион-

⁶⁹ Периодические издания Министерства финансов, 1865—1915. Прг., 1915, стр. 52—53.

⁷⁰ Там же, стр. 24, 27; *Annuaire des finances russes* par A. Vesselovsky. St. Pétersbourg, 1871—1883. Издание «*Annuaire*», распространявшегося всего до 60 экз. в год, в связи с его убыточностью было прекращено в 1884 г.

⁷¹ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, Erster Band. Zweite Auflage, Jena, 1898, стр. 235—240.

⁷² Из истории империализма в России, стр. 137.

ных рублях.⁷³ Таблица Юрашека была позднее воспроизведена в ряде русских статистических работ.⁷⁴

В 1894—1904 гг. Министерством финансов было предпринято издание статистического ежемесячника для иностранных читателей — «Бюллетень русской финансовой статистики и законодательства».⁷⁵ В 1898 г. в «Бюллетене» были напечатаны список всех учрежденных в России в 1799—1897 гг. акционерных компаний и таблица ежегодного номинального прироста суммы основных капиталов русских торгово-промышленных акционерных предприятий, опубликовавших свои уставы или объявивших об изменении размера капитала. В примечании к таблице указывалось, «что значительное число обществ никогда не функционировало и что многие другие в то или иное время прекратили их существование». Вследствие этого на 1899 г. итог суммы капиталов этой таблицы оказывался завышенным почти на 25%.⁷⁶ В последующем таблица в суммарном виде вошла в «Обзор деятельности акционерных предприятий в России»⁷⁷ и была положена в основу статистической деятельности Совета съездов горнопромышленников Юга России, из изданий которого она перешла в сборник «Мировые экономические кризисы»⁷⁸ и была использована в ряде других работ. При этом, однако, данные таблицы постепенно стали толковаться в совершенно ином качестве по сравнению с тем, как они были даны в «Бюллетене» (см. ниже, стр. 202). В других выпусках «Бюллетеня» (в частности, в 1899 г.) были опубликованы таблицы числа и суммы капиталов действующих акционерных обществ по отраслям; списки иностранных акционерных компаний, действующих в России, с указанием дат утверждения и изменения уставов, разрешения и открытия действий, местонахождения правлений и предприятий, капитала, числа и номинала акций и размера прибыли за последний отчетный год,⁷⁹

⁷³ Это было установлено Л. Вороновым еще в 1901 г. (см.: Л. Воронов. Иностранные капиталы в России. М., 1901, стр. 18).

⁷⁴ В том числе в «Обзоре деятельности акционерных предприятий в России», изданном в 1900 г. (см. ниже, стр. 190) и таком капитальном советском издании, как «Мировые экономические кризисы» (т. III, 1939, стр. 799).

⁷⁵ Bulletin russe de statistique financière et de législation. St. Pétersbourg, 1894—1904. Формально редактором-издателем выступал Г. Барбэ (de B. G. Barbet de Vaux). В продолжение всего времени его издания «Bulletin» печатался в типографии Министерства финансов.

⁷⁶ Там же, 1899, стр. 226.

⁷⁷ Вестник финансов, промышленности и торговли, 1900, № 29, стр. 105.

⁷⁸ Мировые экономические кризисы, т. III. 1939, стр. 802.

⁷⁹ Bulletin russe de statistique financière et de législation. St. Pétersbourg, 1899, стр. 324—343.

а также списки вновь учрежденных акционерных предприятий и сведения о дивидендах компаний по последним отчетам.⁸⁰

22 января 1885 г. издававшийся Редакцией «Указатель правительственных распоряжений по Министерству финансов» был преобразован в «Вестник финансов, промышленности и торговли», одной из задач которого становится публикация ежегодных балансов акционерных предприятий, «обязанных публичной отчетностью». Первым редактором «Вестника» был А. К. Веселовский, которого в 1891 г. сменил М. М. Федоров.⁸¹ С самого начала «Вестник», по характеристике В. И. Ленина, становится одной «из тех официальных газет, которые, сверх объявления распоряжений правительства, стараются восхвалять успехи русских капиталистов и превозносить заботы правительства о кошельке банкиров, фабрикантов, купцов и землевладельцев под флагом забот о народе».⁸² В связи с возрастанием числа действующих в России акционерных компаний и увеличением полноты поступления материала публикация балансов с 1 января 1886 г. была выделена в специальное приложение к «Вестнику», снабженное алфавитным указателем.

В 1895 г. в составе Редакции «Вестника финансов, промышленности и торговли» был образован особый так называемый Публикационный отдел «для регистрации отчетов, балансов и других публикаций предприятий, обязанных публичной отчетностью», и издания приложений к «Вестнику» — балансов государственных и частных кредитных учреждений, отчетов торговых и промышленных предприятий и свода тиражей. На отдел было возложено также «ведение подвижной статистики акционерного дела», которая велась им «по карточной системе».⁸³ «Постепенно расширяя и совершенствуя подвижную статистику акционерного дела», Публикационный отдел в 1895—1897 гг. получил возможность предпринять ряд сводных работ по статистике акционерных компаний. Первой из них было начатое в 1897 г. и законченное

⁸⁰ В последнем выпуске «Бюллетеня» за 1904 г. сведения об акционерных компаниях отсутствуют.

⁸¹ Позднее М. М. Федоров становится управляющим Отделом торговли Министерства финансов (с 1903 г.), затем первым министром торговли и промышленности. В 1910 г. Федоров меняет государственную службу на пост председателя совета Азовско-Донского банка и члена правлений ряда фирм (Исторические записки, т. 66, 1960, стр. 56).

⁸² В. И. Ленин. Новый фабричный закон. Полн. собр. соч., т. 2, изд. 5-е, стр. 272.

⁸³ Вестник финансов, промышленности и торговли, 1910, т. 1, стр. 4. В 1908 г. министр финансов отмечал, что «благодаря упорному труду в течение целого ряда лет, Редакции удалось поставить этот отдел на должную высоту» (ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 14, д. 102, л. 1).

в 1900 г. издание «Акционерного дела в России»⁸⁴ под редакцией М. М. Федорова. По мысли составителей, издание должно было «характеризовать, поскольку это доступно языку цифр, наше акционерное дело, его положительные и отрицательные качества»⁸⁵ за десятилетие 1885—1894 гг. Как следует из предисловия к изданию, в его «основание были положены отчеты предприятий, печатавшиеся в „Вестнике финансов, промышленности и торговли“, в том виде как они самими предприятиями предназначались для оглашения в печати». В интересах «целостности впечатления и бесспорности выводов» составители считали необходимым «с известною осторожностью пользоваться другими источниками для пополнения этого основного материала».⁸⁶ Вместе с тем была проделана необходимая работа по проверке полноты представленных балансов и пополнению недостающих, на что потребовалось около двух лет. При этом, естественно, более полными оказались данные за более ранние годы. Полученные материалы были сгруппированы в 18 отраслевых разделов: коммерческие банки; земельные банки; страховые общества; горнопромышленные, горнозаводские и механические предприятия; предприятия, обрабатывающие волокнистые вещества; химическое производство; предприятия по производству питательных веществ; сельскохозяйственное дело; животные продукты; лес; бумагомассное производство; типографское и издательское дело; минералы; смешанное производство; торговля; пароходное и транспортное дело; предприятия по благоустройству; железные дороги. Для каждой отраслевой группы акционерных предприятий была разработана единая форма баланса. На ее основе балансы каждого предприятия за десятилетие (или его часть, если предприятие не действовало в течение всего периода) были сведены в таблицу. По данным таблиц всех предприятий группы были составлены сводки по отрасли в целом. Таблицы и сводки составили II том издания. I том должен был включить «исторический очерк возникновения и развития акционерного дела в России» и «разработку... общих выводов». Кроме того, в приложении к I тому предполагалось дать составленный Редакцией «Вестника» «полный хронологический перечень предприятий акционерного типа, учрежденных в России в период 1837—1894 гг. включительно, с показанием времени их учреждения, капитала и последующих в них перемен, а также иностранных предприятий, допущенных к действию в России».⁸⁷

⁸⁴ Акционерное дело в России, т. 2, Статистика акционерного дела в России, вып. I—VII. СПб., 1897—1900.

⁸⁵ Там же, вып. I, стр. I.

⁸⁶ Там же, стр. II.

⁸⁷ Там же, стр. III.

Однако издание I тома не было осуществлено,⁸⁸ а намеченные к помещению в нем материалы остались неопубликованными. Часть их, по-видимому, была использована при подготовке Редакцией «Вестника финансов, промышленности и торговли» последующих работ, в частности «Обзора деятельности акционерных предприятий в России».⁸⁹

Издание «Обзора деятельности акционерных предприятий в России», включившего очерк истории акционерного учредительства в России с 1799 г. и ряд статистических разработок балансовых данных акционерных предприятий за десятилетие 1889—1898 гг.,⁹⁰ было связано с проводившейся в этот период Публичкационным отделом Редакции периодических изданий Министерства финансов разработкой сводного баланса⁹¹ акционерных предприятий за десятилетие 1889—1898 гг. В основу сводного баланса была положена отраслевая схема, отличающаяся от схемы «Акционерного дела в России». Кредитные, страховые и железнодорожные акционерные компании из сводного баланса вообще исключались. Остальные предприятия разделялись на 14 основных разделов (групп): волокнистая, химическая, бумагомассная, горнопромышленная, металлическая, керамическая, сельскохозяйственная, лесная, питательная, животная, торговая, перевозочная, по благоустройству городов и смешанная.⁹² В свою очередь, каждая группа подразделялась на более мелкие отраслевые разделы.

В 1898 г. был возобновлен по новой программе раздел акционерной статистики в «Ежегоднике Министерства финансов». В первом вышедшем после перерыва под редакцией М. М. Федорова выпуске «Ежегодника» была опубликована сводная таблица балансовых данных акционерных предприятий по отраслям за 1896—1897 операционный год (без итогов),⁹³ положенная затем в основу всей акционерной статистики «Ежегодника». В следующем выпуске был дан подготовленный к этому времени Публичкационным отделом сводный баланс по отдельным отраслям за де-

⁸⁸ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 394, л. 68.

⁸⁹ Вестник финансов, промышленности и торговли, 1900, № 29, стр. 103—108; № 30, стр. 166—175.

⁹⁰ В 1896 г. была напечатана аналогичная «Обзору» «Статистика акционерно-промышленного дела» за 1894—1895 гг. (там же, 1896, № 35, стр. 567—569).

⁹¹ Здесь и в дальнейшем изложении под «сводным балансом» имеется в виду таблица итогов балансовых статей отдельных отраслевых групп акционерных предприятий.

⁹² Балансы страховых компаний и банков после возобновления издания «Ежегодника Министерства финансов» были выделены в нем в специальные разделы.

⁹³ Ежегодник Министерства финансов, вып. 1898 г., СПб., 1899, стр. 660—703.

сятилетие 1888—1897 гг.⁹⁴ Начиная с выпуска 1900 г. программа раздела акционерной статистики «Ежегодника» объединила сводный баланс акционерных предприятий по отраслям за истекшее десятилетие и сводную таблицу балансовых данных за последний год (по отраслям с итогами).⁹⁵ Однако уже с выпуска 1906 г. Редакция «Ежегодника» была вынуждена отказаться от публикации сводного баланса за истекшее десятилетие, а с 1911 г. — также и итогов по отраслям за последний год,⁹⁶ по-видимому, в связи с неполнотой представления балансов и несводимостью данных по части статей. С выпуска 1914 г. в сводную таблицу стали включаться данные о числе предприятий и итоги по счетам капиталов, прибыли и дивиденда по каждой отрасли за последние три года. Еще раньше таблицы стали снабжаться алфавитными указателями. Следует отметить, что в связи с окончанием рядом предприятий отчетного года в середине календарного статистические данные «Ежегодника» относятся не на начало, а на первую половину каждого года. В последнем выпуске «Ежегодника» 1916 г., изданном в 1917 г., была опубликована сводная таблица балансовых данных акционерных компаний по состоянию на 1914/15 г. с данными о числе предприятий и итогами по счетам капиталов, прибыли и дивиденда за 1912, 1913 и 1914 гг. и на 1 ноября 1916 г. В алфавитном указателе акционерных предприятий, приложенном к этому выпуску, дан полный перечень действующих компаний, в том числе и тех, балансов которых не имелось в Публикационном отделе и которые поэтому не вошли в сводную таблицу. Однако число этих пропущенных предприятий и сумма их капиталов вошли в итоги на 1 ноября 1916 г.

Акционерная статистика «Ежегодника» Министерства финансов является единственной по своей систематичности, охватывая почти 30-летний период конца XIX—начала XX в.

Поскольку данные акционерной статистики «Ежегодника» получили наиболее широкое распространение в научной литературе, необходимо более подробно остановиться на некоторых их особенностях. Главной задачей «Ежегодника» была организация теку-

⁹⁴ Там же, вып. 1899 г., СПб., 1900, стр. 732—793.

⁹⁵ Группировка предприятий по отраслевым разделам в ежегодных сводных таблицах балансовых данных производилась главным образом «на основании уставов предприятий; чем же предприятия занимаются в действительности, этого иногда нельзя узнать даже и по отчетам», — отмечала в 1909 г. Редакция «Ежегодника». В связи с этим Редакция стала практиковать обращение «непосредственно к предприятиям с предложением, чтобы каждое из них указало, какое производство оно считает для себя основным» (ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 394, л. 68).

⁹⁶ До 1910 г. в сводных таблицах балансовых данных отдельно выделены итоги по предприятиям, балансы которых — вследствие запоздания в опубликовании — относятся к более поздним датам, чем все остальные.

щей статистики акционерных компаний. Однако ее выполнение значительно осложнялось неполным и, главное, несвоевременным поступлением балансов. Предпринимавшиеся Публикационным отделом меры к получению недостающих балансов через казенные палаты и путем обращения к самим предприятиям в большинстве случаев были безрезультатны.⁹⁷ Вследствие этого нередко имели место случаи включения в сводную таблицу предприятий, не представивших балансов в установленные сроки, с соответствующими пропусками в графах балансовых счетов. По принятому порядку полученные Редакцией «Вестника финансов, промышленности и торговли» балансы сводились Публикационным отделом лишь раз в год и только после опубликования их в «Вестнике».⁹⁸ Это, естественно, в свою очередь задерживало использование вновь поступающих балансов для пополнения статистических сводок. Наконец, должно быть также принято во внимание, что из сводок «Ежегодника» систематически выпадали данные о всех вновь организованных предприятиях, не закончивших еще первого операционного года.⁹⁹ Однако степень неполноты данных «Ежегодника» не оставалась постоянной. В периоды «нормального», устойчивого по темпам, акционерного учредительства (для периода после 1900 г.: 20—40 обществ в год) Публикационный отдел имел реальные возможности для контроля полноты поступления балансов предприятий и их пополнения, а неполнота данных о вновь возникших обществах была не только незначительна по сравнению с общим итогом, но и фактически не влияла на динамику изменения этих итогов. Иначе обстояло дело в периоды подъема акционерного учредительства, например в конце 90-х годов, когда число новых компаний доходило до 130 в год (в 1898 г., например, возникло только русских 132 общества с капиталом около 150 млн руб.), а значительная часть старых компаний увеличила свои капиталы. В этих условиях Публикационный отдел оказывался не в состоянии обеспечить полноту поступления и включения в сводки «Ежегодника» балансов обществ. Выпадение или внесение в сводки вновь возникших предприятий с запозданием — нередко на 3—4 года — уже очень существенно сказывалось на общих итогах. В результате данные сводного баланса за периоды подъема учредительства оказывались не только суще-

⁹⁷ В 1910 г. В. И. Шарый отмечал, что «опыты обращения к любезности русских предприятий, предпринимавшиеся и Редакцией „Вестника финансов“, и частными исследователями, давали до сих пор самые печальные результаты» (Вестник финансов, промышленности и торговли, 1910, № 5, стр. 201).

⁹⁸ Там же, 1910, т. I, стр. 10.

⁹⁹ Неполноту данных «Ежегодника» отмечает, в частности, С. Г. Струмилин, использовавший их в своей работе «Проблемы промышленности капитала в СССР» (М.—Л., 1925, стр. 5).

ственно заниженными, но и, вследствие этого, не сопоставимыми с данными других периодов. Иными словами, данные о новых компаниях, включаемые в сводки с запозданием, снижали итоги за годы подъема акционерного учредительства и повышали их в годы относительного снижения темпов учредительства, непосредственно следующие за годами подъема. Сказанное подтверждается, например, тем, что за 1901—1902 гг. данные «Ежегодника» показывают возрастание числа только торговопромышленных обществ на 157 и капиталов на 254 млн руб., в то время как в действительности в эти годы возникло всех обществ 113 с суммой капитала 107 млн руб.¹⁰⁰ Это объясняется тем, что «Ежегодник» не учел вовремя акционерные компании, возникшие в 1898—1900 гг., а показал их лишь в 1901—1902 гг. В самом деле, если сопоставить данные о действительном приросте числа обществ и суммы их капиталов за весь период 1898—1902 гг. с данными «Ежегодника», то они в общем совпадают.

С начала 1893 г. в составе периодических изданий Министерства финансов выделилась «Торгово-промышленная газета». Создание нового ежедневного органа было в первую очередь связано с тем, что ни «Вестник финансов, промышленности и торговли», ни затем «Ежегодник Министерства финансов» не удовлетворяли потребностей в действительно оперативной информации, в том числе в области акционерного дела. В газете создаются специальные отделы: «Акционерные компании и кооперативные товарищества», «Хроника акционерного дела», «Справочный отдел». К 1910 г. Публикационный отдел, по мнению Редакции периодических изданий Министерства финансов, достиг «возможности держать читателей газеты в курсе всех важнейших событий в жизни каждого акционерного предприятия».¹⁰¹ В разделе «Акционерные компании и кооперативные товарищества» систематически помещались «списки всех отчетных предприятий — организующихся, открывающих действия, изменяющих размер основного капитала и другие важнейшие параграфы устава, а также выдающих дивиденд (с указанием размера и времени выдачи его), сведения о результатах годовых операций крупных отчетных предприятий, списки тиражей, оплат процентных бумаг и купонов, списки всех предстоящих общих собраний акционеров, пайщиков, кредиторов и пр.».¹⁰² В «Хронике акционерного дела» публиковались отчеты об общих собраниях акционеров крупнейших акционерных компаний и итогах операций этих предприятий за

¹⁰⁰ Из истории империализма в России, стр. 143, таблица I г; Ежегодник Министерства финансов, вып. 1905 г., СПб., 1906, стр. 172—173.

¹⁰¹ Вестник финансов, промышленности и торговли, 1910, т. I, стр. 10.

¹⁰² Периодические издания Министерства финансов, 1865—1915, стр. 99, 102.

год. Краткие сведения о некоторых акционерных обществах приводились в «Справочном отделе». С самого начала «Торгово-промышленная газета» являлась одним из основных органов, публиковавшим «обязательные объявления», а также балансы столичных и наиболее крупных провинциальных акционерных предприятий. С апреля 1917 г. газета становится обязательным органом публикации этих объявлений для всех акционерных обществ (см. стр. 176). Материалы «Торгово-промышленной газеты» являются основным печатным источником сведений об обществах, открывавших действия в течение 1917 г. и не успевших опубликовать свои отчеты. В годы войны редакция газеты организовала единственную в русской акционерной статистике разработку месячных сводок о числе и капитале торгово-промышленных акционерных предприятий, получивших разрешение на открытие операции в 1913—1916 гг. и за 9 месяцев 1917 г. В сводном виде эти данные были опубликованы в 1917 г. в журнале «Промышленность и торговля».¹⁰³

В 1910 г. Редакция периодических изданий Министерства финансов, учитывая отсутствие в печати сводных сведений об акционерных предприятиях, открывших действия в течение того или иного года, приступила к публикации в своем издании «Обзоры главнейших отраслей промышленности и торговли»¹⁰⁴ соответствующих статистических данных. Источником для их получения послужили объявления акционерных компаний, напечатанные в «Вестнике финансов», «Правительственном вестнике», «Петербургских ведомостях», «Московских ведомостях» и в основных провинциальных газетах. Редакция считала, что публикуемые данные «весьма близки к действительности», поскольку «едва ли такая крупная единица торгово-промышленного оборота, как акционерная компания, сможет пыле обойтись, в особенности на первых же порах своей деятельности, без объявлений, реклам и т. п. услуг повременной печати».¹⁰⁵ Кроме того, Редакция специально отмечала тщательность просмотра объявлений Публикационным отделом. В вышедших выпусках «Обзоров» были опубликованы данные о числе и капиталах открывших действия русских и иностранных торгово-промышленных акционерных компаний начиная с 1903 г. и о их распределении по отраслям, национальности и размерам акций за 1—2 последние года.¹⁰⁶ Там же,

¹⁰³ Промышленность и торговля, 1917, № 4, стр. 99; № 42—43, стр. 297.

¹⁰⁴ Периодические издания Министерства финансов, 1865—1915, стр. 78—79; с 1914 г. издание реорганизовано в финансово-экономический ежегодник «Народное хозяйство».

¹⁰⁵ Обзоры главнейших отраслей промышленности и торговли за 1910 г. СПб., 1911, стр. 46.

¹⁰⁶ Вместе с тем те же данные публиковались на страницах «Вестника финансов, промышленности и торговли».

по данным канцелярии Совета министров, приводятся аналогичные сведения относительно учрежденных акционерных компаний. В выпусках 1916 г. были опубликованы сведения о числе и капиталах открывшихся предприятий за 1913—1917 гг.¹⁰⁷

В 1912—1915 гг. «Вестник финансов, промышленности и торговли» совместно с «Торгово-промышленной газетой» под руководством П. В. Оля предпринимают уникальное в русской акционерной статистике издание, представляющее собой сводную таблицу балансовых данных всех русских и иностранных компаний и сводные балансы по итогам 1911/12 операционного года по отраслям и 10 районам.¹⁰⁸ В основу классификации предприятий по отраслям была положена несколько измененная (16 групп и 15 подгрупп; добавлены кредитные и страховые предприятия) группировка «Ежегодника Министерства финансов». Для того чтобы получить «вполне пригодный статистический материал», автор пытался «продолжительным опытным путем» выработать «нормальный» баланс, «в рамки которого улеглись бы, после некоторой бухгалтерской переработки, если не все, то большинство публикуемых в „Вестнике финансов“ балансов предприятий, обязанных публичной отчетностью».¹⁰⁹ Следует признать, что в рамках возможностей, обусловленных низким качеством акционерных балансов, П. В. Оль успешно справился с поставленной задачей. Статистические данные снабжены детальными комментариями. Беспрепятственный доступ ко всем необходимым материалам Редакции и достаточный срок для их пополнения позволили Олю добиться исключительной полноты этой работы.

Редакция периодических изданий Министерства финансов внесла наиболее существенный вклад в дело организации русской акционерной статистики. Ее заслугой является создание основного организационного центра акционерной статистики — Публикационного отдела, организация систематического сбора первичного статистического материала (балансы и различного рода объявления акционерных компаний) и его периодическая публикация на страницах «Вестника финансов, промышленности и торговли» и «Торгово-промышленной газеты», организация в «Ежегоднике Министерства финансов» единственной в России систематической текущей акционерной статистики, разработка отрасле-

¹⁰⁷ Народное хозяйство в 1916 г., вып. 2, Пгр., 1920, стр. 81—84; вып. VII, Пгр., 1922, стр. 155—157.

¹⁰⁸ С 1913 г. указанные материалы стали печататься на страницах «Вестника финансов, промышленности и торговли», а затем были опубликованы отдельным изданием: П. В. Оль. Статистика акционерных обществ и паевых товариществ, обязанных публичной отчетностью, за 1911/12 год. СПб., 1915.

¹⁰⁹ Там же, стр. III.

вой классификации торгово-промышленных предприятий и первой единой формы для балансовых сводок и проведение дальнейшей работы по их совершенствованию. Но основной заслугой Редакции периодических изданий является то, что ею было положено начало русской акционерной статистики вообще.

Статистическая деятельность Редакции была дополнена рядом изданий регистрационных органов — учреждений, ведавших рассмотрением уставов акционерных предприятий и осуществлявших контроль за их деятельностью. В отличие от Редакции, основное внимание регистрационных учреждений, главным образом Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов, было направлено не на организацию текущей акционерной статистики, уже по своему существу не всегда полной, а на максимально полный учет действующих акционерных предприятий на определенные даты и подготовку сводок основных данных о них (учитывая, однако, опыт работы «Ежегодника», не ставились задачи публикации и сведения всех счетов акционерных балансов). Таким образом, работы регистрационных учреждений не только становились ценным дополнением акционерной статистики Редакции периодических изданий Министерства финансов, но и должны были дать материал для ее корректировки. В основу этих работ были положены материалы, отложившиеся в регистрационном делопроизводстве, а также данные специально организованных анкетных обследований.

Первым опытом такой работы было издание еще в 1894 г. Департаментом торговли и мануфактур «Сведений об акционерных компаниях, обществах взаимного страхования и биржевых артелях, действовавших в России в 1891—1892 операционных годах». Вследствие смещения акционерных компаний со всеми другими предприятиями, обязанными публичной отчетностью,¹¹⁰ и обилием ошибок или опечаток (даже в немногих итоговых таблицах) издание оказалось неудачным и по существу не имеет значительной научной ценности.

В связи с подготовкой к столетнему юбилею Министерства финансов, который намечалось отметить в 1902 г., вопрос о полном учете всех действующих в России акционерных компаний был поднят снова. Учитывая неудачный опыт подготовки издания 1894 г., министр финансов С. Ю. Витте предложил А. И. и

¹¹⁰ По закону «отчетными предприятиями» признавались «основанные на акционерных, паевых или иных долевых и взаимных началах предприятия, действующие на основании уставов или заменяющих оные правил и составляющие отчеты о своих операциях, утверждаемые общими собраниями акционеров, пайщиков или соответствующими им органами. К отчетным предприятиям относятся также кредитные установления, принадлежащие городским, земским, общественным и сословным учреждениям. а равно учреждения мелкого кредита» (ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 9, д. 366, л. 234).

В. А. Дмитриевым-Мамоновым провести эту работу частным образом по программе, согласованной с Министерством финансов, при его содействии и финансовой поддержке. Имелось в виду подготовить фундаментальное издание, включающее все основные справочно-статистические сведения о действовавших в России на 1902 г. акционерных компаниях (за 3—5 истекших года), без попытки унификации формы балансов и подведения итогов балансовых данных.¹¹¹ Работа была начата в 1900 г. и опубликована в 1903 г. (фактически в самом конце 1902 г.) тиражом 6,5 тыс. экземпляров по следующей программе: 1) название предприятия, 2) время открытия действий, 3) местонахождение правления, 4) состав администрации, 5) назначение предприятия по уставу, 6) перечень правительственных распоряжений, относящихся к каждому предприятию, 7) капиталы предприятия, 8) число, номинальная и биржевая цена акций и размер дивиденда за последние 5 лет, 9) облигации, 10) основные участники предприятий, имеющих именные акции, 11) операционный год, 12) общие собрания, 13) порядок распределения прибыли по уставу, 14) оборот по основным счетам за последние 5 лет, 15) баланс за последний отчетный год.¹¹² В основу работы были положены материалы почти всех регистрационных учреждений, в том числе Особенной канцелярии Министерства финансов по кредитной части. Впоследствии издатели специально отмечали, что их сотрудники были допущены к материалам Министерства финансов «более чем секретного» характера.¹¹³ Значительная часть работы вообще была выполнена министерством. К «Указателю» приложены таблица распределения сумм основных капиталов действующих на 1902 г. предприятий, по отраслям и производствам, и хронологическая таблица возникновения русских и иностранных акционерных компаний (раздельно).

Выход «Указателя» был широко отмечен прессой. Рецензенты квалифицировали его «как лучшее справочное издание»,¹¹⁴ труд «не только не имеющий себе равного в нашей, правда весьма небогатой, литературе статистики акционерного дела..., но и могущий выдержать сравнение с наилучшими заграничными изданиями этого рода». Отмечалось, в частности, что сведения «Указателя» «точны, полны» и «доведены до 1 декабря 1902 г.»¹¹⁵

¹¹¹ Введение единой формы балансов и подведение итогов балансовых данных, предполагавшиеся во втором издании, осуществлено не было (ЦГИАЛ, ф. 22, оп. 1, д. 1238, л. 5).

¹¹² Там же, лл. 17—19, 41; Указатель действующих в империи акционерных предприятий. СПб., 1903.

¹¹³ ЦГИАЛ, ф. 22, оп. 1, д. 1238, л. 4.

¹¹⁴ Промышленный мир, 1902, 31 декабря.

¹¹⁵ Биржевые ведомости, 1903, 2 января.

Предполагавшееся первоначально превращение «Указателя» в периодическое издание не было осуществлено.¹¹⁶ В связи с заприятием В. А. Дмитриеву-Мамонову с начала 1904 г. пользоваться материалами регистрационных учреждений, в 1905 г. он предпринял второе издание «Указателя», а затем два стереотипных издания (последнее в 1908 г.), в основной части по старой программе и на основе старых данных.

В 1909—1911 гг. Отдел торговли Министерства торговли и промышленности самостоятельно приступил к подготовке «сборников с главнейшими сведениями о каждом существующем в империи предприятии».¹¹⁷ К числу таких сведений относились: 1) род деятельности и район операций компании, 2) время утверждения устава или допущения к производству операций в России, 3) время открытия действия или учреждения ответственного агентства, 4) количество, род и нарицательная цена акций и паев и 5) размеры: а) основного капитала, б) полученной в последнем отчетном году прибыли или убытка и в) выданного дивиденда». Кроме того, указывалась стоимость имущества. Данные о капиталах (для русских предприятий — о всех их видах) и прибылях компаний брались «из последних отчетов их, утвержденных общими собраниями и опубликованными в „Вестнике финансов, промышленности и торговли“». Таким образом, опоздание в опубликовании отчетов не отразилось на полноте издания. При этом отчеты в целях установления однородного характера данных были «подвергнуты некоторым видоизменениям».¹¹⁸ В качестве источников, помимо опубликованных балансов, были использованы «материалы, имеющиеся в Министерстве торговли и промышленности, данные, почерпнутые в других ведомствах...», а также сведения, доставленные Отделу торговли биржевыми комитетами, казенными палатами и правлениями самих акционерных компаний».¹¹⁹ В основу группировки была положена отраслевая классификация «Ежегодника Министерства финансов» (для горной и некоторых других групп детализированная). По каждой группе и подгруппе дан общий итог капиталов (по видам), стоимости имущества и прибыли. Вышедший в 1911 г. первый сборник включал данные о предприятиях, опубликовавших свои отчеты

¹¹⁶ В. А. Дмитриев-Мамонов был обвинен в применении «репрессивных мер к побуждению акционерных обществ давать в „Указателе“ дополнительные сведения за особую плату» (200 руб. за страницу). В связи с этим в январе 1904 г. издание «Указателя» было официально объявлено частным предприятием (ЦГИАЛ, ф. 22, оп. 1, д. 1238, лл. 3, 61—64).

¹¹⁷ Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. СПб., 1911, стр. III.

¹¹⁸ Там же, стр. V.

¹¹⁹ Там же, стр. III; ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 14, д. 316, л. 24.

или только открывших действия к 1 апреля 1911 г. В 1914 г. вышел второй сборник, учитывавший данные о предприятиях, опубликовавших отчеты к 1 января 1914 г. или открывших действия к 1 мая 1914 г.¹²⁰ Тираж сборников был установлен в 2000 экземпляров.¹²¹

Важное место среди статистических работ регистрационных учреждений принадлежит Департаменту окладных сборов, разработавшему в связи с пересмотром «Положения о государственном промысловом налоге» статистические сведения о числе, сумме основных капиталов и податной прибыли (или убытке) всех отчетных предприятий с 1902—1902/3 по 1906—1906/7 отчетные годы.¹²² Материалом для составления сведений послужили журналы общих присутствий казенных палат по проверке отчетов акционерных и других предприятий, подлежащих уплате налога с капитала и процентного сбора с прибыли.¹²³ Статистические сведения представлены в виде 31 таблицы по видам и отраслям деятельности подотчетных предприятий и сводной таблицы по всем предприятиям. Подобная организация данных в основном позволяет выделить акционерные компании из общей массы отчетных предприятий. Сведения Департамента окладных сборов были затем рассмотрены в статьях А. Берга.¹²⁴

Наконец, необходимо отметить деятельность в области акционерной статистики Комитета министров, а с 1905 г. — Совета министров. В 1902 г. в изданном в связи со столетием деятельности Комитета министров обзоре его деятельности были приведены данные о числе и капиталах разрешенных к учреждению или открытию операций русских и иностранных акционерных компаний, а также о сумме разрешенного увеличения капитала действующими компаниями за 1894—1901 гг. и 8 месяцев 1902 г., составленные на основании архивных материалов об утверждении и изменении уставов акционерных предприятий.¹²⁵ С 1910 г. данные о числе и сумме капиталов разрешенных в истекшем году компаний стали включаться в периодически составляемые канцелярией Совета министров «Статистические сведения о финансовом и эконо-

¹²⁰ Динамике развития акционерных компаний в период между выходом в свет обоих выпусков посвящена статья «Акционерные компании с 1911 по 1914 г.» (Вестник финансов, промышленности и торговли, 1914, № 44, стр. 149—158).

¹²¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 14, д. 316, л. 1.

¹²² Статистические материалы к проекту об изменении Положения о государственном промысловом налоге. СПб., 1909; ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 9, д. 366, лл. 285—337.

¹²³ Статистические материалы..., стр. 1.

¹²⁴ Вестник финансов, промышленности и торговли, 1910, № 6, стр. 241—247; № 9, стр. 381—386; № 15, стр. 50—58.

¹²⁵ Исторический очерк деятельности Комитета министров, т. V. СПб., 1902, стр. 119—122.

номическом положении России»,¹²⁶ воспроизводившиеся типографским способом, но предназначавшиеся исключительно для служебного пользования. Как уже упоминалось и как будет показано ниже, данные Совета министров об учреждении (утверждении уставов) акционерных предприятий вошли в качестве составной части в основные статистические разработки.

Возникновение частной акционерной статистики относится к концу 90-х годов и было связано с резким подъемом акционерного учредительства в этот период. Пионером выступил один из чиновников Министерства путей сообщения Н. Е. Пушкин.¹²⁷ В 1896 г. им была задумана подготовка и выпуск с 1898 г. «Ежегодника акционерного дела» «с целью систематического объединения и разработки данных, определяющих: историю развития, характер и условия деятельности, материальное положение и финансовое состояние акционерных предприятий России».¹²⁸ Начало новому изданию было положено опубликованием в 1897—1901 гг. четырех выпусков «Статистики акционерного дела в России»,¹²⁹ задачей которых было дать основные справочные сведения о всех без исключения действующих в стране акционерных компаниях. Однако вследствие выявившихся трудностей сбора необходимых сведений (особенно в отношении современных данных о предприятиях) выход в свет 4-го выпуска, задуманного как наиболее полного по программе, затянулся до 1901 г. В связи с возобновлением к этому времени издания «Ежегодника Министерства финансов», началом работы В. А. Дмитриева-Мамонова и убыточностью издания, Пушкин был вынужден отказаться от продолжения работы. При подготовке издания составителем были просмотрены начиная с 1827 г. «Полное собрание законов», «Собрание узаконений и распоряжений правительства», объявления акционерных компаний, напечатанные в «Правительственном вестнике» и других газетах, и отчетные материалы акционерных предприятий, опубликованные в «Вестнике финансов, промышленности и торговли».¹³⁰ Для пополнения этих источников Пушкин впервые обратился «к любезности русских предприятий»,¹³¹ которых в предисловии к 3-му выпуску «заранее благодарил» за возможное желание «помочь ему в этом кропотливом труде своими сведениями и указаниями».¹³² Благо-

¹²⁶ Обзоры главнейших отраслей промышленности и торговли за 1910 г. СПб., 1911, стр. 46; ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 6, д. 133, лл. 82—85.

¹²⁷ ЦГИАЛ, ф. 229, оп. 10, д. 2418.

¹²⁸ Н. Е. Пушкин. Статистика акционерного дела в России, вып. 1. СПб., 1897, стр. III.

¹²⁹ Программу издания см.: там же.

¹³⁰ Там же, вып. 4. СПб., 1901, стр. 1.

¹³¹ Вестник финансов, промышленности и торговли, 1910, № 5, стр. 201.

¹³² Н. Е. Пушкин, ук. соч., вып. 3. СПб., 1898, стр. III.

дарность, однако, в отношении громадного большинства предприятий оказалась совершенно напрасной. В предисловии к 4-му выпуску издатель должен был отметить «небрежное отношение к запросам редакции» или даже «противодействие» со стороны опрашиваемых фирм. Лишь «после пяти лет упорного труда» Пушкину удалось «составить по однородной для всех предприятий форме более или менее подробные описания, характеризующие материальное и финансовое положение, коммерческую деятельность и техническое устройство каждой из действующих в России компаний», которые затем «были разосланы в подлежащие управления для окончательной проверки и пополнения».¹³³ Только на собрание данных за 1901 г. о вновь возникших акционерных предприятиях (для 4-го выпуска) Пушкин должен был потратить год. Но, несмотря на все трудности, ему удалось, в частности, составить достаточно полную статистическую таблицу числа и суммы капиталов действовавших на 1901 г. акционерных предприятий, сгруппировав их по отраслям, месту нахождения управлений и размерам капиталов.¹³⁴ Кроме того, Пушкиным была составлена «Историческая справка» о времени возникновения действовавших в 1897 г. русских и иностранных компаний.¹³⁵

Начиная с 1899 г. статистикой акционерного дела в России стало заниматься созданное в 1897 г. Статистическое бюро одной из крупнейших предпринимательских организаций — Съездов горнопромышленников Юга России.¹³⁶ Результаты работы были опубликованы в нескольких специальных выпусках.¹³⁷ В качестве основной задачи акционерной статистики намечалось «произвести учет основного капитала акционерных и паевых предприятий за возможно больший период, доведя этот учет до последнего года, и указать роль и значение горной и заводской промышленности в общем развитии акционерного дела в России».¹³⁸ В целях решения первой части задачи была использована таблица ежегодного номинального прироста суммы основных капиталов русских тор-

¹³³ Там же, вып. 4, стр. 2.

¹³⁴ Там же, стр. 459—478.

¹³⁵ Там же, вып. 2, СПб., 1897, стр. 183—184.

¹³⁶ XXX-летие съездов горнопромышленников Юга России. Харьков. 1905, стр. 3; Л. Яснопольский. «Акционерная компания». Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. I, стр. 809; Статистика акционерного дела в России, вып. 1, Харьков, 1900, стр. I. О том большом значении, которое придавалось статистической деятельности бюро, можно судить по тому, что его возглавляли такие видные деятели съездов горнопромышленников Юга России, как А. Миленков — до 1899 г., И. С. Авдаков — 1900—1906 гг. и Н. Ф. Дитмар — с 1907 г.

¹³⁷ Статистика акционерного дела в России. Харьков, вып. 1—2, 1900; вып. I, 1907; вып. II, 1908.

¹³⁸ Там же, вып. 1, стр. I.

гово-промышленных акционерных предприятий, опубликовавших свои уставы или объявивших об изменении размера капитала, заимствованная из «Бюллетеня русской финансовой статистики и законодательства».¹³⁹ При публикации этой таблицы в сборниках «Статистика акционерного дела в России» оговаривалось только, что в нее вошли «данные о величине основного капитала акционерных предприятий, разрешенных за период времени 1799—1899 гг.».¹⁴⁰ Таким образом, оставалось не ясным, что таблица не включает данных, во-первых, об иностранных акционерных предприятиях, получивших разрешение на производство операций в России, и, во-вторых, о русских железнодорожных и кредитных компаниях. Кроме того, нигде не оговаривалось, что значительные суммы капиталов, разрешенных к реализации, фактически никогда не были реализованы. Для последующих лет (1900—1907 гг.) Статистическим бюро «был выяснен для каждого года прирост новых предприятий и общей суммы их основного капитала; затем был произведен подсчет в скольких уже разрешенных к действию предприятиях увеличен или уменьшен основной капитал и на какую сумму».¹⁴¹ При этом в учет вошли как русские, так и иностранные предприятия. До 1900 г. был произведен лишь учет прироста капиталов, а для периода после 1900 г. (во всяком случае по 1907 г.) — прироста капиталов и числа акционерных предприятий, изменивших свои капиталы, возникших вновь или ликвидированных. Поскольку Статистическое бюро строило свои вычисления в первую очередь «на основании материала, находящегося в „Собрании узаконений и распоряжений правительства“»,¹⁴² т. е. на основании данных об утверждении и изменении уставов компаний, в значительной части не реализованных, следует предположить, что и данные за 1900—1907 гг. характеризуют лишь номинальный прирост капиталов. Последнее, однако, достаточно ясно пояснено не было. Наоборот, из пояснительного текста создается впечатление, что составители «Статистики акционерного дела в России» рассматривают данные таблицы за 1799—1907 гг. как фактически осуществившийся прирост капиталов, сравнивая, например, «величину прироста акционерного и паевого капитала за полугодие 1900 г. с общей суммой такового капитала в России».¹⁴³ Есть основания полагать также (в пояснениях к таблице это ясно не оговорено), что данные о ежегодном «приросте»

¹³⁹ Bulletin russe de statistique financière et de législation. 1899, №№ 4—6, стр. 226; см. стр. 187.

¹⁴⁰ Статистика акционерного дела в России, вып. 1, 1900, стр. 27; вып. I, 1907, стр. VII.

¹⁴¹ Там же, вып. I, 1907, стр. III.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же, вып. 2, 1900, стр. 18.

капиталов включают как акционерно-паевые, так и облигационные капиталы.¹⁴⁴ Вследствие указанных ошибок и неясностей таблица ежегодного номинального прироста суммы основных капиталов при воспроизведении ее в сборнике «Мировые экономические кризисы» была озаглавлена «Прирост основного капитала акционерных обществ и паевых товариществ»¹⁴⁵ и в таком неясном качестве была использована в ряде последующих исследований. После 1907 г. данные, аналогичные включенным в «Статистику акционерного дела в России», в сводках по четвертям года публиковались в журнале «Горнозаводское дело».¹⁴⁶

В 1907 г. работа в области акционерной статистики была начата Статистическим бюро созданной в 1906 г. всероссийской предпринимательской организации — Совета съездов представителей промышленности и торговли.¹⁴⁷ В 1908 г. журнал Совета съездов «Промышленность и торговля», охарактеризованный В. И. Лениным как «орган наших сатрапов промышленного капитала»,¹⁴⁸ в качестве одной из «главных задач» новой организации называл «выяснение прибыльности русских акционерных предприятий».¹⁴⁹ В этих целях Статистическим бюро была начата «разработка соответственных данных, напечатанных в „Вестнике финансов“,»¹⁵⁰ которые, по-видимому, и были положены в основу работы. Уже в 1908 г. на основе полученных материалов в «Промышленности и торговле» появляются три статьи о прибыльности действовавших в России акционерных предприятий за 1901—1905 гг.¹⁵¹ В 1912 г. Статистический отдел «закончил сводку данных о русских акционерных предприятиях за время с 1901 по 1909 год включительно»,¹⁵² в основу которой была положена отраслевая классификация компаний, подобная принятой в Ежегоднике Министерства финансов». В том же году во вновь введенном в журнале разделе «Акционерная статистика» были опубликованы списки акционерных компаний по отраслям с таблицами состояния капиталов и

¹⁴⁴ Это подтверждается, например, сравнением данных таблицы о приросте капиталов за 1893 и 1895 гг. с данными, приводимыми в «Обзоре деятельности акционерных предприятий в России» (Вестник финансов, промышленности и торговли, 1900, № 30, стр. 168).

¹⁴⁵ Мировые экономические кризисы, т. III. 1939, стр. 802.

¹⁴⁶ Отчет Совета съездов XXXIX съезду горнопромышленников Юга России за 1913—1914 отчетный год. Харьков, 1914, стр. 131.

¹⁴⁷ Промышленность и торговля, 1908, № 3, стр. 140.

¹⁴⁸ В. И. Ленин. Как увеличить размеры душевого потребления в России? Сочинения, т. 19, 4-е изд., стр. 261.

¹⁴⁹ Промышленность и торговля, 1908, № 3, стр. 140.

¹⁵⁰ Там же, 1912, № 2, стр. 68—73.

¹⁵¹ Финансы русских акционерных предприятий в пятилетие 1901—1905 гг. (Промышленность и торговля, 1908, № 3, стр. 139—142, 413—419); П. О. Финансовое положение акционерных предприятий в России (там же, т. II, стр. 126—135).

¹⁵² Промышленность и торговля, 1912, № 2, стр. 68.

доходности предприятий каждой группы в целом за 1901—1909 гг.,¹⁵³ а затем за 1901—1910 гг. В 1913—1914 гг. были опубликованы такие же таблицы за 1902—1911 гг. и начата публикация таблиц за 1904—1913 гг. Одновременно, с 1912 г., Статистическим бюро начал выпускаться «Статистический ежегодник» Совета съездов представителей промышленности и торговли под редакцией В. И. Шарого.¹⁵⁴ В первом выпуске в разделе «Статистика акционерных предприятий» были опубликованы следующие данные о русских и иностранных акционерных предприятиях по отраслям за пятилетие (с 1905 г.): число предприятий в данной отрасли, акционерный, облигационный, запасный и резервный капиталы, капитал погашения, кредиторы, дебиторы, имущество, товары и материалы, размер и средний процент дивиденда, размер и средний процент убытков по отрасли. В последнем выпуске «Статистического ежегодника», кроме таких же данных за 1907—1911 гг., были приведены данные о статистике учреждения и открытия действий русских и иностранных акционерных компаний с 1901 по 1913 г.,¹⁵⁵ а также таблицы числа и суммы капиталов компаний, действовавших на 1911 г., по отраслям и размерам капиталов. В основу акционерной статистики «Ежегодника» были положены уставные материалы акционерных компаний, напечатанные в «Собрании узаконений и распоряжений правительства», и публикуемые в «Вестнике финансов» балансы и извлечения из отчетов предприятий,¹⁵⁶ дополняемые, по-видимому, данными материалов, поступающих в Совет съездов непосредственно от акционерных компаний.

Таким образом, в своей основной части акционерная статистика Совета съездов не является оригинальной. Статистические разработки вопроса о прибыльности акционерных предприятий, как основывающиеся на ненадежном первичном материале и явно тенденциозные, не заслуживают доверия. Относительная же ценность статистики Совета съездов заключается в более полном, чем в «Ежегоднике Министерства финансов», использовании отчетных материалов акционерных компаний (особенно за ранние годы, поскольку существовала возможность использовать балансы, публикуемые с запозданием) и более детальной разработке данных об учрежденных и открывших действия предприятиях; за 1901—1903 гг. эти данные единственны.

¹⁵³ Итоговую таблицу по всем отраслям см. там же, стр. 69—73.

¹⁵⁴ Статистический ежегодник на 1912, 1913, 1914 гг. СПб., 1912—1914.

¹⁵⁵ Несколько ранее те же данные были приведены в статьях Я. И. Горюцкого: Промышленность и торговля, 1912, № 24, стр. 524—529; 1913, № 10, стр. 444—448; 1915, № 1, стр. 19—25.

¹⁵⁶ Статистический ежегодник на 1914 г. СПб., 1914, стр. 303.

В 1916—1917 гг. сбор материалов об акционерных предприятиях был начат Комитетом съездов представителей акционерных коммерческих банков.¹⁵⁷ При нем были организованы «акционерный и банковый архивы», перед которыми ставилась задача «иметь по каждому акционерному предприятию, а в особенности по каждому акционерному банку, по возможности полное досье всех относящихся сюда документов и сведений: устав, отчеты, правила делопроизводства и операций, сведения о личном составе, доклады общим собраниям» и т. д. Кроме того, подлежали сбору материалы «об отдельных акционерных обществах — по сведениям, появляющимся в периодической печати, в частности — об утверждении уставов акционерных обществ, открытии действий, о новых выпусках акций и результатах операций за год».¹⁵⁸ Всего в целях сбора сведений специальный Осведомительный отдел Комитета съездов использовал 88 изданий, в том числе 19 иностранных.¹⁵⁹ Кроме того, в 1917 г. по инициативе В. И. Шарого намечалось организовать копирование статистических карточек Публикационного отдела Редакции периодических изданий Министерства финансов и Статистического бюро Совета съездов. Наконец, было налажено поступление материалов от самих акционерных компаний «в ответ на двухкратное обращение к правлениям от имени комитета». Причем «просьба комитета о присылке уставов и отчетов была принята во внимание и исполнена большинством обществ»,¹⁶⁰ что целиком объяснялось тем огромным влиянием, которым пользовалась банковская организация.

Работа Комитета банков по сбору материалов о действовавших в России акционерных предприятиях не была доведена до конца, а собранные материалы не были опубликованы. Исключение составляют лишь данные о сумме увеличения капиталов действовавшими торгово-промышленными компаниями за 1899—1911 гг., использованные в изданной комитетом записке «О желательных изменениях в постановке акционерного банкового дела в России».¹⁶¹

Таким образом, частная акционерная статистика, подобно официальной, развивалась в двух направлениях: во-первых, в направлении организации текущей регистрации учреждаемых и открывающих действия предприятий и ежегодной разработки основных статей балансов действующих компаний (статистика Совета съездов представителей промышленности и торговли); во-вторых, в направлении максимально полного учета числа и капиталов дей-

¹⁵⁷ ЦГИАЛ, ф. 1533, оп. 1, д. 7, лл. 89—90.

¹⁵⁸ Обзор деятельности съездов представителей акционерных коммерческих банков и их органов. Пгр., 1918, стр. 86, 87.

¹⁵⁹ ЦГИАЛ, ф. 1533, оп. 1, д. 7, л. 106.

¹⁶⁰ Обзор деятельности. . ., стр. 88.

¹⁶¹ Пгр., 1917, стр. 26.

ствующих предприятий на определенные даты (статистические работы Н. Е. Пушкина). Хронологически рамки материалов частной статистики гораздо более узки, чем у официальной статистики, в основном охватывая лишь период 1900—1913 гг. Частная статистика по сравнению с официальной по существу не использовала и не ввела в оборот никаких новых первоисточников. Не оригинальной она была также по программе и методике статистических разработок. Важнейшим недостатком частной акционерной статистики было то, что ни один из ее органов не оказался в состоянии осуществить до конца ту или иную принятую программу. Вследствие этого материалы частной акционерной статистики, конечно, значительно уступают по научному значению статистическим материалам правительственных учреждений. Однако они являются ценным дополнением к официальной акционерной статистике, в ряде случаев восполняя ее пробелы.

* *

*

Изложенное позволяет сделать следующие основные выводы относительно статистики торгово-промышленных акционерных компаний в России в целом.

1. Организация акционерной статистики в России объективно была связана главным образом с узко практическими интересами правительства и буржуазии. Правительство рассматривало ее как одно из средств надзора за капиталистическими предприятиями, как побочный продукт налогообложения акционерных компаний и даже как источник дохода своих периодических органов. Буржуазия и ее организации подчиняли акционерную статистику своим своекорыстным интересам. Данные акционерной статистики были «насуточно необходимы» различного рода предпринимательским организациям «для возможности защищать интересы своих сочленов»,¹⁶² как об этом откровенно заявляло Петербургское общество заводчиков и фабрикантов.

2. Правительственная регламентация учреждения и деятельности акционерных предприятий создавала благоприятные возможности для организации акционерной статистики. Возможности эти, однако, в условиях царской России не были использованы в полной мере. Главным препятствием на пути развития акционерной статистики была коммерческая тайна. Любые попытки организации статистики рассматривались акционерными предприятиями и предпринимательскими организациями как противоречащие «сохранению коммерческой тайны во что бы то ни стало»,¹⁶³ как

¹⁶² ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 394, л. 41.

¹⁶³ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 1735, л. 62.

это откровенно отмечала головная организация русской буржуазии — Совет съездов представителей промышленности и торговли, и всячески саботировались.

3. Первичный материал акционерной статистики (опубликованные и сохранившиеся в архивах уставы и балансы акционерных компаний, дополняемые «обязательными объявлениями») в целом достаточно полон.

4. Вследствие запоздания в опубликовании балансов части акционерных компаний более полными являются статистические разработки, составляемые со специальной целью учесть все действующие в России акционерные компании на определенные даты. Менее полными по числу учтенных предприятий и по сумме капиталов являются, как правило, материалы текущей акционерной статистики.

5. В совокупности разработки официальных и частных статистических органов характеризуют акционерное учредительство за весь период от возникновения первой в России акционерной компании (1799 г.) до Великой Октябрьской социалистической революции: число и капиталы учрежденных и открывших действия предприятий, отрасли деятельности, местонахождение правлений, национальность, концентрацию капиталов и размеры акций. На ряд лет имеются данные о числе и капиталах компаний, увеличивших или сокративших размер капиталов, а также ликвидированных предприятий.¹⁶⁴

6. Сопоставление данных о динамике открытия действий акционерных предприятий и увеличения их капиталов с данными о компаниях, действующих на определенные даты, позволяет установить минимальное число ликвидированных предприятий и сумму сокращенных капиталов.

7. Возможности использования статистических разработок, основывающихся на данных балансов акционерных предприятий, для статистики финансовых результатов деятельности компаний ограничены вследствие присущих акционерным балансам, как историческому источнику, недостатков (см. стр. 183—184).

8. Принятая система публикации основных первичных материалов акционерной статистики создает возможность для контроля данных имеющихся статистических разработок, их уточнения и дополнения, а также создания новых разработок по оригинальной программе.

¹⁶⁴ Опыт исследования статистического материала, относящегося к истории акционерного учредительства, предпринят автором настоящей работы в статье «Акционерное учредительство в России», опубликованной в сборнике «Из истории империализма в России» (М.—Л., 1959, стр. 138—168).

В. С. ДЯКИН

ИЗ ИСТОРИИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ КАПИТАЛОВ В ЭЛЕКТРОПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИИ

(«Большой русский синдикат 1899 г.»)

В своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин назвал электрическую промышленность «самой типичной... для капитализма *конца* XIX и начала XX века».¹ В силу исторических условий возникновения и развития электротехнической промышленности в ней с самого начала захватили господствующие позиции немногие монополии, тесно связанные с банками. Борьба за раздел сфер влияния проходила поэтому в области электротехники особенно остро. В настоящей статье делается попытка осветить один из наиболее ярких моментов такой борьбы, совершенно не исследованный в исторической литературе. Он связан с образованием в 1899 г. так называемого «большого русского синдиката» для финансирования всех электрических предприятий в России.

Известные нам печатные сообщения об этом синдикате очень немногочисленны. Хроникальные заметки о самом факте его создания без каких-либо подробностей были помещены в «Новом времени»² и «Биржевых ведомостях».³ На заметке из «Биржевых ведомостей» основано упоминание о синдикате в книге Е. Л. Грановского.⁴ В. А. Киселев, автор интересной книги, посвященной развитию электроиндустрии в Германии, также упоминает о существовании синдиката.⁵ Во всех этих случаях дело ограничи-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, 4-е изд., стр. 233.

² Новое время, 1899, № 8269, 18 марта.

³ Биржевые ведомости, 1899, 22 февраля и 27 марта.

⁴ Е. Л. Грановский. Монополистический капитализм в России. Л., 1929, стр. 43.

⁵ В. А. Киселев. Электропромышленность в ее прошлом и настоящем. М., 1915, стр. 115. Летом 1961 г., после того как настоящая статья была уже сдана в издательство, вышла книга Я. И. Лившина «Монополии в экономике России» (М., 1961 г.), в которой автор упоминает о синдикате 1899 г. Не касаясь предыстории его создания и приведя лишь неверную дату начала переговоров, Я. И. Лившин коротко излагает содержание синдикатского договора, после чего пишет: «Действия этого объеди-

вается только перечислением некоторых важнейших участников синдиката, причем с весьма существенными ошибками, и ничего не говорится ни о содержании соглашения, ни о его истории. Между тем в «большой русский синдикат» входили такие крупнейшие банки, как Немецкий, Дрезденский, Дисконто гезельшафт, банкирский дом Ротшильда, Петербургский международный банк и другие, и крупнейшие европейские электротехнические концерны — «Сименс—Гальске», «Всеобщая компания электричества» (АЭГ) и «Унион». История борьбы монополистических группировок вокруг «большого русского синдиката» представляет значительный интерес для выяснения методов проникновения иностранных капиталов в Россию, их планов закабаления страны, превращения ее в рынок сбыта для промышленности европейских стран. В то же время изучение этой борьбы дает весьма интересные данные о роли русских банков, об их сложных взаимоотношениях с банками иностранными.

Технико-экономическая отсталость России привела к тому, что в конце XIX в. она значительно уступала передовым европейским странам по уровню развития электротехники. Хотя русские ученые внесли огромный вклад в развитие науки об электричестве и первыми решили задачу использования электричества для нужд связи и освещения, практическое применение их открытий в России оказалось невозможным, и многие ученые (как например Яблочков, Лодыгин, Доливо-Добровольский) вынуждены были уехать за границу, чтобы продолжать свои работы. В то время как в Европе к началу 80-х годов XIX в. уже действовали такие крупные электротехнические предприятия, как фирма «Сименс-Гальске» в Германии и «Континентальная эдисоновская компа-

нения охватили строительство и эксплуатацию электротехнических сооружений и предприятий в крупнейших промышленных городах России, в частности в Москве, Баку, Харькове, Ростове н/Д, Царицыне, Екатеринбурге, Перми, Кишиневе, Сувалках, Борисове, Виндаве, Митава, Ревеле, Пирну и др. Большой электротехнический синдикат стал организационной ячейкой образования накануне первой мировой войны огромного электропромышленного концерна, охватившего значительную часть соответствующих отраслей русской промышленности» (стр. 19). Во-первых, за исключением Баку «большой синдикат» нигде ничего не построил и потому эксплуатировать не мог. Что же касается «крупнейших промышленных городов» Борисова, Пернова, Сувалок и ряда других названных Я. И. Лившиным городов, то в них вплоть до 1917 г. не было акционерных предприятий в области электричества. Во-вторых, «большой синдикат» распался в 1899 г. и послужить организационной ячейкой какого-либо концерна, созданного перед первой мировой войной, не мог. В-третьих, концерн, о котором пишет Я. И. Лившин, не существовало. Я. И. Лившин позаимствовал этот концерн из речи гласного Московской думы Тесленко в Особом совещании при Министерстве юстиции, который, в свою очередь, исходил из путанной статьи В. С. Зива в «Вестнике финансов» (1914, № 39, 41, 44).

ния» во Франции, а в 1882 г. была основана первоначально под другим названием АЭГ, в России существовали лишь несколько фирм, владевших полукустарными мастерскими и действовавших по большей части в качестве представителей различных иностранных заводов. Самым крупным предприятием было основанное в 1855 г. петербургское отделение фирмы «Сименс-Гальске»,⁶ но и оно занималось в основном сборкой уже готовой аппаратуры, привезенной из Германии. В 1886 г. фирма Сименса учредила первое в России акционерное предприятие в области электричества — «Общество электрического освещения» в Петербурге, обычно именуемое «Обществом 1886 г.» В середине 80-х годов начинается проникновение в Россию и некоторых других европейских фирм. В 1884 г. в Москве была создана фирма Б. А. Цейтшеля, с самого начала являвшегося представителем «Шуккерта»,⁷ а в 1892 г. обзавелась представительством в России и АЭГ.⁸

Однако в целом до начала первого промышленного подъема приток капиталов в русскую электроиндустрию был незначительным. Положение изменилось с середины 90-х годов. Привлеченные крупными прибылями, приносимыми электротехническими предприятиями Германии, в эту отрасль хлынули новые капиталы. Старые компании также расширили производство в надежде на еще более выгодные заказы. В результате внутренний рынок оказался перенасыщенным, что резко усилило конкуренцию. «Конкуренция больших предприятий, — констатировалось в отчете «Шуккерта» за 1895 г., — повела к такому ухудшению условий концессий, что они не составляют более желательных объектов для работы».⁹ Это усилило тягу электротехнических фирм за границу. Благодарной почвой для такой деятельности явилась Россия.

Те общие причины, которые толкали иностранный капитал в Россию вообще, действовали и конкретно в применении к электротехнике. Важным рынком сбыта для электротехнических заводов должны были стать железные дороги (устройство сигнализации), строительство которых широко развернулось в конце 90-х годов. В области электрического освещения с середины 90-х годов осуществлялся переход от маленьких станций постоянного тока с очень ограниченным радиусом действия к большим по тому времени станциям переменного тока, способным охватить своей кабельной сетью города масштаба Петербурга и Москвы. Строительство новых станций требовало притока значительных

⁶ В. А. Киселев, ук. соч., стр. 89.

⁷ Доклад учредителей «Русского общества Шуккерт»: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 689, л. 66.

⁸ В. А. Киселев, ук. соч., стр. 48.

⁹ Там же, стр. 59.

капиталов и одновременно сузило большие заказы электротехническим заводам. Наконец, упрочившееся доверие к русской валюте создало реальные предпосылки для перевода городских конно-железных дорог, большей частью находившихся в руках бельгийских обществ, на электрическую тягу, подобно тому, как это одновременно происходило в Западной Европе. Общества конно-железных дорог стали поэтому объектом напряженной борьбы между электротехническими концернами и поддерживавшими их банками.

Наиболее острую борьбу вызвал вопрос о строительстве электрического трамвая в Москве и Петербурге. В этой борьбе приняли участие все три крупнейших германских электроконцерны — «Сименс—Гальске», «Унион» и АЭГ — и Петербургский международный банк, значительное влияние на ход борьбы оказывали и остальные германские и бельгийские концерны.

В Москве действовало два общества конно-железных дорог — русское («Первое общество») и бельгийское («Второе общество»). В 1891 г. они заключили договор о совместной эксплуатации своих линий. При этом техническое руководство обоими предприятиями осуществлялось на месте русским обществом, а финансовое — бельгийским, которое получило несколько мест в правлении первого.¹⁰ В 1895 г. «Первое общество» обратилось в Московскую управу с предложением о переводе линий на электрическую тягу¹¹ и даже запрашивало «Общество 1886 г.» об условиях поставки электроэнергии для трамвая.¹² Но Московская управа поддержала это предложение под сукном около трех лет. Такая же судьба постигла и предложение «Общества 1886 г.», поданное в 1896 г.

Летом 1897 г. московской конкой заинтересовался Петербургский международный банк. В июле банк обсуждал возможность ее реорганизации на базе полного слияния обоих обществ и введения электрической тяги. С этой целью были начаты переговоры с владевшим большинством акций московской конки банкирским домом «Юнкер и К^о». Предполагалось, что Юнкер продаст акции новому синдикату, а последний создаст для проведения операции комиссию из представителей Международного банка, «Юнкер

¹⁰ Докладная записка Г. О. Герца 25 февраля/9 марта 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 552, л. 182.

¹¹ Доклад Московской управы о введении на существующей сети конно-железных дорог электрической тяги: там же, лл. 65—67. Общество не хотело проводить переоборудование на свой риск, так как над ним висела угроза принудительного выкупа, на который Москва имела право с 1888 г.

¹² Протокол правления «Общества 1886 г.» 20 января/1 февраля и 25 января/6 февраля 1896 г.: ГИАЛЮ, ф. 1243, оп. 1, д. 60, лл. 256—257.

и К^о» и парижских техников.¹³ Упоминание о последних вместе с рядом позднейших документов дают основания предполагать, что банк рассматривал московскую конку в качестве подходящего объекта деятельности для «Генерального общества промышленности в России», созданного им совместно с французскими банками.¹⁴ Выступление Петербургского международного банка привлекло внимание и других кругов. В первых числах августа переговоры с директором Петербургского международного банка Ротштейном о московской конке вел директор Дрезденского банка Шерешевский,¹⁵ действовавший, очевидно, в интересах близкого к банку «Униона». Однако «Юнкер и К^о» не собирався дешево отдавать акции и хотел в виде компенсации получить участие в планах Петербургского международного банка относительно петербургского трамвая, что вызвало резкое недовольство Ротштейна. Последний писал своему коллеге Нотгафту, что «на такой основе не имеет никакого смысла продолжать переговоры с Юнкером».¹⁶ Причина упорства Юнкера была в том, что одновременно он вел переговоры с Немецким банком, и 15/27 августа директор этого банка Гвиннер сообщил Ротштейну, что они приобрели акции московской конки.¹⁷ Как писал Гвиннер позднее, банку пришлось уплатить за акции выше их курса, но значение их в планах Немецкого банка компенсировало переплату.¹⁸

Перехватив московское дело буквально из рук Петербургского международного банка, Немецкий банк был в то же время заинтересован в том, чтобы найти основу для соглашения с ним. Обладание акциями обществ конки было важным фактором в борьбе за концессию, но еще не гарантией успеха, и Немецкий банк боялся соперничества франко-русского «Генерального общества промышленности в России», в котором важную роль играл тот же Ротштейн. Поэтому Гвиннер повел настойчивую атаку на Ротштейна, стремясь привлечь его на свою сторону. Крупным козырем в его игре было происходившее в это время создание «Русского общества Сименс—Гальске». 21 августа, когда акции московской конки

¹³ А. Ю. Ротштейн — Т. Нотгафту 27 июля/8 августа 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 68, л. 78.

¹⁴ См. в этом же томе статью Ю. Б. Соловьева.

¹⁵ Ротштейн — Нотгафту 6/18 августа 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 68, л. 99.

¹⁶ Ротштейн — Нотгафту 16/28 августа 1897 г.: там же, л. 127.

¹⁷ А. Гвиннер — Ротштейну 15/27 августа 1897 г.: там же, д. 133, лл. 52—53. Немецкий банк действовал от имени синдиката, в который, кроме него, входили «Сименс-Гальске», Парижско-Нидерландский банк, германский банк «Варшауер и К^о» и другие неназванные участники (там же, д. 552, л. 185). К ним в небольшой доле присоединился и Петербургский частный коммерческий банк (ЦГИАЛ, ф. 597, оп. 2, д. 30, л. 211).

¹⁸ Гвиннер — Ротштейну 17/29 сентября 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 133, л. 59.

были уже куплены Немецким банком или по крайней мере вопрос об их покупке был уже решен, Гвиннер прислал Ротштейну в Ишль, где тот находился, письмо, в котором представлял ему Г. О. Герца — директора петербургских заводов Сименса и сообщал о своем желании приехать вместе с Герцем к Ротштейну для переговоров об электрических делах в России.¹⁹ 15/27 августа, в том самом письме, из которого Ротштейн узнал, что московская конка ушла у него из рук, Гвиннер сообщал о планах реорганизации петербургского отделения «Сименс—Гальске» в акционерное общество. Основательно расхвалив предприятие — «абсолютно здоровое дело», «старая петербургская фирма», «важнейшая русская электротехническая фабрика», — Гвиннер предложил Ротштейну — «если только вы пожелаете» — участие в его реорганизации.²⁰ Ротштейн проявил явную заинтересованность предприятием Сименса, но по-прежнему выражал недовольство поведением Немецкого банка в Москве. Поэтому в следующем письме Гвиннер специально развил тему о трамвае, стараясь убедить Ротштейна, что интересы банков в этом направлении не противоречат друг другу. Он сообщил об участии в покупке акций также и Парижско-Нидерландского банка и выразил уверенность, что сможет наладить сотрудничество и с банкирским домом Гудшо (Париж),²¹ с которым поддерживал тесные отношения Международный банк.

В сентябре усилия Немецкого банка начали давать результат. В очередном письме к Нотгафту, извещая его о ходе переговоров, Ротштейн, правда, еще не смог сдержать раздражения в связи с тем, что инициатива в Москве принадлежала теперь не ему. «Что касается различных проектов московского трамвая, — писал он, — то вы в общем видите, как хладнокровно отношусь я к делу. Для меня самым лучшим решением было бы — интересоваться делом, но не вести отвратительных переговоров». Впрочем, это было сказано сгоряча и для красного словца, и в следующей же фразе Ротштейн сообщал, что выторговал для банка право требовать «в самом худшем случае минимального участия» в комбинации.²² Переговоры вступили в такую стадию, что Гвиннер счел возможным сообщить Ротштейну подробности задуманной комбинации. Одновременно он увеличил цену, даваемую Петербургскому международному банку за сотрудничество, предложив ему разделить руководство синдикатом по покупке московского трамвая и принять в нем участие в любом желаемом размере, а кроме того, взять на себя образование нового общества, которое будет эксплуатировать трамвай. Он также предложил Международному

¹⁹ Гвиннер — Ротштейну 9/21 августа 1897 г.: там же, л. 51.

²⁰ Гвиннер — Ротштейну 15/27 августа 1897 г.: там же, лл. 52—53.

²¹ Гвиннер — Ротштейну 23 августа/4 сентября 1897 г.: там же, л. 58.

²² Ротштейн — Нотгафту 16/28 сентября 1897 г.: там же, д. 68, л. 180.

банку взять на себя руководство операциями в России по реорганизации «Сименс—Гальске» и принять участие в правлении новообразуемого общества. Поскольку именно «Русское общество Сименс—Гальске» было главной приманкой для Ротштейна, Гвиннер особо подчеркнул, что Сименс связан с его планами в Москве и было бы крайне неудобно, если бы банки, совместно участвующие в учреждении «Русского общества Сименс—Гальске» в Петербурге, представляли в Москве разные группировки. В заключение он еще раз подчеркнул, что был бы рад, если бы пути банков шли вместе, и просил скорого ответа.²³ Ответ не заставил себя ждать. Доводы Гвиннера оказались для Ротштейна достаточно убедительными, и Ротштейн, уже отождествляя свои интересы и интересы «Сименс—Гальске», предупреждал о планах Дрезденского банка и «Униона» в Москве. Скрепляя достигнутое соглашение, Гвиннер предложил Ротштейну половину акций «Русского общества Сименс—Гальске», причитавшихся банкам.²⁴ В правление «Первого общества конно-железных дорог» вместо А. Юнкера был введен представитель Петербургского международного банка Ценкер.²⁵

Отказавшись от сотрудничества с французскими электротехническими фирмами и связав свои планы в Москве с Немецким банком и «Сименс—Гальске», Петербургский международный банк, однако, не захотел принять участия в синдикате акций московской конки. Поэтому формально договор о ее реорганизации был заключен только между Немецким банком, «Русским обществом Сименс—Гальске» и двумя обществами конки. Текст договора не был обнаружен нами, и о его содержании можно судить лишь по изложению Гвиннера в письме Ротштейну 17/29 сентября 1897 г. и в докладной записке Герца 25 февраля/9 марта 1899 г. Предполагалось проведение следующей комбинации: Московская управа выкупала линии «Первого общества», а «Второе общество», на

²³ Гвиннер — Ротштейну 17/29 сентября 1897 г.: там же, д. 133, лл. 59—62.

²⁴ Гвиннер — Ротштейну 23 сентября/5 октября 1897 г.: там же, лл. 65—66.

²⁵ Докладная записка Герца 25 февраля/9 марта 1899 г.: там же, д. 552, л. 183. После продлившихся еще несколько месяцев переговоров «Русское общество Сименс—Гальске» было учреждено 1/13 июня 1898 г. В состав правления вошло несколько представителей Петербургского международного банка, в том числе и сам А. Ю. Ротштейн. Но банк не отказался от сотрудничества и с другими группировками. Почти одновременно с «Русским обществом Сименс—Гальске» было учреждено 9/21 июня 1898 г. «Русское общество Унион», в состав его правления вошли директора Международного банка Г. И. Дернен и Е. Г. Шайкевич, причем первый стал даже председателем правления общества. Тесные связи банка с обоими обществами оказали значительное влияние на дальнейший ход событий.

выкуп которого город получал право лишь с 1903 г., добровольно ликвидировалось и передавало городу свои пути; после этого должно было быть создано «Новое общество электрических дорог в Москве», которое принимало на себя все обязательства прежних обществ перед их акционерами и держателями облигаций. Предполагалось, что Москва передаст ему трамвай в концессию или, на худой конец, в аренду. Реконструкция трамвая должна была производиться «Сименс—Гальске» при поддержке синдиката банков. В октябре между Немецким банком и «Обществом 1886 г.» было заключено предварительное соглашение об отпуске электроэнергии для московского трамвая.²⁶

Синдикат, возглавленный Немецким банком, был не единственным претендентом на московские городские пути. Дрезденский банк, не заручившись на данном этапе поддержкой Ротштейна, сам выступил с предложениями по этому вопросу.²⁷ Банк действовал в интересах «Униона», основного строителя трамвая в Западной Европе, владевшего патентами американской компании «Томсон—Хоустон», считавшимися лучшими в мире. Это обстоятельство, а возможно уже и тогда позиция Петербургского международного банка, заставили группу Немецкий банк — «Сименс—Гальске» искать соглашения с «Унионом».

Аналогичная ситуация сложилась и в Петербурге. В городе действовали линии конно-железных дорог, принадлежавшие двум обществам — «Товариществу конно-железных дорог», основанному швейцарским предпринимателем Е. Дюпоном, и русскому «Обществу конно-железных дорог». Состав акционеров последнего установить не удалось; известно, однако, что облигации общества на сумму около 600 тыс. руб. держал кн. Тенишев.²⁸ В 1897 г. город приобретал право выкупа линий общества, а в 1898 г. истек срок концессии товарищества. Поэтому уже с 1896 г. Петербургская управа занималась вопросом о переоборудовании их на электрическую тягу. Однако «хозяева города» не решались взять управление трамваем в собственные руки, считая дело непривычным и рискованным, и хотели сдать его в аренду какой-либо электротехнической фирме.²⁹ Со своей стороны многие фирмы стремились захватить в свои руки дело, сулившее огромные барыши. Одними из первых выступили со своими предложениями «Товарищество М. М. Подобедова», владевшее небольшим электро-

²⁶ Протокол правления 30 апреля/12 мая 1899 г.: ГИАЛО, ф. 1243, оп. 1, д. 108, л. 347.

²⁷ Доклад Московской управы о введении на существующей сети конно-железных дорог электрической тяги: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 552, лл. 63—67.

²⁸ Торгово-промышленная газета, 1896, 30 ноября/12 декабря.

²⁹ Там же, 14/26 января.

техническим заводом, и «Общество финляндского легкого пароходства», которое уже эксплуатировало в Петербурге электрический трамвай (действовавший только зимой, так как линии его прокладывались по льду Невы).³⁰ Попыталось проявить активность и правление «Общества конно-железных дорог», стремившееся сохранить предприятие за собой. Однако консервативные акционеры общества отклонили предложение правления о переустройстве линий на электрическую тягу и запретили ему кредитоваться у банков для этой цели.³¹

С самого начала 1897 г. в борьбу вступила и фирма «Сименс—Гальске». 10/22 января фирма сообщила «Обществу 1886 г.», что она выработала смету на концессию линий «Общества конно-железных дорог» (с переоборудованием их) и четырех новых линий и предполагает, что предприятие может давать более 10% прибыли. Фирма предложила «Обществу 1886 г.» внести в управу предложение об электрификации трамвая.³² По-видимому, управа сочла предложение, переданное от имени «Общества 1886 г.», неподходящим, а может быть, просто действовала со свойственной ей медлительностью. Между тем обстановка в Петербурге изменялась не в пользу «Сименс—Гальске»: германское общество «Гелиос» и «Бельгийское общество освещения Петербурга» положили конец монополии в области электрического освещения,³³ а АЭГ приобрела решающий пакет акций «Общества конно-железных дорог»³⁴ и тем захватила выгодные позиции в борьбе за трамвай. В связи с этим «Сименс—Гальске», Немецкий банк и и присоединившийся к ним к тому времени Петербургский международный банк разработали так называемый «большой петербургский проект», в котором все три организации участвовали в равных долях.³⁵ Как признавал позднее Герц, целью

³⁰ В 1898/89 г. и «Товарищество М. М. Подобекова» проложило по невшскому льду три короткие линии электрического трамвая.

³¹ Торгово-промышленная газета, 1897, 5/17 августа.

³² «Сименс—Гальске» — «Обществу 1886 г.» 10/22 января 1897 г.: ГИАЛО, ф. 1243, оп. 1, д. 71, лл. 326—327.

³³ До 1897 г. станции принадлежавшего Сименсам «Общества 1886 г.» производили большую часть электроэнергии, потреблявшейся в Петербурге, причем соперничавшие с обществом мелкие предприятия не имели перспектив дальнейшего развития. Но в 1897 г. названные выше общества приступили к строительству в Петербурге электрических станций, каждая из которых равнялась по мощности строящейся станции «Общества 1886 г.».

³⁴ Точная дата приобретения акций неизвестна. Самое раннее упоминание об этом, как об уже известном факте, содержится в письме Герца секретариату Немецкого банка 29 января/10 февраля 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 554, лл. 75—78.

³⁵ Секретариат Немецкого банка — Герцу 19 ноября/1 декабря 1897 г.: там же, л. 62.

проекта было «возможно больше укрепить позиции „Сименс—Гальске“, которые оказались под сильной угрозой со стороны „Гелиоса“ в отношении освещения и со стороны АЭГ в отношении трамвая».³⁶

Содержание проекта, изложенное в заявлении «Сименс—Гальске» в Петербургскую городскую думу 22 ноября 1897 г.,³⁷ заключалось в следующем: Петербургский международный банк (очевидно, от имени также Немецкого и, возможно, других банков) выражал готовность предоставить городу облигационный заем на сумму до 20 млн руб. с погашением долга в течение 50 лет из 4.5% для выкупа и приобретения в собственность всех существующих предприятий трамвая и электрического освещения. Фирма «Сименс—Гальске» предлагала думе перестроить и расширить сеть городских железных дорог, переведя их на электрическую тягу, и построить центральную электростанцию мощностью в 7500 квт с кабельной сетью, охватывающей весь город. Расходы на составление проекта фирма брала на себя и обещала «оборудовать всю сеть и все сооружения изделиями русских заводов». Фирма выражала также готовность принять трамвайную линию и осветительное предприятие в арендную эксплуатацию на срок не менее 7 лет, гарантируя в виде арендной платы сумму, необходимую для выплаты процентов и погашений по займу, и половину чистой прибыли, оставшейся после этого. Смысл предложения «Сименс—Гальске» был в достаточной степени очевиден. Обещая построить электростанцию мощностью в 7500 квт, т. е. почти равную станциям «Гелиоса» и «Бельгийского общества освещения» вместе взятым, фирма «Сименс—Гальске» делала еще одну попытку сорвать подписание договора между ними и городом. Это намерение еще более отчетливо видно в приложенной к предложениям фирмы объяснительной записке К. Сименса и Герца.³⁸ В ней они писали, что следует подумать, целесообразно ли принимать предложения «Гелиоса» и «Бельгийского общества освещения», так как в таком случае городу придется тратить дополнительные средства на выкуп их предприятий. В то же время относительно «Общества 1886 г.» Сименс и Герц писали о необходимости соглашения с ним, так как иначе-де оно будет мешать осуществлению городского предприятия. Они предлагали городу выкупить за солидную сумму (свыше 1 млн руб.) старые станции «Общества 1886 г.», годные в основном только на слом. Не менее прозрачно и предложение об оснащении предприятия изделиями русских заводов, разбавленное в объяснительной за-

³⁶ Герц — Гвиннеру 16/28 января 1898 г.: там же, л. 72.

³⁷ Там же, лл. 6—11.

³⁸ Объяснительная записка К. Сименса и Г. О. Герца к предложениям 22 ноября/4 декабря 1897 г.: там же, лл. 12—30.

писке немалой дозой лирических рассуждений о необходимости развития русской электротехнической промышленности. Смысл этого предложения становится ясным, если учесть, что единственным заводом в России, производившим необходимое оборудование, был завод «Сименс—Гальске», который хотел воспользоваться протекционистской политикой русского правительства в борьбе со своими конкурентами. Предлагая взять все предприятие в аренду, фирма «Сименс—Гальске» собиралась платить лишь небольшую часть дохода с него, ибо проценты и погашения по займу потекли бы в карман все тем же Немецкому и Петербургскому международному банкам и «Сименс—Гальске», которые предлагали предоставить заем.

Руководители образовавшегося «тройственного согласия» понимали, что конкурирующие электротехнические фирмы приложат все старания, чтобы не допустить перехода всего двадцатимиллионного дела в руки одной фирмы «Сименс—Гальске». Поэтому они задумались над необходимостью соглашения с некоторыми конкурентами для борьбы против остальных.³⁹

Наиболее ранним из сохранившихся документов, в котором упоминается идея соглашения, является письмо Герца Гвиннеру 16/28 января 1898 г.

Судя по всему своему содержанию, оно представляет собой лишь продолжение не дошедшей до нас переписки. Герц писал, вернее — отвечал Гвиннеру: «Как и господин директор Ротштейн, я также считаю сближение АЭГ с Международным банком и, следовательно, с нами исключительно важным и полагаю, что следует серьезно отнестись к предложению господина Вавельберга».⁴⁰ Поскольку петербургский банкир Вавельберг в ходе последующих переговоров выступал в качестве представителя АЭГ, можно предположить, что инициатива в переговорах принадлежала именно ей. Но с чьей бы стороны не был сделан первый шаг, предложение договориться упало на благоприятную почву. Если АЭГ и «Унион»,

³⁹ Как раз в этот момент французские партнеры Петербургского международного банка предприняли попытку оторвать его от «Сименс—Гальске». Директор Парижского международного банка Ломбардо в письме к Ротштейну сообщил об основании в России «Генеральной компании тяги и электричества», способной, по его словам, «оказать „Сименс—Гальске“ конкуренцию как в трамвайных делах, так и в осветительных». Компания, узнав о проекте «Сименс—Гальске», собиралась сделать Петербургу свои, более выгодные предложения, и Ломбардо предлагал Ротштейну произвести раздел, оставив освещение «Сименс—Гальске» и передав трамвай «Генеральной компании» (ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 236, лл. 1—3). Предложение не встретило поддержки Ротштейна, уже прочно связавшегося с «Сименс—Гальске», и «Генеральная компания», как видно из дальнейшего, обратилась со своими проектами к Частному коммерческому банку.

⁴⁰ Герц — Гвиннеру 16/28 января 1898 г.: там же, д. 554, лл. 72—74.

не имевшие заводов в России и прочных связей на русском рынке, пуждались в соглашении с «Сименс—Гальске», которое облегчило бы им проникновение в Россию, то и фирма «Сименс—Гальске» не могла рассчитывать сохранить былую монополию в стране, уже сильно поколебленную вторжением других германских фирм, а также бельгийской компании «Электричество и гидравлика», получившей в 1896—1897 гг. заказы в Харькове, Курске, Витебске, Орле, Варшаве, Полтаве, Брянске и других городах,⁴¹ и должна была искать союзников. В свою очередь Петербургский международный банк, участвовавший в учреждении и «Русского общества Сименс—Гальске» и «Русского общества Унион» был заинтересован в том, чтобы не допустить конкуренции между этими фирмами.

Опираясь на ранее завоеванные в России позиции, фирма «Сименс—Гальске» претендовала на главную роль в планируемом союзе трех фирм и была первоначально даже против твердо зафиксированного постоянно действующего соглашения. В уже цитированном письме 16/28 января 1898 г. Гвиннеру, который вел переговоры в Германии, Герц писал, что «Сименс—Гальске» действует в России уже 40 лет, поставив за это время более 50% потребленных страной электротоваров, и не собирается уступать или ослаблять своих позиций, «открывая повсюду свободную дорогу финансово-сильным предприятиям, центр тяжести которых лежит за границей». Герц выражал готовность на соглашения лишь от случая к случаю, очень высоко оценивая при этом свои шансы в Москве и Петербурге. Соглашаясь все же вести переговоры о разделе трамвайных поставок в Петербурге поровну между тремя фирмами, Герц требовал за это, во-первых, сохранения за «Сименс—Гальске» всех поставок для электроосвещения, а также полной свободы рук в Москве. «Без сомнения выглядело бы слабостью, — писал он, — если бы мы захотели привлечь к проектируемым поставкам соучастников. Сегодня существуют две фирмы, которые должны разделить работу между собой, — это наш берлинский дом и мы».

Такой раздел не устраивал руководителей АЭГ. 5/17 февраля 1898 г. Гвиннер сообщил Ротштейну, что АЭГ готова пойти на соглашение, лишь если оно обеспечит ей половину трамвайных поставок в Петербурге.⁴² Гвиннер считал такую претензию завышенной, однако писал Ротштейну, что АЭГ безусловно должна получить компенсацию за отказ от поставок «Обществу 1886 г.». Он поэтому предлагал поделить трамвайные поставки между «Унионом», АЭГ и «Сименс—Гальске» в пропорции 3 : 5 : 4, счи-

⁴¹ Торгово-промышленная газета, 1897, 1/13 марта.

⁴² Гвиннер — Ротштейну 5/17 февраля 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 133, л. 77.

тая, что и этого результата можно добиться только благодаря тяжелому положению, в котором находилось захваченное АЭГ «Общество конно-железных дорог». Руководители Немецкого банка явно опасались, что если не связать АЭГ каким-либо соглашением, она сможет потеснить «Сименс—Гальске» на русском рынке.

Извещенный Ротштейном о переговорах Немецкого банка, Герц резко выступил против пропорции 3 : 5 : 4, заявив, что в этом случае прибыль «Сименс—Гальске» не компенсирует ее ответственности в качестве фирмы, ведущей дело. Он настаивал на признании за «Сименс—Гальске» преимущественного положения и угрожал, что в противном случае «осуществление так называемого большого петербургского проекта потерят для фирмы „Сименс—Гальске“ всякий интерес, и мы сделаем лучше, если предоставим развитие электротехнических дел в Петербурге своему ходу, чтобы в соответствующий момент выступить с предложениями о поставках на основе нашего национального производства (т. е. петербургского завода, — В. Д.). Мы будем тогда иметь столько же шансов добиться успеха, сколько АЭГ и „Унион“ сегодня».⁴³

Ближайшие события, однако, показали «Сименс—Гальске», что фирма преувеличивала прочность своих позиций. В Петербурге управа начала переговоры о переоборудовании на электрическую тягу линий переходящего к городу «Товарищества конно-железных дорог». С предложениями выступили бывший владелец товарищества Е. Дюпон, представитель «Гелиоса» П. Ратнер, представители владельцев «Бельгийского общества освещения» Ф. Шмацер и А. Гуэ и представитель «Генеральной компании тяги и электричества» Л. Вайншток.⁴⁴ Еще раньше «Общество конно-железных дорог» (т. е. контролировавшая его АЭГ) выступило с предложением ввести электрическую тягу на всех линиях петербургской конки, как своих, так и дюпоновского товарищества, и подвергло резкой критике проект «Сименс—Гальске».⁴⁵ Число конкурентов в Петербурге росло, а в это же время Московская дума решением от 10/22 марта 1898 г. постановила оставить без рассмотрения все предложения о концессиях на трамвай и самой разработать условия конкурса на переоборудование городских железных дорог.⁴⁶ Это уменьшило шансы «Сименс—Гальске» и заставило фирму идти на уступки.

⁴³ Герц — секретариату Немецкого банка 29 января/10 февраля 1898 г.: там же, д. 554, лл. 75—78.

⁴⁴ Торгово-промышленная газета, 1898, 25 марта/6 апреля.

⁴⁵ Там же, 5/17 февраля.

⁴⁶ Доклад Московской управы о введении на существующей сети конно-железных дорог электрической тяги: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 552, лл. 63—67.

В марте 1898 г. Ротштейн вел переговоры с представителями АЭГ и «Униона». Последние предлагали теперь поделить поровну все поставки для Петербурга, включая и оборудование для «Общества 1886 г.». Это вызвало возражения Ротштейна, но Герц, сообщавший о переговорах в Берлин, вынужден был теперь признать, что если «Сименс—Гальске» будет настаивать на преимуществах для себя, ссылаясь на свои позиции в «Обществе 1886 г.», то АЭГ с не меньшим правом сошлется на свои акции «Общества конно-железных дорог».⁴⁷ Еще большая уступка была сделана относительно Москвы, где «Сименс—Гальске», ранее не желавшая допускать к поставкам каких-либо соучастников, соглашалась в принципе поделить дело между собой, АЭГ и «Унионом» в пропорции 2 : 1 : 1. Правда, Герц считал желательным повременить с соглашением о Москве, ссылаясь на неясность положения в связи с решением думы от 10 марта.

Какая-то предварительная договоренность была достигнута в мае в результате переговоров Ротштейна с Вавельбергом и Шерешевским. Насколько можно судить по письмам Герца в секретариат Немецкого банка, договоренность эта касалась петербургских дел и предусматривала раздел поставок поровну между фирмами. При этом Герц настаивал на том, чтобы формально фирмы выступили перед управой врозь, скрывая наличие соглашения.⁴⁸ Три фирмы признали «Общество 1886 г.» в качестве будущего поставщика электроэнергии столичному трамваю.⁴⁹ Последнее условие вызвало особое удовлетворение Герца, поскольку «Общество 1886 г.» получало в связи с этим большие преимущества перед другими осветительными предприятиями. Но договоренность оказалась недолговечной. Причиной тому было недовольство ее условиями со стороны АЭГ. Одним из условий, на которых настаивала АЭГ, была покупка у нее банками, участвовавшими в задуманном объединении, акций «Общества конно-железных дорог», поскольку акции эти обошлись АЭГ очень дорого, и она хотела поделить понесенные расходы между партнерами.⁵⁰ Ротштейн и Гвиннер не согласились с этим требованием, после чего глава АЭГ Э. Ратенау заявил Немецкому банку, что при таких обстоятельствах ему кажется бесполезной конференция, на которой, как планировалось, должно было быть достигнуто окончательное соглашение. Извещая директора Дрезденского банка Гутмана

⁴⁷ Герц — секретариату Немецкого банка 17/29 марта 1898 г.: там же, д. 554, лл. 79—80.

⁴⁸ Герц — секретариату Немецкого банка 7/19 мая 1898 г.: там же, л. 86.

⁴⁹ Герц — секретариату Немецкого банка 9/21 мая 1898 г.: там же, л. 84.

⁵⁰ Гвиннер — Гутману 28 мая/[9 июня] 1898 г.: там же, д. 133, л. 109.

о разрыве с Ратенау, Гвиннер предлагал провести эту конференцию без АЭГ, заключив соглашение, которое охватывало бы только «Сименс—Гальске» и «Унион». Гутман высказался против конференции, но заявил, что «в остальном вы найдете Дрезденский банк и его группу готовыми идти в русских делах рука об руку вместе с вами».⁵¹

Несмотря на это обещание, выраженное в столь высоком стиле, достигнуть договоренности хотя бы только с «Унионом» оказалось для «Сименс—Гальске» нелегко. В июле Герц жаловался Ротштейну: «В то время как я всегда охотно предлагаю руку для соглашения, я уже в который раз постигаю на опыте, что господа из „Униона“ ведут себя в вопросе о соглашении как жеманная девица». «Может быть, — добавлял он, — они станут поуступчивей, как это видно из цифр дивиденда».⁵²

К концу 1898 г. наметились все же признаки соглашения между «Сименс—Гальске» и «Унионом». Здесь снова сыграло свою роль усиление конкуренции других фирм. «Генеральная компания тяги и электричества» и Частный банк совместно выступили соискателями концессии на проведение электрического трамвая на Охте. Герц справедливо расценил это как попытку захватить плацдарм для борьбы за весь Петербург.⁵³ Выступил также со своим проектом инженер Балинский, предлагавший соорудить круговую железную дорогу вокруг Петербурга и ряд внутригородских линий. За спиной Балинского стоял крупный американский трамвайный делец Мэрри Вернер.⁵⁴ В таких условиях «Сименс—Гальске» и «Унион» поторопились договориться друг с другом.

Первым шагом на пути к соглашению явилась встреча Герца с членом правления Петербургского международного банка и председателем правления «Русского общества Унион» Дерненом 17/29 ноября 1898 г., на которой «Сименс—Гальске» отказалось в пользу «Униона» от конкуренции на ряде объектов в Прибалтике, а также был произведен раздел поставок для общества «Сталь».⁵⁵ В первых числах января 1899 г. в Берлине было проведено новое совещание с участием представителей Немецкого, Дрезденского и Петербургского международных банков, «Сименс—Гальске» и «Униона». Общество «Сименс—Гальске» потребовало сначала предоставления ему 67% поставок для петербургского и москов-

⁵¹ Гутман — Гвиннеру 28 мая/[9 июня] 1898 г.: там же, л. 110.

⁵² Герц — Ротштейну 9/21 июля 1898 г.: там же, д. 552, л. 25.

⁵³ Герц — Ротштейну 9/21 января 1899 г.: там же, лл. 110—111.

⁵⁴ Справка к вопросу об улучшении способов передвижения населения Петербурга: ЦГИАЛ, ф. 1288, оп. 8, д. 25, ч. 3, лл. 62—63.

⁵⁵ Запись переговоров Герца и Дернена в Петербурге 17/29 ноября 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 552, л. 430.

ского трамвая, 75% поставок в Варшаве и 25% — в Риге,⁵⁶ но затем согласилось повысить долю «Униона» в Петербурге и Москве до 40%.⁵⁷ При определении квот обоих участников были сделаны оговорки о том, что они подлежат пересмотру, если к сотрудничеству будет привлечена и АЭГ.

Тем временем в переговорах с последней появился и стал затем решающим новый вопрос — строительство электростанции в Баку. Еще в марте 1898 г. представитель интересов «Сименс—Гальске» в Баку — товарищество «Свет» предложило «Каспийско-Черноморскому товариществу» Ротшильдов построить электростанцию для обслуживания нефтепромыслов. Фирма «Сименс—Гальске» разработала проект станции мощностью в 12 500 квт. Одновременно к Ротшильдам обратились с предложениями АЭГ, «Шуккерт», швейцарская фирма «Эрликон» и ряд французских и бельгийских фирм.⁵⁸ Первоначально фирма «Сименс—Гальске» считала свои шансы наилучшими, но постепенно чаша весов склонилась не в пользу Сименса. В январе 1899 г. Ротштейн писал директору Немецкого банка Штейнталу, что «парижский Ротшильд связан с АЭГ и без последней с ним нельзя договориться».⁵⁹ Связь эта явно установилась задолго до января. Во всяком случае, уже 2/14 сентября 1898 г. Герц без особого оптимизма писал Ротштейну о бакинском проекте, что он «был бы очень рад, если бы дом Ротшильда смог возложить на нас поручение в этом важном деле».⁶⁰ Поэтому Петербургский международный банк, тесно связанный с Ротшильдом по нефтяным делам в Баку, приложил усилия для установления контакта с АЭГ. Последняя также не могла остаться равнодушной перед угрозой создания без (а значит — против) нее союза «Сименс—Гальске» и «Униона». После посещения представителя Ротшильда Ж. Арона правление АЭГ письмом от 29 октября/10 ноября 1898 г. предложило Петербургскому международному банку сотрудничество в строительстве электростанции,⁶¹ а уже 14/26 ноября 1898 г. АЭГ сообщала о получении

⁵⁶ Г. И. Дернен — Ротштейну 9/21 января 1899 г.: там же, д. 85, лл. 7, 9—12.

⁵⁷ Немецкий банк — Петербургскому международному банку 7/19 января 1899 г.: там же, д. 552, л. 115.

⁵⁸ Записка Герца 9/21 июля 1898 г.: там же, л. 22.

⁵⁹ Ротштейн — А. Штейнталу 4/16 января 1899 г.: там же, д. 559, л. 6.

⁶⁰ Герц — Ротштейну 2/14 сентября 1898 г.: там же, д. 552, лл. 29—31. Скорее всего, связи АЭГ с Ротшильдом восходят еще к парижской «Континентальной эдисоновской компании», полную независимость от которой АЭГ получила только в 1887 г. (см.: В. А. Киселев, ук. соч., стр. 31).

⁶¹ АЭГ — Петербургскому международному банку 29 октября/10 ноября 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 549, л. 3.

протокола переговоров по этому вопросу.⁶² Поспешность переговоров свидетельствовала о том значении, которое Петербургский международный банк и «Сименс—Гальске» придавали союзу с АЭГ. Правда, при более детальном обсуждении бакинского дела 28 ноября/9 декабря 1898 г. фирма «Сименс—Гальске» попробовала поторговаться и потребовала, чтобы фирмы, которые будут поставлять оборудование конкурентам строящейся станции, тем самым теряли преимущественное право поставок для нее. Это был камень в огород АЭГ, снабжавшей оборудованием «Апшеронское электрическое общество». Но АЭГ в ответ сообщила Ротштейну для сведения «Сименс—Гальске», что если против нее будут приняты какие-либо меры, то она превратит «Апшеронское общество» в подлинного конкурента новой станции.⁶³ «Сименс—Гальске» решила не настаивать.

Соглашение относительно бакинских дел предполагало и совместные действия в других районах России. Переговоры о них проходили с большим трудом, и Ротштейн уже выражал сомнение в том, остается ли реальной возможность соглашения во все-российском масштабе, если фирмы не в состоянии договориться по четырем делам — Петербурга, Москвы, Варшавы и Риги.⁶⁴ Масла в огонь подлил Карл Сименс, приславший Ротштейну 7/19 декабря 1898 г. раздраженное письмо, в котором вновь поднимал вопрос об особых преимуществах для своей фирмы. К. Сименс писал, что берлинский дом «Сименс—Гальске» пошел на определенные ограничения в пользу своего петербургского дома⁶⁵ вовсе не для того, чтобы уступить место другим германским фирмам, и вновь ссылаясь на традиционные связи с русским рынком. Зачеркивая все ранее достигнутые соглашения, он требовал для «Сименс—Гальске» (берлинского и петербургского) половину всех российских дел и заявлял, что его не касается, как будут делить оставшуюся половину АЭГ и «Унион». Стараясь получить поддержку Петербургского международного банка в этой новой атаке, К. Сименс тут же предлагал ему участие в синди-

⁶² АЭГ — Петербургскому международному банку 14/26 ноября 1898 г.: там же, лл. 5—6.

⁶³ АЭГ — Петербургскому международному банку 29 декабря 1898 г./10 января 1899 г.: там же, д. 559, лл. 2—3.

⁶⁴ Штейнталь — Ротштейну 1/13 января 1899 г.: там же, лл. 4—5. Переговоры, начавшиеся по вопросам московского и петербургского трамвая, постепенно захватывали и другие спорные объекты. К их числу относилось строительство трамвая в Риге, где наиболее прочные шансы были у «Униона», и трамвай и освещение в Варшаве. По сохранившимся документам трудно установить, когда именно эти объекты стали предметом переговоров трех фирм. Выше, на стр. 223, говорилось о соглашении «Сименс—Гальске» и «Униона» в связи с делами в Риге и Варшаве.

⁶⁵ Имеется в виду передача петербургскому обществу представительства в России.

кате по финансированию «Общества 1886 г.»⁶⁶ Петербургский международный банк не пошел на приманку, и в середине января 1899 г. была принята резиновая формула Ротштейна, по которой фирмы получали по $\frac{1}{3}$ всех работ в России, но в отдельных случаях, если одна из фирм уже проделала большую подготовительную работу или располагала в данном случае особо прочными позициями, она имела право на половину дела.⁶⁷

В феврале 1899 г. был подписан оформивший создание синдиката «технический договор» между «русским обществом Сименс—Гальске», «Русским обществом Унион» и АЭГ, выдержанный в духе формулы Ротштейна, но ограничивший долю фирмы, получившей преимущество, до 40%.⁶⁸ Таким образом, участникам синдиката так и не удалось достичь твердой договоренности о разделе конкретных объектов, стоявших на очереди дня, и вся борьба вокруг них была еще впереди.

Параллельно с переговорами электротехнических фирм шло образование банковского синдиката для финансирования намеченных работ. По мере того как достигалась договоренность между тремя фирмами, расширялся и круг банков, участвовавших в деле, прежде всего за счет связанных с АЭГ и «Унионом» Берлинер хандельсгезельшафт, Дисконто гезельшафт и Дрезденского банка. Для Петербургского международного банка, который уже и в сотрудничестве с Немецким банком оказывался на ролях младшего партнера, такое увеличение немецкой группы означало полную потерю влияния на дело. У нежелавшего примириться с этим руководителя Международного банка А. Ю. Ротштейна возникла поэтому идея расширения банковского синдиката за счет привлечения в него французских участников. Это давало бы ему возможность, во-первых, вознаградить себя и своих французских партнеров за поражение в 1897 г. в московском деле, и, во-вторых, и самое главное, играя на франко-германских противоречиях в синдикате, оказаться в положении арбитра и захватить руководство. С этой целью Международный банк ставит вопрос о привлечении к синдикату прежде всего банкирского дома Ротшильда, аргументируя это перед своими немецкими союзниками тем, что в противном случае «Ротшильд и АЭГ выступят самостоятельно».⁶⁹

⁶⁶ К. Сименс — Ротштейну 7/19 декабря 1898 г.: там же, д. 557, лл. 3—4.

⁶⁷ Немецкий банк — Международному банку 7/19 января 1899 г.: там же, д. 552, л. 115.

⁶⁸ «Технический договор»: там же, д. 559, лл. 52—54, без даты, дата установлена по времени образования синдиката банков. Таким образом, АЭГ, не имевшая еще дочернего предприятия в России, была представлена в синдикате непосредственно, а «Сименс—Гальске» и «Унион» — своими «русскими» обществами.

⁶⁹ Дернен — Ротштейну 19/31 декабря 1898 г.: там же, д. 80, л. 57.

В декабре 1898 г. Ротштейн отправил в Германию Дернена, возложив на него миссию убедить германские банки в необходимости создания «большого синдиката». Идея эта, мягко говоря, не вызвала энтузиазма. Дернен, поддерживавший версию о привлечении Ротшильда ради союза с АЭГ, доносил Ротштейну, что он не встретил со стороны Гвиннера и Шерешевского правильного понимания целей «большого синдиката». Вернее будет сказать, что директора Немецкого и Дрезденского банков поняли эти цели слишком хорошо, и именно потому выступили против. Гвиннер начал разговор с Дерненом с того, что расчленил проект синдиката на конкретные объекты и заявил, что будет очень трудно передать «большому синдикату» дела в Петербурге, Москве, Варшаве и Риге (т. е. все основные), поскольку они, особенно московское дело, уже ведутся другими синдикатами.⁷⁰ Это был явный намек на то, что Немецкий банк не намерен выпускать руководство из своих рук. Вместо создания нового синдиката Гвиннер предложил принять «Унион» в московский синдикат и выделить из доли «Униона» субучастие для Петербургского международного банка. Это было настолько далеко от того, чего добивался Ротштейн, что Дернен счел необходимым в том же письме особо подчеркнуть, что сам-то он за идею Ротштейна и просит не думать, будто он предал ее в переговорах с Немецким банком. Дело не сдвинулось с места и через неделю. Сообщая о новой встрече с Гвиннером, Дернен писал Ротштейну, огорченный как неудачей переговоров, так и негостеприимностью хозяина: «Я не получил завтрака. Как это ни печально выглядит, во время моих переговоров с Гвиннером на столе действительно стояла только чернильница. Это был совершенно холодный трезвый разговор, и если мне за него будет поставлена хорошая оценка, то это будет мне больше утешительно, чем понятно».⁷¹ Несколько лучше обстояло дело с Дрезденским банком. Хотя разговор с Шерешевским носил самый общий характер, Дернен все же вынес из него впечатление, что Дрезденский банк будет участвовать в синдикате.⁷²

Для того чтобы оказать давление на Немецкий банк, Ротштейн заявил Штейнталу, что если «Сименс—Гальске» и «Унион» не договорятся между собой, Петербургский международный банк не будет поддерживать одну из сторон, а останется нейтральным.⁷³ Дернен пошел еще дальше и на переговорах о распределении квот между «Сименс—Гальске» и «Унионом» занял сторону «Униона», доказывая, что у последнего есть хорошие шансы в конкурентной борьбе. Дернен при этом выступал не от имени «Униона», а прямо

⁷⁰ Там же, л. 87. Страницы письма в деле разрознены.

⁷¹ Дернен—Ротштейну 26 декабря/7 января 1899 г.: там же, л. 99.

⁷² Там же.

⁷³ Штейнталь — Ротштейну 1/13 января 1899 г.: там же, д. 559, лл. 4—5.

от Международного банка, и директор «Сименс—Гальске» Бедикер напоминал ему, что банк уже раньше взял на себя обязательства в отношении его фирмы. На позиции Немецкого банка несомненно сказалось и то обстоятельство, что он в это время и в других, не связанных с электричеством вопросах оказался в положении, которое Ротштейн назвал «веселой войной — все против Немецкого банка».⁷⁴ В этих условиях угроза Петербургского международного банка отказаться от поддержки «Сименс—Гальске» возымела свое действие, и Гвиннер заявил о готовности передать акции московской конки в распоряжение «большого синдиката», если последний оплатит их стоимость и 12.5% прибыли. Одновременно он вновь предложил группе «Униона» вступить в московский синдикат в размере 15%,⁷⁵ стремясь этим отколоть «Унион» от Петербургского международного банка. Давая вынужденное согласие на организацию «большого синдиката» Гвиннер не преминул еще раз заявить, что с его точки зрения в Петербурге переоценивают значение Ротшильда для синдиката. Мотив участия Ротшильда в синдикате он видит только в строительстве бакинской станции.⁷⁶ В оценке позиции Ротшильда Гвиннер, как показали события, был в основном прав, но дело было не в мотивах Ротшильда, а в планах Ротштейна. Одновременно с Гвиннером попытку воздействовать на Ротштейна предпринял Штейнталь. Выразив удивление по поводу желания Ротштейна иметь полную информацию о московском деле (дескать, бывает ли полнее, чем та, которую давал Немецкий банк), Штейнталь заявил, что он против обсуждения московских планов в «большом синдикате», ибо опасается, как бы вновь вошедшие в него банки не перехватили дело для других электротехнических фирм.⁷⁷ В ответ Ротштейн вновь подчеркнул, что именно для предотвращения конкуренции он и стремится привлечь в «большой синдикат» Ротшильдов и АЭГ.⁷⁸

Отказавшись от прямого сопротивления идее «большого синдиката», Немецкий банк с тем большим усердием стал создавать группировку в группировке и добился вхождения в московский синдикат Дрезденского банка и Берлинер хандельсгезельшафт.⁷⁹ При этом все еще имелось в виду, что часть передаваемых группе «Униона» акций московской конки предназначается для Петер-

⁷⁴ Ротштейн — А. Кону 6/18 февраля 1899 г.: там же, д. 1403, л. 16.

⁷⁵ Дернен — Ротштейну 9/21 января 1899 г.: там же, д. 85, лл. 7—12.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Штейнталь — Ротштейну 1/13 января 1899 г.: там же, д. 559, лл. 4—5.

⁷⁸ Ротштейн — Штейнталью 4/16 января 1899 г.: там же, л. 6.

⁷⁹ Докладная записка Герца 25 февраля/9 марта 1899 г.: там же, д. 552, л. 186.

бургского международного банка в качестве субучастника. Этот маневр вызвал столь резкое возмущение Ротштейна, что он, видимо, высказался по поводу стремления Дрезденского банка совать нос не в свои дела. Во всяком случае, Дернен счел необходимым, успокаивая шефа, возразить, что «бедный нос Дрезденского банка все же не так виноват, как вы полагаете».⁸⁰

Выванное с огромным трудом согласие германских банков на создание «большого синдиката» было только одной стороной дела. Нужно было еще привлечь к нему участников и обеспечить руководящее положение Международного банка. В первоначальных проектах Ротштейна состав синдиката с общим капиталом в 20 млн руб. выглядел следующим образом: банкирский дом Ротшильда (Париж) — 10%, Международный банк за себя — 5% и за субучастников — 7.5%, разные участники из Парижа — 5% (как видно из дальнейшего под ними подразумевалось «Генеральное общество промышленности в России»), «Франко-швейцарское общество электрической промышленности», тесно связанное с Парижско-Нидерландским банком, — 5%, группы «Униона», АЭГ и Немецкого банка — «Сименс—Гальске» — по 10%, «Швейцарское общество электрической промышленности» («Инделек» — концерн Сименса) и близкий к Сименсу Базельский коммерческий банк вместе — 5%, разные неназванные русские участники — 20% и иностранные — 12.5%. Об участии «Инделек» и Базельского банка просил К. Сименс, он же настаивал на привлечении в «большой синдикат» Частного банка.⁸¹ Сименс стремился таким путем укрепить свои позиции внутри создаваемого синдиката, включив в него возможно большее число связанных с ним организаций. Предлагая кандидатуру Частного банка, Сименс рассчитывал, очевидно, использовать соперничество Частного банка с Международным. Но последний маневр натолкнулся на чрезмерные аппетиты Частного банка, соглашавшегося войти в «большой синдикат» лишь при условии, что ему позволят продолжать сотрудничество с конкурирующими фирмами.⁸² Со своей стороны Ротштейн оказал маневру Сименса глухое сопротивление, перепоручив переговоры с директором Частного банка А. И. Муранием Герцу, хотя отношения их как раз в это время были крайне обострены конфликтом в «Обществе 1886 г.». Не удалась и попытка Сименса расширить свое участие в синдикате за счет «Инделек» и Базельского банка. Привлечение этих организаций не вызвало возражений Ротштейна, но соответственно были сокращены квоты других банков, представлявших интересы группы Сименса.

⁸⁰ Дернен — Ротштейну 19/31 января 1899 г.: там же, д. 85, л. 20.

⁸¹ Герц — Гвиннеру 9/21 января 1899 г.: там же, д. 559, л. 9.

⁸² Там же.

Переговоры о распределении квот проходили в Берлине приблизительно 17—18 февраля (н. ст.). Они характеризовались острейшими противоречиями. В написанном по горячим следам письме Ротштейн назвал эти переговоры битвой, во время которой «справа и слева вырывали себе квоты, как только позволяли приличия».⁸³ В последний момент, уже после достижения принципиальной договоренности, германским банкам удалось все же увеличить свое участие в синдикате. Ротштейн же не смог добиться сколько-нибудь широкого участия русских и иностранных (кроме Германии и Франции) финансовых кругов. В связи с этим доли участников синдиката подверглись в окончательном варианте значительному пересмотру. Доля Ротшильда выросла до 16.5%, Международного банка — до 18.5% (10% за себя и 8.5% за субучастников), «Генерального общества промышленности в России» — до 10%. По 12% получили группы «Сименс—Гальске»,⁸⁴ «Униона»⁸⁵ и АЭГ,⁸⁶ кроме того, 10% остались за «Франко-Швейцарским обществом электрической промышленности», 3% получил банк «Варшауер и Ко» (Берлин) и по 1% Русский для внешней торговли, Учетный и ссудный, Азовско-Донской и Частный банки, банкирские дома Вавельберга, Мейера, Юнкера (Россия), Варбурга (Германия) и «Липпман и Розенталь» (Голландия).⁸⁷ Большую часть своего пакета Петербургский международный банк разделил в качестве субучастия (в том числе и из квоты, числившейся в синдикатном договоре как его собственная): «Униону» — 3%, банкирским домам Мендельсона (Берлин) — 3% и С. Ротшильда (Вена) — 2%, «Генеральному обществу промышленности в России» — 2.5% и др.⁸⁸ Всего, таким образом, на долю германских участников приходилось 47.5% капитала синдиката, на долю французских — 36%, русских — 12.5% и прочих — 4%. Это было не совсем то, чего добивался Ротштейн, но все же достаточно для того, чтобы Международный банк, имевший возможность блокироваться то с одной, то с другой стороной, мог сохранить руководство «большим синдикатом» за собой.

⁸³ Ротштейн — Кону 6/18 февраля 1899 г.: там же, д. 1403, л. 16.

⁸⁴ Немецкий, Средне-германский кредитный и Базельский банки, банкирский дом Я. Штерн и «Инделек».

⁸⁵ Дрезденский банк. Банк торговли и промышленности, Шаффгаузенский банковский союз, Дисконто Гезельшафт и банкирские дома Блейхредера и «Борн и Буссе».

⁸⁶ Берлинер Хандельсгезельшафт, Национальный банк для Германии, Всегерманское кредитное общество, Аахенское кредитное общество, Швейцарский кредитный банк, Банк для электрической индустрии и банкирские дома Дельбрюка, Е. Геймана и братьев Зульцбах.

⁸⁷ Синдикатный договор: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 559, лл. 50—51.

⁸⁸ Список участников синдиката: там же, л. 1.

Договор о создании синдиката был подписан в феврале 1898 г.⁸⁹ Действие синдиката распространялось на всю Россию, за исключением Финляндии и Польши; в функции синдиката входило получение концессий, организация и реорганизация акционерных обществ, выпуск новых акций обществ, производство строительных работ. В качестве первых дел синдиката были намечены дела по освещению и трамваю в Петербурге и по трамваю в Москве и пригородах (в пределах 10 верст от линии московских застав). Вопрос о рижском трамвае остался неурегулированным, и в договор была внесена специальная оговорка, что рижское дело не входит в компетенцию синдиката. Для руководства делами синдиката был создан комитет в составе шести человек — представителей Петербургского международного, Немецкого и Дрезденского банков, Берлинер хандельсгезельшафт, банка Ротшильда и «Франко-швейцарского общества электрической промышленности».⁹⁰ Делопроизводство синдиката вел Петербургский международный банк. Одновременно с договором банков был подписан упоминавшийся выше «технический договор» между «Сименс—Гальске», «Унионом» и АЭГ, причем германские банки, не отказавшиеся от борьбы против навязанных им партнеров по синдикату, потребовали, чтобы этот договор был известен только членам комитета.⁹¹ В тексте договора почему-то не упоминается бакинское дело, но Ротштейн, предлагая Вавельбергу участие в синдикате, писал, что первым его делом будет строительство бакинской электростанции.⁹²

Бакинская станция оказалась не только первым, но и единственным делом, которое «большой синдикат» сумел довести до конца. Как только между тремя электротехническими обществами было достигнуто соглашение о совместных действиях, представители Петербургского международного банка барон Н. Е. Врангель и В. Ф. Голубев подали ходатайство об учреждении акционерного общества «Электрическая сила», к которому должна была перейти новая станция.⁹³ Капитал «Электрической силы» был установлен

⁸⁹ На архивном экземпляре договора дата отсутствует. Он мог быть подписан между 5/17 и 12/24 февраля. 5/17 февраля переговоры, по словам Ротштейна, были окончены в принципе (там же, д. 1403, л. 14). Но на утверждение проектов нужно было еще несколько дней. Кроме того, как уже указывалось, после достижения принципиального соглашения квоты германских банков были изменены. 12/24 февраля Ротштейн, уже вернувшись в Петербург, писал Вавельбергу о договоре, как о свершившемся факте (там же, д. 559, л. 26).

⁹⁰ Синдикатный договор: там же, лл. 50—51.

⁹¹ Немецкий банк — Международному банку 24 февраля/8 марта 1899 г.: там же, л. 64.

⁹² Ротштейн — В. Вавельбергу 12/24 февраля 1899 г.: там же, л. 26.

⁹³ Прошение Н. Е. Врангеля и В. Ф. Голубева министру финансов 9/21 декабря 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 604, л. 1.

для начала в 4 млн руб., а собран до конца года в размере 3.2 млн руб., причем половину акций брал «большой синдикат», а вторую половину — владельцы нефтяных промыслов в Баку,⁹⁴ в их числе те же Ротшильды в качестве владельцев Каспийско-Черноморского товарищества. К новому обществу перешло от «Сименс—Гальске» и торгового дома Тильманса принадлежавшее им товарищество «Свет» со всей его клиентурой. «Электрическая сила» заключила также договор с «Сименс—Гальске», «Унионом» и АЭГ сроком на 10 лет, по которому общества уплачивали ей 5% от суммы своих поставок в Бакинском районе, что являлось формой выплаты отчислений от прибылей в пользу синдиката. Для строительства электростанций (Балаханской и Биби-Эйбатской) были куплены участки у Гукасова и Тагиева.⁹⁵ В правление «Электрической силы» были на учредительном собрании 3 августа 1899 г. избраны Н. Е. Врангель, П. П. Толстой-Голенищев-Кутузов, Г. Спидер, Ж. Арон, А. Фейгль, П. О. Гукасов и Г. З. А. Тагиев.⁹⁶ На русские капиталы (Международный банк, Гукасов, Тагиев и др.) приходилось 43.75%, на германские—23.75% и на прочие (главным образом — французские) — 32.5%. Бакинская электростанция была после ее постройки крупнейшей в России и первой станцией такого масштаба, предназначенной для отпуска электроэнергии в промышленных целях.

Весь 1899 год наполнен борьбой между участниками синдиката. В мае вновь стал актуальным вопрос о петербургском трамвае. Комиссия управы по заведованию городскими железными дорогами внесла на рассмотрение думы проекты устройства аккумуляторного трамвая на линии, проходящей по Невскому проспекту. Проекты представили бельгийские предприниматели Дюле и Нотомб,⁹⁷ «Товарищество Подобедова» и «Сименс—Гальске».⁹⁸ «Торгово-промышленная газета», ссылаясь на заявление директора «Сименс—Гальске» Б. А. Эфрона, утверждала, что предложения общества убыточны. Газета объясняла готовность его идти на убытки тем, что Сименс, действуя от имени всех трех германских обществ, готов любой ценой оттеснить бельгийских конкурентов,

⁹⁴ Ротштейн — Вавельбергу 12/24 февраля 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 559, л. 26.

⁹⁵ Доклад учредителей общества собранию акционеров 3/15 августа 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 608, л. 21.

⁹⁶ Протокол собрания акционеров 3/15 августа 1899 г.: там же, л. 26.

⁹⁷ Первый из них являлся главой крупнейшего бельгийского электро-технического завода «Электричество и гидравлика» в Шарлеруа, а второй — его представителем в России. Как раз в 1899 г. Дюле вместе с рядом бельгийских обществ, близких к брюссельскому Сосьете генераль, намеревался учредить «Главное франко-русское общество аккумуляторов» (ЦГИАЛ, ф. 22, оп. 4, д. 314, лл. 1—15).

⁹⁸ Торгово-промышленная газета, 1899, 10/22 июня.

а затем уже договориться с управой о замене аккумуляторной тяги воздушной проводкой и пересмотреть цены в свою пользу.⁹⁹ Объяснение это звучит весьма правдоподобно. При таких обстоятельствах становится ясным, почему именно в мае на переговорах трех обществ в «большом синдикате» встал петербургский вопрос. Продолжая вести глухую борьбу против «большого синдиката», германские банки выдвинули идею создания для Петербурга специальной группы в составе Немецкого, Дрезденского и Петербургского международного банков,¹⁰⁰ вновь пытаясь оттеснить не только французских участников, но и АЭГ. Последнее объяснялось ее позицией. АЭГ, ссылаясь на принадлежащие ей и все еще не переданные «большому синдикату» акции петербургской конки, требовала увеличения своей квоты, а «Сименс—Гальске» и «Унион» категорически выступали против и предлагали купить эти акции.¹⁰¹ Со своей стороны Берлинер хандельсгезельшафт от имени группы АЭГ готово было продать акции, но Петербургский международный банк, считая цену неподходящей, полагал, что покупать их должен не «большой синдикат», а непосредственно электротехнические фирмы.¹⁰² Ротштейн готов был дать деньги для этой цели, но требовал за то особых преимуществ для банка.¹⁰³ Все эти переговоры оказались, впрочем, беспредметными, поскольку дума опять отложила рассмотрение проектов, решив устроить новый конкурс.¹⁰⁴

Вплоть до весны 1899 г. продолжалась упорная торговля и из-за московского трамвая. Немецкий банк, несмотря на ранее взятое обязательство, не хотел отдавать «большому синдикату» акции московской конки. В марте и апреле Немецкий банк и Берлинер хандельсгезельшафт все еще предлагали Ротштейну ограничиться вступлением в московский синдикат, уступая ему часть своих квот.¹⁰⁵ Параллельно шел спор о цене, по которой Немецкий банк был бы все же согласен передать акции «большому синдикату». Банк требовал прибыли в 12,5%, а представитель Ротшильдов Ж. Арон в ответ высказывал сомнения в целесообразности вообще покупать эти акции, считая возможную доходность буду-

⁹⁹ Там же, 30 мая/11 июня.

¹⁰⁰ Герц — Гвиннеру 6/18 мая 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 554, лл. 90—92.

¹⁰¹ Международный банк — Немецкому банку 27 апреля/9 мая 1899 г.: там же, л. 96.

¹⁰² Ротштейн — Э. Неплину (Парижско-Нидерландский банк) 26 апреля/8 мая 1899 г.: там же, л. 94.

¹⁰³ Ротштейн — Гвиннеру 7/19 мая 1899 г.: там же, д. 559, лл. 137—138.

¹⁰⁴ Торгово-промышленная газета, 1899, 10/22 июня.

¹⁰⁵ Немецкий банк — Международному банку 10/22 марта и 12/24 апреля 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 559, лл. 82, 124.

щего трамвая недостаточно привлекательной.¹⁰⁶ Против Немецкого банка выступил также его союзник по московскому синдикату — Парижско-Нидерландский банк,¹⁰⁷ вынудив его все же идти на уступки.¹⁰⁸ Но, как и в Петербурге, к этому времени определилось, что Московская управа не торопится идти навстречу предложениям банков. Участникам синдиката пришлось считаться с возможностью того, что город не отдаст трамвая в концессию, а будет настаивать на выкупе конки. Перестраивая свои планы в соответствии с обстановкой, электротехнические фирмы рассчитывали теперь договориться с Московской управой о предоставлении займа для выкупа конно-железных дорог и о передаче им впоследствии городского трамвая в долгосрочную эксплуатацию,¹⁰⁹ т. е. склонялись к варианту, сходному с петербургским. Одновременно они разрабатывали программу широкого воздействия на общественное мнение в пользу передачи эксплуатации трамвая «Первому обществу».¹¹⁰ В это время участников синдиката постиг еще один удар. Ссылаясь на свои связи в Лондоне, куда приехала для переговоров о займе делегация Московской думы, директор Парижско-Нидерландского банка Э. Нецлин передавал, что дума настроена против «Сименс—Гальске» и любой связанной с фирмой группы.¹¹¹ Ротштейн пытался утешить Нецлина и самого себя, уверяя, что «эта история не так не благоприятна для „Сименс—Гальске“, как это можно подумать».¹¹² Но на Немецкий банк сообщение Нецлина явно произвело впечатление, и возможно именно поэтому он решил, наконец, расстаться с акциями московской конки. Где-то в мае «большой синдикат» приобрел их у Немецкого банка, причем акции «Первого общества» были переданы на хранение в Международный банк, а «Второго общества» — переданы в Брюссельское отделение Немецкого банка.¹¹³

Не менее напряженными были отношения внутри «технического синдиката». В июне «Сименс—Гальске» и «Унион» договорились о полюбовном разделе поставок для завода Гартмана в Луганске и для Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д.¹¹⁴ А уже в июле

¹⁰⁶ Г. Спидер — Ротштейну 5/17 апреля 1899 г.: там же, д. 87, лл. 83—84.

¹⁰⁷ Нецлин — Гвиннеру [10]/22 апреля 1899 г.: там же, лл. 126—129.

¹⁰⁸ Гвиннер — Нецлину [12]/24 апреля 1899 г.: там же, л. 110.

¹⁰⁹ Записка о перспективах московского трамвая: там же, д. 552, лл. 233—236.

¹¹⁰ Предварительная программа деятельности на предмет переоборудования московских конно-железных дорог в электрическое предприятие: там же, лл. 240—244.

¹¹¹ Спидер — Ротштейну 10/22 апреля 1899 г.: там же, д. 87, л. 106.

¹¹² Ротштейн — Нецлину 4/16 мая 1899 г.: там же, д. 552, лл. 265—266.

¹¹³ Записка о приобретении акций московской конки комитетом синдиката: там же, лл. 250—251.

¹¹⁴ Герц — Ротштейну 11/23 июня 1899 г.: там же, д. 557, л. 6.

Герц жаловался Ротштейну на действия «Униона», сбивавшего цены в Новороссийске и Варшаве и стремившегося поссорить «Сименс—Гальске» с его давнишним клиентом «Донецко-Юрьевским обществом». Герц угрожал, что если «Унион» не изменит своей политики, то он, Герц, будет сообщать властям, что «Унион» не в состоянии поставлять достаточное количество оборудования русского производства.¹¹⁵ Смысл угрозы заключался в том, что «Унион», как, впрочем, и «Сименс—Гальске», под маркой своего завода в России сбывал продукцию, выпущенную в Германии. Директор «Русского общества Унион» А. Арнд не менее резко писал в Международный банк Е. Шайкевичу о действиях «Сименс—Гальске».¹¹⁶

Летом 1899 г. велись также переговоры с германским обществом «Гелиос». Они были начаты «Сименс—Гальске» в целях создания картеля петербургских осветительных обществ,¹¹⁷ но представители «Гелиоса» подняли вопрос о сотрудничестве и в других районах России, в частности в Варшаве. Представители «Сименс—Гальске» Герц и Бедикер отвергли эти предложения. Тогда «Гелиос» предпринял попытку договориться о сотрудничестве с «Унионом», но и эта попытка оказалась малоуспешной. Следует отметить, что Немецкий банк был, видимо, первоначально настроен за соглашение. Во всяком случае, поддерживавший «Гелиос» банкирский дом С. Оппенгейма благодарил Немецкий банк за посредничество, а «Сименс—Гальске» особо оговаривало необходимость помощи банков против «Гелиоса».¹¹⁸

В октябре «Сименс—Гальске» и «Унион» решили поделить пополам поставки для предполагавшейся линии трамвая Невский проспект—Полюстрово,¹¹⁹ но при конкурсе на устройство электрического освещения в Варшаве «Унион», добиваясь совместных действий с «Сименс—Гальске», все время угрожал в противном случае договориться с «Гелиосом».¹²⁰ В ноябре «Сименс—Гальске» вновь предъявило претензии к «Униону» за то, что послед-

¹¹⁵ Герц — Ротштейну 1/13 июля 1899 г.: там же, д. 552, лл. 172—173.

¹¹⁶ А. Арнд — Е. Г. Шайкевичу 8/20 июля 1899 г.: там же, д. 560, лл. 2—5.

¹¹⁷ Картель был создан в 1901 г. в составе «Общества 1886 г.», «Бельгийского общества освещения Петербурга», и «Петербургского общества электрических сооружений, бывший Гелиос». Он просуществовал до 1917 г.

¹¹⁸ «Сал. Оппенгейм и К^о» — Немецкому банку [10]/22 апреля 1899 г. и «Сименс—Гальске» — Немецкому банку [22 апреля]/3 мая 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 133, лл. 132—133, 135—137.

¹¹⁹ «Унион» — «Сименс—Гальске» 18/30 октября 1899 г.: там же, д. 554, лл. 113.

¹²⁰ Дернен — В. Лауэ 22 октября/3 ноября 1899 г.: там же, д. 85, лл. 119.

ний не представил компенсаций за свои дела в Лодзи, Смоленске и других местах.¹²¹

Осенью 1899 г. начался мировой экономический кризис, который еще больше усилил конкуренцию как внутри участников «большого синдиката», так и со стороны его бельгийских соперников — «Генеральной компании тяги и электричества», «Центральной компании электричества в Москве», «Электричество и гидравлика» и др. В связи с этим руководители «Сименс—Гальске» решили прибегнуть к защите правительства под флагом содействия развитию русской электротехнической промышленности. Карл Сименс разговаривал на эти темы с Горемыкиным в бытность последнего в Париже,¹²² а Герц заготовлял особую докладную записку для подачи Витте.¹²³ Он рассчитывал, что эта записка послужит толчком к началу официальной агитации за развитие русской электропромышленности. Идею подачи такой записки поддержал и К. Сименс.¹²⁴ Речь шла, разумеется, об особых льготах петербургским заводам Сименса, которые имелись в виду под русской промышленностью, и агитация эта была ударом по интересам союзника «Сименс—Гальске» по синдикату — АЭГ, поскольку она-то уж никак не подходила под это понятие. Сименс, собственно, и не скрывал этого. Сообщая Герцу о своих переговорах с Горемыкиным, он писал, что в создавшейся «проклятой ситуации» «очень трудно поместить всех под одной шляпой».¹²⁵ АЭГ со своей стороны не оставалась в долгу. Дернен жаловался в октябре, что кто-то явно старается испортить отношения между «Сименс—Гальске» и «Унионом» и видел в этом дело рук АЭГ.¹²⁶

Осенью 1899 г. отношения участников «большого синдиката» вновь резко обострились из-за вопроса о московском трамвае. Хотя «Первое общество» с помощью Немецкого банка, «Сименс—Гальске» и «Общества 1886 г.» перевело на электрическую тягу часть своих путей,¹²⁷ это не склонило Московскую управу принять условия синдиката по переоборудованию всего трамвая. Производить же переоборудование всех путей на свой риск под угрозой выкупа в ближайшие годы синдикат считал невыгодным. Поэтому, когда экономический кризис осложнил и без того сложную ситуацию, Немецкий банк стал настаивать на принятии предло-

¹²¹ Герц — Ротштейну 25 ноября/7 декабря 1899 г.: там же, д. 557, л. 9.

¹²² К. Сименс — Герцу 28 октября/9 ноября 1899 г.: там же, д. 552, л. 342.

¹²³ Герц — Ротштейну 19 ноября/1 декабря 1899 г.: там же, лл. 346—347.

¹²⁴ Герц — Ротштейну 1/13 декабря 1899 г.: там же, лл. 352—353.

¹²⁵ К. Сименс — Герцу 16/28 октября 1899 г.: там же, л. 342.

¹²⁶ Дернен — Ротштейну 22 октября/3 ноября 1899 г.: там же, д. 85,

¹²⁷ Докладная записка Герца: там же, д. 552, л. 186.

жения управы о досрочном выкупе обоих обществ конки и на продаже управе акций этих обществ, чтобы возместить понесенные затраты и высвободить вложенные средства. Такая перспектива вызвала сильное недовольство «Русского общества Сименс—Гальске». 1 октября 1899 г. Герц писал Ротштейну, что если акции конки не будут находиться в руках синдиката, то его участники окажутся в невыгодном положении по сравнению с коппурентами, так как синдикатным договором у них будут связаны руки. «Это, — писал он, — было бы, однако, невозможно, и каждый должен был бы искать спасения, где только удастся. Продажа акций означает развал консорциума».¹²⁸ Петербургский международный банк был того же мнения, и, опираясь на поддержку Ротштейна и Шайкевича, Герц попытался оказать воздействие на Гвиннера. Он предложил выждать время и затянуть переговоры о выкупе «Второго общества».¹²⁹ Получив письмо Гвиннера, в котором тот отстаивал свою точку зрения,¹³⁰ Герц выразил несогласие с тем, будто получение московского заказа — дело электротехнических фирм, а не банков, и недвусмысленно намекнул, что он готов искать поддержки у Международного банка.¹³¹ Но Гвиннер, еще не успев получить это письмо, вновь заявил, что выжидательная политика «в эти плохие времена» не даст результата и подчеркнул: «Неправильно полагать, будто подобные переговоры лучше вести через посредство банков или больших синдикатов».¹³² Тут речь шла уже не о продаже акций, Немецкий банк вообще отступался от «большого синдиката». Хотя синдикату и не удалось сбыть акции с рук, предсказание Герца о его судьбе сбылось очень скоро. В феврале 1900 г. правление берлинского «Сименс—Гальске» открыто признало, что «неблагоприятное финансовое положение, вызванное войной в Африке (весьма осторожная формулировка! — В. Д.), отложило на неопределенное время основание крупных электрических предприятий, особенно трамвая в Москве и Петербурге, которое проектировалось синдикатом банков».¹³³ Еле державшееся из-за внутренних противоречий здание «большого синдиката» рухнуло, как только к ним прибавился экономический кризис.

Трудно сказать, когда формально распался «большой синдикат», претендовавший на господство в русской электрической промышленности. Каких-либо документов, свидетельствовавших

¹²⁸ Герц — Ротштейну 1/13 октября 1899 г.: там же, лл. 322—323.

¹²⁹ Герц — Гвиннеру 9/21 декабря 1899 г.: там же, лл. 361—363.

¹³⁰ Гвиннер — Герцу 22 ноября/4 декабря 1899 г.: там же, лл. 364—367.

¹³¹ Герц — Гвиннеру 15/27 декабря 1899 г.: там же, лл. 380—383.

¹³² Гвиннер — Герцу 11/23 декабря 1899 г.: там же, лл. 385—386.

¹³³ «Сименс—Гальске» — акционеру «Общества 1886 г.» А. Эндеру 26 января/7 февраля 1900 г.: ГИАЛЮ, ф. 1243, оп. 1, д. 141, л. 232.

о его существовании после 1899 г. нам обнаружить не удалось, но не удалось и обнаружить документов, прямо говорящих о его роспуске. Р. Лифман в своей книге «Общества участия и финансирования» (изд. 1913 г.) упоминает о существовании «синдиката по финансированию электрических предприятий в России», отмечая участие в нем «Швейцарского общества электрической промышленности» и Банка для электрической индустрии,¹³⁴ но весьма сомнительно, чтобы эти банки сохранили на своих счетах до 1910-х годов участие в синдикате 1899 г. Эти сведения относятся, очевидно, к новому синдикату, который, по нашим предположениям, был создан в 1909 г.

Что касается «технического синдиката», то он формально не был распушен. Но последовавшие изменения в расстановке сил, слияние АЭГ с «Унионом» и «Сименс—Гальске» с «Шуккертом» поставили заново проблему распределения квот его участников и вызвали острейшие трения, которые фактически полностью уничтожили соглашение. Уже в совершенно иных условиях был около 1910 г. создан новый синдикат трамвайного оборудования в составе «Сименс—Шуккерт», ВКЭ и «Русского электрического общества Вестингауз», занимавшийся, однако, только поставками оборудования, но не вопросами получения концессий.

* *
*

История образования и развала «большого русского синдиката» очень характерна.

В действиях германских банков и концернов отчетливо проявилась тенденция превратить Россию в рынок сбыта своей продукции, навязать ей развитие экономики по колониальному типу. Как существовавший завод «Сименс—Гальске» в Петербурге, так и строившийся завод «Униона» в Риге являлись прежде всего сборочными мастерскими, прикрывавшими своей маркой продукцию, ввозимую из Германии. АЭГ первоначально вообще не собиралась строить свой завод в России, а позднее приобрела завод «Униона». Вся программа «большого синдиката» была рассчитана на строительство предприятий не производящих, а потребляющих электротехническую продукцию. Германские банки настойчиво стремились полностью сохранить в своих руках все руководство вновь создаваемыми предприятиями, соглашаясь лишь на такое участие русских и иных капиталов, которое не ставило бы под угрозу германское господство. В то же время германские концерны, применяясь к протекционистской политике самодержавия, охотно

¹³⁴ R. Liefmann. Finanzierungs- und Beteiligungsgesellschaften. Jena, 1913, стр. 463, 469.

рядились в тогу «русских предприятий», превращая свои отделения в России в формально самостоятельные общества. Именно здесь им прежде всего нужна была помощь русских банков.

Во всей этой борьбе Петербургский международный банк выступал не в качестве посредника и проводника политики германских или французских капиталов, а преследовал свои собственные цели и интересы, активно добиваясь осуществления этих целей. Но было бы неверно изображать Петербургский международный банк и проводником русских национальных интересов. Его политика как во время борьбы вокруг «большого синдиката», так и в других случаях определялась своекорыстной выгодой банка в каждом конкретном случае, что, впрочем, характерно для любого капиталистического предприятия.

Нужно также отметить, что Петербургская и Московская управы не торопились сдавать городские железные дороги в концессию иностранным предпринимателям, хотя первоначально у Петербургской думы и было такое намерение. Наученная горьким опытом кабального договора с «Обществом 1886 г.», Московская управа настойчиво добивалась выкупа предприятий обоих обществ конки и в конечном итоге сама построила трамвай, хотя и оборудованный иностранными машинами, но спроектированный русскими инженерами. Петербургская управа также сохранила за собой управление трамваем. Позиция обеих столичных управ, поддержанная Министерством внутренних дел,¹³⁵ наложила свой отпечаток на ход борьбы внутри синдиката, осложнив достижение его целей.

«Большой русский синдикат» возник в процессе отчаянной борьбы европейских монополий за чрезвычайно выгодный рынок приложения капиталов и сбыта товаров, который представляла собой Россия. «Превращение конкуренции в монополию, — указывал В. И. Ленин, — представляет из себя одно из важнейших явлений — если не важнейшее — в экономике новейшего капитализма».¹³⁶ В обстановке, когда в Россию устремились восемь германских и три бельгийских электротехнических концерна, а также ряд швейцарских, австрийских и английских обществ, три крупнейших европейских монополии — «Сименс—Гальске», «Унион» и АЭГ сочли целесообразным объединиться против остальных соперников. Но как подчеркивал В. И. Ленин, «монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют

¹³⁵ Министерство неоднократно выступало против предоставления концессий иностранным предпринимателям, добиваясь учреждения обществ с русским уставом. В начале 1901 г. оно разослало циркуляр, предлагая не передавать концессионерам городские предприятия, способные приносить доход (трамвай, освещение, водопровод), а по возможности эксплуатировать их средствами городских управлений.

¹³⁶ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Сочинения, т. 22, 4-е изд., стр. 185.

пад ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов». ¹³⁷

Два основных мотива проходят красной нитью через всю предысторию и историю синдиката.

С одной стороны, это стремление «Сименс—Гальске» сохранить, а «Униона» и АЭГ завоевать позиции в России. Монополия, которой пользовалась фирма «Сименс—Гальске» в России в XIX в., явилась следствием не концентрации в электротехнической промышленности страны, а слабости ее развития, отсутствия конкурентов. С появлением конкурентов и была сделана попытка сохранить монополию путем создания синдиката. Но противоречия между тремя фирмами были настолько остры, что даже в подписанном договоре не было достигнуто соглашения ни по одному конкретному делу, и это каждый раз вызывало новые столкновения.

С другой стороны, очень острыми были противоречия между Немецким банком, выступавшим от имени всей германской группы (что, впрочем, не исключало конфликтов и внутри нее), и Петербургским международным банком. Оба банка претендовали на руководство операциями по направлению капиталовложений в русскую электропромышленность. За Немецким банком была мощь его капиталов и капиталов его союзников, сила германских электротехнических концернов. Петербургский международный банк не мог противопоставить этому равной мощи и мог рассчитывать лишь на противоречия между различными группировками. Отсюда и вытекала идея «большого синдиката», с самого начала направленная против Немецкого банка. Но будучи вынужденным принять идею синдиката, Немецкий банк все время саботировал ее действительное осуществление и этим немало способствовал конечному краху задуманного предприятия.

Экономический кризис, обострив внутренние противоречия в «большом синдикате», ускорил его развал, который был, однако, предопределен этими противоречиями. Обстановка «первоначального грюндерства», господствовавшая в электроиндустрии России в 90-х годах, не создавала еще условий для образования гигантского объединения, которое бы полностью подчинило себе всю отрасль промышленности. Но и неосуществившаяся попытка создания такого объединения свидетельствовала о том, насколько глубоко процесс перехода капитализма в монополистическую стадию развития захватил и Россию.

¹³⁷ Там же, стр. 253.

П. В. ВОЛОБУЕВ

МОНОПОЛИСТИЧЕСКАЯ БУРЖУАЗИЯ И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

В истории империализма в России его последний, заключительный этап — март—октябрь 1917 г. характеризуется резким обострением всех социальных, политических, экономических противоречий капитализма и грандиозным взрывом массовой борьбы революционного народа. В центр развернувшейся в стране ожесточенной борьбы классов выдвинулся вопрос о государственной власти. От того или иного исхода этой борьбы зависело разрешение всех других вопросов революции (о войне и мире, о земле, о 8-часовом рабочем дне, о преодолении хозяйственной разрухи и т. д.). Характерно при этом то, что на авансцене борьбы за власть активно действовали не только политические партии буржуазии, прежде всего кадеты, но и в лице своих руководящих центров «сам» господин монополистический капитал, не желавший ограничиваться ролью закулисного дирижера.

Исследование действительной роли монополистической буржуазии в борьбе за власть позволяет глубже раскрыть движущие мотивы и цели ее политики в послефевральский период 1917 г., а также конкретно показать связанность Временного правительства интересами монополистического капитала.

* *

*

Февральская буржуазно-демократическая революция, опрокинув царизм и заодно похоронив расчеты буржуазии на сделку с ним, вынудила ее примкнуть на заключительном этапе революции к восставшему революционному народу. Руководящие буржуазные круги оказались перед необходимостью взять в свои руки государственную власть и сформировать новое правительство.

Организацию последнего, как известно, принял на себя с согласия и благословения меньшевистско-эсеровских лидеров Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Временный комитет Государственной думы.

Формируя правительство, думский комитет не только опирался на буржуазную общественность и ее основные силы — «прогрессивный блок», Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК) и Земгор, но и учитывал давно определившийся реальный вес и значение каждой из них. Поскольку между этими силами организованной буржуазии и капиталистических помещиков роли были распределены, так сказать, заранее, постольку состав Временного правительства наметился, говоря словами одного из членов думского комитета «сам собой», без особых трудностей и длительных обсуждений.¹

Но хотя состав думского комитета не внушал верхам деловой буржуазии каких-либо опасений за исход дела, монополистический капитал, как подлинный хозяин буржуазного общества, не стоял в стороне при решении вопроса об организации нового, «революционного» правительства.

Как вспоминал впоследствии видный деятель монополистических кругов Юга Ауэрбах, Временный комитет Думы, формируя первое правительство, «не мог и не желал обойти торгово-промышленный класс, а, напротив, пытался привлечь его к участию в государственном управлении».² Даже в таком контексте проглядывает далеко не пассивная роль монополистической буржуазии, с волей которой в самое кризисное время должен был считаться думский комитет.

В действительности монополистические круги, несмотря на царившую во всем буржуазно-помещичьем лагере растерянность, отнюдь не ждали приглашения послать своих представителей в состав формируемого правительства, а действуя за спиной политических лидеров буржуазии, оказывали серьезное влияние на определение состава Временного правительства. Главным рычагом этого влияния был, судя по всему, ЦВПК, являвшийся в то время политическим и экономическим штабом монополистической буржуазии.

Положение было таково, что, подобно тому, как без участия кадетской партии, по свидетельству Родзянко, невозможно было образовать «устойчивый кабинет»,³ так невозможно было создать правительство без участия деятелей ЦВПК, т. е. лидеров монополистической буржуазии. Причины этого ясны. Монополистический капитал не только держал в своих руках разветвленный, охватывающий всю страну экономический аппарат, но и имел

¹ С. И. Шидловский. Воспоминания, т. I. Берлин, 1923, стр. 61.

² Революционное общество (по личным воспоминаниям В. А. Ауэрбаха). Архив русской революции, т. XIV, Берлин, 1924, стр. 36. Разрядка моя, — *П. В.*

³ М. В. Родзянко. Государственная дума и Февральская 1917 года революция. Ростов-на-Дону, 1919, стр. 48.

в лице военно-промышленных комитетов «наготове определенные общественные ячейки»,⁴ рассматривавшиеся буржуазией как скелет новой государственности.

Возглавлявшая ЦВПК московская буржуазия, будучи политически наиболее активной частью русской торгово-промышленной буржуазии, домогалась власти и не могла упустить благоприятный момент.

Обращает на себя внимание также то, что Временный комитет Думы, формируя новое правительство, стремился заручиться поддержкой банковских сфер. Так, на состоявшемся 2 марта 1917 г. совещании представителей банков комиссар Государственной думы И. В. Титов призывал банкиров «оказать содействие новому правительству». В ответ он получил заверения о готовности банков оказать думскому комитету «полное содействие».⁵

Но, пожалуй, наиболее ярким примером активного воздействия биржи на формирование Временного правительства первого состава было включение в него М. И. Терещенко. Следует в связи с этим отметить, что по поводу «неожиданного» назначения Терещенко, молодого (32 лет) и сравнительно малоизвестного деятеля, было высказано немало удивления как в печати того времени, так и в мемуарной литературе. Достаточно сказать, что управляющий делами Временного правительства первого состава Набоков, человек, несомненно хорошо информированный, в своих воспоминаниях не раз указывал, что назначение Терещенко было для него «неожиданностью».⁶ Член Временного комитета Думы и один из видных деятелей февральских дней В. В. Шульгин в своих воспоминаниях оставил красочное описание этой версии о «неожиданном» назначении Терещенко. Все министры, писал он, были намерены, «но вот министр финансов не давался как клад... И вдруг каким-то образом в список вскочил Терещенко».⁷

В действительности «неожиданное» включение в состав Временного правительства Терещенко стал возможно потому, что он, по определению Родзянко, был «крупный финансовый и популярный деятель в Киеве».⁸

⁴ Известия Московского военно-промышленного комитета, 1917, № 34, стр. 2.

⁵ Известия (Комитет петроградских журналов), 1917, №№ 6—7, 2—3 марта.

⁶ В. Д. Набоков. Временное правительство (Воспоминания). М., 1924, стр. 77—78.

⁷ В. В. Шульгин. Дни. Л., б. г., стр. 183.

⁸ М. В. Родзянко, ук. соч., стр. 48. Белоэмигрантский историк С. Мельгунов объясняет включение Терещенко в правительство его близостью к заговорщическим кругам, намеревавшимся сместить Николая II (С. Мельгунов. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931, стр. 178). Приведем, кроме того, весьма «оригинальное» разъяснение при-

Банкиры хотели иметь в правительстве во главе финансового ведомства «своего» человека и в результате на задний план оказались оттесненными другие кандидаты на этот пост.⁹

О деятельном участии монополистических кругов в формировании Временного правительства говорит и тот факт, что одно время министром путей сообщения намечался член Государственной думы А. А. Бубликов.¹⁰ Последний был не только видным буржуазным общественным деятелем, но прежде всего дельцом, членом Совета съездов представителей промышленности и торговли, представителем, по его собственным словам, крупной буржуазии.¹¹

Временное правительство первого созыва в полной мере отразило соотношение сил в буржуазно-помещичьем лагере, дав представительство в нем партии кадетов, «прогрессивному блоку», ЦВПК и Земгору. В него вошли как представители монополистических кругов — руководящие деятели ЦВПК А. И. Гучков (председатель), А. И. Коновалов и М. И. Терещенко (товарищи председателя), Земгора — князь Г. Е. Львов (главноуполномоченный Земского союза), А. И. Шингарев, Н. В. Некрасов и А. А. Мануилов (члены главных комитетов Городского или Земского союзов, видные кадетские лидеры, первые два — члены Государственной думы). Кадеты были представлены также вождем партии, главной «умственной величиной» русской буржуазии — П. Н. Милюковым.

Вошедшие в состав Временного правительства как представители монополистического капитала Гучков, Коновалов и Терещенко являлись крупными воротилами делового мира. Гучков — лидер октябристов, ведущий политический и общественный деятель буржуазии был тесно связан как с московским капиталом, так и с другими группами капитала.¹²

Коновалов — один из лидеров фракции «прогрессистов» в Государственной думе был вместе с тем крупнейшим капиталистом-мануфактуристом, влиятельным деятелем московской националь-

чин назначения Терещенко в органе Рябушинского — газете «Утро России». Оказывается «петроградские рабочие знали его ((Терещенко, — П. В.) как одного из виднейших работников Центрального военно-промышленного комитета. И их голос был решающим (!) при выборе министра финансов» (Утро России, 1917, 15 апреля).

⁹ Первым претендентом на пост министра финансов, по общему мнению, был А. И. Шингарев (см.: С. И. Шидловский, ук. соч., стр. 61).

¹⁰ В. В. Шульгин, ук. соч., стр. 183.

¹¹ См.: сб. «Буржуазия и помещики в 1917 г.», М.—Л., 1932, стр. 231.

¹² Гучков состоял членом правлений страхового общества «Россия» (к слову сказать, вместе с Б. А. Каменкой и А. И. Вышнеградским — главными фигурами банковского мира), товарищества Петроградского механического производства обуви «Скороход» и членом советов книгоиздательства товарищества «Новое время» А. С. Суворина и Петроградского учетного и ссудного банка. Следует при этом заметить, что в семье московских купцов Гучковых существовало своеобразное «разделение

ной буржуазии.¹³ Быстро выдвинувшийся на общественном поприще в годы войны, Терещенко — крупнейший сахарозаводчик и землевладелец, — член правления Всероссийского общества сахарозаводчиков — был одним из богатейших людей России, его состояние оценивалось в 60 млн руб.¹⁴

Соответственно своему «опыту», как люди, «близко знающие нужды хозяйственной жизни», «лучшие, достойнейшие сыны торгово-промышленной России»¹⁵ Гучков, Коновалов и Терещенко получили в свое ведение решающие военно-экономические органы государства. Назначение Гучкова военным и морским министром должно было явиться верной гарантией того, что обильный поток военных заказов не только не иссякнет, а будет более «справедливо» распределен.¹⁶ И Гучков не замедлил в первые же дни подтвердить, что «он и не думает ломать всю систему снабжения армии запасами и предполагает лишь ввести в нее некоторые коррективы, указанные потребностями самой жизни».¹⁷

Назначение Коновалова министром торговли и промышленности шло навстречу давнишним стремлениям монополистических кругов, желавших иметь во главе этого ведомства своего человека. Оно было с удовлетворением воспринято Советом съездов представителей промышленности и торговли — руководящим органом монополистов.¹⁸ Наконец, третье важнейшее экономическое ведомство — Министерство финансов было отдано Терещенко.

А. И. Гучков занимался по преимуществу политической деятельностью, а его брат Н. И. Гучков вел коммерческие дела, приумножая богатства семьи. Н. И. Гучков являлся членом правлений полдюжины крупных акционерных обществ и совета Петроградского международного банка, т. е. был крупным дельцом — монополистом.

¹³ Коновалов являлся членом правления товарищества мануфактуры «Коновалов И. с сыном», членом совета Московского банка и членом руководящих органов предпринимательских организаций (Общества хлопчатобумажных фабрикантов и др.).

¹⁴ Вестник банков и промышленности, 1917, № 7—8, стр. 4. Не потому ли английский посол Бьюкенен, благоволивший перед богатством, считал Терещенко «одним из наиболее обещающих членов нового правительства» (Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. М., б. г., стр. 209).

¹⁵ Известия Московского военно-промышленного комитета, 1917, № 34. Авторы этих эпитетов: Н. Н. Кутлер — председатель Совета съездов представителей промышленности и торговли и В. И. Тимирязев — председатель Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства.

¹⁶ Вопреки широко распространенному мнению, в России военный министр во время войны не ведал командованием армией, а являлся главным организатором ее боевого снабжения, осуществляя через соответствующие органы распределение военных заказов, контроль за их исполнением и приемку. Правда, в 1917 г., начиная с Гучкова и особенно при Керенском, военный министр стал заниматься по преимуществу военно-политическими вопросами.

¹⁷ Утро России, 1917, 17 марта.

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 27, л. 43.

Остальные министерские посты, в том числе такие, как министерства земледелия, иностранных дел, путей сообщения получили кадетские политики Шингарев, Милюков и Некрасов, по определению рупора Рябушинского, «известные представители организованной буржуазии».¹⁹ Лишь Министерство юстиции досталось социалисту на словах, типичному полукадету на деле — Керенскому.

Главой Временного правительства (министром-председателем, по тогдашней терминологии) и по совместительству министром внутренних дел по настоянию кадетов был назначен князь Г. Е. Львов, популярный в то время в либеральных буржуазно-помещичьих кругах общественный деятель.²⁰ Князь Львов представлял в правительстве интересы обуржуазившихся помещиков, сомкнувшихся в годы войны с монополистической буржуазией.²¹

Как указывал В. И. Ленин, в состав Временного правительства вошли «представители и вожди всего класса помещиков и капиталистов».²²

Следовательно, Временное правительство первого состава, судя по представленным в нем классовым группировкам и организациям, было по своей социальной природе буржуазно-помещичьим. Но, будучи таковым, оно вместе с тем являлось прежде всего органом господства финансово-промышленной олигархии.

Из сказанного также видно, как был далек от исторической правды Милюков, утверждавший, что «в лице Временного правительства самое требовательное воображение не могло усмотреть такой организации, которая защищала бы классовые интересы „буржуазии“».²³

Монополистические верхи, как и вся буржуазия, восторженно приветствовали создание нового «общественного правительства». В немалой степени этот восторг объяснялся тем, что «одна из страшнейших», по определению Родзянко, революций²⁴ быстро

¹⁹ Утро России, 1917, 11 июля.

²⁰ См.: М. В. Родзянко, ук. соч., стр. 48; П. Н. Милюков. Воспоминания, т. II. Нью-Йорк, 1955, стр. 299, 375—380.

²¹ Сам князь Г. Е. Львов был крупным землевладельцем. В годы войны он округлил свои владения, купив в Тульской губ. имение площадью в 1148 дес. земли и леса (А. М. Анфимов. Помещичье хозяйство России в годы первой мировой войны (до Февральской революции). Исторические записки, т. 60, 1957, стр. 171). Тогда же он приобщился к промышленной деятельности, став учредителем и крупным акционером товарищества «Снабжение» (ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 574, л. 87).

²² В. И. Ленин. Письма из далека. Сочинения, т. 23, 4-е изд., стр. 326.

²³ П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. 1. София, 1921, стр. 73.

²⁴ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957, стр. 406, док. № 308.

закончилась, а выдвинутое буржуазией кадетско-октябристское правительство, благодаря предательскому содействию меньшевистско-эсеровских вождей Петроградского Совета, легко взяло в свои руки государственную власть.

Однако уже в первые дни радость буржуазии по поводу «своей» победы напоминала скорее вздох облегчения по поводу того, что еще не все потеряно, нежели удовлетворение в связи с происшедшим. По свидетельству современника, даже в кадетских кругах, бывших в оппозиции к старому режиму, отношение к происшедшим переменам было «двойственное и более сдержанное», чем можно было бы ожидать, и соседствовало с «чувством тревоги». «Еще больше тревоги было в промышленной среде», ибо на бирже не знали, как далеко может зайти в своем развитии начавшаяся революция.²⁵

Одной из причин столь сдержанного отношения буржуазии к ее победе было то, что революция уже на первых порах зашла дальше, чем того могла желать буржуазия. Как известно, в политической области пределом ее стремлений был маленький дворцовый переворот, устраняющий «негодного» монарха и заменяющий его другим. Но столь быстрый переход от монархии к республике не мог не испугать буржуазию.

Как бы то ни было, власть оказалась взятой, и монополистические круги сразу же поспешили поддержать свое правительство как материально, так и политически. 3 марта 1917 г. совещание представителей акционерных коммерческих банков решило предоставить в распоряжение Родзянко 1 млн руб. и Керенского — 500 тыс. руб. формально для помощи политзаключенным, а в действительности для неотложных нужд по быстрейшему водворению «порядка».²⁶

Примерно в то же время полмиллиона рублей «пожертвовал» в распоряжение Временного правительства синдикат «Продамет», в связи с чем правительство официально поручило министру торговли и промышленности выразить ему «благодарность за пожертвование».²⁷ Не остался в стороне и московский капитал. Московская биржа, по сообщению ее руководящих деятелей, ответила на образование Временного правительства «покупкой государственных займов».²⁸

Руководящие органы ведущих предпринимательских организаций в первые же дни призвали своих членов к поддержке

²⁵ П. А. Б у р ы ш к и н. Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954, стр. 323.

²⁶ ЦГИАЛ, ф. 622, оп. 12, д. 183, л. 235; ф. 634, оп. 1, д. 11, л. 422.

²⁷ Журнал Временного правительства, № 12, 9 марта 1917 г.: ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, д. 2, т. I, л. 23.

²⁸ Известия Московского военно-промышленного комитета, 1917, № 34, стр. 11.

Временного комитета Государственной думы, а затем Временного правительства. Так, Совет съездов представителей промышленности и торговли, заявив 2 марта о том, что он отдает себя «в полное распоряжение Временного комитета членов Государственной думы», одновременно обратился с призывом ко всем торгово-промышленным организациям страны сплотиться вокруг думского комитета и поддержать его.²⁹ 3 марта он в специальной телеграмме на имя кн. Львова и отдельных министров уже приветствовал весь состав «первого русского общественного кабинета» и предоставлял себя в его «полное распоряжение».³⁰

Еще раньше, 28 февраля 1917 г., о поддержке Государственной думы в организации ею новой власти — Временного правительства телеграфировал Московский областной военно-промышленный комитет — деловой орган московской буржуазии.³¹ Свое «полное содействие» Временному комитету Государственной думы гарантировало также совещание представителей акционерных коммерческих банков.³² В течение первых дней марта о поддержке Временного правительства заявили все сколько-нибудь важные предпринимательские организации страны.

На организованном 8 марта 1917 г. ведущими торгово-промышленными организациями Петрограда и Москвы торжественном заседании по случаю чествования первых министров-промышленников, руководители банковско-промышленных сфер (Кутлер, Вышнеградский, Мещерский, фон Дитмар и др.) единодушно заявили, что «деловая Россия верит своим первым министрам».³³ Весь общественный смысл этого торжества состоял в том, что новое «правительство получило выражение полного доверия со стороны торгово-промышленного класса».³⁴

Монополистическая буржуазия, признав безоговорочно Временное правительство своим, стремилась представить его носителем «единственной законной и общепризнанной власти в стране».³⁵ Подобное стремление имело под собой почву в объективной действительности того времени.

²⁹ Революционное движение в России после свержения самодержавия, стр. 410, док. № 311.

³⁰ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 27, лл. 43—44.

³¹ Там же, д. 2032, л. 1.

³² Революционное движение в России после свержения самодержавия, стр. 409, док. № 309.

³³ Вестник Временного правительства, 1917, 10 марта; Известия Московского военно-промышленного комитета, 1917, № 34, стр. 6—9.

³⁴ Торгово-промышленная газета, 1917, 10 марта.

³⁵ Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве. Стенографический отчет и резолюции. М., 1918, стр. 167 (резолюция по политическим вопросам).

Русская буржуазия в результате победы Февральской революции стала правящим классом, но правящим лишь наполовину. Ибо вместо «чистой» диктатуры буржуазии образовалось своеобразное переплетение двух властей, двух диктатур, так называемое двоевластие. Последнее, как известно, стало возможным в силу своеобразия Февральской революции, которая не только дала власть буржуазии, но и дошла вплотную до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Суть двоевластия состояла в том, что рядом с Временным правительством, правительством буржуазии и помещиков, возникло другое правительство — Советы рабочих и солдатских депутатов. При этом реальная власть оказалась не в руках правительства Гучкова — Милюкова, а у Петроградского Совета, опиравшегося на восставший вооруженный народ и армию. «Временное правительство, — сообщал Гучков в строго секретном письме от 9 марта генералу Алексееву, — не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, как допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует лишь пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов».³⁶

Поэтому все эти «верноподданнические» декларации и конкретные действия буржуазных организаций преследовали двоякую цель: во-первых, сплотить вокруг Временного правительства все буржуазные силы «и тем создать тот противовес, который положил бы грань всякому давлению» на него со стороны Советов,³⁷ а во-вторых, создать видимостью широкой общественной поддержки этому правительству, ибо оно крайне в ней нуждалось.

В свою очередь Временное правительство ищет поддержки прежде всего в крупнобуржуазных кругах. Уже 5 марта 1917 г. министр торговли и промышленности Коновалов обратился ко всем торгово-промышленным организациям с призывом к «согласованной работе» с правительством и всяческим содействием ему.³⁸ Министр финансов Терещенко на устроенном им 6 марта приеме представителей частных банков также призвал их к сотрудничеству с Временным правительством и оказанию ему широкой финансовой помощи.³⁹

³⁶ Революционное движение в России после свержения самодержавия, стр. 429—430, док. № 333.

³⁷ Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве, стр. 8 (речь П. П. Рябушинского).

³⁸ Вестник Временного правительства, 1917, № 2, 7 марта.

³⁹ Горнозаводское дело, 1917, № 11—12, стр. 15534.

Но хотя буржуазия не жалела усилий для укрепления власти Временного правительства, положение его оставалось шатким, неустойчивым. Оно по-прежнему было полувластью и держалось главным образом благодаря поддержке эсеро-меньшевистских вождей Совета, предательски сдавших власть буржуазии.

Такой оборот событий, когда, по словам лидера южных горно-промышленников фон Дитмара, «почти с самого начала революции светлый ход ее первых шагов омрачился»⁴⁰ самостоятельным выступлением народных масс был для монополистической буржуазии источником беспокойства и неуверенности в прочности своего политического господства. Своим классовым инстинктом буржуазия почувствовала, что победа Февральской революции поставила перед ней внутри страны вопрос: «быть или не быть?»⁴¹

Монополистические круги, не в меньшей степени, чем политические лидеры буржуазии, сознавали, что в обстановке революции все проблемы, в том числе экономические, упираются в вопрос о власти.⁴²

Борьба за власть в первые месяцы предстала перед буржуазией как борьба за единовластие Временного правительства. Ни один класс не может отстоять свое господство и подавить сопротивление враждебных классов, не имея в своих руках всей полноты государственной власти. Вот почему борьба буржуазии за свое единовластие стала центральной задачей всей ее политики, решению ее она подчинила или отодвинула на задний план все другие задачи. Капиталисты, писал В. И. Ленин, «хотят всевластия, они не могут, с точки зрения своего классового положения, не добиваться всевластия, не отстаивать его».⁴³

С самого начала деятельности Временного правительства монополистический капитал оказывает на него давление, побуждая к энергичной борьбе за единовластие. С этой целью используется угроза финансового бойкота. Так, на состоявшемся 6 марта 1917 г. у министра финансов Терещенко совещании представителей банков по вопросу о займе председатель правления Азовско-Донского банка Б. А. Каменка от имени банков заявил, что «банки рассмотрят в своей среде вопрос о займе; что касается своевременности займа, то банки полагают, что решение этого вопроса тесно связано с единением

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 92, оп. 1, д. 1004, л. 38.

⁴¹ Именно так, знаменитым шекспировским выражением, определил сложившуюся для буржуазии обстановку Коновалов в речи на московской бирже 14 апреля (Торгово-промышленная газета, 1917, 16 апреля).

⁴² См.: 1917 год в документах и материалах. Государственное совещание. М.—Л., 1930, стр. 286 (речь Гучкова); Речь, 1917, 20 мая.

⁴³ В. И. Ленин. Исчезло ли двоевластие? Сочинения, т. 24, 4-е изд., стр. 410.

в среде правительства и прочностью нового режима».⁴⁴ Яснее не скажешь. Постановка вопроса банкирами на деле была ультиматумом Временному правительству, требованием обеспечить единство и прочность власти.⁴⁵

Но Временное правительство до поры, до времени не могло осуществить как подобного рода требований, так и собственных устремлений к всевластию.

Как видим, деловая, монополистическая буржуазия достаточно ревниво относилась к судьбе Временного правительства, не жалея сил для его поддержки и укрепления. Такое отношение нельзя объяснить иначе, как тем, что оно действительно было ее правительством, родственным ей по классовому духу и в значительной мере по составу.

Одновременно с борьбой за единовластие Временного правительства, как центрального органа власти, буржуазия с первых дней революции захватывает в свои руки государственный аппарат. Переход государственного аппарата к обслуживанию ее интересов совершился довольно легко в силу давнишних тесных связей царского чиновничества с монополистическим капиталом. После небольшой чистки центральных и местных учреждений от заведомых и скомпрометировавших себя монархистов «гигантскую армию чиновников», которая была «насквозь пропитана антидемократическим духом, связана тысячами и миллионами нитей с помещиками и буржуазией, зависима от них на всяческие лады»,⁴⁶ Временное правительство сохранило почти в прежнем виде. Изменилось лишь то, что «чиновничьи места, которые раньше давались предпочтительно черносотенцам, стали предметом добычи кадетов, меньшевиков и эсеров».⁴⁷

Кадры либеральных деятелей свободных профессий, служащих военно-промышленных комитетов, Земгора и других буржуазных организаций пополнили ряды старого чиновничества, составив костяк «нового» государственного аппарата. Так, по поводу «перемен» в Министерстве юстиции при «социалисте» Керенском видный петроградский адвокат Карабчевский писал

⁴⁴ Горнозаводское дело, 1917, № 11—12, стр. 15534. Разрядка моя, — П. В.

⁴⁵ Что монополисты понимали под «единением», «единством» правительственной власти, пояснил в речи на открытии Первого Всероссийского торгово-промышленного съезда небезызвестный П. П. Рябушинский, заявив, что «наша власть должна быть единой» и не должна «дробиться между многими», т. е. между «законным» правительством и вставшими рядом с ним «представителями тех или иных классов» (читай: Советом).

⁴⁶ В. И. Ленин. Один из коренных вопросов революции. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 342.

⁴⁷ В. И. Ленин. Государство и революция. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 380.

в своих воспоминаниях, что это министерство заполнили «бывшие прежде в загоне либеральные судебные деятели» и адвокаты.⁴⁸ В министерстве иностранных дел при Милюкове, по свидетельству того же автора, «традиции оказались сильнее революции. Все было мертвенно, чинно и пустынно... Весь состав служащих оставался прежним».⁴⁹

Скажем сразу же, что обновленный подобным образом аппарат центральных, а также и местных правительственных учреждений при коалиционных правительствах не подвергся фактически никаким существенным изменениям. Не удивительно, что государственный аппарат был одной из опор буржуазных верхов и их орудием борьбы с революцией.

Вопреки расчетам буржуазных верхов укрепить в своих руках государственную власть, события не способствовали реализации этих намерений. Народные массы не хотели терпеть во главе революционной России буржуазное правительство, которое, даже по признанию кадетских вожakov не имело опоры «в широких демократических слоях населения».⁵⁰ Рост недовольства народных масс нерешенностью главных задач революции и особенно внешней политикой Временного правительства привел к апрельскому политическому кризису; питательной почвой апрельского кризиса было также двоевластие — «неопределенно-переходное состояние государственной власти».⁵¹ В результате апрельского кризиса, со всей остротой поставившего вопрос о ликвидации двоевластия в пользу Советов, создалось такое положение, что центральный орган власти мог ускользнуть из рук буржуазии. «Советы, — писал В. И. Ленин, — могли (и должны были) взять власть в свои руки без малейшего сопротивления с чьей бы то ни было стороны».⁵²

В эти трудные для Временного правительства дни, когда оно буквально висело на волоске, руководящие центры монополистического капитала выразили ему сочувствие и «готовность к сильной помощи».⁵³ Но сила напора революционных масс была такова, что этого было явно недостаточно. Правящие буржуазные круги вынуждены были для спасения ускользавшей из их рук власти пойти на создание коалиционного правительства с участием эсеров-меньшевистских представителей Петроградского

⁴⁸ Н. П. Карабчевский. Что глаза мои видели. Сб. «Февральская революция», М.—Л., 1925, стр. 329.

⁴⁹ Там же, стр. 330.

⁵⁰ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. М., 1917, стр. 9 (доклад кн. Трубецкого).

⁵¹ В. И. Ленин. К лозунгам. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 164.

⁵² В. И. Ленин. Уроки революции. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 212.

⁵³ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 28, л. 92.

Совета. Этот крупный и искусный политический маневр, свидетельствовавший, что революция кое-чему научила и малоопытную русскую буржуазию, мог увенчаться успехом только потому, что эсеры и меньшевики поддерживали стоявшее на краю гибели правительство капиталистов, продолжив и усугубив свою соглашательскую политику.

Как и вся буржуазия, монополистический капитал связывал с созданием коалиционного правительства далеко идущие цели. Главная цель состояла в том, чтобы, привязав через министров-«социалистов» Петроградский Совет к Временному правительству, уничтожить ненавистное двоевластие и таким путем обеспечить, по словам одного из лидеров московской буржуазии Третьякова, новому правительству «всю полноту власти».⁵⁴ А уж это единственное и всесильное буржуазное правительство должно было решить все поставленные перед ним задачи и в первую очередь довести до победы войну и водворить «порядок» в тылу.

5 мая 1917 г. первое коалиционное правительство с участием 6 министров-«социалистов» (Керенский, Скобелев, Чернов, Церетели, Пешехонов, Переверзев) заменило прежнее правительство Гучкова—Милюкова. Во главе Временного правительства был оставлен князь Львов, но в его составе не стало «цинично откровенных представителей империализма Милюкова и Гучкова».⁵⁵

Падение — всего через два месяца после прихода буржуазии к власти — чисто буржуазного правительства и образование коалиционного кабинета не изменило классовой природы государственной власти. Новое правительство с участием министров-«социалистов» оставалось буржуазным, империалистическим не только в силу преобладания в нем буржуазно-помещичьих представителей, но прежде всего в силу того, что буржуазия по-прежнему господствовала во всех областях экономики и в государственном аппарате. Однако было бы неправильным думать, что форма политического господства буржуазии после 5 мая 1917 г. не изменилась. Ей пришлось делить государственную власть с верхами мелкой буржуазии и осуществлять свою диктатуру руками «социалистов», пользовавшихся еще доверием народных масс. Коалиция, будучи результатом «бракосочетания блока эсеров и меньшевиков с буржуазией»,⁵⁶ служила вплоть до Октябрьской революции прикрытием буржуазной диктатуры, создавая Временному правительству декорум демократичности и революционности.

⁵⁴ Утро России, 1917, 27 апреля.

⁵⁵ В. И. Ленин. На переломе. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 64.

⁵⁶ В. И. Ленин. Бумажные резолюции. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 243.

Русская буржуазия, как видим, не могла без прямой помощи эсеров и меньшевиков, без союза с ними управлять страной. У кормила государства встал теперь «блок двух блоков, союз двух союзов», т. е. «блок эсеров с меньшевиками и блок этого блока с кадетами, которые в блоке со всеми, стоящими правее их, политическими партиями».⁵⁷

Наряду с кадетами, главной правящей и правительственной партией буржуазии, правительственными партиями стали эсеры и меньшевики, выражавшие интересы плетущейся за крупным капиталом мелкой буржуазии.

Став правительственными партиями, эсеры и меньшевики в главном и основном проводили политику буржуазного большинства Временного правительства и империалистической буржуазии, расходясь с ними, по определению буржуазной печати, «лишь в темпе и в тактике работы».⁵⁸

Образование первого коалиционного правительства, изменив форму политического господства буржуазии как класса, привело также к тому, что крупная, монополистическая буржуазия оказалась формально оттесненной от власти.⁵⁹ Эти сдвиги в системе государственной власти внесли существенные изменения в отношение монополистического капитала к Временному правительству и в методы его борьбы за политическое и экономическое всевластие. Утрату части своих позиций в центральном органе государственной власти буржуазия изображала чуть ли не как свой отход от власти, или, на худой конец, как потерю возможности воздействия на нее. «Мы отброшены и фактически не в состоянии влиять на ход государственной машины»,⁶⁰ — так позднее скажет Рябушинский от имени верхов торгово-промышленной буржуазии.

Возникает вопрос, что же в действительности скрывалось за этими лицемерными жалобами и злостным извращением фактического положения вещей? Начать с того, что монополистический капитал, добываясь вместе со всей буржуазией единовластия для своего класса, одновременно стремился всю полноту власти в рамках буржуазной диктатуры сосредоточить в своих руках.

⁵⁷ В. И. Ленин. Как и почему крестьян обманули. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 129; В. И. Ленин. Расхлябанная революция. Там же, стр. 108—109.

⁵⁸ Утро России, 1917, 11 июля.

⁵⁹ Коновалов, последний из деловых людей, ушел в отставку 19 мая 1917 г., т. е. спустя две недели после образования коалиционного правительства. Терещенко разошелся с крупнобуржуазными организациями и кадетами по вопросам тактики, «сблизился» с Керенским и министрами-«социалистами» и утратил доверие крупной буржуазии.

⁶⁰ Торгово-промышленная газета, 1917, 12 августа.

Сама природа монополистического капитала такова, что она вызывает стремление к установлению контроля над политикой правительства. Это одна сторона дела. Другая — состояла в том, что коалиционное правительство не оправдало надежд капиталистов на то, что оно станет единой и «твердой» властью и в качестве таковой прекратит «анархию» в стране, т. е. революционное движение. На Всероссийской торгово-промышленной конференции, состоявшейся 1—2 июня 1917 г., т. е. через 4 недели спустя после образования нового кабинета, один из видных уральских деятелей Цейдлер прямо заявил, что создание коалиционного правительства не привело к цели, а «в значительной степени ухудшило положение».⁶¹

Как видим, степень силы и решительности правительства в борьбе с революцией была главным критерием, определявшим отношение к нему монополистов. Наконец, немалое значение имели и специфические черты русской монополистической буржуазии. Более консервативная, более политически отсталая, часто далекая от понимания общеклассовых интересов, не знавшая в прошлом парламентарных форм политического и экономического господства капитала, русская промышленно-банковская и особенно торговая буржуазия была недовольна коалиционным правительством, считая его непомерно левым. Ей, развращенной военно-полицейским режимом царизма, была понятнее, ближе, родственнее открытая и грубая защита капитала посредством военной диктатуры. Всякая иная власть казалась монополистам слабой и неустойчивой.

Следует иметь также в виду то обстоятельство, что промышленная буржуазия первой почувствовала на самой себе удары революции. Ибо «кому ближе всего грозит опасность со стороны рабочих, как «не работодателю, промышленному капитализму?»⁶² Именно поэтому крупная промышленная буржуазия первой среди всех фракций своего класса стала откровенно контрреволюционной.

В силу всех этих причин монополистический капитал и выражал (причем громче всех других групп буржуазии) недовольство установившейся после апрельского кризиса системой власти. Характерно, что биржа — этот чувствительнейший барометр политической и экономической жизни буржуазного общества — ответила на апрельский кризис и последовавшее вслед за ним образование коалиционного кабинета понижением курсов ценных бумаг.

⁶¹ Стенограмма заседания Всероссийской торгово-промышленной конференции, 1 июня 1917 г.: ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 63, л. 112.

⁶² К. Маркс. Классовая борьба во Франции. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, изд. 2-е, стр. 80.

«В Париже (где котировалось много русских ценностей, — П. В.) после 20 апреля биржевые деятели говорили раздраженным голосом, что цену русских бумаг делают русские рабочие», — сообщала газета московских большевиков.⁶³

Верхи торгово-промышленной буржуазии, не считаясь с реальной обстановкой, с необходимостью для кадетско-эсеровско-меньшевистского правительства лавировать, дабы отстоять коренные интересы буржуазии, открыто проявляли и чем дальше, тем в большей степени — свое нетерпение и раздражение «неправильным ходом революции».⁶⁴ Монополистический капитал уже тогда жаждал грубой и неограниченной буржуазно-контрреволюционной диктатуры, олицетворением которой должно было стать «сильное» Временное правительство.

Кадеты несомненно были более политически опытные и дальновидные, чем монополистические верхи. Они более здраво оценивали сложившуюся обстановку и видели, что принятый Временным правительством метод борьбы с революцией — торможение ее, подрыв изнутри — более соответствует реальному соотношению сил, чем грубое и открытое насилие над революционными массами. Кадеты понимали, что без использования соглашательского руководства Советов, без известных, хотя бы временных или словесных уступок массам, сочетаемых с подавлением их активности, без некоторых реформ из кризиса нельзя было выйти. Как указывал В. И. Ленин, «кадеты правильно учли, что положение *объективно* революционное». Поэтому, подчеркивал В. И. Ленин далее, «на реформы они согласны и делить власть с реформистами Церетели и Черновыми не нравится»,⁶⁵ тем более, что у них была вся власть, а министры-«социалисты» были привеском к этой буржуазной власти.

Не удивительно, что лидеры монополистической буржуазии критиковали позицию кадетов в правительственном вопросе всегда справа, трактуя ее как «уступчивую».⁶⁶ Однако имевшиеся между ними разногласия сводились по сути дела к спорам о различных методах одной и той же контрреволюционной политики.

Уже с первых дней деятельности коалиционного правительства крупный капитал стремится к тому, чтобы навязать ему

⁶³ Социал-демократ, 1917, 22 июня.

⁶⁴ 1917 год в документах и материалах. Государственное совещание, стр. 265 (выступление фон Дитмара).

⁶⁵ В. И. Ленин. На что могли рассчитывать кадеты, уходя из министерства? Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 133.

⁶⁶ См.: Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве. М., 1917, стр. 13.

свою неприкрытую контрреволюционную политику и тем побудить его к более решительной борьбе с революционным народом и его организациями. Поводом для давления на Временное правительство в этом направлении монополисты избрали вопрос о замещении поста министра торговли и промышленности, остававшегося вакантным после отставки Коновалова.

Главной силой, взявшей на себя реализацию этого плана, были московские тузы. Считая, что Временное правительство должно «привлечь в свою среду представителей промышленности и торговли»,⁶⁷ они в то же время отказывались дать своего представителя в его состав до принятия им предварительных условий «торгово-промышленного класса». Условия эти были таковы: 1) буржуазное большинство коалиционного правительства должно было объединиться вокруг «известных определенных лозунгов» с тем, чтобы направить его политику «по надлежащему пути»; 2) голос министра торговли и промышленности должен «звучать сильно и властно» и без его согласия не будут проводиться мероприятия, затрагивающие интересы и прибыли капиталистов и 3) Временное правительство должно стать «твердой» властью и покончить с «хаосом».⁶⁸

Князь Львов и другие буржуазные министры выразили свое согласие с этими условиями,⁶⁹ но при том бессилии, в каком они тогда находились, требования московского капитала не могли быть полностью, а тем более быстро выполнены. В связи с этим кандидаты торгово-промышленной Москвы на пост министра торговли и промышленности Бурышкин, а затем и Третьяков отказались от предложенной им должности.⁷⁰ Были и другие попытки активизировать правительство и толкнуть его на путь лобовой атаки на революцию. В частности, конференция промышленников Юга России в декларации Временному правительству от 27 мая 1917 г. требовала от него «властно и авторитетно принять меры против политического и экономического разложения, которые ведут отечество к гибели».⁷¹ Монополисты Юга недвусмысленно подсказывали и пути подхода к решению поставленной перед ним задачи: покончить с «бездействием» и бессилием власти «сверху донизу» и «обеспечить исполнение законов решительным принятием соответствующих мер, вытекающих из прав Временного правительства как верховного источника власти, и

⁶⁷ Там же, стр. 10 (выступление Третьякова).

⁶⁸ Там же, стр. 10—11 (выступление Третьякова).

⁶⁹ Коммерческий телеграф, 1917, 10 июня; Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве, стр. 9—10.

⁷⁰ Там же, стр. 11; П. А. Бурышкин, ук. соч., стр. 333—337.

⁷¹ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. I. М.—Л., 1957, стр. 180, док. № 70.

озаботиться о незамедлительном судебном разбирательстве всех совершенных и совершаемых правонарушений».⁷² Только став «твердой» властью, оно могло рассчитывать на доверие к нему монополистического капитала. На торгово-промышленной конференции 1—2 июня не кто иной, как фон Дитмар заявил: «Маленький опыт показал, что мы первому Временному правительству доверяли, а второму не выражаем доверия. Мы лучше подождем, как оно себя поведет. Я подожду, что оно сделает, а потом скажу оправдает ли оно свое наименование».⁷³

Но то, что было не под силу Временному правительству первого состава, тем более было непосильным для коалиционного правительства, так как страна ушла далеко вперед.

Слабость и нерешительность Временного правительства монополистические верхи, как впрочем и кадетские политики, связывали с его «неудачным» составом, как будто иной подбор министров в тех условиях мог прибавить ему силы и авторитет. Всеобщее разочарование в буржуазно-помещичьем лагере еще со времени первого состава Временного правительства вызывал его глава князь Львов. Раньше всего в нем разочаровались кадеты, лидеру которых Милюкову, как известно, принадлежала инициатива его выдвижения на пост премьера.⁷⁴ Теперь они горько сетовали по поводу своих «промахов», называя незадачливого премьера «шляпой».⁷⁵ Промышленно-банковские воротилы были недовольны также «изменой» своего человека Терещенко⁷⁶ и непомерной «левизной» Некрасова. Буржуазные элементы правительства Львова—Керенского обвинялись в том, что они якобы «по слабости своей воли, по слабости своего характера и по отсутствию государственности (!) волей или неволей плывут по течению, диктуемому Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».⁷⁷ В действительности было как раз наоборот: плыли

⁷² Там же, стр. 178.

⁷³ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 63, л. 115.

⁷⁴ П. Н. М и л ю к о в. Воспоминания, т. II, стр. 299; В. Набоков, ук. соч., стр. 67—68.

⁷⁵ Любопытна в этом отношении черновая запись одного из заседаний ЦК кадетов. Новгородцев, говоря о Львове, заявил, что о его непригодности «говорит вся Россия... Ошиблись. Для меня это самое горькое разочарование». Следующий оратор — Милюков, скрытый под инициалами П. М. высказался так: «Нет руководителя и объединителя. Львов не та фигура, на которую мы рассчитывали. Он только способствовал разложению власти». Более здраво рассуждал кадетский соловей — Родичев: «Отставка, перемена Львова — к чему приведет? Нет авторитетного человека. Вы только возбудите аппетиты Совета рабочих депутатов» (ЦГИАМ, ф. 579, оп. 1, д. 740, лл. 1—11 об., 4).

⁷⁶ Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве, стр. 12—13.

⁷⁷ Там же, стр. 10 (выступление Третьякова).

в фарватере буржуазной политики «социалистические» элементы правительства.

В течение всего двухмесячного периода существования первого коалиционного правительства монополистические круги стояли перед дилеммой: или поддерживать вопреки своим устремлениям такое правительство, или отказать ему в поддержке. В этом свете любопытны суждения, высказанные при закрытых дверях в узком кругу ведущих промышленных и банковских воротил на упоминавшейся уже торгово-промышленной конференции.⁷⁸ Почти все ораторы резко нападали на Временное правительство за его слабость и недостаточную, по их мнению, защиту интересов промышленности, предлагая выразить ему недоверие и отказать в поддержке. В то же время в речи Кульмана — члена Совета съездов представителей промышленности и торговли было признано, что «нам топить правительство... нет никакого основания». «Топить правительство, — пояснял он, — это значит идти на гибель».⁷⁹ К сдержанности и «чрезвычайной осторожности» в отношении к нему призывал и Третьяков, откровенно заявивший, что он не представляет себе, «что же мы сами бы сделали, если бы нас посадили на их место».⁸⁰

Как показала конференция, монополистическая буржуазия не могла отказать Временному правительству в поддержке, ибо, хотя оно и не отвечало ее представлениям о характере власти, тем не менее было ее правительством и «такой величиной, с которой так или иначе приходится считаться».⁸¹

В то же время она не оставляла попыток добиться установления своего непосредственного контроля над деятельностью коалиционного правительства. Как далеко шли притязания монополистов в этом вопросе, показывает характерная реплика лидера южных горнопромышленников фон Дитмара на торгово-промыш-

⁷⁸ О составе участников этой конференции достаточно красноречиво говорит простой перечень имен, почти каждое из которых представляло собой звезду первой величины промышленного и банковского мира тогдашней России. Это финансовые короли Путилов и Каменка, заправили монополий тяжелой индустрии Мецкерский, Иванов, фон Дитмар и Цейдлер, московские текстильные магнаты Третьяков и Лурье, петроградские тузы Бачманов и Дюфур. На конференции было установлено, что все происходящее на ней не должно было «выходить за стены этой комнаты». Отсюда и заявление одного из ораторов: «Когда мы собираемся здесь... мы чувствуем себя как дома» (ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 63, л. 194). Подробнее об этой конференции см. статью Р. Ш. Ганелина и Л. Е. Шепелева «Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 г.» в кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.—Л., 1957.

⁷⁹ Стенограмма заседания Всероссийской торгово-промышленной конференции, 1 июня 1917 г.: ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 63, лл. 108—110.

⁸⁰ Там же, л. 119.

⁸¹ Там же, лл. 197—198.

ленной конференции 1—2 июня 1917 г. по поводу «ошибок» Конавалова в рабочем вопросе, в бытность его министром торговли и промышленности. «Вот, что значит человек, стоящий во главе министерства!» — восклицал Дитмар и формулировал как перво-степенную задачу, чтобы «мы, промышленники и ответственные за судьбу русской промышленности, зорко смотрели за министром торговли и промышленности, что он говорит и что делает, будь он из наших, будь он не из наших».⁸² Особое неудовольствие монополистов вызывали два обстоятельства. Во-первых, «губительное влияние Советов на деятельность Временного правительства»,⁸³ выражавшееся в наличии так называемого «контроля» Петроградского Совета над правительством, а также возмущенной для обмана масс лидерами эсеров-меньшевиков пресловутой ответственности министров-«социалистов» перед «полномочными органами революционной демократии» — перед Советами.

Существование Советов, особенно их влияние на Временное правительство, по мнению буржуазии, было первопричиной всех бед и источником его слабости. Буржуазия понимала, что нельзя покончить с двоевластием и целиком овладеть властью в государстве, не лишив Советы значения второй власти, а затем и вовсе ликвидировав их. Пока же она добивалась ограничения их роли. «Настоящее, честное» сотрудничество с буржуазией, — писала, солидаризируясь с монополистами, кадетская «Речь», — возможно, если Советы не будут претендовать на высшую власть в России.⁸⁴

Второе обстоятельство было тесно связано с первым и состояло в том, что безудержная демагогия эсеров и меньшевиков, особенно министров-«социалистов», их «необдуманные выступления»⁸⁵ с угрозами насчет «обуздания» капиталистов и взятия их прибылей, будучи необходимым компонентом и утонченным средством защиты основ капитализма, раздражали непривычных к демократической и почти социалистической фразеологии воротил делового мира, усиливая их недовольство правительством. Во всем этом сказывался не только испуг русских капиталистов перед революцией, но и их политическая отсталость, «некультурность» по сравнению с западноевропейскими собратьями, сумевшими еще тогда приручить и отлично использовать правосоциалистических, реформистских вожakov. Между тем октябристским и неко-

⁸² Там же, лл. 238—239.

⁸³ Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве, стр. 9.

⁸⁴ Речь, 1917, 8 июля.

⁸⁵ Стенограмма заседания Всероссийской торгово-промышленной конференции, 1 июня 1917 г.: ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 63, л. 112.

торым другим отсталым элементам буржуазии эсеры и меньшевики чуть ли не всерьез казались социалистами, подобно тому как в свое время в глазах царицы Гучков и Милюков были едва ли не самыми главными бунтовщиками и революционерами.

Усилия монополистических верхов побудить Временное правительство в период двоевластия идти напролом в борьбе с революционным народом не достигли цели. Правительство Львова-Керенского тогда еще не решалось стать на этот путь, равносильный политическому самоубийству. Но несомненный и быстрый рост откровенно контрреволюционных черт в его политике, особенно начиная с июня, нельзя не поставить в прямую связь с давлением буржуазии.

Июльские события, склонившие на время чашу весов в сторону буржуазии, покончили с ненавистным для нее двоевластием и, казалось, продемонстрировали способность Временного правительства стать «твердой» властью. Авторитет правительства в глазах капиталистов несколько повысился. Руководящие центры монополистов, еще недавно резко осуждавшие буржуазное крыло Временного правительства, вынесли ему теперь свое одобрение. Так, совещание представителей торговли и промышленности Петрограда при участии деятелей Всероссийского союза торговли и промышленности, состоявшееся в первые дни после разгрома июльской демонстрации, высказалось в том смысле, что «эти круги разделяют характер и направление деятельности тех членов Временного правительства, которые принадлежат к крупным имущественным классам».⁸⁶

Одновременно буржуазия в лице кадетов одобрила и деятельность эсеро-меньшевистских лидеров, принявших активное участие в контрреволюционном походе против петроградских рабочих и солдат. Открытый разрыв эсеро-меньшевиков с революционным народом и их переход в лагерь контрреволюции она квалифицировала как «отрезвление» от «социалистического» угара и увлечения «несбыточными мечтами». На одном из собраний своей партии Милюков говорил о министрах-«социалистах», что они «под ударами жизни... оказались способными к восприятию правильных взглядов (!) на задачи государственные».⁸⁷

В послеиюльский период Временное правительство берет курс на сокрушение революции силой и установление контрреволю-

⁸⁶ Утро России, 1917, 15 июля.

⁸⁷ ЦГИАМ, ф. 579, оп. 1, д. 854, лл. 2—3.

ционной диктатуры, т. е. тот курс, которого давно домогались монополистические круги. В связи с этим в буржуазных кругах вновь зазвучали мотивы о его поддержке. Так, совет Союза объединенной промышленности — одной из ведущих организаций крупной московской торгово-промышленной буржуазии — в своем циркулярном письме от 22 июля 1917 г. писал: «Призыв правительства к объединению вокруг него всех жизненных сил страны должен быть услышан и поддержан всеми гражданами и всеми классами, так как теперь больше чем когда-либо спасение в единстве и силе власти и в укреплении принципов законности и права, обеспечиваемых этой твердой властью».⁸⁸

Центральной задачей, вставшей перед буржуазией в послеиюльский период, была задача укрепления доставшейся ей в руки через посредство военной клики государственной власти. Решить эту задачу буржуазия вначале предполагала путем превращения Временного правительства в действительную и мощную диктатуру капитала. «Для осуществления своей безмерно трудной задачи правительство должно быть облечено безграничными полномочиями. Нечего бояться слова „диктатура“. Она необходима»,⁸⁹ — писал рупор Рябушинского и К^о газета «Утро России».

В установлении открытой контрреволюционной диктатуры и подавлении сопротивления масс буржуазия видела единственный выход из глубочайших политических и социально-экономических противоречий, резко обострившихся к середине июня и приведших к июльскому кризису. Однако, несмотря на поражение революционных сил, буржуазия не могла полностью утвердить удобную ей власть. Ее победа была далека от окончательной. Советы, хотя и протитуированные эсерами и меньшевиками,⁹⁰ продолжали существовать, вызывая уже этим величайшее недовольство буржуазии. В. И. Ленин по этому поводу писал: «... буржуазия рвет и мечет против Советов, но она *еще* бессильна сразу разогнать их».⁹¹ Перестав быть властью, неспособные оказать серьезное сопротивление буржуазии, они тем не менее оставались органами самих масс, отдушиной, через которую возмущение народных масс доходило до правительства в наиболее осязаемой для него форме. Советы по-прежнему оставались препятствием на пути контрреволюционной буржуазии, затрудняя и осложняя ее монополистическим верхам установление безраздельного контроля над политикой Временного правительства.

⁸⁸ Экономическое положение России, ч. I, стр. 189, док. № 77.

⁸⁹ Утро России, 1917, 15 июля.

⁹⁰ В. И. Ленин. Начало бонапартизма. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 200.

⁹¹ Там же.

Несмотря, однако, на укрепление своих позиций, буржуазия не могла еще обойтись без поддержки соглашателей, без такого демократического прикрытия, которое облегчило бы постепенное закрепление в ее руках всей власти сверху донизу. В силу всех этих причин сохранился и после июльских дней коалиционный характер правительства. Такое правительство рассматривалось в буржуазных кругах как переходное к чисто буржуазному, диктаторскому правительству открытой контрреволюции.

Монополистический капитал также дал свое «согласие» на образование второго коалиционного кабинета, опасаясь худшего — возможности «радикального изменения политического облика» правительства, т. е. сформирования его без участия цензовых элементов.⁹² Монополистическая буржуазия как будто готова была даже примириться с отсутствием ее прямых представителей в составе правительства, требуя от него лишь одного — решительной борьбы с революционным народом. «На пути спасения родины (от революции, — П. В.) торгово-промышленный класс поддержит всякое правительство, какой бы ни был его состав»,⁹³ — заявил орган монополистов.

Но когда дело дошло до формирования второго коалиционного правительства, то в ходе переговоров с Керенским, взявшим на себя после отставки кн. Львова обязанности главы правительства, кадеты потребовали введения в его состав, помимо членов своей партии, представителей крупной буржуазии.⁹⁴ В свою очередь последняя, действуя по сговору с выполнявшими ее волю «внепартийными» кадетскими политиками, согласна была для начала «применить свои знания и опыт... в области управления торговлей и промышленностью, финансами и путями сообщения».⁹⁵

В специальном меморандуме, представленном от имени Совета съездов представителей промышленности и торговли и Всероссийского союза торговли и промышленности Керенскому, были выдвинуты условия, на которых монополисты готовы были войти в новое правительство. Требования полноты власти Временному правительству, которое «не делит ее ни с какой общественной, классовой или политической организацией» (читай: Советами), и установления «твердой власти» на местах⁹⁶ являлись гвоздем меморандума. Иначе говоря, монополистический капитал продолжал ту же линию, стремясь навязать Временному правительству

⁹² Утро России, 1917, 9 июля.

⁹³ Промышленность и торговля, 1917, № 34—35, стр. 141.

⁹⁴ П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. 2, стр. 26.

⁹⁵ Речь, 1917, 16 июля.

⁹⁶ Там же.

свою неприкрыто контрреволюционную политику, которая могла только ускорить разочарование масс в коалиции и приблизить крах этого последнего козыря буржуазии.

В случае принятия этих условий, бесспорных как для Керенского, так и для эсеров-меньшевистских политиканов, монополисты рассчитывали поставить политику и деятельность Временного правительства под свой непосредственный контроль. Тем не менее соглашение между Керенским и кандидатами банков (Кутлер, Третьяков) не было достигнуто, ибо Временное правительство и эсеров-меньшевистские лидеры, чувствуя свою слабость, были не в состоянии в обстановке растущего революционного подъема осуществить немедленную расправу с народом.

Новое коалиционное правительство, сформированное 24 июля во главе с Керенским, было создано, как того и добивалась буржуазия, на основе независимости его от Советов, но зато при сохранении зависимости от кадетов и монополистического капитала. Формально большинство в нем составляли министры-«социалисты» (8 из 15 членов правительства), но фактически, по признанию Милюкова, «действительный перевес в кабинете безусловно принадлежал убежденным сторонникам буржуазной демократии».⁹⁷

Но такое правительство, в котором в роли защитников и строителей буржуазной диктатуры подвизались «социалисты», не удовлетворило буржуазию и прежде всего ее монополистические верхи. Буржуазия чувствовала, что в изменившихся в ее пользу послеюлских условиях коалиционное правительство, находившееся к тому же в состоянии хронического министерского кризиса, по своему составу не отвечало задаче скорейшего удушения революции. «Те лица, которые управляют государством, должны буржуазно мыслить и буржуазно действовать»,⁹⁸ — так выразил Рябушинский тоску монополистического капитала по собственному правительству. К тому же революция, набиравшая силы после временного поражения, обрекала правительство Керенского на бессилие.

В поисках выхода из положения оно вступило на путь бонапартистской политики. Бонапартистскими приемами лавирования «между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга»,⁹⁹ Керенский пытался создать видимость борьбы с «крайностями» слева и справа, проводя на

⁹⁷ П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. 2, стр. 44—45.

⁹⁸ Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве, стр. 7.

⁹⁹ В. И. Ленин. Начало бонапартизма. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 200.

самом деле политику кадетов, т. е. контрреволюционной буржуазии. Фактически в реальной жизни и коалиционное правительство и монополистическая буржуазия во главе с кадетами шли к одной и той же цели — к утверждению неограниченной диктатуры капитала. Но правительство подвигалось к ней не прямо, а исподволь, не сразу, а постепенно, не открыто, а по-бонапартистски, стремясь накопить силы для нового удара по революции в удобный для себя момент.

Монополистическая олигархия, никогда не питавшая сочувствия к таким более тонким приемам борьбы с революцией, окончательно утрачивает веру в способность Временного правительства разгромить революционные силы. В связи с этим она открыто (в известной речи Рябушинского на торгово-промышленном съезде) угрожает ему лишением кредита, надеясь этим активизировать его антиреволюционную деятельность.¹⁰⁰

Но самое главное в политике монополистической буржуазии состояло в том, что она (по-видимому, уже со второй половины июля 1917 г.) делает ставку на контрреволюционный переворот. Состоявшийся в начале августа 1917 г. в Москве Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд открыто, как сообщала большевистская печать, «изъявил притязание на верховную власть».¹⁰¹ В те же дни центральная банковская организация — Совещание представителей акционерных коммерческих банков — выдвигает вопрос об утверждении «в центре и на местах твердой власти, могущей бороться с незаконным вмешательством общественных организаций в экономическую жизнь» во главу угла, не связывая его решение с деятельностью Временного правительства.¹⁰²

Все точки над «и» поставили монополисты Юга. Они, предвосхищая выступление генерала Каледина на Государственном совещании, прямо заявили о необходимости лишить «разного рода Советы», присвоившие себе в Донбассе «функции государственной власти», «узурпированной ими власти», и заодно ввести деятельность заводских и рудничных комитетов «в законные рамки» или «совершенно их уничтожить». Такого рода мероприятий, по их мнению, можно было ожидать «только в связи с общим политическим оздоровлением страны и введением действительного правового строя при наличии сильной власти».¹⁰³

Задачам подготовки контрреволюционного переворота капитал подчиняет все свои силы. Одним из первых мероприятий в этом

¹⁰⁰ См.: Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве, стр. 6.

¹⁰¹ Социал-демократ, 1917, 12 августа.

¹⁰² Экономическое положение России, ч. 1, стр. 202, док. № 81.

¹⁰³ Там же, стр. 194—195, док. № 79.

плане была организация заправилами тяжелой индустрии и банков Главного комитета объединенной промышленности, который должен был стать боевым штабом контрреволюции в области экономики. Финансово-монополистическая клика, верховодившая в нем, использовала его как легальное прикрытие для создававшегося ею другого (помимо ЦК партии кадетов) центра контрреволюции.

В то же время при активной, если не решающей, роли московских промышленников и петроградских банкиров в начале августа, накануне Государственного совещания в Москве, на так называемом «малом совещании общественных деятелей» учреждается Совет общественных деятелей.¹⁰⁴

В лице этого совещания и избранного им Совета общественных деятелей монополисты оформляют свой союз с царскими генералами, а также с кадетами. В состав Совета (из 34 членов), помимо лидеров кадетов, представителей офицерства и других буржуазно-помещичьих деятелей, вошли восемь виднейших представителей финансовой олигархии (А. И. Вышнеградский, И. Коган, Н. Н. Кутлер, П. П. Рябушинский и др.), причем Третьяков был избран заместителем председателя Совета (председателем был Родзянко).¹⁰⁵ Созданием этого Совета общественных деятелей буржуазия по собственному признанию ее лидеров, начала «деятельную борьбу за власть».¹⁰⁶

Совет, судя по всему, явился одним из руководящих центров по подготовке корниловского заговора.¹⁰⁷ Но помимо этого, банковские круги и непосредственно были связаны с Корниловым

¹⁰⁴ По-видимому, вовсе не случайно совещание общественных деятелей, созданное особой инициативной группой из московских кадетов и биржевиков, было приурочено к окончанию Второго Всероссийского торгово-промышленного съезда, на котором монополистические тузы демонстрировали свою лютую ненависть к революции и Советам. Само совещание общественных деятелей, состоявшееся в Москве 8—10 августа в 1917 г., представляло собой «соединение... трех элементов — торгово-промышленников, профессорской и писательской интеллигенции (в большинстве кадетов, — П. В.) и выдающихся военных авторитетов» (т. е. контрреволюционных генералов, — П. В.) (П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. 1, вып. 2, стр. 112). На этом-то совещании, а не на Государственном совещании, как ошибочно полагают некоторые авторы (см.: Р. Ш. Ганелин и Л. Е. Шенелев, ук. соч., стр. 311) и был избран Совет общественных деятелей.

¹⁰⁵ См.: Отчет о Московском совещании общественных деятелей. М., 1917, стр. 4.

¹⁰⁶ Там же, стр. 12 (доклад кн. Трубецкого).

¹⁰⁷ Уже на самом совещании его участники курили фимиами Корнилову, изображая его «спасителем» России. В телеграмме, посланной ему 9 августа от имени совещания, заявлялось, что «для мыслящая Россия» смотрит на него «с надеждой и верой» (Отчет о Московском совещании общественных деятелей, стр. 59).

через своих людей Завойко и Троцкого-Сенютовича, игравших видную роль в его окружении и в руководстве его политическими действиями.¹⁰⁸ На первые же известия о начале мятежа биржа реагировала 28 августа повышением всех ценностей.¹⁰⁹

С подготавливавшимся военным переворотом монополистический капитал связывал надежду на реализацию своих давнишних устремлений — создать правительство контрреволюционной диктатуры, которое способно было бы уничтожить большевистскую партию, разогнать Советы и заводские комитеты и утопить в крови пролетариата русскую революцию. Этим надеждам не суждено было сбыться. Благодаря бдительности большевиков и революционному отпору со стороны рабочих масс корниловский мятеж потерпел неудачу.

Но буржуазия не отказалась от своих контрреволюционных замыслов. Отмежевавшись после поражения корниловского мятежа от его исполнителей, монополистические круги буржуазии вновь открыто выступают на сцену, стремясь непосредственно встать у кормила государственной власти. К этому побуждали их, с одной стороны, мощный подъем революционного движения после корниловщины, большевизация Советов и громадный рост влияния большевистской партии при одновременном катастрофическом падении авторитета эсеров-меньшевиков, создавшие реальную угрозу классовому господству буржуазии. С другой стороны, политическое представительство буржуазии в лице кадетов оказалось скомпрометированным активным участием их лидеров в корниловской авантюре и не могло легально претендовать на участие в формировании нового правительства, которое должно было сменить так называемую Директорию. Дело дошло до того, что монополистические тузы буквально тащили за собой в правительство кадетских деятелей, выставив их участие в правительстве непременным условием своего собственного вхождения в него.¹¹⁰

Как ни малы были реальные силы Временного правительства, монополистические круги стремились использовать их целиком, чтобы путем установления своего непосредственного контроля над центральным органом власти попытаться вернуть те позиции, которые были утрачены в результате поражения корниловщины или сохранить и укрепить их. А главное: укрепившись в прави-

¹⁰⁸ См.: Р. Ш. Ганелин и Л. Е. Шепелев, *ук. соч.*, стр. 309—310; История гражданской войны в СССР, т. I, М., 1938, стр. 327—328.

¹⁰⁹ См.: Рабочий, 1917, 13 сентября.

¹¹⁰ Речь, 1917, 16 сентября. Правда, Милюков, утверждал, будто на участии представителей «торгово-промышленного класса» в последнем правительстве настаивал именно ЦК кадетов (П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. 3, стр. 13).

тельстве, можно было всячески «содействовать нарастанию контрреволюционных настроений с той целью, чтобы дать революции решительную битву при условиях более благоприятных для буржуазии, чем существовавшие в августе».¹¹¹

В свою очередь Керенский, которым кадеты, по выражению В. И. Ленина, играли, как пешкой,¹¹² и соглашательские руководители ЦИК, утратив массовую опору в народе, взяли курс на укрепление своей настоящей классовой основы путем установления открытого союза с верхами монополистической буржуазии.¹¹³

Пути «социалистов» и народных масс расходились все дальше и дальше. Массы шли влево, становясь под знамена большевиков, эсеры и меньшевики еще более круто забирали вправо, смыкаясь с контрреволюционной крупной буржуазией.

Наконец, одним из мотивов «призыва» представителей крупного капитала в правительство было стремление эсеров-меньшевистских политиканов соорудить «новую» коалицию посредством замены дискредитировавшей себя «коалиции с кадетами коалицией с торгово-промышленными Кит Китычами, Рябушинскими, Бубликовыми, Терещенками и К^о».¹¹⁴

Торг Керенского с выступавшими единым фронтом кадетами и «беспартийными» промышленниками и банкирами, при ведущей роли последних,¹¹⁵ закончился созданием 25 сентября 1917 г. третьего и последнего коалиционного правительства на условиях, выдвинутых буржуазией. Среди них главными были требования решительной борьбы с «анархией», т. е. революцией, и создания «твердой» власти. Неслучайно, по сообщениям прессы, сформирование нового правительства внесло «успокоение в финансовые сферы».¹¹⁶

В состав последнего правительства помимо кадетов и «социалистов» вошли виднейшие деятели московского капитала — Коновалов, Третьяков и Смирнов, которые были известны как корни-

¹¹¹ КПСС в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Июль—ноябрь 1917 г. М., 1957, стр. 348.

¹¹² В. И. Ленин. Начало бонапартизма. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 201.

¹¹³ Любопытно, что еще до корниловщины Третьяков в речи на Втором торгово-промышленном съезде предвидел этот поворот вправо, заявив, что «Временное правительство будущего состава все же не обойдется без представителей торгово-промышленного класса. Мы нужный народ, мы нужны им, как хлеб насущный, как воздух» (Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве, стр. 13).

¹¹⁴ В. И. Ленин. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Сочинения, т. 25, 4-е изд., стр. 303.

¹¹⁵ П. А. Бурыйшкин, ук. соч., стр. 341.

¹¹⁶ Вестник финансов, промышленности и торговли, 1917, № 40, стр. 409.

ловцы.¹¹⁷ Вместе с тем их вступление в правительство являлось проявлением и подтверждением обычного для капиталистических стран «правила»: «Сегодня министр — завтра банкир; сегодня банкир — завтра министр».¹¹⁸

Коновалов, вновь вернувшийся в правительство, занял пост министра торговли и промышленности с «добавлением» второго по значению после главы правительства поста заместителя министра-председателя.¹¹⁹ Третьяков и Смирнов стали: первый — председателем Экономического совета, второй — государственным контролером.

Это означало, что московская буржуазия, не доверяясь целиком кадетам, а тем более эсеро-меньшевикам, решила попытаться еще раз использовать государственную власть, чтобы остановить и разгромить революцию.

Хотя последнее Временное правительство оставалось коалиционным, в действительности его коалиционный характер был фикцией, едва прикрывавшей почти однородно буржуазный характер правительства Керенского—Коновалова. Характерно, что сам Милуков должен был признать, что состав третьего коалиционного правительства был, «считая даже и „министров-социалистов“, более умеренным, чем состав первых двух коалиций».¹²⁰

Буржуазия, в особенности монополистическая, давно уже разучилась в коалиции как средстве спасения от революции, и ценовые члены нового министерства также «не возлагали более никаких надежд на коалицию».¹²¹ Теперь буржуазное большинство правительства (11 из 17 человек), отбросив всякое приличие, открыто диктовало ему свою волю.

Коновалов, Третьяков и Смирнов, сплотившись, по свидетельству Милукова, вместе с кадетскими министрами (Кишкин, Карташев) в «тесно сблизившийся между собой кружок», к которому

¹¹⁷ Третьяков, как известно, фигурировал в числе кандидатов в состав правительства, намечавшегося Корниловым (см.: История гражданской войны в СССР, т. 1, стр. 335).

¹¹⁸ В. И. Ленин. Банки и министры. Сочинения, т. 24, 4-е изд., стр. 96. Третьяков и Смирнов являлись видными монополистическими дельцами. Третьяков — член совета Московского банка, председатель или член правления пяти крупных текстильных (льняных) предприятий, председатель Московского биржевого комитета. Смирнов — один из владельцев и член правления товарищества Ликинской мануфактуры, член совета общества хлопчатобумажных фабрикантов и заместитель председателя Московского областного военно-промышленного комитета.

¹¹⁹ Милуков, вопреки исторической правде, пишет, будто бы Коновалов вернулся к власти против своей воли, только по настойчивой просьбе Керенского (П. Н. Милуков. История второй русской революции, т. I, вып. 3, стр. 76—77, 67). Эту же версию повторяет Набоков (см.: В. Набоков. Ук. соч., стр. 81).

¹²⁰ П. Н. Милуков. Россия на переломе, т. I. Париж, 1927, стр. 112.

¹²¹ П. Н. Милуков. История второй русской революции, т. I, вып. 3, стр. 67.

«в отдельных случаях» примыкал и Терещенко¹²² (бессменный с начала образования коалиции министр иностранных дел), пытались «испробовать в последний раз другой путь и другие средства, чем те, которые применялись до сих пор».¹²³ Они сконцентрировали всю деятельность Временного правительства на мобилизации всех контрреволюционных сил для разгрома возглавляемого большевиками революционного движения.

Керенский плелся у них на поводу, «говорил теперь то же — или почти то же, что и министры — кадеты»¹²⁴ и целиком выполнял их волю. Но буржуазия, еще недавно, в первые дни после корниловщины, державшаяся за Керенского (держалась, правда, по заслуживающему доверия сообщению, «с возрастающим недовольством и даже отвращением»)¹²⁵ как за единственного человека, способного спасти ее от народного гнева, теперь считала его бесполезным. По свидетельству Бьюкенена, член возглавляемого Керенским кабинета Третьяков отзывался о нем презрительно, говоря, что «он слишком социалист (!) для того, чтобы можно было надеяться, что он подавит анархию».¹²⁶ Сам Бьюкенен тоже к этому времени пришел к выводу, что Керенский «почти что сыграл свою роль».¹²⁷

Монополистический капитал, казалось, достиг своей цели. Правительство Керенского—Коновалова не только соответствовало его контрреволюционным устремлениям, но и все более приближалось по своему составу к желаемому «образцу». Но его беда (с точки зрения буржуазии) состояла в том, что оно, горя желанием разгромить революцию путем открытой гражданской войны, не имело в своем распоряжении реальных сил для достижения этой цели.

Вот почему, не ограничиваясь полным и безраздельным хозяйничанием в центральном органе власти, руководящие буржуазные круги и военщина при содействии правительства вели активную подготовку нового военного заговора, дабы предотвратить победу пролетарской революции.¹²⁸

Но почва окончательно уходила из-под ног русской буржуазии. Присутствие в правительстве последнего состава монополи-

¹²² Там же, стр. 77—78.

¹²³ Там же, стр. 76.

¹²⁴ Там же, стр. 67.

¹²⁵ Там же, стр. 5.

¹²⁶ Д. Бьюкенен, ук. соч., стр. 266.

¹²⁷ Там же, стр. 248.

¹²⁸ См.: Г. И. Журавлев. К вопросу о втором контрреволюционном военном заговоре накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Исторические записки, т. 56, 1956, стр. 280. К сожалению, свои ответственные положения и утверждения автор не всегда подкрепляет ссылкой на источники.

стических тузов, являвшихся, даже по характеристике Бьюкенена, наиболее последовательными и твердыми сторонниками решительной борьбы с большевизмом,¹²⁹ не прибавило ему силы. Кипучая деятельность Коновалова, являвшегося одним из главных организаторов и руководителей всевозможных совещаний в военных штабах, разрабатывавших планы разгрома большевиков,¹³⁰ не могла уже ничего изменить, а лишь приближала неизбежную развязку.

Монополистические группировки одна за другой все более и более утрачивают к последнему Временному правительству в связи с этим всякое доверие. «Рассчитывать на содействие правительства бесполезно. Оно бессильно что-либо сделать и занимается лишь вечным улаживанием конфликтов»,¹³¹ — такой мотив звучит в конце сентября на заседаниях совета Петроградского общества заводчиков и фабрикантов. Еще более определенно высказались магнаты тяжелой индустрии, заявив устами фон Дитмара на конференции промышленников Юга России (20—24 сентября 1917 г.), что «у нас нет правительства, нет власти».¹³² Московские толстосумы, делегировав своих представителей в состав последнего правительства, сами, однако, уже не верили, что этим «можно еще спасти положение».¹³³ Третьяков за неделю до свержения Временного правительства на одном из его заседаний констатировал: «Настроение в Москве (он имел в виду торгово-промышленные круги, — П. В.) к Временному правительству отрицательное».¹³⁴

Монополистическая буржуазия надеялась лишь на создание «сильной» власти путем государственного переворота и установления генеральской диктатуры. Такое отношение буржуазии к своему собственному правительству было несомненно отражением глубочайшего кризиса верхов, а следовательно, одним из основных показателей революционной ситуации.

С другой стороны, в самом правительстве росли настроения пессимизма на почве сознания своего бессилия, также являвшиеся симптомом того же кризиса верхов. Так, например, при обсуждении на заседании Временного правительства вопроса о железнодорожной забастовке, объявленной 22 сентября 1917 г., министр труда меньшевик Гвоздев в ответ на предложение МИД (по-ви-

¹²⁹ Д. Бьюкенен, ук. соч., стр. 266.

¹³⁰ См.: К. Рябинский. Революция 1917 года (Хроника событий). М.—Л., 1926, т. V, стр. 114, 150.

¹³¹ Журнал заседания Совета общества, 22 сентября 1917 г.: ЦГАОР, ф. Петроградского общества заводчиков и фабрикантов, оп. 1, д. 7, лл. 53—54.

¹³² ЦГАОР, ф. 3, оп. 1, д. 18, л. 187.

¹³³ П. А. Бурыйкин, ук. соч., стр. 343.

¹³⁴ Исторический архив, 1960, № 5, стр. 84.

димому, Терещенко) «начать аресты и увольнения» заявил, что «у нас сил нет».¹³⁵ Военный министр генерал Верховский, подавая 18 октября 1917 г. прошение об отставке, мотивировал его тем, что «Временное правительство не пользуется нужным доверием масс».¹³⁶

Таким образом, история не оставила русскому монополистическому капиталу времени для создания «твердой» буржуазной диктатуры ни путем укрепления власти в руках Временного правительства, ни путем государственного переворота с целью реставрации монархии. Напротив, активная роль монополистических кругов в организации государственной власти в период 8-месячного господства буржуазии лишь ускорила его неизбежный крах, ибо именно эти круги были той главной силой, которая противилась буржуазно-демократическим реформам и толкала Временное правительство на быстрейшее развязывание гражданской войны против большинства народа, не считаясь с последствиями такой авантюристической политики.

Органическая слабость государственной машины Временного правительства была, с одной стороны, отражением слабости самой буржуазии как класса, а с другой — показателем силы революции. Глубокий и длительный кризис власти, наиболее ярко проявлявшийся в так называемой министерской чехарде, свидетельствовал прежде всего о силе революции, обрекавшей на неудачу все правительственные комбинации.

Характерным штрихом и внешним выражением отмеченной слабости буржуазии является измельчение ее политических и государственных деятелей в составе правительства от одного кабинета к другому. Если «первое послереволюционное правительство заключало в себе цвет России»¹³⁷ (разумеется, буржуазно-помещичьей России), то в последующих правительствах буржуазия была представлена, как правило, второстепенными, на редкость бледными фигурами, негодившимися даже с ее точки зрения для роли «спасителей» России. То же самое следует сказать о «государственных» деятелях из эсеров-меньшевистского лагеря.

Надо особо отметить, что эсеры и меньшевики сделали максимум возможного для укрепления и сохранения диктатуры буржуазии. Дело дошло до того, что в самый канун Октябрьской революции, как признал Милюков, создалось парадоксальное положение: буржуазная республика защищалась «одними социалистами умеренных течений», утратив в то же время «последнюю

¹³⁵ ЦГАОР, ф. 6, оп. 1, д. 20, л. 2.

¹³⁶ Исторический архив, 1960, № 5, стр. 85.

¹³⁷ Отчет о Московском совещании общественных деятелей, стр. 9 (доклад кн. Трубецкого).

поддержку буржуазии».¹³⁸ Такое признание, однако, не помешало ему вину за революционное крушение капитализма в нашей стране возложить на эсеров и меньшевиков.¹³⁹ Между тем ясно, что русская буржуазия, не имевшая никаких связей с народом, без соглашательской опоры не продержалась бы и несколько дней. И только политическая отсталость не позволяла ей «по достоинству» оценить эти «заслуги» эсеров и меньшевиков.

К октябрю 1917 г. русская буржуазия в борьбе за власть исчерпала все свои силы и была свергнута пролетарской революцией.

* *
*

Подведем краткие итоги изложенному.

1. Временное правительство, созданное при активном участии руководящих монополистических кругов, было центральным органом политического господства всего класса капиталистов и слившихся с ними помещиков. Вместе с тем оно являлось правительством финансово-монополистической верхушки, поскольку последняя воплощала в себе экономическое господство всего класса капиталистов и политически доминировала в буржуазной среде.

2. Двоевластие, как специфическая особенность второй буржуазно-демократической революции в России, с самого начала деятельности Временного правительства осложнило и подорвало политическое господство буржуазии, поставив под угрозу самую возможность его длительного сохранения. Поэтому красной нитью через всю политику буржуазии и Временного правительства проходит стремление к установлению «твердой» власти, т. е. неограниченной буржуазной диктатуры. При этом монополистический капитал, борясь в рядах общего буржуазно-помещичьего фронта за эту цель, был наиболее реакционной силой и занял ранее других фракций буржуазии откровенно контрреволюционные позиции.

3. В борьбе за утверждение и укрепление буржуазной диктатуры выявилось различие в подходе к решению этой центральной задачи между отдельными политическими и монополистическими группировками, и главным образом между монополистическим капиталом и Временным правительством. Возникшие на этой основе разногласия были «домашней ссорой» внутри одного контрреволюционного буржуазно-помещичьего и соглашатель-

¹³⁸ П. Н. М и л ю к о в. История второй русской революции, т. I, вып. 3, стр. 7.

¹³⁹ Там же, вып. 1, стр. 112, 117; вып. 2, стр. 6—7; вып. 3, стр. 5—6.

ского блока и сводились к внутренней борьбе между его участниками за тот или иной метод контрреволюционной политики. Не имея существенного значения, эти разногласия, тем не менее, сыграли свою роль, ибо подрывали изнутри единство контрреволюционного фронта, раскалывали его перед лицом сплоченных сил пролетарской революции.

4. Монополистические круги, наряду с военщиной и кадетскими главарями, были той средой, где вынашивались планы контрреволюционного переворота и ликвидации республиканского строя. Победоносная пролетарская революция сорвала осуществление этих планов.

Б. В. АНАНИЧ

УЧЕТНО-ССУДНЫЙ БАНК ПЕРСИИ В 1894—1907 гг.

Русское самодержавие втянулось в империалистическое соперничество за сферы влияния на огромных территориях полуколонизированных и зависимых стран Дальнего и Среднего Востока в самом конце XIX столетия. Вступив на дальневосточных и средневосточных рынках в борьбу со своими западноевропейскими партнерами, царизм пустил в ход приемы и методы, присущие капиталистическому империализму новейшего типа. Как указывал В. И. Ленин, «в России капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Манчжурии, Монголии».¹ Одна из особенностей этой политики состояла в том, что проводниками ее являлись банки: на Дальнем Востоке — Русско-Китайский, на Среднем — Учетно-ссудный банк Персии. Естественно, что в характере деятельности этих банков отразились особенности экономической политики царизма на Дальнем и Среднем Востоке, политики, которая привела Россию к империалистической войне с Японией и к империалистическому соглашению с Англией за счет Персии, Афганистана и Тибета и которая с самого начала носила на себе отпечаток своеобразных условий развития империализма в России.

Настоящая статья представляет собой попытку проследить только в самых общих чертах деятельность Учетно-ссудного банка Персии в разгар англо-русского соперничества на Среднем Востоке. Разумеется, что деятельность эта рассматривается в связи с общим направлением экономической политики как Англии, так и России в Персии в 1894—1907 гг.

* * *

Учетно-ссудный банк Персии возник в начале 90-х годов XIX в. в период значительного расширения русско-персидских торговых отношений и начавшегося вывоза из России в Персию капиталов.

¹ В. И. Ленин. Социализм и война. Сочинения, т. 21, изд. 4-е, стр. 277.

Первыми наиболее видными российскими концессионерами в Персии были известные капиталисты братья Поляковы. В 1889 г. Л. С. Поляков образовал «Товарищество промышленности и торговли в Персии и Средней Азии» с отделениями в Тегеране, Реште, Мешхеде и других крупных городах Персии, в 1892 г. он же открыл в Тегеране «Персидское страховое и транспортное общество», начал строительство там спичечной фабрики, скупил три четверти акций бельгийской компании, содержавшей в Тегеране конку. В 1893 г. Л. С. Поляков получил концессию на постройку шоссе от побережья Каспийского моря первоначально до Казвина, а позднее (в 1895 г.) до Тегерана. В 1890 г. брат Л. С. Полякова — Я. С. Поляков — приобрел концессию сроком на 75 лет на устройство в Персии банка с правами заниматься ссудными операциями под залог ценных бумаг, векселей и товаров и организовывать аукционы. Капитал банка был определен в 5 млн франков, из которых 1 млн должен был быть внесен концессионером в течение первых шести месяцев, а остальные последовательными взносами в сроки, установленные администрацией банка. По условиям концессии 10% чистой прибыли от банковских операций должны были поступать в шахскую казну, 25% — в пользу учредителей и 65% — в пользу акционеров. За дарованное банку право устраивать аукционные продажи в Тегеране Поляков должен был особо по истечении каждого года платить шахскому правительству тысячу туманов.

Однако первые шаги в Персии российского финансового капитала оказались малоуспешными. Утвержденный персидским правительством в мае 1891 г. банк Я. С. Полякова (первоначально названный «Ссудное общество Персии») просуществовал всего около трех лет, так и не развернув широко свои операции и был приобретен в апреле 1894 г. русским Министерством финансов.

Интерес, проявленный царским правительством к акционерному делу Полякова, не был случайным и находился в прямой связи с тем, что самодержавие в начале 90-х годов XIX в. приступило к активной экономической политике на восточных окраинах России. Истоки этой политики восходят к 1893 г., когда С. Ю. Витте «немедленно по вступлении в управление Министерством финансов» поставил вопрос о необходимости расширения «русско-азиатской торговли» на том основании, что пограничные с Россией «страны Азии» «служат рынками сбыта» русских мануфактурных изделий и «торговое в этих странах значение России находится в самой тесной связи» с ее «политическим там влиянием».²

В апреле 1893 г. по инициативе Витте при Министерстве финансов было создано «Особое совещание по торговле с азиатскими

² Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте не позднее 25 марта/6 апреля 1894 г.: ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 1, д. 46, лл. 70—71.

государствами» из представителей трех министерств: финансов, военного и иностранных дел и под председательством Д. Ф. Кобеко. К началу 1894 г. совещание уже обсудило некоторые вопросы о торговле с Персией, Афганистаном и Бухарою и специально занялось рассмотрением вопроса о расширении торговли с Китаем в связи со строительством Сибирской ж. д. Что же касается русско-персидской торговли, то в целях ее улучшения совещание в первую очередь «признало желательным» приобретение в собственность государства Ссудного общества Персии. В самом начале апреля 1894 г. Витте, ссылаясь, в частности, на решение Особого совещания, представил в Комитет финансов подробный проект покупки Государственным банком акционерного дела Полякова. В проекте подчеркивалось, что развитию русской торговли в Персии может способствовать только «кредитное учреждение с большими средствами» и что эта задача не по плечу ни Ссудному обществу Полякова, ни работавшему в Персии отделению Московского международного банка, которые недостаточно сильны и не могут противостоять там английскому влиянию.³ Между тем, по сведениям, которыми располагало Министерство финансов, обстановка для активной деятельности в Персии сильного русского кредитного учреждения представлялась благоприятной, так как дела английского Имперского банка (Imperial Bank of Persia), образованного в Тегеране в 1889 г., пошатнулись, ценность его акций упала на 50—60%, и администрация банка готова даже была «уступить» Я. С. Полякову свое предприятие за исключением выделившегося из него общества для эксплуатации минеральных богатств Персии.⁴ Однако Поляков оказался не в состоянии воспользоваться предложением администрации английского банка и захватить в свои руки ведение всех финансовых операций в Персии.

Ссылаясь на то, что Ссудное общество Полякова не имеет никаких перспектив укрепить свое положение, так как «московские торговые фирмы, обладающие значительными средствами... уклоняются от собрания капитала, необходимого для учреждения в Персии сильного русского банка», а «государственный банк не может открыть в Тегеране свое отделение» по политическим соображениям, Витте и выступил с проектом, предусматривавшим превращение Ссудного общества Персии в предприятие государственного типа, имеющего, однако, внешние признаки частного банка. 4 апреля 1894 г. проект был обсужден в Комитете финансов, двенадцать дней спустя утвержден Александром III, а к 1 мая 1894 г. Государственный банк уже вступил в управле-

³ Представление Витте в Комитет финансов 4/16 апреля 1894 г.: ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 331, л. 4.

⁴ Там же.

ние Ссудным обществом Персии, переименованным к тому времени в Ссудный банк Персии.

Я. С. Поляков получил от русского правительства 225 тыс. руб. за уступку всех акций на сумму в 5 млн франков = 1875 тыс. руб. (которые к моменту продажи банка считались оплаченными на 2 млн франков = 750 тыс. руб.), инвентаря, концессии и устава, а также в возмещение расходов «по обзаведению и устройству».⁵

Таким образом, с 1894 г. Ссудный банк Персии начал действовать в Тегеране формально как частное учреждение, а в действительности как филиал русского Государственного банка, который не только оплатил расходы, связанные с покупкой Ссудного банка Персии, но и предоставил его администрации в виде оборотного капитала 375 тыс. руб.⁶ На заседании Комитета финансов 4/16 апреля 1894 г., утвердившего предложение Витте о приобретении акционерного дела Я. С. Полякова, были определены и задачи вновь образованного банка: содействовать «развитию активной торговле русских в Персии, сбыту туда русских фабрикатов, распространению среди персидского населения российских кредитных билетов, а равно вытеснению из Персии английских произведений».⁷

Открытие русского банка в Тегеране ознаменовало собой непосредственный переход самодержавия к активной экономической политике в Персии, рассчитанной на завоевание персидского рынка и вытеснение из Персии английского соперника. Меньше чем год спустя после поездки командующего войсками Закаспийской области генерал-лейтенанта А. Н. Куропаткина в 1895 г. во главе чрезвычайного посольства в Тегеран эта политика как бы окончательно получила официальное утверждение и было провозглашено, что соревнование с Англией отныне «должно выражаться прежде всего в сфере экономических интересов».⁸

⁵ Там же, л. 12.

⁶ В 1902 г. Ссудный банк Персии был переименован в Учетно-ссудный банк Персии. Далее он так и будет именоваться во всех случаях.

⁷ Журнал Комитета финансов 4/16 апреля 1894 г.: ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 331, л. 16.

⁸ Справка о капитальных затратах русского Государственного казначейства в Персии и о финансовых ресурсах шахского правительства: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 170, л. 1. А. Н. Куропаткин в представленном Николаю II отчете о результатах своей поездки высказался за активную экономическую политику в Персии. Поскольку сам Куропаткин считал, что Россия в данный момент не заинтересована в персидском рынке, то смысл этой политики Куропаткин видел в освоении персидского рынка впрок. «Если при нынешнем развитии России, — писал в своем отчете Куропаткин, — рынок Персии представляется для нас недостаточно важным, то мы должны работать в интересах детей и внуков наших. Через 50 лет в России будет 250 млн населения. Тогда весь персидский рынок до Персидского залива включительно станет для русского народа насущно

С 1895 г. в Персию устремляются через Учетно-ссудный банк русские государственные капиталы, которые вкладываются в займы, концессии на постройку дорог, чеканку монеты и т. д. Последние пять-шесть лет XIX в. оказали решающее влияние на результаты англо-русского экономического соперничества в Персии. За эти годы Россия достигла значительных успехов в освоении персидского рынка, быстро догнала Англию в объеме торгового оборота с Персией и заняла монопольное положение на северных рынках страны. На протяжении этих лет самодержавие добилось также исключительного права финансировать персидское правительство и установило через Учетно-ссудный банк контроль над персидскими финансами.

Дело в том, что после крупного персидского займа, сделанного в Лондоне в 1892 г., шахское казначейство попало в долговую зависимость от Англии. С этого момента началась сплошная полоса финансовых кризисов персидского правительства. В поисках выхода из создавшегося положения правительство Персии в 1895 г. открыло переговоры о займе в России, которые прервались, однако, в связи с убийством в 1896 г. Насер-эд-Дин шаха. Но если переговоры в 1895—1896 гг. о большом займе в России оказались пока что бесплодными, то персидскому правительству сразу же был открыт краткосрочный кредит в Учетно-ссудном банке Персии, который после его перехода в собственность Государственного банка взял курс на регулярную финансовую поддержку персидского правительства. Первая ссуда шахскому казначейству была выдана Учетно-ссудным банком в мае—июне 1895 г. в размере 100 тыс. туманов сроком на год «в виде аванса под векселя тегеранского монетного двора». Несмотря на то, что оно не сумело погасить свою задолженность в срок и расчеты по ссуде затянулись на два года, в 1896 г. Учетно-ссудный банк Персии удовлетворил новую просьбу шаха, поддержанную русскими дипломатическими представителями в Тегеране, и произвел учет краткосрочных векселей шахского казначейства (бератов) на сумму в 156 390 туманов сроком на шесть месяцев.⁹

После смерти Насер-эд-Дин-шаха персидское правительство делало попытки заключить заем при содействии группы нидерландских и французских банкиров с тем, чтобы избежать займа в Англии или России, но не получило поддержки французского правительства, и заем не состоялся. Эта неудача вынудила нового шаха просить в феврале 1898 г. ссуду в английском Имперском

необходимым. Если мы упустим его теперь из своих рук или позволим занять Англии ту или другую часть территории Персии, то в ближайшем историческом будущем это вызовет необходимость огромных жертв с нашей стороны дабы вернуть потерянное» (ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 27, лл. 82—83).

⁹ ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 170, л. 9.

банке, которую он получил в размере 50 тыс. фунтов стерлингов под залог таможен побережья Персидского залива.

По истечении срока ссуды английское правительство решило воспользоваться финансовыми затруднениями шаха и потребовало немедленного погашения не только последней ссуды, но и долгов по прежним займам в размере 150 тыс. ф. ст., угрожая в противном случае продлить на шесть лет контроль над персидскими таможнями. Персидское правительство оказалось в критическом положении. Правда, шаху удалось осенью 1898 г. получить в Учетно-ссудном банке Персии новую ссуду в размере 1.5 млн руб., которая обеспечивалась доходами семи персидских северных таможен и арендной платой с рыбных промыслов на Каспийском море,¹⁰ но эта сумма пошла только на частичное погашение английского долга, и персидское правительство вынуждено было продолжить поиски крупного займа. Попытки договориться с Англией окончились полной неудачей: в Лондоне готовы были выдать Персии новый заем, но только на кабальных условиях — установления полного и немедленного контроля над южными таможнями страны.

Осенью 1899 г. персидское правительство обратилось к России с новой просьбой о долгосрочном займе. 17/30 января 1900 г. между персидским правительством и Учетно-ссудным банком Персии было подписано соглашение о 5%-м золотом займе на 22.5 млн руб. Заем был рассчитан на 75 лет с уплатой процентов и погашения два раза в год — 1 января и 1 июля. Платежи по займу обеспечивались всеми таможенными доходами страны за исключением таможен Фарса и Персидского залива, причем все гарантированные для платежей доходы должны были прежде всего поступать в Учетно-ссудный банк, и только после отчисления необходимой суммы в пользу банка остаток передавался в распоряжение персидского правительства. В случае, если бы доходы персидских таможен не обеспечивали платежи по займам, банку предоставлялось право контроля за их поступлениями, а в крайнем случае и «прямое заведование» ими. Одним из основных условий займа являлось обязательство персидского правительства ликвидировать за его счет долговые обязательства перед Англией и впредь не заключать новых долгосрочных займов где бы то ни было без согласия России.¹¹

¹⁰ Там же, л. 9 об.

¹¹ На погашение английских и русских долгов ушла больше чем третья часть всей суммы займа. Из 22.5 млн руб. было уплачено: 1) Учетно-ссудному банку: а) по бератам, которые были учтены в 1896 г. — 340 тыс. руб.; б) по ссуде в 1.5 млн руб. 1898 г. — 1591 тыс. руб. 2) По 6%-му персидскому займу 1892 г., реализованному в Лондоне на 500 тыс. ф. ст. — 4103 тыс. руб. 3) В счет оплаты ссуд из Имперского банка — 2500 тыс. руб. Итого: 8534 тыс. руб. (ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 170, л. 10 об.).

Огромную сумму в 22.5 млн руб., полученную в России в 1900 г., шахское правительство растратило за какие-нибудь полтора года. Уже в мае 1901 г. директор персидских таможен Наус начал в Учетно-ссудном банке Персии переговоры о новых займах. В результате этих переговоров персидское правительство, сделав ряд уступок политического характера, получило в банке с октября 1901 г. по март 1902 г. три ссуды в размере 3 млн руб. В марте же 1902 г. Персии был предоставлен второй крупный заем в размере 10 млн руб. на условиях, аналогичных условиям займа 1900 г. (на 75 лет из 5% с уплатой процентов и погашения по полугодиям и т. д.).

Оба русских долгосрочных займа — 1900 и 1902 гг. — не были выпущены на денежный рынок, а размещались через государственные учреждения и среди лиц, близких к императорской фамилии. При их реализации как в первом, так и во втором случае была отпечатана и сдана в Государственный банк одна облигация на всю сумму займа. Поскольку займы реализовались по частям, облигации были заложены на переходные ценности Отделения вкладов на хранение Петербургской конторы банка, которая выдавала членам императорской фамилии, а также фонду сберегательных касс, державшим значительную часть займов, особые удостоверения.

Займы 1900 и 1902 гг. были размещены следующим образом (табл. 1 и 2):

Т а б л и ц а 1¹²

Размещение персидского золотого 50/0-го займа 1900 г.

На 1900 г.		На январь 1913 г.	
держатели	сумма (в руб.)	держатели	сумма (в руб.)
Кабинет е. и. величества	11000000	Кабинет е. и. величества	11000000
Фонд сберегательных касс	7885700	Фонд сберегательных касс	11381800
Вел. кн. Владимир Александрович	2297900	Вел. кн. Владимир Александрович	21900
Вел. кн. Андрей Владимирович	870100	Вел. кн. Кирилл Владимирович	96300
Вел. кн. Кирилл Владимирович	446300		
Итого	22500000	Итого	22500000

¹² ЦГИАЛ, ф. 588, оп. 2, д. 1118, лл. 13 и 341.

Т а б л и ц а 2¹³

Размещение персидского золотого 50/0-го займа 1902 г.

На 1902 г.		На январь 1913 г.	
держатели	сумма (в руб.)	держатели	сумма (в руб.)
Фонд сберегательных касс	8695200	Фонд сберегательных касс	8535074.58
Главное управление уде- лов	1104800	Вел. кн. Елена Влади- мировна	1387945.42
Вел. кн. Владимир Але- ксандрович	200000	Принц А. П. Ольден- бургский: Майоратный капитал	33380
		Аничковский	32300
		Приданный	11300
Итого	10000000	Итого	10000000

Крупные финансовые операции Учетно-ссудного банка в 1900—1902 гг. не только способствовали увеличению его влияния в Персии, но и значительно усилили там экономические и политические позиции самодержавия. В результате этих операций персидское правительство, взявшее на себя обязательство ликвидировать свои долги в Англии, превратилось в должника России. Самодержавие получило в свои руки фактический контроль над северными таможнями страны. По требованию русской стороны персидское правительство согласилось уволить заведовавшего Монетным двором в Тегеране англичанина Маклина, заменив его бельгийцем и предоставило Учетно-ссудному банку право чеканки монеты наряду с английским Имперским банком. Учетно-ссудный банк Персии, кроме того, получил концессию на строительство колесной дороги Казвин—Тавриз—Тегеран. И, наконец, в довершение всего состоялся пересмотр третьей статьи Особого акта Туркманчайского договора 1828 г., на основании которого регулировались русско-персидские торговые отношения, и подписание в конце 1901 г. новой торговой конвенции, открывшей благоприятные возможности для развития русско-персидского товарооборота.¹⁴

Все это, вместе взятое, подготовило к началу 1903 г. условия для пересмотра русской политики в Персии в направлении даль-

¹³ Там же.¹⁴ Подробнее об этом см.: А. А. Зонненштраль-Пискорский. Международные торговые договоры Персии. М., 1931; Н. Н. Бобынин. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля. 1901—1923. Тифлис, 1923.

нейшего расширения экономической экспансии царизма. Поводом к такому пересмотру послужил один из очередных финансовых кризисов персидского правительства.

Почти в самом начале 1903 г. стало очевидно, что переговоры о новом займе в России не за горами. Несмотря на то, что со времени последнего десятимиллионного русского займа прошло только несколько месяцев и за этот срок персидское правительство успело получить краткосрочную ссуду у персидских купцов и в Шахиншахском банке, Персия была снова накануне финансового банкротства. 1902 финансовый год окончился для персидского казначейства с дефицитом в 3 млн руб. (1775 тыс. туманов), а так как «финансовая смета текущего (1903, — Б. А.) года осталась неизменной», то к концу его дефицит должен был увеличиться по крайней мере вдвое, и тем самым достичь огромной цифры в 6 млн руб.¹⁵

Все это отлично знали в русском Министерстве иностранных дел, там со дня на день ждали, что Персия обратится с просьбой о займе и обдумывали пока вопрос о том, какими экономическими и политическими условиями обставить новый заем. В связи с создавшимся положением русский посланник в Тегеране П. М. Власов представил министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу свою программу действий. Исходя из необходимости придерживаться «в сношениях с шахом и его правительством строгой корректности», продолжая «настойчиво развивать» русские «торговые операции в Персии путем установления покровительственных пошлин, выдачи субсидий, улучшения условий перевозки», Власов в виде альтернативы предлагал: «либо, отказавшись от требований дальнейших обязательств от Персии, осуществить на деле приобретаемые концессии и открыть шахскому правительству текущий счет в Учетно-ссудном банке... либо предъявить Персии все требования наши к ней в строго положительной форме и быть готовыми силой заставить шахское правительство подчиниться таковым требованиям».¹⁶

Николай II, которому Ламздорф представил депеши Власова, высказался в пользу первого предложения, пометив на полях одной из них: «Я решительно предпочитаю первую программу».¹⁷

Основная мысль программы, теперь утвержденной резолюцией Николая II, не была новой, тем более для Витте, который после 1895 г., т. е. со времени провозглашения политики экономического соперничества с Англией в Персии, выступал инициа-

¹⁵ П. М. Власов — В. Н. Ламздорфу 2/15 июля 1903: ЦГИАЛ, ф. 606, оп. 10, д. 164, л. 3 об.

¹⁶ Ламздорф — С. Ю. Витте 17/30 апреля 1903 г.: там же, д. 159, лл. 147—148.

¹⁷ Ламздорф — Витте 17/30 апреля 1903 г.: там же, л. 148.

тором почти всех крупных мероприятий, имевших целью укрепление экономического влияния царизма в Персии, а теперь, в апреле 1903 г., как нечто новое получил от Ламздорфа «программу», составленную в Министерстве иностранных дел и одобренную царем. Естественно, что такой образ действий министра иностранных дел вызвал у Витте раздражение. Он и ответил Ламздорфу, что «программа энергичного образа действия в Персии, поддерживаемого силой оружия, есть не более как предположение действительного статского советника Власова», а что касается экономической политики, то она, как заметил Витте, была провозглашена «задолго до приезда» посланника в Тегеран и уже «вышла из области предположений».¹⁸ В подтверждение этого Витте назвал Ламздорфу целый перечень «мероприятий», проведенных Министерством финансов за последние два года в целях укрепления экономических позиций России в Персии.¹⁹ Предложение же посланника об открытии шаху текущего счета в Учетно-ссудном банке Витте вообще отверг, объяснив, что текущий счет может быть открыт лишь при наличии вклада, который клиент имеет в банке, а так как шахская казна «страдает хроническим безденежьем» и не располагает средствами для образования текущего счета, то речь может идти только о займе, который он готов предоставить на сумму в 2 млн туманов при наличии соответствующей гарантии.

Какова была дальнейшая судьба переговоров двух министерств по этому вопросу и велись ли они вообще, нам неизвестно. Однако важно отметить, что обмен мнениями между Ламздорфом и Витте по существу не вскрыл никаких разногласий между двумя министрами, а обнаружившаяся общность взглядов дает основание предполагать, что «мероприятия» Витте и «программа» посланника, утвержденная Николаем II, послужили основой той политики, которой царизм придерживался в Персии начиная с 1903 г. и которая позднее в русском Министерстве финансов получила название политики «капиталистического завоевания» Персии.²⁰

¹⁸ Витте — Ламздорфу 24 апреля/7 мая 1903 г.: там же, л. 162.

¹⁹ Там же. Витте назвал шесть таких мероприятий: 1) увеличение капитала Учетно-ссудного банка и открытие отделений банка в Тавризе, Репте, Мешхеде и агентств — в Энзели, Баку, Москве; 2) подписание торгового договора с Персией; 3) переход в ведение чиновников Министерства финансов управления обществом Энзели-Тегеранской дороги; 4) авансирование Учетно-ссудным банком строительства дороги Казвин—Хамадан; 5) приобретение концессии этим же банком на строительство дороги от кавказской границы через Тавриз—Казвин и 6) приобретение Учетно-ссудным банком транспортного общества Л. С. Полякова. Более подробно о некоторых из этих мероприятий речь пойдет ниже.

²⁰ Журнал Комитета финансов, 18 ноября/1 декабря 1906 г.: ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 19, д. 65, лл. 9—10.

Экономическая политика самодержавия в отношении Персии после 1903 г. по существу мало отличалась от политики, провозглашенной еще в 1895 г. Разница состояла лишь в том, что теперь речь шла об экономической экспансии в еще более широких размерах и за счет привлечения в большом количестве государственных капиталов. Возможности же для этого открылись как в связи с теми изменениями, которые произошли во внутреннем экономическом положении России к 1903 г., так и в связи с успехами, достигнутыми царизмом на Среднем Востоке к этому времени.

Что касается общего экономического состояния России, то оно после особенно мрачных кризисных 1901—1902 гг. несколько улучшилось в 1903 г. Финансовое же положение царизма в результате двух крупных внешних займов, сделанных в Европе — во Франции в 1901 г. (на сумму в 159 млн руб.) и в Германии в 1902 г. (на сумму в 181 959 тыс. руб.), — значительно упрочилось.

С другой стороны, к началу 1903 г. можно было уже говорить и о несомненных успехах царской России в экономическом соперничестве с Англией в Персии. Результаты были налицо не только в сфере финансовой, где Россия добилась почти монопольного права кредитовать шаха, заставив его оплатить все долги по английским займам и дать обязательство делать долгосрочные займы только в России, но и в сфере торговой. Здесь Россия, хотя и ценою больших жертв, к началу XX в. окончательно обгоняет Англию в общем торговом обороте с Персией и занимает прочные позиции на рынках наиболее развитых в экономическом отношении северной и центральной частях страны. Россия становится основным поставщиком наиболее распространенных на персидском рынке товаров, таких, как сахар, керосин, железо, строительные материалы, спички и т. д.

Таковы были условия, сделавшие возможной политику «капиталистического завоевания» Персии. Естественно, что в проведении этой политики решающая роль была отведена Учетно-ссудному банку Персии, подвергшемуся в 1903 г. в связи с поставленными перед ним новыми задачами значительным преобразованиям, в результате которых начиная с 1903 г. его операции как в области торговой, так и в области вывоза капиталов приняли еще более широкий размах.

* *

*

В феврале 1903 г. Комитет финансов принял решение о значительной реорганизации Учетно-ссудного банка Персии. В целях расширения деятельности банка и принимая во внимание, что долгосрочный характер большинства его операций обременителен

для Государственного банка, Комитет финансов постановил прежде всего перевести Учетно-ссудный банк Персии в собственность казны с возмещением Государственному банку из Государственного казначейства сумм, затраченных на приобретение предприятия и выпуск акций.²¹ По решению Комитета финансов Учетно-ссудный банк образовал самостоятельный капитал путем а) «полной оплаты акций первого выпуска на 5 млн франков нарицательных в размере оставшихся неоплаченными 2 млн франков = 750 тыс. руб.» и б) нового выпуска акций на нарицательный капитал в 26 660 тыс. франков = 10 млн руб. Новый выпуск акций, как и акции, принадлежавшие прежде Государственному банку, зачислялись в портфель ценных бумаг Государственного казначейства, поскольку Комитет финансов признал «нежелательной» публичную подписку, которая открывала бы доступ «частным лицам, как русским подданным, так и иностранцам» к участию в предприятии, «имеющем государственное значение».²² Как уже говорилось выше, с 1894 г. и до момента перехода в казну Учетно-ссудный банк Персии принадлежал Государственному банку, являвшемуся почти единственным источником его кредитования, так как вклады частных лиц в Учетно-ссудный банк составляли незначительную сумму:²³

Годы	Вклады частных лиц в Учетно-ссудном банке (в тыс. руб.)	Сумма задолженности Учетно-ссудного банка Го- сударственному банку (в тыс. руб.)
1896	77	1032
1897	73	1409
1898	107	1517
1899	109	2914
1900	163	3294
1901	178	4020
1902	369	На 1 ноября 12407

В Государственном банке с 1903 г. Учетно-ссудному банку Персии открывался кредит в размере 10 млн руб. Для возмещения Государственному казначейству расходов на усиление средств Учетно-ссудного банка Персии Комитет финансов предоставил министру финансов право выпуска одной серии государственной 4%-й ренты на нарицательный капитал 10 млн руб. Непокрытую же реализацией 4%-й ренты часть расходов решено было отнести «на свободную наличность Государственного казна-

²¹ Журнал Комитета финансов, 20 февраля/5 марта 1903 г.: ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 459, л. 39 об.

²² Там же, л. 39.

²³ Там же, д. 421, лл. 1—2.

чейства с показанием ее сверхсметным чрезвычайным расходом по росписи на 1903 г.»²⁴

Все эти мероприятия, проводившиеся за счет казны и направленные на расширение сферы деятельности Учетно-ссудного банка, преследовали в первую очередь цели политического характера.²⁵ Так именно и формулировались задачи банка в отчете за 1903 г., представленном министром финансов в Комитет финансов в апреле 1905 г. «Всемерно содействуя вывозу русских товаров в Персию, — говорилось в отчете, — Ссудный банк Персии своей умелой деятельностью в значительной степени способствует мирному завоеванию рынков шахских владений, но этой стороной еще не исчерпывается его политическое значение, заставляя это предприятие является прямым политическим орудием в руках императорского правительства и по настоящему министра иностранных дел на банк возлагаются поручения прямо убыточные в смысле коммерческих операций, с чем надо считаться при оценке финансового результата деятельности банка».²⁶

В итоге проведенных реформ Учетно-ссудный банк действительно превратился в орудие экономической политики царизма в Персии. С 1903 г. банк сосредоточил в своих руках все операции, связанные с ввозом и продажей в Персии русских товаров, выступая преимущественно в качестве посредника между русскими фабрикантами и персидскими купцами — клиентами банка в Персии. Причем правление банка, увлеченное предоставленными банку возможностями и стремясь «поработать на себя», в некоторых случаях вступало даже на путь конкуренции с отечественными торговыми фирмами.

Так, в январе 1903 г. правление товариществ мануфактур «Эмил Циндель», В. Е. и А. Ясютинских, Барановых, открывших в Тегеране еще в 1901 г. «на компанейских началах», торговые склады, обратились к Витте с жалобой на конкуренцию со стороны банка, который не только лишил эти торговые предприятия возможности пользоваться льготным кредитом и неофициально предложил им ликвидировать свое дело, но даже распространил среди персидского купечества слухи об их якобы несостоятельности и, в конце концов вынудил закрыть склады.²⁷ Разумеется, такая деятельность банка шла вразрез с интересами

²⁴ Там же, л. 9.

²⁵ Общие затраты Государственного казначейства на Учетно-ссудный банк составили на 16/29 февраля 1904 г. 16.6 млн руб.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 170, л. 1 об.

²⁶ Журнал Комитета финансов, 20 апреля/3 мая 1905 г.: ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 459, л. 43.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 2, д. 1373, лл. 1—2; см. также: оп. 10, д. 215, л. 52.

Министерства финансов, и Витте распорядился «строго внушить» агенту Министерства финансов в Персии Э. К. Грубе, что «банк должен содействовать самостоятельности торговцев, а никак не заводить с ними конкуренцию».²⁸

Тем не менее самый факт такой конкуренции свидетельствовал о размахе торговых операций банка, претендовавшего на абсолютную монополию в персидской торговле.²⁹ Это подтверждается и стоимостью товарных заказов банка, возросшей с 906 тыс. руб. в 1901 г. до 7141 тыс. руб. в 1903 г.³⁰ В результате торговой деятельности банка, особенно после открытия на тегеранском рынке его специального отделения, русские товары заняли преобладающее положение на рынках северной и центральной Персии и почти вытеснили вовсе товары других стран с тегеранского рынка. В отчете банка за 1903 г. сообщалось, что с тегеранского рынка исчезла «английская бумажная мануфактура и дала место русской; хорошее бомбейское стекло уступило плохому бекуновскому; дешевый ламповый товар Кокорева, Курженковых, Фикерт и др. фирм вытеснил изящный венский и стамбульский; дешевые памфиловские стаканы теснят превосходные баккара, посуда Кузнецова и других фабрик успешно конкурирует с французской и бомбейской, французского сахара уже нет больше на базаре, его заменил русский; кожаная обувь бомбейских, лондонских и французских фирм — заменяется русской».³¹

На 1903 г. Учетно-ссудный банк заключил соглашения с целым рядом астраханских, тульских, московских, ростовских, нижегородских, варшавских, лодзинских, екатеринославских и других фабрикантов. Одновременно он выступал посредником в торговых операциях по сбыту в Персии продукции таких известных фирм, как А. Баранова, А. Гюнбера, Ю. Ю. Гейнца,

²⁸ Там же, оп. 2, д. 1373, лл. 1—2.

²⁹ Там же.

³⁰ Журнал Комитета финансов, 20 апреля/3 мая 1905 г.: ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 459, л. 41.

³¹ Докладная записка помощника бухгалтера банка Б. Атаманова — Грубе: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 218, лл. 12—13. Атаманов, по-видимому, преувеличивает низкое качество русских товаров. Английский торговый агент в Персии Маклин писал в том же 1904 г. о русских товарах в Персии нечто прямо противоположное. Русские «фаянсовые изделия, — писал Маклин, — конкурируют с импортом других стран не только в цене, но и по виду и по качеству; изделия из стекла успешно конкурируют с французскими и богемскими изделиями того же класса, металлические изделия — лампы, подсвечники, эмалированные изделия — лучшие по качеству и дешевле чем обычно» (Blue Book. Trade with Persia. Report on the Condition and Prospects of British Trade in Persia, by H. W. Maclean, special Commissioner of the Commercial intelligence committee of the Board of Trade. London, 1904, стр. 7).

М. С. Кузнецова, а также Саввы Морозова, А. И. Манташева и др.

С целью распространения русских товаров в южных и юго-восточных районах Персии Учетно-ссудный банк в апреле 1903 г. отправил на свои средства караван русских товаров, главным образом мануфактуру, сахар и керосин, из Машхеда в отдаленные районы Сеистана, к индийской границе. Экспедиция, несмотря на противодействие английского консульства в Мешхеде, пытавшегося скупить всех верблюдов, чтобы сорвать отправку каравана, в начале июня 1903 г. прибыла в Хуссейнабад и открыла торговые операции.³² Торговля в Сеистане «шла чрезвычайно бойко», и вся партия товаров была распродана в течение каких-нибудь двух недель.³³

В сентябре 1903 г. в Сеистан была отправлена вторая партия товаров, в Хуссейнабаде открылся постоянный русский магазин, туда же был командирован для ведения банковских и торговых операций специальный агент Учетно-ссудного банка Каменецкий.³⁴

По инициативе русского консула в Сеистане Миллера, поддержанной в Министерстве иностранных дел, и в частности самим Ламздорфом, придававшим «значение вытеснению английских товаров из Сеистана», было принято решение в целях укрепления торговых связей с этим районом Персии организовать оттуда вывоз сырья.³⁵ В связи с этим Мешхедское отделение Учетно-ссудного банка заключило соглашение с московской фирмой «Стукен и К^о» относительно закупки в Сеистане шерсти. Кроме того, банк принял меры к тому, чтобы пшеница, служившая основным предметом вывоза из Сеистана в Индию, ввозилась бы во внутренние районы Персии, прежде всего в Хорасанскую провинцию.³⁶

Несмотря на убыточность торговых операций в Сеистане (убыток в 1903 г. составил 15 675 руб. и был покрыт банком из кредита в 30 тыс. руб., специально отчисленного из прибыли

³² Донесение генерального консула в Хорасане 31 мая/13 июня 1903 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 527, л. 85.

³³ Денеша Миллера 21 августа/3 сентября 1903 г.: там же, л. 93.

³⁴ Справка о русской политике в Сеистане 11/24 марта 1906 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 2, д. 1394, л. 186.

³⁵ Ламздорф — П. М. Романову 11/24 ноября 1903 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 527, л. 110. В Министерстве иностранных дел придавали особое значение торговым экспедициям в Сеистане, в связи с ожидавшимся в 1903 г. соединением Нушки с сетью индийских железных дорог, что должно было значительно затруднить для России торговую конкуренцию с Англией в Сеистане.

³⁶ Справка о русской политике в Сеистане 11/24 октября 1906 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 2, д. 1394, л. 186.

этого года), с точки зрения политической результаты экспедиции были признаны «весьма благоприятными».³⁷

По настоянию Министерства иностранных дел, экономические связи с Сеистаном поддерживались исключительно в политических целях вплоть до англо-русского соглашения 1907 г. Для финансирования этих связей в 1906 г. в Учетно-ссудном банке был открыт постоянный кредит — 15 тыс. руб. в год.³⁸

Наряду с организованными через Учетно-ссудный банк Персии торговыми экспедициями в Сеистан в программе экономической экспансии царизма в Персии важное место отводилось рейсам русских торговых судов в Персидский залив, где до 1901 г. Россия не вела никаких торговых операций и вся торговля была сосредоточена в руках Англии.

В 1901 и 1902 гг., по инициативе Витте и с «высочайшего разрешения», были произведены четыре пробных рейса в залив русским Обществом пароходства и торговли. Пароход «Корнилов» совершил первый рейс из Одессы в залив в феврале, второй — в августе 1901 г., третий — в январе и четвертый — в мае 1902 г. Основными предметами вывоза в порты Персидского залива являлись хлопчатобумажные ткани, сахар, керосин, фарфоровые изделия. Несмотря на то, что русские товары, и в особенности керосин (Нобеля и Манташева), хорошо разошлись, рейсы потребовали казенной дотации, по сведениям Государственного контроля, в размере 202 525 руб.³⁹

Если принять во внимание, что всего за четыре рейса было вывезено 230 280 пуд. грузов, то приплата со стороны Государственного казначейства за каждый пуд равнялась в среднем 88 коп. При этом стоимость пуда основного предмета вывоза — керосина, которого было отправлено 154 137 пуд., т. е. $\frac{2}{3}$ всего экспорта, не превышала 30 коп. в Батуми. Стало быть, премия Государственного казначейства, в частности для керосина, равнялась троекратной цене самого товара. Естественно, что задание Государственного совета в соединенных департаментах промышленности, наук и торговли, законов и государственной экономики, состоявшееся 7/20 марта 1903 г. и специально посвященное вопросу о рейсах русских коммерческих судов в Персидский залив, вынуждено было признать, что первые попытки, с точки зрения экономической, принесли «сравнительно скромный» успех.⁴⁰ Тем не менее совещание признало необходимым

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Журнал Государственного совета, 7/20 марта 1903 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 527, л. 57.

⁴⁰ Журнал Государственного Совета, 7/20 марта 1903 г.: там же, л. 58.

установление регулярных рейсов русских судов в залив, исходя из того, «что в настоящем деле первенствующее значение имеют действительно задачи политического характера».⁴¹ Так окончательно был решен вопрос об установлении регулярных рейсов русских судов в Персидский залив, на поддержание которых Государственное казначейство, по соглашению с Обществом пароходства и торговли, должно было выдавать последнему ежегодную дотацию в размере 200 тыс. руб. в течение 12 лет.⁴²

В целях укрепления и развития русской торговли на юге Персии в порты Персидского залива в 1904, 1905 и 1906 гг. были отправлены специальные торговые экспедиции при участии представителей русского купечества.

Таким образом, экспедиции в Сеистан, как и рейсы русских судов в Персидский залив, оказались возможными только благодаря дотациям русского Государственного казначейства.

Естественно, что ни та, ни другая операции без затрат известных дополнительных сумм были бы почти невозможны, как, впрочем, невозможна была бы и успешная торговая конкуренция русских промышленных товаров с английскими в районах, не смежных с Россией, без широко организованной Государственным казначейством при посредничестве Учетно-ссудного банка Персии премиальной системы. Впрочем, даже в тех районах Персии, где русские купцы имели значительные преимущества по сравнению с английскими в смысле затрат на перевозку товаров, эти преимущества вместе с премиальной системой порою не могли покрыть разницы, существовавшей между стоимостью английских и русских товаров. Так, например, в Мешхед английские товары доставлялись через несколько перевалочных пунктов: из Манчестера до Бомбея и от Бомбея до Бендер-Аббаса морем, а затем вьючным путем через Иезд. Перевозки морем обходились 50 коп. с пуда, по суше — 5 руб. 50 коп.; итого 6 руб. с пуда, а время, необходимое для доставки товаров, составляло около 6.5 месяцев. Привоз же русских товаров в Мешхед обходился всего лишь 2 руб. 25 коп. с пуда, и они находились в пути не более трех месяцев.⁴³ Однако русские текстильные товары зачастую стоили дороже английских, так как их производство в России было намного дороже чем в Англии. Пуд бумажной пряжи в Манчестере, например, стоил 12 руб., а в Петербурге — 20 руб. Поэтому, несмотря на издержки по перевозке

⁴¹ Там же.

⁴² Собрание узаконений и распоряжений правительства, № 57, 6 июня 1903 г., Отдел I, стр. 655—656.

⁴³ Выписка из донесения управляющего Мешхедским отделением Учетно-ссудного банка Персии 18/31 августа 1909 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 215, л. 59 об.

в 6 руб. за пуд, английский текстиль продавался на мешхедском рынке дешевле русского.⁴⁴ Как правило, указанная разница покрывалась за счет государственной дотации, благодаря которой русские товары на персидском рынке продавались по ценам более низким, чем в России, что позволяло им конкурировать с английскими. Английский торговый агент в Персии Маклин доносил в своем отчете за 1904 г., что «в Персии чай, сахар, керосин и ситцы — все дешевле, чем на русских рынках, откуда эти товары вывезены».⁴⁵

Разумеется, что такая торговая политика требовала больших жертв от русской казны. В 1902 г. казначейство уплатило премиальные (возвратило акциз) за вывоз в Персию только сахара и осветительных масел на сумму свыше 7 млн руб.⁴⁶ при стоимости всего вывоза в 24 648 189 руб.⁴⁷ Следует учесть, что речь идет о вывозе только двух видов товаров, хотя и составлявших очень значительную часть русского экспорта.

Кроме того, премиальная система предусматривала установление льготных железнодорожных тарифов на товары, идущие на побережье Персидского залива, выдачу зачетных квитанций на мануфактуру, освобождение от обложения товаров, привозившихся из Персидского залива.⁴⁸

Так русский царизм, выступавший в Персии в империалистическом облики, состязался в торговой конкуренции со своим английским соперником, приплачивая за свою отсталость — таков уж парадокс истории — деньгами, полученными им на европейских же биржах.

⁴⁴ Там же. Управляющий Мешхедским отделением Учетно-ссудного банка Персии доносил, что в Мешхеде английская кисея, будучи шире и лучше русской, стоит 5.5 коп. аршин, а русская — 7 коп., ситец английский — 8.25 коп., а русский — 13.25 коп. за аршин.

⁴⁵ Blue Book, стр. 8.

⁴⁶ Выписка из донесения управляющего Мешхедским отделением Учетно-ссудного банка Персии 18/31 августа 1909 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 215, л. 44 об.

⁴⁷ Обзор внешней торговли России за 1907 г. СПб., 1908, стр. 40, табл. 5.

⁴⁸ Справка о капитальных затратах русского Государственного казначейства в Персии и о финансовых ресурсах шахского правительства 16/29 февраля 1904 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 170, л. 3 об. Один из армянских кушцов (Крикориан Абэкаль), занимавшийся торговыми операциями в Персии, представил в 1901 г. на имя Витте обзор торговли России с Персией, в котором называл цифру общих расходов казны на торговые операции в 12 млн руб. в год (при стоимости всего вывоза в 1901 г. в 20 млн руб.), подразделяя их на прямые затраты в пользу вывозимых товаров — в 8200 тыс. руб. и на косвенные потери, вызванные запрещением транзитного ввоза иностранных товаров в Персию через Закавказье и Каспийское море в 3 млн руб.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 526, л. 84 об.

Особенно быстро влияние России на персидском рынке начало расти после 1903 г. Это явление находилось в прямой связи с расширением торговых операций Учетно-ссудного банка, на который после его реорганизации были возложены задачи не только способствовать экспорту русских товаров в Персию, но и «знакомить русских фабрикантов с местными рынками, способствовать успешной конкуренции русских товаров с иностранными и вместе с тем создавать благоприятные условия для вывоза персидского сырья в видах увеличения покупательной способности персидского населения».⁴⁹ За короткий срок, с 1903 по 1906 г., торговый оборот России с Персией увеличился на 83%, в том числе ввоз поднялся на 62%, а вывоз — на 60%. За то же время торговый оборот Англии с Персией увеличился в значительно меньшей степени — всего на 23%.⁵⁰

Выступая на европейских рынках большей частью как поставщик сырья или полуобработанных материалов, на персидском рынке Россия сбывала преимущественно промышленные товары, одновременно вывозя персидское сырье.

Персия служила одним из основных рынков сбыта русского сахара, ввоз которого в Персию достиг к 1907 г. 36% от общего российского экспорта.⁵¹

Второе место в русском экспорте в Персию занимала мануфактура, в особенности хлопчатобумажные ткани, как известно, в большинстве своем сбывавшиеся на азиатских рынках, среди которых персидский рынок занимал первое место.⁵² Следует, однако, иметь в виду, что торговля мануфактурой была значительно менее успешной, чем торговля сахаром. Русские ткани, включая и хлопчатобумажные, уступали манчестерским. Так, по данным за 1910—1911 гг., из всего количества потреблявшихся в Персии тканей на долю английских приходилось 57%, а на долю русских — только 39%.⁵³ Правда, только по двум из важных статей персидского ввоза, по мануфактуре и чаю, первенство принадлежало Англии, по остальным статьям оно сохранилось за Россией.

Еще в большей степени, чем по ввозу, Россия превосходила Англию по вывозу товаров из Персии. Русский импорт занимал

⁴⁹ Журнал Комитета финансов, 20 апреля/3 мая 1905 г.: ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 459, л. 41.

⁵⁰ Гартвиг — Извольскому 23 февраля/8 марта 1907 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 990, л. 67. В общей торговле с Персией на 1905—1906 гг. доля участия России составляла 57%, Англии — 13%, Британской Индии — 8,9%, Турции — 8,8%, Франции — 2,4%, Афганистана — 1,6%, Германии — 1%.

⁵¹ Обзор внешней торговли России за 1907 г., стр. 277.

⁵² Там же, стр. 27.

⁵³ Л. А. Собоцинский. Персия. Статистико-экономический очерк. СПб., 1913, стр. 200.

в русско-персидской торговле не менее значительное место, чем экспорт, а в стоимостном отношении с 1905 г. начал даже превосходить русскую экспортную торговлю.

Для Персии Россия являлась основным рынком сбыта персидского сырья и вместе с тем единственной крупной европейской державой, с которой Персия после 1905 г. в течение ряда лет имела активный торговый баланс. Последнее обстоятельство приобретало тем большее значение для Персии, что общий торговый баланс ее, как правило, был пассивным.

В свою очередь, некоторые статьи персидского вывоза имели большое значение для русской промышленности, в частности хлопок. Приблизительно к концу первого десятилетия XX в. текстильная промышленность России потребляла 22—24 млн пуд. хлопка в год, из которых половина закупалась за границей. По данным за 1903—1905 гг., Персия занимала пятое место среди экспортеров хлопка в Россию, вслед за США, Германией, Англией и Египтом.⁵⁴

Важной статьей персидского вывоза в Россию были сухие фрукты, овощи, ягоды, по вывозу которых Персия занимала первое место на русском рынке. Здесь Персия значительно превзошла даже такого мирового экспортера фруктов, как Италия. Кроме того, Персия вывозила в Россию 99% урожая риса, рыбу, кожи, табак, жемчуг, ковры, шелковые и даже (правда в незначительном количестве) хлопчатобумажные ткани.⁵⁵

Льготная система, установленная для вывоза русских товаров в Персию, распространялась и на ввоз персидских товаров в Россию, что способствовало значительному расширению русско-персидской торговли, в особенности же увеличению ввоза персидского хлопка. «Сырой хлопок, — доносил в своем отчете Маклин, — наиболее прибыльный хорасанский продукт, и он особенно обильно экспортируется в Россию из Исфгани и даже Иезда и Кермана, зато экспорт через залив носит случайный характер и признаки его роста очень незначительны. При ввозе хлопка в Россию Персия платит 40 коп. с пуда, а другие государства — 4 руб. 15 коп. Он продается в Москве на 2 руб. (т. е. на 20%) дешевле американского хлопка».⁵⁶

Льготные условия распространялись и на целый ряд других товаров, ввозившихся из Персии. Введение льготных условий для

⁵⁴ Там же, стр. 211.

⁵⁵ К 1907 г. Россия ввозила из Персии: хлопка на сумму до 7 млн руб.; рыбы — до 7 млн руб., фруктов — до 5—6 млн руб., риса — до 5.3 млн руб., кож — на 1.5 млн руб., ковров — на 1.5 млн руб. (ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 26, д. 990, л. 68).

⁵⁶ Blue Book, стр. 7.

персидского ввоза в Россию способствовало распространению русского влияния на южные и центральные рынки Персии не в меньшей степени, чем поощрение русского вывоза, так как во многих случаях оказывалось выгоднее перевозить товары с юга и торговать на севере с Россией, чем с другими государствами через Персидский залив. Что же касается северной Персии, то она благодаря смежным границам, сравнительно удобным путям сообщения и выгоды торговли была более тесно связана экономически с Россией, чем с южной Персией. По этому поводу тот же Маклин сообщал в своем отчете следующее: «Сельскохозяйственное развитие северной Персии, вызванное такими благоприятными условиями, как связь с русскими и другими рынками и защита персидских товаров на русских рынках, способствовали росту благосостояния этих провинций и, следовательно, росту их покупательной способности».⁵⁷ Маклин, обследовавший не только северные, но и южные персидские рынки, пришел к выводу, что районы с преобладанием английского экономического влияния отличаются от северных провинций Персии отсталостью и низкой покупательной способностью. «Можно спросить, — писал Маклин, — почему районы южной Персии, находящиеся под нашим влиянием, не могли бы развиваться точно таким же образом, как районы северной провинции. Луристан, Бахтиарские земли, Арабиستان обладают хорошо орошаемыми и плодоносными почвами».⁵⁸

Так русский империализм «втягивал» в торговый оборот районы северной, а затем и центральной Персии, обращая их лицом к России, и устремлялся к югу, где торговые позиции России были еще крайне слабыми, а английское экономическое господство безусловным. Однако в общем торговом обороте страны южные районы занимали как раз незначительное место ввиду их экономической отсталости, и, следовательно, влияние Англии на общеперсидском рынке в целом значительно уступало русскому.

Для Англии Персия была прежде всего рынком сбыта тканей, в особенности дешевых, яркоокрашенных манчестерских ситцев, которые составляли основную часть британского вывоза в Персию из метрополии. Прочие значительные предметы британского экспорта, такие как чай, индиго, рис, кофе и другие, вывозились из Британской Индии, занимавшей важное место в общеимперской торговле с Персией. По данным торгового департамента, в 1903 г. из стоимости общего торгового оборота Великобритании в 2 млн 700 тыс. фунтов стерл., около $\frac{2}{3}$ приходилось на долю

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, стр. 4—7.

метрополии и не менее $\frac{1}{3}$ — на долю Индии.⁵⁹ Кроме того, Англия вывозила еще в Персию металлические изделия (особенно медные), оружие, спички, сахар и целый ряд других товаров, не имевших большого значения для персидского рынка и составлявших в стоимостном выражении незначительную часть британского экспорта.

Английские товары распространялись большей частью на рынках южной Персии — в Сеистане и на побережье Персидского залива, через порты которого проходило не менее 30% всего английского экспорта. Последний же, как правило, в три-четыре раза превосходил персидский импорт в Англию. Персия поставляла в Англию жемчуг, опиум, фрукты, ковры и в незначительном количестве промышленное сырье.⁶⁰

Резко пассивный для России торговый баланс с Англией приводил к экономическому упадку южноперсидских рынков и падению покупательной способности населения. По сообщению персидского генерального консула в Петербурге Собоцинского, Англия с помощью торговли «выкачивала» из Персии значительные денежные средства. «Ежегодно, — писал Собоцинский, — Великобритания со своими колониями заставляет Персию выплачивать ей коммерческую контрибуцию в размере от 2.4 млн до 2.5 млн кран».⁶¹ Для английских капиталистов Персия была, таким образом, типичным колониальным рынком.

Как видно из вышесказанного, проводившаяся через Учетно-ссудный банк русская торговая политика в Персии создавала для русских товаров значительные преимущества. Правда, преимущества эти были временные, а окончательный результат этой политики находился в прямой зависимости от того, хватит ли царизму сил и средств, чтобы вытеснить английского конкурента не только из северных, но и из южных районов страны? В 1903 г.,

⁵⁹ British Documents on the Origins of the War 1898—1914, vol. IV, № 321, стр. 366.

⁶⁰ Интересно отметить, что вывоз персидских ковров кустарного производства приносил английским купцам огромные прибыли. По подсчетам Уигэма, персидский ковер средней величины, производство которого обошлось бы в Англии в 120 фунтов, на лондонском рынке продавался за 12 фунтов, включая 30% надбавки к цене. Никакая машина, — констатировал Уигэм, — не может работать дешевле персидской женщины (H. J. Whigham. The Persian Problem. (An examination of the rival positions of Russia and Great Britain in Persia with some account of the Persian Gulf and Bagdad Railway). London, 1903, стр. 300). Когда в 1904 г. персидское правительство издало постановление, ограничивавшее работу на фабриках женщин и детей, английский посланник в Тегеране обратился к русскому с предложением — сделать совместное представление об отмене этого «стеснительного для иностранных предпринимателей» постановления, но получил отказ (см.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 527, л. 169).

⁶¹ Л. С. Собоцинский. Персия, стр. 142.

однако, это был вопрос еще будущего. Пока же царизм продолжал щедро оплачивать расходы, связанные с политикой «капиталистического завоевания» Персии не только в сфере торговой, но и в сфере вывоза капитала.⁶²

Вывоз в Персию русского капитала во всех его формах, как и торговля, целиком находился под контролем Учетно-ссудного банка, т. е. Государственного казначейства.

Государственный капитал ввозился в Персию через Учетно-ссудный банк не только в виде займов, как это уже было показано выше, но и вкладывался в страховые, транспортные компании или в дорожное строительство. Последнему придавалось особенно большое значение в связи с той ролью, которую дороги призваны были сыграть в распространении русской экономической экспансии на персидском рынке. В частности, большое значение придавалось вопросу о железнодорожном строительстве в Персии. Еще в феврале 1900 г. Витте собирался командировать в Персию директора Петербургской конторы Государственного банка П. Л. Барка для переговоров с персидским правительством о выдаче Учетно-ссудному банку железнодорожной концессии. Эта поездка была задумана всерьез, и в Министерстве финансов был даже выработан проект контракта на строительство русской железной дороги в Персии по образцу контрактов на эксплуатацию КВЖД и южно-маньчжурской ее ветки, заключенных с китайским правительством 27 августа 1896 г. и 24 июня 1898 г. Новый проект отличался только тем, что в нем, помимо всего прочего, предусматривались еще (статья 8) — предоставление прав концессионеру на разработку залежей угля и нефти на расстоянии 50 мп по обе стороны дороги, а также постройкой веток от основной магистрали к разработкам месторождений и, наконец, пользование казенными лесами в полосе отчуждения.⁶³

Однако эта инициатива Витте в том же 1900 г. встретила решительные возражения со стороны министра иностранных дел М. Н. Муравьева. Последний высказался против поездки Барка, сославшись на то, что приобретение железнодорожной концессии даст повод англичанам требовать аналогичной концессии на юге Персии, «чего мы ни в коем случае не можем допустить», — решительно заявил Муравьев.⁶⁴

⁶² По официальным сведениям, затраты русского казначейства в Персии, исключая расходы, связанные с торговлей, составляли на 7 сентября 1906 г. 72 204 754 руб. (Красный архив, т. 56, 1933, стр. 61).

⁶³ Витте — Муравьеву 18 февраля/4 марта 1900 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 177, лл. 17—18.

⁶⁴ Муравьев — Витте, февраль 1900 г.: там же, д. 117, лл. 19—20. В феврале 1900 г. Англия еще не возобновила, полученное ею в 1889 г. право требовать железнодорожную концессию в Персии в случае, если ее по-

Состоявшееся в марте 1900 г. Особое совещание при Министерстве финансов решило вопрос в пользу не железной, а грунтовой дороги Казвин—Тавриз—Тегеран, предложив Учетно-ссудному банку подписать с персидским правительством дополнительное секретное соглашение об обращении впоследствии этой дороги в железнодорожное полотно.⁶⁵ Проекты основного и дополнительного секретных соглашений Барк и повез в Париж (а не в Тегеран, как предполагалось первоначально) летом 1900 г., чтобы вступить в переговоры с персидским премьер-министром, сопровождавшим шаха в его поездке по Европе.

Итак, в 1900 г. железнодорожная затея Витте не удалась.

Несмотря на неудачу, Витте не отказался от своей идеи о железнодорожном строительстве в Персии. И через два года по этому вопросу между ним и министром иностранных дел возобновилась переписка. Поводом к тому послужил вопрос о необходимости потребовать от персидского правительства компенсацию за уступку англичанам концессии на эксплуатацию нефти в южной Персии. Как и в 1900 г., речь пошла не столько о том, чтобы немедленно приступить к строительству железной дороги в Персии, сколько о том, чтобы «заручиться» концессией впрок и тем самым «предупредить англичан и немцев в выборе и обеспечении себе выгодных направлений».⁶⁶

Витте был противником распространенной в правящих кругах России точки зрения о необходимости строительства русской железной дороги через Персию к Персидскому заливу. По его мнению, такая дорога могла бы стоить «громадных денег» и от-

лучит Россия. Однако два месяца спустя английская дипломатия добилась этого. История вопроса такова. В 1898 г. после подписания русско-персидского соглашения о запрещении строительства железных дорог в Персии в ближайшие 10 лет лондонский кабинет заявил русскому правительству о своем намерении присоединиться к запретительному соглашению с тем условием, «чтобы шах обязался по истечении 10-летнего срока посоветоваться с императорским и английским правительствами относительно постройки железных дорог». После того как русское правительство отклонило предложение английского кабинета, англичане в апреле 1900 г. вынудили шаха повторить обязательство 1889 г.: во-первых, не предоставлять никаких железнодорожных концессий на юге Персии без согласия Англии и, во-вторых, обеспечить выдачу концессий британской компании на юге в случае, если такую концессию получит какое-нибудь государство в северной Персии (Секретная записка И. А. Зиновьева. Красный Архив, т. 69—70, М., 1935, стр. 13—14; см. также: British Documents on the Origins of the War 1898—1914, vol. IV, № 321 а).

⁶⁵ Журнал Совещания о выработке договора между персидским правительством и Учетно-ссудным банком Персии о грунтовой дороге через Тавриз в Тегеран, 10/23 и 13/26 марта 1900 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 117, л. 83. Требования уступки России концессии на эту дорогу вошли затем в условия займа 1902 г.

⁶⁶ Витте — Ламздорфу, 1902 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 159, л. 6 об.

крыла бы «доступ английским товарам с юга» в зону русского торгового влияния. Поэтому Витте отдавал предпочтение постройке ответвлений с одной стороны от Закавказской дороги через Тавриз, а с другой — от Закаспийской через Мешхед с тем, чтобы сомкнуть их позднее у Тегерана.⁶⁷ Этот план железнодорожного строительства преследовал далеко идущие цели не только соединения в будущем индийской железнодорожной сети с европейской при помощи дополнительных ветвей от Мешхеда до Сеистана или от Кушки через Герат, но усиления русского влияния в Сеистане, о чем Витте прямо писал Ламздорфу.⁶⁸

В 1903 г. проект Витте получил поддержку Министерства иностранных дел, и вопрос о концессии на строительство железной дороги в северной Персии был поставлен перед персидским правительством в связи с переговорами в Тегеране о новом займе, которые начались в январе—феврале 1903 г., после приезда туда председателя правления Учетно-ссудного банка Персии П. Л. Барка. В ответ на просьбу о займе в 7.5 млн руб. (который, будь он выдан, округлил бы сумму долга персидского правительства России до 40 млн руб.) Барк предъявил шаху сразу десять требований, большинство которых касалось как раз железнодорожного строительства. Согласно предъявленным условиям, шах должен был дать обязательство не выдавать иностранцам концессий на строительство дорог от Персидского залива или Индийского океана по направлению к Каспийскому морю, а также от Сеистана к Мешхеду и на постройку дорог, которые соединяли бы индийские пути с малоазиатскими; в то же время он должен был предоставить России концессии на железные дороги от Кушкинской ветви к Мешхеду с продолжением на Тегеран и от русской границы к Тавризу с продолжением на Кавказ и Тегеран. Прочие требования предусматривали обязательства Персии не изменять условий уже существующей концессии английской дороги на Шустер, не выдавать без согласия России никаких горнопромышленных концессий в северной Персии, не заключать никаких контрактов о чеканке серебра без согласия на то Учетно-ссудного банка, не делать никаких позаймствований, даже краткосрочных, в английском банке, и, наконец, правительство шаха должно было заявить о том, что оно не имеет никаких претензий к русскому обществу Энзели-Тегеранской дороги.⁶⁹

Предъявленные условия показались персидскому правительству настолько тяжелыми, что оно несмотря на крайнюю нужду

⁶⁷ Витте — Ламздорфу 1902: там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Справка о финансовой поддержке персидского правительства со стороны Учетно-ссудного банка Персии: там же, д. 170, л. 12 об.

в деньгах, предпочло не делать долгосрочного займа в России. После категорического отказа Барка предоставить хотя бы 500 тыс. туманов авансом в счет будущего займа, персидское правительство возобновило ходатайство о краткосрочной ссуде в 1 млн туманов на шесть месяцев под гарантии платежей русской фирмы Лианозова по аренде рыбных промыслов на Каспийском море.⁷⁰

Поскольку переговоры о долгосрочном займе на 7.5 млн руб. были прерваны и больше не возобновлялись, железнодорожная программа Витте, как часть общей политики «капиталистического завоевания» Персии, так и осталась неосуществленной.

Русскому Министерству финансов пока приходилось довольствоваться тем, что оно захватило и держало в своих руках все основные колесные магистрали в Персии, в том числе и главную из них — Энзели—Тегеранскую шоссейную дорогу.

Еще в 1893 г. Персидское страховое и транспортное общество Л. С. Полякова приобрело концессию на строительство дороги Энзели—Казвин. В связи с этим было образовано общество Энзели-Казвинской дороги, которое в 1895 г. получило право продолжить дорогу до Тегерана и Хамадана. Так возникло общество Энзели-Тегеранской дороги. Общество располагало акционерным капиталом, составленным из трех выпусков в 1.5 млн руб. Из 15 тыс. акций — 12 350 принадлежали торговому дому Л. С. Полякова в Москве.

В 1895, 1897 и 1898 гг. обществу были разрешены выпуски 4.5%-х облигаций общей стоимостью в 4.1 млн руб. Все они были полностью приобретены Государственным казначейством по цене 96 коп. за 100. В 1900 г. обществу был разрешен выпуск облигаций еще на 900 тыс. руб. Как видно, к 1902 г. казначейство уже приобрело значительную часть акций общества Энзели-Тегеранской дороги, что позволяло Министерству финансов до известной степени контролировать работу общества. Однако это, по-видимому, не удовлетворяло Витте, по предложению которого в 1902 г. Государственное казначейство приобрело еще на 5.2 млн руб. привилегированных акций общества, выпущенных

⁷⁰ Сделка не состоялась, так как шахское правительство сочло более удобным для себя произвести учет платежей Лианозова в английском имперском банке. Тем не менее до конца 1903 г. Учетно-судный банк предоставил персидскому правительству следующие ссуды: 1) произвел учет таможенных векселей на 200 тыс. туманов (22 мая/4 июня); 2) открыл кредит в 300 тыс. туманов из 9% на срок в 18 месяцев «на содержание войска» (27 июня/10 июля); 3) открыло кредит в 400 тыс. туманов из 9% под обеспечение таможенных доходов (25 октября/7 ноября). Все эти ссуды были выданы без предъявления политических условий (там же, лл. 13 об.—14 об.).

для консолидации долгов и для обмена прежних выпусков облигаций на 5 млн руб.⁷¹

Таким образом, к концу 1902 г. из общего количества акций общества на сумму в 6.7 млн руб. правительство имело акций на 5.2 млн руб. или 77% общего количества, став тем самым «фактическим хозяином дела».⁷² Весь контроль за деятельностью Энзели-Тегеранской дороги оказался сосредоточенным в руках министра финансов, который не замедлил распорядиться по-хозяйски прежде всего в правлении общества. На состоявшемся 2/15 октября 1902 г. общем собрании акционеров в связи с оказанным давлением на Л. С. Полякова старый состав правления вынужден был подать в отставку, было принято решение о перенесении правления из Москвы в Петербург, а новый состав был избран «по указанию министра финансов» из лиц, состоявших на государственной службе и в большинстве своем уже являвшихся членами правления общества Тавризской дороги.⁷³ Что же касается последнего, то оно с самого момента своего возникновения в 1902 г. было фактически чисто государственным предприятием. В представленной Витте в 1903 г. Департаментом железнодорожных дел записке об обществе Тавризской дороги прямо говорилось, что «общество это по существу своему такого же характера, как и общество Китайской Восточной железной дороги, то есть фиктивное, и хотя по уставу его предусматривается капитал в 9 млн руб., но в действительности акции в публичное обращение не пущены и целиком остались в портфеле Учетно-ссудного банка».⁷⁴ Излишняя прямолинейность изложения явно не понравилась Витте, который, зачеркнув слово «фиктивное» с укоризной пометил на полях: «Это так, но об этом нечего говорить».⁷⁵

Таким образом к концу 1902 г. дорожное строительство в Персии оказалось фактически в полном распоряжении Витте, который намного упростил для себя управление дорожными обществами, введя в их правления одних и тех же близких ему лиц.

Несколько большие усилия Витте пришлось затратить на то, чтобы прибрать к рукам Страховое и транспортное общество Полякова, а также и другие русские страховые и транспортные общества, функционировавшие в Персии.

Основав в 1890 г. Персидское страховое и транспортное общество, первоначально с акционерным капиталом в 2 млн фр.

⁷¹ Записка «Об источниках на покрытие расходов по сооружению Тавризской дороги, по улучшению Энзели-Тегеранской дороги и на предприятия с нею связанные», 1903 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 3, д. 875, лл. 119—120

⁷² Там же, л. 120 об.

⁷³ Там же, л. 121.

⁷⁴ Там же, л. 115.

⁷⁵ Там же.

(175 тыс. руб.), Поляков, однако, не собирався сам эксплуатировать полученную концессию, а рассчитывал найти контрагента и пытался несколько раз вступить в соглашение с какой-нибудь русской страховой или транспортной компанией, но всякий раз неудачно, пока судьбой поляковской концессии не заинтересовалось Министерство финансов.

В 1901 г. по инициативе Министерства финансов транспортная компания «Надежда», получив из Государственного банка долгосрочную ссуду на льготных условиях, приобрела на 2.4 млн фр. акций дополнительного выпуска Персидского страхового и транспортного общества, которые дали ей право иметь $\frac{3}{4}$ голосов на общих собраниях общества. Вслед за этим первым шагом, в январе 1902 г. Витте распорядился приобрести все акции Персидского страхового и транспортного общества на средства Учетно-ссудного банка Персии, но так как Поляков отказался уступить свою часть акций (первый выпуск на 2 млн фр.) по приемлемой для Министерства финансов цене, Учетно-ссудный банк приобрел только те акции, которые были приобретены компанией «Надежда», получив тем самым $\frac{3}{4}$ голосов на общем собрании. Расходы, связанные с приобретением акций общества Полякова оказались не обременительными для Государственного казначейства. Уплатив держателям акций второго выпуска 180 120 руб., оно одновременно получило в свое ведение кассу общества, в которой значились поступления первого взноса в размере 180 000 руб., и, таким образом, «фактические издержки» на приобретение предприятия свелись к уплате компании «Надежда» сравнительно незначительной суммы в возмещение комиссионных расходов, которые были сделаны компанией в связи с покупкой акций Полякова в 1901 г.⁷⁶

Дальше последовала уже обычная процедура: $\frac{3}{4}$ голосов, полученных Министерством финансов, оказались достаточными для того, чтобы изменить состав правления точно таким же образом, как и в случае с Энзели-Тегеранской дорогой. Уже в марте 1902 г. в правление, в котором из прежнего состава остался только Л. С. Поляков, были введены П. Л. Барк, Э. К. Грубе и другие чиновники финансового ведомства. С. К. Подгурский, избранный председателем правления, уже занимал этот же пост в правлениях Тавризской и Энзели-Тегеранской дорог. Основным же держателем акций Персидского страхового и транспортного общества остался Учетно-ссудный банк Персии.⁷⁷ В 1903 г. Персидское страховое и транспортное общество заключило соглашения с обществами «Кавказ и Меркурий», «Российское транспортное

⁷⁶ Записка Подгурского 13/26 февраля 1904 г.: там же, д. 888, л. 218.

⁷⁷ См. «Приложение».

страховое общество», «Восточное общество товарных складов, страхования и транспортирования товаров с выдачей ссуд», предоставив им право заниматься страховыми и транспортными операциями в Персии и сохранив за собой право контроля за этими операциями.⁷⁸

Таким образом, к концу 1903 г. царское правительство овладело почти всеми видами русского частного предпринимательства в Персии, завершив тем самым кампанию, которую Витте начал еще в 1894 г. приобретением в собственность государства Учетно-ссудного банка. Сам же Учетно-ссудный банк Персии превратился к этому времени в предприятие, сосредоточившее в своих руках все нити управления русским государственным хозяйством в Персии.

Столь высокая степень участия русского государственного капитала в экономической экспансии типична, пожалуй, только в отношении Персии. Как известно, царизм выступал как «капиталистический империализм новейшего типа» не только в Персии, но и в Маньчжурии и в Монголии, причем во всех этих странах как цели, так и методы экономической экспансии царизма во многих отношениях были идентичны. Но если в Персию к 1903 г. через Учетно-ссудный банк вывозился капитал исключительно в государственной форме и только русский, в Маньчжурии царизм охотно прибегал и к помощи иностранного капитала, при этом «избегая связывать свою политику с капиталом исключительно одной какой-либо национальности».⁷⁹

Разница в этом отношении между политикой царизма в Персии и Маньчжурии бросается в глаза прежде всего при сопоставлении банков, служивших проводниками русской экономической экспансии в этих странах. В первом случае действовал Учетно-ссудный банк Персии, работавший исключительно на русских капиталах и даже без привлечения частных; во втором — Петербургский международный и Русско-Китайский банки: первый — с участием немецкого и французского, а второй — только французского капиталов.⁸⁰ Та же картина получается, если сопоставить русские займы Персии (1900 и 1902 гг.) и Китаю (1895 г.). Впрочем,

⁷⁸ Записка управляющего консульством в Гиляне, 1905 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 4, д. 377, л. 119.

⁷⁹ Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895—1907 гг. 2-е изд., М.—Л., 1955, стр. 197.

⁸⁰ Что касается Русско-Китайского банка, то согласно сведениям, сообщенным В. Н. Коковцовым в 1904 г. Советанию для обсуждения вопросов по финансовым, промышленным и хозяйственным предприятиям России на Дальнем Востоке, 40% акций этого банка находились в портфеле Департамента государственного казначейства, 48% или 50% от остального числа акций — в руках иностранных держателей. Размер иностранных вкладов в Русско-Китайском банке достигал в 1902 г. 28 млн руб. (ЦГИАЛ, ф. 1237, оп. XVI, д. 1, л. 112).

и в Персии царизм едва не пошел манчжурским путем — если бы не французские займы, самодержавие не могло бы оказать Персии финансовую помощь иначе как при участии Англии.⁸¹

После же 1900 г., когда в Европе были сделаны два успешных займа в 1901 и 1902 гг., царизм и не помышлял о привлечении каких бы то ни было иностранных капиталов в Персию, тщательно оберегая там свою монополию и не считаясь с расходами, упорно осуществлял политику «капиталистического завоевания» страны. Из этого, конечно, не следует, что именно деньги, полученные на иностранных биржах, шли непосредственно на расходы, связанные с экономической политикой в Персии. Для покрытия расходов, которые несло Государственное казначейство в Персии, в 1903 г. были выпущены на русском внутреннем рынке две серии государственной 4%-й ренты на нарицательную стоимость в 20 млн руб. Чистая выручка от этой операции составила 19 525 тыс. руб., из которых 16 373 тыс. были израсходованы на Учетно-ссудный банк и покупку акций Энзели-Тегеранской дороги. В официальном отчете Государственного контроля эта сумма была обозначена как израсходованная на «возмещение Государственному казначейству расходов на усиление средств предприятия, имеющего общегосударственное значение и на приобретение облигаций некоторых частных предприятий, имеющих общегосударственное значение».⁸²

Как видим, основная черта русской экономической политики в Персии, проводником которой явился Учетно-ссудный банк Персии, накануне русско-японской войны состояла в том, что решающая роль здесь принадлежала как в торговле, так и в вывозе капитала государству. Черта эта, характерная также, хотя и в меньшей степени, для Маньчжурии, являлась одной из особенностей колониальной политики царизма на Востоке и вытекала из экономической отсталости царской России и относительной слабости российского капитализма.⁸³

Отсталость эта проявлялась не только в неспособности русского купечества конкурировать со своим экономическим соперником на рынках центральной и южной Персии без значительных государственных дотаций, но и в сравнительно малой заинтересованности, которую оно проявляло в отношении этих рынков, трудно доступных, отличающихся низкой покупательной способностью, торговля на которых была связана с большим риском.

⁸¹ М. Н. Муравьев — Власову 10/22 апреля 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 164, л. 104.

⁸² П. П. Мигулин. Русский государственный кредит, т. III. Харьков, 1907, стр. 1111.

⁸³ О характере русской политики в Маньчжурии см.: Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны.

В связи с последним обстоятельством большой интерес представляют соображения, изложенные на этот счет в составленной в Департаменте железнодорожных дел и поступившей к Витте в 1903 г. записке о русской дорожной политике в Персии. В этом документе говорилось о необходимости развивать русские экономические интересы в Персии, принимая во внимание, что «на Востоке экономическое влияние идет рука об руку с политическим преобладанием», а не смотреть «хладнокровно», как Персия будет постепенно захватываться иностранцами. Вместе с тем в записке подчеркивалось, что, в отличие от обрабатывающей промышленности соперников, для которой приобретение «новых внешних рынков спроса представляется насущным жизненным вопросом», русская обрабатывающая промышленность «едва может удовлетворять даже внутреннему спросу», и потому не заинтересована в такой степени в освоении персидских рынков.⁸⁴

Витте сразу же возразил против сказанного, пометив на полях, что так было «до последних лет, но теперь многие отрасли требуют вывоза».⁸⁵ Убежденный монархист, Витте рассматривал экономическую политику самодержавия на Востоке, и в частности в Персии, как тесно связанную с общей задачей «экономического и финансового развития России», которую он считал возможным разрешить с помощью внешних займов и за счет притока иностранных капиталов.⁸⁶ А отсюда — политика захвата впрок новых рынков для развивающейся русской промышленности, политика, которая, кстати сказать, ни для кого не была секретом. Не случайно лондонский «Таймс», ревниво следивший за экономической экспансией России в Персии и на протяжении 1902—1903 гг. регулярно публиковавший статьи, посвященные этому вопросу, ставил в прямую зависимость политику русского самодержавия в Персии от внутренней политики Витте в области промышленности. Известный английский журналист и сотрудник газеты Валентин Чироль в одной из своих статей о Персии в октябре 1902 г. писал, что финансовая политика русского правительства в Персии, которая преследует цель «установления как экономического, так и политического превосходства России», — только часть общеполитической программы Витте. «Импульс, — пояснял далее свою мысль Чироль, — который Витте придал развитию русской промышленности, усилением системы покровительства делает для него совершенно необходимым поиски новых рынков для продуктов русской промышленности».⁸⁷

⁸⁴ ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 3, д. 875, л. 114.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Записка Витте 3/16 марта 1907 г.: ЦГИАЛ, ф. 1044, оп. 1, д. 34, лл. 56—72.

⁸⁷ The Times, 1902, 27 октября, стр. 6.

У Витте, конечно, были основания возражать автору записки о железнодорожной политике в Персии, но, с другой стороны, именно он лучше, чем кто-нибудь другой, знал, сколько усилий самодержавие употребило на то, чтобы не только проложить дорогу русскому купечеству к далеким рынкам южной и центральной Персии, но и вовлечь его в постоянные активные торговые операции в этих районах. Трудно себе представить, чтобы появившиеся в 1902—1903 гг. в «Вестнике финансов» многочисленные статьи, призывавшие русское купечество к энергичным торговым операциям в Персии, печатались помимо Витте и без его ведома, а тон этих статей далеко не всегда был проникнут оптимизмом. «Правительству свойственно споспешествовать успехам торговли необходимыми для нее мероприятиями, в крайних случаях даже войной, — говорилось в одной из статей «Вестника финансов» за 1903 г. — Так поступала и Англия. Но ведь и мы пролили немало русской крови, частью для подчинения себе самой Персии, а частью для обуздания диких племен, препятствовавших нашим сношениям с нею. А все-таки торговать за своих подданных никакое правительство не может: торговать они должны сами».⁸⁸

Этот призыв, раздававшийся со страниц официального органа Министерства финансов, очень уж походил на сигнал бедствия, единственным кажущимся спасением от которого пока оставалось продолжение уже начатой политики экономической экспансии, за счет больших государственных субсидий, которая внешне давала неплохие результаты.

Но ведь у этой политики была сторона не только внешняя, но и внутренняя, российская и роковая связь этих двух явлений не могла не беспокоить умы даже тех, кто фактически являлся прямыми исполнителями этой политики. Это беспокойство и порождало такие порою мрачные, но довольно меткие замечания об общей финансовой политике Витте, вроде того, что это-де «активная политика за счет голодного мужицкого брюха»⁸⁹ или «министр финансов — лихой наездник, но конь не выкормлен и замучен — это простая крестьянская лошадка, правда очень выносливая, но как ее ни шпорить и ни гнать кнутом, быстроты кровной лошади она достигнуть не может».⁹⁰

Однако от этого беспокойства далеко было до трезвого понимания того, что Россия находится почти что накануне военного поражения, финансового краха и, главное, невиданного революционного потрясения.

⁸⁸ Вестник финансов, промышленности и торговли, № 48, т. IV, 1903, стр. 366.

⁸⁹ Коковцов — П. А. Сабурову 30 апреля/13 мая 1903 г.: ЦГИАЛ, ф. 1044, оп. 1, д. 14, л. 149.

⁹⁰ Сабуров — Милютину 17/30 марта 1903 г.: там же, д. 18, лл. 17—18.

Русско-японская война, начавшаяся с внезапного нападения японских миноносцев на русские суда в Порт-Артурской бухте, застала самодержавие на полдороге и в Маньчжурии, и тем более в Персии. Экономическая программа царизма в Персии, к выполнению которой Витте приступил еще в 1895 г., была осуществлена только наполовину. К 1903 г. Государственное казначейство через Учетно-ссудный банк Персии сосредоточило в своих руках управление почти всеми крупными дорожными и торговыми предприятиями в Персии, покончив там с частными предприятиями, почти утратившими жизнеспособность. Но это, конечно, была только первая часть программы царизма и только средство конкурентной борьбы со своим политическим противником — мера временная, с помощью которой русское самодержавие рассчитывало проложить на восточные рынки дорогу «здоровой» частной инициативе. И чем успешнее была выполнена первая часть программы, тем острее возникал вопрос о выполнении второй ее части, ибо затраты, связанные с ведением в Персии хозяйства государственного типа, неизбежно тяжелым бременем ложились на казначейство. Однако реальных возможностей в скором времени заменить всю эту систему государственного или полугосударственного хозяйства жизнеспособными частными предприятиями палицо не было. Перспектива оставалась туманной и неясной, в то время как созданная в Персии сложная машина государственного хозяйства требовала все новых и новых дотаций.

Военные действия на Дальнем Востоке очень скоро вынудили русское самодержавие отказаться от политики, которую оно проводило в Персии накануне русско-японской войны. В условиях, когда каждый день войны неумолимо поглощал золотые запасы Государственного казначейства, царизм вынужден был сократить размеры экономической экспансии в Персии, ввести в более строгое русло контроля финансовые операции, связанные с расходованием денег в момент, когда само самодержавие так в них нуждалось.

К началу 1906 г., в результате военных поражений и под мощными ударами первой русской революции 1905—1907 гг., самодержавие оказалось накануне финансового банкротства и само вынуждено было искать спасения на европейских биржах. Когда же пламя революционного пожара, вспыхнувшего под влиянием русской революции в Азии, охватило и Персию, весь ход событий со всей неумолимостью поставил перед царизмом вопрос о необходимости коренного пересмотра основ экономической политики в этой стране.

Кризис русской экономической политики в Персии особенно остро дал себя знать весной 1906 г., когда обнаружилась несостоятельность Учетно-ссудного банка Персии, многие годы являвшегося основным орудием проведения этой политики. Операции, проводившиеся банком в 1903—1905 гг., поглотили не только все имевшиеся в его распоряжении собственные средства, но и занятые им в Русско-Китайском банке на время войны 4.5 млн руб., числившиеся на счетах в Учетно-ссудном банке как специальный вклад. Между тем, когда весной 1906 г. Русско-Китайский банк, сам оказавшийся в довольно трудном положении, вынужден был потребовать от Учетно-ссудного банка возвращения своего вклада, оказалось, что последний не в состоянии освободить из своих операций такую значительную сумму без ущерба для своей деятельности, и, даже более того, выяснилось, что Учетно-ссудный банк вообще не может удовлетворять обязательства по вкладам, не сокращая при этом на равную сумму свои операции в Персии. Однако поскольку сокращение активных операций банка неизбежно должно было отразиться на всем торгово-промышленном обороте России с Персией, т. е. ставило под угрозу экономическую политику царизма в этой стране, то естественно, что в Министерстве финансов спешно начали искать выход из создавшегося положения. Принимая во внимание «неотложность подкрепления Учетно-ссудного банка Персии надлежащими средствами», министр финансов И. П. Шипов высказался за целесообразность обсуждения этого вопроса в Особом совещании под председательством Витте и при участии министра иностранных дел.⁹¹ Такое совещание состоялось в Комитете финансов 30 мая/12 июня 1906 г., причем принятое участниками совещания решение свидетельствовало лишь о том, что банк действительно оказался в безвыходном положении. Совещание не нашло другого способа для спасения Учетно-ссудного банка, как превращение его в банковское учреждение обычного типа, открытое для доступа частного капитала. До 1906 г., как мы это видели выше, Учетно-ссудный банк работал на государственных капиталах и только в пределах Персии, действуя «исключительно как персидское учреждение на основании персидского устава на капиталы, предоставленные ему русской казной».⁹² Персидский устав банка не давал ему формального права работать в России и не «предоставлял достаточных гарантий» для иностранного капитала,⁹³ на привлечение кото-

⁹¹ Всеподданнейшая записка И. П. Шипова об увеличении оборотных средств Учетно-ссудного банка Персии, не позднее 7/20 апреля 1906 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 68, лл. 148—149.

⁹² Записка В. И. Будиловича «О реорганизации Учетно-ссудного банка Персии», 1907 г.: там же, д. 71, лл. 4—8.

⁹³ Там же.

рого теперь, в связи с предстоящей реформой банка, и возлагались основные надежды. Собрание 30 мая/12 июня 1906 г. вынесло решение о выработке и утверждении после предварительного рассмотрения в Комитете финансов русского устава Учетно-ссудного банка. Что же касается попыток правления Учетно-ссудного банка получить поддержку в Государственном банке или Государственном казначействе для расчетов с Русско-Китайским банком, то они были решительно отклонены.⁹⁴ Таким образом, собрание 30 мая/12 июня 1906 г. ознаменовало собой вынужденный отказ от продолжения экономической политики за счет государственных капиталов, ибо, открыв доступ в Учетно-ссудный банк частным, в том числе и иностранным капиталам, самодержавие уже не могло рассчитывать на то, что банк останется тем же орудием государственной политики в Персии, каким он был до сих пор.

Таким образом, Россия исчерпала к лету 1906 г. решительно все свои финансовые возможности в Персии; упорно следуя так называемой политике «капиталистического завоевания» Персии, русское самодержавие довело ее до самого крайнего, самого абсурдного предела. Летом 1906 г. Персия продолжала переживать давно уже ставший хроническим финансовый кризис, а в Петербурге, хотели теперь уже этого или не хотели, не могли оказать шахскому правительству решительно никакой поддержки.

Финансовый и политический кризис в Персии принял настолько очевидный характер, что красочные описания полного упадка персидской монархии поступали в Петербург по самым различным каналам. Так, например, русский военный агент в Персии полковник Чернозубов доносил в Петербург в мае 1906 г.: «Условия, поддерживавшие последние пять-шесть лет искусственное равновесие государственного бюджета, поколебленного расточительностью шаха и казнокрадством его главных советников и приближенных, расхитивших остатки шахских сокровищ и многомиллионных русских займов, обогативших заграничные курорты и хозяев парижских и венских отелей и магазинов, частью исчезли, частью приостановили временно свое действие под давлением причин (революция? — Б. А.), хотя и переходящего характера, но появившихся весьма не ко двору

⁹⁴ Летом 1906 г. Государственный банк не мог оказать решительно никакой поддержки Учетно-ссудному банку Персии. На письме председателя правления Учетно-ссудного банка Персии Э. К. Грубе от 2/15 августа 1906 г., содержащем просьбу оказать поддержку его банку, управляющий Государственным банком наложил следующую резолюцию: «Увеличение кредита из Государственного банка или постановка вклада казны отклонены безусловно и к этому вопросу нет надобности возвращаться. Забота об изыскании средств для усиления персидского банка лежит на обязанности правления» (там же, д. 68, л. 164 и 164 об.).

и нектати в стране, только что оплатившей из своих последних сбережений третье заграничное путешествие шаха».⁹⁵

Как и прежде, в поисках денег персидское правительство обратилось не только к своему постоянному кредитору — России, но и в английский банк, однако встретило там холодный прием. Английское правительство соглашалось предоставить Персии краткосрочный заем только на условиях чисто политического характера, требуя, в частности, признания исключительных прав Англии на юге Персии в виде обязательства со стороны персидского правительства «не предоставлять никаких концессий на юге Персии никому, кроме англичан».⁹⁶ Персидское правительство пыталось найти выход из создавшегося положения за счет «внутренних займов и внутренних экономических и политических комбинаций».⁹⁷ Наконец, оно вступило в переговоры о займе на сумму в 500 тыс. туманов с компанией индоевропейского телеграфа на условиях продолжения концессии сроком еще на 20 лет, а также с представителем торгового дома Лианозова «об уплате вперед арендной платы в размере одного миллиона туманов».⁹⁸ Но это все были полумеры, которые никак не могли спасти от кризиса персидское казначейство, которому по подсчетам Науса в августе 1906 г. пужно было около 50 млн фр. для того, чтобы выйти из затруднительного положения.⁹⁹ Дело, помимо всего прочего, усугублялось еще и тем, что в сентябре 1906 г. наступал срок платежа 700 тыс. туманов в английский Шахин-шахский банк, который на этот раз «категорически» отказал в отсрочке.¹⁰⁰

4/17 августа, а затем спустя несколько дней, 9/22, Н. Г. Гартви́г прислал Извольскому из Тегерана две телеграммы, одну тревожнее другой, с сообщением о том, что «казна пуста» и персидское правительство «находится в трагическом положении». Во второй телеграмме сообщалось, что в связи с создавшимся положением персидский премьер-министр «поставил себе целью закрепить политическое сближение с Россией, умоляет императорское правительство спасти Персию выдачей аванса, если нельзя в 4, то в 3 миллиона рублей». «Нет сомнения, — комментировал просьбу персидского премьера Гартви́г, — что отказ наш подвигнет шахское правительство на отчаянный шаг, тем более, что по всем данным англо-индийское правительство делает Пер-

⁹⁵ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 292, л. 33.

⁹⁶ Там же, лл. 33—34.

⁹⁷ Там же, л. 34.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Н. Г. Гартви́г — Извольскому 4/17 августа 1906 г.: там же, д. 346, лл. 2—3.

¹⁰⁰ Гартви́г — Извольскому 9/22 августа 1906 г.: там же, л. 8.

сии замалчивые предложения, конечная цель которых — навсегда утратить влияние России на персидские дела». ¹⁰¹

Что скрывалось за заявлением персидского премьер-министра «закрепить политическое сближение с Россией» — обещание ли безоговорочно принять в случае выдачи аванса предложения, делавшиеся в недавнем прошлом русской стороной, или просто намерение после получения аванса продолжить прерванные в июне 1906 г. переговоры с Россией об общем соглашении не предпринимая пока их исхода? Из телеграмм Гартвига понять это было нельзя, да и задавались ли теперь этим вопросом в Петербурге, если выяснилось, что Россия беспомощна оказать хоть какую-нибудь, пусть даже трехмиллионную помощь персидскому правительству. Получив телеграммы Гартвига, Извольский сразу же отправил их Коковцову (первую 7/20, а вторую — 11/24 августа), а к 14/27 августа уже имел ответ министра финансов: «... в настоящее время не может быть и речи об оказании персидскому правительству за счет русской казны денежной помощи как в виде крупного займа, так даже и сравнительно небольшой краткосрочной ссуды». ¹⁰² Коковцов видел только один способ найти деньги хотя и для трехмиллионной ссуды, персидскому правительству (если это крайне необходимо из политических соображений) — обратиться прямо к Николаю II, чтобы он распорядился отпустить эту сумму «временно из капиталов удельного ведомства» или из каких-либо других средств, находящихся «в непосредственном распоряжении» царя по Министерству императорского двора и уделов. ¹⁰³ Но поскольку краткосрочная ссуда могла только временно вывести Персию из финансового кризиса и сама по себе не снимала вопроса о долгосрочном займе, то здесь Коковцов не мог предложить Извольскому никаких, даже крайних, способов изыскать деньги в России, а следовательно, оставалось одно — выпустить персидский заем на иностранных рынках. Роль России при организации такого займа, по мнению Коковцова, должна была состоять в том, чтобы заем был сделан ни в Англии, ни в Германии, и ни в какой-либо другой стране, которая «из этой сделки могла бы извлечь политические выгоды». ¹⁰⁴ Наиболее под-

¹⁰¹ Телеграмма Гартвига — Извольскому от 4/17 и 9/22 августа 1906 г.: там же, лл. 2—3, 8.

¹⁰² Коковцов — Извольскому 14/27 августа 1906 г.: там же, л. 9.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же, лл. 9—10. Вопрос об использовании царизмом «нейтральных» иностранных капиталов в Персии ставился в общем плане в записке Министерства иностранных дел в августе 1905 г. К апрелю 1906 г. вопрос этот принял уже достаточно конкретные формы и русское Министерство иностранных дел через дипломатические каналы в Париже вступило в переговоры с французскими капиталистами, рассчитывая привлечь в Персию для участия в русских учреждениях капиталы союзной державы. Вопрос

ходящей для этой цели «нейтральной» страной Коковцов считал Бельгию, где, кстати сказать, реально можно было рассчитывать на проведение операции, так как, по имевшимся у Коковцова (через директора Учетно-ссудного банка Персии А. С. Остроградского) сведениям, группа бельгийских капиталистов во главе с бельгийским королем «уже сделала Наусу серьезное предложение ссудить Персии до 50 млн франков».¹⁰⁵ Итак, план Коковцова был выполним только при условии предоставления Персии трехмиллионного аванса из средств Министерства двора. Однако на эту крайнюю меру самодержавие уже не решилось. Созванное 16/29 августа Особое совещание по вопросу о финансовой политике в Персии окончательно похоронило все проекты финансирования персидского правительства только за счет русского казначейства, а вместе с тем и окончательно была похоронена проводившаяся в течение стольких лет политика открытого соперничества в Персии с Англией. В августе 1906 г. самодержавие изменило внешнеполитический курс, взяв направление на англо-русское соглашение. Состоявшееся 16/29 августа 1906 г. Особое совещание, по существу утвердившее это изменение политического курса, отличалось полным единством мнений нового министра иностранных дел и министра финансов, выразившимся в единодушном признании, что дальнейшая «конкуренция на денежной почве с Англией... безусловно невозможна» и что «лучшим способом» направить политику России «в Персии в спокойное русло является именно соглашение с Англией».¹⁰⁶ Совещание не выработало никакой программы соглашения с Англией или даже программы переговоров, однако решено было принять предложения английского правительства, делавшиеся еще при Ламздорфе «о совместном обсуждении денежных нужд Персии» и, по имевшимся сведениям, продолжавшим входить в инструкцию британского посла в Петербурге.¹⁰⁷ Русская дипломатия гото-

этот продолжал обсуждаться и в 1907 г., уже после заключения соглашения с Англией, причем с самого начала переговоров между русской и французской сторонами возникли противоречия. Русское правительство вопреки намерениям французских финансовых кругов выступало против создания какого-либо самостоятельного французского кредитного учреждения в Персии, опасаясь, что оно будет конкурировать с Учетно-ссудным банком. Оно требовало, чтобы французские капиталы вливались в уже существующие русские предприятия в Персии и чтобы в финансировании шахского правительства «главная роль принадлежала наименее заинтересованным в политических вопросах в Персии французским капиталистам» (Извольский — Коковцову 6/19 июня 1907 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 4, д. 348, л. 31).

¹⁰⁵ Там же, лл. 9—10.

¹⁰⁶ Всеподданнейшая записка А. П. Извольского о решении совещания 16/29 августа 1906 г. (самый журнал совещания обнаружить не удалось): ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 346, л. 14.

¹⁰⁷ Там же.

вилась сделать теперь серьезный шаг на пути сближения с Англией в обстановке, когда дипломатическая почва для такого сближения не была достаточно хорошо подготовлена с русской стороны, и Извольский не только, но-видимому, не имел своего плана соглашения с Англией относительно Персии, но и не мог до конца отдать себе отчета даже в том, насколько искренни были предложения британского правительства, отвергнутые в прошлом Ламздорфом, и как далеко собиралось оно идти в своих переговорах с Россией. Поэтому, сообщая Николаю II о решениях августовского совещания, Извольский мог привести в качестве свидетельства «искренности» намерений англичан только «самый факт обращения Англии на путь переговоров с Россией в такую минуту, когда она беспрепятственно могла производить разного рода захваты в Персии».¹⁰⁸

В создавшейся обстановке, которая означала не что иное, как полный отказ самодержавия от прежнего курса экономической политики в Персии, окончательно был решен вопрос и о судьбе Учетно-ссудного банка. 24 июня/6 июля 1906 г. Николай II утвердил решение Комитета финансов о выработке русского устава Учетно-ссудного банка Персии (принятое в заседании от 30 мая/12 июня 1906 г.), а 18 ноября/1 декабря 1906 г. министр финансов представил на заседание Комитета финансов уже готовый проект нового устава. В первоначальном виде проект был составлен по образцу устава Русско-Китайского банка, однако затем его редакция была изменена в том смысле, что «новым уставом определялась лишь деятельность банка в России, для Персии же сохраняли силу персидская концессия и персидский устав».¹⁰⁹ Финансирование же банка проект предусматривал за счет привлечения иностранных — французских и особенно бельгийских — капиталов. Интересно отметить, что в связи с утверждением нового устава Учетно-ссудного банка в Комитете финансов обнаружились довольно острые разногласия, в частности, против предложения министра финансов выступили государственный контролер П. Х. Шванебах и министр торговли и промышленности Д. Н. Философов. Шванебах вообще подверг критике всю систему экономической политики русского самодержавия в Персии. «„Капиталистическое завоевание“ не может... быть задачею исключительно правительства, осуществляемую казенными средствами, — заявил Шванебах. — Не исключены, конечно, в деле этом правительственный почин и некоторые для начала затраты и даже жертвы казенных ресурсов. Но если одновременно по пути, намеченному правительством, не последует частная ини-

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 71, лл. 4—7 об.

циатива и не будут затрачиваемы средства предпринимателей-пионеров, то неизбежно должна наступить дилемма, перед которой стоят теперь наши персидские дела: они или должны заглухнуть, или для их поддержания придется нести непосильные жертвы казны. Здесь-то и возбуждается вопрос о выходе из затруднений третьим способом — привлечением в дело персидского банка бельгийского капитала». ¹¹⁰ Выступая же конкретно против превращения Учетно-ссудного банка в предприятие, работающее на иностранных капиталах, Шванебах выражал сомнения, что банк останется при этом орудием политического и экономического влияния России, каким он являлся до сих пор. «Нет ни малейшего сомнения, что международные дельцы, — аргументировал свою точку зрения Шванебах, — упрочившись на персидской почве, поведут банковое дело так, как представители международного капитала ведут эти дела повсюду в экзотических странах, т. е. в смысле эксплуатации туземного населения и, конечно, вне всяких соображений с коммерческими и экономическими интересами России». ¹¹¹ Шванебах не скрывал как своего беспокойства за то, что эта финансовая комбинация может повредить положению России на международном денежном рынке, в услугах которого самодержавие так нуждалось, так и своего страха перед тем, что фактическая передача «чужестранным правительством» на международный денежный рынок концессии, предоставленной ему шахом, вызовет взрыв народного возмущения в Персии. ¹¹²

Исходя из этих соображений, Шванебах высказался за то, чтобы «впредь до более благоприятного времени» отказаться от преобразования Учетно-ссудного банка Персии и лишь максимально ограничить его операции. ¹¹³ Несмотря на то, что позиция Шванебаха встретила поддержку со стороны министра торговли и промышленности, который, кроме всего прочего, заявил, что до утверждения устава банка необходимо было бы образовать соответствующую финансовую группу, согласную финансировать банк, Комитет финансов признал, что привлечение частного, хотя бы иностранного, капитала, на основании нового русского устава банка является единственным средством для восстановления нормальной деятельности Учетно-ссудного банка Персии. ¹¹⁴ Комитет финансов вынес решение утвердить устав банка после внесения в него ряда уточнений, ¹¹⁵ однако во избежание «прежде-

¹¹⁰ Журнал Комитета финансов, 18 ноября/1 декабря 1906 г.: ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 463, лл. 8—17.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

временного распространения слухов по поводу преобразования банка» не опубликовывать новый устав «до окончательного соглашения с лицами и учреждениями, которые пожелают принять участие в банке».¹¹⁶ 3/16 марта 1906 г. новый устав Учетно-ссудного банка Персии с внесенными в него уточнениями был окончательно принят Комитетом финансов, а 9/22 июня 1907 г., после одобрения его Советом министров, утвержден Николаем II. С утверждением нового русского устава Учетно-ссудный банк Персии резко изменил характер своей деятельности, приблизившись по своему типу к обычным коммерческим банкам. Эти изменения в характере деятельности Учетно-ссудного банка соответствовали новому этапу в англо-русском соперничестве на Среднем Востоке, который наступил после подписания в августе 1907 г. англо-русского соглашения о разделе Персии, Афганистана и Тибета на сферы влияния.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Список акционеров Персидского страхового и транспортного общества *

(К общему собранию 25 сентября 1903 г.)

	Количество акций	Число голосов
А. Владельцы акций первого выпуска	Акций не представлено	
Б. Владельцы акций второго выпуска:		
1. Барк Петр Львович	400	40
2. Брандес Альберт Августович	160	16
3. Вестфаль Анатолий Федорович	160	16
4. Виндельбанд Василий Васильевич	160	16
5. Грубе Эрнест Карлович	400	40
6. Коншин Алексей Владимирович	160	16
7. Наумов Михаил Архипович	160	16
8. Подгурский Станислав Карлович	400	40
9. Скипетров Михаил Иванович	400	40
10. Учетно-ссудный банк Персии	2400	240
	4800	480
Итого	4800 акций с правом на 480 голосов	

¹¹⁶ Уточнения предусматривали: 1) более точное согласование проекта русского устава с условиями концессии и действовавшим персидским уставом; 2) предоставление министру финансов права утверждения членов правления банка, что дало бы возможность ограничить влияние иностранного капитала на деятельность банка; 3) сокращение программы банка и возможное приближение его по типу к обычным коммерческим банкам (там же).

* ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 4, д. 377, л. 54.

ПОПЫТКИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

На протяжении периода домонополистического капитализма экономические связи России со странами Латинской Америки, возникшие с самого начала независимого существования этих стран, были незначительны, а предпринимавшиеся с обеих сторон попытки их укрепления и расширения, иногда активные, не носили систематического характера.

В процессе расширения и увеличения мирового товарообмена в период перехода к империализму оживилась и эта линия международной торговли. Однако развитие непосредственных экономических связей между этими странами, не входящими в число высокоразвитых в промышленном и торговом отношениях капиталистических держав, в конечном счете было сорвано гегемонией «великих» держав в мировой торговле. В этом сказалась колониалистская политика монополий ведущих империалистических держав, которая заключалась в сосредоточении в их руках всей мировой торговли и судоходства — не только между «передовыми» и «отсталыми» странами, но и между самими «отсталыми».

* *

*

К 90-м годам XIX в. Россия поддерживала торговые отношения лишь с Бразилией, общий объем внешней торговли которой был наивысшим в Латинской Америке. Объем русско-бразильской торговли был невелик. Главную статью ввоза в Россию из Бразилии составлял хлопок, которого в 1889 г. было ввезено около 100 тыс. пуд. Затем шли кофе, привозившийся, однако, главным образом при посредничестве Англии и Германии, кожи, красящие вещества. Общая стоимость непосредственного ввоза из Бразилии в Россию была временами более 1 млн руб. (1276 тыс. — в 1889 г. и 1448 тыс. — в 1890 г.). Объем русского вывоза в Бразилию, состоявшего в основном из пшеницы, был примерно раз в пять меньше ввоза.¹

¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, лл. 3, 20.

В течение 80-х годов промышленное развитие Бразилии достигло некоторых успехов, несмотря на противодействие английских торговцев и промышленников, с одной стороны, и бразильских плантаторов, естественных противников протекционизма, — с другой. К концу 80-х годов в стране было около 600 предприятий с общим числом рабочих свыше 50 тыс. человек и капиталом в 25 млн ф. ст.² Общий объем внешней торговли при пятнадцатимиллионном населении составлял 240 млн долл.³ Вывоз из Бразилии, несколько превышавший ее ввоз, состоял из сырьевых колониальных товаров, ввоз — из промышленных изделий и зерна. Понятно поэтому, что эти сдвиги в бразильской экономике привели к усилению экономического натиска капиталистических держав на Бразилию и к обострению борьбы между ними за господство в ее внешней торговле.

Особенно способствовало этому крушение монархии в результате военного переворота 1889 г. и провозглашение республики. Иностранный капитал принимал самое активное участие в сопровождавшем провозглашение республики урагане биржевой спекуляции вокруг природных богатств страны.⁴ За этим последовала полоса банкротств и некоторый отлив иностранного капитала, но в конечном итоге его проникновение в бразильскую экономику лишь углубилось, а вмешательство в экономическую жизнь усилилось.

Господствующей силой в бразильской внешней торговле оставалась Англия, на долю которой приходилось около половины бразильского ввоза. Используя Бразилию как рынок для своих промышленных изделий, Англия поддерживала свой экспорт в Бразилию на уровне, в десять раз большем, чем импорт.

Иным было положение, которое занимали в бразильской торговле США. На их долю приходилась половина бразильского вывоза — около 60 млн долл. в год, а ввозили они в Бразилию всего на 8 млн долл.⁵ Это положение полностью соответствовало экономическим возможностям США к концу 80-х годов, но многочисленные и активные сторонники развертывания империалистической экспансии в среде американских дельцов и политиков уже требовали превращения Латинской Америки, и в частности Бра-

² В. Н. Hunnicutt, *Brazil: world frontier*. New York—London—Toronto, 1949, стр. 211—212.

³ *Handbook of the American republics*, 2nd edition, Bureau of American Republics, Bulletin № 11, February, 1891, стр. 69. Прадо оценивает внешний торговый оборот этого периода в 50 млн ф. ст., что примерно соответствует указанной сумме в долларах (см.: Кайо Прадо Жуниор. *Экономическая история Бразилии*. М., 1949, стр. 212).

⁴ За год с лишним после провозглашения республики капитал бразильских компаний возрос почти в 4 раза (Прадо, *ук. соч.*, стр. 234).

⁵ *Handbook of the American republics*, стр. 69.

зилии, в рынок сбыта для промышленности США. «Американские государственные деятели видят, что естественная отдушина для избытка изделий Соединенных Штатов должна быть найдена в Южной и Центральной Америке», — писал генеральный консул США в Бразилии Армстронг.⁶

Его преемник Доккери в марте 1890 г. писал в государственный департамент из Рио-де-Жанейро: «Здесь великолепный рынок для наших изделий, все — в нашу пользу для того, чтобы контролировать его, если будут сделаны надлежащие усилия».⁷

Отмечая слабость позиций США в борьбе с их европейскими конкурентами,⁸ американские дипломаты предлагали компенсировать ее завоеванием специальных привилегий для американской торговли в Бразилии. Привилегии эти могли быть получены в форме торгового соглашения, с заключением которого Армстронг предлагал госдепартаменту поторопиться. «Обрабатывающая промышленность Бразилии, — писал он, — находится еще в младенческом состоянии, но она растет с каждым днем... и, возможно, уже через несколько лет растущие промышленные интересы этой страны наберут достаточную силу, чтобы не допустить заключения торгового соглашения».⁹ Призывы эти находили горячий отклик в Вашингтоне, особенно у государственного секретаря Блэйна, известного экспансиониста, инициатора активной политики империалистического проникновения США в страны Латинской Америки. После созванного им в 1889 г. первого пан-американского конгресса США резко усилили свое экономическое давление на латиноамериканские страны.¹⁰ В следующем 1890 г. конгресс США принял, как известно, крайне протекционистский таможенный тариф Мак-Кинли. Это была победа промышленных кругов республиканской партии, которые одновременно под видом

⁶ House Miscellaneous Documents. I Session 51 Congress, 1889—1890. Consular reports, стр. 221.

⁷ House Miscellaneous Documents. I Session 51 Congress 1889—1890. Consular reports, vol. XXXIII, стр. 36.

⁸ Наиболее в те годы распространенная и влиятельная одна из старейших латиноамериканских газет «Панама стар энд геральд» («Panama Star and Herald») объясняла неудачи торговцев-янки в их настойчивом стремлении к завоеванию латиноамериканских рынков их неумелостью и слабой приспособляемостью к местным условиям (Handbook of the American Republics. Bureau of the American Republics Bulletin № 1, January, 1891, стр. 140).

⁹ House Miscellaneous Documents. I Session 51 Congress, 1889—1890, Consular reports, стр. 222.

¹⁰ Одно из решений панамериканского конгресса, сообщенное президентским посланием конгрессу США, предусматривало создание международного Американского банка с центром в Нью-Йорке и с отделениями в странах Латинской Америки с целью вытеснения европейского капитала в них американским (Senate Executive Documents, I Session 51 Congress, 1889—1890, vol. 11, Ex. Doc. 129, стр. 1).

борьбы с избытком государственных доходов провели в своих же интересах освобождение от таможенного обложения ввоза чая, кофе, кожи и сахара.¹¹ Страны, ввозившие в США эти товары, получали, казалось бы, некоторые выгоды, главная часть которых перепадала, впрочем, крупным торговым фирмам США, контролировавшим их ввозную торговлю. Блэйн немедленно воспользовался создавшейся ситуацией в интересах развития экономической экспансии США. По его настоянию конгресс ввел в тариф Мак-Кинли специальный параграф (§ 3), который давал президенту право без согласия конгресса восстанавливать пошлины на сахар, чай, кофе и кожи из тех стран, правительства которых не предоставят льгот для товаров, ввозимых в них из США.¹² Блэйн получил тем самым инструмент для слома тарифных барьеров торгующих с США стран. Соглашения о таможенных льготах были заключены в Америке с Бразилией, Сан-Доминго, Сан-Сальвадором, Никарагуа, Гватемалой, Коста-Рикой и Гондурасом.

В переговорах с Бразилией Блэйн применил «трюк с переодеванием» — причем не новый в практике отношений США со странами колониального и полуколониального типа. Он поручил ведение предварительных переговоров в Рио-де-Жанейро со стороны США бразильскому дипломату Сальвадору Мендонса, который как бразильский делегат на панамериканском конгрессе был ему лично известен. Затем, когда предварительные переговоры были окончены, — сообщал в Петербург советник русской миссии Богданов, — Мендонса был назначен бразильским посланником в Вашингтон, где произвел официальный обмен нотами с Блэйном уже как представитель Бразилии. Блэйн имел, таким образом, дело со своим собственным агентом в качестве представителя иностранной державы.¹³ Соглашение, заключенное в форме обмена нот 31 января 1891 г.,¹⁴ давало Соединенным Штатам Америки ряд очень значительных преимуществ.

Все важнейшие статьи ввоза из США в Бразилию — зерно, мясо, рыба, уголь, машины разных видов, металлоизделия, железнодорожные материалы и т. п. — были вовсе освобождены от обложения ввозными пошлинами, прочие — получали скидку в размере 25%.¹⁵ По данным, сообщенным Блэйном президенту

¹¹ Фолькнер. История народного хозяйства САСШ. М., 1932, стр. 423.

¹² Советник русской миссии в Бразилии Богданов обстоятельно сообщал об этом в Петербург, см.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 66—68.

¹³ Там же, л. 15.

¹⁴ Ноты эти были в США тогда же опубликованы в «Foreign relations of the U. S. A.» (1891) и в «Brazil. Bureau of the American Republics Bulletin № 7» (June, 1891), но, разумеется, без всякого упоминания о превращениях Мендонса.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, лл. 11—13.

США Гаррисону по его требованию, ввоз США в Бразилию по статьям, затронутым соглашением, составлял до его заключения лишь $\frac{1}{10}$ общего ввоза Бразилии по этим статьям.¹⁶ В Вашингтоне рассчитывали, что уничтожение тарифного барьера резко изменит положение в пользу США.

Как отмечал в своем донесении советник русской миссии в Бразилии Богданов, Бразилия явилась первой страной, над которой американской дипломатии удалось установить «промышленно-торговую гегемонию, которой штаты пытались добиться над американскими республиками Вашингтонским конгрессом 89-го года».¹⁷ Последующие события показали, что победа, одержанная американской дипломатией, отнюдь не была окончательной, по мнению Богданова вполне точно отражало наиболее распространенную оценку современников.

Богданов сообщал в Петербург, что молодая бразильская буржуазия проявляла «сильное недовольство» договором с США. В учредительном собрании, открывшемся в ноябре 1890 г., возникли по этому поводу горячие прения. Недовольство это усиливалось благодаря тому, что многие отрасли молодой бразильской промышленности, попавшей под удары североамериканской конкуренции, были однородны североамериканским. Сильно страдали, разумеется, и интересы фиска.¹⁸

Торговля Бразилии с Европой, как представлялось европейским торговым кругам, была договором с США подсечена под корень. Особенно усилилась конкуренция США в хлебном деле. Бразилия, которая была одним из главных рынков для хлебного экспорта Австро-Венгрии, оказалась теперь для него закрытой. Торговая палата Триеста обратилась к австро-венгерскому правительству с требованием сделать при поддержке других европейских правительств специальное представление бразильскому правительству.¹⁹ Возникшая в европейских торговых кругах паника ввела вопрос о южноамериканской торговле в поле зрения русского министра финансов И. А. Вышнеградского. Активизация борьбы держав в Латинской Америке, новые приемы этой борьбы, сильный натиск США привлекли к себе внимание этого русского министра, которому, в отличие от его преемника Витте, вообще была еще чужда активная внешняя экономическая политика нарождавшегося империалистического типа. Он лишь придерживался двух традиционных принципов, состоявших в поддержании

¹⁶ Brazil. Bureau of the American Republics, Bulletin № 7, June, 1891, стр. 118—119.

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 15.

¹⁸ Там же, лл. 14—15.

¹⁹ Донесение русского консула в Триесте А. Колемина от 23 мая 1891 г.: там же, лл. 7—8.

протекционистского таможенного тарифа и содействии хлебному вывозу.²⁰

Всего за два года до того, в 1889 г., Вышнеградский, вопреки мнению Министерства иностранных дел, весьма холодно отнесся к неоднократно повторявшимся предложениям Венесуэлы о заключении торгового трактата.²¹ Министерство иностранных дел указывало на «вероятное оживление в непродолжительном будущем вод Центральной Америки», на пребывание в Париже в качестве венесуэльского посланника бывшего президента генерала Бланко, «весьма популярного в своей стране деятеля», готового вместе с русским послом в Париже подписать трактат, проект которого был русским министерством иностранных дел уже разработан. Но Вышнеградскому по протекционистским соображениям (а он из них только и исходил) новые торговые договоры были не нужны. Наоборот, Министерством финансов был поднят вопрос о новом, протекционистском тарифе и пересмотре в связи с этим старых договоров. Вопрос о предлагаемом Венесуэлой договоре Вышнеградский до этого пересмотра и предлагал отложить. Лишь после повторного настойчивого обращения Министерству иностранных дел удалось добиться согласия Вышнеградского на переговоры с Венесуэлой, исход которых нам неизвестен.

Совсем иначе повел себя Вышнеградский в 1891 г. в вопросе о торговле с Бразилией. Небольшой русский хлебный вывоз в Бразилию должен был теперь, по его мнению, совершенно прекратиться вследствие нарушения в пользу США права наибольшего благоприятствования, которым на основах взаимности пользовалась русская торговля в Бразилии. А Вышнеградский как раз в это время был очень озабочен мерами содействия хлебному экспорту. Он рассматривал его расширение как средство улучшения торгового баланса и увеличения золотого запаса с целью повышения курса рубля. Некоторое повышение курса вследствие этого произошло, но оно, в свою очередь, оказалось причиной падения доходов от экспорта хлеба, так как при переводе в рубли они теперь уменьшились. В этих условиях приобретал значение хлебный вывоз и в Бразилию. И Вышнеградский дважды, в мае и в августе 1891 г., возбуждал перед Министерством иностранных дел вопрос о том, чтобы добиться для русского экспорта

²⁰ П. П. Мигулин. Русский государственный кредит, т. II. Харьков, 1900, стр. 5, 513—514.

²¹ «Правительство Венесуэльской республики, — писал министр иностранных дел Гирс Вышнеградскому 11 мая 1889 г., — неоднократно заявляло через представителей наших в Париже о желании своим вступить с Россией в более близкие торговые сношения и в этих видах заключить соответствующий торговый трактат, отвечающий интересам обоих государств» (ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 11, л. 1).

в Бразилии осуществления права наиболее благоприятствуемой нации.²²

В качестве основания для представления перед бразильским правительством Вышнеградский выдвигал то обстоятельство, что, несмотря на дискриминационные условия для русского ввоза в Бразилию по сравнению с американским, бразильский ввоз в Россию облагается наравне с товарами из других стран, несмотря на отсутствие договора.²³ Агент Министерства финансов в Вашингтоне М. В. Рутковский, посланный в поездку по всей Южной Америке для выяснения перспектив развития ее торговли с Россией, сообщал, что только заключение торгового договора о праве наибольшего благоприятствования между Россией и Бразилией может спасти их торговые связи от полной ликвидации под натиском торговой экспансии США.²⁴

Но теперь роли переменялись. Возражало Министерство иностранных дел. Правительство России все еще продолжало не признавать Бразильскую республику, что исключало всякую возможность непосредственных торговых переговоров.

Когда же русско-бразильские дипломатические отношения были возобновлены, русская миссия в Рио-де-Жанейро весной 1893 г. сообщала, что и Англия, и Франция, и Германия, и Австро-Венгрия потерпели неудачу в своих попытках добиться для себя в Бразилии прав наиболее благоприятствуемой нации.²⁵ В этих условиях русская дипломатия также не имела шансов на заключение договора.

Скоро, однако, экспансионистские круги США постигла неудача в борьбе за захват бразильской торговли. Победившие на выборах в конгресс США в 1892 г. демократы провели введенный в действие с августа 1894 г. менее протекционистский тариф Вильсона—Гормана.

Используя появившуюся теперь перспективу дефицита в бюджете, плантаторы и сахарозаводчики добились восстановления пошлин на ввоз сахара. Тем самым правительство США лишалось важнейшей возможности таможенных репрессий против других стран. Третий параграф закона Мак-Кинли, потерявший теперь смысл, прекратил свое существование вместе со всем законом. Как откровенно заявил посланнику США Томпсону генеральный директор бразильского Министерства иностранных дел виконт Кабу-Фриу, обложение в США бразильского сахара лишь обрадовало бразильское правительство, дав предлог для разрыва согла-

²² ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, лл. 2—3, 17—18.

²³ ЦГИАЛ, ф. 22, оп. 3, д. 151-а, л. 21.

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 61.

²⁵ Там же, л. 19.

шения с США. Так велико было недовольство им в Бразилии.²⁶ Бразильское правительство немедленно денонсировало свое соглашение с США от 1891 г., и с 1895 г. американская торговля в Бразилии лишилась своих привилегий.

Хотя за время действия соглашения Соединенным Штатам так и не удалось расширить свою торговлю с Бразилией²⁷ (опасения европейских торговых кругов оказались преувеличенными), американская дипломатия сейчас же начала борьбу за заключение нового торгового договора для подчинения бразильской торговли интересам американского капитала. Как отмечал Рутковский, в этой борьбе широко использовалось военное и политическое влияние США в западном полушарии, в частности «вмешательство военного флота Соединенных Штатов во время восстания в Рио-де-Жанейро»²⁸ и поддержка Бразилии печатью США в вопросе о захвате Англией Тринидада.²⁹ Уже в октябре того же 1895 г. корреспондент «Нью-Йорк геральд» сообщил из Рио-де-Жанейро, что посланник США Томпсон ведет с правительством Бразилии переговоры о новом торговом договоре.³⁰ Но на сей раз это было не так просто. Сказывался рост недоверия и антипатий к США в южноамериканских государствах, особенно усилившийся после венесуэльского кризиса, использованного Соединенными Штатами для расширения своего влияния на всем американском континенте.³¹ Как сообщал секретарь русской миссии в Бразилии А. Греггер, диктаторский характер вмешательства США в конфликт между Англией и Венесуэлой вызвал недовольство в общественном мнении Бразилии. «Бразильские газеты, — отмечал он, — единодушно провозглашают, что присвоение Соединенными Штатами права вмешательства есть прямое посягательство на верховные права на независимость южноамериканских республик».³²

Вместе с Чили и Аргентиной Бразилия отказалась участвовать в общеамериканском конгрессе, намеченном на 10 августа

²⁶ Foreign relations of the U. S. A. 1894: 3 Session, 53 Congress, стр. 78.

²⁷ См. доклад посланника США в Бразилии Томпсона от 23 ноября 1896 г.: Commercial relations 1895—1896, 2 Session, 54 Congress, стр. 135—136.

²⁸ Восстание это было поднято в 1893 г. бразильским военным флотом и так называемой республиканской партией против установления диктатуры Пейксото, преемника Фонсеки, руководителя заговора 1889 г. Специально посланные к бразильскому побережью военные суда США активно выступали против сил инсургентов (Foreign relations of the U. S. A. 1893. 2 Sess. 53 Cong., стр. 51, 72, 117).

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 69—70.

³⁰ Там же.

³¹ Подробно об этом см. в нашей статье «Доктрина Олли и ее фальсификация в американской историографии» (Вопросы истории, 1951, № 7).

³² АВПР, ф. канц., 1896 г., д. 150, л. 122.

1896 г.,³³ на котором дипломатия США предполагала сделать важный шаг к установлению своего влияния на дела континента.

Натиск США на южноамериканские республики в торговой сфере вызывал в них особенно сильное недовольство. Специальная комиссия, созданная в США для изучения путей торговой экспансии в Южной Америке, прибывшая в Аргентину, была встречена в Южной Америке, по словам русского посланника в Аргентине и Бразилии Гирса, «хладнокровно».³⁴ Бразильское правительство в этих условиях приняло новую политику в области внешней торговли. С одной стороны, оно рекомендовало законодательным палатам заключение торговых договоров с южноамериканскими государствами, а с другой — объявило о прекращении действия всех договоров с европейскими странами и США, а также о своем отказе от переговоров с ними о заключении таких договоров.

Политика эта была обусловлена как реакцией против экономического натиска США, так и потребностями внутривнутриполитического характера. Борьба федерального бразильского правительства против сепаратистских тенденций и партикуляризма отдельных штатов, естественно, находила выражение и в вопросе о таможенном обложении. Согласно конституции единственной статьей доходов федерального правительства были ввозные пошлины, сумма которых при активном торговом балансе была значительно меньше суммы вывозных. Последние же составляли доход штатов. Торговые договора с заграницей были в этих условиях, конечно, невыгодны федеральному правительству, особенно потому, что заключением их оно лишило бы себя права повышать ввозные пошлины. В основе этого лежало отсутствие единого национального рынка.³⁵

Между тем ввоз в Россию из Бразилии с начала 90-х годов стал несколько возрастать, достигнув в 1893 г. почти 4 млн руб., а в 1896 г., несмотря на резкое падение в 1895 г., превысив 3 млн. В 1897 г. впервые стал играть существенную роль в этом ввозе каучук, которого было ввезено 13 тыс. пуд. Кофе было в том же году ввезено 27 тыс. пуд. против 5 тыс. в 1894 г.³⁶ Большая часть бразильского кофе завозилась в Россию, однако, через посредство европейских торговых компаний. Ввоз его в Одессу непосредственно из Бразилии в 1894 г. был в 100 раз меньше, чем в Триест, Гамбург или Лондон.³⁷

³³ Там же, л. 64.

³⁴ Там же, л. 62.

³⁵ P. Denis. Brazil. London, 1911, стр. 133.

³⁶ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 60.

³⁷ 1894. Retrospecto commercial do «Journal do Commercio». Rio de Janeiro, 1895, стр. 17.

Положение это отнюдь не было результатом случайного стечения обстоятельств. Крупные торговые фирмы Германии, Англии, Франции, монополизировавшие торговлю бразильским кофе, сознательно не допускали прямой связи Бразилии с теми иностранными рынками, где цена на кофе была несколько выше.³⁸ Россия была одним из таких рынков, и хотя ее интересы страдали от этого в меньшей степени, нежели интересы Бразилии, переплата за кофе и другие статьи ввоза была относительно велика.

Но главное было в тех новых явлениях, которые развились в 90-х годах в области внешней экономической политики царизма, безраздельно руководимой Вите. Широко привлекая иностранный капитал в русскую промышленность, Вите одновременно впрочем искал для нее рынки, преимущественно в колониальных странах Востока, стремился всемерно расширить русскую внешнюю торговлю с самыми различными странами. Он исходил при этом из совершенно фантастического расчета на то, что русский капитал, усилившись и развившись с помощью иностранного, со временем вытеснит его из промышленности и торговли. В течение 1893—1896 гг. были заключены торговые договоры с Францией, Германией, Австро-Венгрией, Испанией, Данией, Японией и Португалией. В марте 1895 г. Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов запросил генерального консула в Буэнос-Айресе, «какие русские товары, в каком количестве и по каким путям доставляются в Аргентинскую республику, а равно с произведениями каких стран приходится им выдерживать конкуренцию... какие виды имеются на дальнейшее расширение сбыта наших товаров в Аргентинскую республику».³⁹ Запрос касался также конкуренции аргентинской сельскохозяйственной продукции с русской на рынках третьих стран. А в мае 1897 г. Вите в письме к министру иностранных дел М. Н. Муравьеву предложил заключить торговый договор с Бразилией на определенный срок или бессрочно по типу недавно заключенных договоров.⁴⁰

Буквально в те же самые дни вопрос о торговых отношениях с Россией был поднят правительством Чили. Чилийский посланник в Италии и Германии Сюберказо через русских послов в Риме и Берлине сделал предложение об отмене русским правительством пошлин на ввоз чилийской селитры. За это чилийское правительство обещало облегчения для развития русского ввоза в Чили, в частности керосина.⁴¹ К ноябрю 1898 г. Сюберказо передал в Петербург проект торгового договора, предлагая открыть

³⁸ Прадо, ук. соч., стр. 236.

³⁹ ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 32, лл. 1—2.

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, лл. 74—75.

⁴¹ Нота Сюберказо Нелидову 8/20 мая 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 53, л. 2.

переговоры о его заключении.⁴² Никаких сведений о судьбе чилийского предложения у нас нет. Что же касается договора с Бразилией, то такая возможность открылась лишь через два года, когда стремление к его заключению было проявлено и с бразильской стороны.

Порочный круг, в котором оказалась бразильская экономика, ощущался в эти годы с особой силой. Монокультура кофе придавала ей уродливо односторонний характер. Крайняя узость внутреннего рынка, связанная с нищетой населения, препятствовала развитию национальной промышленности. Это усиливало позиции иностранного капитала, отдавая в его руки, кроме бразильского вывоза, и бразильский ввоз. В 1896 г., используя рост производства кофе и свой контроль над его вывозом, иностранные капиталисты добились снижения цен на него до 50%. Инсценируя отсутствие спроса, они выгодно спекулировали на всем экспорте страны.⁴³ Недопущение кофе на рынки с устойчивой ценой на него имело для них теперь особое значение. Вызванная всем этим угроза финансовой катастрофы в 1898 г. привела к усилению иностранной зависимости Бразилии, заставив ее правительство заключить на крайне тяжелых условиях соглашение с английскими банкирами об отсрочке причитающихся им платежей и взять заем у Ротшильда в 8.5 млн ф. ст. под гарантию таможенных доходов страны.⁴⁴

Естественно, что всякое расширение торговых связей страны имело в этих условиях для правящих кругов Бразилии большое значение. Так возник вопрос о торговом договоре с Россией. Торговля с Россией имела для Бразилии некоторые особенности, исключаящие возможность возникновения каких-либо отношений зависимости, подобных тем, которые существовали у Бразилии с европейскими державами и возникали с США. К этим особенностям относились, в частности, незначительность объема русско-бразильской торговли, особенно русского ввоза в Бразилию, и отсутствие у России каких-либо инвестиций в этой стране. Более того, установление непосредственных торговых отношений с Россией могло бы в какой-то мере содействовать ослаблению иностранной зависимости Бразилии.

Вырвать из рук иностранных торговых компаний русский рынок для сбыта кофе — важно было для Бразилии и само по себе. Но гораздо важнее было создание прецедента прямых торговых

⁴² Ламздорф — Витте 13 ноября 1898 г.: там же, л. 3.

⁴³ Подсчет, произведенный управляющим русским консульством в Рио-де-Жанейро А. Вольфом, показывает, что несколько крупных иностранных фирм монополизировали $\frac{4}{5}$ вывоза через этот порт (Сборник консульских донесений 1899 г., вып. VI, стр. 527).

⁴⁴ П р а д о, ук. соч., стр. 216, 226, 236.

отношений со страной — потребительницей кофе, означавшее некоторый подрыв монополии иностранных посредников. Кроме того, однотипность ряда статей в бразильской торговле как с Россией, так и с США (ввоз пшеницы) могла до некоторой степени помочь Бразилии успешнее отражать торговый натиск Соединенных Штатов.

По-видимому, эти соображения в какой-то мере учитывались бразильским правительством, когда министр иностранных дел Олинто Магальянс, ранее бывший бразильским посланником в России, в беседе с управляющим русской миссией в Бразилии в июле 1899 г. вдруг заговорил о желательности прямого парового сообщения между Россией и Бразилией и установления непосредственной торговли между ними. Когда же его собеседник заметил, что бразильское правительство отрицательно относится к заключению торгового договора с Россией, Магальянс заявил, что тот ошибается, ибо заключение такого договора не встретит со стороны Бразилии никаких препятствий.⁴⁵ Витте и Муравьев, узнав об этом, уже в сентябре выработали основания договора с Бразилией, которые предусматривали не только взаимное право наибольшего благоприятствования, но и особые льготы для бразильского ввоза в Россию, — если бы Бразилия этого пожелала, — в обмен на соответствующие облегчения для русского ввоза в Бразилию.⁴⁶

Витте предполагал в марте 1900 г. командировать в Рио-де-Жанейро Рутковского для ведения переговоров о договоре, но завязка этих переговоров состоялась не в 1900 г., а в следующем 1901 г.

Дипломатия США к этому времени возобновила попытки вернуть своей торговле в Бразилии преимущества, которыми она пользовалась по договору 1891 г. и которых лишилась с его отменой в 1894 г. Посланник США в Рио-де-Жанейро повел переговоры об этом с бразильским правительством. Но бразильское правительство, как сообщил Витте Рутковский, уклонилось от заключения торгового договора.⁴⁷ Не исключено, что Магальянс, который, как и президент Бразилии Кампос Саллес, стремился, по словам русского посланника Шпейера, увеличить экспорт в Россию кофе и каучука, видел в завязанных им переговорах с Россией некоторое средство противодействия натиску Соединенных Штатов, которым было явно невыгодно предоставление права наибольшего благоприятствования в Бразилии кому бы то ни было. Министр финансов Муртиньо, «главный член правитель-

⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 80.

⁴⁶ Там же, лл. 81—82.

⁴⁷ ЦГИАЛ, ф. 22, оп. 3, д. 151-а, л. 19; ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 127

ства», как называл его Шпейер, стоял, однако, на позиции полного отрицания торговых договоров, которой придерживался и конгресс.⁴⁸

Позиция эта, возникшая как известная реакция против внедрения иностранного капитала и торговой экспансии США в стране, была, разумеется, крайне наивным средством отражения американского натиска в условиях все усиливавшейся зависимости Бразилии от иностранного капитала. И Витте в Петербурге отлично понимал это с помощью той международной империалистической логики, которая была ему столь присуща. Сообщение Рутковского о неудаче США в переговорах о новом торговом договоре с Бразилией ничуть не поколебало его уверенности в том, что США будут продолжать свои усилия и в конечном счете добьются своего. «Правительство Соединенных Штатов, — писал Витте министру иностранных дел Ламздорфу 15 мая 1901 г., — находится в исключительно выгодных условиях для заключения торгового трактата с Бразилией, так как оно получает около $\frac{2}{3}$ сбора кофе (примерно на 100 миллионов долларов ежегодно), составляющего главный продукт производства Бразилии, а в политическом отношении оказало уже, как известно вашему сиятельству, значительные услуги бразильскому правительству в подавлении революционного движения около 6 лет тому назад. Ввиду такого исключительного положения и агрессивной торговой политики Соединенных Штатов, нет сомнения, что при первой возможности правительство этого государства возобновит переговоры и при этом несомненно окажет давление на правительство Бразилии, как и в 1891 г., чтобы добиться по возможности исключительных для себя уступок».⁴⁹

Исходя из этого, Витте и считал «весьма существенным озаботиться возможно скорейшим заключением договора с Бразилией», не дожидаясь возобновления попыток со стороны США, понимая, что после удачи США в заключении договора они не допустят распространения своих исключительных прав по ввозу в Бразилию на другие страны.

Говоря об «агрессивной торговой политике Соединенных Штатов», Витте, по-видимому, имел в виду дискриминационное обложение в США русского сахара, вынудившее его как раз в 1901 г. ввести ответную отмену таможенных льгот для машин и металлоизделий, ввозимых из США в Россию. Таможенный конфликт с США несомненно усиливал решимость Витте добиться заключения соглашения с Бразилией.

⁴⁸ Там же, лл. 137—139.

⁴⁹ Там же, л. 127.

За образец для договора с Бразилией Витте предлагал принять русско-японский договор о торговле и мореплавании 1895 г.⁵⁰

Как и другие торговые договоры, заключенные Россией в 90-х годах, русско-японский договор предусматривал распространение на договаривающуюся с Россией страну пониженных ставок конвенционного тарифа, введенного в России наряду с автономным (максимальным). Право наибольшего благоприятствования получало теперь, таким образом, весьма реальное содержание.

Проектировавшееся соглашение обладало для Бразилии двойной выгодой. Бразильский ввоз в Россию получил бы право наибольшего благоприятствования фактически почти что безвозмездно, так как русский ввоз в Бразилию был по сравнению с ним совершенно незначителен и к нему и без того применялся минимальный тариф. А открытие русского рынка для бразильского кофе с устранением «посредников» могло бы принести существенную пользу бразильской экономике. Магальянс и Кампос Саллес, который на протяжении своей бытности президентом проявлял постоянную заботу о расширении внешней торговли страны,⁵¹ к этому и стремились.

Был уже составлен проект всеподданнейшего доклада Витте с просьбой о разрешении начать переговоры с Бразилией,⁵² русский финансовый агент в Вашингтоне Рутковский должен был выехать в Бразилию для участия в переговорах, но в это время русский посланник в Рио-де-Жанейро Шпейер, которому Ламздорф поручил еще раз позондировать почву, телеграфно сообщил 24 июня 1901 г., что бразильское правительство воздерживается от заключения договора. В своих депешах от 4,17 и 25 июня он объяснял, что в Рио-де-Жанейро восторжествовала линия сторонников отказа от всяких торговых договоров.⁵³

Прочитав эти депеши, Витте по своему обыкновению сейчас же взвалил вину за некоторый афронт на одного из своих подчиненных — Рутковского; как будто Рутковский, а не сам Витте, явился инициатором переговоров о договоре. «Я думаю, что г. Рутковский напрасно поднял этот вопрос. Этот договор будет иметь последствием только его путешествие», — язвительно написал он, хотя было ясно, что Рутковский никуда не поедет.⁵⁴

Как констатировал Шпейер, русский ввоз в Бразилию от отсутствия соглашения совершенно не страдал, так как к нему по-

⁵⁰ Текст его см.: Э. Д. Гримм. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. М., 1927, стр. 98—102.

⁵¹ Brazil. Ed. by L. F. Hill, Univ. of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1947, стр. 81.

⁵² ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 129.

⁵³ Там же, лл. 134, 136—139.

⁵⁴ Там же, л. 135.

прежнему применялся минимальный тариф (максимальный вводился в Бразилии лишь в качестве ответной репрессии, для которой в данном случае не было оснований). А главное, ввоз этот был очень невелик. Иначе обстояло дело с бразильским ввозом в Россию, несколько более значительным по объему. Но и он был фактически целиком сосредоточен в руках крупных иностранных фирм, которые могли в силу этого поднимать продажные цены не только на кофе, но и на другие бразильские товары. Русский рынок для этих товаров при этом искусственно сужался, но при-
были посредников росли.⁵⁵

Бразилия несла в результате этого довольно серьезные экономические потери на русском рынке, которых помогло бы избежать установление непосредственных связей с Россией.

Не прошло и трех лет, как осуществилось предположение Витте о том, что не прекращавшийся натиск США на Бразилию увенчается их успехом. В апреле 1904 г. бразильское правительство предоставило двадцатипроцентную скидку с ввозных пошлин для ввозимой из США муки и ряда других товаров (в том числе и для изделий из каучука, вывозимого Соединенными Штатами из Бразилии).⁵⁶ Хотя мера эта и была объявлена временной, она наносила серьезный ущерб английским инвестициям в стране, так как англичане владели в Бразилии большими мукомольными предприятиями, перерабатывавшими привозимое из США зерно. По-страдала и Аргентина, главный конкурент США в сбыте хлеба на бразильском рынке, протесты которой некоторое время удерживали бразильское правительство от уступок Соединенным Штатам, и Уругвай, также ввозивший муку в Бразилию. В меньшей степени был затронут хлебный ввоз из Австро-Венгрии. Уступки, сделанные Соединенным Штатам по ввозу других товаров, были, по словам Шпейера, «особенно тягостны для Франции и Германии, а также и для некоторых других стран».⁵⁷ Франция сразу же поставила вопрос перед бразильским правительством о распростра-

⁵⁵ Современники бразильцы различали среди них «спекулянтов, неогциантов-спекулянтов и просто неогциантов». Не в силах догнать своих европейских конкурентов в борьбе за захват бразильского импорта, американцы старались не отстать от них в борьбе за контроль над экспортом страны. Бразильский специалист по кофейной торговле Ласерда отмечал в 1897 г. «невероятные действия» торговых фирм США, использующих «малейшие инциденты для оказания давления на рынок», устраивающих «настоящие ловушки» для бразильской торговли (C. M. Delgado de Carvalho. *Le Brésil méridional (étude économique)*. Paris, 1910, стр. 175—176).

⁵⁶ Донесение русского посланника в Бразилии Шпейера 17/30 апреля 1904 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 142. Первоначально бразильское правительство под влиянием требований США пыталось предоставить им даже 40%-ю скидку, но этому воспрепятствовал бразильский конгресс.

⁵⁷ Там же, л. 147.

нении на французский ввоз льгот, предоставленных американскому.

На сей раз дипломатии США удалось добиться новых уступок Бразилии, используя ее острые противоречия с Перу из-за части территории Акре. Угроза вмешательства США в бразильско-перуанский спор, с точки зрения бразильского правительства, могла быть устранена лишь новыми уступками в пользу американской торговли. По-видимому, американская дипломатия ловко поддерживала эту точку зрения, если не подсказала ее, так как поверенный в делах США в Рио-де-Жанейро Томас Доусон после опубликования декрета бразильского правительства о предоставлении таможенных льгот США был, по словам Шпейера, «поцарски» награжден назначением на только что учрежденный пост посланника США в Доминиканской республике. Это были годы, когда «дипломатия доллара» стала главным содержанием латиноамериканской политики США, и государственный секретарь Рут, выступая в ноябре 1906 г. на торговом конгрессе в Канзас-сити, наметил программу широкого экономического проникновения США в Латинскую Америку путем вывоза туда американских капиталов. Но при этом дипломатия США не забывала и о вывозе товаров. Добиваясь неоднократного продления сроков действия льгот для экспорта США в Бразилию (1906 и 1907 гг.), она стремилась придать им фактически постоянный характер. Противоречия между Бразилией и Аргентиной достигли вследствие этого крайней остроты. Началась газетная война между ними, раздавались угрозы таможенной и даже настоящей войной.⁵⁸

На протяжении первого десятилетия XX в. никаких самостоятельных связей с Латинской Америкой Россия так и не имела. Помимо экономической стороны дела, зависимость от иностранного посредничества в сношениях с этим отдаленным районом мира оказалась вредна и в смысле военно-политическом. Один из эпизодов, связанных с русско-японской войной, наглядно показал это царскому правительству. Состоял он в следующем. С каждой новой неудачей России в войне с Японией положение пресловутой безобразовской клики оказывалось по сравнению с противостоявшим ей Витте все более невыгодным. Политическая ответственность за происшедшее в глазах современников пала именно на эту клику во главе с царем. Свергнутый же безобразовцами Витте остался в тени.⁵⁹ Вполне объяснимо поэтому, что безобразовцы особенно судорожно цеплялись за все, что могло бы, как им казалось, хоть

⁵⁸ E. Dettman. Brasiliens Aufschwung in deutscher Beleuchtung. Berlin, 1908, стр. 322—329.

⁵⁹ Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. Изд. 2-е, М.—Л., 1955, стр. 274.

как-то повернуть ход военных действий в пользу России. Когда в Петербурге уже полным ходом обсуждался вопрос о посылке на Дальний Восток Балтийской эскадры, Безобразов 11 июля 1904 г. из-за границы написал одному из главных своих подручных адмиралу Абазе, состоявшему при генерал-адмирале, что нужно вдобавок к Балтийской эскадре послать четыре броненосца из Черного моря и соединенными силами отрезать японцев от их баз. «Если бы тебе удалось уговорить генерал-адмирала сделать этот гениальный подвиг, то этот блестящий конец покроет все начальные недочеты»,⁶⁰ — писал Безобразов, рекомендуя Абазе заняться в интересах безобразовцев спекуляцией на идее, которая не только носилась в воздухе, но уже осуществлялась. Черноморские суда были заперты по условиям договоров о проливах. Но зато Абазе цепко ухватился за поступившие вскоре после начала войны предложения различных иностранных посредников о покупке четырех аргентинских броненосных крейсеров.⁶¹ Затем появилось предложение и относительно трех чилийских военных судов. Как сообщил в феврале 1904 г. русскому морскому агенту в Париже его аргентинский коллега, причиной этих предложений была крайняя нужда в деньгах, но Аргентина готова были осуществить продажу лишь в том случае, если это сделает и Чили. Чилийское и аргентинское правительства вели переговоры о совместной продаже судов, и до соглашения об этом она не могла состояться. Кроме того, как сообщал морской агент в Париже, обе республики боялись позиции Англии в русско-японском конфликте и «друг друга».⁶² Сверх всего, покупка должна была быть совершена на имя нейтральной державы, так как воюющей стороне судов бы не продали. Эти особые условия усугубляли зависимость России от иностранных посредников. Они буквально осаждали Морское министерство предложениями своих услуг, поднимали взаимной конкуренцией перед южноамериканскими правительствами продажную цену, и, мешая друг другу, срывали дело. При этом к продававшимся судам проявляли интерес и японцы, в пользу которых действовали английские дельцы. В один из моментов, когда приобретение крейсеров в качестве боевой силы в войне казалось невероятным, возник вопрос о том, чтобы французское правительство в порядке союзнической помощи купило суда за русский счет с тем хотя бы, чтобы предотвратить получение их Японией, и до конца войны держало во французских портах. Вскоре, однако, французский министр иностранных дел Т. Делькассе уклонился от официального участия в этом деле, выдвинув частную французскую фирму и по-

⁶⁰ Б. А. Романов. Безобразовский кружок летом 1904 г. Красный архив, т. 4 (17), 1926, стр. 79.

⁶¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 318, л. 3.

⁶² ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 26529, лл. 32—36.

обещав правительственную поддержку.⁶³ Но все эти комбинации вскоре отпали. Дольше всех морочил голову морскому ведомству американский делец Чарльз Флинт, один из агентов Моргана, посредничавший между русским Министерством финансов и своим патроном в переговорах о русском займе в США и по другим вопросам. Как утверждает в своих воспоминаниях Коковцов, Флинт и явился инициатором всей затеи.⁶⁴ Он действовал в тесном и небескорыстном контакте с генерал-адмиралом вел. кн. Алексеем Александровичем и Абазой. Не удивительно, что решено было остановиться на группе Флинта, как «более надежной».⁶⁵ К ней примыкала (хотя не прочь была и провести ее) американская фирма Шваба, о которой морской агент в Париже сообщал: «Эта партия действует под покровительством великого князя Кирилла».⁶⁶ На петергофском совещании 10 августа 1904 г., где принималось окончательное решение об отправке эскадры на Дальний Восток, было специально обусловлено, что по прибытии на Мадагаскар эскадра будет усилена семью покупаемыми крейсерами.⁶⁷ Николай II как глава безобразовцев принял эту идею близко к сердцу. Коковцов же занял противоположную позицию. Тем не менее ему пришлось вступить в переговоры. Был разработан проект соглашения, общая сумма стоимости судов определена более чем в 50 млн руб.⁶⁸ 86 млн фр. уже лежали на особом счету у парижских Ротшильдов.⁶⁹ На специальном заседании 7 января 1905 г. Николай II, отвергнув все доводы министра финансов Коковцова, указывавшего на бесплодность предшествовавших переговоров, ввиду опасности захвата судов японцами и ненадежности посредников, поручил Абазе, управлявшему в это время Морским министерством, купить суда.⁷⁰ Флинт обещал заинтересовать делом о покупке судов самого Моргана.⁷¹ На протяжении длительного

⁶³ Телеграммы поверенного в делах во Франции Неклюдова в МИД 17/30 июля, управляющего Морским министерством морскому агенту в Париже 16/29 июля, морского агента в Париже управляющему Морским министерством 24 июля/6 августа 1904 г.: там же, д. 26498, лл. 20—22, 30—31, 51.

⁶⁴ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Париж, 1933, стр. 66.

⁶⁵ Всепопданнейший доклад Коковцова не позднее 15/28 сентября 1904 г.: ЦГИАМ, ф. 543, оп. 1, д. 296, лл. 1—2 об.

⁶⁶ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 26498, л. 43.

⁶⁷ Русско-японская война 1904—1905 гг. Книга шестая. Поход 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток. Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг. при Морском генеральном штабе, Пгр., 1917, стр. 12—13.

⁶⁸ Всепопданнейший доклад Коковцова не позднее 15/28 сентября 1904 г.: ЦГИАМ, ф. 543, оп. 1, д. 296, лл. 1—2 об.

⁶⁹ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 26498, лл. 14, 16.

⁷⁰ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 318, л. 51.

⁷¹ Там же, лл. 54—55.

времени южноамериканские крейсера оставались единственной надеждой царя и морского ведомства. На одном из заседаний Комитета финансов, где в присутствии министра иностранных дел, военного министра и управляющего Морским министерством в самых драматических тонах обсуждался поднятый Витте вопрос о немедленном прекращении войны, управляющий Морским министерством, по словам П. Н. Сабурова, только то и мог сказать, «что если бы состоялась покупка аргентинских судов, мы могли бы иметь некоторые шансы на успех». Но далее он признал, что «эта покупка весьма сомнительна», и эскадра Рождественского должна будет обойтись «без этой подмоги», хотя она «гораздо слабее» японских сил.⁷²

Николай и в марте все еще стоял на своем. «Я решил попытку приобретения судов довести до конца», — написал он на всеподданнейшем протесте Коковцова 3 марта 1905 г.⁷³ Абаза под вымышленным французским именем отправился в Париж, затем в Буэнос-Айрес, где безуспешно действовал вместе с представителями Флинта вплоть до июня 1905 г.⁷⁴ Действуя заодно с великими князьями, Флинт и компания после провала дела потребовали «возмещения расходов». Царь, разумеется, согласился, и несостоявшаяся покупка обошлась казне в общей сложности более чем в полмиллиона рублей в различной валюте, включая сюда и 22 с лишним тысячи, которые получил под вымышленным именем Абаза.⁷⁵ Каррикатурно-анекдотическая форма этого эпизода как бы предупреждала, что зависимость России от иностранного посредничества в ее собственных международных связях при определенной внешнеполитической конъюнктуре может оказаться весьма вредной.

Как раз в эти годы (особенно начиная с 1907 г.) товарооборот России с Южной Америкой обнаруживает, несмотря на все препятствия, тенденцию к расширению.⁷⁶ Но расширение это шло почти исключительно за счет роста посреднических операций иностранных компаний. Бразильские таможенные отчеты за 1908 г. показывали крайне незначительные суммы непосредственного вывоза в Россию в бразильских денежных единицах — милрейсах: на 75 тыс. марганца, на 209 тыс. хлопка и на 519 тыс. кофе. В переводе на рубли это составляло в сумме всего 500 тыс.

⁷² П. Н. Сабуров — Д. А. Милютину 3/18 февраля 1905 г.: Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, фонд Д. А. Милютин.

⁷³ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 318, л. 54.

⁷⁴ Письмо Стерна, агента Флинта, Абазе 12/25 августа 1905 г.: ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 26510, л. 126.

⁷⁵ Там же, лл. 18, 116, 132, 137.

⁷⁶ См., например, справку о внешней торговле Аргентины, составленную Отделом торговли МТНП: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 8, д. 63, л. 7.

Между тем годовое потребление одного только кофе составляло в России, по сведениям торгового дома бр. Елисеевых, 2,5 млн пуд., из которых через руки одних только германских торговых фирм проходило более 400 тыс. пуд.⁷⁷ В 1909 г. в Петербурге в Министерстве иностранных дел и Министерстве торговли и промышленности снова возник вопрос «о желательности установления прямых торговых сношений между Россией и Бразилией для вывоза из Бразилии кофе, которое в настоящее время преимущественно получается в России через посредство западноевропейских рынков, увеличивающих продажную цену и требующих за комиссионную услугу значительный процент».⁷⁸ Извольский и Тимирязев достигли договоренности об этом, но переговоров с бразильским правительством завязано не было, так как внешнеторговая политика бразильского правительства этому не благоприятствовала. Как сообщал русский поверенный в делах Бразилии в июне 1910 г., крайне высокое таможенное обложение ввоза в страну почти что не смягчалось, несмотря на представления иностранных правительств.⁷⁹ Только американские товары продолжали пользоваться двадцатипроцентной скидкой, сколько ни протестовали представители европейских держав.⁸⁰ Весной 1910 г. некоторые европейские правительства даже предложили своим представителям прекратить давление на бразильское правительство ввиду бессмысленности этого давления. Но вслед за тем правительство США потребовало распространения льготного тарифа и на некоторые из тех статей американского ввоза в Бразилию, которые ими не пользовались.

«Обстоятельство это, — сообщал русский посланник, — воскресило опасения здешнего дипломатического корпуса относительно возможного в будущем полного завоевания Северной Америкой бразильских рынков, и английское правительство поручило своему посланнику переговорить с его коллегами в видах установления, если окажется возможным, общего образа действий».⁸¹ Английский посланник обратился к русскому, который заявил ему, что Россия, не имея почти ввоза в Бразилию, не заинтересована в совместном выступлении, а в Петербург написал о желательности «остаться в стороне» и сохранить свободу действий на будущее.⁸² Максимов, несомненно, имел при этом в виду тенденцию к установлению непосредственных экономических отношений с Южной Америкой, резко усилившуюся в Петербурге в 1909—1910 гг.⁸³ Тенденция

⁷⁷ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 594, лл. 126—129.

⁷⁸ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 1044, л. 148.

⁷⁹ Там же, л. 151.

⁸⁰ Донесение русского посланника в Бразилии П. Максимова товарищу министра иностранных дел 25 июля/7 августа 1910 г.: там же, лл. 154—155.

⁸¹ Там же, л. 154.

⁸² Там же, лл. 155—156.

⁸³ В 1908 г. был заключен договор с Мексикой.

эта в России была связана со сложным комплексом разных проблем, и было бы упрощением представлять дело только так, что она явилась результатом поисков новых рынков сбыта, в которых была заинтересована промышленная буржуазия. Хотя — заметим в скобках — нельзя отрицать и этого. Например, в марте 1910 г. «Новое время» опубликовало в трех номерах статью за подписью «Я. Н—ов» под названием «Новые рынки для русской промышленности», в которой вопрос о торговле с Латинской Америкой ставился в связь именно с задачами расширения внешних рынков для русской промышленности ввиду узости рынка внутреннего. В статье указывалось, что русская промышленность не может рассчитывать на сбыт своей продукции в развитых в промышленном отношении странах. Рынков же ближайших стран Востока недостаточно. Поэтому-де и приобретает значение Латинская Америка, особенно Аргентина, «как страна с наиболее развитой покупательной силой». Мотив относительно особого значения промышленного экспорта вообще звучал теперь довольно часто. Так, представитель Одесского общества заводчиков и фабрикантов С. И. Соколовский, впоследствии один из руководителей предпринимательских организаций русской буржуазии, в том же 1910 г. заявлял на I южно-русском торгово-промышленном съезде: «Наш вывоз на Восток при всей своей мизерности все-таки наиболее утешительное явление в области нашей внешней торговли. Он утешителен уже потому, что почти всецело состоит из продуктов обработанных и полуобработанных, а не из сырья, из которого комплектуется наш вывоз на Запад».⁸⁴ Но понимание важности внешнеторговой экспансии для капиталистического развития страны, равно как и для общегосударственных интересов господствующих классов, было присуще чинам соответствующих правительственных ведомств, руководителям представительных организаций буржуазии и лишь в последнюю очередь — самим промышленникам и торговцам. Потому-то инициатива в предприятиях такого рода шла преимущественно «сверху», из государственных сфер. Так было и в вопросе об установлении прямого пароходного сообщения с южноамериканским континентом, вопросе, который возник как составная часть кампании против германского и иного иностранного засилья, время от времени поднимавшейся в эти годы в России безо всяких результатов вплоть до начала мировой войны. Одним из важных элементов зависимого положения России в международно-экономической сфере являлось отсутствие у нее сколько-нибудь значительного собственного морского торгового флота, что влекло за собой фактическую зависимость России от иностранного капитала в области торгового мореплавания. В свою

⁸⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 43, л. 2.

очередь, эта зависимость препятствовала созданию национального торгового флота, так как давала возможность иностранным пароходным монополиям успешно бороться против русской конкуренции. Лишь начиная с 1909—1910 гг. в правительственных и буржуазных кругах России ставится вопрос о создании морских и океанских линий, которые находились бы в руках русских судовладельцев. С этой целью используется традиционная политика правительственных субсидий — прямых и косвенных. Однако иностранная конкуренция к этому времени существовала уже в лице крупнейшей международной монополии всемирного масштаба — Атлантического пуля, в состав которого входили крупнейшие судовладельческие предприятия передовых капиталистических стран Запада. Бороться с пулем было крайне трудно. Здесь необходимо отметить, что прямое сообщение с Америкой, и в частности с Южной, естественно, попало в центр этой борьбы как наиболее протяженная и всеохватывающая пароходная линия с заходами в важнейшие порты Европы. На нее-то и стремилось не допустить русских конкурентов пуля «Русское Восточно-Азиатское пароходство» — участник пуля и главная его агентура в России. Непосредственным же объектом этой борьбы стал вопрос о льготах при перевозке эмигрантов из России в Америку, ибо эмигранты были основным «грузом», а льготы пароходствам со стороны правительства при перевозке эмигрантов представляли собой форму правительственного субсидирования пароходств. Здесь и разгорелась борьба, в ходе которой прежде всего монополистические предприятия одолели всю немонополизированную конкуренцию, а в конечном итоге победителем из борьбы «всех против всех» вышел иностранный капитал.

Эмиграция из России в Южную Америку, существовавшая с конца XIX в., усилилась после первой русской революции, как и вообще эмиграция из России, и, помимо того, усилилась специально по сравнению с эмиграцией в другие страны. Межведомственное совещание для выработки проекта закона об эмиграции в январе 1910 г. отметило, что число эмигрантов из России в Южную Америку составляло 50 тыс. человек в год. Положение русских эмигрантов было там ужасным. «Что касается Бразилии и Аргентины, то здесь наши выходцы претерпевают зачастую невероятные бедствия, о которых красноречиво повествуют в своих донесениях наши миссии и консульства», — указывалось в «Очерке истории и современного состояния отхода на заработки за границу в Западной Европе и в России», составленном в Министерстве торговли и промышленности.⁸⁵ Как раз в 1910 г. русский посланник в Бразилии писал о русской эмиграции: «Кучки

⁸⁵ ЦГИАЛ, ф. 95, оп. 7, д. 37, л. 255.

бедняков, оборванцев, изнуренных морским переходом, без куска хлеба, спуют по портовым городам, не зная, куда голову приклонить».⁸⁶ Но голод и политическое бесправие на родине гнали из России на чужбину все новые и новые партии эмигрантов.⁸⁷ Многочисленные вербовщики двух крупнейших германских пароходных компаний, входивших в пуль — «Гамбургско-Американской» и «Северо-Германского Ллойда», заманивали партии беспаспортных эмигрантов в германские порты, где они оказывались вынужденными пользоваться судами пуля по монопольно высокой цене безо всякой возможности выбора. Достигалось это с помощью специального постановления германского правительства, предусматривавшего, что эмигрант, которому агент одной из этих компаний отказал в приеме, подлежит высылке на родину.⁸⁸

Но отнюдь не бедствия эмигрантов привели к обсуждению вопроса об эмиграции в русских правительственных учреждениях, и представители эмиграционных обществ ясно заявили об этом в междудементальном совещании для выработки проекта закона об эмиграции в январе 1910 г. Все дело было в том, чтобы использовать возможности правительственного регулирования эмиграции в интересах скрытого субсидирования русских пароходств. Представители правительственных органов предлагали предоставить паспортные льготы тем эмигрантам, которые воспользуются при переезде в Америку судами русских пароходств. При этом условии, считали представители правительства, русские пароходства «не захотят вступить в соглашение с Северо-Атлантическим пулем и сделаться его данниками».⁸⁹ Намечавшиеся правительственные льготы были предназначены крупным предприятиям — «Доброфлоту» и «Русскому Восточно-Азиатскому пароходству», которые брались организовать непосредственное сообщение как с Южной, так и с Северной Америкой. Представители более мелких пред-

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Накануне первой мировой войны особенно бедственным было положение русской эмиграции в Аргентине. В своем донесении от 11/24 апреля «Экономический и финансовый кризис в Аргентине» русский поверенный в делах Е. Штейн сообщал: «Многие, особенно из русских, оставались без всяких занятий, осаждая наше консульство, не уходили из него до тех пор, пока так или иначе чего-нибудь не добивались. Из провинции также неоднократно присылались телеграммы, что партии то в 20, то в 30 человек русских находятся без крова и пищи». Он писал, что многие из русских эмигрантов «ринулись прочь из той Америки, о которой столько чудес им рассказывали раньше и где они чуть не умерли с голоду. Несомненно, что, вытерпев здесь немало невзгод и всяческих лишений, они закажут и встречному и поперечному ехать в Америку» (ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 179, л. 7).

⁸⁸ Немецкие пароходные общества и русские эмигранты. *Berliner Tageblatt*, 1904, 27 сентября.

⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. 95, оп. 7, д. 37, л. 29.

приятий, поддержанные представителями биржевых комитетов Либавы, Риги, Ревеля и Петербурга, требовали распространения льгот на все заграничные рейсы с целью поддержания «конкуренции многих русских предприятий вместо монополизации немногих».⁹⁰ Получив поддержку со стороны представителей ведомств, «Доброфлот» и «Русско-Восточное Азиатское пароходство» легко преодолели сопротивление мелких предприятий.

Выработанный совещанием проект «Положения об отходе на заработки за границу» предусматривал льготы в пользу прежде всего тех русских мореходных предприятий, которые установят прямое сообщение между одним из балтийских портов и США, а также между Одессой и Рио-де-Жанейро, Монтевидео или Буэнос-Айресом.

Представители крупных пароходств употребляли между прочими и тот аргумент, что «поощрение мелких подвозных предприятий на практике послужит только к вящей выгоде иностранных пароходств». Но едва он успел прозвучать, как раздавшееся вслед за тем требование предоставлять льготы лишь тем предприятиям, которые работают на русские капиталы, а не просто под русским флагом, сейчас же взорвало «союз» «Доброфлота» с «Восточно-Азиатским пароходством», заключенный лишь против конкуренции мелких пароходств. Требование это мотивировалось тем, что «правительство не только стремится к созданию солидных прямых линий, обслуживаемых хорошими, годными для военных целей пароходами, но, в народнохозяйственных и тех же военных видах, заинтересовано в поощрении лишь русского капитала».⁹¹ Представитель «Восточно-Азиатского пароходства» возразил против этого ограничения, признавая, в сущности, что это предприятие иностранного происхождения. Ссылаясь на трудность определения национальной принадлежности капитала и недостаток русских капиталов, он потребовал распространения льгот и на те предприятия, которые действуют на иностранном капитале, но под русским флагом. Этого было достаточно, чтобы совещание решило не оговаривать этого вопроса в законе, предоставив его решение в каждом отдельном случае соответствующим ведомствам. Противоречия между крупными и мелкими предприятиями были, таким образом, дополнены противоречиями между фактически правительственной организацией, действовавшей в форме частнокапиталистического предприятия, каковой был «Доброфлот», и агентурой всемирной монополии — «Русским Восточно-Азиатским пароходством». Что же представляло собой это предприятие, при посредстве которого проводил свою политику по отношению

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же, л. 100.

к морским и особенно океанским перевозкам России Атлантический пуль? Наряду с «Доброфлотом» и РОПиТ — организацией такого же типа, как «Доброфлот», «Русское Восточно-Азиатское пароходство» было крупнейшим среди действовавших в России мореходных предприятий. Оно возникло по инициативе Башгина, генерального директора крупной германской судовладельческой компании «Гамбург—Америка», соглашение которой с «Северо-Германским Ллойдом» и моргановским судовладельческим трестом в США и составило основу Атлантического пуля. Возникшее на основе существовавшей до 1904 г. возможности выпуска акций «на предъявителя», «Восточно-Азиатское пароходство» «явилось, в сущности говоря, лишь филиальным для России отделением мирового „пуля“». ⁹² Капиталы его были датского происхождения, и Витте с предельной выразительностью описал в своих мемуарах, как это обстоятельство было использовано учредителями общества для обеспечения ему всемерной поддержки со стороны русского правительства путем использования связей между датским и русским царствовавшими домами через вдову Александра III Марию Федоровну, дочь датского короля. ⁹³ Пользуясь своими связями в правительственных сферах, «Восточно-Азиатское общество» оказало закулисную поддержку проведению закона 1904 г., который, чтобы закрыть доступ в русский коммерческий флот иностранному капиталу, предусматривал выпуск исключительно именных акций. Причина этой, казалось бы, парадоксальной позиции общества была проста: получив в пуле в сферу своего влияния русские порты, общество было заинтересовано в недопущении в русское коммерческое мореходство иностранного капитала, не связанного с пулем. Русский же национальный капитал общество рассчитывало одолеть, с одной стороны, с помощью пуля, а с другой — при содействии Отдела торгового мореплавания МТиП, в котором руководители общества «сумели сделаться всесильными». ⁹⁴

Естественно, что и установление прямого пароходного сообщения с Южной Америкой и вопрос о перевозке эмигрантов, от которого, коммерчески говоря, зависело установление этого сообщения, общество рассматривало с точки зрения как интересов пуля в целом, так и своих конкурентных интересов внутри этого монополистического объединения. И когда в конце 1909 г. Отдел торгового мореплавания обратился к крупнейшим русским пароходствам с предложением установить регулярное пароходное сообщение с Южной Америкой, «Восточно-Азиатское пароходство» в своем

⁹² Изнанки нашего торгового мореплавания. Финансовое обозрение, 1911, 5 февраля.

⁹³ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2. М., 1960, стр. 189.

⁹⁴ Изнанки нашего торгового мореплавания. Финансовое обозрение, 1911, 20 января.

ответе от 11 января 1910 г. лицемерно пожаловалось на Гамбург, «почти монополизировавший» торговлю с Южной Америкой, и добавило, что «отвоевать ныне часть этой перевозки в пользу русских (!) предприятий, конечно, возможно», но для этого необходима дескать существенная правительственная помощь.⁹⁵ Впрочем, жалоба на Гамбург была до некоторой степени реальна. Дело было в том, что «Восточно-Азиатское общество» занимало в пуле отнюдь не господствующее положение, а скорее подчиненное. В деле перевозки эмигрантов его квота сводилась всего к 2 1/2 %. За ее превышение уплачивался штраф по 4 ф. ст. с человека. Поэтому-то общество, перевозя лишь около 10 % эмигрантов из России, передавало другим членам пуля остальных, направляя их в заграничные порты за коммиссионное вознаграждение.⁹⁶ Как раз в это время, в 1910 г., конкурентная борьба внутри пуля особенно обострилась. Правительство США возбудило против него преследование на основе антитрестовского закона Шермана. Истекавшее в феврале соглашение о распределении эмигрантов не удавалось возобновить. Руководитель «Восточно-Азиатского общества» М. М. Бениславский счел нужным заявить об этом публично. Он уверял, что пуль вообще-де не монополия.⁹⁷ На самом же деле общество стремилось использовать правительственные льготы, носившие характер скрытых субсидий, чтобы выторговать себе в пуле более значительную квоту, после чего все осталось бы по-прежнему. Открывать собственную линию с Америкой общество и не думало — ни с Северной, ни с Южной.

Между тем как раз в эти годы почва для установления непосредственных экономических отношений появилась не только в Бразилии, но и в Аргентине, которая в начале 1900-х годов заняла первое место в Южной Америке по объему внешней торговли, принадлежавшее до того Бразилии. В течение первого десятилетия XX в. объем внешней торговли Аргентины более чем утроился, ее торговый баланс постоянно сохранял активный характер.

Но эти благоприятные, казалось бы, факторы на деле являлись результатом бурного процесса уродливо одностороннего развития национальной экономики страны. Колонизаторская политика европейских и американских монополий в Аргентине заключалась в превращении ее в поставщицу продовольствия для развитых капиталистических держав и обширный рынок сбыта для их промышленности. Широко внедряясь в аргентинскую экономику, иностранный капитал развивал лишь те ее отрасли, которые были

⁹⁵ ЦГИАЛ, ф. 104, оп. 1, д. 254, л. 227.

⁹⁶ Изнанки нашего торгового мореплавания. Финансовое обозрение, 1911, 5 февраля.

⁹⁷ Биржевые ведомости (веч. вып.), 1910, 2 декабря.

связаны с переработкой и экспортом сельскохозяйственных продуктов; в отношении же промышленных изделий Аргентина оставалась целиком зависимой от их ввоза из-за границы.⁹⁸ Наиболее сильные позиции имел в Аргентине английский капитал. Он контролировал железнодорожное, холодильное и элеваторное дело. Торговое судоходное сообщение с Аргентиной находилось в руках английской судоходной монополии «Ройял Мэйл» («Royal Mail»)⁹⁹. Все это, разумеется, помогало Англии держать в своих руках значительную часть аргентинской торговли (в 1909 г. — 33% ввоза и 13% вывоза).¹⁰⁰ Аргентину даже называли пятым английским доминионом.

Но в кругах английских дельцов, связанных с эксплуатацией Аргентины, было серьезное беспокойство, вызванное резкой активизацией экономической экспансии США в Аргентине, как и в Латинской Америке в целом, особенно сильное в связи с предстоявшим завершением строительства Панамского канала.¹⁰¹ США, как известно, не импортировали в сколько-нибудь значительных размерах продовольствия, и их доля в аргентинском вывозе неуклонно снижалась.¹⁰² Но это отнюдь не мешало крупнейшим американским мясоперерабатывающим монополиям «Свифт и Армур» начиная с 1907 г. открыть борьбу за контроль над аргентинской мясохолодильной и мясоперерабатывающей промышленностью и экспортом ее продукции. Метод борьбы за контроль, принятый американцами, заключался в захвате предприятий, принадлежавших англичанам или созданных на национальные капиталы, а отнюдь не в строительстве новых.¹⁰³ Ввоз в Аргентину промышленных изделий был также сосредоточен в руках иностранных компаний, что отнюдь не способствовало развитию национальной промышленности.

Не удивительно поэтому, что в ходе президентской избирательной кампании 1910 г. кандидат консервативной партии Роке Саэнс Пенья, один из крупнейших аргентинских дипломатов, в очень осторожной форме выступил с требованием правительственного вмешательства в область внешней торговли страны. Упомянув

⁹⁸ W. A. Hirst. *Argentina*. London, 1911, стр. 211.

⁹⁹ W. H. Koebel. *Argentina, past and present*. London, 1910, стр. 447.

¹⁰⁰ Справка по Отделу торговли МТиП об экономике и внешней торговле Аргентины: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 8, д. 63, лл. 13—16.

¹⁰¹ См.: W. A. Hirst, *указ. соч.*, стр. 211.

¹⁰² W. Meissner. *Argentiniens Handelsbeziehungen zu den Vereinigten Staaten von Amerika*. 1919, стр. 32.

¹⁰³ Хайме Фукс. Американские тресты против Аргентины. М., 1953, стр. 61—62. Американский капитал проникал и в другие отрасли молодой аргентинской промышленности, например в электроэнергетическую, обувную (A. P. Whitaker. *The U. S. and Argentina*. Harvard University press, 1954, стр. 43).

о том, что США транспортируют вдвое больше экспортной аргентинской продукции, чем сама Аргентина, и о зависимости Аргентины от обильного импорта, он заявил, что правительство «должно искать выход». Выход этот он видел в отмене старых торговых договоров и заключении торговых договоров о наибольшем благоприятствовании, которые могли бы облегчить аргентинскому производству проникновение на внешние рынки. «Добиваться расширения международных рынков и конкуренции на них», — такова была его программа.¹⁰⁴

Это создавало почву для установления непосредственных торговых отношений между Россией и Аргентиной. Хотя на мировых рынках как Россия, так и Аргентина выступали главным образом в качестве поставщиков продовольствия и сырья, в Аргентине существовал спрос на ряд русских товаров. Спрос этот отчасти был обусловлен наличием в Аргентине значительной иммиграции из России¹⁰⁵ и касался русских товаров широкого потребления, которые были в Аргентине довольно популярны.¹⁰⁶ Но существовал в Аргентине потенциальный спрос и на продукцию русской тяжелой промышленности, особенно на рельсы и прочее железнодорожное оборудование, успешно конкурировавшее с иностранным. Страна была охвачена горячкой железнодорожного строительства, осуществляющегося частными, преимущественно английскими, компаниями. Лишь 13% общего протяжения линий принадлежали аргентинскому правительству, и любая возможность расширения конкуренции хотя бы в деле поставок оборудования была бы выгодна Аргентине. Практически, однако, весь русский ввоз в Аргентину находился в руках иностранных компаний точно так же, как это было ранее показано на примере бразильского ввоза в Россию.

¹⁰⁴ Union nacional. La campaña política de 1910. Publicación de la Comisión de Propaganda de la Junta Ejecutiva Nacional, Tomo primero, Buenos-Aires, 1910, стр. 83—84. Следует отметить, что Пенья еще на первом пан-американском конгрессе в 1889 г. в противовес экспансионистскому толкованию дипломатией США принципа Монро «Америка для американцев» выдвинул свой принцип: «Америка для всего человечества». Повторяя его в дальнейшем, Пенья видел в расширении международных связей Латинской Америки средство борьбы с усиливающимся влиянием США (A. Whitaker. The Western Hemisphere idea. Cornell University Press, 1954, стр. 84; Juan Pinto. Dicionario de la Republica Argentina. 1950, стр. 608).

¹⁰⁵ Только русские, не считая украинцев, поляков, евреев, литовцев и других, в сумме более многочисленных, занимали четвертое по численности место среди иммигрантов в Аргентине — после итальянцев, испанцев и французоз (Некоторые данные об Аргентинской республике. Сост. д-р Даниил Антоколец. СПб., 1912, стр. 7—8).

¹⁰⁶ См., например, корреспонденцию из Буэнос-Айреса в «Новом времени» (1908, 6 января).

Морозовские ситцы ввозились в Аргентину немцами. Бельгийская фирма, не сумев выполнить взятого в Аргентине заказа, дважды была вынуждена поставлять в Аргентину рельсы, закупленные в России. Как сообщили в аргентинском Министерстве путей сообщения русскому инженеру-путейцу Лангаде, рельсы эти оказались хорошими, но, конечно, больше не поставлялись, так как бельгийцам это было невыгодно.¹⁰⁷ По сообщению президента Буэнос-Айресской биржи Анреу, все обращавшиеся на аргентинском рынке русские товары попадали туда через руки иностранных комиссионеров, что значительно удорожало их цены.¹⁰⁸ Иностранные комиссионеры пользовались отсутствием прямого пароходного сообщения между Россией и Южной Америкой, в результате чего стоимость провоза груза из Одессы в Буэнос-Айрес была более чем в три раза выше стоимости провоза туда груза из Парижа.¹⁰⁹

Аргентинская таможенная статистика регистрировала в качестве русских лишь товары, поступившие непосредственно из России. И не удивительно поэтому, что по аргентинским официальным данным ввоз из России составлял в 1908 г. всего 0.27% суммы ввоза в Аргентину, или 740 тыс. золотых песов, а в 1909 г. — 0.43%, или 1307 тыс.¹¹⁰ Но в Аргентине понимали, что на самом деле это не так, и возможности расширения рассматривали в оптимистическом свете. И в 1909 г. в связи с предстоявшей в 1910 г. в Буэнос-Айресе всемирной выставкой по случаю 100-летия независимости Аргентины ее правительство обратилось к России с приглашением и просьбой принять в ней участие, чтобы установить непосредственные торговые отношения. В своих многочисленных обращениях в министерства иностранных дел, путей сообщения, торговли и промышленности аргентинский посланник в Петербурге Э. Гарсиа-Мансилья ссылаясь на выполненные русскими южными заводами крупные аргентинские заказы на рельсы (3 млн штук), обещал «новый и прекрасный рынок» для русской

¹⁰⁷ Сообщение, сделанное инженером путей сообщения Л. М. Лангадой в Совете съездов представителей промышленности и торговли 16 октября 1909 г. СПб., 1909, стр. 3—4. Впрочем, в начале января 1908 г. русский пароход «Сибирь» прибыл в Буэнос-Айрес с грузом рельсов (Новое время, 1908, 6 января).

¹⁰⁸ Справка по Отделу торговли МТиП о торговых отношениях между Аргентиной и Россией: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 8, д. 63, лл. 11—12.

¹⁰⁹ Новое время, 1908, 6 января.

¹¹⁰ Справка о внешней торговле Аргентины, составленная Отделом торговли МТиП по официальным аргентинским данным (ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 8, д. 63, л. 7). Один песо равен примерно двум рублям. Из этих сумм около 400 тыс. песо в год приходились на минеральные масла, ввозившиеся из России (Донесение и. о. консула в Рио-де-Жанейро М. Горяинова: Сборник консульских отчетов, вып. II. 1909, стр. 126).

промышленности в Аргентине и даже упоминал о необходимости для России участвовать в выставке, чтобы, изучив холодильное дело, успешнее конкурировать с Аргентиной на мировом мясном рынке. При этом он прямо указывал, что исходит прежде всего из аргентинских интересов («... было бы крайне печально, если бы мы упустили случай и возможность приобретать первоклассный материал в России»).¹¹¹ Связавшись с Авдаковым, Гарсиа-Мансилья выступил с докладом в Совете съездов представителей промышленности и торговли на специальном совещании под председательством Нобеля. Он заявил, что в связи с ростом железных дорог, русская металлургическая и паровозо- и вагоностроительная промышленность могла бы «найти в Аргентине широкий сбыт своим изделиям» и призвал учредить пароходную линию.¹¹² Его поддержал русский инженер-путеец Лангада, который, по-видимому, с расчетом на Авдакова и Нобеля заявил, что в Аргентине найдут сбыт русский уголь и русская нефть, а также ряд других товаров, в частности текстиль. Он предложил организовать пароходную линию «Доброфлота» или РОПиТ с рейсами из Одессы (что позволило бы обслуживать Грецию и другие попутные страны) или из Либавы. Лангада предлагал, чтобы на обратном пути суда проектируемой линии заходили в бразильский порт Сантос и брали груз кофе.¹¹³ Но русские правительственные ведомства отказались от участия в выставке, и Совет министров в декабре 1909 г. с этим согласился вопреки надеждам посланника, считавшего содействие Столыпина, Извольского и Коковцова обеспеченным.¹¹⁴ Лишь Министерство путей сообщения после доклада Лангады министру, по-видимому, устроенного усилиями Гарсиа-Мансилья, и частные паровозо- и вагоностроительные заводы (Русско-Балтийский, «Феникс», Мытищенский, Брянский, Невский, Коломенский, Сормовский) после совещания в Совете съездов проявили интерес к аргентинским предложениям.¹¹⁵ Пассивность правительственных ведомств легко объяснима: все упиралось в организацию пароходной линии, а «Восточно-Азиатское пароходство» не только само отказывалось от ее организации, но, по-видимому, ему удавалось, используя свои правительственные связи, срывать организацию этой линии «Доброфлотом» или РОПиТ. Что же касается других мер, то они без организации прямого сообщения были бы действительно неэффективны.

¹¹¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, д. 110, лл. 28—33.

¹¹² Промышленность и торговля, 1909, 1 ноября, стр. 496—497.

¹¹³ Сообщение, сделанное инженером путей сообщения Л. М. Лангадой, стр. 3—7.

¹¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, д. 110, лл. 28—33, 55.

¹¹⁵ С. В. Рухлов — В. И. Тимирязеву, 24 октября 1909 г.: там же, лл. 44—45.

Однако вскоре под влиянием международных обстоятельств русское правительство решило принять меры к установлению непосредственных связей с Латинской Америкой. Как известно, борьба империалистических держав за господство на латиноамериканском континенте между Англией, Германией и США непрерывно обострялась. Венесуэльский кризис 1902—1903 гг. показал, что англо-германское соперничество на континенте по сравнению с натиском США отходит как бы на второй план. Это, впрочем, не означало, что «политика большой дубинки» и «дипломатия доллара» дали США реальный перевес над их конкурентами. Так, во внешней торговле латиноамериканских стран США играли значительную роль, но пароходные линии, соединявшие эти страны с Европой, оставались в английских и германских руках. Экспансия США была просто наиболее динамичной, и потому представляла наибольшую угрозу для интересов всех держав, в том числе и столь незначительных, как интересы России.

Роль латиноамериканского континента в мировой политике возросла, хоть это и была только роль объекта империалистической политики держав. Между тем царское правительство делало в эти годы попытки ликвидировать иностранное посредничество в своих торговых отношениях с заморскими слаборазвитыми странами. Иногда это было составной частью кампании по борьбе с германским засильем, иногда, наоборот, направлено против Англии, как например попытка избавиться от посредничества Лондона в чайной торговле. В этих условиях и латиноамериканский континент приобретал определенное значение. Дипломатические представители России в латиноамериканских странах забрасывали МИД депешами с требованием вытеснить иностранный капитал из перевозок между Россией и США. Так, русский посланник в Бразилии в декабре 1910 г. сообщал, что «Северо-Германский Ллойд» и специальный филиал «Гамбургско-Американской линии» для Южной Америки составили там специальное объединение, монополизирующее связи с Россией.¹¹⁶ Наконец, в феврале 1911 г. Совет министров по указанию царя рассмотрел специальное донесение посланника в южноамериканских государствах П. В. Максимова от 2 ноября 1910 г. с обоснованием политической необходимости сближения с южноамериканскими государствами и указанием мер для этого. Рассматривая внешнеполитическую ситуацию стран Южной Америки, Максимов придавал первенствующее значение попыткам США установить его гегемонию над континентом, ярко характеризуя применявшиеся при этом методы. «Они усиленно ухаживают за главнейшими южноамериканскими республиками, — писал он, — и особенно стараются загладить

¹¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 104, оп. 1, д. 254, л. 237.

в Чили неблагоприятное впечатление, произведенное ультиматумом по делу Альсона,¹¹⁷ но это, кажется, им плохо удастся. Как назло, американские офицеры с судов, прибывших на чилийские торжества,¹¹⁸ ознакомились со своим пребыванием в Вальпараисо такими крупными скандалами и не поддающимися описанию неприличиями и бесчинствами, в коих высказывалось столько глубокого и укоренившегося пренебрежения и презрения к южноамериканцам, что последние навряд ли не отдадут себе ясного отчета, чего им ожидать от своих северных просветителей. Между тем янки стремятся во что бы то ни стало при помощи, между прочим, пан-американских конференций, создать такое положение, чтобы в каждом мало-мальски важном политическом вопросе Южная Америка являлась вполне солидарною с Северной. Один из участников последней конференции в Буэнос-Айресе, кровный американец, откровенно признавался мне, что если его правительство и не жалеет трудов и денег на устройство панамериканских сборищ, то исключительно с целью заставить все американские республики признать свою зависимость от Северо-Американских Штатов».¹¹⁹ Кроме сопротивления со стороны самих южноамериканских стран, Максимов как на препятствие к осуществлению экспансионистских планов США указывал на японо-американские противоречия в Латинской Америке. Явно переоценивая размеры японских интересов и влияния там, Максимов сообщал, что в южноамериканских политических кругах считают, что Япония попытается «до окончательного еще оборудования и укрепления Панамского канала так или иначе подрезать крылья Северо-Американским Штатам». Причем возможной победительницей считали не США, а Японию, «не взирая на последнюю североамериканскую военно-морскую демонстрацию, предназначавшуюся для внушения страха и уважения перед американским флотом».¹²⁰ Максимов сообщал все это для того, чтобы доказать возрастающую роль в мировой политике событий на южноамериканском континенте.

Каковы же были задачи русской политики в этом районе мира?

«Животрепещущих, бьющих в глаза политических вопросов для нас в данную минуту здесь, пожалуй, и не существует, — писал Максимов, — ... но утверждать также, что южноамериканские

¹¹⁷ В действительности — Олсона Речь идет о финансовых претензиях американской фирмы «Олсон и К^о» на сумму около 3 млн долл., восходящих к 70-м годам XIX в. и связанных с территорией, отошедшей к Чили от Боливии в результате Тихоокеанской войны 1879—1883 гг. (см.: *Journal of International Law*, vol. V, 1911, стр. 1079—1107).

¹¹⁸ В честь столетия с момента сформирования первого независимого от Испании правительства.

¹¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 229, оп. 4, д. 1409, л. 42.

¹²⁰ Там же, л. 41.

республики ни в чем и никогда не могут оказаться нам полезными — совершенно невозможно».¹²¹ Осуждая равнодушное отношение к вопросу о связях России со странами Южной Америки, он ссылался на «печальные результаты» попытки русского правительства купить во время русско-японской войны аргентинские и чилийские военные суда.

Напоминая обо всем этом как о «недочетах прошлого», Максимов предлагал усилить политические связи с этими странами, имея в виду, что при определенной ситуации они могут явиться для России «прямыми или косвенными союзниками или противниками в том или другом политическом вопросе». В экономической части программы Максимова главное место отводилось Аргентине и рекомендовались следующие меры: установление прямых торговых сношений с устранением всех комиссионеров; организация пароходного сообщения между русскими портами и портами Южной Америки силами русских или в крайнем случае иностранных пароходных компаний; посылка в Южную Америку специалистов по торговым и промышленным вопросам; учреждение консульств и т. д.¹²²

В донесении русского консульства в Бразилии, написанном за два дня до депеши Максимова, подчеркивалось, что бразильское правительство относится к установлению торговых отношений с Россией особенно благоприятно, «так как для него (бразильского правительства, — *Р. Г.*) вполне ясно, что из этих сношений не может возникнуть для Бразилии никакой политической опасности».¹²³

Совет министров, рассмотрев донесение Максимова, одобрил намеченные им мероприятия для «развития взаимного между Россией и государствами Южной Америки культурно-экономического общения». Соответствующим ведомствам было поручено практическое их осуществление.¹²⁴

Однако Министерство торговли и промышленности, которому принадлежала в этом, разумеется, главная роль, почти ничего предпринять не смогло, несмотря на то, что министр С. И. Тимашев считал организацию прямых рейсов в Южную Америку «делом большой государственной важности».¹²⁵

Отдел торгового мореплавания обратился к «Восточно-Азиатскому пароходству» с очередным увещеванием по поводу того, что «с государственной точки зрения» надо-де сообщение с Южной

¹²¹ Там же, лл. 39—40.

¹²² Там же, лл. 43—44.

¹²³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 61, лл. 1—2.

¹²⁴ П. А. Столыпин — С. В. Рухлову 21 февраля 1911 г.: там же, л. 37.

¹²⁵ ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 1, д. 1456, л. 126.

Америкой «сохранить за отечественным флагом», как будто бы оно не было захвачено иностранным капиталом, на страже интересов которого стояло именно «Восточно-Азиатское пароходство». Отдел торгового мореплавания обещал «Восточно-Азиатскому пароходству» «ряд весьма существенных льгот», если оно откроет пароходные линии с Северной или Южной Америкой. Льготы эти были предусмотрены в законопроекте об эмиграции, но так как принятие его предполагалось не ранее второй половины 1912 г., то Отдел торгового мореплавания просил пароходство предпринять что-либо, не дожидаясь этого.¹²⁶ «Восточно-Азиатское пароходство» ничего, разумеется, предпринять не собиралось, да и ответы других запрошенных пароходств представляли собой в сущности, лишь намеки на необходимость правительственных субсидий, а отнюдь не согласие на приступ к делу.¹²⁷

Между тем тенденция к непосредственным экономическим связям с южноамериканской стороны усиливалась. Русский ввоз в Аргентину уже в 1911 г. возрос по сравнению с 1910 г. почти в 4 раза, составив 1.919 тыс. зол. долл. против 522 тыс.¹²⁸ Рост был настолько значителен, что аргентинское правительство не могло пройти мимо этого. Следует заметить, что президентский пост занимал в это время победивший на выборах 1910 г. Пенья, который как уже указывалось, выступал за всемерное расширение торговых связей страны на началах наибольшего благоприятствования в целях ослабления ее экономической зависимости от иностранных монополий. Место России в товарообороте Аргентины с внешним миром не достигало и одной сотой того, которое занимала, например, Англия. Но аргентинская торговля с Россией превышала по объему торговлю Аргентины с каждой из следующих американских стран — с Мексикой, Гватемалой, Эквадором, Перу, Венесуэлой и Доминиканской республикой.¹²⁹

Но гораздо больше, чем сама торговля, интересовала аргентинскую сторону возможность конкуренции русских пароходств с западными пароходными компаниями, которая привела бы к снижению фрахтов.

Еще до конца 1911 г. аргентинский посланник в Петербурге обратился в Министерство иностранных дел с предложением своего правительства заключить договор о взаимном предоставлении прав наибольшего благоприятствования в области тарифного и

¹²⁶ Отдел торгового мореплавания — Русскому Восточно-Азиатскому пароходству, 21 апреля 1911 г.: ЦГИАЛ, ф. 104, оп. 1, д. 254, лл. 235—236.

¹²⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 43, лл. 183—191.

¹²⁸ Intercambio económico de la República. 1910—1917. Bueno-Aaires, 1918, стр. 32.

¹²⁹ W. Meissner, ук. соч., стр. 30.

таможенного законодательства, в вопросах транзита, торговли и мореплавания и представил проект такого договора.¹³⁰

При рассмотрении вопроса о договоре в Министерстве торговли и промышленности исходили из того, что Россия имела с Аргентиной активный торговый баланс. Министерство считало, что в Аргентине возможен сбыт продуктов русской обрабатывающей промышленности, в частности машин, локомотивов, вагонов, готовых железных частей мостов, хлопчатобумажных тканей, ювелирных изделий и продуктов пищевой промышленности, а кроме того — лесоматериалов, табака и особенно лошадей.¹³¹

Аргентинский проект предусматривал право Аргентины в ограничении принципа наибольшего благоприятствования не распространять на прочие страны льготы и привилегии, предоставляемые государствам южноамериканского материка. Министерство торговли и промышленности предложило в ответ на это обусловить право России на предоставление таких льгот Швеции, Норвегии и пограничным с Россией азиатским государствам.¹³² В Министерстве иностранных дел, в свою очередь, сочли, что Аргентина получает слишком широкую свободу в области внеконвенционной торговли, что может «принести значительный ущерб» русско-аргентинским торговым отношениям, которые «все более и более развиваются», как писал министру торговли и промышленности Тимашеву старший советник МИД Аргиропуло.¹³³ В МТиП резонно сочли эти опасения необоснованными, так как товарообмен Аргентины с государствами Южной Америки был весьма невелик, но решено было все же договориться с аргентинским правительством о распространении изъятий из принципа наибольшего благоприятствования лишь на пограничные с Аргентиной государства, хотя Тимашев и указывал министру иностранных дел Сазонову, что именно с ними (Бразилией, Уругваем и Чили) Аргентина и ведет сколько-нибудь значительную торговлю.¹³⁴

К подписанию соглашения было все решительно готово, но оно так и не состоялось по причине, которую известные нам документы не дают возможности установить. Однако, как видно из нижеприведенной таблицы, русско-аргентинская торговля получила определенное развитие.

Русский ввоз в Аргентину после спада в 1912 г., последовавшего за бумом 1911 г., обнаруживает в 1913 и 1914 гг. тенденцию

¹³⁰ Письмо министра иностранных дел С. Д. Сазонова министру торговли и промышленности С. И. Тимашеву 10 декабря 1911 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 8, д. 63, л. 1.

¹³¹ Справка по Отделу торговли МТиП об экономике и внешней торговле Аргентины: там же, лл. 13—16.

¹³² Тимашев — Сазонову 21 апреля 1912 г.: там же, л. 10.

¹³³ Там же, лл. 18—19.

¹³⁴ Тимашев — Сазонову 26 июня 1912 г.: там же, л. 20.

Русско-аргентинская торговля¹³⁵

Годы	Ввоз из России в Аргентину		Ввоз из Аргентины в Россию	
	(в зол. долл.)	в %	(в зол. долл.)	в %
1910	522186	100	177101	100
1911	1918897	367	280581	158
1912	305179	58	393215	222
1913	527114	101	652939	369
1914	307812	59	296554	167
1915	17093	3	—	—
1916	17562	3	3112442	1757
1917	1480	—	—	—

к повышению, прерванную в середине 1914 г. началом войны. Наиболее характерно, однако, что Аргентина, в целом обладавшая активным торговым балансом, а с Россией имевшая пассивный, в 1912 и 1913 гг. изменила его в свою пользу. Несколько забегаая вперед, отметим, что поставки аргентинского продовольствия в Россию во время первой мировой войны, как видно из таблицы, увеличили аргентинский экспорт в Россию более чем в 17 раз.

В 1912 г. русское правительство все же решило принять меры к установлению сообщения с Южной Америкой. Два вновь возникших обстоятельства делали особенно желательными рейсы в Бразилию. Во-первых, несколько крупных русских импортеров стали проявлять решимость выйти из зависимости от иностранных посредников и сконцентрировать в своих руках снабжение кофе всего русского рынка. Во-вторых, в связи с разрывом торгового договора с США, предстоявшим с начала 1913 г., возникли надежды на замену североамериканского хлопка на русском рынке бразильским.¹³⁶

Решено было осенью 1912 г. открыть прямое пароходное сообщение с Южной Америкой. Его организация была возложена на «Доброфлот» — «чуть не правительственное учреждение, при официальном содействии самого правительства».¹³⁷

В Аргентину и Бразилию был послан В. И. Левицкий, посредничавший между «Доброфлотом» и рускими кофейными торговцами, затем в Южную Америку отправились уполномоченные

¹³⁵ Intercambio económico de la República, стр. 32.

¹³⁶ Инструкция правления «Доброфлота» Китаеву, 31 декабря 1911 г.: ЦИАЛ, ф. 98, оп. 1, д. 1456, лл. 19—20; Максимов — Тимашеву, 10/23 марта 1912 г.: там же, л. 58.

¹³⁷ Максимов — Сазонову, 12 марта 1912 г.: АВПР, ф. канц., 1912 г., д. 97, лл. 20—24.

«Доброфлота» — ген. В. Н. Китаев и Д. Д. Росс. Последний в мае 1911 г. представил комитету «Доброфлота» специальную записку под названием «Предварительные соображения о предполагаемой торговле России и близлежащих стран — Турции, Греции и Египта — с южноамериканскими республиками Бразилией, Аргентиной и Уругваем».¹³⁸ Росс исходил из того, что все страны и территории к Востоку от Триеста прямого сообщения с Южной Америкой не имеют и что поэтому существует возможность их попутного обслуживания предполагаемой русской линией. Вывоз из России в Южную Америку Росс считал «наименее привлекательной частью дела», так как русским товарам будет трудно конкурировать там с европейскими и американскими. Чтобы развить экспорт в Южную Америку русского железа, цемента, леса, керосина, нужны низкие фрахты. Росс предлагал Доброфлоту компенсировать их доходами от перевозки эмигрантов. Что же касается привоза из Южной Америки в Россию, то произведенные Россом расчеты имели целью показать, что в этом направлении линия «Доброфлота» будет иметь вполне достаточные грузы, причем даже в том случае, если «Доброфлот» установит фрахты ниже, чем на иностранных линиях, это будет все же достаточно прибыльно. Росс считал дело настолько реальным, что даже ставил вопрос о заказе новых судов для этой линии. Но ожидания Росса не оправдались. Иностранные пароходные монополии оказались в состоянии воспрепятствовать организации русской линии и с другого ее конца — южноамериканского, не допустив получения ею грузов для прямой транспортировки в Россию.

Приехав в Бразилию, Китаев и Росс обнаружили, что там «чрезвычайно сочувственно относятся к организации прямых пароходных рейсов между Россией и Бразилией». С этим связывали надежды на расширение сбыта кофе не только в России, но и странах, через которые новая линия должна была проходить — в Румынии, Турции, Египте и т. д. Расширение рынка было тем более необходимо для бразильских плантаторов, что правительство, регулируя цены на кофе, ограничивало развитие плантаций в зависимости от состояния рынка.¹³⁹ «Доброфлот», как организация почти что государственная, в представлении бразильских плантаторов был способен выдержать конкуренцию с мощным синдикатом иностранных пароходовладельцев, который монополизировал весь вывоз кофе и таким образом эксплуатировал важнейшую статью национального дохода Бразилии. «Отправители в Сантосе говорят, что настоящее их положение совершенно невы-

¹³⁸ ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 8, д. 1079, лл. 1—9.

¹³⁹ Китаев — Комитету «Доброфлота» 9 мая 1912 г.; там же, оп. 1, д. 1456, л. 100.

носимо и что они хотят иметь свою долю в торговле с Россией, — писал Китаев. — Бразильское правительство стало поощрять непосредственную продажу русским торговым домам больших грузов кофе».¹⁴⁰ В начале апреля представители «Доброфлота» были приняты бразильским министром иностранных дел Лауро-Мюллером, который, как и Магальянс в 1899 г., обнаружил ясное понимание выгоды для Бразилии непосредственной торговли с Россией. Он заявил, что ввиду отсутствия такой торговли обе страны «во многих случаях эксплуатируются в ущерб собственным выгодам иностранными капиталами и предприимчивостью».¹⁴¹ В результате переговоров с бразильскими министрами было заключено соглашение о перевозке «Доброфлотом» 6,5 тыс. эмигрантов, причем бразильское правительство уплачивало по 8 ф. ст. за провоз каждого.¹⁴² Все шло, казалось бы, хорошо. Представилась даже возможность конкурировать по ввозу в Бразилию хлеба и нефти с торговцами США («их не любят в Бразилии»)¹⁴³ К середине июля открытие линии «Доброфлота» было уже оформлено обменом нот между бразильским Министерством иностранных дел и русской миссией.¹⁴⁴ Но на практике «Доброфлот» сразу же столкнулся со значительными трудностями. Чтобы обеспечить прямые рейсы без перегрузки в иностранных портах, его представители стремились добиться заказов на кофе со стороны русских торговцев кооперативным объединениям бразильских производителей кофе, «стоящим вне монополизационных организаций и иностранных пароходных трестов».¹⁴⁵ Но в том-то и заключалась беда, что кофейные монополии, контролировавшие иностранным капиталом, и синдикат иностранных пароходных компаний были самым тесным образом связаны между собой, и, пользуясь этой связью, они оказывали серьезное противодействие линии «Доброфлота».¹⁴⁶ Достаточно было, например, письма пароходного синдиката в адрес одной из бразильских фирм с угрозой конфисковать рефакцию со всех ее отправок на судах синдиката, чтобы эта фирма отказалась от своей договоренности с «Доброфлотом» о ежемесячных поставках кофе в Россию.¹⁴⁷

¹⁴⁰ Там же, л. 141.

¹⁴¹ Максимов — товарищу министра иностранных дел Нератову 8/21 апреля 1912 г.: АВПР, ф. канц., 1912 г., д. 97, л. 32.

¹⁴² ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 1, д. 1456, л. 164.

¹⁴³ Ответ Китаева и Росса на вопросы правления «Доброфлота»: ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 3, д. 279, л. 7.

¹⁴⁴ Максимов — Нератову 20 июля/2 августа 1912 г.: АВПР, ф. канц., 1912 г., д. 97, л. 40.

¹⁴⁵ Максимов — Нератову 8/21 апреля 1912 г.: там же, лл. 33—34.

¹⁴⁶ Максимов — Нератову 20 июля/2 августа 1912 г.: там же, л. 40.

¹⁴⁷ Китаев — Комитету «Доброфлота» 9 мая 1912 г.: ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 1, д. 1456, л. 109.

Как отмечал Китаев, против синдиката могла помочь лишь поддержка бразильского правительства.¹⁴⁸ Об этом он и Максимов и просили Лауро-Мюллера, но тот ограничился принципиальным согласием, за которым ничего не последовало.¹⁴⁹

Положение усугублялось еще и тем, что начинание «Доброфлота» и противодействие ему со стороны иностранных компаний разворачивались на фоне нового «натиска Северо-Американских Штатов на южноамериканские республики в видах достижения, помимо политического главенства, все более и более выгодных и привилегированных условий в сравнении с другими иностранными государствами по ввозу своих товаров».¹⁵⁰

Натиск США в области внешней торговли был лишь одной из составных частей их наступления на экономику Южной Америки. Бразилия была главным объектом этого натиска, тем более, что бразильская дипломатия, во главе которой в течение 10 лет стоял Рио Бранко, не оказывала этому особого сопротивления, так как Рио Бранко продолжал наивно надеяться, что ему удастся при помощи США создать для Бразилии главенствующее положение в Южной Америке.¹⁵¹ Летом 1912 г. в Рио-де-Жанейро устремились многочисленные торговые и финансовые миссии США, в том числе целый комитет из американских кофеторговцев; избегая газетной огласки, прибыл финансовый советник Морган Шустер, за год до того подчинивший своему контролю финансы Ирана; велись разговоры об американских кредитах, консолидации бразильского долга и выкупе его Соединенными Штатами из европейских рук.¹⁵²

Одновременно США требовали от бразильского правительства все новых таможенных уступок. При мизерном объеме русской торговли с Бразилией фактическое открытие бразильских границ для товаров США не имело для нее сколько-нибудь существенного значения, но возможность ее развития этим фактически исключалась. Еще в апреле, когда представители европейских держав решили при дальнейшем натиске США по очереди сделать бразильскому правительству однотипные представления, Максимов решил промолчать, подчеркнув в письме в Петербург, что решение его продиктовано боязнью повредить организации паровозного сообщения. Но после обмена нот об открытии линии он все же затронул этот вопрос в беседе с Лауро-Мюллером. Ответ

¹⁴⁸ Там же, л. 80.

¹⁴⁹ Росс — Комитету «Доброфлота» 26 апреля 1912 г.: там же, л. 94.
¹⁵⁰ Максимов — Сазонову 5/18 апреля 1912 г., АВПР, ф. канц., 1912 г., д. 97, лл. 27—28.

¹⁵¹ Brazil. Ed. by L. F. Hill, стр. 336.

¹⁵² Максимов — Сазонову 24 июля/6 августа 1912 г.: АВПР, ф. канц., 1912 г., д. 97, л. 44.

бразильского министра в изложении Максимова гласил: «Что касается настоящего привилегированного торгового режима, коим пользуются в Бразилии Северо-Американские Штаты, то с ним приходится считаться как с свершившимся фактом. По поводу же дальнейших претензий означенных Штатов можно сказать, что нынешнее правительство, не отвечая на них решительно отказом, старается, тем не менее, насколько возможно, временно окончательным решением этого вопроса, не возбуждая, однако, недовольства североамериканцев». ¹⁵³ Рассчитывать в этих условиях на сколько-нибудь действительную поддержку со стороны бразильского правительства росту русско-бразильской торговли было невозможно. Одновременно с препятствиями, чинившимися организации русской линии в Южной Америке, иностранный капитал подрывал это дело и с русской стороны. Впрочем, внешне все здесь выглядело наоборот, но только внешне. Пока представители «Доброфлота» ездили в Южную Америку, интерес к этому делу проявила группа дельцов во главе с А. Г. Риком, учредившая под названием «Акционерное южнорусское пароходное общество» две новых прямых пароходных линии: Одесса—Лондон и Одесса—Южная Америка. Линию Одесса—Южная Америка предполагалось обслуживать семью товаро-пассажирскими пароходами грузоподъемностью по 7000 тонн, рассчитанными на перевозку 1500—2000 эмигрантов каждый, с отправлением от конечных пунктов раз в месяц. Маршрут из Одессы в Буэнос-Айрес предусматривал заходы в Константинополь, Пирей, Геную, Гибралтар, Сантос, Рио-де-Жанейро, Монтевидео. Эта же группа образовала особое коммерческое товарищество с отделениями и агентствами в портах захода судов общества как для исполнения различных поручений, так и для торговли за свой собственный счет. Причем, как сообщал Рик Совету съездов представителей промышленности и торговли, торговые операции обеспечены «первоклассным крупным банком, который охотно взял на себя финансирование покупок товаров». ¹⁵⁴

Речь шла, по-видимому, о довольно распространенном в практике русских банков приеме, при помощи которого они обычно обходили запрещение вести торговые операции за собственный счет. Прием этот состоял в создании с этой целью зависимых от банка обществ. То обстоятельство, что «первоклассный» банк **«охотно»** втягивался в международные торговые операции, связанные с южноамериканской торговлей, выглядело внушительно. К тому же и Левицкий в компании с одесским дельцом Т. Я. Штейном вместо хлопот об интересах «Доброфлота» вдруг

¹⁵³ Максимов — Нератову 20 июля/2 августа 1912 г.: там же, л. 42.

¹⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 594, лл. 108, 132—133.

решил организовать собственную линию в Южную Америку и обратился к Тимашеву с просьбой передать в его распоряжение для этой цели три судна, принадлежавших «Доброфлоту», с оплатой стоимости рейсов.¹⁵⁵ Но все это были подставные лица иностранного капитала, и действия их преследовали единственную цель — не допустить создания русской пароходной линии. Как выясняется из двух писем Главной конторы РОПиТ в Одессе правлению в Петербург — первого, конфиденциального, от 21 мая 1912 г. и второго от 5 января 1913 г. — за созданным Риком пароходством стоял отнюдь не первоклассный Одесский купеческий банк, состоявший в сговоре с одесским пароходовладельцем П. П. Региром, который, в свою очередь, учредил «Русское коммерческое пароходное общество». Регир, пользовавшийся якобы поддержкой министра торговли и промышленности, претендовал на заключение с правительством договора о субсидируемых рейсах Одесса—Лондон. Сразу же после заключения такого договора банк должен был сойти со сцены и целиком уступить свое место Регире. Разумеется, сговор этот тщательно обеими сторонами маскировался. «Говоря друг о друге в обществе, — указывалось в письме главной конторы РОПиТ, — Я. А. Бродский (Купеческий банк) и П. Регир подчеркивают натянутость своих отношений, но делается это исключительно с целью замаскировать внутреннюю между собою связь».¹⁵⁶ Но главное-то заключалось в том, что ни у кого из участников этого предприятия — ни у банка, ни у Регира, ни у Рика — не было никаких судов для осуществления этих рейсов. 16 пароходов, предназначенных для обслуживания этих линий, принадлежали «негласному представителю крупных германских капиталистов» Иебсену (по национальности, очевидно, датчанину) и плавали под немецким флагом. Как только Регире удалось бы заключить договор с правительством о субсидии, они, немедленно подняв русский флаг, открыли бы рейсы по этой линии, субсидируемые русским правительством. Таким образом, сообщение России с Южной Америкой, если бы оно было установлено, и в этом случае оказалось бы в иностранных руках. Замысел этот прикрывался объявлением от имени Одесского купеческого банка об открытии рейсов в Южную Америку, которое было составлено с использованием «национальных» мотивов: в нем подчеркивалась необходимость ликвидации «комиссионных и агентских расходов, составляющих заработок иностранных фирм».¹⁵⁷ Вероятнее всего, впрочем, что агентуру иностранных фирм интересовал не столько захват в свои

¹⁵⁵ ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 1, д. 1456, л. 29.

¹⁵⁶ ЦГИАЛ, ф. 107, оп. 1, д. 1930, л. 39.

¹⁵⁷ Там же, лл. 39—40.

руки новой линии, сколько вообще предотвращение ее организации с целью оградить себя от какой бы то ни было конкуренции с русской стороны, которая была особенно нежелательна при том, что рейсы по этой линии могли иметь правительственную субсидию. Цель эта была достигнута, и сообщение так и не было организовано. Перевозка эмигрантов, которая продолжала оставаться важнейшей и возрастающей частью транспортного оборота между Россией и Америкой (как Северной, так и Южной) по-прежнему находилась в руках Атлантического пуля. Получая значительные прибыли от их перевозки, Атлантический пуль мог безудбыточно снижать фрахты на транспортировку в обратном направлении — из США в Европу — американского хлеба. А эти пониженные фрахты наряду с монопольно высокими фрахтами на перевозку русского хлеба в Европу затрудняли ему конкуренцию с американским на европейских рынках. В сентябре 1912 г., представляя на рассмотрение Совета министров законопроект об эмиграции, Министерство торговли и промышленности должно было признать, что эмигранты по-прежнему переходят границу, увлекаемые агентами иностранных пароходств в их порты. «Та же причина, — говорилось в представлении, — ставит наши мореходные предприятия в зависимость от могущественного североатлантического треста,¹⁵⁸ который и диктует им свои условия. В переводе на фрахт современная постановка дела перевозки наших выходцев означает, что зарабатывая приблизительно около 1 млн руб., наши мореходные предприятия уступают тресту от 8 до 10 млн руб. ежегодно, а если в учет ввести и выходцев, возвращающихся на родину, то еще более того».¹⁵⁹ Как мы уже говорили, было решено предоставлять льготы тем эмигрантам, которые пожелают воспользоваться судами русских пароходств в качестве палубных пассажиров. Но продолжая свою политику поощрения иностранного капитала, МТиП оказалось от полного запрещения иностранным предприятиям перевозки палубных пассажиров. А Министерство финансов сочло даже, что иностранные предприятия вовсе нельзя лишать никаких привилегий и льгот, предоставляемых русским.¹⁶⁰ Так вопрос о «поощрении национального флага» и повис в воздухе после длительной шумихи в официальных кругах и в прессе. Не удивительно, что уже незадолго до первой мировой войны глава объединения немецких пароходных компаний, входивших в мировой пуль, по сообщению газеты «День», отзывался о все еще не принятом в России законопроекте

¹⁵⁸ Атлантический пуль в литературе тех лет часто неправильно называли трестом.

¹⁵⁹ ЦГИАЛ, ф. 95, оп. 7, д. 36, л. 13

¹⁶⁰ Там же, лл. 24, 131—136.

об эмиграции как не имеющем значения: русские пароходные компании все равно-де ничего сделать не смогут.¹⁶¹

Но борьба за пароходное сообщение между Россией и Южной Америкой не утихла. Теперь в нее включились и французские пароходчики-монополисты, желавшие использовать в своих интересах борьбу с германским засильем в России. Как сообщал в Петербург агент МТиП в Париже, в декабре 1913 г. французская пароходная монополия «Компани женераль трансатлантик» («Compagnie Générale Trans-Atlantique»), поддерживавшая сообщение между Гавром и Северной Америкой и Канадой, решила взять в свои руки и сообщение между Россией и Америкой. Она намеревалась в ближайшем будущем поглотить незадолго до того учрежденную «Компани зюдатлантик» («Compagnie Sud-Atlantique»), поддерживавшую рейсы из Франции в Аргентину и Бразилию. «Компани женераль» собиралась не только сосредоточить под своим контролем все пароходные сообщения между Францией и Америкой, но и распространить этот контроль на сообщении между Россией и Америкой. Шарль Ру, главный руководитель «Компани женераль» являлся одновременно председателем предпринимательской организации французских судовладельцев «Комите сентраль дез арматерс де Франс» («Comité Central des Armateurs de France»). Эта могущественная во Франции организация с ее влиянием на правительство и в парламенте была использована для поддержки притязаний «Компани женераль». Французское правительство изъявило готовность субсидировать французскую линию между Россией и Америкой, придавая этому в переговорах с Россией стратегическое антигерманское значение. На самом же деле, как считал агент МТиП, большую роль играли конкурентные соображения французских пароходчиков, желавших отбить у германских пароходных предприятий выгодную перевозку эмигрантов, а заодно и воспользоваться слабостью русских пароход-

¹⁶¹ День, 1914, 14 февраля. Между тем за эти годы предпосылки для торговых связей возрастали, особенно в Бразилии. Русские дипломатические представители сообщали, что вывоз из Бразилии какао находится в том же положении, что и вывоз кофе, т. е. захвачен немецкими фирмами, которые препятствуют «попытке эмансипации» русской торговли, что на севере Бразилии (до тех пор в России обращали внимание на юг Бразилии) существуют возможности получения в качестве грузов в Россию для предполагаемой линии — хлопка, каучука, табака и даже кофе (письма управляющего консульством в Рио-де-Жанейро Пташникову в Отдел торговли МТиП и в МИД от 30 июня/3 июля 1912 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 61, лл. 14—19). Кстати сказать, несколько русских инженеров принимали участие в некоторых правительственных изысканиях в малоисследованных районах страны, в Бразилии проявляли интерес к русской нефти, чтобы избавиться от зависимости от английского угля и т. д. (донесение управляющего русской миссией в Бразилии Штейна от 9/22 сентября 1912 г.: там же, лл. 21—26).

ных предприятий. Последнее обстоятельство, видимо, и послужило причиной того, что французская дипломатия возбудила этот вопрос перед русским правительством одновременно с «большими разговорами», которые происходили во французском правительстве «о деньгах для России» и о которых многозначительно упомянул товарищ морского министра Франции Ажам в беседе с русским торговым агентом. В марте 1914 г. французское посольство в России вручило специальную ноту по этому поводу Министерству иностранных дел. Вопрос ставился с французской стороны так, что русское правительство еще должно было оказать французским компаниям свое содействие. Уже во время войны, в мае—июне 1915 г., французское правительство вновь поставило этот вопрос применительно к послевоенному периоду.¹⁶² В Южную Америку была отправлена делегация сенатора Бодена, которая должна была выяснить вопрос о перенесении главного кофейного рынка в Европе из Гамбурга в Гавр. То же относилось и к другим статьям вывоза из Южной Америки. Как сообщал агент МТиП в Париже, в «заинтересованных французских кругах» думали «о занятии после войны места Германии по снабжению нас этими продуктами».¹⁶³

В планах воссоздания русского торгового флота, которые составлялись во время войны на послевоенный период, среди линий государственного значения предусматривалась и линия в Южную Америку. Уже при Временном правительстве в апреле 1917 г. совещание по мореплаванию и судостроению под председательством товарища министра торговли и промышленности Б. А. Бахметьева подтвердило это, но, естественно, что теперь уже ничего сделано не было.

Таким образом, неоднократные попытки русского правительства выйти из иностранной зависимости в вопросе о сообщении с южноамериканскими республиками потерпели неудачу, и это был один из ярких примеров того, как иностранный капитал отстаивал свои позиции в русской экономике, как колонизаторская политика империализма осуществляла подчинение международных торговых связей интересам монополистического капитала ведущих империалистических держав.

¹⁶² ЦГИАЛ, ф. 95, оп. 7, д. 615, лл. 3—13.

¹⁶³ Выписка из донесения агента МТиП во Франции от 17/30 июня 1915 г.: ЦГИАЛ, ф. 107, оп. 1, д. 1930, л. 68.

СООБЩЕНИЯ

А. И. БУКОВЕЦКИЙ

«СВОБОДНАЯ НАЛИЧНОСТЬ» И ЗОЛОТОЙ ЗАПАС ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

Между довоенным финансовым хозяйством царской России и финансовым строем западных капиталистических стран было много моментов сходства, но были и моменты своеобразного различия. Одним из отличительных моментов финансового строя последних лет царской России являлась так называемая «свободная наличность» Государственного казначейства.

В. И. Ленин, специально анализируя эту экономическую категорию, рассматривал ее как характерную особенность финансовой системы царской России. Фиктивный по существу характер пресловутой «свободной наличности», на которую царизм рассчитывал опереться в критические моменты и с помощью которой пытался, прибегая к различным бюджетным махинациям, прикрыть свою финансовую несостоятельность, наиболее убедительным образом доказывал шаткость финансовой базы самодержавия, созданной в результате эксплуатации народных масс страны.

Впервые в официальных документах вопрос о «свободной наличности» Государственного казначейства был поставлен министром финансов И. А. Вышнеградским в его докладе о проекте государственной росписи на 1888 г. Он доказывал необходимость иметь запасной фонд для военных надобностей, но практика Вышнеградского была в этом отношении сравнительно невелика. Выставив определенное пожелание, он не мог его провести в больших масштабах в жизнь.

«Свободная наличность» Государственного казначейства образовывалась четыре раза. Первая была создана Вышнеградским. Вторая была создана Витте в период от 1893 до 1900 г. Третья была снова накоплена им же к началу 1904 г. Четвертая была накоплена Коковцовым к 1914 г.

Кассовой наличностью в практике дореволюционной России называлась счетная величина, выводимая следующим образом: определялось наличие денежных средств в кассах государства, за границей и в пути к 1 января какого-либо года. Затем определя-

лась величина расходов Государственного казначейства, произведенных за счет третьих лиц и подлежащих обязательному возмещению. Две суммы складывались и из полученного итога производилось вычитание еще невыполненных расходов, подлежащих выполнению за счет этой кассовой наличности. Департамент государственного казначейства, составляя кассовый отчет Министерства финансов, производил установление размеров «свободной наличности» Государственного казначейства. Эти бухгалтерские приемы вывода «свободной наличности» давали возможность в некоторых случаях повышать ее размер путем довольно простых изменений в порядке бухгалтерских записей. Так, Витте, когда в 1899 г. «свободная наличность», в связи с проведением денежной реформы, в значительной доле уменьшилась, провел через Комитет финансов изменение порядка ассигнования средств на оплату купонов и облигаций по государственным займам, предъявленным в казначейства после обычного срока, и этим сразу же мог увеличить «свободную наличность» более чем на 42 млн руб.¹ Характерно, что в первые два года своего существования «свободная наличность», а по существу — ее фикция, создавалась с помощью пересчетов по курсу наличного запаса золота. Если считали золото по номинальной стоимости, то получался дефицит в 30 млн руб., а если тот же наличный запас золота, имевшийся в кассах Государственного казначейства, оценивали по курсу 1 руб. 50 коп., то получалась «свободная наличность» в размере 25 млн руб. Счетный характер «свободной наличности» был ясен для ближайших сотрудников Витте. Один из них, М. Н. Кошкарров, написавший по поручению Витте ряд работ в защиту его политики, в отношении цифр «свободной наличности» за период 1886—1892 гг. делает следующий вывод на основании изучения соответствующих материалов: «Помещавшиеся в отчетах цифры свободной наличности исчислялись за разные годы по различным (сметным) курсам, так что уже одно это вносило разницу в однородные цифры в двух последовательных отчетах и, вообще, делало цифры свободной наличности к разным срокам несравнимыми. Несравнимость эта еще более усиливалась вследствие изменений в приемах исчисления (точнее — их усовершенствования) и, наконец, главным образом, вследствие вкравшихся в исчисления отчетов за различные годы неточностей, исправленных только по отчетам последующих лет».²

¹ Отчет государственного контролера по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1889 г. Объяснительная записка. СПб., 1900, стр. 110—114.

² М. Кошкарров. Финансовые итоги последнего десятилетия (1892—1901 гг.), тт. 1—2. СПб., 1903.

В своих публичных выступлениях министры финансов стремились внушить широкой публике уверенность, что «свободная наличность» Государственного казначейства является совершенно свободными денежными средствами, которые могут быть когда угодно использованы на экстренные нужды. В действительности же «свободная наличность» прежде всего была лишь счетным сальдо дебета и кредита государственных касс и, в зависимости от фактического свойства «наличности», она могла вовсе не представлять свободно лежащих денег, которые можно было взять в любое время и истратить. «Свободная наличность» чаще всего была помещена на текущем счету Департамента государственного казначейства в Государственном банке, на таких же счетах у иностранных банкиров, как Департамента государственного казначейства, так и иностранного отделения кредитной канцелярии. В некоторых случаях «свободная наличность» была на текущих счетах русских банков и их иностранных отделений. Возможность внезапной мобилизации «свободной наличности», конечно, зависела от характера ее размещения. Источником ее образования в значительной мере были заключенные государственные займы, из которых некоторые полностью, а некоторые частично шли на пополнение «свободной наличности». Так, заем 1909 г., формально предназначенный на покрытие дефицита, фактически пошел на образование «свободной наличности». В 1909 г. предстояло погашение краткосрочного займа 1904 г., выпущенного в форме 5%-х обязательств Государственного казначейства. Для погашения займа 1904 г. было достаточно 300 млн руб. Коковцов заключил заем в размере 525 млн руб., т. е. увеличил долг государства на 225 млн руб., в предвидении дефицита по бюджету 1909 г. На деле никакого дефицита не оказалось, и сумма займа пошла на увеличение «свободной наличности». Помимо займов, В. И. Ленин в 1913 г. указал еще два основных источника «свободной наличности» — повышение цены на казенную водку и доходы от казенных железных дорог (если при этом не учитывать затрат на уплату процентов и погашения по облигациям железнодорожных займов). Анализируя объяснительную записку министра финансов к росписи на 1913 г., В. И. Ленин писал: «Не ясно ли, что наши крепостники-помещики — величайшие финансовые гении? Занять деньги, поднять цену на сивуху, „не считать“ процентов и погашения на затраченные (на «хозяйство») миллиарды — это ли не гениальность? Это ли не доказательство „прочности“ нашего бюджета?».³

³ В. И. Ленин. «Свободная наличность». Полн. собр. соч., т. 23. 5-е изд., стр. 27.

Министерство финансов в лице Витте и Коковцова, пытаясь ввести в заблуждение общественное мнение и держателей займов, постоянно доказывало, что «свободная наличность» образуется как бы сама по себе, что она самый надежный показатель роста народного хозяйства, что она отражает блестящее состояние царских финансов. «Свободная наличность» была тем «блестящим фасадом» русских финансов, на который Министерство финансов предлагало любоваться иностранным капиталистам. Особенно же важно было внушить всем, что «свободная наличность» образуется без всякого напряжения сил страны. «Свободная наличность» образовывалась в урожайные годы, в годы экономического подъема царской России, но также «свободная наличность» образовывалась и в неурожайные годы, в годы упадка экономической жизни царской России. Основная причина таких явлений была в том, что образование «свободной наличности», помимо всего прочего, зависело от предумышленного уменьшения размера ожидаемых поступлений. В течение двадцати пяти лет в Департаменте государственного казначейства этим делом заведовал один и тот же человек — Г. Д. Деметьев, обладавший большим опытом по части всевозможных бюджетных махинаций. Он занимал должность одного из начальников отделения департамента, но в его руках были все нити работы по бюджетам. Из года в год он проводил одну и ту же политику скрытия возможных к поступлению доходов для того, чтобы при выполнении бюджета, свести его с большими излишками и эти излишки отнести к «свободной наличности». О полученных избытках по бюджету сейчас же составлялась телеграмма С.-Петербургского телеграфного агентства, которая извещала все биржи Европы о якобы блестящем положении русских финансов, об увеличении «свободной наличности» Государственного казначейства. При рассмот-

Таблица 1

Обыкновенные доходы в млн руб.

Год	Предположено по проекту росписи	По утвержденной росписи	Фактические поступления	Избытки	
				против проекта росписи	против утвержденной росписи
1908	2318.8	2387.0	2417.8	99.0	30.8
1909	2476.9	2458.7	2526.3	49.4	67.6
1910	2535.8	2580.0	2781.0	245.2	201.0
1911	2669.5	2707.7	2951.8	282.3	244.1
1912	2855.1	2896.5	3104.9	249.8	208.4
1913	3169.1	3240.5	3417.1	248.0	176.6

рении проекта бюджета министр финансов не только Государственной думе, но и Совету министров доказывал, что он все предполагает израсходовать, что новых средств нет. Только очень небольшой круг лиц был посвящен Дементьевым в реальное положение бюджета, при выполнении которого оказывались излишки сотни миллионов, получившиеся от преуменьшения обыкновенных доходов.

Таблица 1 показывает данную практику по обыкновенным доходам.

В 1912 г. Коковцов поручил Дементьеву написать как бы оправдательную историю «свободной наличности». Дементьев выступил с большой статьей в «Вестнике финансов»,⁴ где он попытался дать сугубо официозную историю «свободной наличности».

Официозная история «свободной наличности», написанная Дементьевым, замалчивает все неприятные вопросы образования «свободной наличности». Все «тонкости» бухгалтерии Департамента государственного казначейства, жульнические приемы составления скрытых резервов при наличии публикации основных данных по бюджетам в этой официозной истории, разумеется, не рассказаны. Даже 40-миллионное повышение состава «свободной наличности» в 1899 г. не получило в этой официальной истории никакого отражения. Дементьев также прошел мимо известной полемики о точности приемов установления «свободной наличности», поднятой в 1901 г. вокруг статей известного тогда экономиста Л. Буха.⁵

*Размер «свободной наличности» Государственного казначейства,⁶
(в тыс. руб.)*

К 1 января 1909 г.	1	863 тыс. руб.		
» 1 » 1910 г.	107	409	»	»
» 1 » 1911 г.	333	025	»	»
» 1 » 1912 г.	473	444	»	»
» 1 » 1913 г.	433	284	»	»
» 1 » 1914 г.	514	214	»	»

Эта колоссальная сумма «свободной наличности», составленная в результате бухгалтерских трюков, позволяла царскому пра-

⁴ Г. Дементьев. Свободная наличность Государственного казначейства. Опыт исследования ее прохождения и употребления в связи с исполнением бюджетов за 1892—1911 гг. Вестник финансов, промышленности и торговли, СПб., 1912, № 9, Приложение.

⁵ Л. Бух. По поводу государственной отчетности. Народное хозяйство, кн. IV, СПб., 1901, стр. 101—111. Отклики на эту статью см.: там же, стр. 111—119.

⁶ Объяснительная записка к отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1913 г. Пгр., 1914.

вительству, в порядке исключительных бюджетных прав (96-й статьи «Основных законов» и 17-й статьи «Правил о рассмотрении росписи») проводить помимо законодательных учреждений любые военные мероприятия. Хотя военное значение «свободной наличности» официально отрицалось, но опыт русско-японской войны показал, что мобилизационные расходы войны возможно покрывать за счет «свободной наличности». В официальных документах предпочитали об этом не говорить, давая для всеобщего сведения такие туманные формулы, какой закончил свою историю «свободной наличности» Дементьев: «Овладение свободными средствами на черные дни гарантирует безостановочное проведение в жизнь предположенных мероприятий. Образовавшаяся в 1909—1911 гг. свободная наличность — это страховой фонд от всяких случайностей, обеспечивающий по крайней мере в ближайшие годы своевременное удовлетворение потребностей, без задержки в менее благоприятные для Государственного казначейства годы, и ограждающий до известной степени государство от необходимости дальнейшего увеличения своей задолженности в период спокойного течения его жизни».⁷ Первая «свободная наличность» была поглощена голодом 1891 г. В 1891 г. «свободная наличность» равнялась 219 млн руб., а на 1 января 1892 г. из нее уцелело только 35 млн, а по другому счету — только 25 млн руб.⁸ Вторая ушла на денежную реформу 1897 г. Третья была истрачена на покрытие расходов русско-японской войны. Четвертая была накоплена к началу первой мировой войны.

Уже в 1913 г. судьба ее была предрешена. На совещании 10 марта 1913 г. было решено направить средства «свободной наличности» на покрытие расходов, связанных с увеличением численного состава армии и на покрытие расходов, связанных с усилением обороны.⁹ Барк и Сухомлинов, проведя большую военную программу, полагали, что «свободная наличность», имевшаяся к 1 января 1914 г., в значительной своей доле пойдет на покрытие единовременных расходов большой военной программы 1914 г. Из некоторых строчек воспоминаний французского посла в России Палеолога видно, что Коковцов считал такое отступление от постоянных традиций русского Министерства финансов опасным. Это же вскрывает и полемическая фраза в заседании Государственной думы в речи Барка: «Позвольте

⁷ Вестник финансов, промышленности и торговли, 1912, № 9, Приложение, стр. 15.

⁸ Там же, стр. 2.

⁹ Об этом упоминается в отчете Коковцова царю о поездке за границу. 19 ноября 1913 г. (см.: Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг. М., 1922, стр. 617).

обратить ваше внимание на то, что происходило во время японской войны, когда у нас была свободная наличность, а не было боевой готовности. Я думаю, что лучше, чтобы была боевая готовность без наличности, чем наличность без боевой готовности».¹⁰

Вне сомнения, что всякое хозяйство должно иметь резервы. Но политика царского правительства была глубоко враждебна национальным интересам, так как резервы для покрытия будущих расходов по подготовке к войне и самой войны образовались путем отказа от удовлетворения самых насущных потребностей страны. Россия не имела достаточной сети железных дорог, население было безграмотно, производительные силы развивались медленно, в то время как в казначействе аккумулировались сотни миллионов рублей на подготовку империалистической войны и другие потребности царизма. Эти «свободные» средства в основной своей части в 1908—1913 гг. были помещены в заграничные валютные резервы («золото за границей»).

* *
*

Накопление золотого запаса в Государственном банке царской России имело три основные экономические задачи. Первая задача заключалась в создании фонда для международных платежей. Золото было необходимо как мировые деньги, без которых ни одна страна в эпоху капиталистического хозяйства, и в особенности в период монополистического капитализма, обойтись не может. Чем больше увеличивались экономические связи России с другими капиталистическими странами, чем больше рос внешний товарооборот, тем большее значение имело наличие золотого запаса в Государственном банке как фонда для международных платежей.

Вторая задача золотого запаса была в создании фонда для периодически расширяющегося и сокращающегося внутреннего металлического обращения. Опираясь на накопленный запас, правление Государственного банка проводило политику расширения количества золота в стране.

Третья задача золотого запаса заключалась в создании резерва для производства платежей по вкладам и др.

Неблагоприятное положение царской России по ее внешним платежам заставляло царское правительство усиленно заниматься стягиванием колоссальных по тому времени запасов золота в подвалы Государственного банка. Денежная реформа 1897 г., проведенная при неблагоприятном экономическом положении, при

¹⁰ Закрытое заседание Государственной думы 10 июня 1914 г., стр. 226.

совершенно недостаточных условиях для развития производительных сил страны, привела к тому, что для поддержания размена приходилось заключать ежегодно все новые и новые займы. Увеличение внешней задолженности страны приводило к увеличению ежегодных платежей по заграничным обязательствам и отсюда возникла тенденция к постоянному увеличению золотого запаса. К этим экономическим причинам, способствовавшим росту размеров золотого запаса, в довоенной России следует принять во внимание и еще одно существенное обстоятельство, уже выше отмеченное, а именно, что рост золотого запаса в известной мере определялся также и военными задачами царского правительства.

Военные специалисты царского правительства были воспитаны в воззрениях исключительной важности большой золотой наличности для решения военных задач.

Со времени появления в рядах преподавателей военных наук в России Г. А. Леера усиленно доказывалось в военных кругах преимущество наступательной стратегии и переноса военных действий на территорию неприятеля. Военные планы строились в этом же духе, но при защите идей переноса военных действий на территорию неприятеля русские военные писатели последней четверти XIX в. столкнулись с проблемой золота. •Переход к золотой валюте европейских государств обязывал царскую Россию считаться с тем обстоятельством, что мировыми деньгами является золото.

Командные круги русской армии получили в этом отношении весьма поучительный урок во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Когда русская армия перешла за Дунай, возник вопрос о продовольствии. Политическая ситуация не допускала применения каких-либо принудительных форм заготовок провианта и фуража в Румынии или Болгарии. Необходимо было организовать приобретение продуктов на добровольных началах. Падающая кредитная валюта была непригодна. Во время неудачных штурмов Плевны курс рубля резко упал и дошел почти до 21 коп. Правительство с трудом могло передать армии 50 000 руб. золотом и 20 000 серебром, затем уже было послано в армию еще 2 млн руб. золотом. Эти ничтожные суммы покрывали расходы только разведывательного отделения главного штаба главнокомандующего армии. Недостаток золота побудил интендантство армии, действовавшей в Европе, заключить пресловутый контракт с товариществом «Грегор, Горвиц и Коган», открыто грабившим государство.¹¹ Товарищество само добывало

¹¹ А. Поливанов. Очерк устройства продовольствования русской армии на Придунайском театре в компании 1853—54 и 1877 гг. СПб., 1894, стр. 196—197, 206—211; Сборник материалов по русско-турецкой войне

золото и на это золото покупало продовольствие для армий, а с царским правительством рассчитывалось в Одессе, получая от интенданства кредитные билеты. Прибыль товарищества была столь велика, что она покрывала с излишком все их курсовые потери.

Царское правительство во время войны 1877—1878 гг. столкнулось также с вопросом получения военного снаряжения из-за границы, которое нужно было оплачивать только золотом, а запас золота в кассах Государственного казначейства был недостаточен даже для покрытия очередных платежей по займам. Прекращение экспорта хлеба из черноморских портов во время войны 1877—1878 гг. сокращало приток новой золотой валюты в Россию.

Еще большее военное значение приобрела золотая валюта в конце XIX в., когда царское правительство стало стремиться создать большой морской военный флот. Постройка кораблей производилась за границей.

Военные писатели А. Гулевич,¹² Ф. Макшеев¹³ и будущий помощник военного министра во время подготовки к мировой войне, а затем и военный министр во время войны (1915—1916) А. А. Поливанов¹⁴ настойчиво проводили мысль об обязательности накопления золотого запаса, как одного из условий финансирования будущей войны.

Русско-японская война еще больше укрепила в этом отношении позиции военных кругов. Нельзя привести другого примера в русской военной истории, когда бы во время войны приходилось так много производить расходов за пределами государства, как во время русско-японской войны. Снабжение продовольствием блокированного Порт-Артура шло при помощи закупок в Китае. Для армии делались заказы во Франции и Германии. Громадное количество средств было потрачено для организации снабжения русских эскадр, шедших из Балтийского моря в Тихий океан.

В момент организации Государственного банка в 1861 г. золотой запас равнялся 81 тыс. руб. К середине 70-х годов Государственный банк имел в своих кладовых и на счетах своих заграничных корреспондентов 310 млн руб. золота. Во время русско-турецкой войны почти половина золотого запаса была

1877—78 гг. на Балканском полуострове, вып. 11; Письма и телеграммы начальника штаба Непокойчицкого, №№ 40, 41, 55. СПб., 1898, стр. 112—116, 137, 138; А. Пузыревский. Десять лет назад. Война 1877—1878. СПб., 1887, Примечания и приложения, стр. 34—35.

¹² А. А. Гулевич. Война и народное хозяйство. СПб., 1898, стр. 89—91.

¹³ Ф. Макшеев. Финансовая подготовка к войне. Военный сборник, 1902, № 5, стр. 151—152, 159—165.

¹⁴ А. Поливанов, ук. соч., стр. 196—197, 206—208 и 211.

растрачена. Пришлось устанавливать взимание таможенных налогов в иностранной золотой валюте, чтобы этим увеличить золотые резервы государства. Установление золотых таможенных налогов во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. было первым крупным шагом по пути протекционизма в России.

Через десять лет запас золота достиг 381 млн руб. Витте и Вышнеградскому путем заключения займов удалось собрать в распоряжение Государственного банка к 1897 г. 1095 млн руб.

Перед русско-японской войной значительная доля накопленных запасов, как уже говорилось выше, была пущена в обращение через кассы Государственного банка. В 1902 г. в банке был запас в 1709 млн руб. золотом.

Во время русско-японской войны основной задачей банка было стягивание золота в свои кассы.

С 1908 г. идет неуклонное нарастание запасов золота в кладовых банка.

Запасы, находившиеся в непосредственном распоряжении Государственного банка, возросли в период 1909—1914 гг. на сумму около полумиллиарда рублей (табл. 5). Ни один из центральных эмиссионных банков европейских стран в этот период не сосредоточивал в своих подвалах такого большого количества золота. При проверке отчета Государственного банка за 1913 г. делегация Совета Государственного банка отметила в своем отчете, что «особого внимания заслуживает упорядочение хранения золотого запаса. Для всех золотых слитков заведена особая нумерация и регистрация и вычислена стоимость каждого слитка (41 500 штук). Засим, русская и иностранная монета, принимаемая по весу (12 409 мешков), рассортирована и взвешена, а также определена стоимость каждого мешка».¹⁵

Кроме золотого запаса, хранившегося в кладовых Государственного банка, у Государственного банка были большие суммы за границей на счетах его корреспондентов.

Этот запас за границей входил в состав обеспечения выпущенных кредитных билетов.

Суммы Государственного банка за границей (в млн руб.)

На 1 января 1908 г.	224.1
» » » 1909 »	139.0
» » » 1910 »	234.5
» » » 1911 »	217.3
» » » 1912 »	176.2
» » » 1913 »	226.2
» » » 1914 »	167.7
На 16 июля 1914 »	141.0

¹⁵ Комиссия (делегация) Совета Государственного банка по проверке отчета за 1913 г. СПб., 1914, стр. 1—2.

Но, кроме того, царское правительство за границу располагало еще двумя валютными фондами. Оба эти валютные фонда были в управлении Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов. Первый из них был в непосредственном управлении Иностранного отделения Кредитной канцелярии и считался на его счетах у иностранных банкиров, а другой также считался на счетах у иностранных банкиров (табл. 2 и 3), но был в распоряжении Кредитной канцелярии.

Т а б л и ц а 2

По счету сумм, состоящих в распоряжении Иностранного отделения при Особенной канцелярии по кредитной части за 1909—1913 гг. (в млн руб) ¹⁶

Год	1 января было	Поступило за год	Итого	Расход за год	Осталось на 1 января след. года
1909	121241	409335	530576	408371	122205
1910	122205	736808	859013	769988	89025
1911	89025	741658	830683	712801	117882
1912	117882	559767	677649	612709	64940
1913	64940	738878	803818	726010	77808
1914	77808				

Таблицы 2 и 3, составленные на основании отчетов Государственного контроля за соответствующие годы, показывают, какие большие обороты валютой были у Кредитной канцелярии и у ее иностранного отделения и как последовательно по обоим фондам шла скупка валюты. Эти валютные фонды дополняли валютный фонд Государственного банка.

Все эти операции Кредитная канцелярия производила, опираясь на очень небольшой штат, что обеспечивало секретность их проведения. Сделки по покупке и продаже валюты шли при помощи иностранных корреспондентов Кредитной канцелярии. Вне всяких сомнений, что наличие таких больших валютных резервов предотвращало спекуляцию русской валютой. Спекулянты понимали, что в любой момент Кредитная канцелярия, опираясь на свои два фонда, может разгромить любое соединение спекулянтов, вздумавшее играть на русской валюте.

Таким образом, внутренние запасы золота, хранившиеся в кладовых Государственного банка, и валютные резервы, имев-

¹⁶ Приложения к отчетам Государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1908—1913 гг. Петербург-Петроград, 1909—1914, таблица «Перечень прихода, расхода и остатка сумм Государственного казначейства».

Таблица 3

*По счету сумм, состоящих в распоряжении Особенной канцелярии
по кредитной части у банкиров за границей
за 1909—1913 гг. (в млн руб.)¹⁷*

Год	1 января было	Поступило за год	Итого	Расход за год	Остаток на 1 января след. года
1909	45097	923048	968145	773012	195133
1910	195133	706472	901605	578974	322631
1911	332631	991711	1314342	980591	333751
1912	333751	757496	1091247	748187	343060
1913	343060	547190	890250	499679	390571
1914	390571				

шиеся за границей, дают общий размер накопления золотых резервов в распоряжении царского правительства накануне первой мировой войны (табл. 4).

Внутренние запасы золота и заграничные валютные резервы были к 1 января 1914 г. доведены до 2163 млн руб. Чтобы представить значение этой суммы, следует сопоставить ее с запасами золота в трех самых больших европейских банках: Английский банк по балансу на 2 января 1914 г. имел золота 368.5 млн руб.; Германский банк по балансу на 27 декабря 1914 г. имел золота 557.4 млн руб.; Французский банк имел золота 1309.6 млн руб.

Золотые и валютные запасы Государственного банка в последние годы перед первой империалистической войной были увеличены при помощи разных приемов. Во-первых, скупалось целиком

Таблица 4

*Внутренние запасы золота и валютные
заграничные запасы России
1909—1913 гг. (в млн руб.)*

Год (на 1 января)	Золото в Государствен- ном банке	Валютные запасы за грани- цей	Всего
1909	1081.0	305.3	1386.3
1910	1173.6	551.8	1725.4
1911	1231.6	638.9	1870.5
1912	1260.1	627.7	1887.8
1913	1328.0	634.1	1962.1
1914	1527.8	635.3	2163.1

¹⁷ Там же.

золото, добытое внутри страны, во-вторых, выпускались кредитные билеты, этим путем извлекались золотые монеты из обращения и, в-третьих, скупалось золото на лондонском рынке. Буржуазные публицисты обычно в этом большом запасе золота и валюты видели величайшее достижение финансовой политики Кокковцова. В большинстве случаев они сознательно стирали разницу между реальным золотом, лежащим в кладовых Государственного банка, и валютными заграничными резервами, называя валютные резервы золотом за границей. Вне всякого сомнения, между реальными запасами золота на Садовой улице в Петербурге, где было здание Государственного банка, и валютными резервами была большая дистанция. Деньги, лежавшие за границей и лишь юридически принадлежавшие царскому правительству, оно не могло получить в свои руки. Заграничные банкиры не могли перевести сразу такие большие суммы, какие им доверило русское правительство. Да и правительство не могло потребовать от банкиров деньги, помещенные у них Кредитной канцелярией и Иностранным ее отделением. В большинстве случаев эти вклады на счетах у банкиров были результатом выполнения разного рода дополнительных условий по займам, проводимым русским правительством за границей. Например, банкиры участвовали в подписке на железнодорожный заем. Вырученная валюта переступалась железнодорожными обществами Кредитной канцелярии, которая уплачивала в Петербурге за проданную ей валюту кредитными билетами, а чаще соответствующими перечислениями на текущий счет железнодорожного общества в Петербурге. Валютная же выручка оставалась у банкиров в форме вклада Кредитной канцелярии, причем Кредитная канцелярия обязывалась перед банкирами, что она в течение определенного срока не возьмет денег, зачисленных на ее счет. Для сумм свыше миллиона рублей требовалась предварительная месячная или трехмесячная заявка о намерении снять такую-то сумму. Банкир, получив деньги такого солидного и спокойного вкладчика, свободно мог ими оперировать. Часть валютного фонда была размещена в иностранных отделениях русских банков за границей. Благоклонность Кредитной канцелярии к тому или другому русскому банку выражалась в передаче его иностранным отделениям части валютных запасов.

За год до начала войны в буржуазной прессе была поднята большая дискуссия по вопросу — нужны ли валютные запасы за границей, а если они нужны, то в каком размере? Промышленные круги усиленно критиковали правительственную практику образования больших заграничных валютных запасов. Министерство финансов считало для себя абсолютно невозможным в какой-либо мере уступить в этом вопросе промышленным кругам.

Оно усиленно доказывало, что особенности русских экономических отношений с заграницей обязывают правительство иметь большой валютный резерв.¹⁸

Вне всякого сомнения, золотой запас в кладовых Государственного банка и валютные резервы за границей были необходимы в силу того обстоятельства, что царская Россия была самым большим должником в мире.

Накопление золотых резервов могло идти только в порядке дальнейшего обременения страны новыми займами, т. е. в порядке проведения так называемой «активно-заемной» политики.

Успешность накопления золотых резервов в период 1909—1914 гг. была обеспечена следующими обстоятельствами: во-первых, урожаями 1909 и 1910 гг., а во-вторых, последовательно проводимыми кредитными операциями, валютная выручка от которых шла на пополнение валютных фондов и позволяла неуклонно увеличивать их размер, несмотря на производимые за счет заграничных валютных фондов расходы. Следует при этом иметь в виду, что все гарантированные правительством займы, все займы городов и большая часть займов промышленных предприятий были под контролем Кредитной канцелярии, которая всегда ставила условие, по которому вырученная по кредитной операции валюта обязательно передавалась в ее распоряжение для образования валютных запасов.

Распределение валютных запасов царского правительства по странам в 1913—1914 гг. (в млн руб.)

	23 мая 1913 г.	1 января 1914 г.
Франция	328.0	431
Англия	61.0	103
Германия	129.7	46
Прочие страны	19.1	14
	537.8 ¹⁹	594 ²⁰

¹⁸ Русский финансист. Русский золотой запас за границей. По поводу статей г-на «Ч», помещенных в газете «Новое время» и изданных отдельной брошюрой. СПб., 1913; Министерство финансов. Особенная канцелярия по кредитной части. К вопросу о «Русском золотом запасе за границей». СПб., 1914; Русский финансист. Еще о золотом запасе за границей. СПб., 1913; П. П. Мигулин. Русское «золото» за границей. Новый экономист, 1913, № 16—17; Государственная дума IV созыва. Бюджетная комиссия. Стенографический отчет заседания Бюджетной комиссии 2-го апреля 1913 г. Речь министра финансов Коковцова. Еще к вопросу о золотой наличности за границей. Новый экономист, 1913, № 23.

¹⁹ Русский финансист. Русский золотой запас за границей. По поводу статей г-на «Ч», помещенных в газете «Новое время», стр. 12.

²⁰ Министерство финансов. Особенная канцелярия по Кредитной части. К вопросу о «Русском золотом запасе за границей», стр. 105

Накопить золотые запасы царское правительство могло только в порядке постоянного увеличения кредитной задолженности страны. Характеризуя «хитрую механику финансовых проделок гг. Витте, Коковцова и компании», В. И. Ленин в своей работе «Европейский капитал и самодержавие» писал: «Они хозяйничают вечно в убыток. Они вывертываются только входя глубже и глубже в долги. При этом выручка от займов помещается, на время от одного займа до другого, в государственное казначейство, и на „золотой запас“ с торжеством указывают, как на „свободную наличность“. Золото, полученное займы, показывается всем и каждому как доказательство богатства и платежеспособности России!... Хитро, не правда ли? Наметить себе жертву для обмана, занять у нее деньги. Затем эти же деньги показывать ей же, как доказательство богатства, и добывать от нее же новые займы!». ²¹ В той же работе В. И. Ленин дал оценку всех результатов политики царизма в области образования золотого запаса внутри страны и за границей. «Этот запас есть в сущности чужие, занятые и ничем не обеспеченные деньги, — писал В. И. Ленин, — которые несколько не говорят о богатстве России». ²²

Политика усиленного накопления золотого запаса накладывала отпечаток на все финансовое хозяйство царской России, в том числе и на расчетный баланс страны.

Несмотря на то что торговый баланс России в последние три предвоенные года был активным, ее платежный баланс оставался резко отрицательным. Это в основном объяснялось тремя статьями: расходами по уплате процентов по внешней задолженности, по выплате дивидендов, а также расходами русских путешественников и эмигрантов. Эти платежи с избытком перекрывали активное сальдо торгового баланса, и Россия была вынуждена для покрытия отрицательного сальдо платежного баланса каждый раз прибегать к внешним займам, чтобы не вывозить золота из страны.

Таблица 5 расчетного баланса России за 1911—1913 гг. показывает, что, несмотря на напряженную борьбу Кредитной канцелярии за валютные резервы, ей удалось только поддержать положение, созданное благоприятными урожаями 1909 и 1910 гг. Состояние платежного баланса, несмотря на рост внешней задолженности, было таково, что нельзя было и думать о ввозе в Россию золота из-за границы. Только в 1913 г., при наличии крайне неблагоприятного состояния расчетного баланса, давшего пассивное сальдо в пользу иностранных государств в размере

²¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, 5-е изд., стр. 375.

²² Там же, стр. 376.

Таблица 5

Расчетный баланс России 1911—1913 гг. (в млн руб.)

Статьи баланса	1911 г.	1912 г.	1913 г.
А. Расходная часть расчетного баланса			
Расход по привозу товаров	1161.7	1171.8	1374.0
Расход по привозу серебра	13.3	18.4	17.7
Расход по уплате процентов по внешней задолженности	245.9	245.4	256.5
Расходы по уплате текущей краткосрочной задолженности	29.0	25.9	25.5
По уплате дивидендов	65.6	83.1	106.6
Расходы русских путешественников и эмигрантов	228.8	235.7	250.7
Расходы русских страховых обществ за границей	8.7	8.7	9.1
Правительственные расходы за границей	13.7	14.9	17.2
Итого	1766.7	1803.9	2057.3
Б. Приходная часть расчетного баланса			
Приход по вывозу товаров за границу	1591.4	1518.8	1520.1
Приход от процентов по суммам, находящимся у заграничных банкиров	17.1	20.4	26.8
Переводы от эмигрантов	65.0	71.5	78.7
Доходы русских страховых обществ	0.3	0.1	0.3
Военное вознаграждение, уплачиваемое Китаем	7.9	2.7	15.9
Итого	1681.7	1613.5	1641.8
Сальдо расчетного баланса	—85	—190.4	—415.5
В. Баланс движения капиталов			
Долгосрочные кредитные операции	76.3	329.7	229.0
Приток иностранных капиталов в предприятия	202.7	228.6	259.5
Итого	279.0	558.3	488.5
Увеличение краткосрочной задолженности	—	—	25.0
Итого	279.0	558.3	513.5

Таблица 5 (продолжение)

Статьи баланса	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Погашение старых долгосрочных займов и покупка русских процентных бумаг за границей	213.2	371.5	75.0
Увеличение заграничной задолженности . .	279 —	558.3 —	513.5 —
	— 213.2 =	— 371.5 =	— 75.0 =
Вывоз золота из России	= 65.8	= 186.8	= 438.5
	85 — 65.8 =	190.6 —	[— 438.5] —
	= 19.2	— 186.8 =	— 415 =
		= 3.8	= [— 23]
Ввоз золота в Россию	—	—	23

415.5 млн руб. благодаря огромному росту внешней задолженности, удалось ввезти золото из-за границы на 23.1 млн руб.

Перед войной 1914 г. запасы Государственного банка росли за счет скупки золота, добываемого внутри страны. Внешние займы. 1911—1913 гг. были системой защиты накопленного золотого запаса.

Конечно, можно было увеличить запасы золота в стране передвижением валютных резервов, хранившихся у различных банкиров за границей и принадлежавших Государственному банку, Иностранному отделению Кредитной канцелярии и Кредитной канцелярии, но Министерство финансов не могло, а еще больше не хотело этого сделать.

Как выше было сказано, оно было связано договорами с банками и банкирами, участвовавшими в подписках на русские займы. Валютные резервы были необходимы для выравнивания курсов русской валюты. Министерство финансов имело в этом отношении поддержку Комитета финансов, который неоднократно высказывался за необходимость иметь за границей валютные резервы, достаточные для оплаты процентов по обязательствам казначейства по крайней мере в течение двух лет без новых займов, в случаях полного отсутствия поступления новой валюты. Комитет финансов на заседании 1 марта 1913 г., ссылаясь на тревожное политическое положение, принял решение о том, что «впредь до изменения существующих условий, Министерство финансов должно, по мере возможности, продолжать покупку иностранных виз максимальной суммы без ограничения и вместе с тем беспрепятственно удовлетворять весь спрос на валюту. Напротив, по восстановлении нормального положения международной политики и усиления нашего экспорта, размер иностранной наличности Министерства финансов должен быть ограничен суммою около

700 млн руб. с тем, чтобы сверх таковой суммы покупки валюты производились лишь при условии одновременной доставки из-за границы золота для Государственного банка».²³

Чем ближе подходило роковое время начала первой империалистической войны, тем больший интерес в политических кругах был к золотому запасу и, в особенности, к его валютной части, хранившейся за границей. Неоднократно высказывались опасения, что в случае начала войны валютные резервы русского правительства будут неприятелем конфискованы. В газетах часто вспоминали, что после русско-японской войны в 1909 г. мелкий немецкий спекулянт Хельфельд сумел почти арестовать суммы русского правительства, хранившиеся в Берлине у Мендельсона. Министерство финансов успокаивало всех своими ссылками на нормы международного права, на заключение различных юридических авторитетов. В частности, Коковцов в апреле 1913 г. уверял бюджетную комиссию Государственной думы в полной безопасности валютных резервов, находящихся в Германии и вообще за границей. Но все же в 1913 г. значительная доля валютного резерва была снята со счетов германских корреспондентов и перемещена во Францию и Англию. Это перемещение валютных резервов из Германии во Францию и Англию было, конечно, одной из мер подготовки валютных фондов к предстоящей мировой войне. Доверяли Франции и Англии и опасались Германии. Поэтому у германских корреспондентов сняли 83 млн руб. и переместили в Англию и Францию. Французским же банкам отдали не только валюту, отобранную от немецких банков, но и всю новую валюту, закупленную в 1913 г. Парижские банки, имея у себя на 1 января 1914 г. 431 млн руб. русских денег, конечно, не думали об их возврате и не могли их быстро мобилизовать и вернуть Кредитной канцелярии. Ведь 431 млн руб. по паритету равнялись 1147 млн фр., т. е. если бы царское правительство потребовало возврата этого запаса золота в натуре, то пришлось бы Франции отдать почти третью часть золотого запаса Французского банка, который на 1 января 1914 г. равнялся всего только 3.5 миллиардам франков.²⁴

²³ Государственная дума IV созыва. Бюджетная комиссия. Стенографический отчет заседания бюджетной комиссии 2-го апреля 1913 г. Речь министра финансов Коковцова.

²⁴ Министерство финансов. Особенная канцелярия по Кредитной части. К вопросу о «Русском золотом запасе за границей», стр. 97—107.

Ю. Б. СОЛОВЬЕВ

**ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНК
И ФРАНЦУЗСКИЙ ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ В ГОДЫ
ПЕРВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПОДЪЕМА В РОССИИ
(ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «ГЕНЕРАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В РОССИИ»)**

В годы первого промышленного подъема в Россию устремились многомиллионные французские капиталы. Это не было стихийным процессом. С первыми признаками начавшегося подъема на авансцену выдвигаются такие столпы французского финансового мира, как Парижско-Нидерландский банк, Сосьете жeneralь, Национальная учетная контора и идущий рядом с ними Парижский международный банк. Последние два банка вместе с Ротшильдами вообще были пионерами французской капиталистической экспансии в России. В той или иной мере все эти банки участвуют в наиболее шумевших в годы подъема учредительствах. Возглавляя идущий в Россию из Франции капитал, эти банки — и в этом состоит отличительная черта их образа действий — стремятся установить тесный контакт с русскими банками и вообще финансовыми кругами, что им без труда и удается сделать. Совместная организация французским и русским финансовым капиталом промышленных дел или участие на основе взаимности в учреждаемых предприятиях становятся весьма частым явлением. Более того, на основе этих общих действий происходит образование устойчивых по своему составу франкорусских банковских группировок. Участники одной из них были Сосьете жeneralь и его партнеры с русской стороны — Русский торгово-промышленный, Петербургско-Азовский и Частный коммерческий банки. Спорадически с Сосьете жeneralь сотрудничал Учетно-ссудный банк, входивший, однако, во вторую группировку в составе Парижско-Нидерландского, Парижского международного и Петербургского международных банков.

Установление общности интересов банков создавало естественную предпосылку для образования монополии и ее организацион-

ного оформления, и с начала промышленного подъема делается ряд попыток такого рода.

В октябре 1896 г. в Париже учреждается «Генеральное общество для развития промышленности в России» («Société Générale pour l'Industrie en Russie»)¹. Его основателями были Петербургский международный банк, Парижский международный банк и Парижско-Нидерландский банк. Включая к тому же Национальную учетную контору и почти всю Haute Banque² в лице Готтингеров, Малле, Нефлиза, Верне, Гейне, Гудшо, Эфрусси, Бетмана, общество явилось объединением наиболее могущественных сил французского финансового мира. С русской стороны участниками объединения были, кроме Петербургского международного банка, Русский для внешней торговли банк и Московский торговый банк.

Почти следом же — в феврале 1897 г. — в Брюсселе под названием «Генеральное общество горной и металлургической промышленности в России» или «Русский Омниум» возникает другое банковское объединение, возглавляемое Сосьете женераль. В сущности, кроме Сосьете женераль, в «Омниуме» не было других представителей финансово-капиталистической верхушки Франции. Фирма «Бр. Дрейфус» в Париже, банкиры Гринбаум, Морис Понс из Лиона, бельгийская банкирская фирма «Филиппсон, Кассель и К^о» и брюссельский банкир И. Аллар, а также ряд других бельгийских, голландских и австрийских участников были, конечно, ему неровня. В числе русских участников общества значились такие известные грюндерские институты как Учетно-ссудный банк, Русский торгово-промышленный³ и Петербургско-Азовский банки. Наконец, в апреле 1898 г. в Брюсселе создается Сосьете Финансьер рюс (Société financière

¹ В дальнейшем оно будет обозначаться в статье как «Генеральное общество».

² Парижская Haute Banque (в финансово-экономической литературе термин не переводится) занимала видное место во французской финансово-капиталистической системе. В Haute Banque входили старинные банкирские фирмы Ротшильдов, Готтингеров, Малле, Верне, Нефлиза, Кинен, Гейне, Гудшо, Эфрусси, Демаши и Селльер и некоторые другие. Вместе с наиболее сильными акционерными банками, депозитными и деловыми, Haute Banque составляла французскую финансовую верхушку (Haute Finance).

³ Е. Л. Грановский в книге «Монополистический капитализм в России» ([Л.], изд. «Прибой», 1929), упоминая об учреждении «Омниума», ошибочно называет вместо Русского торгово-промышленного Русский для внешней торговли банк, приняв указавного в «Торгово-промышленной газете» А. Рафаловича за Артемия Федоровича Рафаловича — члена правления Русского для внешней торговли банка. На самом деле это был Александр Федорович Рафалович — один из заправил Русского торгово-промышленного банка, как, впрочем, и отмечено в той же «Торгово-промышленной

russe), в котором объединились грюндеры хотя и несколько меньшего калибра, но своей активностью и предприимчивостью превзошедшие иные крупные банки. Имена таких его участников, как Гектор Легрю, Эмиль Готэ, Фелисьен Маес, К. Скальковский, С. Михайловский и Н. Нечаев — учредителей, членов правлений и участников многочисленных обществ — были в ту пору широко известны в промышленных и финансовых кругах России, Франции и Бельгии.

Важность изучения организации и деятельности этих финансовых обществ не нуждается в доказательствах. Приходится, однако, отметить, что их история остается пока что совершенно не освещенной ни в нашей, ни в зарубежной исторической литературе. У Е. Л. Грановского имеется лишь упоминание об «Омниуме» и «Генеральном обществе». Автор весьма высоко оценивает их значение, считая, что «в этих объединениях монополистическая форма получила законченное выражение», но на конкретном материале это положение не раскрывается. Вышедшая в свет с тех пор историческая литература не прибавила ничего нового к сообщенным Грановским сведениям, не исправила даже допущенных им фактических неточностей. Отчасти это, очевидно, объясняется тем, что историю этих банковских объединений можно было бы воссоздать по банковским же архивам. Но практически за это время сохранились в более или менее удовлетворительном состоянии архивы одного лишь Петербургского международного банка. Поэтому историю «Омниума», в котором Международный банк не участвовал, вряд ли вообще возможно восстановить. Лучше обстоит дело с «Генеральным обществом». Материалы, связанные с его организацией и деятельностью, представлены в архиве банка довольно полно, хотя в них и есть очень существенный пробел. Если корреспонденция французских партнеров банка, посвященная «Генеральному обществу», сохранилась хорошо, то относящиеся к этому предмету письма Ротштейна и Коха, вернее их отпуски, исчезли, и потому о позиции и планах Международного банка мы можем судить лишь по тому косвенному отражению, какое они получали в письмах, приходивших из Франции. В целом сохранившиеся документы позволяют углубить наше представление об экспансии в России французского капитала, о применявшихся им методах, о характере отношений русских и французских банков, а это, в свою очередь, ведет к лучшему пониманию процесса формирования русского монополистического капитала.

газете» (1897, 13 февраля, стр. 4). Неверно указывается также место учреждения общества — то был не Париж, а Брюссель (см.: Торгово-промышленная газета, 1897, 11 февраля, стр. 3).

Еще в 1894 г. у главы фирмы «Н. И. и С. Бардак», входившей в руководящую группировку французской кулисы, Ноэля Бардака явилась мысль заняться введением на парижский денежный рынок акций русских промышленных предприятий. Одновременно Бардак через своего представителя Ж. Спицера пробует заинтересовать ею Ротштейна. Бардак считал также, что в обществе должны будут принять участие и «все здешние (т. е. парижские, — Ю. С.) крупнейшие банкиры и кредитные институты».⁴

Весь этот план вызвал у Ротштейна исключительный интерес. Он сообщал Ж. Спицеру, что замысел парижских финансистов будет представлять интерес и для Витте.⁵ В результате имевших место переговоров решено было приобретать акции вызвавших интерес предприятий вместо того, чтобы прямо обращать их в собственность общества или же санировать их на этой же основе. Парижские участники — и в этом они видели свою главную задачу — должны были затем реализовать приобретенные пакеты в Париже и «открыть здесь рынок русским ценностям».⁶

Стремясь заинтересовать широкие финансовые круги Франции новым обществом, которое будет заниматься не отдельными предприятиями в России, а всей русской промышленностью в целом, инициативная группа считала, по-видимому, желательным, чтобы и в России в деятельности общества принимало участие по меньшей мере несколько банков. 13 апреля 1895 г. Ж. Спицер сообщал Ротштейну, что за несколько дней перед этим в Париже были начаты переговоры с одним из руководителей Петербургского учетного и ссудного банка Петрококино. Его согласие войти в состав правления можно было считать первым их результатом. К концу апреля все необходимое для образования общества было уже сделано и не ясно было только, кто его возглавит. Как единодушное желание французской стороны Ротштейну передавалось предложение взять на себя председательство или по крайней мере стать хотя бы вице-председателем.⁷ Все французские кандидатуры в правление были уже подобраны.⁸ Однако в самый последний момент уже казалось бы вполне налаженное дело дало осечку.

⁴ Ж. Спицер — А. Ю. Ротштейну 2/14 января 1895 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 129, л. 9 об.; тот же — тому же 16/28 января 1895 г.: там же, л. 12.

⁵ Ротштейн — Ж. Спицеру 16/28 января 1895 г.: там же, д. 189, л. 291.

⁶ Ж. Спицер — Ротштейну 13/25 марта 1895 г.: там же, д. 129, л. 26 об.

⁷ Ж. Спицер — Ротштейну, 10/22 апреля 1895 г.: там же, л. 55 об.

⁸ На должность председателя или, в зависимости от решения Ротштейна, вице-председателя прочился Берже — представитель Национальной учетной конторы и группы Оттоманского банка. Далее в виду имелись Петрококино, Элиссен, по рекомендации Ж. Спицера, «президент и актив-

Еще 26 апреля 1895 г. Ж. Спицер телеграфировал Ротштейну, что на днях состоится учредительное собрание и что «все идет как будто бы очень хорошо».⁹ Правда, до посылки этой телеграммы на горизонте уже появилась одна черная точка в виде пожелания руководства Парижско-Нидерландского банка не объединяться в постоянное общество с неопределенными целями, а предпринимать совместные действия всякий раз, когда в перспективе будет учреждение какого-нибудь определенного предприятия. Ротштейн тогда на это ответил, что «мы желаем меньше заниматься самостоятельным учредительством, а скорее хотим крупного участия в солидных делах».¹⁰ Парижско-Нидерландский банк вовсе не составлял исключения, и в последний момент организовалась оппозиция, которая помешала осуществлению проекта в его первоначальном виде.

Встреченное противодействие имело причины самые разнообразные и несходные, даже прямо одна другой противоположные.

Главным диссидентом выступал все тот же Парижско-Нидерландский банк. Ж. Спицер взялся, наконец, объяснить смысл его поведения, который оказался весьма прост. Руководство банка, уже решившее широко и всерьез приняться за эксплуатацию России, ни с кем не собиралось делиться ожидаемыми выгодами. Оно целиком полагалось на силы и возможности своего банка. В этих обстоятельствах новое общество было бы или нежелательным конкурентом, или, в случае совместных действий, претендентом на часть добычи. А посему руководители банка, писал Ж. Спицер, «не усматривают в нем ничего, кроме ущерба для своих интересов».¹¹ Приманка в виде кооперации с крупнейшим русским банком была для них недейственной по той причине, что «Парижский банк и без того (без участия в обществе, — Ю. С.) совершенно уверен в вашем сотрудничестве и вашем влиянии

ный член многих промышленных обществ», де Мариси (de Marisy) «один из друзей и сотрудников» Элиссена А. Вокье (Henry Wocuer), Ашетт (Nachette) — член совета многих промышленных обществ с большими связями в металлургии. Кроме того, было намечено ввести в состав правления представителей Сосьете женераль (предположительно Эли д'Оасселя или Бюрона), представителя Парижско-Нидерландского банка (намечался Штейгер — Steiger) и, возможно, еще Лионского кредита. В числе предполагаемых членов правления значился еще и Артур Рафалович. На должности директора Бардак выставлял кандидатуру самого Ж. Спицера. За исключением этих двух лиц, не представлявших в финансовом мире самостоятельных величин, все остальные представляли собой персональное воплощение верховных сил французского капитализма.

⁹ Телеграмма Ж. Спицера — Ротштейну 26 апреля/8 мая 1895 г.: там же, л. 59.

¹⁰ Телеграмма Ротштейна — Ж. Спицеру, 19 апреля/1 мая 1895 г.: там же, л. 58.

¹¹ Ж. Спицер — Ротштейну 28 апреля/10 мая 1895 г.: там же, л. 66.

в пользу его интересов».¹² Чувствуя себя господином положения, руководство Парижско-Нидерландского банка было совершенно невосприимчиво к выставлявшимся инициаторами контраргументам, вроде того, что общество, если оно возникнет, «разовьет русские дела в такой степени, что Парижский банк сможет извлечь из этого одну только пользу».¹³ Банк не собирался менять на эти обещания свою уверенность в том, что он сможет обойтись и собственными силами, тем более считая гарантированной поддержку Ротштейна.

Прочие оппоненты в одной своей части полагали, что программа общества слишком не ясна и обширна, что в будущих его действиях нет никакой прямой цели, что следует подождать, пока не появится что-нибудь конкретное и определенное. Другие находили, что слишком велик проектируемый акционерный капитал — 10 млн фр.

Третьи считали, что нет надобности создавать общество — консорциума будет вполне достаточно. Всплыло и еще одно возражение, чрезвычайно примечательное и в свете дальнейших событий оказавшееся особенно серьезным. «Почему французское общество, бельгийская национальность была бы гораздо лучше и удобнее»,¹⁴ — формулировал его Спицер. В этом предложении раскрывалась одна из наиболее практиковавшихся французской буржуазией уловок в ее борьбе с фиском и вообще с теми стеснениями, которыми было окружено учреждение промышленного общества во Франции. Стеснения эти были, впрочем, не так уж значительны, но на фоне полного их отсутствия в Бельгии они воспринимались как нечто существенное.

Инициативная группа не была, впрочем, обескуражена таким ходом дел. Она успокаивала себя надеждой, что, несмотря на обилие всякого рода возражений и замечаний, в Париже «в действительности и всерьез чрезвычайно склонны ныне осуществить эту идею (создать общество, — Ю. С.) и каждый в отдельности убежден не только в своевременности этого, но и в том, что, если уж общество будет учреждено, каждый поспешит принять в нем как можно большее участие».¹⁵

С мая 1895 г. начинается новый тур переговоров о создании общества. В центре их становится попытка войти в соглашение с Готтингерами — как одними из самых влиятельных представителей французской *Haute Banque*. Затягивало переговоры одно немаловажное обстоятельство. Глава фирмы упорно настаивал на том, чтобы общество было образовано не во Франции, а в Бель-

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 66 об.

¹⁴ Там же, л. 67.

¹⁵ Там же.

гии.¹⁶ Между тем Ротштейн, находясь в середине мая в Париже, придавал особенное значение тому, чтобы общество было учреждено во Франции, а никак не в Бельгии.¹⁷ Группа Готтингера, хотя и настаивала на принятии своих условий, не отказывалась от компромисса. Участие в предприятии, сулившем крупные прибыли, представляло для нее большой соблазн. 6/18 сентября в Париже состоялась встреча Бардака, барона Бетмана, представлявшего Готтингера, и Ротштейна. На ней было заключено окончательное письменное соглашение об учреждении проектируемого общества. Предметом деятельности общества в принятом уставе указывались «всевозможного рода промышленные и горнозаводские предприятия, изучение, приобретение, эксплуатация и осуществление всевозможных концессий, покупка и продажа всякого рода промышленных и горнозаводских предприятий и всевозможных транспортных предприятий; слияние с ними или участие в их работах и эксплуатации, покупка и продажа акций, облигаций, паев и всяких других ценностей промышленных, горнозаводских и торговых предприятий и т. д.»¹⁸ В уставе было также специально оговорено, что «деятельность общества будет направлена главным образом в сторону Российской империи», но что она «может быть распространена также на всякую другую страну».¹⁹ В качестве основателей этого всеобъемлющего по своим задачам предприятия выступали четыре группы: Ротштейн и «его друзья», Бетман и «его друзья», Оттоманский банк и Национальная учетная контора вместе с «их друзьями» и, наконец, фирма Бардак и «ее друзья».²⁰ Каждый из участников получал равную долю акционерного капитала, определявшегося в 5 млн фр. и оплаченного на первое время в размере одной его четверти. Будущее правление общества могло увеличить акционерный капитал до 15 млн фр. В одном из пунктов соглашения специально оговаривалось, что общество будет французским. Оставалось лишь исполнить некоторые формальности, связанные с его учреждением. Но, по желанию Ротштейна, это было отложено до тех пор, пока он не отыщет в России какое-нибудь прибыльное дело.²¹

В середине октября Бардак, по обыкновению через Ж. Спицера, предлагает Ротштейну план, который должен был повести к исполнению принятого соглашения.

¹⁶ Ж. Спицер — Ротштейну 21 мая/2 июня 1895 г.: там же, л. 72.

¹⁷ Там же, л. 72 об.

¹⁸ Проект устава: там же, д. 529, л. 6.

¹⁹ Там же.

²⁰ Протокол заседания у барона Бетмана, 18 сентября 1895 г.: там же, л. 2 об.

²¹ Ж. Спицер — Г. Спицеру 1/13 июля 1896 г.: там же, д. 207, л. 85 об. В этом письме Ж. Спицер неправильно указывает состав учредителей, не упоминая об Оттоманском банке и Национальной учетной конторе.

Осенью 1895 г. на Петербургской бирже, после продолжавшегося весь год ажиотажа вокруг промышленных ценностей, началось крутое понижение их курсов. У Бардака сразу же явилась мысль воспользоваться моментом и «дешево приобрести что-нибудь выгодное» и таким образом «вызвать к жизни наше давно проектируемое общество». ²² Обстановка показалась ему настолько подходящей, что он предлагал учредить компанию, внося максимальную сумму акционерного капитала. «Этот увеличенный акционерный капитал, — пояснял Ж. Спицер идею своего патрона, — мог бы теперь найти там (в России, — Ю. С.), пожалуй, очень прибыльное и надежное применение». ²³ Комбинация была задумана по всем правилам биржевой игры, и все же она не смогла увлечь Ротштейна.

В конце января Бардак, после ряда других проектов, выступает с новым предложением ввести в котировку Парижской биржи акции Русско-Китайского банка. Он предрекает этой операции «полнейший успех». Разжигая аппетиты Ротштейна, Ж. Спицер писал: «Настоящий момент представляется очень благоприятным для русских ценностей, так же и для нашего проекта относительно промышленного общества». ²⁴ Спустя месяц обстановка кажется Бардаку более благоприятной, чем когда-либо. «По нашему мнению, — писал Ж. Спицер, — в ближайшее время тенденция должна быть очень благоприятной в отношении русских ценностей», и с согласия Ротштейна он был готов в 24 часа «устроить все дело». ²⁵

Перед лицом всех этих настойчивых предложений и возрастающего нетерпения Ротштейн оставался неизменно пассивен. Так продолжалось вплоть до марта 1896 г., когда Ротштейн написал в Париж, что план организации «треста» в его первоначальном виде ему больше не подходит. ²⁶

Дело сводилось, собственно, к тому, что ему перестали подходить его прежние партнеры по этому предприятию, но отнюдь не оно само. Бардак и Бетман, на долю которых приходилась половина всего акционерного капитала общества, как представители влиятельных кругов биржи и *Haute Banque*, теперь уже не могли идти в сравнение с новыми связями Петербургского международного банка. 1895 год был годом его сближения с такими силами французского финансово-предпринимательского мира, как Парижско-Нидерландский и Парижский международный банки. Имея

²² Ж. Спицер — Ротштейну 16/28 октября 1895 г.: там же, д. 129, л. 110.

²³ Там же, л. 110 об.

²⁴ Ж. Спицер — Ротштейну 19/31 января 1896 г.: там же, д. 207, л. 7—7 об.

²⁵ Ж. Спицер — Ротштейну 13/25 февраля 1896 г.: там же, л. 12 об.

²⁶ Ж. Спицер — Ротштейну 23 февраля/6 марта 1896 г.: там же, л. 14 об.

те же цели, что и группа Бардака, новые партнеры Ротштейна далеко превосходили ее по своему могуществу, и Ротштейн считал за лучшее войти в кооперацию с ними, а не с фигурами второго плана, какими были в сравнении с ними Бардак и Бетман.

Решение это пришло не сразу. Позади него был большой опыт, накопленный в отношениях с обоими парижскими банками. В мае 1895 г. Парижско-Нидерландский, Парижский и Петербургский международные банки вместе с другими банками и финансовыми группами учреждают Российское золотопромышленное общество с капиталом в 5 млн руб. В его правлении заседают А. Ротштейн и директор-распорядитель Парижского международного банка Т. Ломбардо. Особое значение для развития отношений Парижско-Нидерландского и Петербургского международного банка имело их участие в организации Русско-Китайского банка, которому в планах его подлинного создателя Витте предстояло стать важнейшим инструментом русской политики на Дальнем Востоке. Замысел Витте получил практическое осуществление в ходе переговоров Нецлина и Ротштейна, выступавших соответственно главными представителями интересов французской и русской сторон.

Тесный контакт устанавливается и с Парижским международным банком. Начало его экспансии в России относится еще к 1891 г., когда совместно с Национальной учетной конторой банк перекупил у наследников Полякова контрольный пакет акций общества «Южнорусской каменноугольной промышленности». С тех пор сфера деятельности банка в России все расширялась. Т. Ломбардо называл себя создателем общества Юго-Восточных железных дорог, открывшего действия 15 июня 1893 г. Подхваченное волной ажиотажа вокруг русских дел, руководство банка торопится опередить своих соперников в эксплуатации огромной страны. К этому времени громадные сверхприбыли иностранный капитал срывал на развитии горного дела и металлургии. В 1895 г. металлургическая промышленность дала чистую прибыль в 26%.²⁷ Дивиденды некоторых предприятий в 90-е годы достигали 40—45%.²⁸ Привлекаемые этими прибылями капиталы, почти исключительно иностранного происхождения, хлынули в металлургию. В течение последних пяти лет века число металлургических предприятий утроилось, а сумма вложенных в них средств увеличилась в 5 раз.²⁹ Бурный рост переживала и угледобывающая промышленность. Эти отрасли и приобретают для банка главный интерес. Начинания его поставлены на широкую

²⁷ И. Гливиц. Железная промышленность в России. СПб., 1911, стр. 103.

²⁸ Там же, стр. 101.

²⁹ Там же, стр. 102.

ногу. Центральное место в планах банковского руководства занимает создание большого сталелитейного предприятия в области Урала и Волги, стоимость которого исчислялась десятками миллионов франков. Затеявая подобного рода предприятия, оно стремится привлечь к ним Петербургский международный банк, который сам ищет случая утвердиться в металлургической и горной промышленности. На этой почве у них складывается империалистическая общность интересов, не прекратившая, разумеется, отношений конкуренции.

В 1895—1896 гг. возникают два параллельно развивающихся проекта создания крупных металлургических заводов, сооружаемых Никополь-Мариупольским обществом, в котором главенствующую роль играл Петербургский международный банк, и Урало-Волжским обществом, руководимым Парижским международным банком. Петербургский международный банк держал 4000 акций Урало-Волжского общества (часть из них была затем отдана на субучастия).³⁰ Равным образом Парижский международный банк имел 1600 акций Никополь-Мариупольского общества из общего их числа в 24 000.³¹ Важно подчеркнуть, что инициатива сближения исходила со стороны Парижского международного банка. «Вы знаете, как давно я желал найти случай устроить какое-нибудь дело с вашей помощью», — писал Ротштейну Ломбардо, один из руководителей банка, 4/16 июня 1895 г.³² Вскоре интересы обоих банков близко соприкоснулись в вопросе, которому каждый из них придавал капитальное значение: они оба оказались соперниками в области железнодорожного строительства в России.

В Парижском международном банке был задуман и начал уже выполняться план, который должен был сосредоточить в одних руках сооружение русских железных дорог экономического значения.

По-видимому, еще до заключения гарантированного Россией китайского займа 1895 г. русское правительство получило предложение о создании общества экономических железных дорог в России. Оно исходило от группы в составе Парижского международного банка, Парижско-Нидерландского банка, Брюссельского общества экономических железных дорог и Петербургского учетного и ссудного банка.³³ Это объединение предложило создать общество очень крупных размеров («La Constitution d'une Société tres importante»), способное добывать необходимые капиталы на более

³⁰ ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 439, л. 14.

³¹ Там же, д. 437, л. 39.

³² Ломбардо — Ротштейну 4/16 июня 1895 г.: там же, д. 198, л. 1.

³³ Ломбардо — Ротштейну 26 июля/7 августа 1895 г.: там же, л. 7 об.

благоприятных условиях, чем это могли делать отдельные и менее крупные предприятия.³⁴

Русское правительство должно было гарантировать большую часть капитала общества, который увеличивался бы в части как гарантированной, так и не гарантированной по мере получения новых концессий.³⁵ Наконец, следовало предложение создать в России один или несколько заводов для производства всех необходимых для строительства железных дорог материалов, а также подвижного состава.³⁶ «Международный капитал протянул уже свою руку и на Россию»,³⁷ — писал Ленин в 1896 г. И откровенно кабальная сущность поступившего проекта служит выразительной иллюстрацией этих ленинских слов. Несомненно, что русское правительство своей гарантией большей части громадного, как намечалось, капитала общества поставило бы себя в исключительную зависимость от него и поневоле должно было бы создать ему привилегированное положение, дабы не пришлось платить неустойку. Опасаясь установления гегемонии общества, русская сторона предпринимает ответный маневр.

В момент заключения китайского займа 1895 г. Лионский кредит, Готтингер и Нецлин получили приглашение принять участие в создании сети экономических железных дорог в России.³⁸ Таким путем в русских правительственных кругах рассчитывали вызвать конкуренцию между различными иностранными группами или хотя бы видимость ее. Ход этот не имел шансов на успех.

Во-первых, Нецлин передал сделанное ему предложение на рассмотрение Парижского международного банка, после чего «по необходимости» должен был отклонить его.³⁹ Во-вторых, Готтингер, взятый в отдельности, не представлял собою серьезного конкурента и поэтому никакой опасности с его стороны руководством Парижского международного банка не усматривалось.⁴⁰ И, в-третьих, само устройство и практика Лионского кредита делали маловероятным, чтобы он стал во главе строительного железнодорожного предприятия.⁴¹

Таково, приблизительно, было положение вещей, когда Ломбардо, находясь в июне в Петербурге и ведя там переговоры

³⁴ Э. Мэй — Ротштейну 8/20 августа 1895 г.: там же, л. 11 об.

³⁵ Там же, л. 12.

³⁶ Там же.

³⁷ В. И. Ленин. Проект и объяснения программы социал-демократической партии. Полн. собр. соч., т. 2, изд. 5-е, стр. 98.

³⁸ Ломбардо — Ротштейну 26 июля/7 августа 1895 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 198, л. 8.

³⁹ Там же, л. 8 об.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

с Ротштейном об интересовавших оба банка делах, упомянул среди прочего и о своем железнодорожном проекте. Сразу же выяснилось, что Ротштейн сам намеревается устроить нечто подобное.⁴² Не скрывая свою глубокую заинтересованность в этом вопросе, он посоветовал Ломбардо не спешить и, главное, не давать русскому правительству возможности разжечь конкуренцию, «которую оно пыталось создать».⁴³ «Дело достаточно велико, чтобы для всех хватило места с исключением всякой конкуренции, от которой выиграло бы одно правительство»,⁴⁴ — излагал Ломбардо основную мысль, высказанную тогда Ротштейном, от которой тот непосредственно перешел к предложению действовать совместно.

Практическое обсуждение создавшейся таким образом ситуации происходит уже в августе. Само по себе предложение Ротштейна действовать совместно Парижский международный банк принял с некоторым даже энтузиазмом, потому что присоединение Петербургского международного банка к задуманной в Париже комбинации сделало бы из нее силу, способную «бросить вызов всякой конкуренции»,⁴⁵ т. е. возможность установления полной монополии в области русского железнодорожного строительства вырисовывалась во всей ее определенности.

Весь вопрос заключался в том, войдет ли Ротштейн в парижское объединение, и если войдет, то на каких условиях. Относительно первого Ломбардо давал своему петербургскому корреспонденту понять, что парижская группа не возьмет обратно свои предложения, сделанные русскому правительству, и не оставит «поле свободным для всякой другой комбинации».⁴⁶ Вывод сделать было нетрудно. Ротштейну предлагали или присоединиться к парижской группе, или приобрести в ее лице могущественного соперника. Сам Ломбардо, заинтересованный в сотрудничестве Ротштейна, соблазнял его руководящим положением, которое займет Петербургский международный банк во французском объединении. Здесь парижский финансист приоткрывал завесу над некоторыми любопытными особенностями организации представляемой им группы. Парижский международный банк занимал в ней господствующее положение, действуя в согласии с Петербургским учетным банком, или, «точнее говоря, принимая во внимание мнение Дмитрия Ивановича (Петрококино, — Ю. С.)».⁴⁷ Это разъяснение имело целью показать Ротштейну, что он, не

⁴² Там же, л. 7.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, лл. 7—8.

⁴⁵ Там же, л. 10 об.

⁴⁶ Там же, л. 7 об.

⁴⁷ Там же, л. 10 об.

в пример Петрокипо, стал бы руководителем группы наравне с Парижским международным банком. Но Ломбардо отнюдь не хотел, чтобы эта разница открылась дирекции Учетного банка. «Нужно будет найти модус, который бы обеспечил вам преобладающее влияние, не нанеся обиды Дмитрию Ивановичу»,⁴⁸ — формулировал он Ротштейну деликатную задачу, которая могла стать перед Парижским международным банком. В случае, если эти условия покажутся Ротштейну неприемлемыми, Ломбардо просил его считать письмо как бы не существующим. При этом само собою подразумевалось, что такое решение поставило бы Петербургский международный банк перед перспективой нелегкой борьбы с парижским объединением. Ротштейн предпочел войти в обсуждение полученного предложения.

Главной проблемой, сразу возникшей в ходе переговоров, стал дележ будущей добычи. Оба международных банка уже далеко продвинулись в стадии монополистического развития. Тесно связанные с промышленным капиталом своих стран, они были заинтересованы не только в получении выгодных в финансовом отношении концессий, но и в том, чтобы они выполнялись предприятиями, входившими в их сферу влияния. В частности, общество экономических железных дорог в Брюсселе не просто входило в состав парижской группы. Представляя собою объединение французских и бельгийских интересов, оно находилось в тесных отношениях с Парижским международным банком и должно было стать практическим исполнителем получаемых в России концессий. Точно такая же кандидатура имелась и у Петербургского международного банка — это было Общество Русско-Балтийских вагонных заводов. Узнав об этом, президент Парижского международного банка Мэй сообщил Ротштейну, что парижская группа уже дала франко-бельгийскому обществу обязательство направлять ему заказы на поставку оборудования для постройки узкоколейных железных дорог.⁴⁹ Для Общества Русско-Балтийских заводов Ротштейну предлагалось производство подвижного состава.

Дальнейшие переговоры переносятся в Париж, куда Ротштейн отправился в сентябре, между прочим, и для принятия решения относительно франко-русского промышленного общества. На этом прямые сведения о дальнейшей судьбе проекта создания железнодорожного предприятия обрываются, но, как позволяет предположить ход событий 1896—1897 гг., задуманное осуществилось, хотя и в несколько видоизмененной форме. Пока что следует лишь отметить, что 24 июня 1896 г. Ломбардо и Ротштейн и свя-

⁴⁸ Там же, л. 9 об.

⁴⁹ Э. Мэй — Ротштейну 8/20 августа 1895 г.: там же, л. 12.

занные с ними лица подали в Министерство финансов прошение об учреждении общества «Железнодорожный парк», о котором подробнее будет сказано в соответствующем месте.

Совместные действия с Парижским международным банком и подали, видимо, Ротштейну мысль реорганизовать франко-русское промышленное общество, увеличив в нем значение своего банка.

В апреле 1896 г., когда Ломбардо явился с очередным визитом в Петербург, Ротштейн предложил ему войти в состав «треста». Какова была достигнутая ими договоренность — неизвестно, но в результате Ротштейн сообщает своим партнерам в Париж, что теперь он готов приступить к организации общества, однако возглавлять его должен Парижский международный банк.⁵⁰ Для Бардака, Бетмана и представляемых ими групп это было полной неожиданностью. Прежнее соотношение сил целиком опрокидывалось.

Чтобы дать место Парижскому международному банку, прежним участникам приходилось значительно потесниться. Помимо того, руководство этого банка в качестве предварительного условия своего выступления в общество выдвинуло требование одновременного принятия одного из крупнейших металлургических предприятий Франции — компании Шатильон-Коммантри. С нею у банка был контракт на совместные действия во всех горных и металлургических делах в России.⁵¹ В переговорах, которые велись между Бардаком и Ломбардо, сразу же встал и другой вопрос — каковы будут доли участия каждой заинтересованной группы.

Ротштейн еще до того, как произошла первая встреча двух парижских деятелей, потребовал себе половину акционерного капитала вместо $\frac{1}{4}$, полагавшейся ему по сентябрьскому соглашению 1895 г.⁵² Ломбардо и Бардак, в свою очередь, продолжали настаивать на прежнем распределении квот с той только разницей, что вместо Бетмана теперь значился Ломбардо.⁵³ Ссылаясь на то, что число французских участников будет «исключительно большим», они убеждали Ротштейна принять принцип равного участия групп-организаторов.⁵⁴ Но договориться по этому пункту оказалось труднее всего. Через три недели после начала переговоров было условлено, что Петербургский международный банк, Парижский международный банк и с ним вместе общество Шатильон-Коммантри, а также Бардак с его «друзьями» образуют

⁵⁰ Ж. Спицер — Г. Спицеру 1/13 июля 1896 г.: там же, д. 207, л. 86.

⁵¹ Ломбардо — Ротштейну 14/26 июня 1896 г.: там же, д. 198, л. 30.

⁵² Ж. Спицер — Ротштейну 16/28 апреля 1896 г.: там же, д. 207, л. 36 об.

⁵³ Ж. Спицер — Ротштейну 19 апреля/1 мая 1896 г.: там же, л. 41 об.

⁵⁴ Там же.

постоянный синдикат с целью изучения и реализации русских промышленных дел. Оттоманский банк и Национальная учетная контора более не фигурировали в качестве учредителей. Если с течением времени появится необходимость образования собственно «треста», то участники намеревались создать для этого особое общество.⁵⁵ Учредители принимали также на себя обязательство передавать в первую очередь обществу все свои начинания, а также побудить участвовать в нем связанные с ними группы, т. е. со стороны Парижа должны были быть представлены «крупные французские кредитные учреждения и фирмы парижской Haute Banque и т. д., и т. д.», а со стороны Петербурга — Учетно-ссудный банк и др.⁵⁶ Насчет взятых на себя Парижем обязательств Ж. Спицер специально отмечал, что привлечение указанных сил «особо для нашего общества имеет важность, так как мы в отношении сбыта приобретаемых нашим обществом акций зависим почти исключительно от Парижа».⁵⁷ Приведенные слова имели и то значение, что вопрос о долях участия учредителей все еще не был решен, и Ж. Спицер, объясняя, от кого будет зависеть сбыт акций, побуждал Ротштейна согласиться на принцип равного участия инициативных групп, дававший преобладание французской стороне, тогда как крайней уступкой, на которую шел Ротштейн, было соотношение 40% Петербургу и 60% Парижу.⁵⁸

На окончательном этапе переговоров Ротштейн сумел настоять на принятии предложенных им квот. 11/23 июня 1896 г. у Мэя в помещении Парижского международного банка состоялась встреча французской учредительской группы.

Прежде всего собравшимся пришлось принять решение по такому новому вопросу, как участие в обществе Парижско-Нидерландского банка. Переписка Ротштейна и его парижских корреспондентов не дает возможности установить, когда и у кого появилась идея о включении в состав учредителей этого нового участника. К моменту утверждения проекта банк уже дал согласие войти в общество, изменив, таким образом, свою прежнюю позицию в этом вопросе. Ему было выделено 10% акционерного капитала. Руководство Парижского международного банка желало, однако, чтобы новый участник был представлен в правлении в лице самого Нецлина. Парижско-Нидерландский банк соглашался и на это, но требовал взамен повышения доли его участия

⁵⁵ Ж. Спицер — Ротштейну 6/18 мая 1896 г.: там же, л. 61 об.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, л. 62 об.

⁵⁸ Телеграмма Ж. Спицера — Ротштейну 18/30 мая 1896 г.: там же, л. 58.

с 10 до 15%.⁵⁹ Развернувшийся торг оттянул организацию общества еще на несколько месяцев. Оно было образовано лишь 18/30 октября 1896 г.

По окончательной договоренности между Нецлином и Ломбардо Парижский международный банк вместе с обществом Шатильон-Коммантри, Парижско-Нидерландский банк и представленные Бетманом группы *Haute Banque* составляли учредительную группу с французской стороны.⁶⁰ В этом же порядке они получали соответственно 25, 20 и 15% акционерного капитала.⁶¹ В комбинации, где верховодили такие силы, как оба международных банка и Парижско-Нидерландский банк, французская *Haute Banque* была оттеснена на второй план.

По своему составу общество представляло собою объединение наиболее видных представителей банковского капитала Франции и России. Кроме Парижского международного банка (10 000 акций из 50 000) и Парижско-Нидерландского банка (3795 акций), среди французских участников значились фирмы Бардака (1950 акций), Бетмана (500 акций), Национальная учетная контора (1000 акций), фирмы Эфрусси (500 акций), Готтингера (500 акций), Малле (500 акций), Стерна (350 акций), Верне (500 акций), Нефлиза (500 акций).⁶² Роль первых двух банков, возглавляющих список, представляется тем большей, что, кроме указанных выше количеств акций, записанных на каждый банк, значительное число акций взяли члены их правлений. На имя Ломбардо было записано, например, 500 акций, на имя Мэя — 750 акций, Нецлин получил 600 акций. Среди русских участников на первом месте стоял, понятно, Петербургский международный банк (4700 акций, не считая 1000 акций, взятых Ротштейном, 500 — Дернеом, 500 — Нотгафтом, 750 — Кохом). К нему примыкали Московский торговый банк (1000 акций), Русский для внешней торговли банк (2000 акций), банкирский дом «Бр. Джамгаровых», Лазарь и Лев Бродские (по 500 акций). Петербургский учетно-ссудный банк в обществе не участвовал, но на имя Д. Петрокино было записано 950 акций, 1000 акций была выделена для Ф. Петрокино. К числу крупных русских акционеров принадлежал кн. Юсупов (1000 акций).

Таким образом, с задержкой почти в два года идея Бардака осуществилась, и монополия была создана. Между тем положение, сложившееся в октябре 1896 г. на французском денежном рынке, как, впрочем, и во всем мире, не благоприятствовало началу дея-

⁵⁹ Ломбардо — Ротштейну 12/24 июня 1896 г.: там же, д. 198, л. 56.

⁶⁰ Ж. Спицер — Ротштейну 23 июля/4 августа 1896 г.: там же, д. 207, л. 90 об.

⁶¹ Там же, л. 91.

⁶² Там же, д. 868, л. 165.

тельности общества. «...Пока что — говорилось в относящемся к этому времени письме Ломбардо, — нечего почти и думать об устройстве новых дел, потому что наш рынок теперь, да и на долгое время в будущем, совершенно неспособен покушать новые ценные бумаги, какие бы они ни были, в особенности промышленные ценные бумаги».⁶³ Наблюдая подобную картину, Ломбардо «не мог не поздравить себя» в связи с тем, что «вопреки вашему и моему желанию» общество было основано с запозданием, иначе оно могло бы завязнуть в операциях, которые теперь, когда «буря свиристует на всех рынках, особенно на вашем», было бы невозможно провести.⁶⁴ Предполагая, что эти условия установились надолго, Ломбардо обрисовал тот курс, которого, по его мнению, следовало придерживаться в деятельности общества. Он сходиллся с Бардаком в том отношении что начинать следует с предприятий уже работающих, котирующихся на Петербургской бирже,⁶⁵ акции которых можно будет купить по дешевой цене, особенно когда «понижение еще увеличит свои опустошения». Основание новых предприятий он предполагал отложить на будущее, но и их считал желательным устраивать за счет прибылей, которые надеялся получить на первых операциях, а не путем вложений имеющихся в наличии капиталов.⁶⁶ Другой вариант обуславливался тем, чтобы Петербург обеспечил почти все необходимые средства, потому что, уверял Ломбардо Ротштейна, «вы не нашли бы в настоящий момент в Париже капиталистов, согласных пойти на новое дело».⁶⁷ И так должно было быть, по его предположениям, по меньшей мере до конца года.

Намеченная Ломбардо программа ни в малейшей степени не означала свертывание активности банка в России. Наоборот, она совмещалась с усилением его экспансионистских устремлений.

Своего рода вехой в экспансии Парижского международного банка в России было полученное в это время разрешение основать Урало-Волжское металлургическое общество. Важнейшим его партнером в этом предприятии был Петербургский международный банк. «Мы слишком хорошо знаем, как были вы нам полезны в этих обстоятельствах»,⁶⁸ — писал его главе Ломбардо по случаю учреждения общества.

Но по мере проникновения Парижского международного банка в экономику России и расширения его планов его отноше-

⁶³ Ломбардо — Ротштейну 5/17 октября 1896 г.: там же, д. 198, лл. 78—79.

⁶⁴ Там же, л. 79.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, л. 79 об.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Ломбардо — Ротштейну 12/24 октября 1896 г.: там же, л. 82.

ния с Петербургским международным банком приобретают все большую сложность. Общность интересов в одних вопросах переплетается с борьбой в других. Воплощая в себе силы зреющего империализма обеих стран, оба банка строят свои отношения друг с другом на империалистической основе, в совместных действиях стараясь утвердить свою волю господствующей и подчинить ей партнера. Эти отношения во всей их сложности разворачиваются в начальный период существования «Генерального общества». Острые противоречия составляющих его групп, выявившиеся в долгий период его организации, получают в рамках общества новое продолжение в стремлении его участников занять в нем господствующее положение, в наибольшей степени поставить его на службу собственным интересам.

Со стороны Парижского международного банка это находит свое выражение в стремлении сделать компанию Шатильон-Коммантри поставщиком оборудования для предприятий, которые организует в будущем «Генеральное общество».

Точно такую же мысль, но уже в отношении связанных с Петербургским международным банком предприятий имел и Ротштейн. Намереваясь завладеть одним и тем же, обе конкурирующие силы вступают в напряженную борьбу между собою. Начало ей было положено предложением Ломбардо устроить при обществе Шатильон-Коммантри техническое бюро с задачей давать заключения о проектах, представляемых «Генеральному обществу».

Суть предложения была, конечно, не в том, чтобы общество давало одни только заключения. Это был лишь предлог для того, чтобы передать Шатильон-Коммантри исполнение всего проекта, если последний будет принят. Так это и было понято Ротштейном, ответившим Ломбардо 18/30 ноября решительным отказом.⁶⁹ Притязания Ротштейна побудили Ломбардо дать оценку положения, занимаемого в обществе французской и русской стороной. Отбросив в сторону всякую дипломатию, он разъяснил Ротштейну, какие последствия влечет за собою финансовое преобладание Парижа во франко-русской комбинации.

Цель общества, считал Ломбардо, заключалась в том, чтобы размещать во Франции акции русских предприятий. «А эта программа, — делал Ломбардо первый вывод, — как с точки зрения финансовой, так и технической, влечет за собой необходимость постоянного содействия французского промышленного предприятия наивысшего класса».⁷⁰ Вторым выводом заключался в том, что всякая возможность выступления в этой роли русского предприя-

⁶⁹ Ломбардо — Ротштейну 17/29 ноября 1896 г.: там же, л. 93.

⁷⁰ Первое письмо Ломбардо — Ротштейну, 25 ноября/7 декабря 1896 г.: там же, л. 95.

тия совершенно исключалась. «Вы мне говорите о помощи ваших друзей в России. . . , — писал Ломбардо по этому поводу, — я могу сказать, что промышленность в России еще не достигла той степени совершенства, чтобы мы могли помыслить попросить какое-нибудь существующее русское промышленное предприятие поставить нам дело на ноги». Чтобы Ротштейн окончательно уяснил себе ситуацию, Ломбардо, переходя уже на неприкрыто категорический тон, заявлял: «. . . ибо я обязан, прежде всего, устранить, не останавливаясь на этом особо, всякую помощь, которая не была бы исключительно французской».⁷¹ Он окончательно побивал своего оппонента аргументом, против которого Ротштейну, как представителю более слабой капиталистической силы, нечего было возразить. Даже и в том случае, когда предприятие, капиталы которого должны были быть собраны во Франции, патронировалось бы действительно компетентной иностранной фирмой, но мало известной во Франции, то и тогда «наша публика не пойдет». Без французской промышленной марки, «если мы приступим к реорганизациям или учредительству, мы кончим иммобилизациями не поддающейся учету продолжительности, если только мы не будем иметь в основе наших действий единственно лишь силу денежного рынка Петербурга или иностранных денежных рынков. Но тогда имело ли смысл создавать наше общество?» — спрашивал Ломбардо.⁷²

Вполне сознаваемое и умело используемое Ломбардо финансовое превосходство французской группы облегчало ему борьбу с более слабым конкурентом. Но Ломбардо готовился и к борьбе другого рода — с равными по силе противниками. Ведя атаку на Ротштейна, он не терял из виду необходимость обеспечить свои интересы прежде всего со стороны членов французской группы. И в этом случае Петербургский международный банк из противника делался союзником, потому что именно с его помощью Ломбардо надеялся утвердить свой банк в обществе, как господствующую силу.

Подобная комбинация становилась тем более реальной, что Ротштейн, по-видимому, опасался оказаться в обществе в изоляции. Между обоими партнерами имел место заблаговременный обмен мнениями, и было выяснено их обоюдное желание совместными усилиями установить в обществе гегемонию двух международных банков — Парижского и Петербургского.⁷³

Инициативу придать этому замыслу практическое содержание взял на себя Ломбардо. В тот самый день, когда он написал в Пе-

⁷¹ Там же, л. 94 об.

⁷² Там же, л. 97 об.

⁷³ Второе письмо Ломбардо — Ротштейну 25 ноября/7 декабря 1896 г.: там же, л. 105.

тербург письмо с объяснением, какую роль будет играть общество Шатильон-Коммантри в деятельности «Генерального общества», он пишет Ротштейну еще одно письмо, которое он просил рассматривать как строго секретное. «Нелегкая это вещь сохранять сплоченность между разрозненными элементами, которые мы собрали в Париже, и эта задача была бы, очевидно, выше моих сил, если бы я не мог рассчитывать на вашу поддержку»,⁷⁴ — вначале в несколько иносказательной форме излагал он свои намерения. Эта поддержка требовалась в вопросе о выборе председателя общества. Ломбардо вообще предпочел бы обойтись без него, ибо сильный председатель был бы для него «вечным стеснением». ⁷⁵ Если все же Ротштейн будет против, он предлагал найти на этот пост лицо, которое не было бы связано ни с одной группой, входящей в общество, — дело «достаточно трудное и деликатное», — оговаривался Ломбардо. Но прежде всего поддержка Петербургского международного банка требовалась в отношении компании Шатильон-Коммантри, потому что на ее участии в «Генеральном обществе» и строился весь расчет на установление в нем преобладающего влияния обоих блокировавшихся банков. В случае соглашения с компанией, ее представитель Леон Леви вошел бы в правление общества. «Леон Леви, — выкладывал Ломбардо все карты на стол, — наш друг. Это человек совершенно надежный и не станет делать ничего, о чем мы с ним предварительно не условимся. . . и вес, который имеет технический элемент в чисто финансовом окружении, находясь на нашей стороне, всегда будет обращать баланс в нашу пользу». ⁷⁶ Всякий раз, когда дискуссия перейдет на техническую почву, где решающий голос будет принадлежать технически подготовленному лицу, — продолжал развивать Ломбардо свой замысел, «нам только и останется, что принять, как будет казаться, взгляды другого, не выдавая, что они внушены нами же». ⁷⁷

Проявившиеся отношения взаимного соперничества в той обостренной его форме, которую несла с собой наступающая эпоха империализма, агрессивное желание поставить партнера в неравноправное положение и устроить свои дела за его счет предопределили новые столкновения интересов и планов участников «Генерального общества». Всякое их совместное действие имело своим фоном напряженную междоусобную борьбу за наибольшую долю выгод и наименьший риск в том или другом предприятии. В силу самого устройства общества эти противоречия проявили себя прежде всего как противоречия между его парижской и пе-

⁷⁴ Там же, л. 103.

⁷⁵ Там же, л. 104.

⁷⁶ Там же, л. 105.

⁷⁷ Там же, л. 105 об.

тербургской группами. Согласно достигнутой договоренности, инициатива устройства дел принадлежала в основном Петербургу, а выбор Ротштейна в свою очередь диктовался интересами главным образом его банка. Парижские дельцы с первых же шагов стали относиться весьма разборчиво к поступающим от него предложениям. От Ротштейна они ожидали организации выступлений, обещавших быстрый и верный успех в соединении с большой прибылью.

В качестве одного из первых дел Ротштейн предложил парижской группе принять участие в строительстве Никополь-Мариупольского завода. Это было одно из наиболее близкостоящих к банку предприятий. Обстоятельства сложились так, что его акции принадлежали в немалом количестве ненадежным держателям, были, по словам Ротштейна «в слабых руках».

Считая это «чрезвычайно тягостным», он был заинтересован в том, чтобы распределить большинство акций среди капиталистов, в той или иной мере связанных с ним и известных ему.⁷⁸ Обратившись в Париж, Ротштейн встретил там благоприятный прием.⁷⁹ Один лишь Парижский международный банк взял себе 1600 акций, из коих 700 «уступил» своему окружению.⁸⁰ Делая эти приобретения, французские акционеры рассчитывали на «серьезную прибыль».⁸¹

Но от Ротштейна в этот момент требовалось нечто более значительное. Ж. Спицер писал ему о «быстро реализуемой операции», которая установила бы в Париже «нашу репутацию».⁸²

Спустя непродолжительное время Спицеру представляется возможность конкретизировать свои соображения. «Весь свет теперь говорит, как вам известно, об обществе Китайско-Восточной железной дороги», — писал он Ротштейну 15/27 января 1897 г.⁸³ Выпуск «облигаций и т. д., и т. п.» для финансирования строительства дороги и должен был дать начало успешному развертыванию деятельности общества.

Как ни велик был сам по себе такой объект, как Китайско-Восточная железная дорога, он составлял лишь часть другого более обширного плана. В качестве его автора Ж. Спицер называл барона Бетмана. Давний замысел последнего состоял в том, чтобы получить в эксплуатацию русские государственные желез-

⁷⁸ Ротштейн — Вольгемуту, 26 августа/7 сентября 1897 г.: там же, д. 68, лл. 144—145.

⁷⁹ Ж. Спицер — Ротштейну 9/21 января 1897 г.: там же, д. 878, л. 9.

⁸⁰ Ломбардо — Ротштейну 10/22 июля 1897 г.: там же, д. 226, л. 9.

⁸¹ Там же, л. 9 об.

⁸² Ж. Спицер — Ротштейну 26 декабря/7 января 1897 г.: там же, д. 207, л. 201.

⁸³ Ж. Спицер — Ротштейну: там же, д. 878, л. 14 об.

ные дороги. Он считал, что в недалеком будущем в России окажутся вынужденными пойти на создание одного или нескольких обществ по эксплуатации железных дорог, которые возьмут в аренду не только уже существующие пути, но и займутся за свой счет строительством новых.⁸⁴

Пока что это был только прогноз, и Ротштейн на него, видимо, даже не отозвался. По поводу же предложения сделать французский капитал участником строительства КВЖД, Ротштейн, хорошо зная, какие планы связываются с нею в правительственных верхах России, ответил в неблагоприятном смысле, хотя и весьма уклончиво.⁸⁵

Еще не дождавшись этого ответа, Ж. Спицер шлет ему новые предложения. Бардак и Бетман изъявили желание купить акции Петербургского международного и Учетно-ссудного банков, чтобы затем ввести их в котировку Парижской биржи.⁸⁶ «Здесь много говорят о завершении большого дела Крезе и Парижского банка», — писал Ж. Спицер далее, подразумевая намеченное строительство Волжско-Вишерского металлургического завода и интересуясь возможностью пристроить общество к этому предприятию.⁸⁷

Но того «большого объекта», который должен был дать Петербург, так и не появлялось. После Никополь-Мариупольского общества и некоторых других предложений следующим рекомендованным Ротштейном делом была реорганизация металлургического завода в Тамбовской губернии, принадлежавшего генералу Н. Н. Шипову, а с 1897 г. взятого в правительственную администрацию.⁸⁸ Ко времени, когда Ротштейн обратился с этим в Париж, дирекция Петербургского международного банка далеко еще не была уверена в выгодности намечавшейся операции.⁸⁹ Поступившее предложение рассматривалось на заседании совета в Париже 19/31 марта 1897, и, ввиду слишком длительной иммобилизации капиталов, с которой было связано исполнение проекта, оно было отклонено.⁹⁰ Поясняя это решение, Ломбардо писал Ротштейну, что начинаниям такого рода времена не благоприят-

⁸⁴ Там же, лл. 15—15 об.

⁸⁵ Ж. Спицер — Ротштейну 21 января/2 февраля 1897 г.: там же, л. 30 об.

⁸⁶ Ж. Спицер — Ротштейну 18/30 января 1897 г.: там же, л. 22.

⁸⁷ Там же, л. 23—23 об.

⁸⁸ Подробные сведения о том, что представляло собой «Общество Шиповских заводов», содержатся в статье И. Ф. Гиндина «Неуставные ссуды Государственного банка и экономическая политика царского правительства» (Исторические записки, т. 35, М., 1950, стр. 96—99).

⁸⁹ А. Кох — Ротштейну 13/25 февраля 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 71, л. 8 об.

⁹⁰ Протокол заседания правления «Генерального общества» от 19/31 марта 1897 г.: там же, д. 868, л. 74.

ствуют, и биржи, Петербургская в особенности, очень плохо настроены в отношении промышленных ценностей и поэтому вообще все подобные дела следует рассматривать прежде всего как долгосрочную иммобилизацию капиталов, приемлемую лишь в том случае, если предполагаемая прибыль будет равна минимум 12—15%.⁹¹

В представлении парижской группы этим условиям особой выгоды соответствовало другое поступившее из Петербурга предложение — участвовать в Обществе «Железнодорожный парк». Принимая во внимание, что капитал нового общества, акционерный и облигационный, должен был составить 45 млн руб., следует признать, что ему предстояло стать крупнейшим русским акционерным предприятием тех лет. На эти средства сооружались паровозо- и вагоностроительные заводы и создавался парк в несколько сотен паровозов и тысяч вагонов, которые намечалось сдавать в аренду всем нуждающимся в подвижном составе. При обсуждении устава и целей учреждаемого предприятия в Министерстве финансов отмечалось «громадное общегосударственное значение деятельности настоящего общества».⁹² Впрочем, министерство не собиралось препятствовать сосредоточению в одних руках столь огромной экономической силы, и 4 июля 1897 г. было дано разрешение организовать общество.

Однако, согласно данной Ломбардо Совету правления «Генерального общества» информации, оно приступило к действиям лишь после заключения русским правительством контракта, который изменил бы «к удовлетворению основателей» железнодорожные тарифы и обеспечил им другие льготы.⁹³ Питая уверенность, что капиталовложения в подобное предприятие дадут верный доход, парижская группа решила взять на себя 1 млн из первоначального акционерного капитала «Парка» в 3 млн (остальные средства предполагалось собрать в несколько приемов), оговорив свое согласие достижением обусловленной договоренности с правительством.⁹⁴

Особую заинтересованность в этом деле обнаружил Парижский международный банк. Он был организатором «Парка» наравне с Петербургским международным банком. Как было указано в протоколе Парижского совета «Генерального общества»,

⁹¹ Ломбардо — Ротштейну 21 марта/2 апреля 1897 г.: там же, д. 226, л. 2—2 об.

⁹² Докладная записка неизвестного лица об уставе общества «Железнодорожный парк»: ЦГИАЛ, ф. 22, оп. 4, д. 113, л. 52 об.

⁹³ Протокол заседания правления «Генерального общества» от 19/31 марта 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 868, л. 74. Обсуждение этого вопроса тянулось в правительственных инстанциях до начала кризиса, который сделал весь проект беспредметным.

⁹⁴ Там же.

во время одной из очередных поездок в Петербург Ломбардо выяснил, что оба банка параллельно готовят проекты почти одинаковых предприятий, и тогда Ротштейн и Ломбардо решили объединить свои проекты.⁹⁵ Нам представляется, что речь здесь шла именно о том самом плане создания громадного железнодорожного общества, который был задуман в Парижском международном банке и который, как узнал Ломбардо по приезду в Петербург в июне 1895 г., соответствовал собственным замыслам Ротштейна, предложившего Ломбардо объединиться. Правда, основой деятельности общества стало не сооружение железных дорог, а сдача в аренду подвижного состава. Но вместе с тем новое общество должно было заняться производством, и притом в громадных масштабах, паровозов и вагонов, что также входило в круг деятельности первоначально задуманного предприятия. А вместо требования гарантировать капитал теперь стояло требование изменить железнодорожные тарифы так, чтобы на 45 млн капитала получался бы верный и достаточно высокий доход. Собственно, это и было основной идеей первоначального проекта, который, обретя теперь иную форму, полностью сохранил свою сущность.

Проведение объединенного дела по всем министерским лабиринтам было предоставлено Ротштейну, и он сохранил за собою руководство им, предоставив Парижу треть акций. Такое распределение далеко не удовлетворяло аппетиты парижской группы, и Ломбардо, поняв из некоторых высказываний Ротштейна, что тот хотел бы ввести акции «Парка» в котировку Парижской биржи, «посоветовал» ему проявить большую щедрость в отношении французского элемента. Впрочем, одним лишь увеличением французской квоты его претензии не ограничивались. Он определенно собирался устроить из «Парка» своего рода кондоминиум. «Правление («Парка», — Ю. С.), составленное исключительно из специалистов и русских, сделало бы трудным, если не сказать невозможным делом акклиматизацию акций в Париже», — заявлял он Ротштейну и предлагал предоставить два места в правлении парижским финансистам или промышленникам.⁹⁶ Но добиться принятия подобных требований в условиях, когда активная роль в деле принадлежала Ротштейну, было нелегко, и в Париже намечается тенденция наряду с Петербургом взять на себя инициативу в устройстве тех или иных предприятий.

Первым признаком этого было предложение, поступившее обществу от Парижского международного банка и заключавшееся в приобретении и преобразовании в акционерную компанию ору-

⁹⁵ Там же, л. 73.

⁹⁶ Ломбардо — Ротштейну 15/27 июля 1897 г.: там же, д. 226, л. 11.

жейных заводов в Туле.⁹⁷ По тем временам это было огромное предприятие. Число занятых на нем рабочих достигало 7000 человек.⁹⁸ Соответственно и суммы, которые требовались для покупки заводов, были весьма значительны. Владельцы желали получить в уплату 4.5 млн руб. и, кроме того, 2.5 млн руб. должно было уйти на создание оборотных средств.⁹⁹ Но Ломбардо при крупных затратах ожидал и крупных выгод и находил дело блестящим.¹⁰⁰

Не так были настроены в Петербурге. Ротштейн и Кох отнеслись к инициативе Парижского международного банка весьма скептически.¹⁰¹ По их сведениям, тульские оружейные заводы в прошлом действительно приносили большие прибыли, но ныне не имеют новых заказов и могут их вообще не получить, так как казна построила на свой счет патронную фабрику в Луганске.¹⁰² Поэтому Ротштейн отказался от предложенной ему квоты участия в размере 36%.¹⁰³ В Париже это вызвало самую обостренную реакцию. Ломбардо воспользовался противодействием Петербургского международного банка, чтобы высказать свое мнение об итогах существования «Генерального общества» и дальнейших его перспективах. «Я решительно думаю, — писал он, — что очень трудно, если не вовсе невозможно, делать дела посредством нашего треста, и я заранее вижу его обреченным существовать только участиями, полученными то там, то здесь, или, за отсутствием таковых, умереть бесславной смертью».¹⁰⁴ Главный порок общества он усматривал в необходимости договариваться по поводу проведения каждой операции, т. е., как показал опыт, вести долгие переговоры между различными группами, прежде чем перейти к действию. По его мнению, решения должны были приниматься единолично лицом, пользующимся необходимым авторитетом. Практический смысл сетований Ломбардо сводился к тому, что руководство обществом должно было быть сосредоточено в одном центре. Излишне добавлять, что этим центром он считал Париж. Пока же, не смущаясь занятой Ротштейном позицией, Ломбардо активизировал переговоры с владельцами тульских заводов.

⁹⁷ Ж. Спицер — Ротштейну 17/29 июля 1897 г.: там же, д. 878, л. 94.

⁹⁸ Там же, д. 70, л. 103.

⁹⁹ Протокол заседания правления «Генерального общества» от 26 июля/7 августа 1897 г.: там же, д. 868, л. 89.

¹⁰⁰ Ж. Спицер — Ротштейну 17/29 июля 1897 г.: там же, д. 878, л. 96 об.

¹⁰¹ Ротштейн — Ж. Спицеру 10/22 августа 1897 г.: там же, д. 70, лл. 69—70; А. Кох — Ротштейну в начале августа 1897 г.: там же, д. 71, л. 33.

¹⁰² Телеграмма А. Вебера — Ротштейну: там же, л. 59.

¹⁰³ Ж. Спицер — Ротштейну 21 августа/2 сентября 1897 г.: там же, д. 878, л. 111 об.

¹⁰⁴ Ломбардо — Ротштейну 8/20 августа 1897 г.: там же, д. 226, л. 13.

Вскоре же перед участниками «Генерального общества» возникла новая сложная проблема. В начале ноября обществу поступило самое крупное предложение со стороны за 1897 г. Не только самые размеры дела придавали ему значительность, но и лицо, его предложившее. Этим лицом был Ротшильд. Для его фирмы Россия представляла интерес с двух точек зрения: государственного кредита и добычи нефти. Начатые им переговоры с «Генеральным обществом» касались этого последнего предмета. На рассмотрение общества он представил комбинацию, касавшуюся «Русского стандарта», общества жидкого топлива и расположенного поблизости от Грозного богатого месторождения нефти, принадлежавшего ростовскому миллионеру В. Р. Максимову.¹⁰⁵ Суть ее заключалась в том, что к двум первым обществам, где Ротшильд был полным хозяином и на которых он терпел крупные убытки,¹⁰⁶ он хотел присоединить и третье предприятие и с этой целью на протяжении полугода вел переговоры с его владельцем. Максимов запрашивал миллионы и в претендентах на его владение недостатка не было. Наиболее серьезным среди них Ротшильд считал группу бельгийских капиталистов, назначивших высокую сравнительно с ним цену.¹⁰⁷ Фирма, уже вложившая в первые два общества огромные капиталы, не была расположена идти на новые затраты. Вместо того «Генеральному обществу» предлагалось купить максимовское месторождение нефти, чтобы затем объединить его с «Русским стандартом».¹⁰⁸

Париж благоприятно отнесся к ротшильдовской комбинации, но о Петербурге этого сказать было нельзя. Ротштейн высказал о ней, по-видимому, настолько определенное отрицательное мнение, что его участие никак не могло входить в последующие расчеты ее участников. В конечном счете, отрицательная позиция, занятая Петербургским международным банком, не помешала французской группе продолжить переговоры с Ротшильдами в лице их представителей — Ж. Арона и Дейча. Вел их непосредственно сам Мэй.¹⁰⁹ В Париже еще не забыли случая с тульскими оружейными заводами, когда Ротштейн первоначально ответил отказом принять участие в этом предприятии, а впоследствии переменил свое решение. После упорного торга владельцы заводов по соглашению, подписанному 5/17 ноября 1897 г., про-

¹⁰⁵ Подробнее об этом см. статью С. И. Потолова в настоящем сборнике (стр. 116—118).

¹⁰⁶ Ж. Арон — Ротштейну 1/13 декабря 1897 г.: там же, д. 230, л. 5.

¹⁰⁷ Ж. Спицер — Ротштейну 27 октября/8 ноября 1897 г.: там же, д. 878, л. 133.

¹⁰⁸ Арон — Ротштейну 1/13 декабря 1897 г.: там же, д. 230, л. 5.

¹⁰⁹ Ж. Спицер — Г. Спицеру 22 ноября/4 декабря 1897 г.: там же, д. 224, л. 83 об.

дали их «Генеральному обществу», которое имело в виду подготовить на их основе новое общество с капиталом в 4 млн руб. и русским уставом: ¹¹⁰ Петербург и Париж соответственно поделили между собой акции в пропорции 40 и 60%.

Следует, впрочем, отметить, что нечто сходное произошло с реорганизацией шиповских заводов, в которой французские партнеры Петербургского международного банка первоначально участвовать отказались. Независимо от этого Ротштейн продолжал действовать, и в конце концов склонил Государственный банк к предложению весьма благоприятных условий продажи заводов. 27 ноября/9 декабря 1897 г. он послал в Париж телеграмму с уверением, что капиталовложения в это дело будут обеспечены прибылью свыше 10%. ¹¹¹ «Тресту» (как часто именовал Ж. Спирер «Генеральное общество» в письмах к Ротштейну) предлагалось принять в нем участие в размере 50 тыс. руб., а на весь Париж отводилось не более 300 тыс. руб. из общего акционерного капитала в 1,5 млн руб. 28 ноября/10 декабря состоялось заседание совета общества, и поступившие из Петербурга предложения были приняты. ¹¹²

И русская и французская финансово-капиталистические группы, имея далеко идущие планы в отношении русской промышленности, переживавшей период подъема, не могли их выполнить: одна — без постоянного и изобильного притока капиталов, другая — без знания и понимания местных условий, без столь необходимых в России связей в высших министерских сферах и самом правительстве. Такого рода взаимная корысть и была той цементирующей основой, на которой было воздвигнуто «Генеральное общество». Эта основа оставалась в неизменном виде, хотя общество и не приобрело того всеобъемлющего значения, какое вначале придавали ему учредители. Каждый его участник, воплощая в себе наиболее могущественные капиталистические силы своей страны, уже облакавшиеся в форму монополистического капитализма, стремился занять в нем господствующее положение и подчинить его своим интересам. На этой почве еще до учреждения общества между составлявшими его элементами

¹¹⁰ Там же, д. 463, л. 144.

¹¹¹ Там же, д. 878, л. 157 об.

¹¹² Ж. Спирер — Ротштейну 28 ноября/10 декабря 1897 г.: там же, л. 159. В конечном счете дело так и не состоялось. На посланном 1/13 декабря 1897 г. письме Международного банка Министерству финансов, в котором излагались условия, на каких банк соглашался приступить к реорганизации шиповских заводов, и которое было одобрено 29 ноября/11 декабря 1897 г. предполагаемыми акционерами нового общества, имеется сделанная рукой А. Вебера пометка: «Аннулировано» (см.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 449, л. 69). В 1898 г. администрация сдала заводы в аренду обществу Коломенских заводов (см.: И. Ф. Гиндин, ук. соч., стр. 97).

возникает ряд острых конфликтов, продолжившихся и в период начавшейся его деятельности.

Утверждению в обществе гегемонии какой-нибудь одной группы или блока мешало и то обстоятельство, что по форме своей оно представляло собой свободное объединение вполне автономных и никакими обязательствами между собою не связанных групп. Они не пошли на образование сколько-нибудь значительного акционерного капитала, сохранив, таким образом, за собой полную свободу действий. И когда выяснилось, что центробежные силы в обществе преобладают, его участники активизировали свою деятельность вне его рамок.

В 1898 г. «Генеральное общество» фактически бездействовало. С 22 мая/3 июня по 10/22 ноября правление общества ни разу не собиралось.¹¹³ Еще в начале длительной приостановки дел Ломбардо предложил вообще распустить «Генеральное общество». «Я не вижу более ни того, что несчастное общество может делать, ни чем оно может жить, ни каков смысл его существования», — писал он Ротштейну 22 мая/3 июня.¹¹⁴ Ротштейн ответил тогда своему корреспонденту «длинным письмом», в котором, очевидно, была высказана другая точка зрения.¹¹⁵ Но Ломбардо не был настроен легко отказаться от своего плана. В ноябре он предложил Петербургскому международному банку создать Русский промышленный банк, который находился бы в Петербурге и имел бы агентства как в Париже, так и в Брюсселе. Капитал банка составлял 5 млн руб., целиком оплаченных.¹¹⁶ Основание нового банка в представлении Ломбардо было неразрывно связано с другим актом — роспуском «Генерального общества». Банк должен был возникнуть вместо и на месте этого общества, т. е. участниками его выступали те же самые элементы, которые входили в общество, «обреченное при своей настоящей форме на полное бессилие».¹¹⁷

Считая своей большой ошибкой основание «Генерального общества» с местопребыванием в Париже, а не в Петербурге, и, кроме того, находя неудачным самый принцип его устройства, когда руководители общества не были заняты исключительно им одним и поэтому не вникали в его деятельность и не управляли ею со знанием дела и с надлежащей степенью компетентности, Ломбардо предлагал создать в России «специальный орган», филиал, руководимый лицами «знающими и надежными».¹¹⁸ В их обязанности входило бы постоянно быть в курсе «всякого про-

¹¹³ Ж. Спирер — Ротштейну 10/22 ноября 1898 г.: там же, д. 463, л. 122.

¹¹⁴ Ломбардо — Ротштейну 22 мая/3 июня 1898 г.: там же, д. 236, л. 61.

¹¹⁵ Ломбардо — Ротштейну 4/16 июня 1898 г.: там же, л. 64.

¹¹⁶ Ломбардо — Коху 6/18 ноября 1898 г.: там же, л. 139 об.

¹¹⁷ Там же, л. 188 об.

¹¹⁸ Там же, л. 154 об.

мысленного движения в России» и выискивать все самое выгодное с той «свободой ума», которую «нам не позволяет иметь множественность и разнообразие дел, какими вы и мы должны ежедневно заниматься.¹¹⁹ Однако, как ни был Ломбардо настойчив, заставить руководство Петербургского международного банка изменить свое прежнее решение ему не удалось.¹²⁰

О причинах малого успеха общества, созданного, по словам Ломбардо, «с таким шумом», руководство Петербургского международного банка имело особое мнение. Сводилось оно, по-видимому, к тому, что французские участники «Генерального общества» старались использовать общество почти исключительно для своих надобностей, пренебрегая интересами и точкой зрения Петербурга.¹²¹ Ломбардо, естественно, не оставалось ничего другого, как принять все это к сведению. Так он и поступил, предупрекая одновременно обществу полное фиаско во всей его дальнейшей деятельности. В подтверждение он ссылался, между прочим, на положение, сложившееся, на французском денежном рынке. Последний, заявлял он, на протяжении 1897—1898 гг. был «в таком беспорядке», что попытки распространить на нем русские промышленные ценности «полностью или почти полностью потерпели неудачу».¹²² Если бы обстановка обещала вскоре измениться, продолжал он, стоило бы сделать новые попытки, но «г. Мэй и я не предвидим, что в близком будущем может произойти изменение в положении рынка»,¹²³ т. е. общество не имеет никаких шансов оправдать свое существование.

По всей видимости, рисуя картину в таком свете, Ломбардо занимался сознательным преувеличением. Преувеличением было его утверждение, будто попытки распространить на французском денежном рынке русские промышленные ценности кончились неудачей. Годы, начиная с 1895—1896, были временем, когда как раз промышленные и главным образом иностранные ценности вошли в моду среди вкладчиков. И хотя рынок был настроен тревожно, чему содействовали и внешнеполитические события, тенденция его развития в изображении Ломбардо выступала в явно искаженном виде. Очевидно и то, что, предлагая вниманию руководства Петербургского международного банка свой план основания Русского промышленного банка, Ломбардо не был настроен так пессимистически относительно способности парижской биржи поглощать русские промышленные ценности.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Ломбардо — Коху 1/13 декабря 1898 г.: там же, л. 170.

¹²¹ Там же, лл. 170—171.

¹²² Там же, л. 170 об.

¹²³ Там же.

В чем же причина упорного противодействия Ротштейна парижскому проекту? Здесь опять-таки можно высказать лишь предположение. По-видимому, если бы в России был учрежден банк, в котором преобладало французское влияние, то французские банки получили бы возможность обойтись и без содействия Петербургского международного банка. В том виде, в каком он был задуман Ломбардо и Мэем, он должен был стать главным специализированным финансовым институтом по части промышленных дел. Французский капитал получал в нем идеальное орудие для осуществления своих целей, воздвигая свой форпост в самом сердце России. Выгоды, доставившиеся Петербургскому международному банку, были не так уж значительны. С положением дел на месте он был знаком, конечно, лучше, чем парижские банки, и в этом была едва ли не главная его ценность для них. С другой стороны было ясно, что новый банк мог стать его конкурентом, по крайней мере очень существенно увеличил бы конкурентоспособность его парижских партнеров. А что они поспешили бы использовать банк в своих интересах — это для петербургских директоров должно было быть ясным по опыту, приобретенному ими в связи с деятельностью «Генерального общества». Жалобы их на действия совета общества выдавали равным образом их опасения относительно того, удастся ли Петербургскому международному банку отстоять свои интересы в этом новом совместном франко-русском предприятии. Что же касается «Генерального общества», то оно, как и предсказывал Ломбардо, совершенно сошло со сцены. Все же появление общества было весьма знаменательным событием. В нем как нельзя лучше раскрывалась монополистическая природа французского финансового капитала и общее направление проводимой им политики, потому что установление монополии в том или ином виде продолжало оставаться главной целью участников объединения и они шли к этому, хотя и не через «Генеральное общество», а другими путями. Необходимо особо отметить, что в создании общества отразились не временные побуждения французского капитала, а его коренные установки, его основная долгосрочная программа.

Большой интерес представляет в этом плане тот факт, что после кризиса конца XIX—начала XX в., тоже в преддверии нового промышленного подъема, верхушка французского монополистического капитала вновь возвращается к той же самой идее создания общества, которое бы монополизировало французские капиталовложения в России. В декабре 1907 г. группа крупнейших французских банков, в которую входили почти все участники старого общества,¹²⁴ обращается теперь непосредственно к Ко-

¹²⁴ В группу вошли: Парижско-Нидерландский банк, Сосьете жeneralь, Национальная учетная контора, «Геттингер и К^о» и его группа, «Креди

ковцов с тем же самым проектом, с каким в 1895 г. Бардак обратился к Ротштейну. Предлагалось образовать франко-русскую банковскую организацию для финансирования русских предприятий. Как в свое время Ротштейн, так теперь Коковцов «ухватился за этот проект обеими руками».¹²⁵ Он немедленно вошел в переговоры с четырьмя крупнейшими русскими банками и уже в начале 1908 г. в Париже, при участии представителей Петербургского международного, Учетно-ссудного, Волжско-Камского, и Русского для внешней торговли банков, происходит ряд совещаний, кончившихся образованием объединения, воскресавшего «Генеральное общество».¹²⁶ Название нового общества — «Сосьете русо франсез д'антреприз эндюстриэль э де Траво пюблик» («Société Russo-Francaise d'Entreprises Industrielles et de Travaux Publics») повторяет одно из предполагавшихся названий «Генерального общества». Капитал нового общества — 5 млн фр. Распределяется он между русской и французской группами в той же пропорции — 40 и 60%. Это было новое, почти ни в чем не исправленное издание «Генерального общества», его прямой наследник. По неизвестным причинам это уже готовое орудие так и не было пущено в действие, по крайней мере открыто. Независимо от этого учреждение нового общества создает ту историческую перспективу, в которой следует рассматривать значение «Генерального общества для развития промышленности в России».

эндюстриель э коммерсиаль» («Credit Industriel et Commercial»), Банк де ль'унион паризьен (Banque de l'Union Parisienne), Банк франсез пур ле коммерс э ль'эндюстри (Banque Francaise pour le Commerce et l'Industrie), Н. Бардак и его группа (см.: С. Ронин. Иностранный капитал и русские банки. М., 1926, стр. 56). Как видно, новые участники — это «Сосьете жeneralь», «Креди эндюстриель э коммерсиаль», Банк де ль'унион паризьен и Банк франсез пур ле коммерс э ль'эндюстри. Однако действительно новыми можно признать только два первых банка потому что Банк де ль'унион паризьен, созданный французской Haute Banque в 1904 г., объединял всех ее прежних представителей в обществе, а Банк франсез пур ле коммерс э ль'эндюстри унаследовал ликвидированный Парижский международный банк.

¹²⁵ С. Ронин. Иностранный капитал и русские банки, стр. 55.

¹²⁶ Там же.

Т. М. КИТАНИНА

РУССКО-АЗИАТСКИЙ БАНК И КОНЦЕРН И. СТАХЕЕВА¹

В период первой мировой войны русские коммерческие банки значительно активизировали свою деятельность в области финансирования крупнейших промышленных предприятий, резко расширили сферу контроля над важнейшими отраслями русской экономики — угольной, нефтяной и металлургической промышленностью, машиностроением, судостроением, паровозо- и вагоностроением, электропромышленностью и т. п. Дальнейшее развитие в годы войны получили эмиссионно-учредительские операции банков, позволявшие патронировать десятки вновь учреждаемых предприятий. Однако изменения, происшедшие в русской экономике в связи с войной — милитаризация хозяйства, денежная инфляция, рост военных налогов и пр. — изменили существо этих операций. Как известно, в условиях войны важнейшим средством накопления промышленных капиталов явилось государственное финансирование и крупные авансы, выдаваемые казной под военные заказы работавшим на оборону предприятиям. В результате потребность промышленности в притоке банковских средств с целью их длительного вложения была резко ослаблена. Банки получили возможность обращаться к финансированию тех промышленных фирм, которые обеспечивали банковским заправилам получение максимальных денежных прибылей.

Банковские монополии сумели выгодно использовать в целях обогащения и государственное финансирование патронируемых ими предприятий.² Важную роль в процессе подчинения банковскому контролю предприятий сыграли капиталовложения банков по синдикатским и онкольным счетам с акциями промышленных

¹ Настоящая работа, являющаяся продолжением ранее опубликованной нами статьи «Из истории образования концерна Стахеева» (Из истории империализма в России. Труды ЛОИИ, вып. 1, М.—Л., 1959, стр. 100—133), представляет собой попытку на основании новых материалов более глубоко и разносторонне осветить роль Русско-Азиатского банка в процессе формирования и деятельности концерна И. Стахеева.

² Подробнее см.: И. Ф. Гиндин и Л. Е. Шепелев. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Исторические записки, т. 66, М., 1960, стр. 27—28.

и торговых фирм. В форму финансирования предприятий превратились вексельно-подтоварные кредиты банков.

В предвоенные и военные годы сильнейшие петербургские банковские монополии оказали чрезвычайно важное влияние на процесс монополизации многих отраслей русской промышленности. Сосредоточивая в своих руках сбыт товаров ряда однородных предприятий, часто посредством учреждения специальных акционерных торговых обществ, банковские монополии способствовали тем самым объединению определенной отрасли производства, ее монополизации. Многие промышленные монополии пользовались активной финансовой поддержкой крупных банков.

В. И. Ленин писал: «Банки во всяком случае, во всех капиталистических странах, при всех разновидностях банковского законодательства, — во много раз усиливают и ускоряют процесс концентрации капитала и образования монополий».³

Знаменательно участие банков в возникновении концернов, представлявших собой громадные объединения, в которых многочисленные, разнородные по своему характеру предприятия различных отраслей промышленности, торговые фирмы, транспортные компании и, наконец, банки были подчинены контролю сильных финансовых групп.

К числу концернов следует отнести объединения московского промышленника Н. А. Второва, братьев Рябушинских, К. И. Ярошинского, Ю. И. Гессена и Д. И. Демкина, Жуковых, И. И. Стахеева и др.⁴ В то время как образование концернов Второва и Рябушинских⁵ было тесно связано с деятельностью фактически приобретенных ими московских банков — Московского промышленного банка и Московского банка, концерны Ярошинского, Гессена — Демкина, Жуковых и Стахеева возникли при активном участии крупнейших столичных банковских учреждений.

³ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Сочинения, т. 22, 4-е изд., стр. 204.

⁴ Несколько особняком стоит концерн торгового дома «Воган и К^о», оставшийся до конца своего существования семейным предприятием, в основе деятельности которого лежали собственные капиталы владельцев.

⁵ О составе концерна Второва см.: И. Ф. Гиндин и Л. Е. Шепелев. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 95. Кроме того, по свидетельству печати, концерном Второва патронировались Московское акционерное общество «Поставщик», Электрическое общество Донецкого бассейна и пр. О составе концерна Рябушинских см. публикацию И. Ф. Гиндина «К истории концерна братьев Рябушинских» (Материалы по истории СССР, т. VI, М., 1959, стр. 603—640).

Русский торгово-промышленный и Русский для внешней торговли банки патронировали огромный комплекс предприятий, объединенный концерном Ярошинского;⁶ предприятия концерна Гессена—Демкина⁷ контролировались Русско-французским коммерческим и Одесским купеческим банками.⁸ Русско-Азиатским банком финансировались некоторые из фирм, входивших в объединение Жуковых,⁹ и, наконец, тот же Русско-Азиатский банк сыграл решающую роль в формировании концерна И. И. Стахеева.

Концерн Стахеева установил контроль над основными хлебными рынками страны, металлургическими заводами Урала и Подмосковья, нефтепромышленными акционерными предприятиями района Эмбы, каменноугольными копями Кузбасса и Сахалина, лесными компаниями севера европейской части России и Дальнего Востока, петроградскими и московскими текстильными мануфактурами, среднеазиатскими хлопковыми плантациями, над маслостроительной промышленностью, рыбными промыслами Охотского моря, важными железнодорожными магистралями (Северо-Донецкой, Московско-Казанской, Волго-Бугульминской, Южно-Сибирской, Ферганской, Бухарской, Семиреченской), транспортными

⁶ В составе концерна Ярошинского к концу 1917 г. находились Киевский частный коммерческий банк, Акционерное общество Киевского машиностроительного завода, Тульско-Черкасское товарищество сахарных и рафинадных заводов, товарищества сахарных заводов «Корделевка» и «Гнивань», товарищество Черноминского сахарного завода, товарищество Бабинского свеклосахарного завода, товарищество Степановских свеклосахарных и рафинадных заводов и др. К октябрю 1917 г. финансово-промышленная группа Ярошинского контролировала несколько десятков крупных сахарных заводов, восемь металлургических и механических предприятий, несколько текстильных фабрик, паровозных и железнодорожных обществ (Коммерческий телеграф, 1917, 19 октября).

⁷ В состав монополистического объединения Гессена—Демкина входили: Восточное общество товарных складов, страхования и транспортирования товаров с выдачей ссуд, Акционерное общество «Кавказ и Меркурий», товарищество судоходства и паровозов «И. И. Коневский», Акционерное общество Финляндского паровозов, Международное общество погрузочных средств и складочных помещений, Русское паровозостроительное и механическое общество, Петроградское строительное акционерное общество, товарищество Чудовского портланд-цементного завода, общество химико-фармацевтических заводов «Подъем», страховые общества «Волга», «Якорь» и др.

⁸ После перехода контрольного пакета акций в руки Гессена (сентябрь 1916 г.) правление банка было переведено в Петроград.

⁹ В монополистическое объединение Жуковых входили торговый дом «А. М. Жуков», акционерное общество заводов «А. М. Жуков», акционерное общество петроградского масляного завода «Астра», Андреевское торгово-промышленное товарищество, Волжское акционерное общество маслостроительных и химических заводов «Саломас», акционерное общество южных маслостроительных и химических заводов «Саломас» и др.

предприятиями для развития экспортных связей с причерноморскими и прибалтийскими странами и т. д.¹⁰

Ряд существенных причин обуславливал сближение Русско-Азиатского банка с группой Стахеева и вовлечение последней в сферу влияния банка. Прежде всего связи с концерном означали внедрение банка в новые для него отрасли хозяйства — лесную торговлю и пр., а также установление контроля банка над рядом патронируемых концерном предприятий в отраслях производства, наиболее интересующих банк, как нефтепромышленность.

Едва ли не меньшую роль играла личная заинтересованность главы Русско-Азиатского банка А. И. Путилова в делах стахеевского предприятия. В прошлом видный чиновник Министерства финансов, Путилов являлся крупнейшим акционером нескольких десятков обществ. Активная роль Путилова в деятельности концерна была обусловлена, с одной стороны, его руководящим положением в банке, и, с другой — участием в торгово-промышленном товариществе «И. Стахеев и К^о», выполнявшем в системе предприятий концерна роль «головного» общества. Эти обстоятельства позволили Путилову получать огромный доход в виде учредительских прибылей, выплаты дивидендов, кредитных комбинаций и т. п. Безусловно, заинтересованность Путилова в сближении с концерном была связана с образованием новой банковской группы, создающей широкие возможности для укрепления собственных позиций Путилова в Русско-Азиатском банке.

В свою очередь организаторы концерна не могли развернуть столь активную экспансионистскую деятельность без финансовой поддержки банка. Анализ всего хода развития громадного монополистического объединения показывает решающую роль банка в достижении основных целей концерна, ибо все наиболее значительные предприятия были подчинены контролю группы Стахеева при непосредственном участии банка и с помощью крупных ссуд, выдаваемых заправилам монополии правлением банка. Важнейшим стимулом для сближения группы Стахеева с банком явилось назначение в 1914 г. П. П. Батолина на пост директора С.-Петербургского управления банка, а в 1917 г. выдвижение его Путиловым в члены правления. Такое переплетение интересов создало обоюдную заинтересованность банка и концерна во взаимном сближении — прекрасная иллюстрация к известному положению В. И. Ленина о сращивании банковского капитала с промышленным. Это объединение усилий промышленных

¹⁰ См. публикацию И. Ф. Гиндина и П. В. Волобуева «К истории концерна И. Стахеева» (Исторический архив, 1957, № 3, стр. 160—173) и нашу работу «Из истории образования концерна Стахеева» (Из истории империализма в России, стр. 100—133). Список предприятий концерна см. в «Приложении» к публикуемой статье.

воротил и банковских тузов наложило отпечаток на деятельность банка и концерна. Группа Стахеева, прежде специализировавшаяся на отраслях, не являвшихся предметом контроля банков, активно устремилась в контролируемые банками сферы — железнодорожное строительство, металлургию и пр.

В сближении банка и концерна мы различаем два периода — довоенный, знаменующийся совместным выступлением банка и группы Стахеева в области хлебной торговли в развитии эмбинской нефтепромышленности, и военный, характерный дальнейшим укреплением и расширением связей банковского и промышленного капитала, что выразилось прежде всего в усиленном финансировании банком подконтрольных концерну предприятий.

* *

*

Начало активного сближения Русско-Азиатского банка с фирмой Стахеева относится к 1912 г. Этот год ознаменовался несколькими событиями, явившимися следствием привлечения банком фирмы к участию в совместной промышленной деятельности, в то время как до 1912 г. банк ограничивался лишь финансированием торговых операций фирмы. Первоначально сближение проявилось в двух отраслях экономики — хлебной торговле и нефтяной промышленности. Торговля хлебом являлась фундаментом, на котором развилось «дело» сибирских миллионеров Стахеевых. Нефтяное производство, напротив, всегда стояло в центре внимания Русско-Азиатского банка и Путилова, тогда как фирма Стахеева до 1912 г. ограничивалась лишь транспортировкой нефтяных грузов и имеющей местное значение комиссионной продажей нефтяных продуктов.

Русско-Азиатский банк обратился к хлебному делу не случайно. Его предшественник — Русско-Китайский банк, и в частности его Владивостокское отделение, уделяли значительное внимание развитию хлеботорговых связей и способствовали организации мукомольного синдиката в Харбине. К тому же, сохранившаяся часть досье Путилова показывает, что он лично был заинтересован в развитии мукомольного дела, и неудачи харбинского синдиката вызывали в нем досаду и беспокойство.¹¹

Вступив на путь сближения с группой Стахеева, правление Русско-Азиатского банка поддерживало развитие хлебных операций фирмы постоянными кредитами. В июле 1912 г. банк открыл Стахееву кредит в 80 тыс. руб. из 5³/₄% годовых под обеспечение векселей. Кредита оказалось недостаточно и, ссылаясь на те-

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 7, д. 159, лл. 253 об.—255.

кущие события (неурожай в Европе, повышенный спрос международных рынков на русские хлебные товары), Стахеев обратился в правление банка с просьбой об увеличении подтоварного кредита до 5 млн руб.¹²

Из сохранившейся дальнейшей переписки выясняется, что летом 1912 г. Стахееву удалось договориться с банком о ведении общей хлебной торговли и совместном выступлении на рынках. Такая помощь немало значила для фирмы Стахеева и была оценена елабужским миллионером как явление исключительное по своему значению на хлебном рынке.¹³ По-видимому, банком было поручено Стахееву практически действовать в отношении организации крупного акционерного общества и подбора соответствующего обслуживающего персонала, что Стахеев и осуществлял, принимая деятельные меры к организации хлебозакупок в районах Камы и Белой и в центральных губерниях. Кроме того, изучалась возможность подчинения хлебных рынков Юга и Сибири, т. е. тех областей, которые входили в предусмотренный организаторами концерна план развития хлебной торговли.¹⁴ В это же время, по свидетельству создателей стахеевского объединения, с помощью банка сделаны были шаги для обеспечения экспортной торговли в районе Юга и Прибалтики.

Однако к осени 1913 г. банк заметно охладел к совместной с группой Стахеева хлебной торговле и, не ограничивая фирму в ее действиях, отказался от материальной ответственности. Отстранение банка от ведения непосредственных хлеботорговых операций проявилось первоначально в переходе на кредитование фирмы вместо обусловленного в 1912 г. производства хлебных операций за общий счет и в широких масштабах. В результате длительных переговоров было решено, что торговлю хлебом следует продолжать сообща, но за счет фирмы Стахеева и при материальной поддержке банка. Поскольку на организацию совместной хлебной торговли фирма затратила более полумиллиона рублей, банк согласился открыть товариществу Стахеева кредит в 3 млн руб. под хлебные операции с условием погашения его до 1 октября 1914 г.¹⁵ В дальнейшем срок погашения кредита неоднократно продлевался.¹⁶ В обеспечение долга фирмы банку были предложены векселя товарищества Стахеева, акции нефте-

¹² Там же, оп. 2, д. 843, лл. 1—2. Одновременно товарищество Стахеева пользовалось выданными под хлеб ссудами Государственного банка, задолженность которому к 27 февраля 1913 г. составила более 2,5 млн руб. (там же, лл. 6—7).

¹³ Там же, л. 3.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, лл. 32, 34—35, 50.

¹⁶ Там же, л. 54.

промышленного и торгового общества «Эмба» и суммы, поступившие от продажи шер нефтепромышленного общества «Эмба-Каспий».¹⁷

Совместная хлебная торговля банка и Стахеева продолжалась и в более поздние годы, о чем свидетельствует деятельность созданного в 1917 г. Общества Казанских мельниц, в правление которого вошли ближайший сподвижник Стахеева П. П. Батолин и подставное лицо Путилова В. Н. Троцкий-Сенютович.¹⁸ Таким образом, в области создания широкой сети хлеботорговли и мукомольных предприятий Русско-Азиатский банк оказал концерну неоценимую финансовую поддержку¹⁹ и в значительной мере способствовал укреплению его позиций в этой важнейшей отрасли народного хозяйства страны.

* *
*

Не меньшее влияние оказывал Русско-Азиатский банк на деятельность группировавшихся вокруг товарищества Стахеева нефтяных предприятий. Как известно, банк энергично проникал в область нефтяного производства и в этом аспекте интересы банка и концерна совпадали. Правда, как мы уже указывали, до привлечения к делу банка фирма Стахеева ограничивалась лишь ведением комиссионной продажи нефтепродуктов и их транспортировкой. Со времени объединения усилий банка и концерна Стахеев заметно изменил характер своей деятельности, стал активно внедряться в нефтепромышленность, используя банковские средства для приобретения нефтяных отводов в целях организации новых обществ, для сосредоточения в своих руках контрольных пакетов акций нефтяных предприятий и для покупки самих предприятий.

Наибольший интерес с точки зрения раскрытия характера всего сложного комплекса взаимоотношений банка и концерна представляют для нас события, развернувшиеся в 1913—1916 гг. в Эмбинском нефтяном районе. Нефтяной район Эмбы до времени его промышленного освоения являлся безлюдной пустыней с отсутствием каких-либо сносных путей сообщения, острым недостатком воды, продуктов питания и рабочей силы. Серьезные разведки нефти в этой пустынной местности были доступны лишь богатым фирмам, какою являлось товарищество Стахеева,

¹⁷ Там же, лл. 55—56.

¹⁸ К истории концерна И. Стахеева, стр. 164.

¹⁹ Наряду с Русско-Азиатским банком хлеботорговые предприятия концерна финансировали Петроградский международный и Волжско-Камский коммерческие банки.

и «деятелям широкого размаха» (по словам «Деловой России»), каким являлся Путилов. Вот почему из 129 фирм и лиц, владевших дозволительными свидетельствами на нефтяные земли, лишь три фирмы — Урало-Каспийское нефтяное общество, нефтепромышленное и торговое общество «Эмба» и нефтепромышленное общество «Эмба-Каспий» — освоили промышленную добычу нефти. Первые же шаги в этом направлении показали перспективность нового нефтяного района и вызвали лихорадочные поиски оставшихся незанятыми нефтяных участков. Если в 1912 г. тремя фирмами был добыт лишь 1 млн пуд. нефти, то в 1913 г. — 7 с лишним млн, в 1914 и 1915 гг. — по 16.5 млн пуд.²⁰

Однако ко времени промышленного освоения района значительное количество дозволительных свидетельств на участки оказалось в руках предусмотрительного Стахеева, фирма которого еще с конца XIX в. пыталась проникнуть в Эмбинский нефтяной район. Заинтересованный в организации новых нефтяных обществ Русско-Азиатский банк вынужден был начать переговоры со Стахеевым и прочими «продавцами» нефтяных участков о приобретении ими прав акционеров взамен переданных обществам дозволительных свидетельств. Таким путем Стахеев принял участие во всех трех акционерных нефтяных обществах, организованных в этом районе с помощью Русско-Азиатского банка (в двух вышеупомянутых и основанном в 1915 г. акционерном обществе подсобных предприятий Эмбинского района).

Правда, как свидетельствуют документы, извлеченные из фонда Русского-Азиатского банка, вопрос о вознаграждении Стахеева за переданные участки оказался, по существу, камнем преткновения, где постоянно сталкивались интересы банка и Стахеева. Особенно показательны в этом отношении разногласия среди членов правления общества «Эмба-Каспий», в котором наряду с Русско-Азиатским банком и Стахеевым приняли участие Петербургский международный банк и английские финансовые круги, тесно связанные с Русско-Азиатским банком.

Этот своеобразный триумvirат (банки, Стахеев и англичане) оказывал решающее влияние на всю дальнейшую деятельность общества. Важная роль И. И. Стахеева была обусловлена наличием в его руках значительного количества нефтяных заявок, подлежащих передаче обществу в обмен на акции. В самом начале переговоров о передаче участков Стахеев выдвинул условие о предоставлении ему 10 тыс. акций учреждаемого общества, что, по мнению представителей банков, являлось чрезвычайно завышенным требованием. Однако, если Международный банк

²⁰ Деловая Россия, 1916, 25 декабря.

в лице А. И. Вышнеградского твердо занял непримиримую позицию по отношению к Стахееву, то роль Русско-Азиатского банка в конечном счете свелась к нейтралитету. По-видимому, столкновение интересов Стахеева и Русско-Азиатского банка в данном вопросе не смогло поколебать прочность уз, связывавших фирму с банком в других вопросах их совместной деятельности. Тем не менее поддержка банком Стахеева не исключала наличия противоречий между ними. Очевидно, под давлением Вышнеградского Путилов предпринимал некоторые компромиссные шаги для обуздания требований группы Стахеева. Возможность ослабления влияния Стахеева появилась несколько позже, в 1912 г., когда было решено основать в Лондоне общество «Эмба-Каспиан ойл компани» («Emba Caspian Oil Co»), в правлении которого приняли участие А. И. Путилов, А. И. Вышнеградский, директор Лондонского отделения Русско-Азиатского банка С. Чантрей Инчбалд (S. Chantrey Inchbald) и представители ряда крупнейших фирм Англии и Канады.²¹

Как известно, Путилов в своей практике неоднократно прибегал к созданию через организованный Русско-Азиатским банком филиал в Лондоне своеобразных английских холдинг-компаний, осуществлявших финансирование отдельных русских предприятий. По инициативе Путилова такие «держательские» компании были созданы в Лондоне для оказания финансовой поддержки «Русскому генеральному нефтяному обществу» («Russian General Oil Corporation») и для финансирования подконтрольного Русско-Азиатскому банку Русского табачного треста («The Russian Tobacco Company Limited»). Аналогичную картину мы наблюдаем и в данном случае.

В связи с учреждением лондонского общества, Вышнеградским и Путиловым была изобретена довольно хитроумная комбинация, позволившая им несколько обезопасить Стахеева. Сущность ее заключалась в том, что простой обмен нефтяных заявок на акции русского общества «Эмба-Каспий» усложнялся последующим обменом русских акций на шеры английской компании. Эти условия были зафиксированы в договоре, заключенном 2/15 июня 1912 г. в Париже банками со Стахеевым, выступавшим от имени «продавцов» нефтяных участков.²² Значение договора свелось к тому, что он определил дальнейшую судьбу акций, подлежащих передаче Стахееву.

Согласно договору Стахеев обязывался уступить учрежденной английской компании 100 тыс. акций русского общества взамен

²¹ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 2, д. 347, ч. 1, л. 106; д. 348, л. 209.

²² Наряду со Стахеевым земельными нефтяными участками, подлежащими передаче обществу «Эмба-Каспий» владели и некоторые другие лица.

шер лондонского общества «Эмба-Каспиан ойл компани» на 1070 тыс. фунтов стерлингов.²³ Часть английских шер Стахеев обязан был на три года передать банкам с целью блокирования, оставшиеся шеры банки должны были реализовать в течение трех лет.²⁴ Однако вопрос о вознаграждении Стахеева долгое время не был урегулирован, чему лучшим доказательством является длительная переписка с Русско-Азиатским банком. Лишь в 1916 г. Стахеев и банки пришли к соглашению, предусматривавшему снижение оценки концессии (до 5 млн руб.) при одновременном уменьшении капиталов русского и английского обществ. Отсюда менялись и способы расчета с «продавцами».²⁵

Прежде всего соглашение 1916 г. было вызвано убыточностью русского общества и финансовыми затруднениями, переживаемыми английской компанией, но наряду с этим соглашение предусматривало ограничение влияния группы Стахеева. В этом смысле чрезвычайно интересно лондонское письмо ставленника русских банков, директора правления «Эмба-Каспиан ойл компани» Г. Шписа А. И. Вышнеградскому, написанное несколько ранее, в июле 1914 г. Шпис считал недопустимым сохранение преобладающего влияния «продавцов» на развитие дел русского и английского обществ по двум причинам: ввиду переоценки полученных от них земельных участков и вследствие несимпатичных ему личностей «продавцов», в частности Батолина. Для изоляции группы Стахеева Шпис предлагал крайние меры вплоть до ликвидации дел русского Эмба-Каспийского общества и передачи на этом основании всех прав и обязанностей «продавцов» нефтяных участков третьим лицам. Шпис учитывал и выгоду момента, ибо предусмотренная договором 1912 г. передача «продавцами» русскому обществу 570 заявочных свидетельств еще не была завершена. Этим следовало воспользоваться, дабы, требуя от «продавцов» уплаты трехмиллионной неустойки за не-сданные заявки, одновременно заставить их получить шеры английской компании, минуя передачу им акций русского общества. В настоящее время, писал Шпис, «продавцы» (имеется в виду Стахеев) пользуются решающим влиянием на ход дел общества «Эмба-Каспий» благодаря своим представителям в правлении. Однако планы группы Стахеева идут значительно дальше. Настоятельное требование Стахеева о передаче ему 100 тыс. акций русского общества в случае исполнения означало бы, по мнению Шписа, не что иное, как сосредоточение в его руках поло-

²³ «Эмба-Каспиан ойл компани» была учреждена с основным капиталом 3210 тыс. ф. ст. (там же, д. 347, лл. 81—85).

²⁴ Там же, лл. 7—14.

²⁵ Там же, д. 354, лл. 142—145.

вины дела и полное подчинение участвующих в операции банков и английского общества.²⁶ Резюме письма было таково, что необходимо воспользоваться любыми мерами для изоляции группы Стахеева и улучшения финансового положения обществ, потерявших не без вины «продавцов» около полумиллиона фунтов стерлингов.²⁷

Однако устранить влияние группы Стахеева было нелегко, к тому же между Путиловым и Вышнеградским не было, по-видимому, единства мнений. Во всяком случае, влияние фирмы Стахеева сохранялось, правда, несколько ограниченное.

Промышленное освоение Эмбинского нефтяного района создало необходимость завоевания новых рынков сбыта, одним из которых являлся бассейн Волги. Сюда и устремились интересы Путилова и Стахеева. Одновременно с основанием нефтепромышленных компаний на Эмбе (1912—1913 гг.) на Волге было учреждено нефтеторговое общество. Мы имеем в виду Камско-Сибирское нефтепромышленное общество.²⁸

Однако с течением времени деятельность Камско-Сибирского общества уже не смогла удовлетворить возросшие потребности учредителей в сбыте нефти, ввиду чего в 1916 г. встал вопрос о необходимости создания новой торговой компании в том же волжском районе. С этой целью для покупки и торговли нефтью было основано Волжско-Бакинское торговое акционерное общество с основным капиталом в 1 млн руб.²⁹

Общество было учреждено С. Г. Лианозовым, но, по-видимому, к 1917 г. он переуступил свое участие Русско-Азиатскому банку. Из списка акционеров, датированного июлем 1916 г., мы узнаем, что в числе крупнейших держателей акций вновь выступает блок двух банков — Русско-Азиатского и Петербургского международного, первому из которых принадлежало 4850 акций, второму — 4600. В качестве директоров правления фигурировали неизменные В. Н. Троцкий-Сенютович, В. С. Завойко, П. П. Батолин.³⁰

Деятельность общества неуклонно расширялась, что привело к необходимости резкого увеличения капитала (до 10 млн руб.), о чем в июне 1917 г. ходатайствовало правление общества.³¹ Дополнительные средства были необходимы для приобретения неф-

²⁶ До выдачи правлением общества «Эмба-Каспий» Стахееву 100 тыс. акций он сохранял за собой право голоса лишь в размере 10% (там же, д. 354, л. 36).

²⁷ Там же, д. 353, лл. 295—310.

²⁸ Подробнее о деятельности Камско-Сибирского общества см. в нашей статье «Из истории образования концерна Стахеева» (Из истории империализма в России, стр. 107—108).

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 13, д. 458, лл. 22—24.

³⁰ Там же, лл. 46—47.

³¹ Там же, л. 38.

тяного отдела Восточного общества товарных складов, страхования и транспортировки товаров с выдачей ссуд, оцененного в 14 млн руб. К Волжско-Бакинскому обществу должны были перейти нефтеносные земли, специальные мастерские, склады, железнодорожные пути, вагоны-цистерны и нефтеналивной караван. Финансирование сделки принял на себя Русско-Азиатский банк.³²

Таким путем был приобретен необходимый нефтяной рынок. На примере внедрения в нефтяное производство мы видим как происходило сращивание банковского и промышленного капитала, завязывались личные унии банковских воротил и промышленных тузов, создавалась финансовая олигархия, сосредоточившая в своих руках контроль над жизненно важными отраслями экономики.

* *
*

Совсем иные взаимоотношения Русско-Азиатского банка и концерна Стахеева мы наблюдаем в годы войны. Легкость приобретения во время войны промышленных предприятий, возросшая инфляция, биржевой ажиотаж и прочие благоприятные условия исключали необходимость совместного выступления банка и концерна в торговых операциях, как было с хлебной торговлей. Значительно реже в годы войны Путилов и Стахеев выступают вместе в качестве учредителей новых акционерных обществ. Теперь преобладающей формой связи становится финансирование банком промышленных и торговых предприятий концерна.

Наиболее распространенным видом финансирования Русско-Азиатским банком подконтрольных концерну предприятий явилась организация банком гарантийных синдикатов для реализации новых выпусков акций обществ. Это явление мы наблюдаем в текстильной, маслостроительной промышленности, в ряде железнодорожных компаний и т. д.

Известно, что в годы войны финансовый капитал стал усиленно проникать в область текстильного производства. Для Русско-Азиатского банка, слабо финансировавшего ранее мануфактурные предприятия, сближение с концерном означало энергичное проникновение в новую для него отрасль легкой промышленности — текстильную. В свою очередь, поддержка банка, и прежде всего Путилова, помогла создать благоприятные условия для расширения деятельности концерна в этой области и пере-

³² ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 2, д. 254, лл. 1, 13.

хода от комиссионной торговли мануфактурными товарами к их непосредственному производству. Мы не располагаем достаточными данными для подробного рассмотрения этого вопроса, однако ряд фактов с несомненной убедительностью указывает на связь банка и концерна в этой отрасли экономики.

Переписка Русско-Азиатского банка сообщает нам сведения о том, что в 1912—1915 гг. Русско-Азиатский банк вместе с его ближайшим партнером Петербургским частным коммерческим банком приняли участие в синдикате для покупки и последующей продажи акций Российской бумагопрядильной мануфактуры.³³ Итог реализации акций был таков, что в начале 1917 г. контрольный пакет акций предприятия оказался в руках группы Стахеева.

Аналогичную картину мы наблюдаем в области маслособойного производства. Русско-Азиатский банк дважды участвовал в синдикатах для реализации и покупки акций общества волжских маслособойных заводов «Салолин».³⁴ Результатом синдикатских операций явился переход общества к маю 1917 г. к финансово-промышленной группе Путилова—Стахеева. Однако этим дело не ограничилось. С целью сосредоточения в руках группы значительно большего количества акций в сентябре того же года Русско-Азиатский банк принял участие в синдикате для скупки акций «Салолина» дополнительного выпуска.

По этому поводу пресса писала, что выпуск был проведен в интересах крупнейших акционеров общества, пользующихся солидной поддержкой банков, и вызвал резкий протест со стороны мелких акционеров. Любопытно, что банки отказались выдать рядовым акционерам ссуды под акции.³⁵

Зависимость общества от Русско-Азиатского банка усугублялась еще тем, что при помощи банка «Салолином» был приобретен крупный пакет акций Андреевского торгово-промышленного товарищества. Для оформления сделки банк выдал обществу ссуду около 1 млн руб. под залог паев Андреевского товарищества, т. е. фактически товарищество было приобретено «Салолином» на средства банка.³⁶

Русско-Азиатским банком был создан синдикат для покупки акций другого маслособойного предприятия — общества южных маслособойных и химических заводов «Саломас». В правлении общества находились доверенное лицо Стахеева П. П. Батолин и представитель банка Б. А. Гордон.³⁷

³³ Там же, д. 736, лл. 2—3, 8—9 и др.

³⁴ Там же, д. 759, лл. 1, 15—16, 137, 191; д. 760, л. 1.

³⁵ Коммерческий телеграф, 1917, 15 июня.

³⁶ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 2, д. 726, лл. 176—178; д. 760, лл. 1, 2, 39.

³⁷ Там же, д. 758, лл. 1—4; ф. 23, оп. 14, д. 742, л. 13.

Путем синдикатских операций Русско-Азиатскому банку удалось установить контроль над тремя среднеазиатскими магистралями, перешедшими в 1917 г. к товариществу «И. Стахеев и К^о».

Как известно, Путилов являлся учредителем общества Семиреченской ж. д. и в течение длительного периода между ним и управлением дороги велись расчеты за переданное обществу имущество. В 1911—1913 гг. Русско-Азиатский банк участвовал в синдикате банков для реализации акций дороги. К сентябрю 1917 г. банку принадлежало 26 446 акций общества Семиреченской ж. д. из 50 720 акций.³⁸ К началу 1918 г. все основные функции по финансированию дороги перешли к товариществу Стахеева. Безусловно, значительная часть огромных финансовых средств, вкладываемых концерном в строительство и снабжение дороги, перекачивалась Стахеевым от одного из главных кредиторов дороги — Русско-Азиатского банка.

Анализ документов показывает, что вовлечение в сферу влияния монополии Стахеева Ферганской и Бухарской железных дорог явилось непосредственным итогом утверждения контроля Русско-Азиатского банка над упомянутыми железнодорожными линиями. В сентябре 1913 г. банк принял на себя реализацию акций и облигаций Ферганской дороги и приобрел крупный пакет акций общества. В 1913—1916 гг. банк являлся основным кредитором общества Ферганской ж. д.³⁹ В 1917 г. дорога перешла к концерну Стахеева.

Аналогичным путем контроль концерна был распространен на общество Бухарской ж. д. В марте 1913 г. Русско-Азиатский банк принял на себя роль организатора синдиката банков для финансирования строительства дороги. В результате размещения акций в руках банка оказалось $\frac{1}{3}$ акций в количестве 10 435 акций.⁴⁰ В 1915 г. с разрешения министра финансов банком был открыт обществу Бухарской ж. д. шестимиллионный вексельный кредит. Любопытно, что правительство распорядилось выдать Русско-Азиатскому банку из казны ссуду в счет открытого обществу кредита. Государственному банку надлежало принять к переучету векселя общества, учтенные в Русско-Азиатском банке, на сумму 6 млн руб.⁴¹ В ноябре 1916 г. крупный пакет акций дороги (3 тыс.) перешел к Стахееву.⁴²

³⁸ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 2, д. 1046, лл. 344—345.

³⁹ Там же, д. 1068, лл. 1, 5 и др.

⁴⁰ Там же, д. 941, лл. 15—16; д. 942, л. 2.

⁴¹ Там же, д. 941, л. 46.

⁴² Там же, д. 942, лл. 82—83

Известно, что для всех крупных русских коммерческих банков характерным моментом явилось некоторое сокращение в годы войны операций промышленного кредита за счет увеличения всех видов финансовых операций (создания синдикатов для покупки и реализации акций предприятий, санирование предприятий, превращение единоличных фирм в акционерные и т. д.). Тем не менее промышленный кредит продолжал оставаться важным явлением в отношениях Русско-Азиатского банка к подконтрольным Стахееву предприятиям.

Обычно незадолго до вовлечения определенной промышленной фирмы под контроль стахеевской монополии Русско-Азиатский банк начинал энергично кредитовать ее и тем самым усиливал финансовую зависимость предприятия от банка. Прямым следствием этого являлась передача патронируемого банком предприятия концерну. Это явление характерно для общества Московско-Казанской ж. д.,⁴³ общества Северо-Донецкой ж. д., некоторых текстильных предприятий.⁴⁴

Русско-Азиатский банк являлся крупнейшим кредитором общества Северо-Донецкой ж. д., о чем убедительно свидетельств-

⁴³ См. нашу статью «Из истории образования концерна Стахеева» (Из истории империализма в России, стр. 117—118).

⁴⁴ В ряде случаев присоединение отдельных предприятий происходило формальным путем, а именно путем подчинения концерну фирм-патронов. Так, с присоединением Московско-Казанской ж. д. к группе Путилова—Стахеева удалось распространить контроль на общество Волго-Бугульминской ж. д., к которому Стахеев испытывал особый интерес и подчинить которое пытался не один раз. Еще в 1914 г. товарищество «И. Стахеев и К^о», Камско-Вятское торговое товарищество и ряд других елабужских фирм обратились к правительству с ходатайством о строительстве железной дороги от Бугульмы к богатому хлебному селу Челны, где в течение сезона закупалось до 8 млн пуд. хлеба (ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 10, д. 54, лл. 184—188, 195—198, 244). Однако истинная цель прошения вскоре стала ясна, вследствие направленного в Министерство торговли и промышленности потока писем представителей местных деловых и официальных кругов, разоблачавших намерения просителей (там же, лл. 200, 201). В представлении министра финансов совету министров от 27 мая 1914 г. за подписью министра путей сообщения С. В. Рухлова и министра финансов П. Л. Барка указывалось, что елабужские и челнинские хлеботорговцы-монополисты стремятся удержать население в кабальной зависимости и требуют проведения трассы, которая позволила бы им закупать зерно у местного населения по низкой цене (там же, л. 209). Однако в то время ходатайство Стахеевых (помимо И. И. Стахеева в ходатайстве принял участие крупный елабужский хлеботорговец, член Государственного совета Ф. В. Стахеев) удовлетворено не было. Но в 1917 г. положение изменилось, и присоединение дороги к концерну оказалось делом не столь трудным и в значительной степени формальным, ибо к этому времени контрольный пакет акций общества Волго-Бугульминской ж. д. принадлежал уже обществу Московско-Казанской ж. д.

вует открытие обществу в 1917 г. шестимиллионного кредита на трехгодичный срок.⁴⁵ К этому времени в руках банка находился один из крупных пакетов акций общества (более 4 тыс. акций).⁴⁶

К сожалению, нами не найдено документальных данных, подтверждающих утверждение организаторов концерна и версию «Коммерческого телеграфа» о присоединении общества Северо-Донецкой ж. д. к группе Путилова—Стахеева, но, учитывая осведомленность газеты и сопоставляя некоторые факты, в частности переход к лету 1917 г. значительных количеств акций дороги к близким Путилову и Стахееву лицам — М. С. Залшупину и Л. В. Немировскому,⁴⁷ можно признать достоверными сведения газеты.⁴⁸ Тот же «Коммерческий телеграф» писал, что синдикат Путилова—Стахеева—Батолина имеет свою «стаю» маклеров во главе с Залшупиным и Немировским, активно участвующую во всевозможных спекулятивных сделках и аферах.⁴⁹

Финансовая зависимость подконтрольных концерну предприятий от Русско-Азиатского банка проявлялась и во многих других формах, чему немало способствовала личная уния руководителей банка и концерна, а также чрезвычайно распространенное явление в дни войны — так называемая «система участия». Очень

⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 2, д. 1045, лл. 8—9.

⁴⁶ Торгово-промышленная газета, 1917, 22 июня/5 июля; Коммерческий телеграф, 1917, 24 июня.

⁴⁷ В июле 1917 г. Залшупин владел 2750 акциями, Немировский — 1950 акциями общества Северо-Донецкой ж. д. Торгово-промышленная газета, 1917, 22 июня/5 июля; Коммерческий телеграф, 1917, 24 июня. К роли М. С. Залшупина и Л. В. Немировского в качестве агентов концерна Путилова—Стахеева следует относиться с некоторой осторожностью. Дело в том, что руководители Петроградского частного коммерческого банка Залшупин и Немировский в ряде случаев выступали в качестве самостоятельных финансовых дельцов, независимых и даже обособленных от финансово-капиталистической группы Путилова—Стахеева. Однако в данном случае, учитывая связь Петроградского частного банка с Русско-Азиатским банком и переход Северо-Донецкой ж. д. от Русско-Азиатского банка к концерну через посредство Залшупина и Немировского, у нас есть все основания характеризовать их в качестве агентов Путилова и Стахеева.

⁴⁸ Московская газета «Коммерческий телеграф» отличается обилием фактического материала о деятельности военно-инфляционных концернов и банковских групп в период войны, в частности, о деятельности концерна Стахеева. Интерес газеты к группе Стахеева объясняется, очевидно, необычайно широким размахом операций концерна и его тесными связями с крупнейшими русскими банками. Правда, следует учитывать неприязненное отношение «Коммерческого телеграфа», за спиной которого стоял крупный московский капитал, к петербургским банковским монополиям. Тем не менее достоверность значительной части сообщенных газетой сведений о связи концерна Стахеева с Русско-Азиатским банком подтверждается документами.

⁴⁹ Коммерческий телеграф, 1917, 9 августа.

часто «система участия» скрывала за собой одновременное присутствие в правлении того или иного общества представителей банка и концерна, т. е. двойной контроль. Этот момент характерен для общества южных маслобойных и химических заводов «Саломас», Истомкинской мануфактуры, Русско-Азиатского хлопкового товарищества и многих других предприятий.

Однако иногда переплетение различных форм связи банка с концерном по отношению к одному и тому же предприятию было настолько сложно и завуалировано, что становится чрезвычайно трудно нащупать ту основную линию, которая определяла характер их взаимоотношений в интересующем нас аспекте. Это характерно, в частности, для общества Выксунских горных заводов.

Известно, что после длительных и бесплодных попыток решить вопрос о передаче Выксунских заводов какой-либо крупной частной фирме Особое правление заводов высказалось за переход Выксунского имения к казне. На основании купчей крепости от 29 мая 1917 г. заводы перешли к Министерству путей сообщения за сумму 8415 тыс. руб. Однако под давлением концерна (здесь, видимо, сыграла свою роль поддержка банка) в сентябре было учреждено и в ноябре 1917 г. открыло действия новое акционерное общество Выксунских заводов с основным капиталом в 25 млн руб., к которому от Министерства путей сообщения перешло Выксунское горнозаводское имение. Общество контролировалось концерном Стахеева, представителем которого в правлении являлся Ю. Ю. Гусарский. Тогда же Русско-Азиатским банком был открыт текущий счет обществу и отнесены в кредит общества Выксунских заводов переведенные Волжско-Камским коммерческим банком 6.25 млн руб. Эта сумма, являвшаяся частью собранного от размещения акций капитала, была внесена в Волжско-Камский банк, причем в оправдание были представлены письма товарищества Стахеева и чек Русско-Азиатского банка.⁵⁰

* *

*

На примере взаимоотношений концерна Стахеева с Русско-Азиатским банком мы наблюдаем сложные связи, характерные для финансового капитала. Банк становится совладельцем промышленных предприятий концерна, а организаторы монополии приобретают акции банка. Возникающая «личная уния» банковских и промышленных воротил позволяла им устанавливать контроль над десятками промышленных и торговых предприятий, ис-

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 2, д. 389, лл. 1—5.

пользовать капиталы средних и мелких собственников, разорять их, эксплуатировать трудящиеся массы во имя обеспечения за собой максимальных прибылей.⁵¹

Как выше указывалось, усиленная поддержка Русско-Азиатским банком экспансионистских стремлений концерна преследовала двойную цель. Уже упоминалось о том, что, расширяя сферу деятельности концерна Стахеева, Русско-Азиатский банк открывал для себя широкую возможность внедрения в новые для него отрасли промышленности. В то же время стремительное повышение удельного веса промышленно-финансовой группы Стахеева означало усиление группировавшихся вокруг Путилова сил, готовых поддержать его начинания и тем самым укрепить его собственные позиции в банке. Но Русско-Азиатский банк не только финансировал, он и контролировал.

Финансовый контроль позволил при наличии сравнительно ограниченных средств, вложенных в акционерные предприятия, подчинить банку и стоящим во главе его магнатам капитала целые комплексы разнородных, разнообразных, часто не связанных

⁵¹ Погоня за прибылью толкала руководителей Русско-Азиатского банка и концерна к осуществлению самых невероятных сделок. Во всяком случае, ничем иным, кроме стремления нажиться на военных поставках, нельзя объяснить соглашение правления Русско-Азиатского банка с И. И. Стахеевым о покупке 500 тыс. ружей системы Маузера в Южной Америке. Из переписки Русско-Азиатского банка с Главным артиллерийским управлением и товариществом «И. Стахеев и К^о» мы узнаем, что в сентябре 1915 г. И. И. Стахеев предложил Главному артиллерийскому управлению взять на себя роль поставщика американских ружей. Все финансовые операции, связанные с покупкой и отправкой груза, гарантировали Лондонское отделение Русско-Азиатского банка и связанные с ним английские посредники. Расчет военного ведомства с продавцами оружия должен был производиться через Лондонское отделение банка. Для обеспечения сделки товарищество Стахеева, являвшееся формально покупателем, и продавцы оружия решили внести в Русско-Азиатский банк равные залоги по 10 тыс. ф. ст. каждый. По договору с Русско-Азиатским банком товарищество Стахеева, в случае осуществления сделки, должно было передать Банку $\frac{1}{5}$ полученной от операции прибыли. Покупка ружей должна была производиться в строжайшем секрете, с соблюдением всех правил конспирации и без представления посланного на место агента Стахеева местным властям. Известно, что в сентябре 1915 г. Особое совещание при военном ведомстве постановило поручить Главному артиллерийскому управлению заключить контракт с фирмой Стахеева о покупке ружей, но, ввиду принятого Главным артиллерийским управлением решения об отсрочке приобретения оружия, дело осталось незаконченным (там же, д. 1013, лл. 6—7, 9, 17). Несмотря на безрезультатность попытки, сам факт подготовки столь необычной операции представляет для нас известный интерес с точки зрения совпадения интересов концерна и банка в самых неожиданных областях и еще раз свидетельствует о необузданных аппетитах заправил концерна и банка, принимающих за любые прибыльные операции, не имеющие никакого отношения к сфере их деятельности.

между собою в производственном отношении акционерных компаний. Таким образом, единством финансового контроля и управления все это огромное комбинированное объединение превратилось в нечто целое, единое, но одновременно состоящее из формально независимых друг от друга предприятий. В. И. Ленин писал: «Крупные предприятия, банки в особенности, не только прямо поглощают мелкие, но и „присоединяют“ их к себе, подчиняют их, включают в „свою“ группу, в свой „концерн“ — как гласит технический термин — посредством „участия“ в их капитале, посредством скупки или обмена акций, системы долговых отношений и т. п. и т. д.»⁵²

Выше отмечалось, что столь активная и действенная роль Русско-Азиатского банка в качестве финансового руководителя стахеевского объединения в значительной мере порождалась личной заинтересованностью А. И. Путилова в создании вокруг банка новой сильной финансовой группы. Путилов весьма преуспел в этой области.

Из опубликованного в «Торгово-промышленной газете» отчета годового общего собрания акционеров Русско-Азиатского банка видно, что к июню 1916 г. товариществу «И. Стахеев и К^о» и его представителю Батолину принадлежало 4 тыс. акций банка.⁵³ Приблизительно в мае 1917 г. Батолин был выдвинут Путиловым в члены правления банка, и тогда же в руках группы Стахеева оказался крупный пакет акций банка, приобретенный с ведома и согласия Путилова.

Заинтересованность Путилова в создании сильной банковской группы способствовала созданию своего рода «зеленой улицы» для проникновения представителей концерна в правление Русско-Азиатского банка. Ради этого Путилов жертвовал контролем банка пад табачной промышленностью, который осуществлялся в лице Гордона.⁵⁴ С этой же целью из состава правления банка был выведен В. Ф. Давыдов, дабы освободить место Батолину. В письме Верстрата Давыдову, написанном незадолго до избрания Батолина в члены правления банка, Верстрат писал о затруднительном положении, в котором оказалось правление банка вследствие ухода Гордона и длительного отсутствия Давыдова. По словам Верстрата, единственным и целесообразным выходом из создавшегося положения совет Банка считал отказ Давыдова от должности члена правления, что Давыдову и

⁵² В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Сочинения, т. 22, изд. 4-е, стр. 200.

⁵³ Торгово-промышленная газета, 1916, 15/28 июня.

⁵⁴ См.: И. Ф. Гиндин и Л. Е. Шепелев. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 37.

было предложено.⁵⁵ Таким образом, был открыт путь представителям группы Стахеева в правление банка.

В дальнейшем связи банка с концерном крепились, усиливалась и роль Стахеева, в руках которого сосредоточилось значительное количество акций банка.

Из списка акционеров Русско-Азиатского банка, приложенного к протоколу общего собрания акционеров 12/25 июня 1917 г., мы узнаем, что из представленных 65 894 акций товариществу «И. Стахеев и К^о» принадлежало 7 тыс. акций, И. И. Стахееву — 6 тыс., его ближайшим помощникам — П. Батолину — 1 тыс., М. Миллеру — 100 акций, П. Киясову — 100 акций. Таким образом, в руках Стахеева находилось свыше 14 тыс. акций банка, что составило более $\frac{1}{5}$ всего собранного к заседанию акционерного капитала. Прочими крупными акционерами банка к тому времени являлись Ростовский-на-Дону купеческий банк, незадолго до того обменявшийся пакетами акций с Русско-Азиатским банком и представивший 11.7 тыс. акций, и Сибирский торговый банк, владевший 10.4 тыс. акций.⁵⁶

Между тем в 1917 г. акционерный капитал Русско-Азиатского банка составил 55 млн руб. Если учесть, сколь значительное место в акционерном капитале банка было уделено иностранному капиталу, в том числе французскому,⁵⁷ то, по сведениям И. Ф. Гиндина, оказывается, что русский капитал в банке составлял всего 21%, т. е. 115 500 акций.⁵⁸ Принадлежавшие Стахееву из этого количества 14 тыс. акций означали сосредоточение в его руках 8.25% всех русских капиталовложений.

Таким образом, мы видим, что к июлю 1917 г. группа Стахеева явилась одним из крупных русских держателей акций Русско-Азиатского банка и самым значительным акционером из

⁵⁵ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 7, д. 184, лл. 28—29.

⁵⁶ Там же, оп. 1, д. 76, лл. 3—25.

⁵⁷ По подсчетам П. В. Оля, на 1914 г. французский капитал в Русско-Азиатском банке составил 60%. По-видимому, данные Оля несколько преувеличены (см.: П. В. Оля. Иностранные капиталы в России. Пгр., 1922, стр. 146—250). Исследования И. Ф. Гиндина показали, что к 1916—1917 гг. французские капиталовложения в Русско-Азиатском банке не превышали 36 млн руб. (И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки. М., 1948, стр. 371).

⁵⁸ Там же. Следует при этом отметить, что в период войны непосредственная роль иностранного капитала, в том числе французского, в деятельности Русско-Азиатского банка значительно ослабла. Это было связано с ослаблением, а частью и прекращением связи французских финансовых кругов с русской промышленностью. Однако это не означало падения роли французского капитала в качестве кредитора русского правительства, ибо зависимость царского самодержавия от иностранных, в том числе французских, капиталов резко возросла, и в этом смысле французский капитал продолжал оказывать значительное влияние на развитие русской экономики.

представивших акции к общему собранию. В смысле же персонального владения акциями И. И. Стахеев являлся единственным в своем роде владельцем огромного количества акций банка. Естественно, что подчинение Стахееву значительной части акционерного капитала банка способствовало усилению влияния группы Путилова—Стахеева в банке и создавало благоприятные условия для использования банковских средств и связей в агрессивных, хищнических планах заправил концерна.

Анализ документальных источников свидетельствует о том, что военно-инфляционный концерн Стахеева, представлявший собою крупнейшее монополистическое объединение периода первой мировой войны, мог развернуть столь широкую экспансионистскую деятельность, внедриться в различные отрасли экономики, в значительной степени подчинить их своему влиянию и занять одно из ведущих мест в общественном производстве страны только при активной поддержке Русско-Азиатского банка и главы его Путилова, являвшегося душой и инициатором многих начинаний концерна. Только с помощью Русско-Азиатского банка заправила концерна смогли заключать выгодные сделки, всевозможные финансовые комбинации и спекулятивные операции, преследовавшие одну цель — получение баснословных прибылей и тем самым закрепление господства финансовой олигархии в стране.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОСТАВ КОНЦЕРНА И. СТАХЕЕВА К КОНЦУ 1917 г.¹

Металлургические предприятия		Акционерный капитал (в млн руб.)
1. Товарищество Алапаевских горных заводов наследников С. С. Яковлева, 1908 г.*		5.9
2. Акционерное общество Выксунских заводов, 1917 г. ²		25.0
Нефтяная промышленность ³		
3. Волжско-Бакинское торговое акционерное общество, 1916 г.*		1.0

¹ Финансируемые Русско-Азиатским банком в 1917 г. предприятия концерна отмечены звездочкой. Другие предприятия концерна в 1917 г. финансировались в основном Петроградским международным банком, Волжско-Камским коммерческим, Соединенным, Русским для внешней торговли и Сибирским торговыми банками. После названия предприятия указан год его образования. — Капитал торгово-промышленного товарищества «И. Стахеев и К^о» составлял к концу 1917 г. 2.5 млн руб., торгового дома «И. Г. Стахеев» — 7 млн руб.

² К открытию действий общества (ноябрь 1917 г.) был собран основной капитал в сумме 16 707 500 руб. (ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 2, д. 389, л. 3).

³ В состав нефтяных предприятий концерна мы не включаем Русскую генеральную нефтяную корпорацию в Лондоне (Russian General Oil Cor-

4. Камско-Сибирское нефтепромышленное акционерное общество, 1913 г.*	2.0
5. Нефтепромышленное и торговое акционерное общество «Эмба», 1912 г.*	6.0
6. Нефтепромышленное акционерное общество «Эмба-Каспий», 1913 г.*	14.0
7. Акционерное общество подсобных предприятий Эмбинского района, 1915 г.	0.2

Текстильная промышленность

8. Товарищество Истомкинской мануфактуры С. М. Шибаяева сыновей, 1905 г.	4.2
9. Товарищество Северо-Горкинской мануфактуры, 1879 г.	2.0
10. Товарищество Шуйской мануфактуры, 1883 г.	5.0
11. Компания Петровской бумагопрядильной и ткацкой фабрики, 1852 г.	1.2
12. Товарищество Российской бумагопрядильной мануфактуры, 1895 г.*	5.25
13. Товарищество Североткацкой мануфактуры, 1894 г.	1.25
14. Товарищество Спасской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры, 1852 г.	0.8
15. Общество Триумфальной бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры, 1884 г.	0.5
16. Товарищество Шлиссельбургской ситценабивной мануфактуры, 1865 г. ⁴	1.2

Хлопковая промышленность

17. Русско-Азиатское хлопковое акционерное общество, 1916 г.*	1.0
18. Акционерное общество «Фергана», 1915 г.	2.5

Лесная и деревообрабатывающая промышленность

19. Батолинское лесопромышленное общество, 1917 г.	—
--	---

Маслобойная промышленность

20. Волжское акционерное общество маслобойных и химических заводов «Салолин», 1910 г.*	10.0
21. Акционерное общество южных маслобойных заводов «Саломас», 1913 г.*	6.5

poration), ввиду не выясненности характера взаимоотношений концерна с обществом. Однако сам факт связи не вызывает сомнений, свидетельством чему является выдвижение П. П. Батолина на пост одного из директоров общества. Русская генеральная нефтяная корпорация была основана в 1912 г. с акционерным капиталом 25 млн ф. ст. Общество контролировало 19 нефтепромышленных и нефтеторговых предприятий с суммой основных капиталов в 100.6 млн руб.

⁴ Кроме того, в 1917 г. концерну удалось присоединить крупную мануфактурную фирму А. Ф. Бакакина в Златоусте.

Пищевая промышленность

22. Охотско-Амурское рыбопромышленное общество, 1917 г.	5.0
--	-----

Мукомольная промышленность

23. Камско-Вятское торговое товарищество, 1913 г. . .	0.5
24. Соединенное общество сельского хозяйства и тор- говли в г. Кирсанове, 1916 г.	0.5
25. Акционерное общество торговли и промышленности на юге России, 1917 г.	0.5
26. Акционерное общество Казанских мельниц	—
27. Акционерное общество «Колос», 1916 г.	0.6
28. Акционерное общество «Рожь»	—

Бумажно-полиграфическая промышленность

29. Акционерное общество Российской писчебумажной фабрики в Петрограде, 1913 г.*	4.5
30. Акционерное общество Русского издательского дела «Печать»	—

Транспортно-складские предприятия

31. Петроградское международное общество погрузоч- ных средств и складочных помещений, 1910 г.* ⁵	1.5
32. Южно-Русское общество плавучих элеваторов, 1896 г.*	0.3
33. Балтийско-портовое акционерное общество погрузоч- ных средств и складочных помещений	—

Страховые общества

34. Российское 2-е страховое от огня акционерное обще- ство, 1835 г.*	2.5
--	-----

Железно-дорожные общества

35. Бухарской ж. д., 1913 г.*	3.12
36. Волго-Бугульминской ж. д., 1899 г.	5.59
37. Московско-Казанской ж. д., 1892 г.*	10.0
38. Северо-Донецкой ж. д., 1908 г.*	10.0
39. Семиреченской ж. д., 1912 г.*	4.84
40. Ферганской ж. д., 1917 г.*	3.1
41. Южно-Сибирской ж. д., 1917 г.*	4.0

⁵ Одновременно общество входило в состав концерна Гессена—Демкина.

СПИСОК АРХИВНЫХ ФОНДОВ, ОБОЗНАЧЕННЫХ В ТЕКСТЕ НОМЕРАМИ

Центральный государственный исторический архив в Ленинграде

- Ф. 20 Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов.
- Ф. 22 Центральные учреждения по части торговли и промышленности.
- Ф. 23 Министерство торговли и промышленности.
- Ф. 32 Совет съездов представителей промышленности и торговли.
- Ф. 37 Горный департамент (в 1874—1905 гг. Министерства государственных имуществ, с 1905 г. Министерства торговли и промышленности).
- Ф. 40 «Всеподданнейшие» доклады по части торговли и промышленности и торговые договоры с иностранными государствами (коллекция).
- Ф. 65 Акционерное общество Лысенского горного округа наследников П. П. Шувалова.
- Ф. 74 Акционерное общество Нижне-Тагильских и Луньевских горных заводов наследников П. П. Демидова Сан-Дonato.
- Ф. 92 Особое совещание по топливу.
- Ф. 95 Отделы торгового мореплавания и торговых портов (до 1905 г. Министерства финансов, затем Министерства торговли и промышленности).
- Ф. 98 Пароходное общество «Добровольный флот».
- Ф. 104 Акционерное общество «Русское Восточно-Азиатское пароходство».
- Ф. 107 Русское общество пароходства и торговли.
- Ф. 174 Департамент шоссейных и водяных сообщений Министерства путей сообщения.
- Ф. 229 Канцелярия министра путей сообщения.
- Ф. 268 Департамент железнодорожных дел Министерства финансов.
- Ф. 323 Правление общества Китайско-Восточной железной дороги.
- Ф. 560 Общая канцелярия министра финансов.
- Ф. 563 Комитет финансов.
- Ф. 574 Департамент неокладных сборов.
- Ф. 575 Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей.
- Ф. 587 Государственный банк.
- Ф. 588 Петроградская контора Государственного банка.
- Ф. 595 Волжско-Камский коммерческий банк.
- Ф. 600 Учетно-ссудный банк Персии.
- Ф. 622 Московский промышленный банк.
- Ф. 626 Петроградский международный коммерческий банк.
- Ф. 632 Русско-Азиатский банк.
- Ф. 634 Русский торгово-промышленный банк.
- Ф. 728 Филипповы.
- Ф. 880 Абамелек-Лазаревы.
- Ф. 1044 Сабуровы.
- Ф. 1152 Департамент экономии Государственного совета.
- Ф. 1237 Предварительное совещание для обсуждения вопросов по финансовым, промышленным и хозяйственным предприятиям России на Дальнем Востоке.

- Ф. 1263 Комитет министров.
Ф. 1276 Совет министров.
Ф. 1284 Департамент общих дел Министерства внутренних дел.
Ф. 1346 Второй (апелляционный) департамент сената.
Ф. 1458 Товарищество нефтяного производства «Братья Нобель».

Центральный государственный исторический архив в Москве

- Ф. 543 Царскосельский дворец.
Ф. 579 П. Н. Милюков.

Центральный государственный военно-исторический архив

- Ф. 4 (л) Главное управление казачьих войск.

Центральный государственный архив военно-морского флота

- Ф. 417 Главный морской штаб.

**Центральный государственный архив Октябрьской революции
и социалистического строительства СССР**

- Ф. 3 Канцелярия министра — председателя Временного правительства.
Ф. 6 Канцелярия Временного правительства.
Ф. ПОЗФ Петроградское общество заводчиков и фабрикантов.

Центральный государственный исторический архив Азербайджанской ССР

- Ф. 92 Кавказское горное управление.
Ф. 798 Бакинское отделение товарищества нефтяного производства
«Братья Нобель».

Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР

- Ф. 13 Канцелярия наместника на Кавказе.

Центральный государственный архив Аджарской АССР

- Ф. 5 Акцизный надзиратель 8 округа Закавказского края и Закаспий-
ской области.

Государственный архив Чечено-Ингушской АССР

- Ф. 12 Англо-Русское Максимовское нефтепромышленное общество.
Ф. 14 2-й округ Акцизного управления Терской и Дагестанской областей.

Государственный исторический архив Московской области

- Ф. 143 Московский биржевой комитет.

Государственный архив Свердловской области

- Ф. 3 Екатеринбургский биржевой комитет.
Ф. 24 Уральское горное правление.
Ф. 94 Екатеринбургское отделение Государственного банка.

Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР

- Ф. 202 К. А. Скальковский.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР	— Архив внешней политики России.
АРМО	— Англо-Русское Максимовское нефтепромышленное общество.
БНИТО	— Бакинское нефтепромышленное и торговое общество.
ГТПБ	— Грозненский торгово-промышленный бюллетень.
Доброфлот	— Пароходное общество «Добровольный флот».
ГАСО	— Государственный архив Свердловской области.
ГАЧИ АССР	— Государственный архив Чечено-Ингушской АССР.
ГИАЛО	— Государственный исторический архив Ленинградской области.
ГИАМО	— Государственный исторический архив Московской области.
Земгор	— Комитет Всероссийского земского и городского союзов.
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории.
МВД	— Министерство внутренних дел.
МГИ	— Министерство государственных имуществ.
МИД	— Министерство иностранных дел.
МКНПР	— Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883—1914. Документы и материалы. М.—Л., 1961.
МПС	— Министерство путей сообщения.
МТиП	— Министерство торговли и промышленности.
МФ	— Министерство финансов.
РОПиТ	— Русское общество пароходства и торговли.
ЦВПК	— Центральный военно-промышленный комитет.
ЦГА Адж. АССР	— Центральный государственный архив Аджарской АССР.
ЦГАОР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР.
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив.
ЦГАВМФ	— Центральный государственный архив военно-морского флота.
ЦГИА Азерб. ССР	— Центральный государственный исторический архив Азербайджанской ССР.
ЦГИА Груз. ССР	— Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР.
ЦГИАЛ	— Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде.
ЦГИАМ	— Центральный государственный исторический архив в Москве.
ЦИК	— Центральный исполнительный комитет.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	Стр. 3
-----------------------	-----------

Статьи

А. А. Фурсенко. Первый нефтяной экспортный синдикат в России (1893—1897 гг.)	4
В. А. Нардова. Монополистические тенденции в нефтяной промышленности в 80-х годах XIX в. и проблема транспортировки нефтяных грузов	59
С. И. Потолов. Начало монополизации грозненской нефтяной промышленности (1893—1903 гг.)	94
М. П. Вяткин. Платино-промышленная анонимная компания.	142
Л. Е. Шепелев. Акционерная статистика в дореволюционной России	165
В. С. Дякин. Из истории проникновения иностранных капиталов в электропромышленность России («Большой русский синдикат 1899 г.»)	208
П. В. Волобуев. Монополистическая буржуазия и Временное правительство	240
Б. В. Ананьич. Учетно-ссудный банк Персии в 1894—1907 гг.	274
Р. Ш. Ганелин. Попытки развития экономических связей между Россией и странами Латинской Америки в конце XIX—начале XX в.	315

Сообщения

А. И. Буковецкий. «Свободная наличность» и золотой запас царского правительства в конце XIX—начале XX в.	359
Ю. Б. Соловьев. Петербургский международный банк и французский финансовый капитал в годы первого промышленного подъема в России (образование и деятельность «Генерального общества для развития промышленности в России»)	377
Т. М. Китанина. Русско-Азиатский банк и концерн И. Стахеева	408
Список архивных фондов	431
Список сокращений	433

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

В магазинах конторы «АКАДЕМКНИГА»

имеются в продаже книги:

Из истории империализма в России. Труды Ленинградского отделения Института истории. Вып. 1. 1959. 458 стр. Цена 2 р. 04 к.

Статьи: Из истории монополизации угольной промышленности Донбасса в конце XIX в.; Формирование финансового капитала в судостроительной промышленности юга России; Табачный и питочный тресты; Государственный банк и Зеркальный синдикат; Из истории образования концерна Стахевеа; Акционерное учредительство в России и другие статьи.

Империализм и борьба рабочего класса. Сборник статей памяти академика Ф. А. Ротштейна. 1960. 507 стр. Цена 2 р. 95 к.

Среди статей: Из истории английской колониальной политики XIX в.; Борьба держав в Китае и английский империализм (1900—1901 гг.); Создание Британской южноафриканской компании; Проникновение германских монополий в Египет; Экспорт капитала и колониальная эксплуатация Египта в 1882—1913 гг.; Англо-русские противоречия в Иране накануне первой мировой войны; Октябрьская революция и английская буржуазная печать; От Лозанны к Монтре; Англия и Балканский блок (1924—1927 гг.); Попытка англо-германского сговора в марте 1939 г.

Ротштейн Ф. А. (акад.) Международные отношения в конце XIX века. 1960. 705 стр. Цена 4 р. 14 к.

Капитальное исследование истории международных отношений последнего десятилетия XIX века. Труд Ф. А. Ротштейна охватывает широкий круг вопросов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

В магазинах конторы «АКАДЕМКНИГА»

имеются в продаже книги:

Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. В двух частях.

Часть первая. 1957. 692 стр. Цена 3 р. 26 к.

Часть вторая. 1957. 634 стр. Цена 2 р. 99 к.

Сборник документов содержит следующие разделы: Промышленные и банковские монополии; Экономическая программа русской империалистической буржуазии и Временного правительства; Экономическая политика империалистической буржуазии и Временного правительства; Разруха промышленности; Развал транспорта; Расстройство финансов; Финансово-экономические отношения России со странами Антанты.

*Ваши заказы на книги просим направлять
по следующим адресам:*

Москва, К-12, Б. Черкасский пер., 2/10 (Контора «Академкнига», отдел «Книга—почтой»); **Москва**, ул. Горького, 6 (магазин № 1); **Москва**, 1-й Академический проезд, 55/5 (магазин № 2); **Ленинград**, Д-120, Литейный пр., 57; **Свердловск**, ул. Белинского, 71в; **Киев**, ул. Ленина, 42; **Харьков**, Горяиновский пер., 4/6; **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 129; **Ташкент**, ул. Карла Маркса, 29; **Баку**, ул. Джапаридзе, 13.

*При получении Вашего заказа книги будут направлены
в Ваш адрес наложенным платежом. Пересылка за счет
заказчика.*

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
4	8 сверху	которых	которого
42	8 снизу	печь петролио».	пель петролио».
47	5 »	сообщал	сообщать
59	13 сверху	в 1800 г.	в 1880 г.
163	14 снизу	52 405 руб.,	55 405 руб.,
201	4—5 »	И. С. Авдаков	Н. С. Авдаков
289	12—13 »	задание	заседание
295	14 сверху	для России	для Персии
315	10 »	не входящими	не входившими
318	18 »	причем	прием
345	5 снизу	его	свою

Монополии и иностранный капитал в России.